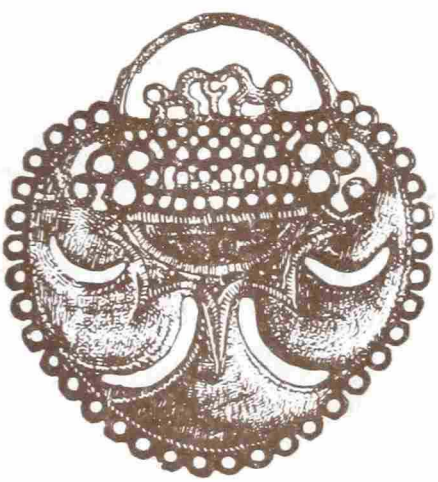
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



3

1981

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3
1981

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)
И. И. Артеменко, Н. Н. Гурина,
В. И. Козенкова (отв. секретарь), *Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин,*
Л. Р. Кызласов, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
А. П. Окладников, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева (зам. главного редактора),
А. А. Формозов

СОДЕРЖАНИЕ

Третьяков В. П. (Ленинград). Орудия труда верхнеднепровской неолитической культуры 5
Мамонтов В. И. (Волгоград). О раннесрубных памятниках Волго-Донского междуречья 16
Козенкова В. И. (Москва). О границах западного варианта кобанской культуры 29
Раевский Д. С. (Москва). Куль-обские лучники 44
Ольховский В. С. (Москва). Население Крыма по данным античных авторов 52
Рябинин Е. А. (Ленинград). О средневековых древностях Заволочья (по находкам в бассейне Кокшеньги) 66
Павлова К. В. (Ленинград). Оборонительные сооружения городища Осовик 73
Янин В. Л. (Москва). К истории так называемого «дома Марфы Посадницы» в Новгороде 85
Формозов А. А. (Москва). Собиратели каменных орудий в России в середине XIX века 97

Публикации

Зайберт В. Ф., Потемкина Т. М. (Петропавловск, Москва). К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья 107
Гусенцова Т. М. (Ленинград). Новые мезолитические поселения в междуречье Камы и Вятки 130
Кореневский С. Н. (Москва). Химический состав бронзовых изделий из Тлийского могильника 148
Белов Г. Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи 163
Михлин Б. Ю. (Донецк). Раскопки некрополя Керкинитиды в 1975 г. . . . 181
Смирнова Г. И. (Ленинград). Могильник типа Поянешты — Лукашевка у с. Долиняны на Буковине 193
Старостин П. Н., Хомутова Л. С. (Казань, Москва). Железообработка у племен именьковской культуры 208
Даркевич В. П., Пуцко В. Г. (Москва, Калуга). Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970—1978 гг.) . . 218
Медынцева А. А. (Москва). Надпись-граффити из псковской церкви Покрова 233

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1981 г.

Заметки

Бадер О. Н., **Сериков Ю. Б.** (Москва, Нижний Тагил). Гаринское палеолитическое местонахождение на Сосьве 242
Аразова Р. Б. (Баку). Об использовании битума в древнем Азербайджане . 248
Державин В. Л., Тихонов Б. Г. (Москва). Погребение литейщика эпохи средней бронзы на Ставрополье 252
Зданович Г. Б., Плешаков А. А. (Челябинск). Каменная скульптура эпохи бронзы из Притоболья 258
Кызласов И. Л., Нащекин Н. В. (Москва, Ярославль). Изваяние с енисейской надписью с озера Ачик-куль (Хакасия) 262
Макарова Т. И., Марковин В. И. (Москва). Золотое украшение с перегородчатой эмалью из Сентинского храма 268
Паничева Л. Г. (Минск). Изразцы и изразцовые печи позднесредневекового Полоцка 274
Пряхин А. Д., Синюк А. Т., Матвеев Ю. П. (Воронеж). Терешковский клад эпохи поздней бронзы в Среднем Подонье 281
Пушкина Т. А. (Москва). Скандинавские вещи из Гнёздовского поселения 285

Критика и библиография

Бутин Ю. М. (Новосибирск). [Рец.]. Чосон Когохак Кэё (Очерки по археологии Кореи). Пхеньян, 1977 291
Карышковский П. О. (Одесса). [Рец.]. Две книги советских нумизматов в английском переводе 297
Васильев С. А. (Ленинград). Jochim M. A. Hunter-gatherer subsistence and settlement. A predictive model. New York, 1976 300
Петренко В. П. (Ленинград). Mugurevičs Ē. Olinkalna un Lokstenes pilsnovodi (3—15 gs. arheologiskie pieminekļi). Rīga, 1977 302
Седов В. В. (Москва). Warnke D. Wieken an der Südlichen Ostseeküste. Berlin, 1977 306

Хроника

Кузнецов А. М. (Уссурийск). О работе археологического симпозиума XIV Тихоокеанского научного конгресса 309
Латышева В. А., Мещеряков В. Ф. (Харьков). Всесоюзная научная конференция «Проблемы античной истории и классической филологии» . . . 311
Щукин М. Б. (Ленинград). О симпозиуме «Проблемы вельбаркской культуры» в Слупске (Польша) 315

Памяти Константина Федоровича Смирнова 319

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 3
1981

Editor-in-Chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Tretyakov V. P. (Leningrad). Stone Industry of the Upper Reaches of the Dnieper Neolithic Culture 5
Mamontov V. I. (Volgograd). On the Early Framework-Grave Culture Sites of the Region Between the Volga and the Don 16
Kozenkova V. I. (Moscow). On the Boundaries of the Koban Culture Western Variant 29
Raevsky D. S. (Moscow). Archers from Kul-Oba 44
Olkhovsky V. S. (Moscow). Classical Authors on the Population of the Crimea 52
Ryabinin E. A. (Leningrad). Mediaeval Antiquities from the Kokshenga River Basin 66
Pavlova K. V. (Leningrad). Defensive Works at the Osovik Fortified Settlement 73
Yanin V. L. (Moscow). The Controversial House of Marfa Posadnitsa in Novgorod 85
Formozov A. A. (Moscow). Private Collections of Stone Tools in Russia in the Mid-19th Century 97

Publications

Zaibert V. F., Potyomkina T. M. (Petropavlovsk, Moscow). On the Problem of the Mesolithic of the Steppe-Forest Zone Between the Tobol and the Irtysh Rivers 107
Gusentsova T. M. (Leningrad). Newly Discovered Mesolithic Settlements in the Area Between the Kama and the Vyatka River 130
Korenevsky S. N. (Moscow). Chemical Composition of the Bronze Artifacts at the Tly Burial Ground 148
Belov G. D. The Chersonese Necropolis of the Classical Period 163
Mikhlin B. Yu. (Donetsk). Excavations of the Kerkinitida Necropolis in 1975 181
Smirnova G. I. (Leningrad). Poyaneshty-Lukashevka Type Burial Ground at Dolinyany Village, Bukovina 193
Starostin P. N., Khomutova L. S., (Kazan, Moscow). Ironworking Among the Tribes of the Imenkovo Culture 208
Darkevich V. P., Putsko V. G. (Moscow, Kaluga). The Mediaeval Metal Casts from Staraya Ryazan (Finds of 1970-1978) 218
Medyntseva A. A. (Moscow). A Graffito from the Pskov Church of the Intercession 233

Notes

Bader O. N., Serikov Yu. B. (Moscow, Nizhniy Tagil). The Garino Palaeolithic Settlement on the Sosva 242
Arazova R. B. (Baku). On the Use of Bitumen in Ancient Azerbaijan 248
Derzhavin V. L., Tikhonov B. G. (Moscow). A Middle Bronze Age Burial of a Smelter in the Stavropol Area 252
Zdanovich G. B., Pleshakov A. A. (Chelyabinsk). A Bronze Age Stone Sculpture from the Tobol Basin 258
Kyzlasov I. L., Nashchekin N. V. (Moscow, Yaroslavl). A Statue with a Yenisey Inscription from the Achik-Kul Lake (Khakasia) 262

Makarova T. I., Markovin V. I. (Moscow). A Gold Cloisonné Ornament from the Senty Temple (Karachaevo-Cherkessia) 268
Panicheva L. G. (Minsk). Late medieval Tiles and Tile Stoves from Polotsk 274
Pryakhin A. D., Sinyuk A. T., Matveyev Yu. P. (Voronezh). The Late Bronze Age Tereshkovo Hoard from the Middle Reaches of the Don 281
Pushkina T. A. (Moscow). Scandinavian Objects from the Gnyosdovo Settlement 285

Reviews and Bibliography

Butin Yu. M. (Novosibirsk). [Rev.]. Essays on the Archaeology of Korea, Pyongyang, 1977 291
Karyshkovsky P. O. (Odessa). [Rev.]. Two Books by Soviet Numismatists in English 297
Vasilyev S. A. (Leningrad). Jochim M. A. Hunter-Gatherer Subsistence and Settlement. A Predictive Model. New York, 1976 300
Petrenko V. P. (Leningrad). Mugurevičs Ē. Olinkalna un Lokstenes pilsnovodi (3—15 gs. arheologiskie pieminekļi). Rīga, 1977 302
Sedov V. V. (Moscow) Warnke D. Wieken an der Südlichen Osteseeküste. Berlin, 1977 306

Chronicle

Kuznetsov A. M. (Ussurisk). The Archaeological Symposium of the 14th Pacific Science Congress 309
Latysheva V. A., Meshcheryakov V. F. (Kharkov). The All-Union Scientific Conference «Problems of the History of Antiquity and Classical Philology» 311
Shchukin M. B. (Leningrad). «Problems of the Welbark Culture» Symposium Held in Slupsk (Poland) 315

In Memory of K. F. Smirnov 319

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17.04.81 Подписано к печати 29.06.81 Т-10247 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 28,0+1 вкл.+1 цв. Усл. кр.-отт. 102,9 тыс. Уч.-изд. л. 31,2 Бум. л. 10,0
Тираж 3562 экз. Зак. 379

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

ТРЕТЬЯКОВ В. П.

ОРУДИЯ ТРУДА ВЕРХНЕДНЕПРОВСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Изучение неолита верхнего Поднепровья, начатое в конце прошлого столетия работами А. Лоначевского, Н. Ф. Беляшевского и продолженное в начале XX в. Е. Р. Романовым, Е. Н. Клетневой, а затем Н. И. Савиным, В. Н. Тарасенко, А. Н. Лявданским, К. М. Поликарповичем и др., позволило еще в 30-е годы говорить об общности материальной культуры на значительной территории этого региона [1, с. 234].

В послевоенные годы неолитические памятники верхнего Поднепровья исследовались Е. А. Шмидтом и В. П. Третьяковым на Смоленщине, И. И. Артеменко и И. М. Тюриной в Белоруссии, Д. Я. Телегиным и В. И Неприной на Украине. За этот период был раскопан ряд поселений, получены значительные коллекции керамики и орудий труда. Совокупность данных по неолиту верхнего Поднепровья позволила в конце 60-х годов сформулировать тезис о существовании в древности на Смоленщине и в юго-восточной Белоруссии особой археологической культуры, с целым рядом специфических черт, названной исследователями верхнеднепровской [2; 3, с. 40—49].

Несколько позже встал вопрос о возможности подразделить верхнеднепровскую культуру на варианты. На основании анализа керамики (учитывались форма сосудов, технология их изготовления и орнаментация) были выявлены смоленский, могилевско-гомельский (Могилевская и север Гомельской обл.) и гомельский (юг Гомельской обл.) варианты верхнеднепровской культуры. Изучение материалов по неолиту северной Украины позволило говорить и о четвертом, киевско-черниговском варианте (поселения Пустынка-5, Пчелица, Каменка, Грини, Коробки, Новоселки и др.) верхнеднепровских древностей [4, с. 9—19] [1].

Изучение верхнеднепровских поселений в Белоруссии и на Смоленщине позволило выделить два хронологических этапа этой культуры, один из которых относится к раннему, второй — к развитому неолиту [3, с. 41—49; 10, с. 108—115; 11, с. 42; 12, с. 70—72]. На территории северной Украины верхнеднепровские стоянки трудно членить на отдельные этапы. В эпоху раннего неолита здесь бытовали памятники типа Струмель-Гастятин [13, с. 63—67; 7, с. 179—181], сменившиеся впоследствии стоянками верхнеднепровского типа (Пустынка-5, Корчевье, Грини, Каменка, Пчелица и др.), подразделять которые на этапы у нас нет серьезных оснований [4, с. 17—19].

---

[1] С точки зрения Д. Я. Телегина, киевско-черниговские и белорусские памятники следует относить к днепро-донецкой культуре [5, с. 96—124; 6, с. 3—31; 7, с. 173—177]. В. Н. Неприна поселения типа Пустынка-5 относит к ямочно-гребенчатому неолиту [8, с. 107—112]. В статье «Неолит верхнего Поднепровья...» [4, с. 12—17] и в рецензии на упомянутую книгу В. И. Неприной [9, с. 283, 284] нами приведена контраргументация тезисам Д. Я. Телегина и В. И. Неприной.

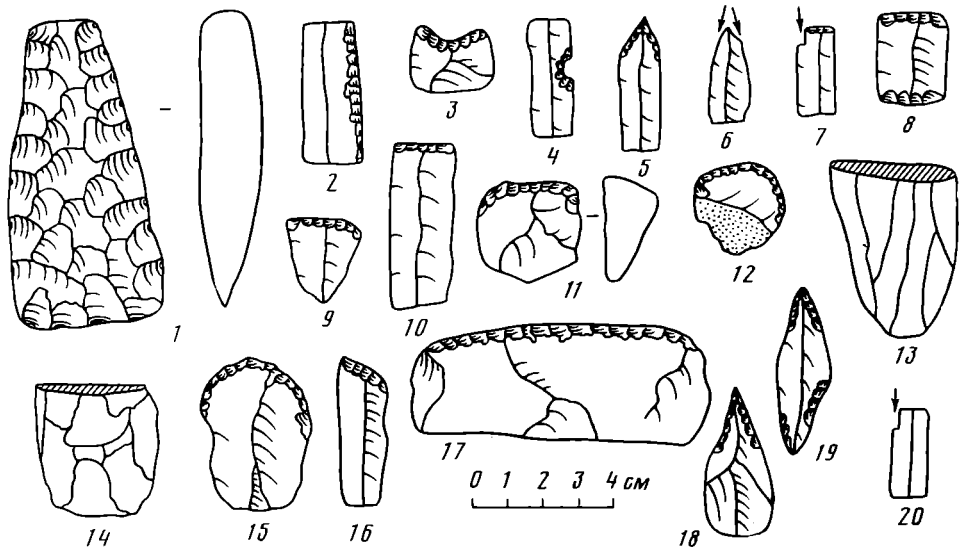


Рис. 1. Каменные орудия верхнеднепровской культуры эпохи раннего неолита: *1* — топор; *2* — ножевидная пластина с ретушью; *3* — скобель; *4* — пластинка с боковой выемкой; *5* — проколка из ножевидной пластины; *6* — срединный резец; *7* — боковой резец; *8* — скребок с двумя рабочими гранями; *9* — подтреугольный скребок; *10* — концевой скребок; *11* — скребок с высоким профилем; *12* — округлый скребок; *13* — одноплощадочный нуклеус для скалывания пластин; *14* — нуклеус для скалывания отщепов; *15* — овальный скребок, *16* — скребок со скошенной рабочей частью; *17* — скребло; *18* — проколка из отщепа; *19* — наконечник стрелы из пластины; *20* — угловой резец

Таким образом, верхнеднепровская культура представляется как совокупность неолитических памятников в смоленском и белорусском Поднепровье и на севере Украины. Трудно предполагать, что по всей этой обширной территории она характеризуется однотипными комплексами находок. Анализ керамики, как уже отмечалось, дает возможность выделять локальные варианты верхнеднепровского неолита. Ниже мы рассмотрим орудия труда верхнеднепровской культуры.

Ранний неолит. Поселения, отнесенные исследователями к эпохе раннего неолита, известны в настоящее время на Смоленщине и в Белоруссии. Среди них стоянки Катынь-6,7 [14, с. 103—106; 15, с. 244—247], Вороня [16, с. 115—116] (Смоленщина), Залесье и Шепотовичи (Белоруссия) [10, с. 108—114; 3, с. 41—45].

При исследовании ранненеолитических поселений Смоленщины были получены коллекции скребков (округлых, концевых, из ножевидных пластин, с двумя рабочими частями, треугольных, со скошенной рабочей частью, овальных, с высоким профилем), резцов (боковых и срединных). Кроме того, здесь найдены ножевидные пластинки с боковой выемкой, скребла, скобели из отщепов, рубящие орудия, пластинки с ретушью по краю, наконечники стрел свидероидного типа, одноплощадочные конические нуклеусы и, как правило, двуплощадочные нуклеусы для скалывания отщепов, проколки из пластин и отщепов (рис. 1). Эти изделия сведены в табл. 1, где отмечено их наличие или отсутствие на перечисленных выше ранненеолитических стоянках.

Как следует из работ И. М. Тюриной, коллекции, полученные при исследовании ранненеолитических поселений Белорусссии, состояли из скребков (округлых, концевых, треугольных, с высоким профилем, овальных), пластинок с боковой ретушью, резцов (боковых, срединных, на углу сломанной пластинки), рубящих орудий, свидероидных наконечников стрел, проколок из отщепов и ножевидных пластинок (табл. 1, рис. 1).

Сравнение наборов орудий труда, которыми пользовались носители верхнеднепровской культуры на Смоленщине и в Белоруссии, позволяет отметить наличие двух ее вариантов, несколько отличающихся друг от друга по составу находок. Так, на Смоленщине в эпоху раннего неолита не были известны угловые резцы; на стоянках белорусского Поднепровья не найдено скребков с двумя рабочими концами, скребков со скошенной рабочей частью, пластинок с боковой выемкой, скобелей, двухплощадочных нуклеусов, скребел.

В настоящее время зарубежными и советскими археологами разработан метод довольно точного определения индекса родственности (степени сходства) сравниваемых комплексов находок. Он основан на сопоставлениях процентного содержания в коллекции определенных типов изделий. К сожалению, в данном случае мы не можем воспользоваться этим методом, так как в настоящее время установить процентное содержание определенных типов изделий на стоянках возможно лишь для смоленских памятников (табл. 1). Материалы по раннему неолиту белорусского Поднепровья опубликованы пока еще не полностью [3, с. 41], в силу чего на табл. 1 мы вслед за И. М. Тюриной смогли лишь однозначно указать крестиком наличие или отсутствие тех или иных типов изделий в этом регионе в эпоху раннего неолита. Несмотря на это, мы попытались определить степень сходства каменного инвентаря смоленской и белорусской групп памятников, используя иной метод. Приняв общее количество типов орудий труда со стоянок Смоленщины и белорусского Поднепровья (20 типов) за 100%, а количество общих типов для памятников обоих регионов изделий (13 типов) из камня за x% и вычислив величину x, мы получим выраженную в процентах степень сходства смоленских и белорусских наборов орудий труда по табл. 1): 20 — 100%; 13 — x%; x — 65%.

В опубликованной в 1975 г. работе И. С. Каменецкого, Б. И. Маршака и Я. А. Шера [17, с. 50] предложена формула для определения степени сходства сравниваемых коллекций: $f=s^2/kl$, где s обозначает количество тождественных типов, k и l — количество типов соответственно в первой и во второй из сравниваемых коллекций. По табл. 1 определяем, что $s=13$, $k=19$ и $l=14$.

Таблица 1

Количество изделий на раннеолитических памятниках Смоленщины

Стоянка	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
Катынь-6, 35 шт.	3 7,1	3	6	3	3 7,1	3	3 3,6	3	10 3,6	36 7,1	3 18	15 18	3 7,1	6	3,6	7,1	7,1	7,1	3,6	
Катынь-7, 28 шт.		9	7,1	3,5	3,5	1,8		3,5	5,3	27		18	5,3	1,8	7,1		5,3	1,8		
Воропя, 56 шт.	3,4	4	4,3	2,1	5	1,6	2,2	2,1	6,3	23,3	7	17	5,1	2,6	3,5	2,3	4,1	3	1,2	
В среднем																				
БССР (И. М. Тюриной	+ +	+ +			+ +	+ +	+ +		+ +	+ +	+ +	+ +	+ +		+ +			+ +	+ +	+ +

Примечание. Крестиками обозначено наличие тех или иных типов орудий на раннеолитических стоянках белорусского Поднепровья (по И. М. Тюриной). Порядковые номера в верхней графе соответствуют номерам на рис. 1.

Таким образом, получаем величину, равную 63,5%, т. е. значение степени сходства, близкое указанному выше.

Приведенные величины степени сходства, безусловно, приблизительны, поскольку нами не учитывалось процентное содержание в коллекциях тех или иных типов орудий, а лишь однозначно обозначались виды изделий, повторяющиеся на ряде памятников. Правда, следует учитывать, что состав каменных орудий, найденных на стоянке, не отражает полностью все, чем пользовались ее обитатели. Как правило, на поселениях чаще находят предметы домашнего обихода (скребки, ножи, проколки и т. п.), чем скажем, орудия охотничьего промысла (наконечники стрел и копий

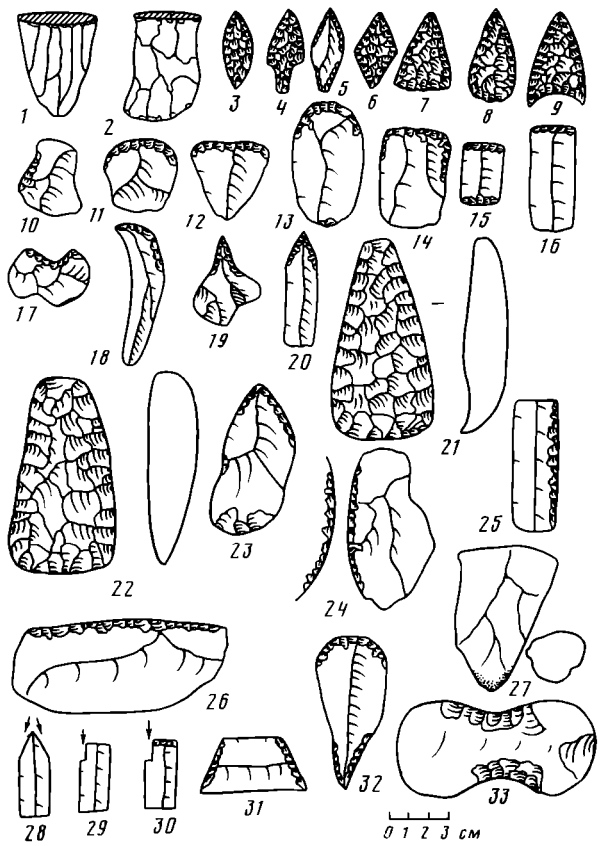


Рис. 2. Каменные орудия верхнеднепровской культуры эпохи развитого неолита: *1, 2* — нуклеусы (для скалывания пластин — *1* и отщепов — *2*); *3—9* — скребки (листовидный — *3*, треугольно-черешковый — *4*, из пластины — *5*, ромбический — *6*, треугольный — *7*, миндалевидный — *8*; с выемкой в основании — *9*); *10—16* — скребки (случайных очертаний — *10*, округлый — *11*, треугольный — *12*, овальный — *13*, подчетырехугольный — *14*, с двумя рабочими краями — *15*, концевой — *16*); *17* — скобель; *18* — ложкарь; *19, 20* — проколки (из отщепа — *19*, из пластинки — *20*); *21* — долото; *22* — топор; *23* — резчик; *24* — нож из отщепа; *25* — пластина с боковой ретушью; *26* — скребло; *27* — отбойник; *28—30* — резцы (срединный — *28*, угловой — *29*, боковой — *30*); *31* — трапеция, *32* — скребок-проколка, *33* — грузило

и т. д.), которые могли теряться и за пределами поселений. Реже находятся крупные орудия (топоры, долота), поскольку легче потерять мелкое изделие, чем предмет больших размеров. Следует учитывать и условия, в результате которых была покинута стоянка. Если ее оставили вследствие мирного переселения на новое место, то обитатели поселка забирали с собой все, что могло им пригодиться в дальнейшем. В этом случае на стоянке оставались лишь утерянные или негодные для работы орудия. Перечисленные выше моменты свидетельствуют о трудности определения состава орудий труда для отдельных поселений или их групп при употреблении любого метода, используемого в настоящеее время.

Развитой неолит. В этот период сохранились определенные различия в каменной индустрии в различных регионах верхнеднепровской культуры, что следует из анализа коллекций орудий со стоянок Смоленщины, юго-восточной Белоруссии и северной Украины. Среди памятников этой эпохи на Смоленщине — стоянки Катынь-1—5 [18, с. 199—210; 14, с. 100—

103]. На территории белорусского Поднепровья большой интерес представляют поселения Романовичи [19, с. 34—37; 20, с 63—65; 21, с. 113—119], Веть IV и VI [22, с. 120—126], Хорошово [23, с. 113—119], Дедное [23, с. 58—60], Липовый Брод, [24, с. 38—43], Сосонка [25, с. 111—116], Гронов II—III [26, с. 156—161] и др. На севере Украины к верхнеднепровской культуре эпохи развитого неолита мы относим стоянки Пустынка-5 [5, с. 111—117; 27, с. 68—78], Каменка [28, с. 44—48], Грини [5, с. 93—96], Пчелица [28, с. 48—49].

Коллекции смоленских неолитических стоянок (Катынь-1—5 и др.) состоят из кремневых проколок, изготовленных из отщепов и ножевидных пластин, скребков (округлых, с двумя рабочими краями, треугольных, подчетырехугольных, овальных, концевых), скобелей с вогнутой рабочей частью, ложкарей, скребел, отбойников, нуклеусов для скалывания ножевидных пластин и отщепов, наконечников стрел и копий с вогнутым основанием, а также листовидной, треугольно-черешковой и ромбической форм. Встречаются также наконечники стрел из кремневых пластин с частичной обработкой поверхности ретушью, долота и топоры, ножевидные пластины с ретушью по краю (вкладыши?) и некоторые другие изделия (табл. 2, рис. 2).

Орудия труда со стоянок белорусского Поднепровья (Могилевская и север Гомельской обл.— Веть IV и VI, Дедное, Палик, Сосонка и др.) по своим типам близки перечисленным выше. Для белорусских коллекций характерно отсутствие ложкарей, довольно часто встречающихся на неолитических поселениях Смоленщины, а также скребков с двумя рабочими гранями, ножей из отщепов, грузил и наличие таких видов изделий, как миндалевидные и треугольные наконечники стрел (табл. 2, рис. 2).

Большое разнообразие типов орудий отмечено на стоянках эпохи развитого неолита на юге Гомельской обл. (Стрелища, Романовичи, Липовый Брод, Гронов II—III). Из орудий труда, найденных при исследовании памятников двух упомянутых выше регионов, здесь не обнаружены лишь ложкари и грузила. Отличием материалов юга Гомельской обл. являются серия резцов и трапеция со стоянки Романовичи (табл. 2, рис. 2).

Малочисленны коллекции с поселений северной Украины (Грини, Пустынка-5, Каменка, Пчелица и др.). При их исследовании были найдены проколки из отщепов, скобели, ножи из отщепов, скребки (округлые, концевые, подчетырехугольные, овальные), резчики, отбойники, нуклеусы, ножи из кремневых пластин, наконечники стрел и копий листовидной, ромбической, треугольной формы. Рубящие орудия представлены топорами. Кроме того, здесь найдены резцы, трапеции и комбинированные скребки-проколки.

Набор орудий труда со стоянок северной Украины отличается от изделий из камня с поселений Смоленщины отсутствием конических нуклеусов, скребков с двумя рабочими краями, скребков треугольной формы, концевых из ножевидных пластин, а также скобелей, ложкарей, скребел, треугольно-черешковых и из пластин наконечников стрел, долот и т. д. От белорусских (могилевских и гомельских) коллекций североукраинские материалы отличаются отсутствием некоторых видов скребков (с двумя рабочими краями, треугольные, концевые), скобелей, ложкарей, скребел, ряда типов наконечников стрел (черешковых, из ножевидных пластин, с частичной ретушью, миндалевидных), а также долот и т. д.

Таким образом, выше были отмечены четыре группы неолитических памятников верхнеднепровской культуры (в свое время выделенных нами в результате анализа керамики) [4, с. 12—14]: на Смоленщине, в Могилевской и на севере Гомельской обл., на юге Гомельской обл. и на северной Украине.

Данные о составе находок и их процентном содержании на отдельных стоянках и в упомянутых группах приведены в табл. 2 и на рис. 2,

Содержание различных типов орудий труда из камня на стоянках верхнеднепровской Гомельской обл; III — поселения на юге Гомельской обл.; IV — поселения на северной

	Стоянка	Количество изделий, шт.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
I	Катынь-1	130	6	1,5	5,5	4,5	0,8					16,1	15	7	8	3
	Катынь-2	70			21	6	1,5	1,5			1,5	10,1	6	4		12
	Катынь-3	35			14,5	5,7							5,7	2,8	8,5	20
	Катынь-4	31	3,2		13	6,4						13	3,2	6,4		3,2
	Катынь-5	46		8,8	4,4		2,2					21,6	19	4,4		2,2
	В среднем		1,7	1,8	11,8	4,5	1	0,3			0,3	13	9,8	5	3,3	8,2
II	Веть IV	20					5			5		10				10
	Веть VI	56			3,6			3,6		1,8		28,8		3,6	7,2	18
	Дедное	41	10	7,5	2,5							42,5	2,5	2,5	5	10
	Палик	23			4,4							47,2	4,4		8,8	4,4
	Сосонка	46			4				6		8	48		4	2	
	В среднем		2,2	1,7	5,1	0,8	1,2	0,6	1,2	1,3	1,5	33	1,3	2	4,5	8,3
III	Стрелица	361	0,3	3	1,6	3,3	0,6		1,3	0,3	0,6	16,1	8	7	5	10
	Липовый Брод	67			2					2		36		2	12	15
	Романовичи	493	10	17,5			0,5	0,2		0,2		12	9		10	11
	Гронов II	41		5	16	2,5						37	10	2,5	2,5	
	Гронов III	20	10		5							45			15	
	В среднем		4,1	5,1	4,9	1,2	0,2	0,1	0,3	0,5	0,1	29,2	5,4	2,3	8,9	7,2
IV	Пустынка 5	73			1,4				5,1			26	3		7	1,4
	Грини	30		20	3,3							30	6,7		10	
	Пчелица	10		30				10	10		10	20				20
	Каменка	10		20				10	20						20	
	В среднем			17,5	1,1			5	8,8		2,5	19	2,4		9,2	5,4

Примечание. Порядковые номера в верхней графе соответствуют номерам на рис. 2.

Здесь же указано общее количество изделий на каждом памятнике [2]. Сопоставление наборов орудий труда, характеризующее выделенные нами четыре группы стоянок верхнеднепровской культуры, проведено по методу американских исследователей Д. Брейнерда и В. Робинсона, подробно описанному и уточненному в трудах отечественных ученых [29, с. 301—313; 30, с. 285—300; 31; 32, с. 26—29; 33, с. 59—64]. В его основу положено соотношение процентного состава изделий тех или иных типов. Так, например, мы имеем две коллекции, где находки представлены типами A, B, C. Но их процентное соотношение различно (см. табл. 3).

Индекс родственности (степень сходства) равен сумме меньших (в каждой сравниваемой паре) чисел. В приведенном примере он равен сумме 5+30+55—90%.

В соответствии с этим сопоставим данные о верхнеднепровских орудиях труда, приведенные в табл. 2. Сравнению подлежат средние величины для каждого региона.

Смоленская и могилевско-гомельская (Могилевская и север Гомельской обл.) группы памятников.

[2] В ряде случаев указанное нами количество орудий труда на отдельных поселениях несколько меньше, чем это отмечается авторами публикаций, так как мы не учитывали некоторые аморфные изделия, обломки орудий и заготовки, форма и назначение которых остаются неясными.

культуры, %: I — поселения Смоленщины; II — поселения в Могилевской и на севере Украине. После названия стоянки указано количество найденных здесь орудий труда

15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33
0,8		6	1,5	3		8	0,8	5,5	1,5	2	2	1,5						
			1,5	6		7		15			3							
	2,8	2,8		8,5				8,5		14,5	5,7							
	6,4		3,2		13	3,2		9,7		9,7	3,2	3,2						
2,2	11			4,4		1,1	2,2	2,2			2,2							2,2
0,6	4	1,8	1,3	4,4	2,6	5,6	0,6	8,3	0,3	5,2	3,2	1						0,4
	10	5		5		5	5	15		15		10						
	10					3,6	1,8			18								
	10				2,5		2,5				2,5							
		4,4					13,2	4,4		8,8								
	2					4	4	6		8	4							
	6,2	1,8		1	0,5	2,4	5,2	5		10	1,2	2						
	4	1,4		0,3		0,6	17	0,3	11	8						0,3		
	8					2	3		15	3								
0,5	7	0,7		0,7	3,6	0,7	2,5		3	3	1	2	2,5	0,7	1	0,7		
	2,5	7								10	5							
		10		5					5		5							
0,1	4,3	3,8		1,2	0,7	0,7	4,5	0,1	6,8	4,8	2,2	0,4	0,5	0,1	0,2	0,1		
	7	3		1,4			1,4	3	3	11		15	1,4	1,4			8,5	
							20			6,7						3,3		
				10			10									10		
	1,7	0,8		2,8			7,8	0,8	0,8	4,4		3,8	0,4	0,4		3,3	2,1	

Индекс родственности равен: 1,7+1,7+5,1+0,8+1+0,3+13+1,3+2+ +3,3+8,2+4+1,8+1+0,5+2,4+0,6+5+5,2+1,2+1=61,4.

Могилевско-гомельская — гомельская (юг Гомельской обл.) группы памятников. Индекс родственности равен: 2,2+1,7+4,9+0,8+0,2+0,1+ +0,3+0,5+0,1+29,2+1,3+2+4,5 + 7,2 + 4,3+1,8+1+0,5+0,7+4,5+0,1+4,8+ +1,2+0,4=74,3.

Гомельская и североукраинская группы памятников. Индекс родственности равен: 5,1+1,1+0,1+0,3+0,1+19+2,4+8,9+5,4+1,7+0,8+ +1,2+4,5+0,1+0,8+4,4+0,4+0,4+0,1+0,1=56,9.

Наши подсчеты показывают, что сходство смоленских и белорусских коллекций несколько выше, чем индекс родственности белорусских и североукраинских древностей. Это явление скорее всего объясняется тем обстоятельством, что поселения Смоленщины и юго-восточной Белоруссии располагались на территории, где имелись значительные залегания кремня или же в непосредственной близи от этих районов [34; 35, с. 39—41]. Следствием этого явилось обилие кремневых орудий на смоленских и белорусских поселениях, исчисляемых на некоторых из них десятками и сотнями экземпляров. Особенно примечательны в этой связи стоянки Катынь-1, Катынь-2, Романовичи, Стрелица, Веть VI, Сосонка, Липовый Брод и т. д. На этой территории известны и мастерские по изготовлению кремневых орудий, например в Гнездове [1, с. 228—229] и в устье р. Вя-

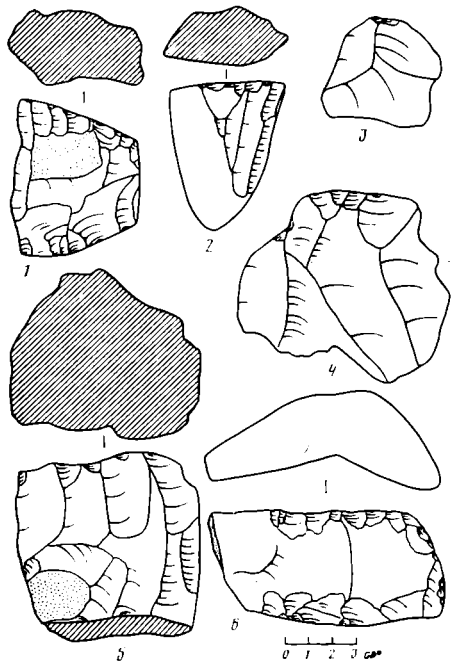


Рис. 3

Рис. 3. Мастерская по изготовлению кремневых орудий в устье р. Вязьмы: *1, 2, 5* — нуклеусы, *3, 4* — отщепы, *6* — скребловидное орудие

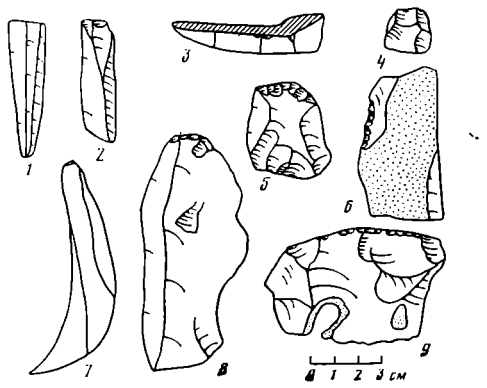


Рис. 4

Рис. 4. Мастерская по изготовлению кремневых орудий в устье р. Вязьмы: *1, 2, 4, 8* — пластины и отщепы; *3* — скол с нуклеуса, *5* — скребок; *6, 9* — отщепы с ретушью; *7* — краевой скол

зьмы [36, с. 83]. Последняя была обнаружена в 1973 г. работами Смоленского неолитического отряда. Мастерская располагалась на дюнном всхолмлении в месте впадения р. Вязьмы в Днепр. Культурный слой не сохранился, но находки, по-видимому, были мало потревожены. Всего обнаружено более 700 находок, располагавшихся пятью отдельными скоплениями по 100—200 предметов в каждом. Площадь скоплений колебалась в среднем от 6 до 10 м². Скопления отделены друг от друга пространством без находок шириной 2—3 м.

Коллекция мастерской состоит из четырех многоплощадочных нуклеусов для скалывания отщепов (рис. 3, *1*, *5*), двух одноплощадочных нуклеусов для скалывания пластин (рис. 3, *2*), одного скребка (рис. 4, *5*), двух отщепов с ретушью (рис. 4, *6*, *9*), скребловидного орудия (рис. 3, *6*) (заготовка скребла?), краевого скола (рис. 4, *7*). Кроме того, здесь представлены 11 ножевидных пластин (рис. 4, *1*, *2*), 8 крупных кремневых пластин (рис. 4, *8*), около 150 крупных отщепов размерами в среднем 6—8 см² (рис. 3, 4), 265 отщепов размерами в среднем 4—5 см² (рис. 3, *3*) и около 300 отщепов размерами в среднем 2—3 см² (рис. 4, *4*). В заключение отметим два плоских осколка кремня, полученных в результате подправки ударной площадки нуклеуса (рис. 4, *3*).

По сравнению с этим коллекции североукраинских стоянок содержат меньше орудий труда, несмотря на значительное количество керамики. И этим, как нам представляется, лишний раз подтверждается тезис о зависимости каменной индустрии от сырьевой базы [37, с. 78—137; 38, с. 16—18; 39, с. 214—222]. В пользу этого свидетельствуют и имеющиеся в нашем распоряжении данные о близости керамических изделий Смоленщины, юго-восточной Белоруссии и северной Украины, а керамика с ее орнаментацией по праву считается одним из основных этнокультурных показателей [37, с. 64—77; 40, с. 4; 41, с. 60; 42, с. 81]. Была составлена таблица (табл. 4), иллюстрирующая процентное соотношение того или иного вида орнаментации на керамике верхнеднепровских стоянок [4, с. 12—14].

Эта таблица дала возможность выделить четыре варианта верхнеднепровских древностей — смоленский, могилевско-гомельский (Могилев-

Таблица 3

Коллекция	A	B	C
1-я	10	30	60
2-я	5	40	55

Таблица 4

Стоянки	Орнамент					
	гребенчатый	ямочный	нарезной	без орнамента	накольчатый	остальные виды орнамента
Катынь-1	55	16	15	13	–	1
Катынь-2	61	17	10	8	–	4
Катынь-3	61,4	15	14,3	9	–	0,3
Катынь-4	51,4	19	17,5	9	–	3,1
Шугайлово	60	21	17	–	–	2
Палик	60,9	25,3	4,1	9,4	–	0,3
Хорошово	54,5	12	1,6	31,9	–	–
Веть IV	57	31,6	11,4	–	–	–
Стрелица	55,1	31,6	1,3	3,1	8,5	0,4
Липовый Брод	50,9	39,7	2,3	2,6	2,1	2,4
Пустынка-5	35	22	2,5	39	–	1,5
Пчелица	31	22	9	33	4	1
Каменка	53,5	2	3,5	36	5	–
Грини	26,5	14	26,5	18	10	5

ская и север Гомельской обл.), гомельский (юг Гомельской обл.) и североукраинский (поселения, расположенные к северу от параллели г. Киева). Упростим эту таблицу, подсчитав средние величины процентного соотношения керамики, украшенной тем или иным видом орнамента. По данным, приведенным в табл. 4, можно установить, что верхнеднепровская керамика на Смоленщине орнаментировалась в среднем оттисками штампа на 58%, ямчатыми вдавлениями на 18, нарезками на 15%; без орнамента оставалось 9% всех фрагментов. В Могилевской и на севере Гомельской обл. оттиски штампа отмечены на 57% всей керамики, ямчатые вдавления — на 23, нарезки — на 6%. Не орнаментировалось 14% фрагментов. На юге Гомельской обл. гребенчатый штамп нанесен на 53% всей керамики, ямчатые вдавления — на 36, нарезки — на 2, наколы — на 5%. Не орнаментировано 4% фрагментов. На севере Украины штампом украшено 40% всей керамики, ямчатыми вдавлениями — 15, нарезками — 5, наколами — 3%. Не орнаментировано 39% фрагментов (см. табл. 5).

Сравнивая орнаментацию керамики первых двух вариантов верхнеднепровской культуры (смоленского и могилевско-гомельского) описанным выше методом, получаем степень сходства (индекс родственности) на 90% (57+18+6+9), второго и третьего (могилевского и гомельского) — на 62% (53+23+2+4), третьего и четвертого (гомельского и североукраинского) — на 64% (40+15+2+4+3).

Таким образом, если индексы родственности керамических коллекций смоленского и могилевско-гомельского, могилевско-гомельского и гомельского, гомельского и североукраинского вариантов верхнеднепровской культуры равны соответственно 90, 62 и 64%, то индексы родственности наборов каменных орудий тех же групп памятников равны 61,4; 74,3 и 56,9% (см. табл. 6).

Подобное несоответствие следует скорее всего объяснить неравнозначной зависимостью того и другого рода находок от древних традиций, с одной стороны, и наличия сырьевой базы — с другой.

Большой интерес представляет сопоставление упомянутых коллекций орудий труда методами, примененными выше, при сравнении материа-

Таблица 5

Регионы	Орнамент, %				
	штамп	ямчатые вдавления	нарезки	без орнамента	наколы
Смоленщина	58	18	15	9	–
Могилевская и север Гомельской обл.	57	23	6	14	–
Юг Гомельской обл.	53	36	2	4	5
Север Украины	40	15	5	39	3

Таблица 6

Индекс родственности, %	Регионы		
	Смоленский — Могилевско-Гомельский	Могилевско-гомельский — Гомельский	Гомельский — Североукраинский
По керамике	90	62	64
По орудиям труда	61,4	74,3	56,9

лов по раннему неолиту. Первый из них, основанный на составлении уравнения с одним неизвестным (x), после определения по табл. 2 значений общего количества типов в сравниваемых сериях орудий труда и числа тождественных типов дает возможность установить степень сходства между смоленским и могилевско-гомельским вариантами, равную 75%, между могилевско-гомельским и гомельским — 76,5, между гомельским и киево-черниговским — 66,6%.

По формуле $f=s^2/kl$, используя данные табл. 2, получаем значения соответственно 63,5; 73,7; 63,4%. Таким образом, мы видим, что последние два способа определения сходства дают результаты, практически аналогичные друг другу и в незначительной степени (в среднем на 10%) отличающиеся от итогов сопоставления по более точному методу Робинсона — Брейнерда, и тем самым доказывается право их применения в тех случаях, когда невозможны точные статистические подсчеты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лявданский А. Н.* Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии.— Научн. изв. Смоленского гос. ун-та. Т. IV, вып. 3. Смоленск, 1927.
2. *Тюрина И. М.* Верхнее Поднепровье в эпоху неолита: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1967.
3. *Тюрина И. М.* Неолит верхнего Поднепровья.— СА, 1970, № 3.
4. *Третьяков В. П.* Неолит верхнего Поднепровья и его отношение к днепро-донецкой культуре.— СА, 1975, № 2.
5. *Телегін Д. Я.* Дніпро-донецка культура. Киев, 1968.
6. *Телегин Д. Я.* О культурно-территориальном членении и периодизации неолита Украины и Белоруссии.— СА, 1971, № 2.
7. *Телегин Д. Я.* Неолитические памятники северной Украины и южной Белоруссии.— МИА, 1973, № 178.
8. *Неприна В. Н.* Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине. Киев, 1975.
9. *Третьяков В. П.*— СА, 1978, № 3.— Рец. на кн.: *Неприна В. И.* Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине. Киев, 1975.
10. *Тюрина И. М.* Неолитические памятники Посожья.— КСИА АН СССР, 1967, № 3.
11. *Третьяков В. П.* Формирование неолитической каменной индустрии в бассейне р. Катыни на Смоленщине.— КСИА АН СССР, 1973, № 137.
12. *Третьяков В. П.* Относительная хронология неолитических памятников Смоленщины.— КСИА АН СССР, 1978, № 153.
13. *Телегин Д. Я.* Неолитические стоянки типа Струмеля-Гастятина северной Киевщины.— В кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1966.
14. *Третьяков В. П.* Поселения каменного века в бассейне р. Катыни в смоленском Поднепровье.— СА, 1972, № 2.
15. *Третьяков В. П., Шмидт Е. А.* Стоянка каменного века в бассейне р. Катыни в смоленском Поднепровье.— СА, 1973, № 1.

16. *Шмидт Е. А.* Археологические памятники бассейна р. Угры в пределах Смоленской области.— В кн.: Сборник научных работ Смоленского краеведческого научно-исследовательского института. Вып. 2. Смоленск, 1958.
17. *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников. М., 1975.
18. *Третьяков В. П.* Древности в бассейне р. Катыни.— СА, 1972, № 4.
19. *Артеменко И. И.* Памятники эпохи неолита и бронзового века верхнего Поднепровья.— КСИИМК, 1960, № 75.
20. *Артеменко И. И.* Из археологических работ в верхнем Поднепровье, в 1958 г.— КСИА АН СССР, 1961, № 84.
21. *Гаврилова И. В.* Дюнная стоянка Романовичи.— КСИА АН СССР, 1964, № 97.
22. *Артеменко И. И.* Неолитические стоянки у села Веть Могилевской области.— КСИА АН СССР, 1964, № 97.
23. *Артеменко И. И.* Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ села Ходосовичи Гомельской области БССР.— В кн.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1967.
24. *Артеменко И. И., Тюрина И. М.* Неолитическое поселение в урочище Стрелища.— КСИА АН СССР, 1966, № 106.
25. *Артеменко И. И.* Неолитическое поселение в урочище Сосонка.— КСИА АН СССР, 1964, № 101.
26. *Третьяков В. П.* Некоторые стоянки каменного века Посожья и Подесенья.— СА, 1978, № 2.
27. *Митрофанова В. И.* Поздненеолитическое поселение в урочище Лес близ с. Мнево на Черниговщине.— В кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1966.
28. *Телегін Д. Я.* Поселення дніпро-донецької культури на півночі України.— Археологія, 1971, № 2.
29. *Brainerd G. W.* The place of chronological odering in archaeological analysis.— In: AA, 1961, XVI, № 4.
30. *Rolinson W. S.* A method for chronologically odering archaeological deposits.— In: AA, 1961, XVI, № 4.
31. *Маршак Б. И.* К разработке критериев сходства и различий керамических комплексов.— МИА, 1965, № 129.
32. *Ковалевская В. Б., Погожев И. Б., Погожева А .П.* Количественные методы оценки степени близости памятников по процентному содержанию массового материала.— СА, 1970, № 3.
33. *Телегин Д. Я.* Опыт статистического определения индекса родственности неолитических комплексов по элементам орнамента.— В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.
34. *Ковнурко Г. М.* О распространенности кремня на территории европейской части СССР.— В кн.: Новые методы в археологических исследованиях. М., 1963.
35. *Ковнурко Г. М.* Некоторые сведения о кремневых выходах на северо-западе СССР.— МИА, 1973, № 172.
36. *Третьяков В. П.* Работы Смоленского отряда. АО — 1973. М., 1974.
37. *Фосс М. Е.* Древнейшая история севера европейской части СССР.— МИА, 1952, № 29.
38. *Третьяков В. П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. Л., 1972,
39. *Третьяков В. П.* К вопросу о каменных орудиях Волго-Окского междуречья.— МИА, 1965, № 131.
40. *Смирнов А. П.* К вопросу об археологической культуре.— СА, 1964, № 4.
41. *Монгайт А. Л.* Археологические культуры и этнические общности (к вопросу о методике историко-археологических исследований).— Народы Азии и Африки, 1967, № 1.
42. *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973.

V. P. Tretyakov

STONE INDUSTRY OF THE UPPER REACHES OF THE DNIEPER NEOLITHIC CULTURE

Summary

A comparison of stone-industry collections from the upper reaches of the Dnieper led the author to the conclusion that there existed two variants of this culture in the early Neolithic (Smolensk and Byelorussia variants) and four variants in the developed Neolithic, Smolensk, Mogilev-Gomel (on the territory of what is now the Mogilev and the northern part of Gomel Regions), Gomel (in the south of the Gomel Region), and the North Ukrainian (on the territory of the Ukraine to the north of Kiev).

МАМОНТОВ В. И.

О РАННЕСРУБНЫХ ПАМЯТНИКАХ ВОЛГО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Волга и Дон являлись для древних племен сложными водными преградами и, казалось бы, служили естественными границами между археологическими культурами эпохи бронзы. Тем не менее уже в начале II тысячелетия до н. э. начинается проникновение племен катакомбной культуры в Волго-Донское междуречье [1, с. 13]. Причем большая группа катакомбников предкавказского варианта проходила сюда через Калмыцкие и Астраханские степи. Другой поток представителей катакомбной культуры, перейдя через Дон, проник в глубины Волго-Донского междуречья. Далее катакомбники проникают на левобережье Нижней Волги. Во второй четверти II тысячелетия до н. э. происходит просачивание небольших групп носителей полтавкинской культуры на правобережье Волги, после того как они освоили районы по ходу своего передвижения в южном и юго-восточном направлениях вдоль берегов Волги и Ахтубы [2, с. 159—161]. Укрепившись на правом берегу Волги, полтавкинцы продвигаются в степные районы Волго-Донского междуречья, а несколько позднее происходит их инфильтрация и за Дон [3, с. 5]. Об этом свидетельствуют погребения в курганах междуречья и Задонья [4, с. 44—51].

Полтавкинцы, проникшие в Волго-Донское междуречье, естественно, испытывали сильное влияние со стороны местных обитателей степей — племен катакомбной культуры. В первую очередь это отразилось в конструкциях могильных ям, ориентировке умерших и оформлении керамики. В конечном счете полтавкинцы, вероятно, растворились в их среде.

Н. К. Качалова выделила в Заволжье первый стратиграфический горизонт срубных погребений — бережновский [5, с. 60], предшествующий появлению покровских погребений. Она считает, что для погребений этого этапа характерны следующие признаки: большие прямоугольные или подквадратные ямы, обычно перекрытые мощными бревенчатыми накатками; погребенные лежат скорченно в положении на левом боку, ориентированы головой на восток, руки согнуты в локтях, часто кисти притянуты к лицу [5].

В пределах Волго-Донского междуречья так четко выделить бережновский горизонт по имеющимся на сегодняшний день материалам не представляется возможным. И это понятно. Ведь сюда, в районы, заселенные еще поздними катакомбниками, могли проникнуть лишь небольшие группы заволжского населения [3], естественно, испытавшие влияние со стороны аборигенов. Такие погребения выделены нами, например, в Ерзовских курганах (раскопки И. П. Лисицына в 1972 г.). Здесь встретились ямы с закругленными углами, обложенные вдоль стенок крупными деревянными плахами, что редко отмечается в степных погребениях раннесрубной культуры Нижнего Поволжья. Так, в кург. 4, погр. 6 (Ерзовка V) [6] была выявлена сложная конструкция сруба, где основания вертикально стоящих вдоль стенок столбов были врыты в продольные ро-

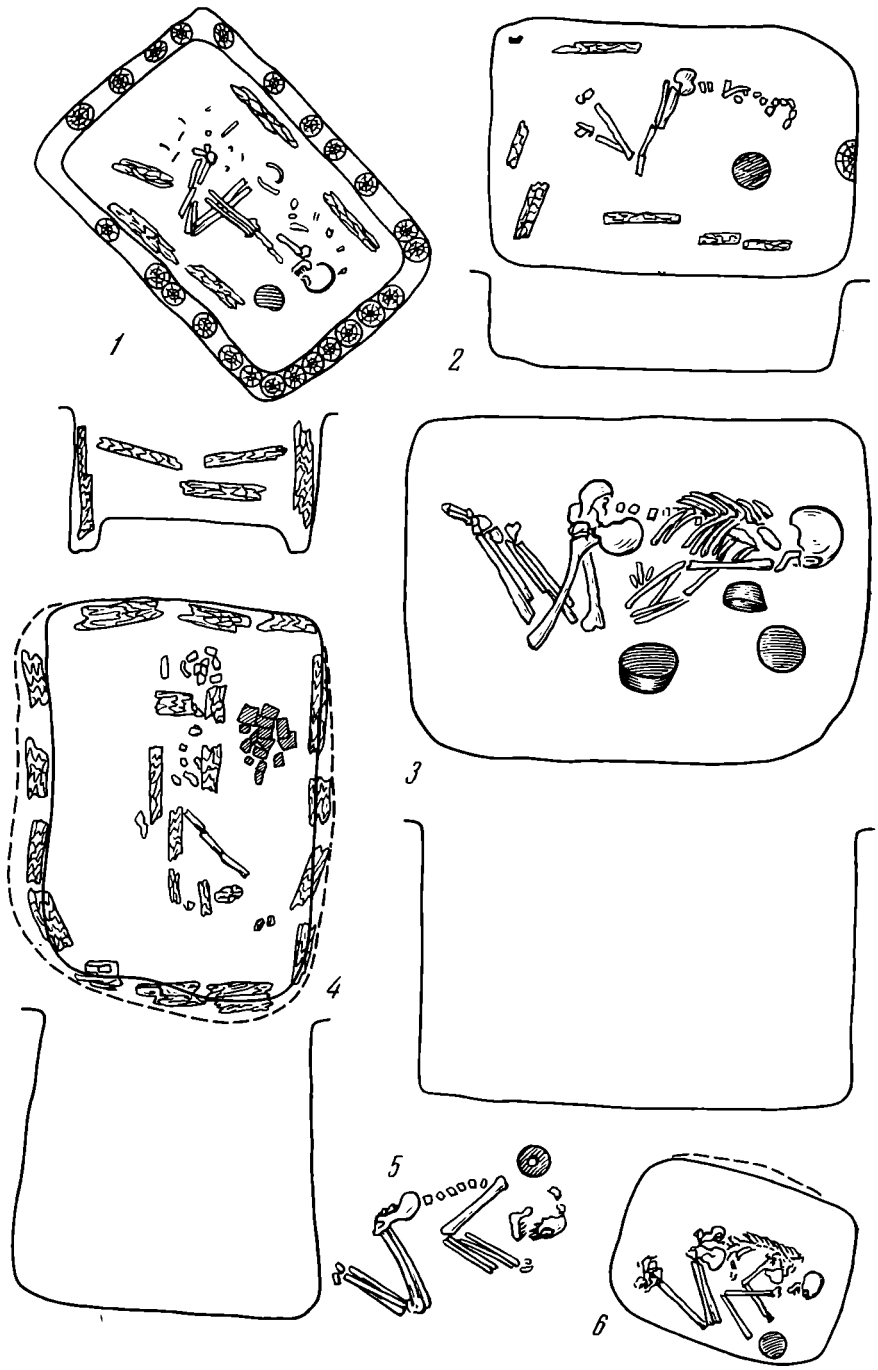


Рис. 1. Погребения срубной культуры: *1* — Ерзовка V, к. 4, погр. 6; *2* — Ерзовка V, к. 2, погр. 2; *3* — Пролейка, к. 2, погр. 5; *4* — Ерзовка I, к. 2, погр. 3; *5* — Ильевка, грунтовое погребение; *6* — Верхне-Яблочный, к. 7, погр. 2.

вики. Сверху на столбы были положены длинные слеги перекрытия, лежащие по длине ямы. Причем сам погребенный лежал на меловой подстилке, на левом боку, головой ориентирован на юго-восток, руки вытянуты (рис. 1, *1*). Рядом с черепом был поставлен остроребериый сосуд. Погребение 3 из кург. 2 (Ерзовка I) [6, с. 4, 5] также совершено в глубокой прямоугольной яме с сильно закругленными углами, перекрытой плахами. Погребенный лежал на левом боку, ориентирован головой на северо-северо-восток (рис. 1, *4*). Рядом — два сосуда (рис. 2, *1*).

Погребенные этого хронологического этапа лежат на левом боку в скорченном положении, иногда на меловой подстилке. Обычно эти погре-

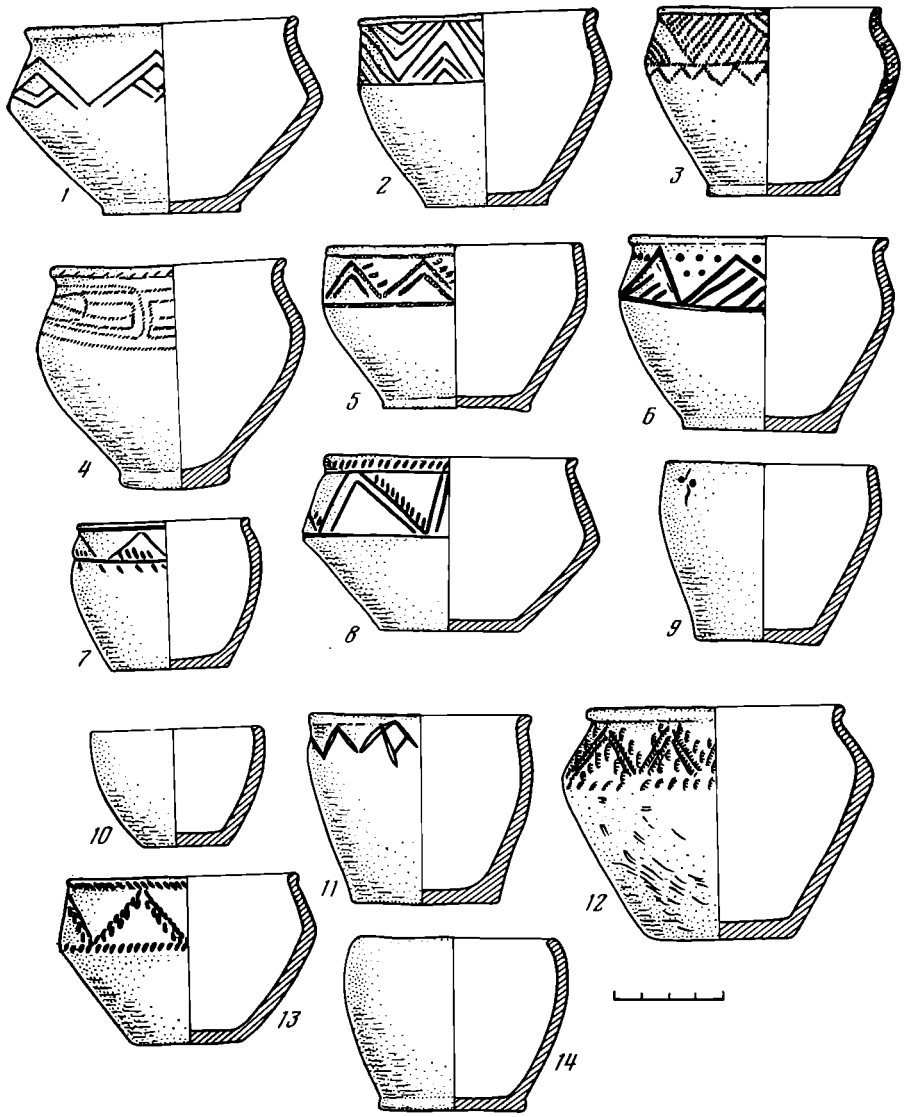


Рис. 2. Керамика из погребений срубной культуры: *1* — Ерезовка I, к. 2, погр. *3; 2* — Ерзовка V, к. 2, погр. 2; *3* — Ильевка, грунтовое погребение; *4* — Верхне-Яблочный, к. 7, погр. 2; *5* — Ерзовка III, к. 3, погр. 3; *6, 9* — Ерзовка II, к. 1, погр. 1; *7, 8* — Ерзовка III, к. 4, погр. 2; *10—12* — Глазуновский, к. 8, погр. 1; *13, 14* — Ерзовка III, к. 1, погр. 2

бения лежат в основании кургана, реже — впущены в более древнюю насыпь. Кисти рук у погребенных в ряде случаев перед лицевыми костями, чаще — перед грудью (Пролейка, к. 2, погр. 1 [7, с. 218, 219], к. 2, погр. 5 — рис. 1, *3*; Ерзовка V, к. 2, погр. 2 [6] — рис. 1, *2*; погребение из грунтового могильника у с. Ильевка на Карповском водохранилище Волго-Донского канала [8] — рис. 1, *5*).

Ориентировка погребенных неустойчива: В, СВ, ЮВ, с преобладанием восточной. Вероятно, ориентировка с отклонением к югу, юго-востоку свидетельствует о возможных контактах с катакомбниками Волго-Донского междуречья, влияние которых прослежено на материалах таких могильников, как Жирноклеевский (к. 6, погр. 1) [9, с. 137]; Авиловский (к. 7, погр. 2) [10, с. 19]; Колпачки (к. 1, погр. 3) [11; 12, с. 212]; Верхне-Яблочный (к. 7, погр. 2) [13], (рис. 1, *6*); Ерзовка III (к. 3, погр. 1) [6, с. 26]; Россошка 1 (к. 4, погр. 3) [14].

Сопровождающий интвентарь, как это вообще характерно для срубной культуры, весьма беден. Как правило, это лепные остроребериые и

баночные сосуды. Остроребериые сосуды имеют четко выделенное ребро, отогнутый наружу венчик. Сосуды приземистые, «горизонтальных пропорций», что, по мнению Н. Я. Мерперта, связывает их с позднеполтавкинской керамикой [15, с. 16]. Орнамент занимает, как правило, верхнюю часть сосуда и расположен между двумя горизонтальными линиями, нижняя из которых приходится обычно на ребро. Эти ограничивающие линии нанесены мелкозубчатым, реже крупнозубчатым штампом или «веревочкой» (рис. 2, *3*, *4*). Поле между линиями заполнено устойчивым орнаментальным мотивом: углами, треугольниками, выполненными резными линиями, «веревочкой», мелкозубчатым или крупнозубчатым штампом. Вершины углов иногда спускаются ниже линии, проведенной по ребру сосуда. Мелкозубчатый штамп часто встречается на керамике полтавкинской культуры [16, с. 109]. Применение мелкозубчатого штампа на нашей керамике лишний раз указывает на древность погребения в сравнении с другими этого же хронологического горизонта, но с керамикой, орнаментированной иными штампами.

Инфильтрация небольших групп срубников «бережновского» хронологического горизонта в конечном итоге сменилась вторжением мощного потока раннесрубных племен из-за Волги [3, с. 20], принесших свои заволжские традиции.

Часть срубников, ушедших из-за Волги, заняла Волго-Донское междуречье и двинулась в южном и юго-западном направлениях. Появление ранних срубников в юго-западных районах междуречья, на Нижнем Дону, в Причерноморье хорошо датируется наличием в погребениях орнаментированных остроребериых сосудов, аналогичных керамике раннесрубных комплексов Нижней Волги и Заволжья [17, с. 126—128; 18, с. 184; 19, с. 16, рис. 5; 20, с. 75, рис. 9, *2*; 21, с. 53]. Причем чаще всего погребения этого этапа здесь встречаются в насыпи курганов. Срубные племена, продвигавшиеся в юго-западном направлении, довольно быстро достигли районов Причерноморья и Нижнего Дона. Здесь известны наиболее ранние памятники, сохраняющие еще нижневолжские традиции [22, с. 200—202], датируемые XV в. до н. э. [23, с. 45; 24, с. 19; 25, с. 45; 26, с. 16; 27, с. 12]. В направлении Калмыкии, Кубани и Предкавказья [28, с. 199; 29, с. 101], где им встретился плотный заслон катакомбников (волго-манычский вариант), продвижение срубников было не столь быстрым. На Маныче не встречена керамика ранних форм — известна посуда только поздних типов конца II тысячелетия до н. э. [30, с. 73, 74].

В. И. Марковин, отмечая появление катакомбных племен в среде населения Северного Кавказа в XV—XIV вв. до н. э., связывает это с «давлением наступающих на них срубных племен» [31, с. 68], которым они вынуждены были освободить часть ранее занятой территории. Вместе с этим отмечается и незначительное проникновение носителей срубной культуры в пограничные районы Предкавказья, о чем говорят находки нескольких ранних срубных ножей [31, с. 71, 73, рис. 32, *4—6*].

В курганах Калмыкии в последнее время обнаружены раннесрубные погребения, совершенные в прямоугольных или округлых ямах [32, с. 182, 183], где также обнаружены остроребериые сосуды и отмечен разнобой в ориентировках (Ю, В, З). Более того, на территории волгоградской части междуречья представители катакомбной и срубной культур сосуществовали какое-то время во второй половине II тысячелетия до н. э. [33, с. 86, 87]. Об этом свидетельствуют такие факты, как находки в некоторых погребениях керамики катакомбной культуры вместе со срубными горшками [33, с. 87], шнуровой орнамент, характерный для катакомбников, на срубных сосудах [34, с. 27, 28], находки сосудов как бы смешанных форм, а также находка ранних полированных булав грушевидной формы, известных у катакомбников в ранних погребениях срубной культуры (Ерзовка III [6, с. 24, рис. 60], к. 1, погр. 4; рис. 1, *3*; Ерзовка V [6, с. 33, 34, рис. 100], к. 1, погр. 1, рис. 3, *12*). Такие бу-

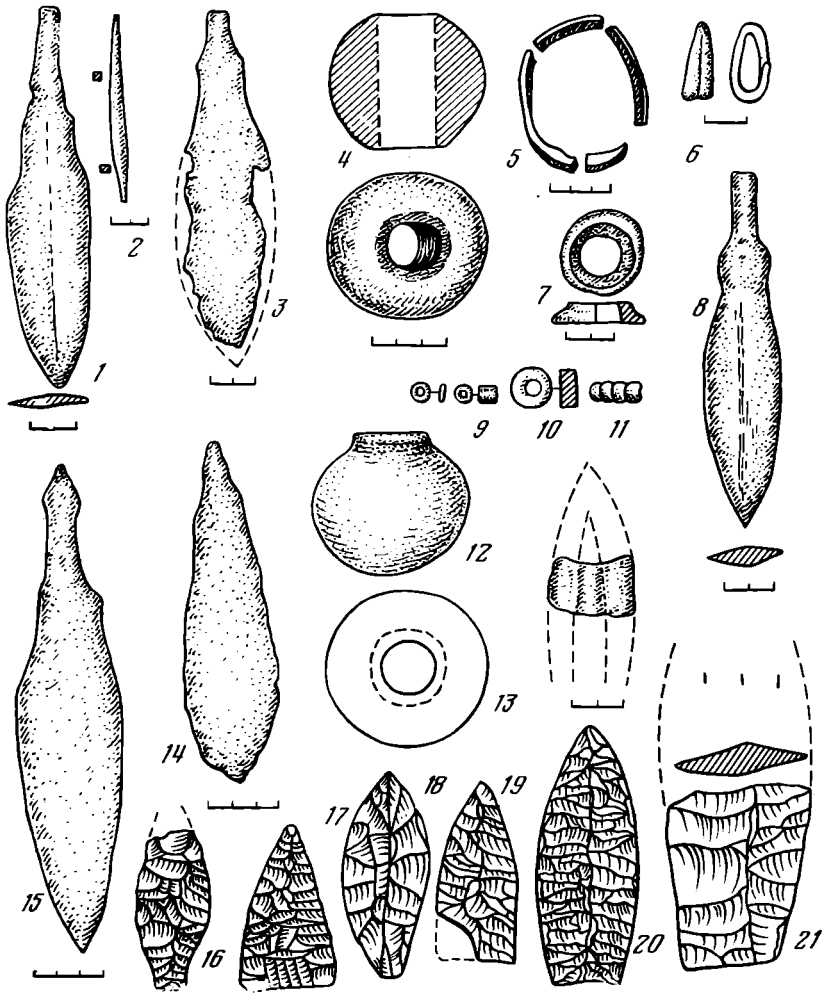


Рис. 3. Вещи из погребений срубной культуры: *1*, *2* — Новоаннинск, к. 3, погр. 1; *3*, *4* — Ерзовка III, к. 1, погр. 3; *5* — Ерзовка II, к. 3, погр. 1; *6* — Ерзовка V, к. 4, погр. 1; *7* — Котлубань III, к. 1, погр. 8; *8* — Котлубань III, к. 1, погр. 8; *9*—*11* — Ерзовка V, к. 4, погр. 4; *12* — Ерзовка V, к. 1, погр. 1; *13* — Донская, остров 1; *14* — Ерзовка III, к. 4, погр. 2; *15* — Ерзовка II, к. 3, погр. 1; *16* — Приморская, остров 6; *17* — Приморская, остров 2; *18* — Пятиморское, остров 3; *19* — Приморская, остров 6; *20* — Пятиморское, остров 1; *21* — Ложки, береговая полоса.

лавы на Северном Кавказе встречаются в погребениях, имеющих дату от 1700 до третьей четверти II тысячелетия до н. э. [31, с. 71, 73, рис. 32, *4*—*6*; 35, с. 200, с. 173, рис. 3а, *3*], и, по мнению А. А. Иессена, относятся «ко времени донецкой катакомбной культуры..., но к более позднему ее этапу, близкому к началу срубной культуры на Донце» [36, с. 67, рис. 67, *7*; с. 72].

О взамоотношениях абашевцев с ранними срубниками высказал свое мнение А. Д. Пряхин, который считает, что появление первых групп срубников в зоне обитания абашевцев можно отнести к середине II тысячелетия до н. э. [37, с. 137]. Действительно, раскопки в Воронежской обл. [38, с. 26; 39, с. 33] и наши раскопки в северных и северо-западных районах Волго-Донского междуречья [40; 41; 42] выявили второй хронологический пласт срубной культуры, начало которого мы вслед за Н. Я. Мерпертом и Н. К. Качаловой [43, с. 11; 44, с. 50] относим к XV в. до н. э.

Памятники этого времени по отношению ко всему учтенному количеству срубных погребений в междуречье занимают меньший процент.

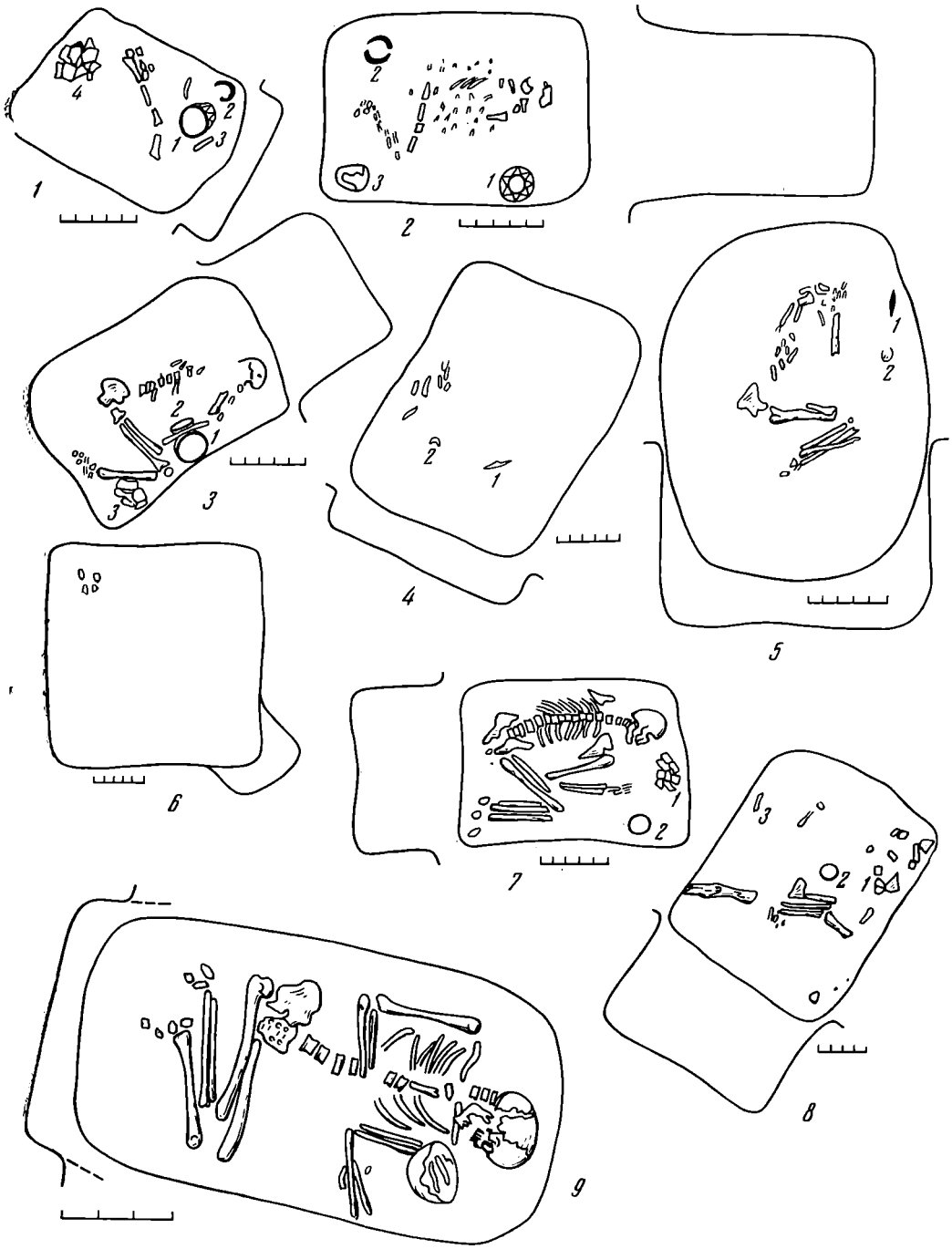


Рис. 4. Погребения срубной культуры: *1* — Ерзовка III, к. 4, погр. 2; *2* — Ерзовка II, к. 1, погр. 1; *3* — Ерзовка III, к. 1, погр. 1; *4* — Ерзовка II, к. 3, погр. 1; *5* — Ерзовка III, к. 1, погр. 3; *6* — Королева могила, к. 4, погр. 1; *7* — Ильевка, к. 15, погр. 2; *8* — Березовский, к. 7, погр. 1; *9* — Пятиморское, остров 6.

Видимо, только постепенно, может быть, с третьего периода (по Н. К. Качаловой) срубной общности — в XIII—XII вв. до н. э.— количество срубного населения начинает возрастать и стабилизируется на некоторое время. Это увеличение численности происходит как за счет притока новых групп срубников из-за Волги, так и за счет естественного прироста населения, обжившего благоприятные районы междуречья. Последнее подтверждается, в частности, массовым появлением детских погребений в курганах междуречья, количество которых на ранних стадиях было значительно меньше.

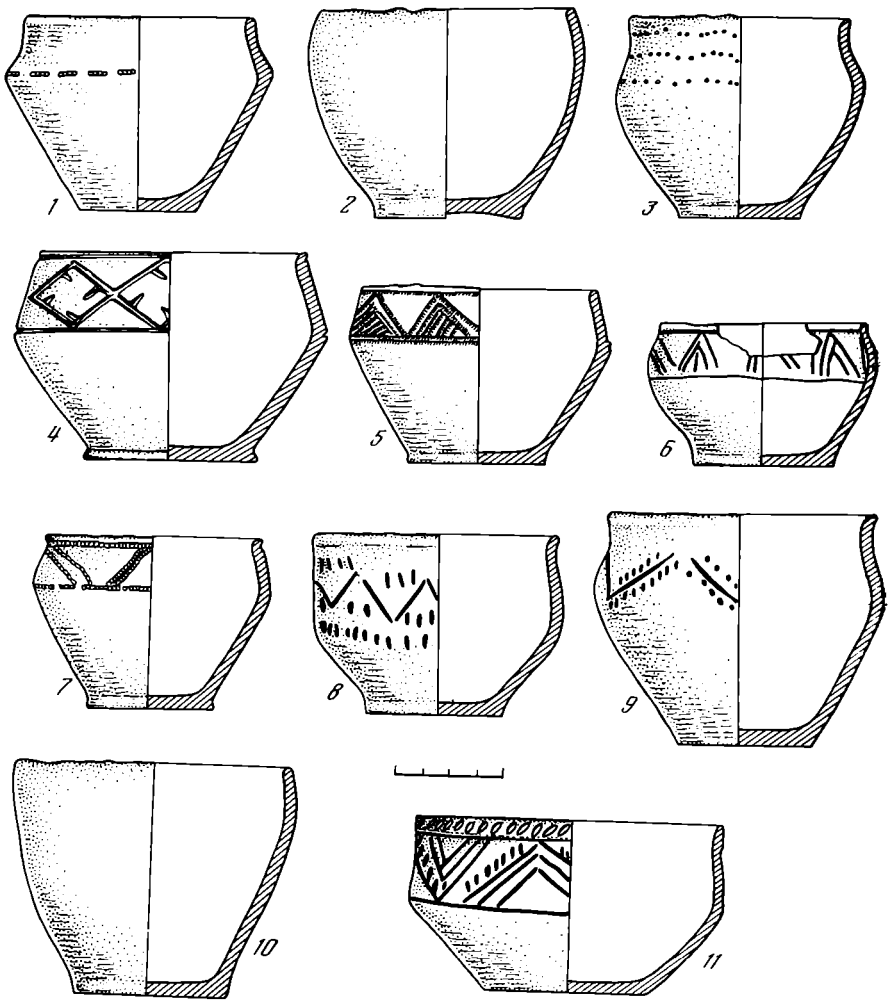


Рис. 5. Керамика из погребений срубной культуры: *1, 2* — Ерзовка V, к. 4, погр. 4; *3* — Варламов, к. 1, насыпь; *4* — Котлубань IV, к. 2, погр. 2; *5* — Березовский, к. 25, погр. 4; *6* — Пятиморское, остров 6; *7* — Ерзовка V, к. 2, погр. 1; *8, 9* — Верхне-Яблочный, к. 9, погр. 4, 6; *10, 11* — Ерзовка IV, к. 1, погр. 1.

Погребальный обряд в степях междуречья не отличается от ритуала обитателей заволжских степей Нижнего Поволжья этого же хронологического горизонта. Захоронения производились как в материк, так и в насыпь кургана. Ямы имеют вид прямоугольника с закругленными углами. Отмечены также ямы овальные или имеющие вид неправильного прямоугольника. Например: Ерзовка III [6, с. 23, 24, 27, 28, 15], к. 1, пог. 1, (рис. 4, *3*), к. 1, погр. 3 (рис. 4, *5*), к. 4, погр. 2 (рис. 4, *1*); Ерзовка II, к. 1, погр. 1 (рис. 4, *2*), к. 3, погр. 1 (рис. 4, *4*); Королева могила [45, с 70, 71], к. 4, погр. 1 (рис. 4, *6*); Ильевка [46, рис. 49, *2*], к. 15, погр. 2 (рис. 4, *7*); Березовский [47, с. 22], к. 7, погр. 1 (рис. 4, *8*); Пятиморская [48, с. 24, 25], остров 6 (рис. 4, *9*).

Срубов или других сложных деревянных конструкций в погребениях раннего этапа срубной общности Волго-Донского междуречья нет. Встречаются иногда следы слабого деревянного перекрытия из тонких плах, сучьев, веток. Н. Я. Мерперт считает, что отказ срубников от устройства деревянных сооружений над умершими соплеменниками относится уже ко второй половине II тысячелетия до н. э. [49, с. 77].

Погребенные положены на левый бок (в двух случаях — на правом) в скорченном положении, руки согнуты, ориентировка в основном восточ-

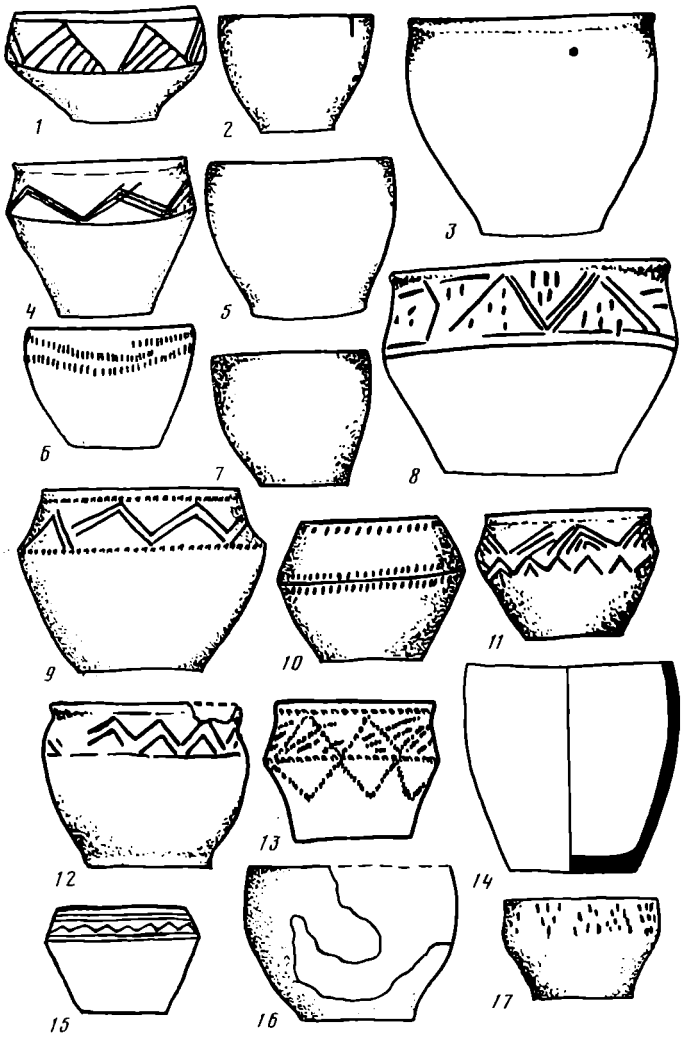


Рис. 6. Керамика из погребений срубной культуры: *1—3* — Пролейка, к. 2, погр. 5; *4—6* — Пролейка, к. 5, погр. 3; *7, 9* — Березовский, к. 7, погр. 1; *8* — Киреево, случайная находка; *10* — Пролейка, к. 5, погр. 1; *11* — Колпачки, к. 2, погр. 2; *12* — Ильевка, к. 1, погр. 7; *13* — Березовский, к. 4, погр. 1; *14* — Ильевка, к. 7, погр. 3, *15* — Сидоры, к. 37, погр, 6; *16, 17* — Ильевка, к. 15, погр. 2.

ная и северо-восточная. В могильную яму продолжают ставить остроребер-ные, горшковидные и баночные сосуды, причем остроребер-ный сосуд обычно в сопровождении баночного. В то же время одиночные баночные сосуды, особенно на завершающем этапе раннесрубного периода, ставятся все чаще. Более того, в поздний период срубной культуры, как известно, керамика баночного типа в погребениях стала единственной посудой.

Сосуды срубников раннего периода [50, с. 184] имеют четкое ребро (рис. 2, *5,8*, *12*, *13*; 5, *4*, *5*, *11*; 6, *9*, *10*, *11*, *13*, *15*), но все чаще отмечается тенденция к его сглаживанию, большей плавности, округлости профиля (рис. 2, *6*, *7*; 5, *6*, *7*; 6, *4*, *8*, *12*). Линии, идущие под венчиком и по ребру, могут быть резными или нанесенными крупнозубчатым штампом. Естественно, орнаментальные мотивы, даже в сравнительно короткий промежуток времени, не могут оставаться стабильными [51, с. 6]. К концу раннего этапа постепенно изменяются орнаментальные мотивы и комбинации, исчезают параллельные линии, прочерченные треугольники, упрощается ряд элементов орнамента (рис. 5, *3*, *8*, *9*; 6, *17*).

Позднее, судя по фрагментам керамики с позднесрубных поселений, срубники совершенно откажутся от четких орнаментальных композиций. Мелкие баночные сосуды практически не изменяются за весь период существования срубной общности (рис. 2, *9—11*, *14*; 5, *10*; 6, *5—7*, *14*, *16*), изменения прослеживаются только среди баночных и горшковидных сосудов крупных размеров.

Материалы многочисленных поселений (к сожалению, в Волго-Донском междуречье исследованы лишь немногие из них) полностью соответствуют инвентарю из курганов. Такая же картина отмечается и в Заволжье. В коллекциях донских стоянок и поселений, например, имеется керамика, соответствующая раннему периоду срубной культуры — времени мощного продвижения в XV в. до н. э. в Причерноморье и на Нижний Дон большого потока срубников.

Часть раннесрубных племен, оставшаяся на правом берегу Волги, на Дону и их притоках, основала здесь многочисленные поселения, расположенные в основном на первых пойменных террасах рек [52, с. 53; 53, с. 28]. В местах, неудобных из-за крутизны и высоты берегов, поселения устраиваются на грунтовых выносах в устьях старых балок, оврагов, выходящих к реке. В этих случаях над культурным слоем поселения со временем откладывались аллювиальные наносы [54, с. 36, 55, с. 340], в наше время зачастую размытые водами Цимлянского водохранилища. Та же картина наблюдается и с поселениями в устьях рек, впадающих в Дон [56; 57; 58]. На таких поселениях произошло переотложение находок, относящихся к различным хронологическим этапам, в результате смыва культурного слоя, что существенно затрудняет датировку находок и памятника в целом.

На левобережье Дона, выше рек Карповка, Червленая, где большие приречные районы заняты дюнами, обнаружена керамика, кремневые орудия труда и развеянные погребения срубной культуры [59, с. 11, 14]. А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий считают, что на таких землях, непригодных для земледелия, поселенцы могли заниматься рыболовством и собирательством [60, с. 140].

В несколько лучшие условия попали племена срубной культуры, обосновавшиеся в лесостепной полосе Волго-Донского междуречья [34, с. 23], где отмечено большое число поселений. Вероятно, этому способствовали такие факторы, как плодородные земли, лесные угодья, занимающие значительные пространства, наличие «уютных», скрытных мест у лесных речушек, озер, ключей, в балках и овражках, к которым так тяготеют поселения срубников,— т. е. там, где имелись все условия для интенсивного развития земледелия и придомного скотоводства.

С донских стоянок и поселений, помимо керамики, собрана большая коллекция орудий из кремня, кварцита. Среди них можно отметить в первую очередь кремневые наконечники стрел, аналогии которым есть в турбинско-сейминском регионе (рис. 3, *17*, *19*). Изготовлены наконечники стрел из тонких кремневых пластинок с последующей обработкой струйчатой ретушью. Они датируются в основном XV—XIV вв. до н. э. [61, с. 215; 62, с. 148; 63, с. 229]. Имеется группа кремневых наконечников стрел (рис. 3, *16*) с выделенным черешком (подобные наконечники отмечены С. Н. Братченко в Ливенцовской крепости и датируются им серединой и третьей четвертью II тысячелетия до н. э. [64, с. 95, 96, рис. 1, *5*]. Найдены массивные основания кремневых копий, кварцитовые наконечники дротиков (рис. 3, *18*, *20*, *21*), а также фрагмент бронзового втульчатого наконечника копья (рис. 3, *13*).

О проникновении в районы Нижнего Дона и в глубинные районы Причерноморья племен раннего этапа срубной культуры говорят впускные погребения с характерным для срубников Нижнего Поволжья обрядом и наличием как в погребениях, так и на поселениях остроребериой керамики, типичной для раннесрубной культуры, и бронзовых ножей ран-

него типа [65, с. 97; 19, с. 18; 66, с. 64, 65, рис. 3, *1*, *3*; с. 66; 67, с. 89].

Племена раннего этапа срубной культуры захватили обширные пространства с различными экономическими потенциалами. Естественно, используя природные ресурсы занятого района, вступая в контакты с соседями, срубники каждой области развиваются своим путем [3, с. 69; 53, с. 27]. Именно в этот период, XIV—XIII вв. до н. э., вероятно, и начинают образовываться локальные группы срубной общности.

Районы Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья абсолютно лишены запасов таких руд, как медь, олово, сурьма, мышьяк, крайне необходимых в производстве медных и бронзовых орудий. Тем не менее существование металлургии в Нижнем Поволжье не раз отмечали исследователи [68, с. 413; 69, с. 38]. Об этом говорят и находки погребений литейщиков и орудий их производства. На донских поселениях, например, среди фрагментов срубной керамики найдены мелкие бронзовые потеки, капли бронзы — отходы производства, обнаружена небольшая глиняная льячка. И если в период господства катакомбной культуры в Волго-Донском междуречье металл в поделках или слитках поступал из районов Кавказа, то во время освоения междуречья племенами срубной общности источник поступления металла меняется. Пришедшие из-за Волги в междуречье племена сохранили свои традиционные связи с металлургическими центрами «степей южного Приуралья» [3, с. 51, 52].

Металлические изделия высоко ценились среди поселенцев Волго-Донского междуречья, в первую очередь из-за удаленности от рудных районов. Это, вероятно, является одной из причин крайне редких находок бронзовых поделок в погребениях [60, с. 171]. Находки металлических изделий в междуречье тем не менее ясно указывают, что металл попадал из рудных южноуральских районов в заволжские [3, с. 52], а оттуда и в Волго-Донское междуречье. Среди находок в первую очередь следует отметить три бронзовых ножа, датируемых XV—XIV вв. до н. э. [61, с. 215; 70, с. 234, рис. 1, *6*; с. 235, 236; 62, с. 148, 147, рис. 2, *1*; 71, с. 139] и характерных для ранних памятников срубной культуры (рис. 3, *3*, *14*, *15*). Кстати, бронзовый нож из Ерзовки II, к. 3, погр. 1, находит четкую аналогию в материалах I Турбинского могильника [72, с. 8, рис. 79А]. Сюда же можно отнести бронзовый нож, найденный в комплексе с бронзовым шилом и баночным сосудом в мощном деревянном наземном срубе (рис. 3, *1*, *2*) в Новоаннинском курганном могильнике [73].

Бронзовый нож с узким черенком и небольшим расширением перед лезвием из могильника Котлубань III (1972 г., к. 1, погр. 8 — рис. 3, *8*) генетически связан с ранними типами ножей. Он аналогичен негативу на одной литейной форме из с. Головурова на Киевщине, датируемой И. Н. Шарафутдиновой XIII—XII вв. до н. э. [74, с. 66, рис. 3с, с. 70]. В погребении из Котлубани найдены костяная пряжка (рис. 3, *7*). Такие пряжки известны в памятниках с многоваликовой керамикой, у абашевцев и андроновцев [75, с. 315], а также в погребениях позднего этапа срубной общности, где они имеют дату с XVI по XIII в. до н. э. [76, с. 167]. Вероятно, данное погребение может датироваться тем же периодом XIII—XII вв. до н. э., т. е. началом позднего этапа срубной культуры в Нижнем Поволжье, соответствующего сабатиновскому этапу.

В нескольких срубных погребениях найдены бусы из пасты и серебра (рис. 3, *9—11*), попадавшие к племенам Волго-Донского междуречья в результате интенсивного межплеменного обмена [77, с. 7]. Причем в погребении из Ерзовки V найдены так называемые «сочлененные» бусины (рис. 3, *11*), которые, как отмечает Н. Я. Мерперт [78, с. 149], характерны для поздних этапов срубной культуры. В данном случае при погребенном, ориентированном головой на восток, стоял остроребериый

горшок, орнаментированный оттисками штампа «личинка» по самому ребру, и баночный сосуд с широким туловом и узким выделенным поддоном (рис. 5, *1*, *2*). Судя по всему, погребение относится к позднему хронологическому пласту раннего этапа срубной культуры и стоит на рубеже перехода к сабатиновскому этапу.

В погребениях ранних срубников отмечены находки отдельных костей животных. Это не только альчики, которые могли быть положены как предмет игры или гадания, но также кости барана (три случая) и кости крупных животных (в основном ребра) — шесть случаев.

Таким образом, отдельные группы срубников могли проникать с востока в районы Волго-Донского междуречья уже на «бережновском» этапе (по Н. К. Качаловой). Значительно более широкое (и лучше документированное) их расселение на этой территории происходит на втором этапе (XV—XIV вв. до н. э.). Развитие срубников продолжается здесь и на позднем — третьем этапе (начиная с XIII в. до н. э.). Оно отмечено рядом своеобразных черт, отличающих Волго-Донскую группу от Поволжских, с поразительной консервативностью сохранявших традиции раннего периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мерперт Н. Я.* Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы в Поволжье. Казань, 1957.
2. *Конкин В. Н., Лукашов А. В., Мамонтов В. И.* Раскопки курганов в Волгоградской области.— АО—1973. М., 1974.
3. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, № 46.
4. *Мамонтов В. И.* Новые памятники полтавкинской культуры Волгоградского Заволжья и Волго-Донского междуречья.— В кн.: Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т, 1977.
5. *Качалова Н. К.* Бережновский горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья.— В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т, 1976.
6. *Лисицын И. П., Скрипкин А. С.* Отчет о работе Городищенского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1972 г. Архив ИА АН СССР, р. 1, № 4919.
7. *Синицын И. В.* Археологические памятники у с. Пролейки.— Уч. зап. СГУ, 1956, с. XLVII.
8. *Мамонтов В. И.* Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР в 1978 г. Фонды ВОКМ.
9. *Миллер М. А.* Дневник III отряда В-Донской экспедиции 1934 г. Архив ЛОИА, ф. 2, № 189.
10. *Синицын И. В.* Археологические раскопки на р. Иловле Сталинградской обл. в 1937 г. Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, д. 159.
11. *Мамонтов В. И.* Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР в 1967 г. Фонды ВОКМ.
12. *Мамонтов В. И.* Курганный могильник Колпачки.— СА, 1971, № 1.
13. *Шилов В. П.* Отчет о работе Волго-Донской экспедиции в 1970 г.
14. *Лисицын И. П.* Отчет о работе Городищенского отряда. Фонды НИС ВГПИ, 1973 г.
15. *Мерперт Н. Я.* Срубная культура Южной Чувашии.— МИА, 1962, № 111.
16. *Алихова А. Е.* Памятники срубной культуры Самарской Луки.— МИА, 1960, № 80.
17. *Завьялов В. А., Захаренкова И. А., Логоцкий К. С., Бестужев Г. Н., Бианки А. А., Шарафутдинова Э. С.* Раскопки курганов на Нижнем Маныче.— АО — 1972. М., 1973.
18. *Лесков А. М.* Исследование Керченского участка трассы Северо-Крымского канала.— АО — 1966. М., 1967.
19. *Лесков А. М.* Раскопки курганов на юге Херсонщины и некоторые вопросы истории племен бронзового века Северного Причерноморья.— В кн.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев: Наукова думка, 1967.
20. *Ковпаненко Г. Т., Качалова Н. К., Шарафутдинова И. Н.* Курганы у с. Новочерноморье Херсонской области.— В кн.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев: Наукова думка, 1967.
21. *Фабрициус И. Ф.* Археологическая карта Причерноморья Украинской СССР. Т. V. Киев, 1951.
22. *Пузаков Е. В.* О периодизации памятников эпохи бронзы в бассейне Верхнего Донца.— МАСП, 1962, вып. 4.
23. *Лесков А.* Новые сокровища курганов Украины. Л.: Аврора, 1972.
24. *Ковальова У. Ф., Волкобой С. С.* Маївський локальный варіант зрубної культури.— Археологія, 1976, № 20.

25. *Рыбалова В. Д.* Поселение Каменка в Восточном Крыму.— АСб. ГЭ, 1974, № 1ь.
26. *Лесков А. М.* Новое о древней истории юга Украины. Тезисы докладов сессии, посвященной итогам исследований 1966 г. Кишинев, 1967.
27. *Лесков А. М.* Кировское поселение.— В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев: Наукова думка, 1970.
28. *Марковин В. И.* Об изучении взаимосвязей древних племен.— В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976.
29. *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы в Азии.— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975.
30. *Иессен А. А.* Раскопки курганов на Дону в 1951 г.— КСИИМК, 1954, № 53.
31. *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы.— МИА, 1960, № 93.
32. *Шнайдштейн Е. В.* Раскопки курганов Калмыцкой АССР.— АО — 1974. М., 1975.
33. *Шилов В. П., Засецкая И. П., Маловицкая Л. Я.* Работы в Нижнем Поволжье.— АО — 1965. М., 1966.
34. *Качалова Н. К.* О локальных различиях в лесостепной срубной культуре.— АСб. ГЭ, 1977, № 18.
35. *Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф.* Памятники эпохи бронзы в Дагестане.— СА, 1956, XXVI.
36. *Иессен А. А.* Раскопки курганов на Дону в 1951 г.— КСИИМК, 1954, № 53.
37. *Пряхин А. Д.* Древнее население Песчанки. Воронеж, 1973.
38. *Пузикова А. И., Шкурко А. И., Гуляев В. И.* Работы Воронежской экспедиции. АО — 1967. М., 1968.
39. *Пузикова А. И., Качалова Н. К.* Работы Воронежской экспедиции.— АО — 1966. М., 1967.
40. *Мамонтов В. И.* Раскопки Королевского могильника.— АО — 1969. М., 1970.
41. *Мамонтов В. И.* Курганный могильник Сидоры.— АО — 1972. М., 1973.
42. *Мамонтов В. И.* Погребения эпохи бронзы Новоаннинского курганного могильника.— СА, 1974, № 1.
43. *Качалова Н. К.* Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья.— АСб. ГЭ, 1976, № 17.
44. *Мерперт Н. Я.* Археологические памятники у с. Хрящевки.— КСИИМК, 1953, L.
45. *Шилов В. П.* Отчет о раскопках Астраханской экспедиции за 1959 г. Фонды ВОКМ.
46. *Мамонтов В. И.* Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР за 1970 г. Фонды ВОКМ.
47. *Мамонтов В. И.* Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР за 1968 г. Фонды ВОКМ.
48. *Мамонтов В. И.* Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР в 1978 г. Фонды ВОКМ.
49. *Мерперт Н. Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья.— МИА, 1958, № 61.
50. *Лесков А. М.* Исследования Керченского участка трассы Северо-Крымского канала.— АО — 1966. М., 1967.
51. *Иванов С. В.* Орнамент как исторический источник.— СЭ, 1958, № 2.
52. *Артамонов М. И.* Донская экспедиция ГАИМК.— ПИМК, 1933, № 1—2.
53. *Братченко С. Н., Кияшко В. Я.* Бронзовый век. История Дона. Ростов-на-Дону, 1965.
54. *Гожев А. Д.* Типы песков области Среднего Дона и их хозяйственное использование.— Труды по лесному опытному делу. Вып. 3. М.— Л., 1929.
55. *Горецкий Г. И.* Новые стоянки конца неолита и эпохи бронзы на террасах Нижнего Дона и Маныча как геологические документы.— Известия Всесоюзного географического общества, 1948, № 3.
56. *Мамонтов В. И.* Подъемный материал Пятиморской стоянки.— КСИА АН СССР, 1969, № 115.
57. *Мамонтов В. И.* Материал Пятиморской стоянки.— СА, 1970, № 2.
58. *Мамонтов В. И.* Донская стоянка эпохи бронзы.— ИКЗ, 1973, № 1.
59. *Ильина А., Шишкин П.* Материалы к археологической карте Сталинградского, Хоперского и некоторой части Астраханского и Камышинского округов Нижне-Волжского края. Сталинград, 1929.
60 *Круглов А. П., Подгаецкий Г. В.* Родовое общество степей Восточной Европы.— ИГАИМК, 1935, 119.
61. *Генинг В. Ф.* Новый памятник Сейминско-Турбинского типа в Удмурдском Прикамье.— В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975.
62. *Халиков А. Х.* Ново-Мордовские курганы.— МИА, 1965, № 130.
63. *Братченко С. Н.* Богатошарове поселення Лівенцівка на Дону.— Археологія, 1969, XXII.
64. *Братченко С. Н.* Исследования Ливенцовской крепости.— АИУ — 1965—1966. Киев, 1967.
65. *Мелентьев А. Н.* Раскопки курганов эпохи бронзы под Новочеркасском в 1962 г.— КСИА АН СССР, 1966, № 106.
66. *Митрофанова В. И.* Янохинское поселение срубной культуры на р. Оскол.— КСИА АН УССР, 1960, № 9.

67. *Березанская С. С.* Поселение срубной культуры на р. Оскол.— КСИА АН УССР, 1959, № 8.
68. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— МИА, 1959, № 60.
69. *Шилов В. П.* О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье — МИА, 1959, № 60.
70. *Чередниченко Н. Н.* Поселение срубной культуры на Луганщине.— СА, 1970, № 1.
71. *Евтюхова О. Н.* О хронологии абашевской культуры среднего Поволжья.— МИА, 1965, № 130.
72. *Бадер О. Н.* Древнейшие металлурги Приуралья. М.: Наука, 1964.
73. *Мамонтов В. И.* Погребения эпохи бронзы Новоаннинского курганного могильника.— СА, 1974, № 1.
74. *Шарафутдінова М.* Бронзоливарна майстерня з с. Головурів на Київщині.— Археологія, 1973, № 12.
75. *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Полиотдельское Сталинградской обл.— МИА, 1959, № 60.
76. *Синюк А. Т., Килейников В. В.* Курган у села Введенки на Дону.— СА, 1976, № 1.
77. *Кричевский Е. Ю.* О роли межплеменных сношений в древнейшей истории.— КСИИМК, 1946, XIII.
78. *Мерперт Н. Я.* Материалы по археологии Среднего Заволжья.— МИА, 1954, № 42.

V. I. Mamontov

ON THE EARLY FRAMEWORK-GRAVE CULTURE SITES OF THE REGION BETWEEN THE VOLGA AND THE DON

Summary

Small groups of the Poltavkinskaya culture tribes appeared in the second quarter of the 2nd millennium B. C. at the right bank of the Volga where they were assimilated by the Catacomb-Grave culture population. The graves of the first chronological horizon type — — Berezhnovka — — defined by N. K. Kachalova in the trans-Volga region are also present in the region between the Volga and the Don, for example, some burials of the Erzovka burial mound in the Volgograd Region. The infiltration of the Berezhnovka tribes is followed in the 15th century B. C. by an intrusion of the early Framework-Grave culture tribes from across the Volga. In the second half of the 2nd millennium B. C. these tribes coexisted. The burials of the Framework-Grave culture in the steppes between the Volga and the Don lack complex wooden constructions. The dead were put on the left side in contracted position mainly pointing east or north-east. Grave furniture consists of ornamented sharp-shouldered, pot-shaped or glass-shaped vessels. The early period of the Framework-Grave culture (or the second chronological horizon according to N. K. Kachalova) between the Volga and the Don area is dated back to the 15th-14th centuries B. C.

КОЗЕНКОВА В. И.

О ГРАНИЦАХ ЗАПАДНОГО ВАРИАНТА КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Факт существования западного варианта кобанской культуры [1] как исторической реальности после работ А. А. Иессена, С. Н. Замятнина, Н. М. Егорова и в особенности Е. И. Крупнова и Е. П. Алексеевой не вызывает сомнения [2]. Иначе обстоит дело с определением четких границ его ареала. У всех исследователей, обращавшихся к этой теме, они остаются в значительной степени гипотетичны. Заметная несогласованность в определении границ западного варианта кобанской культуры обусловлена не только отсутствием уверенности в полном выявлении всех без исключения материалов района, но и различием позиций самих исследователей в оценке характера ведущих памятников. Оказались различными и критерии определения степени значимости тех или иных признаков культуры при выделении локальных групп. Признавая важность постоянно повторяющейся комплексности признаков при общей оценке культурного явления, каждый из специалистов при анализе конкретных материалов тем не менее отдавал предпочтение лишь одному из признаков, настоятельно постулируя его первостепенность. Так, А. А. Иессен основное внимание уделял металлическому инвентарю. В меньшей степени были разработаны им остальные категории культуры [11, с. 19—22; 12, с. 81 и сл.], на что в свое время справедливо указал Е. И. Крупнов [9, с. 88]. В результате, по А. А. Иессену, контур ареала кобанской культуры на западе обозначен на основе сопоставления единичных вещей отсюда с материалами в основном только Кобанского могильника. Е. И. Крупнов главными определяющими признаками при выделении локальных групп считал (1) погребальный обряд, в том числе погребальные сооружения и ритуал, и (2) «разницу в формах и орнаментации... керамического материала». Причем керамика, по мнению Е. И. Крупнова, дает «б о л ь ш е о с н о в а н и й (разрядка наша.— *В. К.*) для различия племенных группировок, чем все другие признаки» [9, с. 177, 178]. Остальным категориям материальной культуры придавалось второстепенное значение. Особо не подчеркивались локальные черты, обусловленные ландшафтным расположением памятников. Территория, занятая кобанской культурой на всех этапах ее развития, очерчена Е. И. Крупновым довольно определенно, но аргументация предложенной условной линии

[1] Статья представляет переработанный вариант доклада на VII Крупновских чтениях в Черкесске (апрель 1977 г.). См. [1, с. 277, 278].

[2] Точка зрения Н. Л. Членовой о некавказском происхождении ряда памятников западного варианта («каменномостско-березовская группа») не может быть принята без критики. Представляя разновидность высказанных мнений Л. А. Ельницкого [2, с. 25], Ф. Ганчара [3, с. 265—274] и Р. Гиршмана [4, p. 72], она приписывает кобанскую культуру Северного Кавказа киммерийцам [5, с. 59, 60]. Н. Л. Членова пишет, что эту группу и близкие ей памятники «принято теперь связывать с киммерийцами» [6, с. 69, 70, 89], однако подобное утверждение не разделяется кавказоведами. Критику аналогичных гипотез см. [7, с. 131; 8, с. 194; 9, с. 111; 10, с. 171].

недостаточно объяснена в самой работе. Последнее обстоятельство послужило поводом для необоснованного упрека в адрес Е. И. Крупнова и его последователей в якобы имевшей место тенденции ввести археологические материалы в границы «схематического определения локальных вариантов с их неоправданно категорическими ареалами, абстрактностью в учете историко-хронологических последствий их эволюции и...» (разрядка наша.— *В. К.*) [13, с. 186].

Е. П. Алексеева в своих трудах специально не разбирала вопрос об основных и второстепенных определяющих признаках для выделения локальных групп. Но из ее работы [14, с. 43—46 и сл.] достаточно ясно, что исследователь отдает предпочтение керамике и металлическому инвентарю, всякий раз, однако, подчеркивая разнообразие погребальных сооружений в ареале кобанской культуры, в том числе и в западном ее варианте [14, с. 50—63].

Не полностью раскрыты конкретные обоснования границ западного варианта («пятигорского», по его терминологии) и в работе по интересующей теме у И. М. Чеченова [15, с. 23—29, 50, карта]. Согласно изложенному, можно заключить, что исследователь руководствовался при выделении западной локальной группы кобанской культуры прежде всего различием в типах погребальных сооружений и в особенностях погребального обряда. Остальные категории, такие, как типы орудий труда, оружие, украшения и керамика, были при этом вспомогательными факторами, хотя И. М. Чеченов и сознавал, что «всесторонне сравнительное изучение погребального инвентаря, и особенно самого массового и весьма ценного археологического материала — керамики», будет способствовать «удовлетворительному освещению рассматриваемого вопроса» [15, с. 22]. При выявлении локальных групп обращалось внимание на ландшафтно-географическое расположение могильников с различными типами конструкций погребальных камер [15, с. 15, 16]. Более конкретное обоснование границ кобанской культуры, и в частности западной группы, можно найти в работах В. Б. Виноградова. В основу выделения границ локальных вариантов, в том числе и западного («пятигорского»), так же как и у И. М. Чеченова, им положены данные о погребальном обряде, «одном из важнейших эталонов локальных подразделений» [13, с. 186—204]. И хотя как будто привлечены и другие показатели (количественные данные о числе, позе, ориентировке погребенных и наборе вещей), но при сравнении между собой всех карт, составленных В. Б. Виноградовым, ясно, что ареалы локальных вариантов совпадают с ареалами преобладающей концентрации в разных местах региона разных типов погребальных сооружений [13, с. 384—386; ср. рис. 68 и 70]. Керамике в схеме В. Б. Виноградова отведено наименьшее место. Зато значительна роль ландшафтного принципа распределения погребальных памятников.

Любопытным оказалось сопоставление между собой опубликованных картосхем, составленных разными исследователями (Е. И. Крупнов, В. Б. Виноградов, И. М. Чеченов). Почти полное совпадение точек зрения обнаружилось относительно северных и северо-восточных рубежей ареала со стороны предкавказских степей, что, однако, может доказывать не столько объективность самой границы, сколько единичность известных здесь памятников кобанского типа. Именно хорошо известные памятники типа каменного ящика с раннекобанским кинжалом и серпом на горе Бык, клада бронзовых вещей на поселении близ ст. Боргустанской, погребений Минеральводского могильника, каменных гробниц Карраса (Иноземцево), находок в районе Пятигорска обеспечило относительное единодушие в проведении границы по правобережью среднего течения р. Кумы, слегка захватывающей левый берег в районе г. Минеральные воды (рис. 1). Действительно, такая линия сплошного распространения

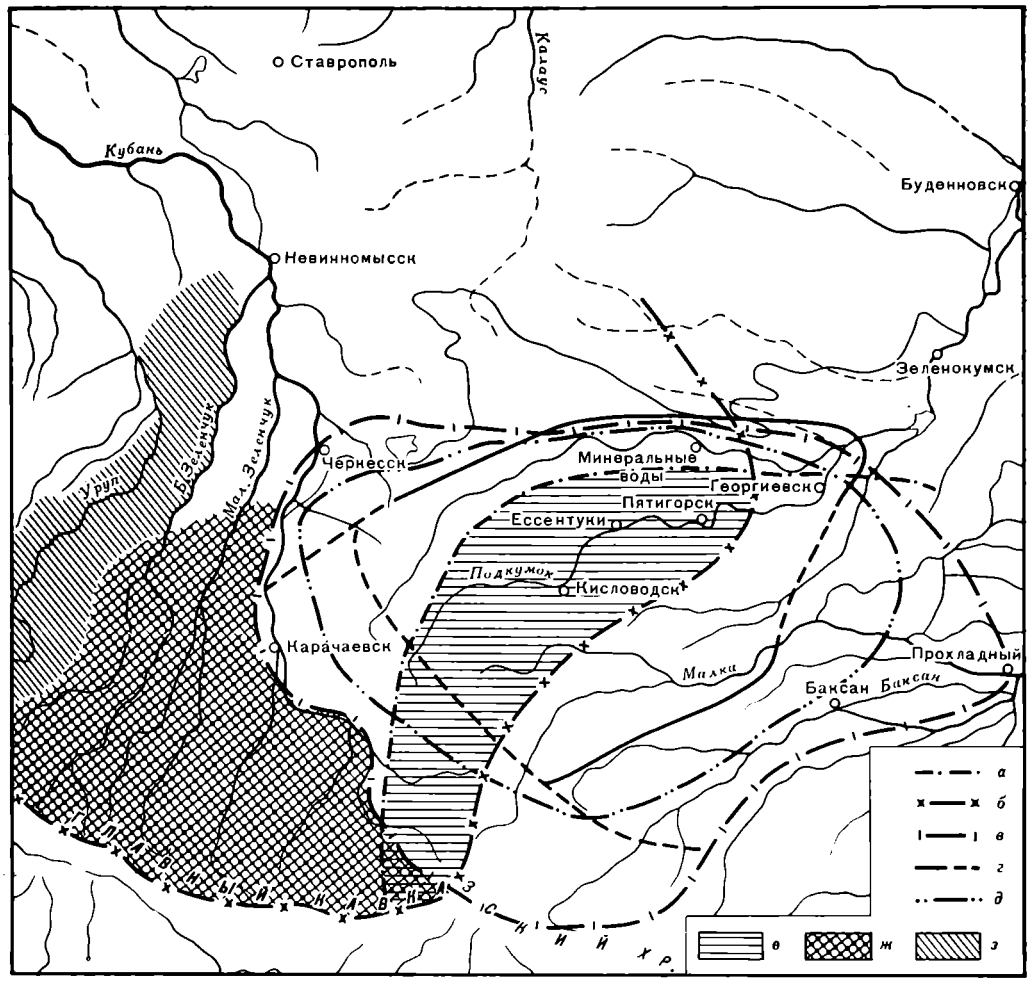


Рис. 1. Карта западного локального варианта кобанской культуры и контактных зон Ареал: *а* — по А. А. Иессену; *б* — по А. А. Иессену (прикубанский очаг); *в* — по Е. И. Крупнову; *г* — по В. Б. Виноградову; *д* — по И. М. Чеченову. Контактные зоны: *е* — по А. А. Иессену; *ж* — по Е. И. Крупнову; *з* — по Е. П. Алексеевой

памятников кобанской культуры, в основном середины I тысячелетия до н. э. [9, с. 141, рис. 11, с. 180, рис. 24], подтверждается в настоящее время находками на левобережье Кумы близ сел. Новозаведенного [16, с. 128] и по ее среднему течению (поселения с керамикой, украшенной нарезным геометрическим орнаментом, зафиксированные разведками А. В. Найденко) [17, с. 1—9 и сл.].

В то же время невозможно умолчать, что значительно севернее этой признанной большинством линии кобанских памятников, точнее, на Ставропольском возвышенном плато издавна зафиксированы в ряде мест древние поселения, в слое которых была найдена чернолощеная с геометрическим белоинкрустированным орнаментом керамика, чрезвычайно близкая кобанской. Известны также курганы и грунтовые могильники с посудой, очень близкой по технологии, формам и орнаментации посуде поселений (Буденновск, Ставрополь) [18, с. 162—208]. Многое в характере материальной культуры населения, оставившего эти могильники, было неясным, но по типу сооружения (курган) и по металлу (наконечники стрел, конская узда) некоторые из них были выделены в группу кочевнических памятников, принадлежавших степному ираноязычному населению [13, с. 71; 19, с. 177—183]. Новейшие археологические данные не прояснили ситуацию, а еще более усложнили её. Раскопки Грушевского городища (А. В. Найденко, А. В. Гадло) свидетельствуют

о непрерывном прочно оседлом характере жизни населения, возможно, еще с начала I тысячелетия до н. э. (в нижнем слое черепки раннекобанских сосудов) [20, с. 103, 104; 21, с. 34—36]. О постоянном долговременном характере обитания на данной территории свидетельствуют и великолепные памятники середины VII — рубежа VII—VI вв. до н. э. близ хут. Красное Знамя Александровского р-на (раскопки В. Г. Петренко). В комплексе сочетаются погребальные монументальные каменно-деревянные сооружения и каменный храм огня с жертвенником на возвышенной платформе. В округе были открыты также остатки одновременного или, может быть, несколько более позднего поселения. На основе целого ряда важных признаков материальной культуры (детали погребальных сооружений, наличие предметов вооружения, конской узды, звериного стиля, каменной скульптуры и отдельных древних письменных свидетельств) В. Г. Петренко интерпретировала культуру комплекса у хут. Красное Знамя как уже сложившуюся во всем вещевом комплексе культуру ранних скифов предкелермесского этапа второй половины VII в. до н. э. [22, с. 12, 13; 23, с. 46, 47]. Но материалы эти содержат и ярко выраженные признаки местной культуры (применение при сооружении гробниц каменных кладок из небольших плашмя уложенных плиток, а также массивных плит, культ огня, формы и орнаментация посуды, металлическая посуда, двукольчатые удила, состав металла всех бронзовых изделий, ожерелья из раковин каури и гагата). Краснознаменская группа имеет нерядовой характер, но тем не менее близко сопоставима по культуре с памятниками типа Моздокского и Комаровского могильников [24, с. 195—204], а также с отдельными погребениями раннескифского периода Каменномостского могильника [25, с. 104, 105, рис. 24, *6*, *7*]. Кобанская принадлежность всех аналогичных памятников доказывается не только погребальным инвентарем (украшениями и керамикой), но и обрядом погребения. А. А. Иессен, анализируя материалы Моздокского могильника, привел исчерпывающую аргументацию в пользу принадлежности их к кавказской (т. е. кобанской) культуре. Важно, по мнению А. А. Иессена, что памятники типа Моздока являются рядовыми памятниками местной культуры, содержавшими предметы местного происхождения, т. е. «той части инвентаря, которая только и может в дальнейшем привести нас к правильному пониманию протекавших на месте в Предкавказье процессов исторического развития» (разрядка наша.— *В. К.*) [26, с. 27, 28]. На наш взгляд, еще нет достаточных данных, опровергающих эту точку зрения полностью. Вопрос о северной границе кобанской культуры, и в том числе западного ее варианта, таким образом, пока не может быть решен окончательно. Именно этим обусловлена предположительная (пунктирная) линия северной границы на нашей схеме (рис. 2).

Точки зрения относительно юго-восточной и южной границ на предложенных нашими предшественниками картах западного варианта расходятся более значительно. Отсутствие единодушия обусловлено скорее недоговоренностью в терминологии, чем характером самих источников. При оценке памятников, расположенных на южной и юго-восточной границе, не возникает вопрос об их принадлежности к кобанской культуре. Речь может идти лишь о степени близости того или иного памятника к основной группе источников центрального или западного вариантов культуры, по Е. И. Крупнову, или же пятигорского, плоскостного и горнокавказского, по В. Б. Виноградову и И. М. Чеченову. Судя по включенным Е. И. Крупновым в пограничную зону памятникам (Былым, Заюково, Шалушки, Чегем I, Нальчик, Вольный аул) [9, с. 183], признаки, позволявшие ему относить их к западному варианту, фиксировались в керамике и других вещах где-то в междуречье Чегема и Черека. И. М. Чеченов видит эту границу между реками Малкой и Баксаном, а далее к северу — по среднему течению р. Кумы и до района г. Геор-

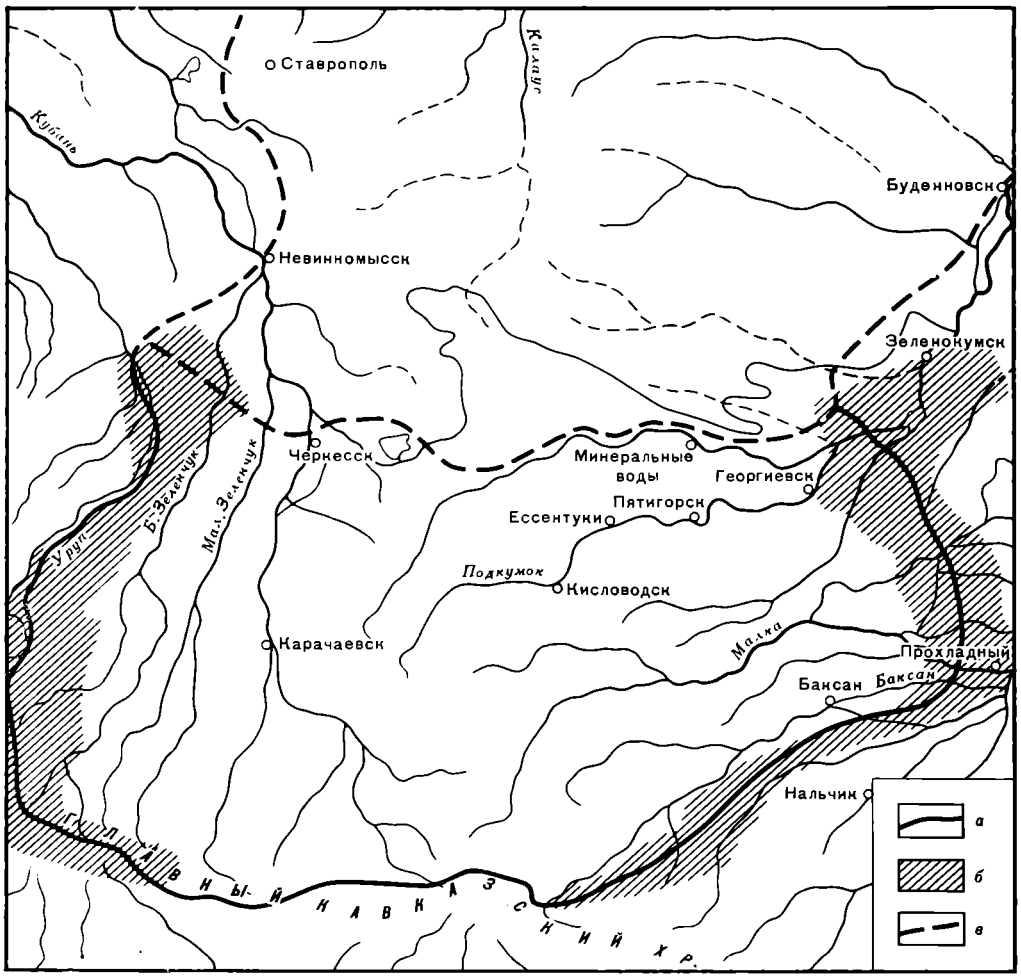


Рис. 2. Карта западного варианта кобанской культуры (*а* — граница ареала; б — смешанная зона; *в* — предполагаемая граница ареала)

гиевска. По его мнению, именно в междуречье Малки и Баксана прослеживается стык между грунтовыми ямами терско-сунжинского и каменными ящиками пятигорского вариантов, выделенных им [15, с. 29 и сл.]. В. Б. Виноградов, следуя своей гипотезе о первостепенности формы погребального сооружения и деталей погребального обряда при выделении локальных вариантов и придерживаясь ландшафтного принципа деления памятников [3], включает в западную группу лишь узкий участок междуречья Малки и Баксана без его левых притоков. В результате такие памятники, как Гижгид, Заюково, Хабаз, Гунделен, Кичмалка, Кызбурун, имеющие ближайшие соответствия в отдельных предметах металлического инвентаря, и особенно в керамике, оказались искусственно отторгнутыми от основной группы (Каменномостский могильник, памятники Кисловодской котловины). Шаткость соображений о типах погребальных сооружений как первостепенном показателе для выделения локальных вариантов особенно наглядна при сопоставлении схем И. М. Чеченова и В. Б. Виноградова. Основываясь на одном и том же — на различиях в форме погребальной конструкции (грунтовая яма, каменный ящик, курган), оба исследователя тем не менее получили значительно отличающиеся ареалы пятигорского варианта. И это не случайно. При ближайшем рассмотрении оказывается, что погребальные памятники каждой из ландшафтных зон не имеют строго определенного единообразия типов

[3] Не всегда последовательно в конкретных случаях, как он сам был вынужден согласиться в связи с нашими замечаниями [см. 27, с. 77].

могил, необходимого для определения в полной мере специфики локальных вариантов. И в горах, и в предгорьях, и даже на прилегающих к горам равнинах встречаются самые разные типы оформления могил, причем преобладание тех или иных не всегда отражает локальность (как мы привыкли думать), а иногда и демографическую ситуацию в тот или иной хронологический отрезок. Вот почему более предпочтительно, на наш взгляд, следовать таким знатокам этнографии Кавказа, как В. И. Долбежев, Е. Д. Фелицин, Н. С. Семенов, в свое время изучавшим местные древности по естественно замкнутым географическим регионам, в первую очередь по ущельям рек — этим колыбелям и копилкам традиций и реликтов в культуре узколокальных этнографических групп. В таком случае применительно к поставленной теме на первое место как более надежный и постоянный признак выходит керамика, специфика ее форм и орнаментации (т. е. существенные критерии локализации по Е. И. Крупнову). Стойкое присутствие на памятнике комплекса керамики с постоянным сочетанием 4—5 типов узора и одних и тех же орнаментальных зон может являться этногенетическим показателем обособленности группы. Картографирование такого комплекса (рис. 3) выявляет, как нам кажется, реальное пространство, занятое такой группой в определенный период существования. В данной ситуации «работают» не только комплексные находки, но и отрывочные свидетельства (случайные находки, клады, подъемный керамический материал). Анализ всех конкретных источников показывает, что естественным барьером между двумя группами кобанских древностей, характерных для центрального и западного (по Е. И. Крупнову) вариантов, являлась на всех этапах развития культуры р. Баксан. Специфика керамики и украшений, а также некоторые особенности погребального обряда, взятые комплексно, свидетельствуют о том, что наиболее яркое проявление смешанности черт культуры наблюдается на ее правобережье. Особенно показательны в этом плане материалы раскопок В. И. Долбежева, К. Э. Гриневича, а также случайные комплексы и отдельные находки из Заюково (Атажукин-1) [28, л. 30—68; 29, с. 135—139; 30, № 1321]. Грунтовые ямы здесь сочетались с ямами, обложенными камнями, здесь же имелись грунтовые ямы под курганами и под каменными выкладками. В погребальном инвентаре много общих черт с инвентарем собственно Кобанского могильника Тли и Рутхи (фибулы, полуовальные пряжки, спиральные накосники, браслеты с завитками на концах, булавки с закрученными в трубочку навершиями, топоры), т. е. с памятниками срединной части Центрального Кавказа. И в то же время в культуре имеются элементы, наблюдаемые пока только в могильниках левобережья Баксана и бассейна Малки и в Кисловодской котловине (булавки с навершием в виде одной плоскоскрученной спирали, выпуклые тонкие бляхи с петлей в виде трубочки на краю). Такого же характера различия прослеживаются и в керамике. С одной стороны, в могилах Заюкова обнаружены конусовидные с расширенным и выделенным дном банки, как в собственно Кобани, а с другой — круглодонные кубки, типичные для большинства могильников междуречья Баксана — Урупа. Чрезвычайно близка между собой орнаментация на сосудах из памятников по всему течению Баксана, от высокогорных из окрестностей сел. Верхний Баксан до предгорных близ г. Прохладного. Сосуд, булавки, кинжалы из Балыма очень близки аналогичным находкам с Кич-Малки и из Гижгидских каменных гробниц («склепов»).

О юго-западной и северо-западной границе ареала кобанской культуры также не имеется в настоящее время единого мнения. Это особенно четко проявляется при сопоставлении точек зрения разных исследователей относительно местоположения контактной зоны, района «стыка» памятников кобанской культуры и ареала вещей, выделенного А. А. Иессеном прикубанского очага металлургии и металлообработки конца II —

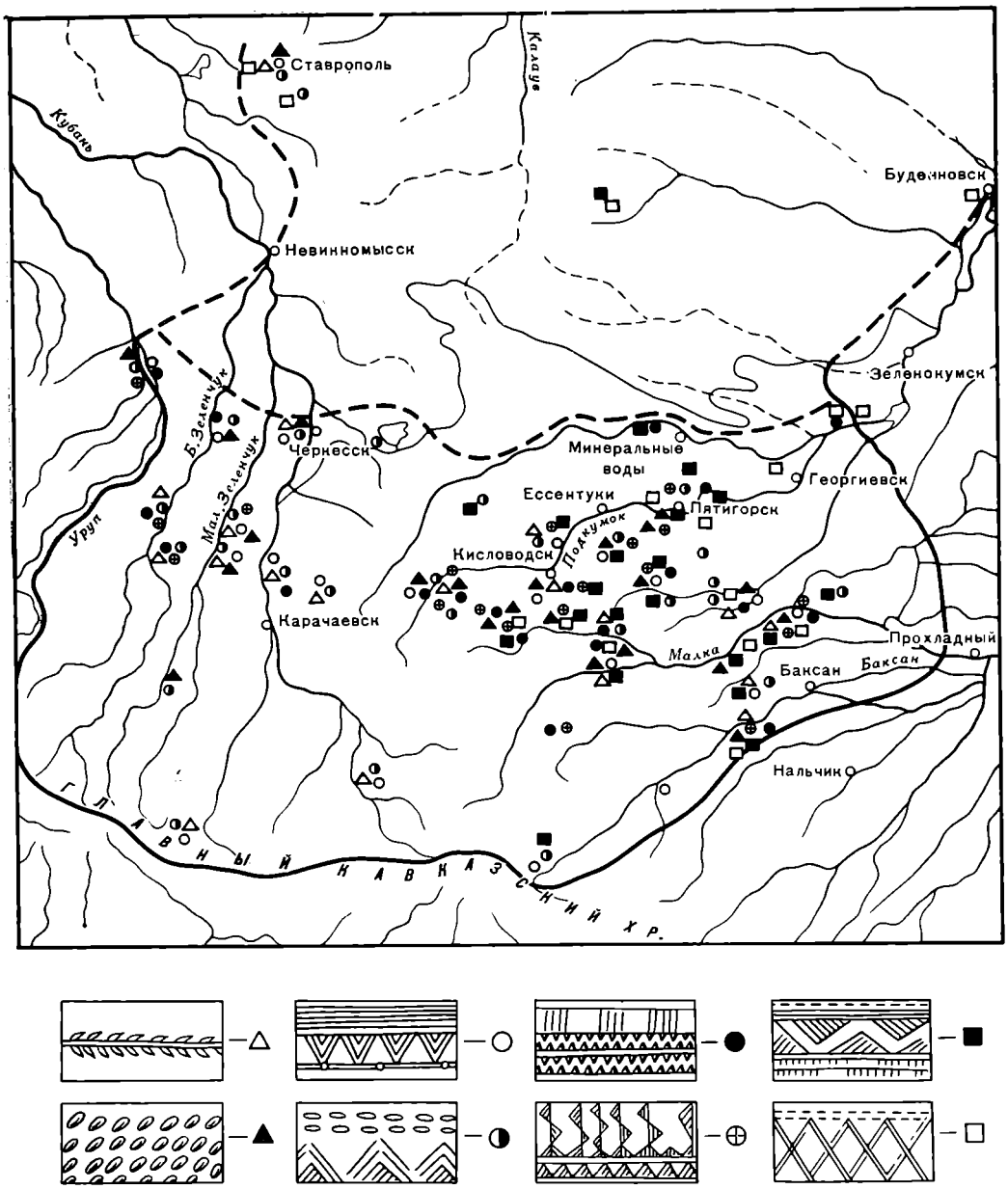


Рис. 3. Распространение памятников западного варианта кобанской культуры с повторяющимся комплексом орнаментальных зон на керамике

начала I тысячелетия до н. э. Впервые А. А. Иессен высказался по этому вопросу в 1946 г. [31, с. 19]. Сначала на составленной им карте [32, рис. 3] переходная зона занимала очень узкую полосу в пределах верховий Лабы и среднего течения Кубани. По мнению исследователя, граница сплошного распространения кобанских типов вещей проходила «примерно от пункта северо-западнее устья Бзыби к Эльбрусу и далее на Пятигорск и Моздок» [12, с. 19]. Верховья Кубани полностью входили в зону распространения кобанского металла (1947 г.). На карте 1951 г. границы контактной зоны между двумя группами уже значительно раздвинуты и линия распространения прикубанского металла основательно выклинилась на восток. Она «охватывает район к северу от массива Эльбруса, верховья Малки, район Кисловодска и Пятигорья» [12, с. 122]. На разборе оснований, приведших исследователя к изменению этой линии, остановимся ниже. Здесь же подчеркнем, что всего лишь в тече-

ние 5 лет А. А. Иессеном было предложено две точки зрения на территорию контактной зоны; объясняется это видимо, тем, что он прекрасно осознавал, что «общее число всех учтенных находок... остается еще очень небольшим» [12, с. 102], а следовательно, не может быть и устоявшегося мнения на этот счет.

По мере накопления новых данных представление о пространстве, занятом кобанской культурой, сильно менялось, а западная ее граница неуклонно сдвигалась на запад. В разработках Е. И. Крупнова она проходит по правобережью верхнего течения Кубани «вплоть до Теберды» [9, с. 79], выходя на левобережье в предгорьях [9, с. 185, рис. 26]. Район «стыка» кобанской и прикубанской культур, по Е. И. Крупнову, начинался «от верховьев правобережья Зеленчуков и Кубани» [9, с. 183].

Большую роль в установлении более четкого представления о линии западной границы кобанских древностей как для Е. И. Крупнова, так и для его последователей сыграли полевые изыскания на территории Кисловодской котловины, Пятигорья и Карачаево-Черкесии, предпринятые Т. М. Минаевой, Л. Н. Глушковым, А. В. Найденко, Н. Н. Михайловым, А. П. Руничем и в особенности Е. П. Алексеевой. Собственно говоря, именно благодаря ее разработкам появились данные для постановки вопроса о причастности древностей позднебронзового — раннежелезного века с верховий Кубани к кобанской культуре. При исследовании памятников скифского времени (Тамгацик, Кызыл-кала) ею было очень тонко подмечено главное — они «особенно близки к памятникам Пятигорья» [14, с. 60], т. е. к памятникам кобанской культуры. По мнению Е. П. Алексеевой, «культура скифского времени Карачаево-Черкесии, несмотря на многие черты сходства с раннемеотской культурой Закубанья, все же сильно отличается от нее...». «Судя по формам погребальных сооружений, могильники скифского времени, известные на территории Карачаево-Черкесии, следует отнести к памятникам позднекобанского времени Пятигорья и Кабардино-Балкарии...», «...эти памятники имеют и локальные особенности, заставляющие отнести их к кабардино-пятигорскому варианту позднекобанской культуры Северного Кавказа» (разрядка наша.— *В. К.*) [14, с. 64]. Основываясь на материалах Н. В. Анфимова с поселения «Заслонка», Е. П. Алексеева зоной стыка раннемеотской прикубанской культуры и позднекобанской культуры считает долину Урупа [14, с. 57], подчеркивая, однако, «что далеко не всегда можно провести резкую грань между памятниками двух намеченных групп кобанско-позднекобанской и прикубано-адыго-меотской» в VII—IV вв. до н. э. [14, с. 71].

Не столь определенно решался Е. П. Алексеевой вопрос о западной границе кобанской культуры более раннего времени — начала I тысячелетия до н. э. По ее мнению, в этот период «стык» кобанской и прикубанской культур приходился на район Карачаево-Черкесии, т. е. территорию юго-восточнее бассейна Урупа. В материальной культуре известных отсюда памятников первых веков I тысячелетия до н. э. типа Инжиччукунского могильника наблюдалось, по мнению Е. П. Алексеевой, «сочетание элементов этих двух культур» [14, с. 56]. Нечеткость позиции в вопросе о соотношении элементов кобанской и так называемой прикубанской культур в материалах Инжиччукунского могильника не позволила Е. П. Алексеевой однозначно ответить на вопрос о том, к какой же из культур относить памятники указанного типа [14, с. 53]. Судя по отдельным высказываниям, она склонна считать их памятниками «верхнекубанского варианта прикубанской культуры на среднем этапе ее развития» и объединять в одну группу с древнемеотскими памятниками типа Николаевского могильника [14, с. 55], несмотря на их очевидное несходство по всем существенным признакам [10, с. 176].

В. Б. Виноградов не рассматривал специально вопрос о контактной зоне на западной границе распространения кобанской культуры, но,

согласно его схеме, можно предполагать, что он в целом разделяет точку зрения Е. И. Крупнова. Западные границы центральнокавказского (дигоро-балкарская группа) и пятигорского вариантов, по В. Б. Виноградову, не переходят в скифское время правобережья верховья Кубани [13, с. 386, рис. 70, *1* и *2а*]. Все же исследователь указывает, что имеются некоторые основания включать в дигорскую группу центральнокавказского (горного) варианта «часть Карачая, вплоть до Приэльбрусья» [13, с. 206, 223], добавляя при этом, что «последнее всего лишь весьма проблематичная гипотеза» [13, с. 206]. Основывается он, правда, на сведениях, которые дают в основном лишь предгорные памятники Карачаево-Черкесии (Кызыл-кала, Тамгацик) [13, с. 208, 211, 223], вступая тем самым в противоречие с им же самим выдвинутым ландшафтным принципом рассмотрения источников.

Не переходят на левобережье Кубани западные рубежи кобанской культуры и по схеме И. М. Чеченова (западные границы его пятигорского и горного вариантов) [15, с. 50, карта]. Вслед за А. А. Иессеном он проводит западную линию распространения кобанских древностей «несколько восточнее верхнего течения Кубани» [15, с. 24]. Предгорья в районе Марухи-Джегуты обозначены исследователем как «зона смешения памятников смежных культур, локальных вариантов и групп» [15, с. 50, карта — условные обозначения]. Отмечая сходство с кобанскими гробниц Инжиччукунского и Исправненского могильников, И. М. Чеченов тем не менее пришел к выводу, что «едва ли будет правильным ... расширять западные границы пятигорского локального варианта до места обнаружения таких могильных сооружений» [15, с. 24], поскольку на этой территории, согласно гипотезе А. А. Иессена, были распространены предметы прикубанского очага металлургии и металлообработки.

Как бы ни решался каждым из упомянутых выше исследователей (да и не только ими, но и другими, обращавшимися в своих работах к материалу этого региона, например М. Н. Ложкиным, Л. Н. Глушковым, Т. М. Минаевой, А. Л. Нечитайло, А. В. Найденко) конкретно вопрос о западных границах кобанской культуры, ни один из специалистов не смог обойти молчанием большого сходства, близости, а иногда тождества погребальных сооружений, инвентаря и в особенности керамики первой половины I тысячелетия до н. э. с левобережных верхних притоков Кубани с кобанскими древностями Кабардино-Пятигорья. Тем не менее никто из них не решился признать, что традиционное включение Малого и Большого Зеленчуков, Марухи, Теберды в ареал «прикубанской культуры» противоречит достаточно выраженному кобанскому облику известных отсюда памятников.

Все это подводит нас к мысли о том, что вопрос о западной границе кобанской культуры, в том числе и ее западного варианта, не может быть решен без коренного пересмотра самого понятия «прикубанская культура». Обратимся к его историографии. Впервые термин «прикубанская культура» в значении особой археологической культуры был употреблен Е. И. Крупновым [33, с. 79, 96—98, рис. 21; 9, с. 82] со ссылкой на А. А. Иессена. Вслед за Е. И. Крупновым о «прикубанской культуре», также со ссылкой на А. А. Иессена, писала Е. П. Алексеева, объединяя под этим понятием древности конца II — начала I тысячелетия до н. э. (в основном клады и случайные находки эпохи поздней бронзы) территории Карачаево-Черкесии и среднего течения Кубани [14, с. 71 и сл.]. Как и Е. И. Крупнов, Е. П. Алексеева не останавливалась на раскрытии специфических особенностей этой «культуры». Позднее термин «прикубанская культура» в ряде публикаций выступает как общепринятый [например: 34, с. 56; 35, с. 84; 36, с. 16]. Если же мы обратимся к основным работам А. А. Иессена по Прикубанью, то в них мы его не обнаружим. Сам исследователь писал о прикубанском очаге металлургии

и металлообработки [31, с. 18—21; 12, с. 75—124], т. е. культурном явлении другого, более широкого порядка, чем археологическая культура в распространенном значении этого слова[4]. В культурном же отношении на территории указанного очага металлопроизводства А. А. Иессен выделял в самых общих чертах не одну, а две группы, которые могли бы соответствовать понятию археологической культуры. Одна из них, по мнению А. А. Иессена, занимала восточную часть территории очага металлопроизводства, территориально «бассейна верхней Кубани, Теберды и Зеленчуков» и имела значительную культурную близость с областью Центрального Кавказа [12, с. 124], т. е. с кобанцами. Вторая группа, северо-западная, расположенная «на границе степи и предгорий Западного Кавказа» [31, с. 19], территориально соответствовала «области обитания в более позднее время прикубанских и причерноморских племен, перечисляемых у античных авторов, а в культурном отношении образующих прикубанскую группу скифской культуры» (разрядка наша.— *В. К.*) [12, с. 124]. Собственно, выделенная А. А. Иессеном прикубанская группа металла, представленная им сначала как «очаг металлообработки», а потом как «очаг металлургии и металлообработки ... тесно связанный с кобанским, но в значительной мере своеобразный» [12, с. 76, 77], сама по себе была неоднородна по характеру источников. Она состояла из случайных находок и кладов с Черноморского побережья Западного Кавказа, из бассейна верхней Кубани, Теберды и Подкумка (Боргустанский клад). Конкретными основаниями для ее выделения послужил, кроме косвенных данных (два пункта со следами добычи и выплавки металла средневекового периода) и прямых свидетельств о вторичной металлообработке (шесть пунктов со следами мастерских, слитки, клады), ряд категорий металлических изделий X—VII вв. до н. э., свидетельствовавших, по мнению исследователя, о собственном местном металлопроизводстве. Главные из них: бронзовые прямообушные топоры, коленчатые серпы, наконечники копий, кинжалы «особого типа»; тесла трапециевидные без выступов и с выступами, булавки с навершием в виде плоской пластины с двумя волютами и пунсонным орнаментом на поверхности, некоторые украшения (гвоздевидные булавки, фибулы, зооморфные привески, браслеты) [12, с. 91 и сл.]. При детальном анализе всех этих категорий вещей А. А. Иессен специально подчеркивал, что некоторые из них «неизвестны в области собственно кобанской и колхидской культур» (о теслах), что некоторым из них он «не видит аналогий» (о фибуле и булавке с Малой Лабы). О теслах он писал также, что таких предметов в датированных комплексах «больше нигде не знаем». Серпы же относил к прикубанской группе на том основании, что для них «литейные формы пока не обнаружены» [12, с. 108, 112]. Анализируя булавки из станицы Андрюковской, А. А. Иессен указывал, что «вся группа этих булавок несомненно должна быть поставлена в параллель известным большим булавкам дигорских могильников... отличных от булавок собственно кобанской группы» [12, с. 115, 116].

Более чем за 30 лет, прошедших со времени опубликования гипотезы о прикубанском очаге металлургии и металлообработки, накопился и приведен в систему совершенно новый материал по древностям позднебронзового — раннежелезного веков Северного Кавказа. Открыты и исследованы такие кобанские поселения, как Змейское, Сержень-Юртовское, Бамутское. Раскопаны десятки погребальных комплексов от Аксая до Урупа и Большой и Малой Лабы. Сопоставление новых данных с имевшимися ранее разрушает систему доказательств А. А. Иессена изнутри. Большинство привлеченных им артефактов на сегодняшний день по-

[4] Исключение составляют тезисы доклада в Ереване в 1956 г. В них употреблен этот термин, но также в металлургическом аспекте [37, с. 14—16].

теряло свое значение в структуре гипотезы о прикубанском очаге металлопроизводства. Так, еще Е. И. Крупнов убедительно доказал, что большие булавки с двумя волютами, чрезвычайно близкие однотипным булавкам из памятников Осетии, Чечено-Ингушетии, Пятигорья и Карачая, были характерны в основном для докобанского периода на всем Северном Кавказе, а не только для Прикубанья [9, с. 89, 102]. Боргустанский клад определен Е. И. Крупновым как «клад бронзовых предметов кобанского типа» [9, с. 198] западного варианта культуры. Необходимо внести коррективы и относительно таких предметов, как коленчатые серпы и тесла. Так, бронзовые серпы известны сейчас не только в Прикубанье, но далеко на восток от него (Каррас, Верхний Баксан, Кич-Малка, Заюково, Новоивановское, Змейская). Мало того, имеются основания говорить об изготовлении их в мастерских восточного варианта кобанской культуры, свидетельство чему — литейная форма из Бамутского поселения X—VIII вв. до н. э. (раскопки Р. М. Мунчаева) [38, с. 125, рис. 8].

Тесловидные топоры, трапециевидные с выступами и без выступов обнаружены в погребениях X—VII вв. до н. э. Каменномостского, Березовского, Тлийского, Сержень-Юртовского, Терезинского могильников. Сказанное не противоречит мнению исследователей, усматривавших истоки форм таких предметов, как серпы, тесла, некоторые типы наконечников копий, вне пределов Кавказа. Вероятно, в них действительно следует увидеть не проявление специфики прикубанского очага, а воздействие степных киммерийских, а также малоазийских форм на кавказские культуры в целом [39, с. 220 и сл.; 40, с. 200; 9, с. 116, сноска 38, с. 197; 41, т. 1, s. 181—184, т. 2, karte 5]. Что касается коротких наконечников копий с цельнолитой трубкой, то и сам А. А. Иессен писал, что «картина распространения... заставляет видеть в них широко распространенный тип» [12, с. 112]. Ряд локальных украшений (гвоздевидные булавки с колечком на навершии, пронизки с грибовидными выступами) с Кяфара, Гоначхира, Малой Лабы, которым А. А. Иессен «не видел аналогий», в настоящее время хорошо известны в надежно датированных комплексах VIII—VI вв. до н. э. Кисловодской котловины (Терезе, Султан-гора, Уллубаганалы).

Некоторые коррективы необходимо внести, как нам кажется и относительно особого, по мнению А. А. Иессена, бронзового топора «верхнекубанского типа». Главная особенность этих топоров, как считал исследователь, заключалась в наличии «черт, связывающих их с кобанскими топорами I типа и с более древними топорами II тыс. до н. э.» [12, с. 103]. Другими словами, кобанские топоры I типа (типа В и Д, по П. С. Уваровой) с верховий Кубани отличались от таковых района метрополии в основном архаичностью черт. Архаичность проявлялась, судя по топорам из кладов (а именно только их анализировал А. А. Иессен), в некоторой грубости, утяжеленности предметов, в узком нераскованном лезвии. Все это свидетельствует о том, что «верхнекубанский тип» не особый тип топора, а лишь локальная разновидность кобанского топора I типа. Не исключено, что форма эта (особенно тип Д с узким лезвием) представляла не готовое изделие, а полуфабрикат топора типа В. Ведь они, как правильно подметил Е. И. Крупнов «больше всего представлены в кладах» [9, с. 95]. Некоторые основания считать их полуфабрикатами дает анализ немногочисленных литейных форм для топоров I типа (Кавказский заповедник, Зилга, Сержень-Юрт). Их негативы очень близки и напоминают готовые изделия из верхнекубанских кладов. Близки им по форме и испорченные отливки топоров I типа из клада литейщика у сел. Верхний Баксан [5]. Большинство топоров «верхнекубанского типа» можно скорее рассматривать как локальную, отнюдь не само-

[5] Хранение — ЛОИЭ, коллекция № 2392 (покупка В. Е. Грум-Гржимайло 1914 г.). Упоминание и дату см. [42, с. 133, 134].

стоятельную серию, связанную по происхождению с более восточными горными районами, но сделанную в местных верхнекубанских мастерских. Топоры типа В составляли самый многочисленный тип не только на периферии, но и в метрополии культуры. Так, в Тлийском могильнике (югоосетинская группа центрального варианта) их насчитывается более 50% от общего числа [43, с. 16]. Неудивительно, что именно этот тип оказался основным, изготовлявшимся местными мастерскими далеко на востоке (Сержень-Юрт) и западе (Кавказский заповедник) от основных центров.

В прикубанском очаге А. А. Иессен выделял «две местные группы: 1) верхнекубанскую, выступающую вполне отчетливо... и 2) западную, в бассейне Белой, может быть Малой и Большой Лабы и на Черноморском побережье, пока только еще едва намечающуюся...» (разрядка наша.— *В. К.*) [12, с. 121]. Все приведенные выше категории металлических изделий явились источниками для выделения верхнекубанской группы. Для западной группы такие материалы почти отсутствовали. Как уже указывалось выше, восточную верхнекубанскую группу при всем ее своеобразии А. А. Иессен связывал с кобанской культурой, указывая при этом, что «в более западных районах эта близость с областью Центрального Кавказа почти не улавливается» (разрядка наша.— *В. К.*) [12, с. 124]. Последующие археологические изыскания в бассейне Кубани показали, что подмеченное исследователем особое своеобразие каждой из двух групп металлопроизводства не только продолжало сохраняться, но и значительно углубилось. Верхнекубанская группа все более основательно увязывается с кобанской культурой, западная — приобретает более отчетливые черты самостоятельной, отличающейся от кобанской группы. Об этом свидетельствуют данные, в том числе и металлургические, полученные при исследовании памятников типа Кубанского, Николаевского, Колосовского, Ясеневополянского, Усть-Лабинского и Абинского могильников VIII—VII вв. до н. э. [44, с. 103—126; 45, с. 129 и сл.; 46, с. 48, 49], синхронных кобанским, но относящихся к совершенно другой самостоятельной археологической культуре, не без оснований приписываемой Н. В. Анфимовым протомеотам [10, с. 171 и сл.]. Протомеотские памятники не являются прямым объектом нашего исследования. В свете поставленной нами темы о западных границах кобанской культуры важно подчеркнуть лишь, что в настоящее время степень различия между двумя выделенными в свое время А. А. Иессеном группами такова, что не удается избежать противоречий при общих заключениях, если продолжать рассматривать эти группы как составные части единой археологической культуры.

Итак, понятие «прикубанская культура», не имевшее, как мы постарались показать и ранее реального содержания, с выявлением и изучением протомеотской и раннемеотской культур может быть условно сохранено только для данного круга древностей. Объединение же в рамках этого понятия двух выделенных А. А. Иессеном групп металлических изделий (верхнекубанской и среднекубано-причерноморской), даже формально, ощутимо деформирует существо исторического процесса в северо-западной части Центрального Кавказа[6]. В известной степени это подтверждается и историко-металлургическими изысканиями Е. Н. Черных. Так, если по металлу изделия с территории кобанской культуры и с верховий Кубани совершенно не различаются [74, с. 48, 80, 81], то иначе обстоит дело с изделиями из протомеотского Николаевского могильника. По мнению исследователя, «уже сейчас ясны отличия химического соста-

[6] В настоящее время наша точка зрения разделяется и Н. В. Анфимовым, судя по текстам его докладов «Хронология и периодизация культур эпохи раннего железа северо-западного Кавказа» (совещание в г. Сигнахи в октябре 1978 г.) и «О западной границе кобанской культуры» (Всесоюзная археологическая конференция в Ленинграде в апреле 1979 г.).

ва рассматриваемых здесь сплавов от металла Кобанского могильника и ряда предметов кобанской культуры» [48, с. 62].

В свете обоснованной конкретизации Е. Н. Черных понятий «очаг металлургии», «очаг металлообработки», видимо, следует ввести некоторые коррективы относительно понятия прикубанского очага как очага металлургии. Точнее — лишь относительно интересующей нас верхнекубанской группы этого очага. В материалах верхнекубанской группы нет прямых данных о всем комплексе «операций с металлом, начиная с выплавки меди и руд... и кончая изготовлением изделий», что, по Е. Н. Черных, соответствовало бы понятию «очаг металлургии» [49, с. 298; 50, с. 13]. Но в то же время верховья Кубани имеют весь комплекс признаков, свидетельствующих о наличии здесь собственного очага металлообработки (факты находок литейных форм, льячек, слитков, полуфабрикатов, предметов, копирующих импортные вещи, концентрация своеобразных типов на ограниченной территории, своеобразие типов изделий и технических приемов, хронологическая и географическая ограниченность) [49, с. 300]. Причем, как было показано выше, все связи этого очага тянутся к центральной части Северного Кавказа, т. е. к метрополии кобанской культуры. Анализ комплексных находок последних лет, пересмотр старых и новейшие историко-металлургические исследования выдвигают серьезные основания рассматривать верхнюю Кубань с ее левыми притоками в начале I тысячелетия до н. э. и до V—IV вв. до н. э. как район западного варианта кобанской культуры, а в металлургическом аспекте — как один из западных периферийных очагов металлообработки на ее территории. Именно периферийностью объясняются некоторые черты отставания местной технологии, отмеченные А. А. Иессеном [12, с. 121] (мышьяковистые сплавы, полое литье, отсутствие полуды, архаичность форм). Видимо, такая картина вообще свойственна всем окраинным очагам металлообработки, так как аналогичные явления и черты отмечены при изучении мастерских восточной периферии кобанской культуры [51, с. 18, 22, 23; 52, с. 135—141].

Особо следует подчеркнуть, что подобная постановка вопроса ни в коей мере не умаляет непреходящую ценность основного вывода А. А. Иессена о существовании в верховьях Кубани местного очага производства своеобразной группы металлической продукции. Группы металла выделены исследователем столь скрупулезно и совершенно, что новые данные позволяют лишь корректировать общее направление связей.

Культурная переориентация верхнекубанских памятников раннежелезного века устраняет противоречия в оценке некоторых из них, таких, как Инжиччукун, Тамгацик, Карабашево, территориально относимых к «прикубанской культуре» и в то же время включенных в список основных источников по кобанской культуре (Е. И. Крупнов, В. Б. Виноградов); получает логически завершенное объяснение близкое сходство некоторых комплексов с комплексами кавминводской группы (например, Инжиччукун—Эшкакон); проясняется взаимосвязь совпадающих по составу и типам изделий комплексов из предполагаемых мастерских верховий Малки и Кубани с комплексами погребального инвентаря западнокобанских могильников. Наконец, становятся более понятными пути первоначального расселения кобанских племен на запад и процесс формирования локального своеобразия западного варианта на основе тесного взаимодействия местного субстрата и пришлых центральнокавказских элементов (скорее всего какой-то дигорской группы) [9, с. 85].

Итак, все вышесказанное позволяет нам рассматривать памятники рубежа II—I тысячелетия до н. э. и до середины I тысячелетия до н. э. из района междуречья Баксана — Урупа как памятники западного варианта кобанской культуры. В этом ареале верхнекубанские материалы составляли зонально его горную группу, а кабардино-пятигорские — группу предгорий. С последними теснейшим образом были связаны мате-

риалы Ставропольской возвышенности. Естественно, что горные памятники в соответствии со своим географическим расположением по ряду признаков были близки горным памятникам центральной части Кавказа, а предгорные несли более ощутимые следы степных культур (последовательно: поздней катакомбной, срубной, киммерийской, скифской).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Козенкова В. И.* Седьмые Крупновские чтения.— СА, 1980, № 2.
2. *Ельницкий Л. А.* Киммерийцы и киммерийская проблема.— ВДИ, 1949, № 3.
3. *Hancar F.* Hallstatt und der Ostraum.— В кн.: Гаврил Кацаров. Т. 1. София, 1950.
4. *Ghirshman R.* Perse, Proto-iraniens, Medes, Ashemenides. Paris, 1963.
5. *Савинов Д. Г., Членова Н. Л.* Северокавказские оленные камни в ряду оленных камней Евразии и вопрос об их культурно-этнической принадлежности. Тез. докл. на VIII Крупновских чтениях. Нальчик, 1978.
6. *Членова Н. Л.* О связи северо-западного Причерноморья и Нижнего Дуная с востоком в киммерийскую эпоху.— In.: Studia Thracica. Т. 1. София, 1975.
7. *Иессен А. А.* Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе.— ВССА, 1955.
8. *Наэдль Б. Н.* Фракия и античный мир.— ВДИ, 1958, № 2.
9. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
10. *Анфимов Н. В.* Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья.— ПСА, 1971.
11. *Иессен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии.— МИА, 1941, № 3.
12. *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века.— МИА, 1951, № 23.
13. *Виноградов В. Б.* Центральный и северо-восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.
14. *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971.
15. *Чеченов И. М.* К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры.— АЭС. Вып. 1. Нальчик, 1974.
16. *Кореняко В. А.* Исследование курганов в Ставропольском крае.— АО — 1975. М., 1976.
17. *Найденко А. В.* Отчет об археологической разведке, проведенной в июле 1973 г. по реке Куме (Георгиевский, Зеленокумский, Прикумский и Буденновский районы Ставропольского края).— Архив ИА АН СССР, р-1, № 7033.
18. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 г.— Тр. XIV АС, 1911, т. III.
19. *Виноградов В. Б.* Связи Центрального и Восточного Предкавказья со скифо-сарматским миром.— ПСА, М. 1971.
20. *Гадло А. В., Найденко А. В., Гусаров В. Н., Кудло О. А.* Работы в Ставропольском крае.— АО — 1973. М., 1974.
21. *Найденко А. В.* Раскопки на Грушовском городище под Ставрополем. Тез. докл. IV Крупновских чтений по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974.
22. *Петренко В. Г.* Раскопки большого кургана в Ставропольском крае.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов (Тез. докл. конференции). Ч. II. Киев, 1975.
23. *Петренко В. Г.* Памятники раннескифской культуры на Ставрополье.— В кн.: Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в Краснодаре (тез. докл.). М., 1976.
24. *Абрамова М. П.* Погребения скифского времени Центрального Предкавказья.— СА, 1974, № 2.
25. *Батчаев В. М.* К вопросу о датировке Каменномостского могильника (в свете раскопок 1971 года).— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
26. *Иессен А. А.* Моздокский могильник в ряду памятников Северного Кавказа.— В кн.: Археологические экспедиции Гос. Эрмитажа. Вып. 1. Л., 1940.
27. *Виноградов В. Б.* Проблема локальных вариантов кобанской культуры на современном этапе исследования.— В кн.: Известия СКНцВШ. Сер. общественные науки, № 4. Ростов-на-Дону, 1976.
28. *Долбежев В. И.* Журнал археологических изысканий на северном склоне Кавказского хребта за 1888 год.— Архив ЛОИА, АК-12/1888.
29. *Гриневич К. Э.* Новые данные по археологии Кабарды.— МИА, 1951, № 23.
30. Фонды Гос. Эрмитажа, ОИПК, инв. № 1321 (коллекция В. П. Ренгартена, 1914 г.).
31. *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлообработки во второй половине II и начале I тыс. до н. э.— КСИИМК, 1947, XVIII.
32. *Иессен А. А.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947.
33. *Крупнов Е. И.* Древняя история и культура Кабарды. М., 1957.
34. *Минаева Т. М.* К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.
35. *Анчабадзе З. В.* История и культура древней Абхазии. М., 1964.

36. *Карачаевцы.* Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978.
37. *Иессен А. А.* Итоги и перспективы археологического изучения Северного Кавказа. Тезисы докладов на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа, состоящейся в Ереване в октябре 1956 г. М., 1956.
38. *Магомедов А. Р.* Бамутское поселение — новый памятник кобанской культуры.— СА, 1972, № 2.
39. *Куфтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды. Т. 1. Тбилиси, 1949.
40. *Деопик Д. В., Мерперт Н. Я.* К вопросу о конце цивилизации Хараппы.— СА, 1957, № 4.
41. *Schüle W.* Die Meseta-kulturen der iberischen Halbinsel.— In: Madrider Forschungen. Т. 1—2. B. 3, Berlin, 1969. (одна из сводок по теслам на территории Евразии).
42. *Иессен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе.— ИГАИМК, 1935, вып. 120.
43. *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. Автореф. докт. дис. Тбилиси: Институт истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили, 1974.
44. *Анфимов Н. В.* Протомеотский могильник с. Николаевского.— МАА, т. II. Майкоп, 1961.
45. *Дитлер П. А.* Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс.— МАА, т. II. Майкоп, 1961.
46. *Аутлев П. У.* Новые памятники бронзового века Прикубанья.— МАА, т. III. Майкоп, 1972.
47. *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.
48. *Черных Е. Н.* Спектральные исследования бронзовых предметов из Николаевского могильника.— МАА. Т. III. Майкоп, 1972.
49. *Черных Е. Н.* О терминах «металлургический центр», «очаг металлургии» и других.— СА, 1967, № 1.
50. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.
51. *Козенкова В. И.* Металлообработка у племен эпохи раннего железа на территории Чечено-Ингушетии.— АЭС, т. II. Грозный, 1968.
52. *Магомедов А. Р.* Новые данные по металлообработке у древнего населения Чечено-Ингушетии.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

V. I. Kozenkova

ON THE BOUNDARIES OF THE KOBAN CULTURE WESTERN VARIANT

Summary

The article, based on the paper read by V. Kozenkova at the 7th Krupnov session on the North Caucasian archaeology held in April 1977 in Cherkessk, examines a number of opinions on the boundaries of the Koban culture in the north-western part of the Caucasus (Fig. 1). Unlike her predessesors (A. A. Iessen, E. I. Krupnov, E. P. Alexeyeva, V. B. Vinogradov, I. M. Chechenov and others) Kozenkova believes that the boundaries of the western variants (Fig. 2) run as follows: in the East — — between the rivers Baksan and Chegem, in the South — — along the Caucasian Mountains, in the West — — along the Urup valley. She agrees with Krupnov that the northern boundary runs along the Kuma River, but the possibility should not be precluded that it may be shifted, as a result of further investigations, to the Stavropol plateau. She draws attention to pottery complexes ornamented with repeated designs (Fig. 3) which indicate the existence of population groups inhabiting closed environmental areas such as gorges, etc. V. Kozenkova is the first to reconsider, on the basis of new data, Iessen's differentiation of the Kuban region of metallugy and metalworking. She believes that there is no special «Kuban culture»: the region is the western, periferal, centre of the Koban culture, while monuments of the turn of the 1st millennium B. C. found in the upper reaches of the Kuban must be considered its western variant.

РАЕВСКИЙ Д. С.

КУЛЬ-ОБСКИЕ ЛУЧНИКИ

Отечественная археология недавно могла отметить полуторавековой юбилей открытия одного из замечательнейших скифских памятников — кургана Куль-Оба. Однако несмотря на длительный срок, истекший с этого момента, и на исключительный характер куль-обского комплекса даже в ряду самых известных «царских» курганов Скифии, можно с полным основанием утверждать, что его изучение по сути все еще находится в начальной стадии и что бóльшая часть заключенной в его материалах исторической и историко-культурной информации до сих пор не расшифрована и не введена в научный оборот.

Сказанное в полной мере относится к найденным здесь разнообразным изображениям на скифские темы, выполненным греческими мастерами. Уже давно отмечено, что именно Куль-Оба, расположенная ближе других скифских курганов к художественно-ремесленным центрам Боспора — основного поставщика подобных изображений, наиболее ими богата [1, с. 438]. Однако содержание этих изображений, без сомнения, важное для освещения многих сторон скифской культуры, все еще по большей части не раскрыто. Более того, дискуссионным остается вопрос о самом характере этого содержания. Несколько лет назад автором была предпринята попытка подробно обосновать тезис о мифологическом или ритуальном содержании памятников подобного рода, вопреки наиболее распространенному в скифологии мнению о бытовом их характере [2, с. 9 сл.]. Повторять здесь эту аргументацию нецелесообразно, тем более что практически одновременно с упомянутой работой был опубликован целый ряд статей разных авторов, в которых в том же ключе — с позиций религиозно-мифологического понимания их содержания — интерпретировались различные скифские памятники [3—5 и др.]. Это указывает на растущую популярность подобного подхода, хотя, разумеется, отнюдь не свидетельствует, что найдено окончательное решение проблемы значения «сцен из скифской жизни», представленных на памятниках греко-скифского искусства. Проблема эта может быть решена лишь после анализа широкого круга памятников названной серии. Толкованию содержания одного из них и посвящена настоящая заметка.

Речь пойдет о найденных в Куль-Обе известных золотых фигурных бляшках с изображением лучников. Две мужские фигуры в обычных скифских костюмах представлены в рост, стоящими спиной друг к другу и целящимися из луков в противоположные стороны (рисунок) [1].

[1] Место находки этих бляшек в склепе Куль-Обы и их число точно установить трудно. В опубликованном отчете П. Дюбрюкса суммарно упоминаются различные бляшки, обнаруженные на полу склепа, в том числе у южной его стены [см. 6, т. I, с. XX]. В этой же публикации описан [6, т. I, с. 144] и воспроизведен [6, т. I, табл. XX, *6*] лишь один, причем дефектный — с утраченной головой правого персонажа, экземпляр интересующей нас бляшки. Создается впечатление, что более сохранного экземпляра в распоряжении авторов публикации не было. То же изображение было повторено позднее в книге И. Толстого и Н. Кондакова [7, вып. 2, рис. 8]. Однако уже

М. И. Ростовцев причислял это изображение к числу имеющих, «может быть, исключительно бытовое значение», в противоположность другим, для которых он допускал культовый характер [1, с. 440]. Оно принадлежит, видимо, к тем памятникам, которые послужили основанием для формирования мнения (кстати, без сомнения, преувеличенного) о преобладании батальных сюжетов среди выполненных греческими мастерами «сцен из жизни скифов» [13, с. 11] [2]. На первый взгляд боевой характер рассматриваемой сцены, действительно, не вызывает сомнения. Однако эта очевидность оказывается существенно поколебленной, если

Золотая фигурная бляшка с изображением лучников из кургана Куль-Оба

мы вдумаемся в характер изображенной ситуации. Дело в том, что романтичный образ соратников, спина к спине отражающих натиск окруживших их врагов, оправдан лишь в ситуации ближнего боя, при тесном соприкосновении с противником. Но лук, как известно, оружие дальнего действия, и именно в ближнем бою его использование затруднительно и неэффективно. Это противоречие было, видимо, давно замечено исследователями. Не случайно уже И. Толстой и Н. Кондаков трактовали интересующую нас сцену не как боевую, а как изображение скифов, «испол-

А. Ашик [8, ч. II, с. 32] упомянул во множественном числе «украшения, представляющие скифов, стреляющих из лука», и привел изображение вполне сохранного экземпляра [8, ч. III, рис. 128]. Этот экземпляр воспроизводится и во всех современных изданиях [9, табл. 224; 10, табл. XIV, *д*]. Обе описанные бляшки хранятся сейчас в Государственном Эрмитаже. Еще два фрагмента таких бляшек имеются в собрании Государственного исторического музея. Один из них (верхняя часть левой фигуры) упомянут в издании «Императорский Российский исторический музей. Указатель памятников» [11, с. 381, 382] как происходящий из Куль-Обы, хотя в примечании [11, с. 381] оговорено, что атрибуция этой и других разнообразных бляшек основана лишь на факте находки подобных украшений в этом кургане и что не исключено происхождение публикуемых экземпляров из других гробниц в окрестностях Керчи. Второй фрагмент — левая фигура с утраченной правой ногой — находился ранее в коллекции А. С. Уварова. О месте его находки никаких сведений нет. Любопытно, что П. П. Сабатье, публикуя этот экземпляр, снабдил его графической реконструкцией утраченных частей, причем выполнил ее опять-таки по экземпляру с утраченной головой правого персонажа, который опубликован в ДБК и у И. Толстого и Н. Кондакова [12, табл. V, *12*]. Видимо, это был наиболее сохранный из известных ему экземпляров. Если экземпляры из собрания ГИМ действительно происходят из Куль-Обы, то наиболее вероятно, что они относятся к найденному под полом склепа погребению (?), инвентарь которого, в том числе «несметное число тисненых бляшек» [6, т. I, с. XXX], был расхищен и в основном разошелся по частным коллекциям [6, т. I, с. XXXIV].

[2] С другой стороны, следует упомянуть мнение, что на интересующих нас бляшках изображены не скифы, а фракийцы. Основанием для такого толкования служит специфическая прическа персонажей [14, с. 114]. Однако весь облик этих воинов заставляет считать такую точку зрения недостаточно обоснованной, а ссылка в этом вопросе на Геродота, якобы описавшего такую прическу фракийцев [15, p. 112, № 80], неточна.

няющих воинственный пляс» [7, вып. 2, с. 12]. Такое толкование было принято и М. И. Артамоновым, который писал, что «едва ли это простые жанровые картинки, а не культовые сцены», и видел в нашем памятнике изображение «воинственного магического танца с оружием» [16, с. 84, 85]. Такое допущение, однако, не вполне устраняет отмеченное противоречие, поскольку, по наблюдениям специалистов, архаические военные танцы, как правило, представляют «точное воспроизведение сцен боя» [17, с. 114].

Это заставляет перенести поиски значения интересующего нас мотива из сферы военного быта (или его отражения в военных танцах) в сферу ритуала. Конечно, подобный ритуал мог сложиться лишь в среде, где война имела большое значение и оказывала существенное влияние на все стороны жизни общества. Но возникший в таких условиях ритуал все же вовсе не должен был буквально имитировать реальные боевые ситуации. Ритуальные действия с оружием имеют свою логику и структуру, а не просто имитируют практические действия с ним [3].

Перенося наши поиски в эту сферу, мы, действительно, находим в ритуальной практике многих древних народов очень близкую аналогию тому действию, которое воспроизведено на наших бляшках, что позволяет, как кажется, подойти вплотную к объяснению его значения. Так, в древней Индии в ходе происходившего каждые три года праздника царь выпускал украшенные цветами стрелы на четыре стороны света [18, p. 110]. В Египте стрельба по четырем основным направлениям горизонта составляла один из элементов коронационного ритуала, а также ритуала Хебсед, связанного с идеей периодического возобновления сакрального могущества фараона [19, с. 22; 18, p. 110, 111]. В древнем Китае тот же акт совершался в случае рождения царского наследника, причем здесь он дополнялся пусканием стрел вверх и вниз, в землю [18, p. 110, 111]. Сходная практика существовала в Японии [18, p. 110, 111] и у некоторых народов Африки [19, с. 22, 23]. Из всех приведенных примеров первый для нас, пожалуй, наиболее важен, так как заимствован из этногенетически близкой скифам среды, что в принципе позволяет допустить возможность единого происхождения скифского и индийского ритуалов. Однако даже если отказаться от такого предположения, широкое распространение идентичных по структуре и при этом, по всей видимости, конвергентно сформировавшихся обычаев делает оправданным привлечение всего этого круга аналогий для толкования скифского мотива.

Структурное единство упомянутых ритуалов проявляется в основном в трех моментах: во всех случаях производится одно и то же действие — стрельба из лука (1), оно связано так или иначе с царем (2) и соотнесено с основными пространственными координатами (3). Анализ совокупности этих моментов вскрывает определенный комплекс стоящих за этим ритуалом представлений и соответственно его магическое значение.

Наиболее отчетливо в этом обычае проявляется идея господства над теми территориями, на которые распространяется власть оружия. Не случайно у африканского народа ниоро интересующее нас действие сопровождается произнесением следующей формулы: «Я стреляю в народы, чтобы победить их» [19, с. 22, 23]. Отсюда отчетливый воинский характер обряда, использование в нем предметов вооружения [4]. Отсюда же связь его именно с царем. По сути данный ритуал составляет магическую процедуру установления суверенитета данного государя над определенной территорией. Подобный символизм выстрела из лука (по вы-

[3] Достаточно вспомнить средневековые ритуалы посвящения в рыцари: оружие является их непременным атрибутом, но само действие не воспроизводит боевых ситуаций.

[4] Чаще всего в этом ритуале используется именно лук. Однако А. К. Кумарасвами приводит пример из венгерского коронационного церемониала, где к тем же четырем сторонам света обращены четыре взмаха меча [18, p. 110, 111, n. 13].

ражению А. К. Кумарасвами, «царского оружия par excellence» [18, p. 108]) и полета стрелы известен в различных культурах, в частности, он засвидетельствован древнеиранской традицией, согласно которой стрела лучника Эрехша (Ареша), «ария из ариев», определяет пределы Ирана и устанавливает, где будет проходить граница между Ираном и Тураном (Yast VIII, IV, 6).

Не меньшего внимания заслуживает то, как конкретно выражена эта идея в данном ритуале, так как здесь отражены некоторые ключевые концепции мифологического мышления. Речь идет о четырехкратном повторении выстрела, направленного поочередно к четырем сторонам света. Как отмечал Э. Кассирер, «нет, вероятно, такой космологии, даже сколь угодно примитивной, в которой бы противопоставление четырех основных направлений не проявлялось бы тем или иным способом как кардинальный момент понимания и объяснения мира» [20, v. II, p. 98]. Выделение четырех основных радиальных координат связано с основами ориентации человека в горизонтальном пространстве (членением его на «то, что справа», «слева», «спереди», «сзади»); в трехмерном пространстве к ним добавляются еще два вертикальных вектора, направленных вверх и вниз [20, v. II, p. 90; 21, с. 94, 95] (ср. сказанное выше о древнекитайском варианте интересующего нас ритуала, где стрелы пускаются не только по странам света, но также в зенит и надир). В архаических космологиях эти координаты выступают в качестве основных составных элементов космической модели, получают не только пространственные, но и функциональные и оценочные характеристики [22, с. 214 сл.] и в совокупности воплощают идею «космического порядка» [20, v. II, p. 146, 147].

Это позволяет дополнить семантическую характеристику интересующего нас ритуала тремя положениями. Во-первых, выделяя из всех возможных направлений четыре (или шесть) ключевых и маркируя их совершением однотипных действий (пусканием стрелы), этот ритуал как бы структурирует аморфное пространство, придает ему определенную регулярность, упорядоченность, осуществляет «превращение хаоса, т. е. состояния неупорядоченности, в организованный космос» [22, с. 205]. По сути мы имеем здесь акт «организации» некоего микропространства, превращающий его в микромодель «большого космоса», что придает этому микропространству сакральность, необходимую для обеспечения эффективности его функций [23, с. 114]. При этом природа и назначение «организуемого» микропространства могут быть весьма разнообразны. Если это территория обитания некоего коллектива (поселок, город, царство), то лишь такая организация, по представлениям архаического человека, гарантирует благополучие этого коллектива; если это погребальное сооружение, то она необходима для обеспечения загробного существования умершего; если это место, предназначенное для совершения какого-то ритуала, то лишь при выполнении все того же условия этот ритуал будет эффективен, и т. п.

Во-вторых, существенно, что именно четырех(шести-)кратное повторение этого действия не просто структурирует, «организует» пространство, но как бы «исчерпывает» его, поскольку именно совокупность четырех (шести) радиальных координат есть средство выражения *всего* пространства (в первом случае — плоскостного, «территориального», во втором — трехмерного, объемного). Именно в таком виде интересующий нас ритуал получает определенную завершенность, так как определяет пределы пространства «на все четыре стороны».

Наконец, в-третьих, то же четырех(шести-)кратное повторение выстрела, обращенного в разные стороны, автоматически маркирует еще один элемент пространства — центр, т. е. точку, в которой находится совершающее ритуал лицо и откуда исходят все «организующие пространство» векторы. Исключительное ритуально-магическое значение «центра»

в архаических религиозно-мифологических концепциях хорошо известно [24]. «Центр мира» мыслится как «место, где проходит axis mundi, кратчайшим образом связывающая землю и человека с Небом и Творцом» [23, с. 114], место, обладающее наивысшей сакральностью. Теперь становится понятным специфически царский характер рассматриваемого ритуала: ведь «благополучие данного социума зависело от умения царя-жреца найти эту сакральную точку», поскольку «именно древний царь выполнял роль жреца, который... знал космологическую структуру мира и ведал космологическими измерениями» [25, с. 13. Там же ссылки на обширную литературу]. В нашем случае посылание стрел из одной точки на четыре стороны есть по сути процедура создания царем пространственного центра, обладающего к тому же и временно́й координатой: это момент начала определенного временно́го цикла (коронационный ритуал, знаменующий начало царствования, или периодическая его имитация, как бы обновляющая власть царя, или рождение наследника престола), воспроизводящий мифическое «начало мира».

Все сказанное приводит нас к выводу о важной роли интересующего нас ритуала в религиозной практике тех обществ, которым он был присущ. Этот ритуал трактовался как важный элемент той «организации мира», без которой благополучное существование коллектива представлялось немыслимым. Военно-политический аспект этого ритуала, на который мы обратили внимание в первую очередь, оказывается по существу лишь одним из элементов того широкого спектра значений, который присущ ему вследствие его «космического», т. е. связанного с представлением о структуре мироздания, характера. Однако этот аспект существует не изолированно — он органически слит с другими: царство и космос в это ритуале воспринимаются как изоморфные и концентрические системы, что в глазах совершающего ритуал коллектива придает сакральность социально-политическому организму [23, с. 115].

Вернемся теперь к интересующему нас скифскому памятнику. В нем находят достаточно явное выражение все три названные выше характерные черты рассмотренного ритуального действия. Здесь также представлен акт стрельбы из лука (1), повторенный несколько раз и обращенный в противоположные стороны (3); связь же этого акта с царем и царскими ритуалами (2) проявляется в том, что само это изображение найдено в погребении лица, экстраординарный социальный статус которого достаточно очевиден. Разумеется, именование Куль-Обы царским курганом несколько условно и вовсе не заставляет видеть в погребенном здесь человеке верховного владыку всей Скифии, подобного царю Атею. Речь идет лишь о том, что этот человек воспринимался соплеменниками как глава определенного коллектива в политическом плане и как его личностное воплощение в плане сакрально-магическом. О таких функциях куль-обского «царя» свидетельствует весь характер комплекса, от содержания изображения на знаменитой электровой вазе [2, с. 34 сл.] до наличия у «царя» гривны, традиционно толкуемой как знак власти [1, с. 383]. Итак, основные характеристики содержания нашего изображения и рассматриваемого ритуала в основном совпадают.

В то же время нельзя не отметить и существенные отличия. Во-первых, герои изображения пускают стрелы не на все четыре, а лишь на две противоположные стороны. Во-вторых, совершает этот акт не одно и то же лицо, а два различных персонажа. Представляется, однако, что расхождения эти продиктованы не столько различиями в структуре самого действия, сколько особенностями его воспроизведения. Если выше мы осуществляли анализ и реконструкцию ритуала на основе его *описания* в словесном тексте, то здесь перед нами *изображение*, что требует совершенно иных принципов построения и иных способов выражения содержания. Автору в другом месте уже приходилось затрагивать вопрос о соотношении словесного и изобразительного повествования и о его влия-

нии на толкование скифских древностей [26]. Сейчас для нас существен лишь один из аспектов этой широкой проблемы: в том случае, когда изображение представляет не серию последовательных сцен, а единичную самостоятельную композицию, неизбежно «выключается» временной фактор, неотъемлемо присутствующий в словесном повествовании, и соответственно практически теряется возможность передать цепь последовательных действий. Стремление преодолеть это препятствие породило так называемый симультанный (по терминологии К. Вейцмана) метод, объединяющий последовательные события в единой композиции [27, p. 13, 14]. Однако этот метод неприменим тогда, когда в этих последовательных сценах фигурирует *один и тот же персонаж* (что, собственно, и соответствует интересующему нас сейчас случаю). В этих условиях выразить неоднократность акта стрельбы, столь важную семантически, можно было лишь путем «мультипликации», т. е. изображением нескольких персонажей, одновременно выполняющих одно и то же действие. При этом если бы художник попытался в двухмерном плоскостном изображении воплотить стрельбу на четыре стороны, он должен был бы, во-первых, передать очень сложный ракурс фигур, направляющих стрелы на зрителя и от него, и, во-вторых, чрезвычайно перегрузить композицию, сделать ее очень трудно «читаемой». Поэтому он осуществил определенную редукцию структуры, ограничившись воплощением *двух* персонажей. Прием этот вполне обычен в архаическом изобразительном искусстве. Достаточно напомнить, что концепция «мирового дерева», связанная с тем же представлением о четырех сторонах света и в трехмерном пространстве соотносимая с четырьмя размещенными вокруг центра элементами, в плоскостных изобразительных композициях выражалась, как правило, симметричной структурой, включающей осевой элемент, символизирующий центр (дерево и т. п.), и два предстоящих ему по сторонам существа (гении, животные, люди и т. п.) [21, с. 94, 95] [5]. Скорее всего именно этими особенностями изобразительного решения продиктовано наличие в нашей композиции только двух, а не требуемых логикой ритуала четырех персонажей.

Сказанное приводит нас к выводу, что расхождения между интересующими нас изобразительным мотивом и рассмотренным выше ритуалом определялись в целом не содержанием их, а формальными причинами, способом воплощения [6]. Если принять такое их объяснение, то можно рассматривать это изображение как воплощение скифского варианта подобного ритуала и распространять на него все сказанное выше о его значении. Допущение это тем вероятнее, что подобный ритуал хорошо вписывается в контекст скифской культуры, и в частности скифских религиозно-мифологических концепций. Представление о четырех сторонах света как о структурообразующих элементах пространства было присуще скифам и нашло отражение как в мифической их географии,

---

[5] Другой способ зрительного воплощения той же четырехчленной структуры — ее проекция на горизонтальную плоскость — породил популярный в разных культурах мотив крестообразных фигур [20, p. 147]. Но этот символический образ принципиально отличен от языка изобразительных памятников, интересующего нас в данный момент.

[6] Нельзя, однако, не отметить, что вызванный главным образом формальными причинами выбор именно такого способа изобразительного воплощения ритуала стрельбы на четыре стороны света не получил бы признания в скифской среде, если бы не имел одновременно опоры в содержании скифской мифологии. Иными словами, каждая из изображенных фигур должна была трактоваться как самостоятельный персонаж. Такое предположение тем более оправданно, что представление о связи каждой из сторон света с определенным мифологическим персонажем было в высшей степени характерно для архаического мировоззрения (ср., например, древнеиндийских локапала — хранителей сторон света, см. [28]). Однако наше знание скифской мифологии настолько неполно, что вряд ли целесообразно строить гипотезы, каких именно персонажей видели скифы в действующих лицах рассматриваемой композиции.

так и в построении некоторых памятников искусства [2, с. 83, 84], а также, по-видимому, в некоторых ритуалах, помимо рассмотренного здесь [29] [7]. Символическая связь лука с царем также типична для скифов и находит прямое отражение в сохранившихся фрагментах их мифологии (Herod. IV, 9—10).

Открытым остается вопрос о том, в каких случаях выполнялось в Скифии интересующее нас ритуальное действие. Тезис о связи его с царем не исчерпывает этого вопроса. По аналогии можно полагать, что оно составляло один из элементов коронационного ритуала. Но вполне возможно, что тот же ритуальный акт «организации пространства» воспроизводился гораздо чаще. Ведь процедура определения тем или иным способом «центра мира» как точки, обладающей максимальной сакральностью, должна была по существу являться начальным звеном практически любого ритуала. Но мы не располагаем данными о том, в каких случаях какой из возможных способов применялся в Скифии. Находка интересующих нас бляшек в составе погребального комплекса позволяет допустить возможность, что воплощенное на них действие воспроизводилось и в ходе царских похорон с целью сакрализации будущего места погребения.

Может возникнуть вопрос: если рассмотренный ритуал играл столь важную роль в религиозной практике скифов, то почему его изображение найдено лишь в Куль-Обе? Здесь, как представляется, следует учитывать следующие моменты. Прежде всего нельзя забывать, что сюжетные антропоморфные композиции на местные темы в эту эпоху лишь начинали распространяться в Скифии под влиянием греческого искусства [32]. В Куль-Обе, соседней с Боспором, их, как уже сказано, найдено больше всего. Распространение таких памятников по просторам Скифии еще не стало регулярным и систематическим. Этот процесс переживал лишь стадию становления, и не всегда важность того или иного мотива в системе скифской идеологии была адекватна популярности его изобразительных воплощений. С другой стороны, следует учитывать степень ограбленности скифских богатых курганов и долю не дошедших до нас памятников в общем репертуаре скифского (и греко-скифского) искусства. Наконец, нельзя исключать и возможности того, что дальнейшие исследования еще принесут нам повторные находки таких бляшек [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
2. *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М., 1977.
3. *Кузьмина Е. Е.* О семантике изображений на чертомлыцкой вазе.— СА, 1976, № 3.
4. *Мозолевський Б.* Синтез скіфо-античної думки.— Всесвіт, 1978, № 2.
5. *Мачинский Д. А.* О смысле изображений на чертомлыцкой амфоре.— В кн.: Проблемы археологии, вып. II. Л., 1978.
6. Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854.
7. *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889.
8. *Ашик А.* Воспорское царство. Одесса, 1854.
9. *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Л.— Прага, 1966.
10. *Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971.

[7] Об отражении концепции четырех сторон света в ритуальной практике и в памятниках искусства других ираноязычных народов евразийских степей см. [30, с. 40, 41; 31, с. 97, 98].

[8] Уже после завершения этой статьи Е. Е. Кузьмина мимоходом высказала мнение, что на рассмотренных бляшках представлены соревнующиеся лучники и что это состязание связано с актом избрания на царство [33, с. 43, прим. 57]. Согласиться с таким толкованием трудно, поскольку состязание претендентов на скифский престол, согласно скифской легенде (Herod., IV, 9—10), заключалось, вопреки утверждению Е. Е. Кузьминой (см. также [34, с. 80]), не «в стрельбе из лука», а в натягивании на лук тетивы, на что уже указывалось в литературе [35, с. 192, 193]. Поэтому связывать интересующее нас изображение с содержанием упомянутой легенды нет оснований.

11. Императорский Российский исторический музей. Указатель памятников. Изд. 2-е. М., 1893.
12. *Сабатье П. П.* Керчь и Воспор. СПб., 1851.
13. *Тереножкін О. І.* Класи и класові відносини у Скіфії.— Археологія, 1975, № 15.
14. *Манцевич А. П.* Горит из кургана Солоха.— Тр. ГЭ, 1962, т. VII.
15. From the Lands of the Scythians. N. Y., s. a.
16. *Артамонов М. И.* Антропоморфные божества в религии скифов.— АСб. ГЭ, 1961, № 2.
17. *Королева Э. А.* Ранние формы танца. Кишинев, 1977.
18. *Coomaraswamy A. K.* The Symbolism of Archery.— Ars islamica, 1943, v. X.
19. *Матье М. Э.* Хеб-сед. (Из истории древнеегипетской религии).— ВДИ, 1956, № 3.
20. *Cassirer E.* The Philosophy of Symbolic Forms. New Haven, 1957.
21. *Топоров В. Н.* К происхождению некоторых поэтических символов. Палеолитическая эпоха.— В кн.: Ранние формы искусства. М., 1972.
22. *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М., 1976.
23. *Топоров В. Н.* О космологических источниках раннеисторических описаний.— ТЗС, 1973, т. VI.
24. *Eliade M.* Centre du mond, temple, maison.— In: Le Symbolisme cosmique des monuments religieux (Serie Orientale Roma, v. XIV). Roma, 1957.
25. *Топоров В. Н.* Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам.— В кн.: Этимология 1972. М., 1974.
26. *Раевский Д. С.* Об интерпретации памятников скифского искусства.— НАА, 1979, № 1.
27. *Weitzmann K.* Illustrations in Roll and Codex. A Study of the Origin and Method of Text Illustration. Princeton, 1947.
28. *Sircar D. C.* Guardians of the Quarters.— In: Religious Life in Ancient India. Calcutta, 1972.
29. *Переводчикова Е. В., Раевский Д. С.* Еще раз о назначении скифских наверший.— В кн.: Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1980.
30. *Акишев А. К.* Идеология саков Семиречья (по материалам кургана Иссык).— КСИА АН СССР, 1978, № 154.
31. *Кузьмина Е. Е.* В стране Кавата и Афрасиаба. М., 1977.
32. *Раевский Д. С.* «Скифское» и «греческое» в сюжетных композициях на скифских древностях.— В кн.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978.
33. *Кузьмина Е. Е.* О двух перстнях Амударьинского клада с изображением цариц.— СА, 1979, № 1.
34. *Кузьмина Е. Е.* Сцена терзания в искусстве саков.— В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
35. *Карышковский П. О.* О монетах с надписью EMINAKO.— СА, 1960, № 1.

D. S. Raevsky

ARCHERS FROM KUL-OBA

Summary

The author offers his interpretation of the images of two archers in Scythian dress aiming their arrows in opposite directions found on gold plates from the Kul-Oba mound. The archers are performing a religious ritual common in the ancient East: shooting arrows to four cardinal points of the compass connected, as a rule, with the tsar. The purpose was to prepare a given area for a magical event that would enhance the well-being of people.

ОЛЬХОВСКИЙ В. С.

НАСЕЛЕНИЕ КРЫМА ПО ДАННЫМ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ

Упоминания о Крымском полуострове, его географии, природных богатствах, населяющих его народах постоянно встречаются в произведениях античных авторов классического и эллинистического периодов [1]. Конечно, далеко не все сохранившиеся письменные свидетельства в одинаковой степени достоверны. Так, позднейшие авторы, описывая современную им этногеографическую ситуацию на полуострове и, как правило, не располагая достаточным количеством источников, порой заполняли имеющиеся лакуны свидетельствами более ранних авторов, нередко запутанными и искаженными вследствие неоднократных компиляций. Это обстоятельство заставляет с особой осторожностью относиться к свидетельствам поздних авторов, учитывать возможную асинхронность рисуемой ими этнокарты Крыма. Наиболее достоверными можно считать сведения о населении Крымского полуострова, которые мы находим в трудах Геродота, Страбона, Арриана, Птолемея, а также Псевдо-Скилака, Псевдо-Скимна, Плиния, Мелы [2].

Данная работа — еще одна попытка на основании имеющихся письменных источников реконструировать этнокарту Крыма эллинистического времени. Очевидно, окончательно решить проблему этнического состава крымского населения на основании только письменных источников невозможно. Но отсутствие единой интерпретации письменных свидетельств все же делает данную работу необходимой [3].

Большинство античных авторов именует Крым Таврическим Херсонесом (полуостровом), иногда — Большим Таврическим Херсонесом, Таврикой и Тавридой (χερσόνησος, Ταυρική, Tauris). При этом одни авторы считали Таврикой весь полуостров, другие — только его южную, горную часть [13, с. 155]. Этнокарта Крыма в рассматриваемый период (VI в. до н. э.— II в. н. э.) заметно менялась, что нашло отражение и в письменной традиции. Так, Таврический полуостров населяли следующие варварские племена: по Геродоту и Псевдо-Скилаку — тавры, скифы [1, с. 277; 2, с. 240]; по Страбону — тафрии, земледельцы, скифское племя тавров, скифы [3, с. 202—206]; по Плинию Старшему — 30 народов, среди которых названы скифо-тавры, скифы-сатавки, тавры (?), тафры (? — по топониму) [9, с. 281, 282]; по Помпонию Мела — сатархи, таврики, тавры (?) [8, с. 278, 279]; по Клавдию Птолемею — тафры, сатархи (? — по топонимам) [5, с. 241]. Стефан Византийский отмечает, что «Таврика — большой... остров, имеющий много народов» [6, с. 326]. Изменение представлений о варварах Таврического Херсонеса отразилось, в частности, и на этнической «окраске» весьма популярного в античных и раннесредневековых источниках сюжета о принесении тавра-

[1] Ссылки на источники даются по сводке В. В. Латышева [1—11].

[2] Анализ интересующих нас произведений дан в ряде работ, из которых наиболее полной является работа М. И. Ростовцева [12].

[3] Попытка согласования письменных и археологических данных будет предпринята в другой статье.

ми чужеземцев в жертву Артемиде (Диане) [13, с. 153]. Жертвоприношения совершали: тавры (о чем упоминают — Геродот, Афинагор, Секст Эмпирик и др.) [1, с. 278; 5, с. 263, 267]; тавро-скифы (схолии к Каллимаху, Плутарх, Синесий, Зенобий) [2, с. 264; 3, с. 289; 6, с. 285; 7, с. 291]; скифо-тавры (Гай Юлий Солин) [10, с. 243]; скифское племя (Страбон) [3, с. 194]; скифы, называемые тавриями (Афанасий Александрийский) [6, с. 237]; и, наконец, скифы (Лукиан, Филострат, Кирилл Александрийский и др.) [4, с. 307; 5, с. 294; 7, с. 225]. Таким образом, негреческое население Крыма в эпоху эллинизма было полиэтничным. Рассмотрим его состав подробнее.

Т а в р ы — варвары, населявшие Таврический полуостров и к моменту появления там первых греческих колоний, видимо, составлявшие основную массу населения полуострова. Наиболее ранние свидетельства о таврах (Геродота, Псевдо-Скилака, Псевдо-Скимна) [1, с. 262; 2, с. 240, 311] локализуют их в гористой стране, простирающейся от Каркинитиды до Херсонеса Скалистого (Керченского полуострова?). Более поздние источники в общем следуют той же традиции. Так, Плиний отмечает, что Таврика начинается от Каркинита [9, с. 281]. По Страбону, Таврическое побережье тянулось от бухты Символов до г. Феодосии, а тавры «раньше» занимали наибольшую часть страны до перешейка и Каркинитского залива [3, с. 203—205]. В последнем отрывке Страбон совершенно логично, следуя от исконно таврского района обитания (Таврическое побережье и горы), указывает крайние северные пределы страны тавров — Каркинитский залив (на северо-западе) и перешеек (на северо-востоке — Акмонай?). Таким образом, прямых указаний на то, что тавры населяли территорию к северу от линии Каркинитский залив (Каркинитида) — перешеек (Феодосия) в источниках нет. Земли же к югу — горы, Южный берег и, вероятно, часть степи греки, без сомнения, считали районом обитания тавров («Тавры любят кочевую жизнь в горах» — Псевдо-Скимн [2, с. 311]; «Тавры ... ведут образ жизни горцев и кочевников» — Псевдо-Арриан [7, с. 235]). Тавры Южного берега Крыма занимались и морским пиратством. Между таврами и эллинами нередко происходили военные столкновения. Некоторая часть тавров подверглась эллинизации, переселившись в греческие города; вполне возможно присутствие там и рабов из числа тавров[4]. С течением времени территория, контролируемая таврами, сокращалась, что следует из сообщений Страбона (VII, 4, 4-5). Устойчивость традиции употребления терминов «Таврика» и «тавры», встречающихся и в лапидарной эпиграфике [14, № 39, 40; 15, № 352], свидетельствует о сохранении определенной частью тавров своей этнической и в какой-то мере политической самостоятельности в позднеэллинистический период. Однако вполне вероятно, что этноним «тавры» иногда употреблялся в собирательном смысле, обозначая жителей либо всего полуострова, либо его южной части, не обязательно одноэтничных (в подобном значении, например, широко использовался этноним «скифы»). Вследствие обобщенно-расширительного толкования терминов «Скифия» и «скифы» целым рядом эллинистических авторов [16, с. 50, 51] упоминания о «скифском племени таврах» (Страбон, Николай Дамасский и др.) [3, с. 76, 203, 205] нельзя рассматривать ни как свидетельство скифского происхождения тавров, ни как свидетельство тавро-скифского этнического смешения.

С к и ф ы не являлись автохтонным населением Крыма. Судя по их легендам (Геродот, IV, 3), на полуострове они появились еще до своего переднеазиатского похода. После возвращения из Азии скифы прочно освоили Крым, прежде всего степной. В Геродотово время скифы занимали район до Каркинитиды на юго-западе, владений тавров на юге и

[4] Преимущественно таврскому или близкому ему населению скорее всего принадлежат скорченные погребения некрополя Херсонеса; присутствие тавров в Пантикапее несомненно [14, № 114].

до рва, выкопанного потомками слепых рабов, на востоке (Геродот, IV, 21, 99); на юго-востоке скифы, видимо, контролировали район до Феодосии (Псевдо-Скилак: Феодосия — в земле скифов [2, с. 239, 240]; Ульпиан: Феодосия — вблизи Скифии [2, с. 239]; Страбон: Феодосия — граница владений тавров [3, с. 203, 204]). Возможно, Геродот знает скифов и на Керченском полуострове («...на западном берегу Боспора и Меотиды» — IV, 100). Во всяком случае, в IV—III вв. до н. э. присутствие там скифов несомненно (Псевдо-Скилак) [2, с. 240, 241]. По Геродоту, первыми из скифов в Крыму появились скифы царские. Достоверных письменных свидетельств об оседлости части крымских скифов и об их занятиях земледелием в V—III вв. до н. э. нет; это, однако, не доказывает, что все скифы Крыма вели исключительно кочевой образ жизни. Скифы как отдельный этнос в Крыму нередко упоминаются в письменных и лапидарных памятниках по крайней мере до II—III вв. н. э. [14, № 32, 33, 39, 40, 1237]. По неясной причине такие авторы, как Плиний, Мела, Птолемей, о скифах в Крыму прямо не говорят, хотя присутствие там скифов в это время несомненно. Страбон даже называет полуостров «Таврическим и Скифским» (VII, 4, 1).

Таврo-скифы (скифо-тавры). Э. И. Соломоник, посвятившая разбору этих этнонимов специальную статью, пришла к выводу об употреблении их в двояком значении; географическом (тавры, крымские скифы) и этническом (частично смешанное тавро-скифское население) [13, с. 154, 155]. Более верной кажется этническая трактовка данных терминов, так как аналогичные конструкции — эллино-скифы (Геродот) [1, с. 261], скифы-аланы (Клавдий Птолемей) [5, с. 236], греко-сарматы (Евсевий и Ипполит Портский) [6, с. 222; 10, с. 250], галлогреки (Юлий Цезарь) [8, с. 193] — употреблялись именно в этом значении. Не совсем ясно следующее утверждение Страбона: «Подобно тому, как известные народы северных стран назывались одним именем скифов или номадов..., а впоследствии, когда сделались известными и западные страны, их обитатели назывались кельтами и иберами или смешанно кельтиберами и кельтоскифами, ибо вследствие неведения отдельные народы в каждой стране подводились под одно общее имя» [3, с. 179, 180]. Не исключен и географический оттенок приводимых этнонимов.

Ранние источники не содержат расшифровки термина Ταυροσκύθαι (Tauroscythae), так как его значение современники, видимо, хорошо понимали (табл. 1). Мнение Евстафия, автора XII в. (тавро-скифы — от горы Тавра), не обязательно соответствует действительности[5]. Выражение «таврские скифы» (Амвросий) [11, с. 233], не вызывающее разночтений, распространения почему-то не получило. Вызывает недоумение и следующее обстоятельство: если этноним скифо-тавры (тавро-скифы) означает «скифы, живущие в Таврике» (что, собственно говоря, применимо только к конструкции «тавро-скифы»), почему он стал употребляться минимум через шесть веков после появления скифов на Большом Таврическом Херсонесе, когда скифская культура Крыма подверглась заметному влиянию со стороны таврской, греческой, сарматской культур и существенно отличалась от «классической» культуры скифов V—III вв. до н. э.? В какой-то мере это можно объяснить тем, что активное проникновение скифов в предгорную Таврику относится ко второй половине IV—II вв. до н. э., поэтому этноним «тавро-скифы» появился сравнительно поздно как отражение этого движения, имея преимущественно географический оттенок. Однако и в этом случае между археологическими и письменными источниками остается разрыв в один — три века (см. табл. 1). Таким образом, есть больше оснований признать тавро-скифов (скифо-тавров) этническим смешанным населением Крыма.

---

[5] Так, самих тавров Евстафий помещает на Ахилловом беге [4, с. 246].

Таблица 1

Тавро-скифы, скифо-тавры

Этноним, топоним	Автор	Дата	Содержание	Публикация
Тавро-скифы	Схолии к гимнам Каллимаха	После III в. до н. э.	Приносят в жертву чужеземцев	[2, с. 264]
Тавроскифия	Хрестоматия из «Географии» Страбона	?	Район Тамиракского-Каркинитского залива, Ахиллов бег	[3, с. 243]
Тавро-скифы	Плутарх	I–II вв. н. э.	Совершают человеческие жертвоприношения	[3, с. 289]
»	Евстафий	XII в.	Называются от горы Тавра	[4, с. 245]
»	Клавдий Птолемей	II в. н. э.	Живут по Ахиллову бегу	[5, с. 238]
»	Синесий	IV–V вв. н. э.	Почтили Артемиду кровью от бичевания	[6, с. 285]
»	Зенобий	II в. н. э.	Приносят в жертву людей	[7, с. 291]
»	Юлий Капитолин	III в. н. э.	Угрожали Ольвии	[10, с. 257]
»	»	III в. н. э.	Не приняли писем Сапора	[10, с. 261]
»	Прокопий	VI в. н. э.	За Меотидским озером, за таврами и тавро-скифами	[36, с. 249]
»	(Тиберий Юлий Рескупорид)	Первая треть III в. н. э.	Царь всего Боспора и тавро-скифов	[14, № 1008]
Скифо-тавры	Арриан	II в. н. э.	(Их) покинутая гавань	[4, с. 272]
»	Псевдо-Арриан	V в. н. э.	(Их) гавань Афинеон	[7, с. 235]
»	Гай Плиний Секунд	I в. н. э.	Занимают хребет в Таврике	[9, с. 282]
»	Гай Юлий Солин	III в. н. э.	Режут пришельцев для жертвоприношений	[10, с. 243]

Данной точки зрения придерживались В. В. Латышев [17, с. 190], С. А. Жебелев [18, с. 256] и др.

Сближению скифов с аборигенами Таврики [6], вероятно, способствовали установившиеся между ними преимущественно мирные отношения, не исключавшие, конечно, и военных столкновений. Упоминания о каких бы то ни было военных действиях между таврами и скифами в письменных источниках полностью отсутствуют. Если бы они имели место в значительных масштабах, этим, несомненно, воспользовались бы греки (например, херсониты), что, в свою очередь, нашло бы отражение в письменной традиции. Более того, скифы и тавры нередко сообща выступали против эллинов, а порой являлись и их союзниками [15, № 352; 14, № 39, 40, 1237]. Создание скифами своего флота, о чем свидетельствуют надписи Посидея [15, № 670—672; 19, с. 44; 20, с. 87], проводилось, видимо, не без помощи тавров, имевших опыт каботажного плавания и владевших удобными бухтами по южному берегу Крыма, а также контролировавших районы главной (возможно, и внутренней) гряды Крымских гор. Примечательно, что некоторые элементы погребальной обрядности тавров, по Николаю Дамасскому, копируют скифские [3, с. 176]. Следует предполагать, что с течением времени доля смешанного тавроскифского населения в Крыму возрастала.

Область обитания скифо-тавров (тавро-скифов) наиболее четко локализована Плинием [9, с. 281] — это горный Крым (табл. 1). Не противоречат этому сообщения Арриана и Псевдо-Арриана (тавро-скифская гавань на Южном берегу Крыма). Однако автор хрестоматии из «Географии» Страбона Тавроскифией называет (вероятно, ошибочно) часть Северо-Западного Крыма и Ахиллов бег. Иногда тавро-скифы упоминаются вне Крыма (табл. 1): под Ольвией (Юлий Капитолин) и на Ахилловом беге (Клавдий Птолемей). По мнению М. И. Ростовцева, это было связано с расширением границ государства крымских скифов (тавро-скифов) [12, с. 67, прим. 1]. Не вызывает сомнения факт переноса в ряде случаев сведений, первоначально относившихся к таврам (область обитания, пиратство, жертвоприношения Артемиде), на тавро-скифов, а отчасти и на скифов. Скорее всего это делалось для согласования традиционных крымских сюжетов с новой этногеографической ситуацией на полуострове на рубеже эр, а также вследствие недостатка данных.

Сатархи (сатархеи) упоминаются среди крымских племен начиная со II в. до н. э. (табл. 2). Помпоний Мела локализует их на крымском побережье, обращенном к Меотиде, напоминая, что живут они почти на острове. По Стефану Византийскому (точнее, Домитию Каллистрату), сатархеи заселили Тафры (Τάφραι), страну у Меотийского озера, которая (по П. Меле) простиралась от Болота (Сиваш)[7] до Каркинитского залива. Скифы-сатавки [8] — возможно, те же сатархи — Плиния Старшего помещаются к востоку от хребта, вероятно, в западной части Керченского полуострова. Таким образом, большинство источников локализует сатархов в Северо-Восточном Крыму [9]. Косвенно подтверждается их присутствие и в Северо-Западном Крыму. Помещать сатархов исключительно на западном побережье Крыма [23, с. 147] вряд ли верно. Плиний Старший и Солин знают сатархеев и вне Крыма, к востоку от Танаиса. Возможно, в этом отразилась традиция переноса этнонимов и топонимов с востока и юго-востока на запад [24, с. 141], имевшая в своей основе реальные перемещения племен [10].

[6] Тавры могли быть и не одноэтничны, могли представлять собой и группу родственных племен, объединенных общим этнонимом. Ср.: «Разделенные на различные царства тавры...» — Аммиан Марцеллин [10, с. 288].

[7] Болотом ошибочно считают всю Меотиду, а не Сиваш (оз. Бук) Помпоний Мела [8, с. 271, 278], а также некоторые другие позднеэллинистические авторы.

[8] В транскрипции М. В. Скржинской — сатарки [21, с. 46, 96].

[9] Мнения исследователей относительно локализации сатархов см. [22, с. 131, 132].

[10] Видимо, не к крымским, а к «юго-восточным» (кавказским?) сатархам относят-

Ю. М. Десятчиков, рассмотревший свидетельства античных авторов о сатархах, нашел возможным связать появление сатархов в Северном Причерноморье и на Кавказе с широким расселением центральноазиатских кочевых племен — тохаров (юечжей), ставших известными «среди местного скифо-сарматского ираноязычного населения Северного Причерноморья под древнеиранскими социально-этническими терминами «сатархи», «урги» («сильные»), «кшатраки» («царские») и появившихся здесь где-то во второй половине II в. до н. э.» [22, с. 143, 144]. Основа данной интересной гипотезы — отождествление сатархов с упоминаемыми в античных источниках троглодитами, саргатиями, спалеями, апалеями, ургами. Не вдаваясь в подробный анализ этой гипотезы [11], отметим, что и «социальный» этноним (сатархи — «сильные», «царские»; ср.: скифы царские, саи, царские сарматы) и «описательный» (троглодиты — «пещерники») вполне могли применяться не к одному, а к различным племенам Европы и Азии. В целом данная гипотеза пока не может считаться доказанной. Вместе с тем возможно предположение о некоторой связи сатархов с пришлым населением, возможно, сарматами [25, с. 62, 63; 26, с. 191]. При этом группа пришлого населения была, видимо, не особенно значительной, что привело к быстрой ассимиляции ее аборигенами (тафриями, таврами, скифами?) при сохранении этнонима «сатархи» за сформировавшейся этнической группой.

Сатархи, судя по письменным источникам (табл. 2), были народом оседлым (необязательно изначально), занимались животноводством, меновой торговлей, имели навык мореплавания и пиратства [12]. Двум последним моментам, по верному замечанию А. Н. Щеглова [23, с. 147], более соответствуют условия Северо-Западного Крыма, а не Присивашья. Отношения между сатархами и скифами не были постоянными, периоды мирного сосуществования сменялись войнами.

Земледельцы, известные из сообщения Страбона, явно варвары, «хотя и слывут в отношении воинственности за людей более мирных и более цивилизованных, но, будучи корыстолюбивы и соприкасаясь с морем, не воздерживаются от разбоев и тому подобных незаконных средств к обогащению» [3, с. 206]. Земледельцы (γεωργοι) уплачивали номадам (скифам) [13] «дань»; в случае неуплаты дани (за пользование землей?) [28, с. 63] скифы начинали с ними войну. Жили земледельцы на равнине, составляющей, «кроме горной области на морском берегу до Феодосии», всю остальную часть Таврического полуострова (Страбон) [3, с. 205].

В литературе высказывалась мысль о тождестве крымских земледельцев Страбона со скифами (скифы-земледельцы Геродота) [28, с. 68; 29, с. 232; 20, с. 85, 86]. Столь прямое сопоставление вряд ли верно. Территория расселения земледельцев, их занятие морским разбоем, порой столкновения со скифами, упоминание в контексте тафриев — все это

ся известия о проживании их в пещерах, об их отношении к драгоценным металлам. Возможно отождествление упоминаемого Плинием города Стактары с Сатархой Птолемея, но локализация Стактар в Юго-Западном Крыму, в районе Бахчисарая [22, с. 134, прим. 20; 21, с. 61], вызывает сомнения. Перевод данного отрывка «Естественной истории», сделанный И. П. Цветковым [9, с. 281], отличается от перевода М. В. Скржинской, позволяющего помещать Стактары и «30 народов» среди горных хребтов [21, с. 96]. Но почему же ниже Плиний говорит о «самом хребте», занятом скифо-таврами? Можно лишь констатировать локализацию Стактар в Таврике, т. е. на Крымском полуострове.

[11] Так, неясна одновременность употребления Плинием, Птолемеем, Солином и некоторыми другими авторами в этнонима сатархи, и этнонимов спалеи, апалеи, троглодиты и др.; непонятно культурное единство «царских» кочевников-сатархов с «горными» сатархами-спалеями («пещерниками») — последние, несомненно, население оседлое.

[12] Второе сообщение Мелы о сатархах, весьма подробное, в отличие от первого носит черты идеализации этого народа и кажется относящимся не к крымским, а к каким-то другим сатархам.

[13] Н. И. Сокольский считал номадов роксаланами [27, с. 104].

Таблица 2

Сатархи

Этноним, топоним	Автор	Дата	Содержание	Публикация
Сатарха	Клавдий Птолемей	II в. н. э.	Город внутри Таврического Херсонеса	[5, с. 241]
Саторхеи	Домитий Каллистрат (по Стефану Византийскому)	II–I вв. до н. э	Заселили Тафры – страну у Меотийского озера	[6, с. 327]
Сатархи (сартаги; сарты?)	Помпоний Мела	I в. н. э.	Жители (Крымского) побережья, обращенного к Меотиде; живут почти на острове	[8, с. 278]
»	»	I в. н. э.	Не знакомы с золотом и серебром; производят меновую торговлю; закапывают в землю жилища; живут в пещерах, землянках	[8, с. 281]
Сатавки	Гай Плиний Секунд	I в. н. э.	Живут к востоку от хребта	[9, с. 281]
Сатархеи	»	I в. н. э.	Перешли Танаис	[9, с. 296]
Сатархеи-спалеи	»	I в. н. э.	Перешли Танаис	[9, с. 297]
Сатархи (и апалеи)	Гай Юлий Солин	III в. н. э.	(За р. Лаксат, где) массагеты, эсседоны...	[10, с. 248]
Сатархи	»	III в. н. э.	Осудили употребление золота и серебра	[10, с. 243]
»	Валерий Флакк	I в. н. э.	Сатарха обогащают его подойники	[9, с. 348]
»	»	I в. н. э.	Белокурые	[9, с. 348]
Сатархеи	Посидей, сын Посидея	II в. до н. э.	Победа над пиратствующими сатархеями	[15, № 672]

Таблица 3

Тафрии, таврнии, таврии, таврики

Этноним, топоним	Автор	Дата	Содержание	Публикация
Тафрии	Страбон	I в. до – I в. н. э.	Жители побережья Каркинита	[2, с. 202]
Тафр	Клавдий Птолемей	II в. н. э.	Город внутри Таврического Херсонеса	[5, с. 241]
Тафры	Элий Геродиан (по Стефану Византийскому)	II–III вв. н. э.	(Город или местность?)	[5, с. 262]
»	Домитий Каллистрат (по Стефану Византийскому)	II–I вв. до н. э.?	Страна у Меотийского озера, которую окружили рвами рабы	[6, с. 327]
»	Помпоний Мела	I в. н. э.	Местность между Болотом и Каркинитским заливом	[8, с. 279]
»	Гай Плиний Секунд	I в. н. э.	Город на самом перешейке полуострова; местность на конце перешейка	[9, с. 281, 282]
Тавринии	Евсевий	IV в. н. э.	Племя; живут в Тавриаппии	[6, с. 221]
Тавриаппия	»	IV в. н. э.	Провинция	[6, с. 221]
Тавриния	Стефан Византийский	?	Страна; народ – псессы	[6, с. 329]
Тавриана	Ипполит Портский	III в. н.э.	Страна; жители – тавры	[10, с. 249]
Таврии	Афанасий Александрийский	IV в. н. э.	Скифы, называемые таврнями, приносят в жертву потерпевших кораблекрушение	[6, с. 237]
»	Марк Минуций Феликс	III–IV вв. н. э.	Чтут Диану	[10, с. 233]
Таврики	Помпоний Мела	I в. н. э.	Живут со стороны Эвксинского моря; почти на острове	[8, с. 278, 279]

находит аналогии в сообщениях о сатархах. Так как Страбон о сатархах в Крыму не сообщает, можно допустить, что в «Географии» они фигурируют под именем земледельцев [14].

Тафрии (Τάφριοι). Данный этноним встречается только в Страбоновой «Географии» (табл. 3), обозначая жителей побережья Каркинитского залива. Имеющиеся упоминания о городе Тафр (Тафры) и местности Тафры, связанные с соответствующим этнонимом, локализуют город на перешейке полуострова (у Перекопа?) или «внутри» полуострова, а местность — у Меотийского озера, между Болотом (Меотидой) и Каркинитским заливом. Сообщение Домития Каллистрата (в изложении Стефана Византийского) о том, что страна Тафры окружена рвами, выкопанными рабами, и населена саторхеями, позволило Л. А. Ельницкому отождествить потомков слепых рабов, восставших против скифов и выкопавших для обороны ров (Геродот), с тафриями (Страбон) и сатархами-саторхеями [31, с. 91; 6, с. 327, прим. 1]. Однако не совсем ясна параллельность употребления соответствующих этнонимов и топонимов (Тафры и Сатарха в вариациях) Плинием, Птолемеем и Страбоном (если земледельцы — это сатархи). К тому же сообщение Каллистрата не дает основания считать, что сатархи изначально населяли Тафры [22, с. 134, 135], позволяя подвергнуть сомнению тождество сатархов и тафриев. Не может считаться абсолютно доказанным отождествление сатархов не только с тафриями, но и троглодитами-пещерниками [15]. Троглодитами Солин называет скифов, живущих «далее внутрь страны» (какой?) [10, с. 243], а Плиний — неблагородных, рабского происхождения скифов [9, с. 273] — почти наверняка потомков слепых рабов (Геродот), сопоставляемых с тафриями.

Можно предложить следующее объяснение имеющейся ситуации. Сатархи, появившись в Крыму во II (конце III?) в. до н. э., частично смешались с немногочисленными местными племенами тафриев (ср.: города Тафр и Сатарха). При этом северная и северо-восточная группы смешанного населения сохранили в качестве основного этноним «тафрии», а западная и восточная группы — этноним «сатархи». Примечательна следующая деталь. Палак, искавший союзников в борьбе с Херсонесом, нашел их в роксаланах, которые, очевидно, беспрепятственно прошли через земли сатархов-тафриев; следовательно, сатархи-тафрии не оказали сопротивления либо из-за своей малочисленности; либо из-за того, что в тот период находились в союзных отношениях (ср.: [32, с. 133]) со скифами или были подчинены ими.

Таким образом, весьма вероятно, что крымские тафрии были покорены скифами в период освоения ими Крыма (VII—VI вв. до н. э.). Во II в. до н. э. тафрии подверглись ассимиляции со стороны пришлых сатархов. Скорее всего, численность тафриев (возможно, и сатархов) была незначительной. Образ жизни тафриев неясен; вероятно, что они жили оседло или полуоседло («город Тафр») прежде всего в прибрежных районах.

Проверить предположение о районе обитания тафриев могла бы более точная локализация выкопанных рабами рвов (тафров). Древнейшее упоминание о рве (τάφρος) содержит четвертая книга «Истории» Геродота. Из текстов, посвященных Скифии, следует, что Геродотово понимание стран света соответствовало современному. Топоним «Таврика»

[14] Так как георги-земледельцы — этноним «описательный», он мог применяться к самым разным племенам. Так, Солин в одном из отрывков («Сборник достопримечательностей», XV, 14) упоминает скифо-тавров, номадов, сатархов, гениохов, живущих в Европе георгов и аксиаков, живущих в пещерах скифов [10, с. 243]. Очень интересно мнение В. И. Абаева о происхождении этнонима «георги» путем адаптации античными авторами варварского термина *gauvargā [30, с. 5].

[15] Схема: сатархи живут в пещерах (Мела); сатархи-спалеи — «пещерники» (Плиний); сатархи населяют Тафры (Мела); вывод: сатархи=троглодиты (пещерники)=тафрии.

Геродот прилагает исключительно к Горному Крыму, а не ко всему полуострову. Перекопский перешеек и Каркинитский залив Геродоту известны, вероятно, не были, ибо о них он не упоминает. Возвращающиеся из Азиатского похода скифы могли проникнуть в Крым либо через Перекопский перешеек, либо через Керченский пролив (по льду). Следовательно, ров потомков слепых рабов нужно искать или на Перекопе, или на Керченском полуострове, скорее всего в самой узкой его части. По Геродоту, рабы выкопали широкий ров на всем протяжении от Таврических гор до самой широкой части Меотийского озера (IV, 3), причем находился он к востоку (или северо-востоку) от Таврики (IV, 20). Это делает невозможной локализацию рва на Перекопе (если же считать Таврикой весь Крым, то и ров, и владения скифов царских оказываются вообще вне Крыма). Упоминание о скифах, живущих «по сю сторону рва» и переходящих по льду в землю синдов (IV, 28), а также то, что Таврические горы, где была южная оконечность рва, начинаются от Феодосии, подтверждает помещение рва у западной границы Керченского полуострова, между Феодосийским и Арабатским заливами. Следует подчеркнуть, что локализация рва «потомков слепых» на Акмонайском перешейке — единственная, отвечающая сообщению Геродота полностью. Рассмотрев карту Крыма, нетрудно убедиться, что только на Акмонае можно прорыть ров от Таврических гор (район Феодосии) до Меотиды. Первым подобную локализацию рва предложил И. М. Муравьев-Апостол [33, с. 275]. Однако в некоторых работах ров «слепых» помещают либо на Перекопском перешейке, либо в восточном Крыму, отождествляя его с существующим Тиритакским валом в 4 *км* к западу от Керчи или с Узунларским (Аккосовым) валом в 30 *км* от Керчи [6, с. 327, прим. 1; 27, с. 94]. Очевидно, что во всех трех случаях выполняется лишь одно указание Геродота — «...до Меотийского озера». Между тем Аккосов и Тиритакский валы существуют, и, если верно предположение об их догреческом происхождении [27, с. 95], не являются ли они упоминаемыми Геродотом (IV, 12) «киммерийскими стенами», как предполагают некоторые авторы? Однако на Акмонайском перешейке следов рва (и вала) в настоящее время нет.

Для выяснения этногеографической ситуации в центральном и восточном Крыму важны сообщения Страбона, знающего боспорскую оборонительную линию (стену Асандра), «перешеек», примерный район расселения тавров и тафриев. Локализация Асандровой стены во многом зависит от того, что считать упоминаемым Страбоном перешейком. Практически во всех этногеографических работах он отождествляется с Перекопским перешейком; иногда подчеркивается, что «Страбон повсюду называет перешейком Перекоп» [27, с. 99; 33, с. 276]. Данное утверждение не соответствует действительности. Перешейком Страбон называет Азово-Каспийское междуморье (II, 5, 31), а в Крыму выделяет несколько перешейков. 1 — «Перешеек (здесь и далее — разрядка моя.— *В. О.*) шириною в сорок стадиев, отделяющий так называемое Гнилое озеро от моря и образующий полуостров, называемый Таврическим и Скифским» (VII, 4, 1) — здесь, несомненно, речь идет о Перекопе; о нем же Страбон упоминает и раньше (VII, 3, 19). 2 — «Киммерик был прежде город, построенный на полуострове и замыкавший перешеек рвом и валом» (XI, 1, 5) — возможно, здесь имеется в виду Киммерик Европейского Боспора [33, с. 272], находящийся на полуострове, образованном морем и Кояшским озером, которое прежде было лиманом. Но уверенности в этом нет. 3 — Перешеек — граница боспорцев и тавров. Страбон дважды упоминает о том, что город Феодосия прежде был границей владений боспорцев и тавров (VII, 4, 4-5), а раньше «наибольшую часть страны до перешейка и Каркинитского залива занимало скифское племя тавров» (VII, 4, 5). Речь здесь идет, несомненно, об одном и том же районе. Страбон наверняка указывает здесь западную — до Каркинит-

ского залива — и восточную — до перешейка — границу прежних владений тавров, причем на восточной границе, на перешейке, находится Феодосия. Описание владений боспорцев и тавров Страбон дает строго с востока на запад, в качестве исходной точки имея Пантикапей: устье Меотиды — Феодосия на перешейке (Акмонайском) — Каркинитский залив. Район между заливом и Акмонаем — действительно наибольшая часть страны, чего нельзя сказать о районе между Каркинитским заливом и Перекопом; к тому же тавров у Перекопа не помещает ни один античный автор. Таким образом, данный перешеек, несомненно, соответствует Акмонайскому перешейку. 4 — Перешеек Херсонеса у Меотиды, перегороженный «стеною Асандра» длиной 360 стадиев (VII, 4, 6). Данный перешеек, несомненно, находился на Керченском полуострове, но локализация его Страбоном не уточняется. Цифра 360 стадиев встречается в «Географии», кроме отмеченного случая, еще раз. Говоря о перешейке между Гнилым озером и морем (о Перекопе), Страбон определяет его ширину в 40 стадиев, что соответствует действительности (8 *км* в самом узком месте), однако при этом оговаривается, что некоторые определяют ширину перешейка в 360 стадиев; это никак не соответствует ширине Перекопа. Данное противоречие, не объясненное ни Страбоном, ни его комментаторами, мешало уверенной локализации и Асандровой стены — оборонительной системы, состоявшей из стены с башнями и, возможно, вала и рва. Разрешается оно следующим образом.

Страбон, неверно поняв своих информаторов, спутал сведения о двух перешейках — шириной 40 и 360 стадиев, приписав их одному перешейку, вероятно, вследствие того, что оба перешейка имели укрепления. Перешеек в 40 стадиев — Перекоп; перешеек в 360 стадиев идентифицировать трудно. Учитывая несомненное расположение его на Керченском полуострове («у Меотиды»), наиболее логичным кажется отождествление его с Акмонаем — перешейком, где «прежде» проходила боспорская граница. В пользу этого свидетельствует следующее. Во-первых, Акмонай — единственный крупный и одновременно ярко выраженный перешеек Керченского полуострова, его можно пересечь за три-четыре часа пешего хода. Во-вторых, Страбон знал о существовании Акмоная как границы владений боспорцев и тавров и называл его перешейком. В-третьих, Акмонай является перешейком именно у Меотиды, так как собственно Меотида начинается от Арабатской стрелки, западнее — Сиваш, известный как озеро Гнилое, Бук или Бики. Если бы Страбон имел в виду Перекоп, то и перешеек, и стена Асандра на нем оказались бы не у Меотиды, а у Гнилого озера.

Однако предполагаемой локализации перешейка с Асандровой стеной на Акмонае препятствует одно обстоятельство. Сообщаемая Страбоном длина стены — 360 стадиев (65—75 км) — значительно превышает ширину Акмоная. Более того, максимальная ширина Керченского полуострова (от Меотиды до Понта) по прямой не превышает 50 *км*, что заставляет подвергнуть сомнению правильность сведений Страбона о длине стены. Ширина Акмонайского перешейка в наиболее узкой части составляет 17 км. Максимальная длина Асандровой стены, если она действительно помещалась там, приближалась к 30 км (150—170 стадиев; между Феодосией и Арабатской стрелкой).

Итак, приводимую Страбоном цифру — 360 стадиев — следует признать значительно завышенной. Вызывает недоверие и указание Страбона (со ссылкой на Гипсикрата) о том, что стена имела по 10 башен на каждую стадию длины (VII, 4, 6). Таким образом, локализация Асандровой стены, если она действительно существовала, а не выдумана Гипсикратом для возвеличивания заслуг Асандра, на Акмонае возможна [16].

[16] Нужно отметить, что длина Аккосова вала (около 35 км, а с учетом побережья Узунларского озера до 45 км, т. е. до 250 стадиев) более соответствует сообщению Страбона.

Однако видимые следы укреплений на Акмонайском перешейке в настоящее время отсутствуют, что дало некоторым авторам основание, в противовес мнению большинства исследователей XVIII—XIX вв., отрицать локализацию Асандровой стены в районе Акмонайского перешейка; указывалось, что ни Паллас, ни кто-либо еще не видел и следов стены [27, с. 97; 34, с. 290]. С этим трудно согласиться. «Линия и каменные насыпи, ее составляющие, представляют также круглые развалины нескольких башен. В одном месте, близ Шибана, выдается еще край квадера с тянущеюся от него стеной. Упомянутые груды камней лежат на 180 шагов расстояния одна от другой и имеют от 60 до 80 шагов в диаметре. Кое-где с западной стороны, заметны признаки древнего рва и много ям, которые, вероятно, остались после постройки, когда брали для стены глину. Кажется, нет сомнения, что это была древняя „Асандрова стена“» [35, с. 50]. Подробность описания свидетельствует о том, что Паллас не только видел развалины, но и измерял их. Спутать их с естественным Парпачским хребтом, идущим широтно, невозможно. Скорость же разрушения оборонительных сооружений хорошо иллюстрирует примечание членов Одесского общества истории и древностей к сочинению Палласа: «От турецкого укрепления Перекопского перешейка, которое так удивляло Палласа громадностью своей работы, в настоящее время (спустя 90 лет.— *В. О.*) не сохранилось почти никаких следов; тогда как Паллас застал еще почти целый вал и глубокий ров, выложенный вдоль всей линии вала камнем... Теперь едва приметны только слабые следы вала и рва, но камней вовсе не видно» [35, с. 92]. Таким образом, нет оснований столь решительно отрицать наличие стены Асандра на Акмонайском перешейке. Если же Асандрова стена действительно находилась там, она вполне могла быть построена на остатках рва (и вала) потомков «слепых» рабов, как предполагал И. М. Муравьев-Апостол [33, с. 275].

Как отмечалось выше, наиболее вероятная причина путаницы у Страбона с Перекопом и Акмонаем заключается в том, что на обоих перешейках имелись укрепления. Наличие на Перекопе рва, соединяющего море (Каркинитский залив) с оз. Бук (Сиваш), кажется, подтверждается сообщением Плиния. К сожалению, данный отрывок «Естественной истории» (IV, 84) представляет собой смесь сведений не только о Крыме, но и о Таманском полуострове, слитых Плинием воедино. Косвенным подтверждением существования у Меотиды на рубеже эр нескольких рвов может служить топоним «Тафры» (рвы), тогда как Геродот (IV, 3) говорит лишь об одном рве. Можно допустить, что рвы, ограничивавшие страну Тафры у Меотийского озера (Каллистрат) [17], располагались на Перекопе и Акмонае, и, таким образом, местность, заключенная между рвами (Северо-Восточный Крым, Присивашье), получила название Тафры — Рвы. Данному предположению не противоречит локализация по письменным источникам и города Тафры (у Перекопа — внутри полуострова), и страны и народа тафриев (Северо-Восточный Крым, Присивашье, отчасти и побережье Каркинитского залива). Можно согласиться с мнением, что слепые рабы (Геродот) — тафрии являлись потомками крымского населения эпохи раннего железа [23, с. 148] (скорее всего кизил-кобинцев предгорий и отчасти степей), покоренного и ассимилированного скифами.

Тавринии — племя, упоминаемое Евсевием; населяло оно провинцию Тавриаппию (табл. 3), упоминаемую наряду с провинцией Скифией. Страна Тавриния известна и Стефану Византийскому, но, по его мнению, населяли ее псессы. Указанные авторы знают этноним «тавры», но приводят его только в цитатах из более ранних авторов. Л. А. Ельницкий

[17] Ранние авторы оз. Бук (Бики, Гнилое) — Сиваш не выделяли и от Меотиды не отделяли.

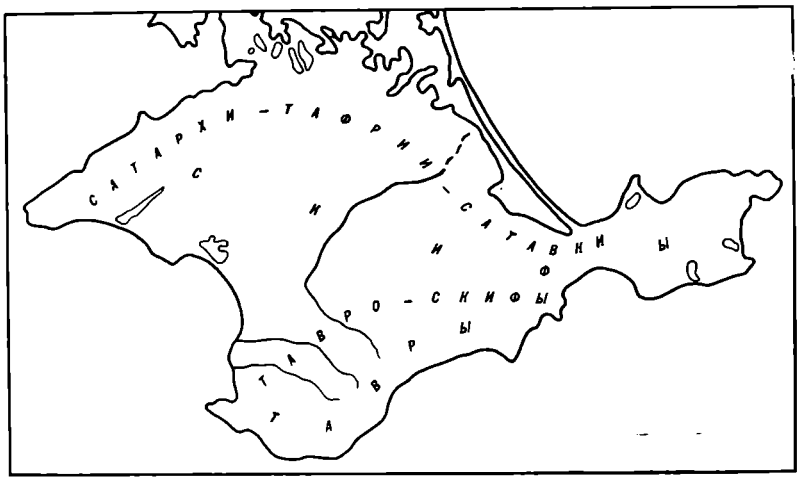


Рис. 1. Этнокарта Крыма I в. до — I в. н. э. по данным античных авторов

допускает отождествление тавриниев с тафриями [6, с. 221, прим. 10]. Имеется не меньше оснований считать этноним «тавринии» поздней и искаженной формой этнонима «тавры». Так, в Тавриане, по Ипполиту Портскому, жили тавры.

Таврии, о которых сообщают Афанасий Александрийский и Марк Минуций Феликс (табл. 3), чтили Диану, что допускает отождествление их с таврами. Но уже упоминавшаяся многозначность этнической трактовки данного сюжета не позволяет утверждать это со всей определенностью.

Таврики Помпония Мелы, живущие со стороны Эвксинского Понта, ниже Прекрасной Гавани, скорее всего соответствуют таврам. Этноним «тавры» известен Меле, но употреблен не в этногеографической части сочинения и с явным оттенком архаичности (убийство таврами пришельцев — сюжет, применяемый и к тавриям).

Итак, этнонимы «таврики», «таврии» и «тавринии» — вероятно, синонимы, обозначающие варварское (таврское, а к этому времени скорее всего смешанное тавро-скифское) население Крыма. Рассмотрение этнонимов населения полуострова позволяет следующим образом реконструировать этнокарту Крыма на рубеже эр (рис. 1). При этом в своей основе она, вероятно, соответствует реальности II—III вв. н. э., а частично — и IV—III вв. до н. э. Основную массу варваров Крыма на рубеже эр составляли скифы и смешанное скифо-таврское население (тавро-скифы, сатархи-тафрии-земледельцы [18]); собственно таврское, смешанное греко-скифское и греко-таврское, а также чисто сарматское население [19] в то время в Крыму было не особенно многочисленным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Латышев В. В.* Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1947, № 2.
2. *Латышев В. В.* Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1947, № 3.
3. *Латышев В. В.* Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1947, № 4.
4. *Латышев В. В.* Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1948, № 1.
5. *Латышев В. В.* Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1948, № 2.

[18] Тафрии после их слияния с сатархами, если таковое имело место, превратились в смешанное тавро-скифо-сарматское племя.

[19] Письменные источники сарматов среди постоянных жителей Крыма не упоминают, хотя присутствие их там сомнений не вызывает.

6. *Латышев В. В.* Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1948, № 3.
7. *Латышев В. В.* Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1948, № 4.
8. *Латышев В. В.* Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1949, № 1.
9. *Латышев В. В.* Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1949, № 2.
10. *Латышев В. В.* Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1949, № 3.
11. *Латышев В. В.* Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1949, № 4.
12. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Пг., 1925.
13. *Соломонік Е. І.* Про значення терміна «тавроскіфи».— АП, 1962, XI.
14. Корпус боспорских надписей. М.— Л.: Наука, 1965.
15. IOSPE, v. I², Petropoli, MCMXVI.
16. *Граков Б. Н., Мелюкова А. И.* Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время.— В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
17. *Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887.
18. *Жебелев С. А.* Народы Северного Причерноморья в античную эпоху.— В кн.: Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
19. *Соломоник Э. И.* Эпиграфические памятники Неаполя Скифского.— НЭ, 1962, т. III.
20. *Граков Б. Н.* Термин Σκύθαι и его производные в надписях Северного Причерноморья.— КСИИМК, 1947, XVI.
21. *Скржинская М. В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев: Наукова думка, 1977.
22. *Десятчиков Ю. М.* Сатархи.— ВДИ, 1973, № 1.
23. *Щеглов А. Н.* О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху.— ВДИ, 1966, № 4.
24. *Ельницкий Л. А.* Скифия Евразийских степей. Новосибирск: Наука, 1977.
25. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М.: Наука, 1970.
26. *Смирнов К. Ф.* О начале проникновения сарматов в Скифию.— МИА, 1971, № 177.
27. *Сокольский Н. И.* Валы в системе обороны Европейского Боспора.— СА, 1957, XXVII.
28. *Артамонов М. И.* Скифское царство в Крыму.— ВЛУ, 1948, № 8.
29. *Жебелев С. А.* Херсонесская присяга.— В кн.: Северное Причерноморье. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
30. *Абаев В. И.* О некоторых варварских топо-, этно- и антропонимах у античных авторов.— В кн.: Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Предварительные материалы. Тезисы докладов. М.: Наука, 1980.
31. *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М.: Географгиз, 1961.
32. *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978.
33. *Шмидт Р. В.* К исследованию боспорских оборонительных валов.— СА, 1941, VII.
34. *Бабков И. И.* К вопросу о местонахождении Асандрова вала.— В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев: Изд-во АН УССР, 1957.
35. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань.— ЗООИД, 1883, т. 13.
36. *Прокопий.* О постройках.— ВДИ, 1939, № 4.

V. S. Olkhovsky

CLASSICAL AUTHORS ON THE POPULATION OF THE CRIMEA

Summary

Tha article analyses the information given by classical authors on the barbarian tribes inhabiting the Tauric Peninsula (the Crimea). They were Tauri, Scythians, Tauro-Scythians (Scytho-Tauri), Tafrians, Satarkhians. The author speaks about interinfluence between them and gives a reconstruction of the Crimean ethnic map of the 2nd century B. C.-1st century A. D. He also gives more precise information on the «blind slaves» descendants' moat mentioned by Herodotus, the Asander wall, the land of Tafra.

РЯБИНИН Е. А.

О СРЕДНЕВЕКОВЫХ ДРЕВНОСТЯХ ЗАВОЛОЧЬЯ

(по находкам в бассейне Кокшеньги)

Древности, характеризующие средневековую культуру населения Северной Двины и ее притоков, изучены еще довольно слабо. Поэтому определенный интерес вызывают все (в том числе и случайные) находки с этой территории, относящиеся к средневековой эпохе. В 1868 г. в осыпи правого берега р. Кокшеньги, притока Ваги, в одной версте от дер. Шухлиха была найдена серия металлических украшений, насчитывающая 18 различных предметов[1] [1]. По сведениям местных жителей, в районе находки не обнаружено ни признаков поселения, ни могильника.

В состав находок входят две шейные гривны. Одна из них изготовлена из низкопробного серебра или биллона (рис. 1, *1*). Это серповидная гривна в виде тонкой широкой пластины, суживающейся к концам, которые завершены петлями. В центральной части шейного обруча имеется продольный валикообразный выступ; гривна украшена чеканной орнаментацией.

На территории Северо-Западной и Северо-Восточной Руси встречено лишь 9 изделий данного типа, происходящих из комплексов XI в. Они найдены в основном в курганах Юго-Восточного Приладожья (6 экз.); аналогичные гривны известны в памятниках мордвы IX—X вв. По заключению М. Ф. Фехнер, ничтожное число находок пластинчатых гривен в землях Руси свидетельствует о том, что они не являются продукцией местного производства [2, с. 67—69, 79, рис. 12, *3*].

Вторая гривна, витая из сложного проволочного жгута, имеет оборванные концы (рис. 1, *2*). Витые шейные украшения принадлежат к числу типов, широко распространенных на землях Руси и на соседних территориях. Гривны из сложного жгута датируются концом XI — началом XIII в. [2, с. 70—73, 86, 87].

В состав коллекции входит орнаментированная монетовидная подвеска (рис. 1, *10*). Такие украшения встречаются в различных областях Древней Руси; датируются они XI—XIII вв. Особенности орнаментации сближают рассматриваемую подвеску с монетообразными медальонами, известными преимущественно на северо-западе Руси и в Прибалтике. Очевидно, именно из этих районов она попала и в бассейн Северной Двины.

Нагрудные и поясные застежки представлены 4 экз. Преобладают пластинчатые подковообразные фибулы со спиральными головками и выступающим вдоль дуги рубчиком (рис. 1, *4—9*). Две фибулы изготовлены из бронзы, третья, самая крупная — из низкопробного серебра. Пластинчатые спиралеконечные застежки бытовали преимущественно в северо-западных землях Руси с XII по XIV в. [3, с. 155].

Четвертая застежка отличается от остальных своими сомкнутыми концами (рис. 1, *13*). Однако вряд ли ее можно отнести к разряду пла-

[1] Материалы хранятся в Вологодском музее: Инвентарная книга вещевых коллекций Исторического отдела, литер Б № 883, 884 и др.

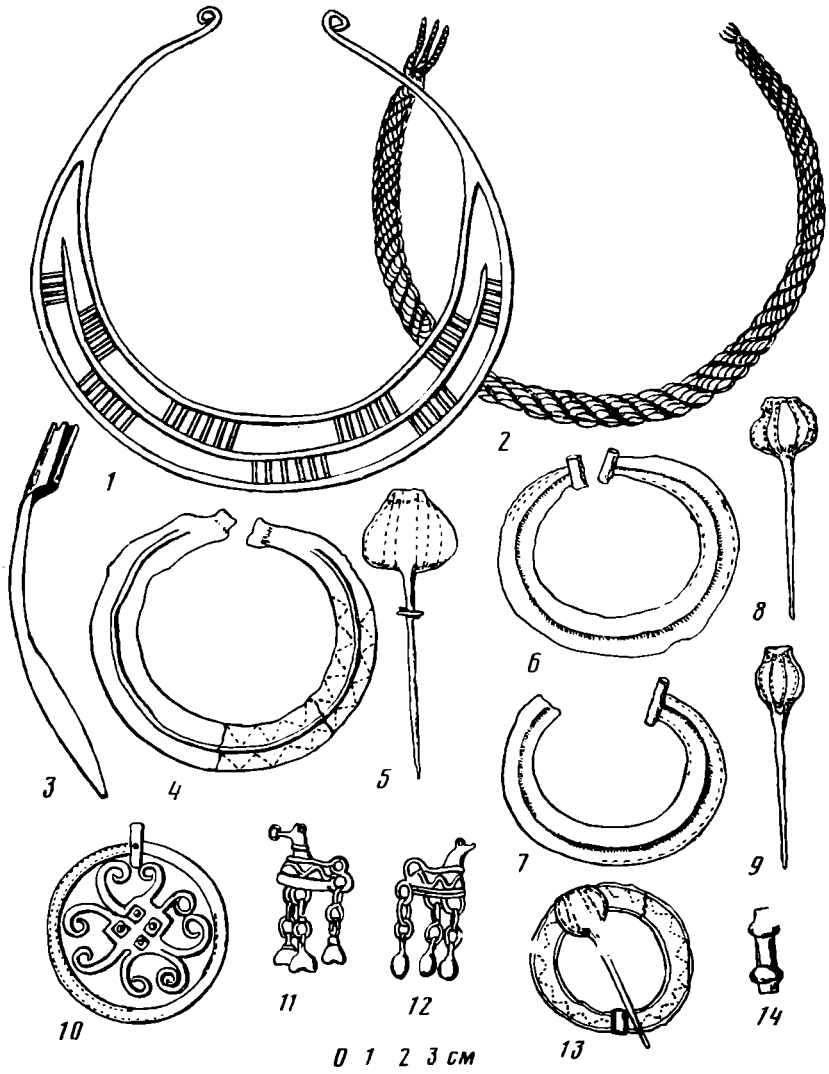


Рис. 1. Металлические украшения, найденные у дер. Шухлиха

стинчатых кольцевидных фибул, получивших широкое распространение на северо-западе Руси и в Прибалтике в XIII—XIV вв. Наличие валикообразного выступа в средней части застежки указывает скорее на связь этого изделия с особой категорией пряжек, известных на северо-восточных территориях. Это бронзовые застежки типа подковообразных, но имеющие сомкнутые, слитые вместе концы. Такие украшения, различающиеся по сечению дуги, встречены в Марийском Поветлужье [4, рис. 24; *13*; 71, *2*], Архангельской [5, с. 78, рис. 8, *12*] и Вологодской [6, с. 129, 134; рис. 4, *1*, *4*] областях, Костромском [2] и Ярославском [3] Поволжье, на городище у с. Воскресенское, расположенном, как и рассматриваемый вещевой клад, в бассейне р. Ваги [7, с. 114, рис. 6, 7]. Рельефный поперечный выступ имеется также и на пряжке, найденной в грунтовом захоронении Пустошинского могильника (бассейн р. Сухоны) [8, с. 197, рис. 1, *6*]. Большинство аналогичных украшений использовалось в качестве поясных застежек; пряжка из Пустошинского могильника служила для застегивания какой-то накидки. Встречены такие изделия в комплексах XII—XIII вв. Примечателен ограниченный ареал рассматриваемых находок, включающий часть Архангельского Севера, Повет-

[2] Гос. Эрмитаж, ОИПК, инв. № 1043/180; Костромской музей, инв. № 15475.
[3] ГИМ, инв. № 80135, хр. Р 12/266.

лужье, Вологодчину и костромское течение Волги. Все они происходят из памятников с яркими финно-угорскими традициями.

По характеру своего распространения пряжки с сомкнутыми концами близки другой категории древностей, также входящих в состав находок у дер. Шухлиха. Речь идет о двух полых зооморфных подвесках в виде «барашков» (рис. 1, *11—12*). Район их наибольшей концентрации находится в Костромском Поволжье, там же локализуется и центр производства этих амулетов [9, с. 38, 39]. Вместе с тем находки «барашков» в значительном количестве известны и в землях Заволочья (окрестности г. Вельска, с. Воскресенское), в бассейне р. Сухоны и в Белозерском крае; в западном направлении такие изделия распространены до Приладожья включительно. Датируются полые «барашки» XII—XIII вв. Объемные зооморфные фигурки принадлежат к числу наиболее ярких индикаторов финно-угорской культуры [10, с. 249].

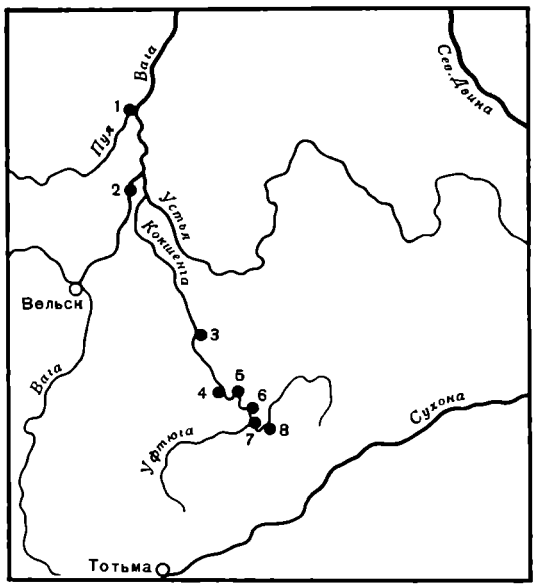


Рис. 2. Находки средневековых древностей в бассейне Ваги. *1* — Аксенова (Аксеновская), *2* — Воскресенское (Васильевское городище), *3* — Никольское городище, *4* — Спасское городище, *5* — Шухлиха, *6* — Проневская (Долговицкий могильник), *7* — Новгородовская, *8* — Кремлевская (Ульяновский могильник)

К чудским древностям относится и полая трубчатая пронизка с овальными вздутиями (рис. 1, *14*). Этот тип украшений известен в памятниках Юго-Восточного Приладожья, Вологодской и Костромской областей, в бассейнах рек Вычегды и Выми [11, с. 40]. В землях веси и перми вычегодской они представлены в основном в комплексах X—XI вв., в Костромских курганах встречаются в более позднее время. Известны такие изделия и в бассейне р. Ваги (с. Воскресенское).

Список предметов коллекции завершают «2 медные вещицы с трубочками» (рис. 1, *3*), колечковая бронзовая цепочка длиной около 150 см, продолговатая пластинка четырехугольной формы, края которой украшены двумя рядами точечных линий, а средняя часть покрыта клинообразными нарезками.

Анализ материала показывает, что рассмотренные находки неоднородны по своему составу. Среди них можно выделить две основные группы. В первую войдут изделия, распространенные в северо-западных областях Руси. Вторая группа включает украшения с отчетливо выраженной финно-угорской «окраской», ареал которых охватывает северо-восточные районы Восточной Европы (преимущественно Вологодскую, Костромскую и Архангельскую области). Время бытования предметов из данной коллекции — XI—XIII вв.; период их сосуществования определяется в основном в рамках XII в.

Древности, найденные близ дер. Шухлиха, обнаруживают определенную близость с остальными находками из бассейна р. Кокшеньги (рис. 2). Ряд металлических изделий найден на городищах, упоминаемых в письменных источниках с XV в. [12, с. 15; 13, с. 180—187]. На Никольском городище, окруженном глубоким рвом и валом, найдены два железных копья, а под городищем у реки — серебряные кольца и шумящие коньковые подвески [12, с. 15; 14, с. 89; 15, л. 3]. На городище у с. Спасского также встречены зооморфные амулеты, причем, судя по данным В. Н. Глазова, они относились «к типу курганных вещей XIII г

даже скорее XIV в., столь обычных в Петербургских курганах того времени» [16, л. 13—15].

Остальные находки происходят из грунтовых могильников. Так, в 1894 г. в обрыве берега р. Кокшеньги у дер. Новгородовской были найдены две зооморфные коньковые подвески и витая шейная гривна [14, с. 92, 93, рис. 2]. По мнению М. Б. Едемского, обследовавшего место находки, вещи, возможно, происходили из разрушенного погребения. К аналогичному заключению пришел и А. А. Спицын, отметивший, что форма обнаруженных зооморных фигурок характерна для западных финнов [12, с. 11]. В 1925 г. на этом месте Н. А. Черницын заложил ряд пробных траншей [15, л. 11, 12]. В траншее 1 была выявлена яма шириной около 70 см, заполненная «сильно прожженным песком, массой углей и разожженных камней», содержащая также фрагменты керамики. Еще ранее среди золы и углей крестьянами была найдена расплавившаяся шумящая подвеска-конек. В траншее 3 обнаружены перекопы и разрозненные остатки человеческих костей; к этому погребению, по мнению Н. А. Черницына, относятся и находки 1894 г. Кроме того, в оползшем склоне берега зафиксировано скопление кальцинированных костей с золой и мелкими угольками. Можно заключить, что у дер. Новгородовской находился средневековый грунтовый могильник с биритуальным обрядом погребения.

Зооморфные подвески из этого памятника по своей форме полностью тождественны находкам из Новгорода[4], Средней России[5] и грунтового могильника на р. Лузе — восточном притоке Северной Двины [17, табл. XIV, *15*]. Вполне возможно, что они являются продукцией новгородского производства [18, с. 56—61; 19, с. 228—239]. Находки датируются XIII—XIV вв.

В бассейне р. Кокшеньги известны еще два могильника, также обследованные Н. А. Черницыным. На левом берегу реки у дер. Кремлевской (Ульяновский могильник) обнаружены погребения по обряду трупосожжения (1) и трупоположения (2) [15, л. 9, 10]. Кальцинированные кости умершего вместе с золой, мелкими углями, обуглившейся хвоей сосны и ели были сложены в яме диаметром около 45 см и глубиной 16—18 см; сожжение сопровождалось железными изделиями — ножом и иглой с ушком. По соседству с этим погребением исследована еще одна яма с углями и золой (диаметр 40 см, глубина около 70 см), в которой находился гончарный сосуд с остатками пищи. Трупоположения сохранились крайне плохо. В первой могиле встречены остатки одного костяка, сопровождавшегося стеклянной круглой бусиной черного цвета, неопределенным свинцовым украшением и свинцовым равноконечным крестиком; во второй находились три захоронения, лежащие в беспорядке. Судя по непотревоженным тазовым костям одного из умерших, погребение имело юго-восточную ориентировку, вещевой инвентарь представлен одним бронзовым бубенчиком. Возможно, что захоронения были совершены в колодах. Случайные находки, происходящие с площади могильника, включают железные топор и копье, шумящую коньковую подвеску и бубенчики, серьгу со стеклянной привеской и глиняные горшки. По-видимому, этот памятник синхронен Новгородовскому могильнику и может быть датирован XII—XIV вв.

Долговицкий могильник у дер. Проневской (правый берег Кокшеньги) был разрушен в середине прошлого столетия кладоискательскими раскопками [15, л. 11]. По сведениям местных жителей, здесь было найдено значительное количество разнообразных предметов, в том числе около 80 бубенчиков с щелевидным отверстием, бусы из медных трубочек

---

[4] Найдена в слое конца XIII в. Сведения любезно предоставлены М. В. Седовой.
[5] Ивановский областной музей, инв. № 64125 (бывш. коллекция Д. Г. Бурылина).

на кожаном ремешке, витые бронзовые кольца, различные привески, включающие и объемные зооморфные амулеты. Вместе с вещами встречались человеческие кости и черепа. На площади могильника Н. А. Черницыным обследовано разрушенное погребение, представляющее скопление «мелких кальцинированных костей вместе с золой и углями». С этим захоронением связана находка шумящей коньковой подвески, обнаруженной до начала раскопок.

Приведенные данные свидетельствуют о наличии постоянного населения в бассейне Кокшеньги. Грунтовый обряд погребения, зафиксированный в отдельных и пока еще немногочисленных могильниках этой территории, находки в них типично финских украшений (в частности, шумящих и зооморфных подвесок) указывают на принадлежность этого населения к местной чудской группе. С нею же, бесспорно, связана и серия металлических предметов, найденная у дер. Шухлиха.

Л. А. Голубева, изучая территорию расселения веси, справедливо отметила специфику рассматриваемых районов, указав, что «в пограничной зоне — на Сухоне и р. Лузе — наблюдается смешение различных погребальных обрядов и разных этнических традиций в области материальной культуры» [11, с. 19]. Действительно, материалы, происходящие из бассейна Кокшеньги, представлены формами, характерными для Приладожья и Белозерья, Костромского Поволжья, северо-западных земель Великого Новгорода и финно-угорского Северо-Востока. Из их числа трудно выделить древности, которые отражали бы этническое своеобразие местного населения. Следует к тому же иметь в виду, что большинство анализируемых материалов относится к XII—XIV вв., т. е. периоду интенсивного воздействия древнерусской культуры (шедшей в первую очередь со стороны Новгорода) на племена Заволочья. В этот период на огромных пространствах Русского Севера, занятого славяно-чудским и чудским населением, повсеместно происходит «размывание» локальных типов финских изделий, их распространение на широких территориях, постепенная утрата ими своей племенной «окраски». Эти изменения в области материальной культуры не свидетельствуют, разумеется, об исчезновении самих этнических объединений, но крайне затрудняют определение районов их расселения и установление их племенной атрибуции.

По-видимому, более ярким индикатором местных традиций будет являться погребальный обряд. В частности, захоронения по обряду кремации, известные на Кокшеньге, отсутствуют в грунтовых могильниках, исследованных восточнее Онежского и Белого озер и в среднем течении Сухоны. Наличие сожжений в могильниках XII—XIV вв. сближает рассматриваемый район с более восточными и северными территориями — например, с древностями перми вычегодской [20, с. 66—80]. Но имеющиеся в нашем распоряжении материалы пока явно недостаточны для каких-либо заключений по этому вопросу. Ясно лишь, что средневековые древности Кокшеньги принадлежат одному из мелких подразделений летописной Чуди Заволочской, археологически крайне слабо изученной.

В заключение остановимся еще на одном вопросе, имеющем прямое отношение к памятникам Заволочья. До настоящего времени «основным археологическим подтверждением восточных рубежей вепсской культуры» являются находки изделий приладожских типов у дер. Аксеновой (Аксеновской) близ устья Пуи, правого притока Ваги, и большая коллекция украшений, происходящая с Васильевского городища у с. Воскресенского [11, с. 15].

Из вещей, обнаруженных у дер. Аксеновой [21, с. 179, 180] [6], лишь прорезная птицевидная подвеска является характерным элементом культуры финно-угорского (древневепсского, по заключению большинства

[6] Гос. Эрмитаж, ОИПК, инв. № 655/1—10.

исследователей) населения Приладожья [11, с. 44; 22, с. 36]. Большинство других находок (изображения «всадниц», умбоновидные и конические подвески) принадлежит к числу типов, распространенных на огромной территории от Приладожья до Прикамья [23, с. 59—63]. Некоторые из них, например подвески «всадницы», изготовлялись в Прикамье и именно оттуда проникали в Приладожье и Прионежье. Очевидно, аксеновские находки не могут служить индикатором распространения культуры веси в восточном направлении. Смешанный ладожско-камский характер этих древностей говорит лишь в пользу «промежуточного исторического звена между Пермью и Ладожским озером» [24, с. 154], отмечает торговый путь, связывавший бассейн Камы с землями веси [7].

Богатейшая коллекция металлических женских украшений, найденная на Васильевском городище, крайне разнообразна по своему составу [7, с. 114; 25, с. 240—244, рис. 38—41]. В ней представлены вещи XI—XII и XII—XIII вв. Среди них имеется ряд форм, получивших наибольшее распространение в Приладожье и Белозерье. Это объемные подвески-уточки с двумя передвижными лапками, цилиндрический игольник и, вероятно, бутылковидные и колоколовидные подвески. Но наряду с ними в коллекции широко представлены украшения, наиболее характерные для Костромского Поволжья, хотя и встречающиеся на других территориях, в том числе и в землях веси (объемные «барашки», двуглавые плоские коньки и пластинчатые уточки с привесками-лапками, каркасные треугольные подвески). Не могут быть признаны специфически весскими и такие изделия, как трубочки с шаровидными вздутиями, Ф-образные пронизки, умбоновидные подвески, бронзовые бусы-пронизки, поясные кольца, пряжки с сомкнутыми концами. Некоторые формы украшений получили наибольшее распространение в памятниках Северо-Западной Руси и Прибалтики (монетовидные подвески), другие сконцентрированы на территории Эстонии и Шведской Лапландии — топоровидные подвески [26, с. 88—94]. Таким образом, даже краткий обзор воскресенских находок показывает, что по своему характеру они не могут быть причислены бесспорно весскому кругу древностей. На пестрый состав этой коллекции указал А. А. Спицын, пришедший к единственно правильному, на наш взгляд, заключению о том, что находки у с. Воскресенского отражают культурные связи населения Ваги с Камой и с Западом (в бóльшей степени, как он полагал, с западными территориями) [25, с. 240]. В связи с этим напомним, что и рассмотренная выше коллекция предметов из бассейна Кокшеньги отражает ту же картину направления связей, которая устанавливается и на вещах XI—XII и XII—XIII вв.

Субстратная топо- и гидронимика Северного Подвинья свидетельствует о том, что этот край до прихода славян был заселен прибалтийско-финскими племенами. Существует мнение о том, что одним из основных компонентов населения Северной Двины являлись древние вепсы. Обстоятельный обзор этих материалов содержится в работах В. В. Пименова и Л. А. Голубевой [27, с. 32—52; 11, с. 9—13]. Не вдаваясь в подробный анализ этой сложной проблемы, мы лишь можем утверждать, что археологические материалы из Заволочья не могут служить основой для определения восточной границы культуры веси. Вплоть до появления новых материалов рассмотренные выше находки остаются древностями Чуди Заволочской, под емким названием которой скрываются племена финно-угорского происхождения.

---

[7] В X—XI вв. наблюдается не только проникновение камских изделий в область расселения веси, но и обратное явление — характерные ладожские изделия попадают в Прикамье. Например, в памятниках камской чуди встречаются прорезные птицевидные подвески, подобные экземпляру из дер. Аксеновой, которые изготовлялись в Приладожье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дело ИАК о высылке на рассмотрение Комиссии древностей, хранящихся в Вологодской семинарии.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, д. 1871/12.
2. *Фехнер М. В.* Шейные гривны.— Тр. ГИМ, 1967, вып. 43.
3. *Мальм В. А.* Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы.— Тр. ГИМ, 1967, вып. 43.
4. *Архипов Г. А.* Отчет I Марийского отряда Чебоксарской археологической экспедиции АН СССР за 1971 г.— Архив ИА АН СССР, р-I, № 4560.
5. *Савельева Э. А., Малышев Н. П.* Чабровское городище.— В кн.: Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени.— МАЕСВ, 1977, вып. 6.
6. *Тухтина Н. В.* Об этническом составе населения бассейна реки Шексны в X—XII вв.— Тр. ГИМ, 1966, вып. 40.
7. *Tallgren A. M.* Biarmia.— ESA, 1931, VI.
8. *Черницын Н. А.* Угро-финские могильники на территории Вологодской области.— СА, 1966, № 4.
9. *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Костромского Поволжья.— КСИА АН СССР, 1975, № 144.
10. *Седов В. В.* Финно-угорские элементы в древнерусских курганах.— В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966.
11. *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. X—XIII вв. М., 1973.
12. *Спицын А. А.* Древности Севера. Тотьма, 1926.
13. *Зарубин Л. А.* Важская земля в XIV—XV вв.— История СССР, 1970, № 1.
14. *Едемский М. Б.* Кокшеньгская старина.— ЗОРСА, 1905, т. VII, вып. I.
15. *Черницын Н. А.* Из доисторического прошлого Кокшеньги. Отчет об археологических исследованиях в 1925 году.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, д. 1925/190.
16. *Глазов В. Н.* Отчет о раскопках в Вельском и Тотемском уездах Вологодской губ.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. I, д. 1906/65.
17. *Савельева Э. А.* Лузская пермца. Сыктывкар, 1972.
18. *Рябинин Е. А.* Новгород и северо-западная область Новгородской земли (Культурные взаимодействия по археологическим данным).— В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974.
19. *Голубева Л. А., Варенов А. Б.* Полые коньки-амулеты древней Руси.— СА, 1978, № 2.
20. *Савельева Э. А.* Пермь вычегодская. М., 1971.
21. ОАК за 1913—1915 гг. Пг., 1918.
22. *Кочкуркина С. И.* Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. М., 1973.
23. *Голубева Л. А.* Археологические памятники веси на Белом озере.— СА, 1962, № 3.
24. *Спицын А. А.* Дополнительные замечания.— МАР, 1895, № 18.
25. *Спицын А. А.* Археологический альбом.— ЗОРСА, 1915, XI.
26. *Kivikoski E.* Zu den axtförmigen Anhängern der jüngsten Eisenzeit.— In: Studia archaeologica in memoriam Harri Moora. Tallinn, 1970.
27. *Пименов В. В.* Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.— Л., 1965.

E. A. Ryabinin

MEDIAEVAL ANTIQUITIES FROM THE KOKSHENGA RIVER BASIN

Summary

The article deals with the mediaeval antiquities found in the basin of the Northern Dvina River (known in the Russian chronicles as Zavolochye), with the main emphasis on individual finds and burial complexes in the basin of the Kokshenga. The material culture of the indigenious population reveals close ties with the Russian north-west and the Finno-Ugric north-east (Fig. 1). The dead were buried in ground, both inhumation and cremation were used. Monuments of the 11th-14th centuries belong to Finno-Ugric tribes known from mediaeval sources as «Chud Zavolochskaya».

ПАВЛОВА К. В.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГОРОДИЩА ОСОВИК

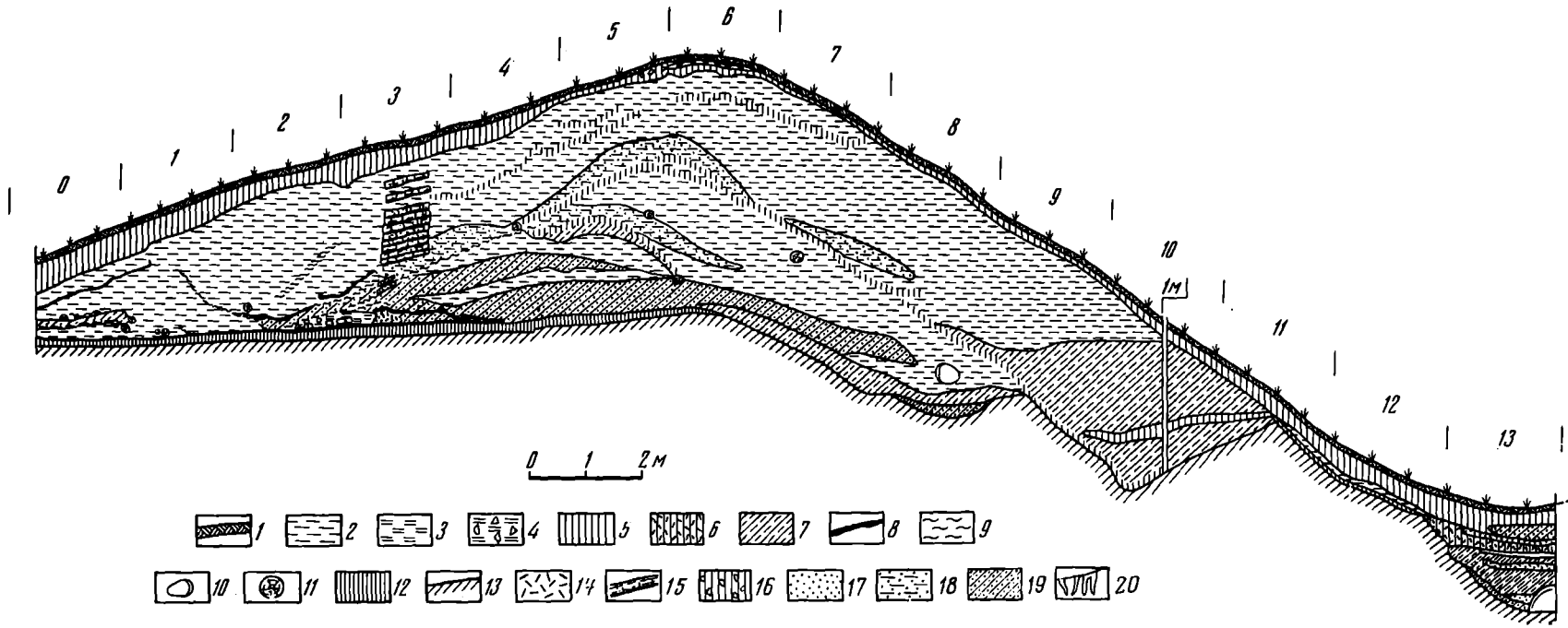
Оборонительные сооружения городов древней Руси издавна привлекают внимание исследователей. Им посвящено немало как частных, так и обобщающих работ, освещающих различные аспекты древнерусского военно-инженерного искусства. История изучения военно-инженерного дела древней Руси подробно изложена в работе П. А. Раппопорта, последний том которой вышел из печати немногим более 10 лет тому назад [1—3]. В этой работе с исчерпывающей полнотой собраны и обобщены все накопленные к середине 60-х годов материалы по этому вопросу, дана четкая типологическая и хронологическая классификация древнерусских городищ и их оборонительных сооружений, а также сделаны некоторые выводы о стратегии и тактике военного дела древней Руси.

Целью настоящей статьи является публикация новых, интересных, на наш взгляд, материалов, полученных при археологическом исследовании валов и рвов городища у дер. Осовик Рогнединского р-на Брянской обл. Это городище является остатками одного из окраинных городков Смоленской земли XII—XIII вв., изучению которых в последние десятилетия уделяется большое внимание [4, 5, с. 81—92; 6, с. 44—52; 7, с. 53—59]. Систематические раскопки этого памятника были начаты П. А. Раппопортом в 1969 г. в связи с изучением типов древнерусского жилища [8, с. 200]. Затем, с 1972 г., раскопки были продолжены автором настоящей статьи.

Городище Осовик принадлежит к числу тех укрепленных поселений, естественные условия расположения которых сами по себе являются хорошей защитой от нападения. Этот памятник относится к числу наиболее характерных городищ сложномысового типа. Очень вероятно, что городище является остатками города Заруба, известного по упоминаниям в письменных источниках [9, с. 24].

Городище расположено на высоком мысу правого коренного берега р. Десны при впадении в нее речки Серебрянки. Оно состоит из двух частей: сравнительно небольшого детинца и значительно большего по размерам окольного города, площадь которого превышает 1 га. Детинец отделен от окольного города небольшим валом и рвом. В плане городище имеет вид равнобедренного треугольника, обращенного вершиной к северу. Северо-восточный склон площадки городища круто обрывается к пойме Десны и возвышается над нею на 16 м. Западный склон нависает над руслом речки Серебрянки и местами подмывается и разрушается ею. С южной, напольной стороны городище ограждено мощным валом и глубоким рвом.

Вал окольного города сохранился довольно хорошо. Он, конечно, сильно оплыл, кое-где поврежден поздними перекопами и воронками от бомб. Но и сейчас это четко выраженная мощная насыпь дугообразной в плане формы, высотой более 5, шириной у основания около 25 м. Перед валом сохраняется ров глубиной до 3,5 м. С наружной стороны рва имеется небольшой, не более 1 м высоты дополнительный вал.


0
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
1м
11
12
13
0 1 2м
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20

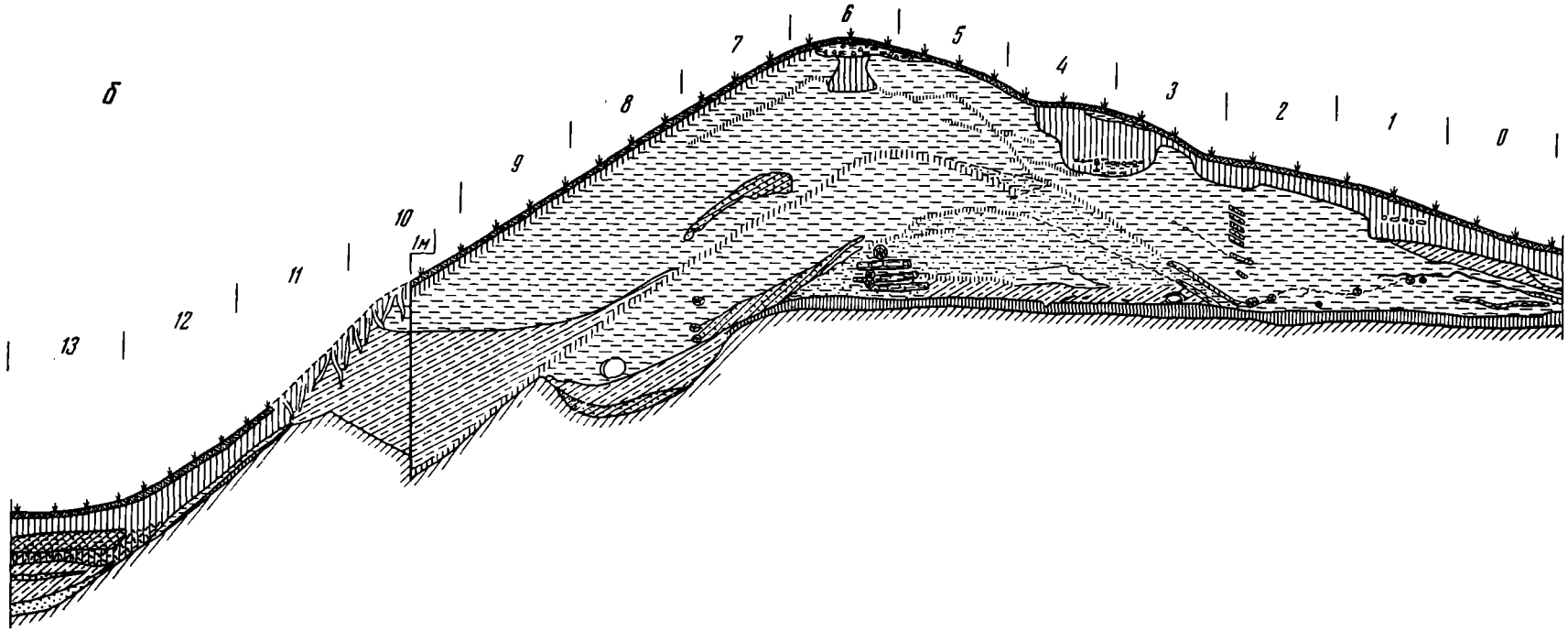


Рис. 1. Окольный город: *а* — разрез восточной стенки траншеи, *б* — разрез западной стенки траншеи. Условные обозначения: *1* — дерн, *2* — необожженная глина, *3* — обожженная глина, *4* — обожженная глина с кусками обмазки, *5* — гумус, *6* — гумус с углем, *7* — мешаная глина, *8* — углистые прослойки, *9* — прослойки гнилого дерева (тлена), *10* — камни, *11* — торцы гнилого дерева, *12* — погребенная почва, *13* — материк, *14* — песок, *15* — отпечатки бревен в глине, *16* — гумус с кусочками обмазки, *17* — песок, *18* — суглинок, *19* — супесь, *20* — корни деревьев

Лицевой склон вала окольного города и ров сильно залесены. На гребне вала и его внутреннем склоне растут лишь отдельные большие деревья. Оба склона вала и откосы рва хорошо задернованы.

Вал окольного города от вершины до основания прорезан траншеей шириной 2 м, которая прошла по линии север — юг примерно в средней части вала под углом около 15° к его продольной оси, что дало возможность при минимальном объеме работ получить достаточно большие материалы для представления об устройстве внутренних конструкций вала и особенностях его сооружения (рис. 1). Насыпь вала состоит из красной плотно утрамбованной глины, вынутой, по-видимому, из рва, в которой встречаются небольшие прослойки суглинка или супеси и пласты мешаной глины. Характерно, что прослойки суглинка располагаются преимущественно близ осевой линии вала и подстилаются тонкими гумусными прослойками. Глиняную насыпь вала покрывает слой гумуса толщиной от 10 см на гребне вала до 60 см на его склонах. Остовом, или каркасом, вала окольного города служили деревянные конструкции, остатки которых обнаружены в насыпи вала на разной глубине. По стратиграфическим данным в истории вала окольного города можно выделить несколько этапов его сооружения, каждый из которых был не простой подправкой постоянно оплывавшей глиняной насыпи вала, а кардинальной его реконструкцией, требовавшей выполнения большого объема плотничных и земляных работ. Наи-

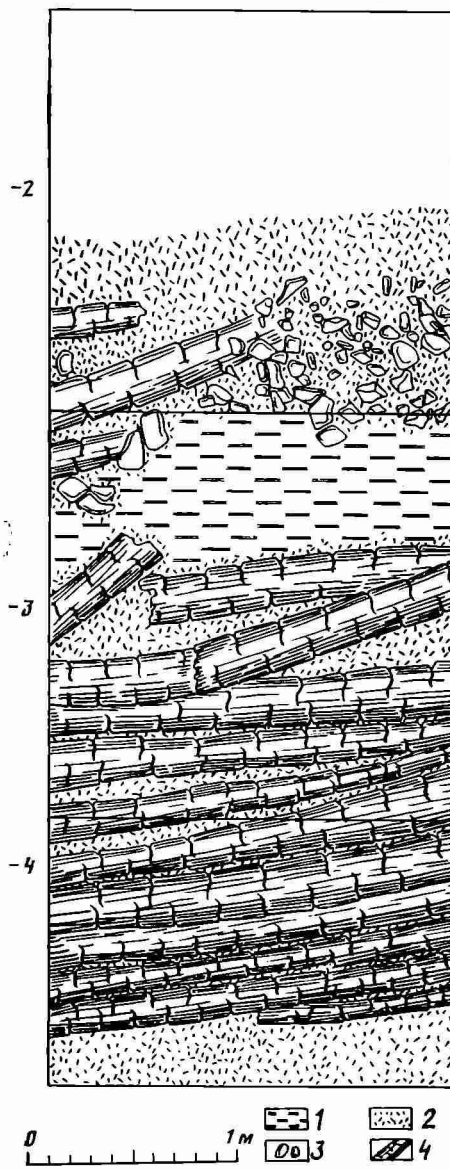


Рис. 2

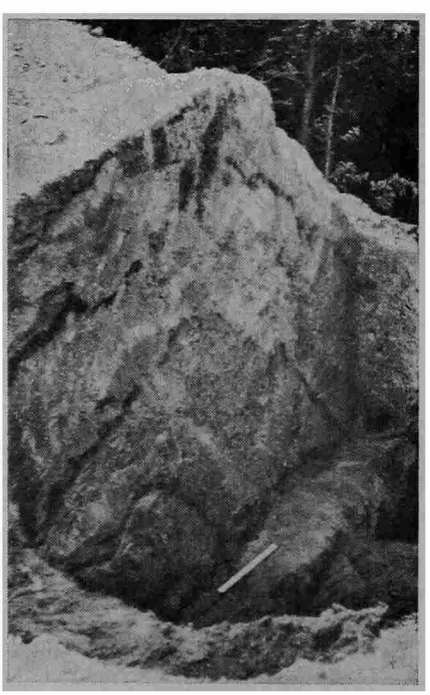


Рис. 3

Рис. 2. Окольный город, восточная стенка траншеи.
Условные обозначения: *1* — обожженная глина, *2* — песок, *3* — камни, *4* — обгорелые бревна

Рис. 3. Окольный город. Завал обгоревшей стены под насыпью вала.

более четко выступают четыре основные этапа сооружения вала, которые хорошо прослеживаются по тонким гумусным прослойкам, разделяющим насыпь вала на четыре разных по величине пласта (рис. 1, 2). В дальнейшем изложении эти пласты насыпи будут называться первым — четвертым валами окольного города.

Валу окольного города городища Осовик предшествовала, по-видимому, бревенчатая стена, ограждавшая окольный город с напольной стороны. Ее обгоревшие остатки обнаружены под тыльной половиной насыпи вала в виде развала обгоревшего дерева, камней и обожженной глины, лежавшей на погребенной почве в основании насыпи вала. Развал занимал всю ширину траншеи на пространстве около 4 м (рис. 3). В нем насчитывалось 14 толстых обгоревших бревен, которые лежали параллельно продольной оси вала, в виде наката шириной около 2,5 м. Северный край этого развала обгоревшего дерева налегал на пласт обожженной глины шириной более 1 м с включенными в нее булыжными камнями. Судя по диаметру обгоревших бревен (18—20 см), стена эта имела высоту, вероятно, не менее 2,5 м. Она опиралась, очевидно, на вертикальные столбы; одна ямка от столба диаметром 30 см обнаружена у западной стенки траншеи, под крайним южным бревном завала. Эта бревенчатая стена стратиграфически увязывается с углистой прослойкой, которая покрывает во многих местах поверхность погребенной почвы окольного города и прослеживается под некоторыми постройками нижнего строительного горизонта, а также на погребенной почве тыльной половины насыпи вала, севернее развала обгоревшей стены. Следовательно, бревенчатая ограда окольного города относится к первоначальному этапу освоения этой части городища. Она служила, вероятно, недолго, что подтверждается слабой интенсивностью и невыразительностью культурных остатков, прослеживающихся только под тыльной полой вала, севернее развала обгоревшего дерева. Здесь найдены единичные обломки гончарной керамики, которые по форме венчиков можно датировать примерно началом или первой половиной XII в.

Развал обгоревшей стены перекрыт насыпью первого вала окольного города. Эта насыпь высотой около 2,5, шириной более 5 м сложена из перемежающихся слоев мешаной глины, суглинка и красной глины. Она отделена от вышележащей толщи вала нижней гумусной прослойкой толщиной 8—10 см (рис. 1,2), которая дала возможность четко проследить контур первой насыпи вала и установить, что гребень, или вершина, первого вала окольного города находился примерно на 2,5 м севернее гребня современного вала, т. е. ближе к площадке окольного города. Каркасом первого вала окольного города служили деревянные срубы. Следы одного из них в виде отпечатков в глине трех венцов, рубленных в обло с остатком 25—30 см, обнаружены в лицевой половине насыпи этого вала, на глубине 3,8—4,6 м от современного гребня вала (рис. 1, *б*). Судя по расстоянию между поперечными стенками (1,3 м) и количеству отпечатков бревен, срубы каркаса первого вала окольного города были небольших размеров и состояли не более чем из трех-четырех венцов, т. е. имели высоту 60—80 см. Они были, вероятно, трехстенными, имели одну продольную стенку с лицевой стороны вала и две поперечные. С напольной стороны к валу примыкал ров глубиной не менее 2, шириной около 4 м. Контур этого рва четко виден в разрезах обеих стенок траншеи (рис. 1). Между первым валом и рвом прослежена небольшая горизонтальная площадка — берма шириной 1,5—2 м. Вещей, датирующих первый вал окольного города, при раскопках не найдено, но стратиграфически его можно связывать с нижним строительным горизонтом окольного города, т. е. с первой половиной XII в.

Первая основательная подправка вала окольного города была осуществлена, очевидно, после пожара нижнего строительного горизонта, случившегося не ранее середины XII в. При этой подправке вал окольного

города был увеличен в высоту и ширину почти вдвое. Его насыпь, сложенная теперь из красной плотной глины, стала не менее 3,5—4 м высотой при ширине основания 10—11 м. Величину и форму второго вала в разрезе четко окаймляет вторая (средняя) гумусная прослойка в толще насыпи, которая проходит на глубине 2,5—3 м от современной поверхности насыпи, в общем повторяя ее контур (рис. 1, 2). Гребень нового вала был смещен по отношению к гребню первого вала к югу, в напольную сторону, на 1,5—2 м. Старый, сильно заплывший ров был засыпан, и к югу от него вырыт новый, глубиной не менее 2,5, шириной до 5 м. Устойчивость склонов второго вала обеспечивал его деревянный каркас, следы которого также найдены в насыпи вала. В лицевой стороне насыпи этого вала, на

Рис. 4

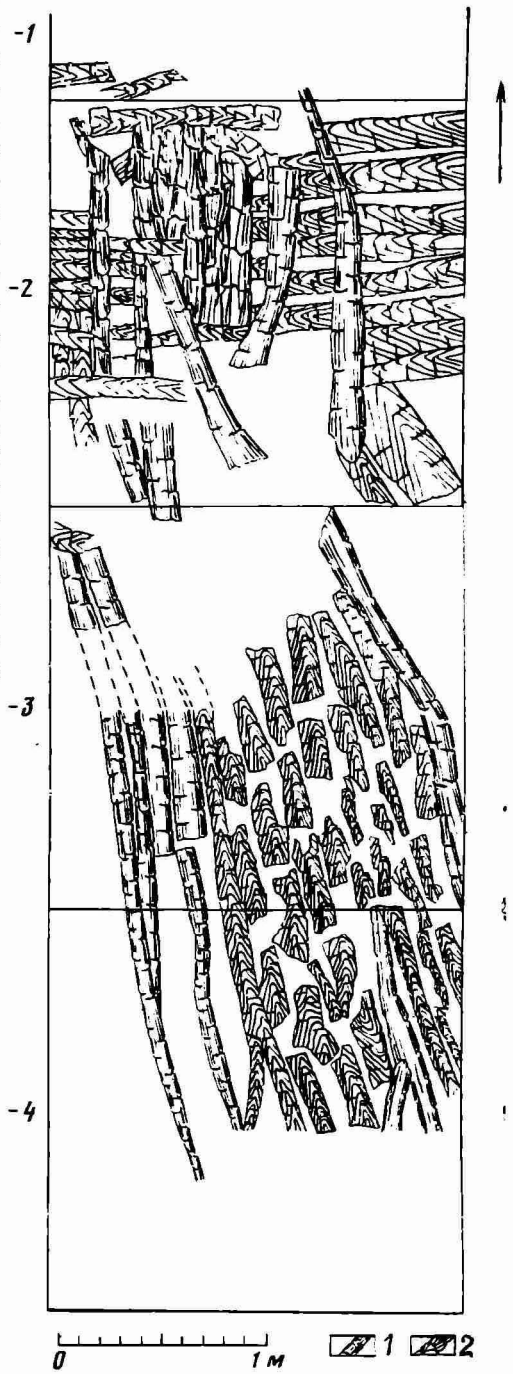


Рис. 5

Рис. 4. Деревянный настил и отпечатки поперечной стенки каркаса вала окольного города

Рис. 5. Сгнивший деревянный настил в насыпи вала окольного города. Условные обозначения: *1* — обгорелые бревна, *2* — гнилые доски

глубине 4,5—5,2 м от современного гребня вала, на расстоянии 3 м к югу от него удалось проследить, как и в насыпи первого вала, остатки трех венцов деревянных срубов, располагавшихся один над другим с интервалом в 20—30 см (рис. 1, б). Под гребнем этого (второго) вала и в его тыльной стороне выявлены следы еще двух продольных стен деревянного каркаса, располагавшиеся на расстоянии 2,5—3 м одна от другой.

Таким образом, каркас второго вала окольного города представляет собой по сравнению с каркасом первого вала более сложное сооружение. Он состоял, по-видимому, из двух рядов деревянных срубов, плотно забитых красной глиной. Но была ли это связанная система клетей или каркас состоял из отдельных срубов, по найденным остаткам судить трудно.

Подошва лицевого склона второго вала была укреплена, вероятно, рядом крупных валунных камней. Четыре таких камня залегали в глине насыпи лицевого склона вала в один ряд, примерно в 1 м югу от нижнего венца сруба и немного ниже его (рис. 1). К тыльной стороне склона вала примыкал ряд деревянных построек хозяйственного назначения. К остаткам постройки такого рода нужно, вероятно, отнести настил из гнилого дерева, покрывавший тыльный склон второго вала, и развал горелого дерева у его подошвы (рис. 1, *а*, 4, 5). Доски настила, занимавшего всю ширину траншеи, лежали перпендикулярно продольной оси вала, с уклоном к северу примерно в 35°. Настил начинался на расстоянии около 2,5 м к северу от гребня вала и заканчивался у его подошвы, на расстоянии приблизительно 7 м от гребня. Это был, по-видимому, бревенчатый накат крыши привальной постройки, заваленный сверху глиной, оплывшей с насыпи вала. Под северным концом этого настила, на 40 см выше древней дневной поверхности, на пласте мешаной глины находился еще один настил, шириной около 2 м, из слегка обгоревшего гнилого дерева, по-видимому, толстых досок шириной 25—30 см. Доски этого настила, вероятно, пола постройки, лежали параллельно продольной оси вала (рис. 5).

Верхняя гумусная прослойка, проходящая на глубине 0,8—1,2 м от современной дневной поверхности вала (рис. 1, 2), оконтуривает насыпь третьего вала окольного города, возведенную при второй самой крупной перестройке вала. Эта перестройка хронологически близка к самому большому пожару в городе — пожару второго строительного горизонта, случившемуся, вероятно, на рубеже XII—XIII вв. Однако причиной второй реконструкции вала был не этот пожар, поскольку следы его прослеживаются на насыпи вала. Таким образом, реконструкция вала предшествовала этой большой катастрофе города.

При второй перестройке вал окольного города, как и при первой, был наращен мощным, не менее 2—2,5 м толщины пластом глины. Таким образом насыпь вала была увеличена до высоты примерно 5—5,5 при ширине основания 15—16 м (рис. 1). Гребень вала и на этот раз был смещен в напольную сторону примерно на 2 м, что позволило увеличить мощность вала, не уменьшая жизненного пространства плотно застроенной к тому времени площадки окольного города. Чтобы обеспечить бо́льшую устойчивость лицевого склона нового вала, был засыпан вырытый при первой перестройке вала ров и выкопан новый, третий в истории оборонительных сооружений окольного города ров, сохранившийся до настоящего времени (рис. 1). Он имел глубину около 4,5—5 при ширине до 15 м. Заново был срублен и значительно расширен и деревянный каркас вала. Остатки его поперечных стен сохранились в тыльной половине насыпи в виде тонких, прерывистых, едва уловимых полосок истлевшего дерева, проходивших перпендикулярно продольной оси вала, на расстоянии 1,6 м одна от другой. Они начинались на глубине 0,8 м, на расстоянии 3,5 м к северу от современного гребня вала и прослеживались на протяжении более 4 м. На стенках траншеи эти остатки дерева сохранились в виде отпечатков бревен на глине на глубине 0,8—1,5 м от современной поверхности вала[1] (рис. 1). Лучше эти отпечатки бревен были заметны на восточной стенке траншеи. Здесь можно было проследить отпечатки 10 бревен толщиной 15—18 см. Они располагались одно над

[1] Так как траншея проходила не под прямым углом к продольной оси вала отпечатки дерева в разрезах ее стен выступали на небольших отрезках около 1 м.

другим, образуя правильную вертикальную стенку, слегка наклоненную в сторону площадки окольного города, т. е. в тыльную сторону вала. Нижние бревна этой стенки опирались на деревянный настил, покрывавший тыльную полу второго вала. Северным концом этой стены была, вероятно, привальная постройка, задняя стенка которой была одновременно и тыльной продольной стенкой каркаса вала. Остатки этой постройки имели вид сооружения из обгоревших бревен толщиной 18—20 см, в котором нижние четыре бревна лежали одно над другим, образуя слегка наклоненную к площадке городища стенку высотой около 50 см. Верхние четыре бревна, вероятно, сдвинутые с мест и придавленные глиной вала, лежали на одном уровне, в виде небольшого наката. Под ним лежал слой мешаной глины толщиной 10—15 см, в которой найдены обломки большого пифосообразного сосуда. Был ли укреплен лицевой склон насыпи третьего вала и каким образом, установить не удалось. С большой долей достоверности можно говорить о наличии небольшой бермы между рвом и подошвой насыпи третьего вала, ширина которой, не превышала 2 м.

В последний, третий раз вал окольного города ремонтировался уже после пожара второго строительного горизонта, вероятно, в начале XIII в. На этот раз его насыпь, внутренние конструкции и примыкающий к валу ров не подвергались кардинальной перестройке, они были лишь подправлены, но довольно существенно. Возможно, что второй, небольшой дополнительный вал окольного города образовался из выброса при чистке рва, так как насыпь этого вала состоит из мешаной, сильно гумусированной глины. Судя по стратиграфическим данным, насыпь вала была наращена пластом плотной красной глины не менее чем на 1,5—2 м, причем глина была уложена в основном на гребень вала и его тыльный склон. Лицевой же склон вала был, вероятно, подрезан с целью увеличения его крутизны, а ров почищен. Деревянный каркас вала был надстроен на два-три венца, о чем свидетельствуют отпечатки двух бревен на восточной стенке траншеи, прослеженные над верхней гумусной прослойкой, которая отделяет насыпь третьего вала от верхнего пласта глины на его гребне и тыльной половине (рис. 1, *а*). Четвертый вал венчала, вероятно, деревянная стена. Ее следы сохранились на современном гребне вала, под слоем дерна и небольшого пласта обожженной глины. Это были две небольшие параллельные канавки в глине насыпи, заполненные гумусом (рис. 1, *а*). Эти канавки шли параллельно продольной оси вала, на расстоянии 80 см одна от другой. Они представляют собой, по-видимому, гнезда от нижних венцов стен, составлявших наземную часть деревянных конструкций вала. Эти стены опирались на деревянные столбы. В траншею попала половина ямки от столба (диаметр ее около 50, глубина 80 см — рис. 1, *б*). Возможно, что бревенчатые стены на гребнях были и на трех нижних валах окольного города, так как на гребнях второго и третьего валов заметны небольшие западины гумуса в глине, подобные канавкам на гребне современного вала.

Таким образом, мощная насыпь вала окольного города городища Осовик не сразу была сооружена в том виде, в каком она дошла до наших дней. Наличие остатков самостоятельных деревянных конструкций в каждой насыпи, западины в материке от засыпанных рвов, примыкающих к насыпям первого и второго валов, сочетание отдельных этапов перестройки вала с горизонтами пожаров на окольном городе говорят о том, что вал этот рос постепенно. Вместе с увеличением мощности вала рос и его оборонительный потенциал, а следовательно, и значение этого города как оборонительного пункта на южных окраинах Смоленской земли. Описанные выше три основные перестройки вала окольного города не исключают возможности небольших промежуточных его подправок, следы которых могли и не попасть в разрез.

Вал детинца городища Осовик сохранился гораздо хуже. Он не только сильно оплыл, но и перекрыт толстым слоем гумуса, совершенно сни-

велировавшим тыльный склон вала. Вершина вала по всей длине прорезана на глубину до 1 м траншеей военного времени, выброс из которой сильно искажает внешний его контур. Вал детинца, как и вал окольного города, исследован от вершины до основания путем прорезки его траншеей шириной 1,5—2 м. Она прошла по линии север — юг в средней, наиболее выгнутой к югу части вала и захватила привальную часть рва, отделяющего детинец от окольного города.

Ядром вала детинца является насыпь из светло-желтого суглинка, высотой сохранившейся части около 2, шириной 7 м. (рис. 6).

Лицевая половина этой насыпи лежит на древней дневной поверхности — слое погребенной почвы толщиной 20—30 см. Тыльную половину насыпи подстилает пласт мешаной глины мощностью 40—50 см. Этот пласт глины, лежащий также на погребенной почве, выравнивает естественный уклон местности к югу. Лицевой склон этой, по-видимому, первоначальной насыпи вала детинца под углом примерно 40° опускается к подошве. Тыльный склон круто обрывается перед толстым пластом черной углистой земли, в которой обнаружен развал горелого дерева, по-видимому, остатки привальной стены, служившей опорой тыльной половины насыпи вала. В раскоп попало несколько кусков обгоревших бревен, лежавших в разных уровнях одно над другим параллельно продольной оси вала на границе суглинка насыпи вала и черной земли на глубине 1,8—2,2 м от современной дневной поверхности. Судя по некоторым находкам в этом слое пожарища и стратиграфическим данным, эта постройка погибла в пожаре второго строительного горизонта окольного города и больше не возобновлялась. Между этим ядром вала

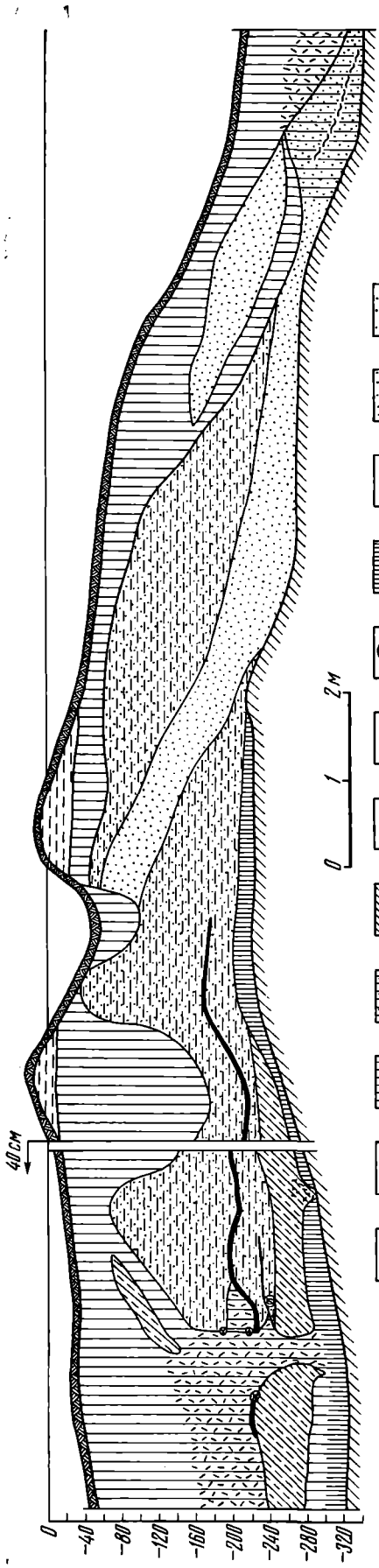


Рис. 6. Вал детинца. Разрез восточной стенки траншеи. Условные обозначения: *1* — дерн, *2* — необожженная глина, *3* — гумус, *4* — гумус с углем, *5* — мешаная глина, *6* — углистые прослойки, *7* — прослойки гнилого дерева (тлена), *8* — торцы гнилого дерева, *9* — погребенная почва, *10* — материк, *11* — песок, *12* — суглинок

и рвом, вероятно, была небольшая горизонтальная площадка — берма, мешавшая оплыву насыпи вала в ров.

В слое суглинка нижней части насыпи, на 30—40 см выше ее подошвы, проходит интенсивная углистая прослойка толщиной 3—4 см, представляющая в плане аморфный слой угля с отдельными небольшими беспорядочными кусками обгоревшего дерева. В тыльной половине насыпи эта углистая прослойка подходила к пласту углистой земли, примыкавшей к насыпи вала, и здесь обрывалась. Возможно, это остатки каких-то деревянных конструкций вала, призванных обеспечивать бóльшую устойчивость его насыпи.

Однако дать более конкретное определение назначения этой прослойки обгоревшего дерева по сохранившимся остаткам не представляется возможным.

Лицевой склон первоначальной насыпи этого вала был перекрыт слоем супеси толщиной 40—50 см и вторым слоем суглинка, который в разрезе имеет вид двояковыпуклой линзы толщиной до 1,2 м (рис. 6). Эти слои отражают моменты ремонта вала, в результате которых вал, вероятно, сильно оплывавший, каждый раз увеличивался в размерах. Земля для первой досыпки вала, т. е. слой супеси, была, по-видимому, взята с горизонтальной площадки перед валом. Эта площадка шириной около 4 м лежит на 60 см ниже уровня древней дневной поверхности, сохранившейся под лицевой половиной насыпи. Она лишена слоя погребенной почвы и слоя суглинка или супеси, покрывающих на останце толщу материковой глины. Это дало возможность строителям вала окольного города увеличить мощность вала и сохранить берму перед ним, не передвигая рва, как это было сделано при перестройке вала окольного города. Впоследствии эта берма была поглощена оплывом с вала и в настоящее время незаметна. При второй подправке вал детинца был досыпан слоем суглинка, которым был придавлен нестойкий, легко оплывавший слой супеси первой подправки. Ядро, или первая насыпь из суглинка, вала детинца является, вероятно, наиболее древним оборонительным сооружением городища Осовик. Это была, очевидно, чисто земляная насыпь, тыльная сторона которой опиралась на деревянную стену. Она, по-видимому, синхронна деревянной ограде окольного города и была возведена немного ранее первой насыпи вала окольного города. Но не исключено, что и валу детинца предшествовала деревянная ограда, так как под тыльной половиной вала, в материке, обнаружены четыре ямки от столбов диаметром 30—40, глубиной до 45 см. Они располагались попарно, на расстоянии 0,8—1 м одна пара от другой и были заполнены гумусированной, с примесью угля землей.

С постройкой вала окольного города и быстрым ростом его мощности и оборонного потенциала, которые увеличивались с каждой перестройкой этого сооружения, роль вала детинца как оборонительного объекта, несомненно, сильно упала. После пожара второго строительного горизонта, т. е. примерно с начала XIII в., вал детинца больше не ремонтировался. Его тыльный склон начали застраивать, в насыпи появляются хозяйственные ямы. На поверхности насыпи этого вала образовался довольно мощный культурный слой с обломками керамики, изделий из железа, костями животных и развалами печей. По-видимому, вал детинца в последние 50—60 лет жизни города не функционировал как оборонительное сооружение.

Ров, отделяющий детинец от окольного города, в настоящее время сильно заплыл гумусом, имеет глубину не более 1, ширину около 5 м. Он заполнен черной гумусированной землей, в которой на глубине от 0,5 до 1,2 м от современной дневной поверхности наблюдается примесь большого количества угля. Ниже углистого слоя в заполнении рва лежит пласт мешаной с гумусом глины (оплыв с вала), в котором на глубине 1,3 м проходит прослойка тлена толщиной 3—4 см. На глубине 1,4 м во рву

стоят почвенные воды, быстро заполняющие траншею и не позволившие исследовать ров до конца.

Валы и рвы городища Осовик надежно защищали город с южной, напольной стороны. Но были ли защищены и каким образом его восточный и западный склоны, остается пока не ясным. Возможно, и здесь имели место деревянные стены, обнаружить которые будет очень трудно, так как восточный край площадки городища сильно изрезан траншеей военного времени, а западный склон местами обрушился и нарушен поздним кладбищем. Несомненно лишь, что оба склона городища были искусственно подрезаны и таким образом увеличена их крутизна. Неясным остается и место въезда в город. Однако есть некоторые основания предполагать, что въездные ворота находились у западного, осыпавшегося конца вала окольного города. В настоящее время здесь по краю осыпи вала проходит узкая пешеходная тропинка. Но местные старожилы помнят, что в этом месте еще в довоенное время проезжали на площадку окольного города на телеге.

Итак, оборонительные сооружения городища Осовик представляли собой сложные инженерные сооружения, развивавшиеся постепенно, от сравнительно небольших земляных насыпей с несколькими венцами деревянных срубов в основании и неглубокими рвами перед ними к мощным высоким валам со сложными деревянными каркасами. Валы с применением внутренних деревянных конструкций типа простых срубов, системы клетей и т. п. были широко распространены в больших и малых городах древней Руси XI—XII вв. Но оборонительные сооружения городища Осовик интересны прежде всего тем, что здесь с поразительной четкостью выступают все этапы перестроек, произведенных в конструкциях валов, их насыпях и рвах за весь период их использования, что дает возможность на примере одного памятника проследить процесс роста обороноспособности небольшого укрепленного поселения. При этом каждая перестройка валов городища Осовик довольно хорошо датируется пожарами строительных горизонтов окольного города.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества.— МИА, 1956, № 52.
2. *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.— МИА, 1961, № 105.
3. *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель. X—XIV вв.— МИА, 1967, № 140.
4. *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли.— МИА, 1960, № 92.
5. *Алексеев Л. В.* Древний Ростиславль.— КСИА АН СССР, 1974, № 139.
6. *Алексеев Л. В.* Древний Мстиславль.— КСИА АН СССР, 1976, № 146.
7. *Алексеев Л. В.* Домен Ростислава Смоленского.— В кн.: Средневековая Русь. М., 1976.
8. *Павлова К. В., Раппопорт П. А.* Городище Осовик.— СА, 1973, № 1.
9. *Раппопорт П. А.* О местоположении смоленского города Заруба.— КСИА АН СССР. 1972, № 129.

K. V. Pavlova

DEFENSIVE WORKS AT THE OSOVIK FORTIFIED SETTLEMENT

Summary

The author introduces new materials on the defensive works in Ancient Rus taking as her example the fortified settlement of Osovik (Rognedino District, Bryansk Region). It is situated on a cape and consists of two parts: comparatively small *detinets* (in the centre of the settlement) and a large, up to 1.5 hectares, *okolny gorod* (the settlement proper). The defensive works of both parts are bow-shaped earthern ramparts with com-

plex inner wooden core. Stratigraphically, the rampart of the *okolny gorod* is divided into four layers with thin humus strata between them. They fully correspond to the three construction layers of the *okolny gorod*. Each reconstruction of the rampart was followed by its augmentation, more soil was added and a new inner core was built. Each time the moat bordering on the rampart from the south was filled, and a broader and deeper one dug. While the rampart of the settlement became bigger, the rampart of the *detinets* lost its defensive significance: it underwent only one major reconstruction. All this grafically illustrates the increase of the defensive capacity of this small settlement and the development of military engineering in 12th-13th-century Rus.

ЯНИН В. Л.

К ИСТОРИИ ТАК НАЗЫВАЕМОГО «ДОМА МАРФЫ ПОСАДНИЦЫ» В НОВГОРОДЕ

На Торговой стороне Новгорода, во дворе дома № 32/12 по проспекту В. И. Ленина, до сегодняшнего дня сохраняется руина древней кирпичной постройки (рис. 1), слывущей за остатки дома Марфы Посадницы. Такое наименование было приложено к зданию, сохранявшемуся в более полном виде до середины XIX в., еще в начале прошлого столетия, уже тогда встретив скептическое отношение со стороны любителей старины.

По-видимому, впервые версию о возникшей связи имени Марфы Борецкой с этим домом записал новгородский губернатор 1812—1813 гг. П. И. Сумароков, книга которого была издана спустя много лет — в 1890 г. Полагая, что в действительности этот дом был «Рогатицким монетным, потом княжим двором», П. И. Сумароков сообщает: «Кажется, что остатки оного сохранились до наших дней и стоят против трактира, называемого Витебским. Все нас в том удостоверяет, древность, огромные, толстые со сводами стены, обширные погреба и потаенные сходы. К тому присовокупить должно, что большая половина бывшего здания частью совсем разломана, а частью от нынешнего дома отделена; что даже куски кирпичей представляют на себе отпечатки нескольких веков; что таковой дом не мог принадлежать частному человеку, и что существует оной на Рогатице так же, как в древности показано. (Оной продан от казны за 1200 руб. мещанину, который часть оного употребил для кузницы). Несправедливо слывет сей дом принадлежавшим Марфе посаднице» [1, с. 22].

В 1828 г. в экспликации к плану Новгорода 1756 г. Н. Н. Муравьев заметил: «Место в Новегороде единственного частного небольшого двужилого древнего каменного дома, ныне в продолжении последних десяти лет из ветреной угодливости жадному любопытству путешественников показываемого за дом известной Марфы посадницы, так как нынешний стансионный дом в Новегороде от него находится едва в 50 саженях». На том же плане Н. Н. Муравьев отметил «истинное место, около которого был дом Марфы посадницы Борецкой»,— на Софийской стороне, на берегу Волхова немного севернее Детинца [2, план Новгорода на вклейке]. Очевидно, что эта локализация опирается на сообщение Новгородской 4 летописи под 1477 г.: «септября 21 бысть пожар: от Розважи улици погоре и до Борковы улици побережье все и до Великой улицы, и Марфы посадницы двор» [3, с. 450]. В Синодальном списке той же летописи двор Марфы назван «чюдным».

В 1837 г. тот же дом, «принадлежавший, по слышанному им тогда местному говору, Марфе Борецкой», был описан И. Нероновым: «Остаток составлял двухэтажное каменное строение, которое, вместо прежней остроконечной чешуйчатой с узорочными светлыми теремами кровли, было покрыто низкою тесовою крышею, имевшей одно слуховое окно. На внешних

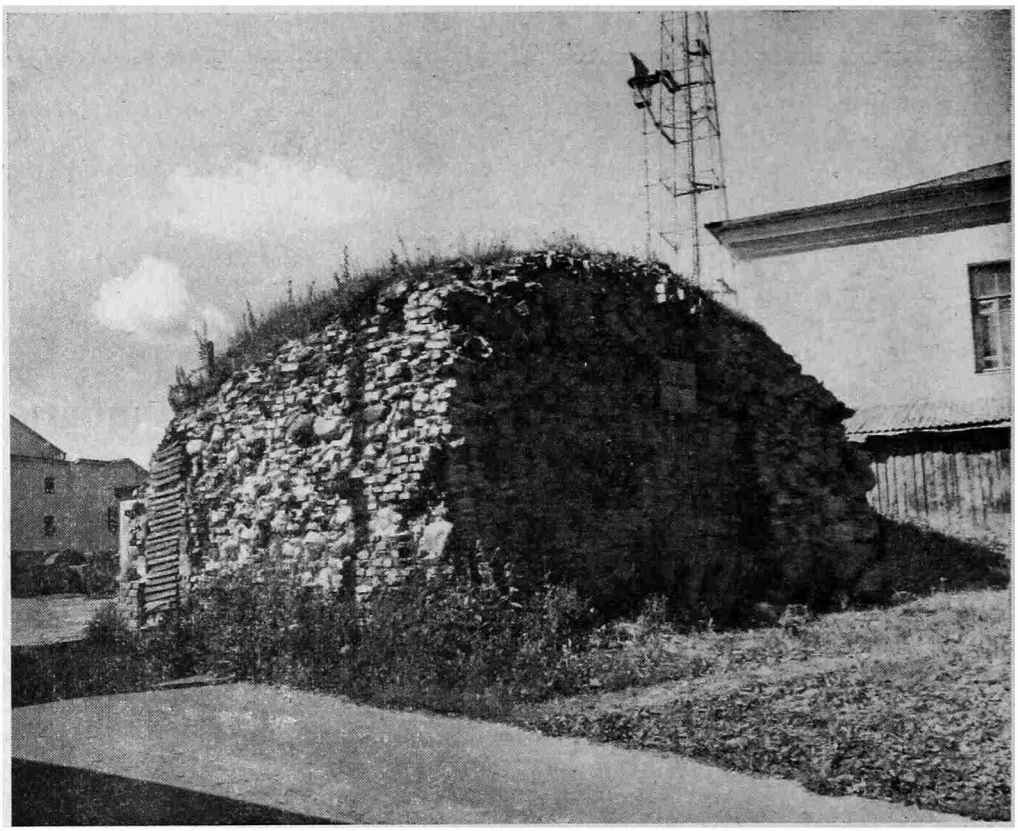


Рис. 1. Современное состояние «дома на Рогатице», вид со стороны ул. Большевиков (б. Рогатицкой)

стенах еще виднелись скульптурные украшения XV в. С передней, южной стороны дома, во втором этаже, было три окна и к правому углу, вместо старинного боярского крыльца, приделана деревянная лестница на подпорках, покрытая от верху до половины высоты, вероятно для того, чтобы не заслонять единственного в нижнем этаже окна, которое, повидимому, не подвергалось никакой переделке, ибо оно вдвое уже передних окон; таким образом, от прежних 24 окон осталось только пять. С этой стороны к нижнему этажу пристроен деревянный сарай, примыкающий к небольшой каменной развалине со сводом, поросшим травою и березником. Эта развалина есть остаток от обширных погребов, некогда полных питиями преузорочными, романеею и медами сахарными. Она выходит на Рогатинскую улицу, отстоит от угла Московской на 61 шаг, а ныне обращена в кузницу» [4, с. 51, 52]. Существует рисунок дома в описанном И. Нероновым состоянии (рис. 2) [5, вклейка между с. 124 и 125]. Более того, несомненно, что приведенное описание, изданное спустя пять лет после поездки И. Неронова в Новгород, сделано им уже по рисунку, поскольку в нем отсутствуют сведения о внешнем виде и состоянии противоположных, не видных на изображении дома фасадов.

Любопытно мнение об этом доме, высказанное в 1844 г. Н. А. Полевым: «Мы не упомянули о доме Марфы Посадницы, описывая Новгород. Боясь, что нас обвинят в забывчивости, скажем только, что этот мнимый дом Марфы Посадницы — нелепость, выдуманная одним из новейших мечтателей путешественников. До 1820 г. никто не слыхивал об нем в Новгороде, а теперь показывают его любопытным. Мы видали поэтов, вздыхающих на обломках дома мнимой героини, из которой воображение их создает нечто вроде матери Гракхов и супруги Петуса. Не худо бы поэзию поверять историею, а рассказы историческою критикою»

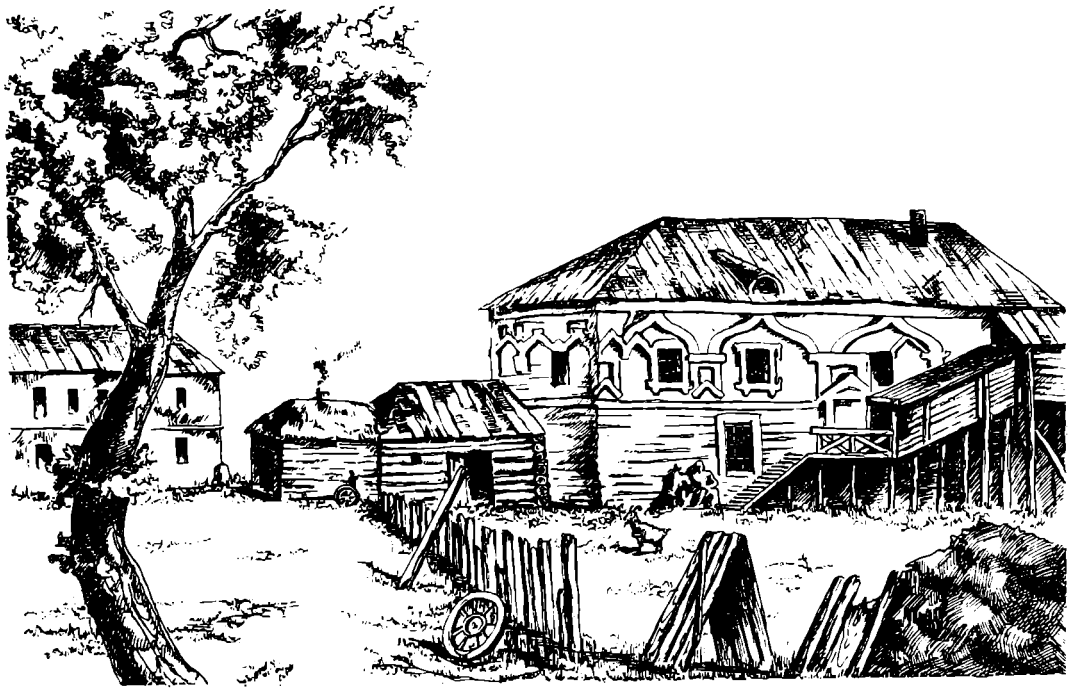


Рис. 2. «Дом на Рогатице», вид с юго-востока. Рисунок 1837 г.

[6, с. 30]. Очевидный Н. А. Полевому налет мечтательного романтизма на версию о принадлежности здания Марфе, по-видимому, может служить косвенным свидетельством связи возникновения этой версии с впечатлением от знаменитой повести Н. М. Карамзина, опубликованной в 1803 г.

Между тем легенда, не поверенная исторической критикой, все больше и больше овладевала воображением «любопытных». В середине прошлого века молва склонялась к тому, что Марфа имела палаты не только на Софийской, но и на Торговой стороне, причем они соединялись между собой подземным ходом через Волхов. В 1863 г. Н. Г. Богословский произвел «у дома Марфы Посадницы» раскопки, «при которых действительно обнаружился подземный ход, но дальнейшие работы пришлось прекратить, так как домовладелец спустил сюда, может быть и по неведению, фановые трубы. Рабочие отказались продолжать работу, но и домовладелец опасался за прочность своего дома в случае дальнейших под ним раскопок» [7, с. 217, 218]. Неясно, что было принято Н. Г. Богословским за «подземный ход» (скорее всего, лестница или окно в погребенный нижний этаж здания), однако для укрепления версии «любопытных» его работ оказалось вполне достаточно, чтобы мнение о принадлежности дома Марфе Борецкой было безоговорочно принято позднейшими авторами популярных путеводителей по Новгороду — В. П. Ласковским и М. В. Муравьевым, а также М. И. Полянским [7, с. 217, 218; 8, с. 35, 36; 9, с. 90—101].

Существует описание этого дома, сделанное в 1898 г. В. С. Передольским: «В настоящее время во дворе дома на углу Московской и Рогатицкой улиц, принадлежащего А. В. Ильчину, сохраняются остатки развалин большого каменного сооружения в двух местах: в полуденном углу дома и на средине двора. Угловая развалина представляет два покоя с толстыми стенами под крутыми сводами; они вошли в нынешний дом как часть его,— но полуденный край покоя, ближайшего к этой стороне, выступил из черты домовой стены во двор почти на сажень в виде развалины; поверх его поставлена легкая беседка. Оба эти покоя служат кладовыми. На средине двора образовался лет сорок слишком назад провал под тяжестью воза, выезжавшего на улицу; оказалось, что тут, сря-

Рис. 3. Юго-западная стена «дома на Рогатице» в процессе раскопок

ду под полуаршинным слоем сорной земли, довольно обширный подвал под сводом. Как упомянутые покои, так и этот подвал сложены из кирпичей,— валуны и плита только в основании и кое-где в толстых стенах первых» [10, с. 240]. Отвергая мнение о принадлежности дома Марфе Борецкой, В. С. Передольский предполагал в нем «дворец посадника степенного». Основанием для этого послужили два соображения. Во-первых, В. С. Передольский находившуюся на Рогатице церковь Ипатия считал посадничьей. Во-вторых, он отождествлял развалины каменного дома с хоромами свойственника Ивана Грозного князя Б. Д. Тулупова: Новгородская 2 летопись сообщает, что 9 августа 1572 г. «мурзу Дивиа привезли в Новъгород ко государю жива, и государь мурзу приказал ко царю (так в оригинале.— *В. Я.*) Борису Давыдовичю Тулупова на бреженье на улицю на Рогатицю» [11, с. 194]. Отсюда предположение В. С. Передольского о том, что Б. Д. Тулупов якобы был пожалован старым посадничьим дворцом.

В путеводителе А. А. Строкова и В. А. Богусевича здание именуется «так называемым домом Марфы Посадницы», там же отмечается, что своды и стены единственной уцелевшей на поверхности к 1939 г. камеры сделаны из тонкого кирпича конца XV в. [5, с. 126]. Отрицал принадлежность этого здания Марфе Борецкой А. И. Семенов: «„Дом Марфы Посадницы" стоял на том месте, где писцовые книги XVI века указывают дворы гостей Тараканових. На дворе Андрея Тараканова ПК Майк. называет „полату камену". Возможно, что эта „полата" и стала в начале XIX в. называться „домом Марфы Посадницы"» [12, с. 155]. Однако М. К. Каргер, хотя и в очень осторожной форме, по-видимому, был склонен поддержать «мечтательную» атрибуцию: «Имеет ли серьезное основание традиция, связывающая с Борецкими дом на Рогатице, сказать трудно» [13, с. 158].

В 1971 г. Новгородская археологическая экспедиция провела частичную расчистку не сохранившейся на поверхности земли юго-западной руины здания. «Раскопками вскрыта лишь фасадная стена постройки, в которой имеются два оконных проема с железными решетками. Стена расположена параллельно стене каменного дома XVI в. (т. е. сохраняющейся на поверхности руины.— *В. Я.*) и находится от него в 27 м. Протяженность вскрытой стены около 11 м; окна (около 0,4×0,4 м) выложены маломерным кирпичом и отстояли друг от друга примерно на 2,5 м.

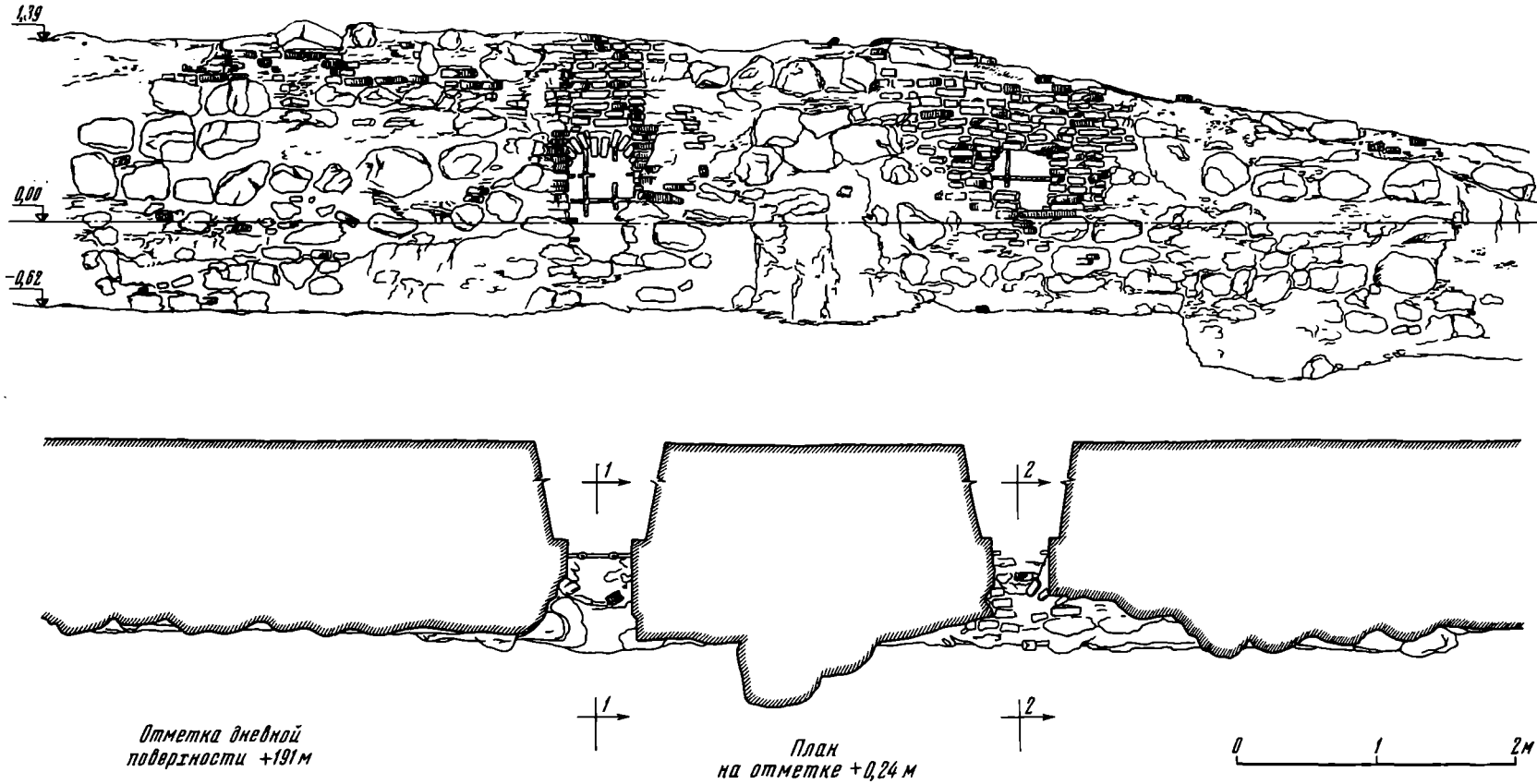


Рис. 4. Фасад и план остатков юго-западной стены «дома на Рогатице»

Постройка, перекрытая коробовым сводом, как и соседний с ней дом, полностью погребена в культурном слое» [14, с. 263] (рис. 3 и 4).

Приведенными материалами исчерпываются все существующие описания дома на Рогатице, а также фигурирующие в литературе мнения о его древней принадлежности. Очевидно, что использованных источников недостаточно для аргументированного суждения о назначении постройки. Этот недостаток впервые восполняется открытым недавно А. В. Воробьевым планом части Торговой стороны Новгорода, который был составлен архитекторским учеником Григорием Охлопковым в начале 30-х годов XVIII в. [15, № 218] [1].

На охлопковском плане интересующий нас дом показан в виде протяженной каменной постройки, основной массив которой имеет длину в 16 саженей с северо-востока на юго-запад и ширину в 7 саженей (соответственно 34 и 15 м). К его юго-западному торцу примыкает камера размером 5×5 саженей (точнее — 11×11 м), расположенная по центральной оси здания, а у северо-западного фасада имеется каменное крыльцо. Раскопками 1971 г. была вскрыта торцевая юго-западная стена дополнительной камеры, а на поверхности сохраняется руина, которая соответствует торцевым северо-восточным компартаментам.

В экспликации к плану эта постройка (под № 49) именуется «Петровским кружечным двором». Поэтому нам следует рассмотреть имеющиеся в разных источниках сведения о кружечном дворе на Рогатице. Для объяснения его наименования «Петровским» полезно сообщение о пожаре кружечного двора на Рогатице в 1696 г. [16, № 82]. Полагаю, что «Петровским» кружечный двор на Рогатице стал после его восстановления, поскольку и пожар, и восстановление приходятся на время Петра I.

А. И. Семенов ошибался, относя открытие кружечного двора к 20-м или 30-м годам XVII в. [12, с. 156]. Имеется прямое свидетельство о его основании в 1652 г.: «А в нынешнем во 161-м году сентября в 15 день в государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии грамоте за приписью дьяка Ондрея Немирова писано в Великий Новгород боярину и воеводе ко князю Юрью Петровичу Буйносову Ростовскому да к дьяку Исаку Кудрину. И велено в Великом Новегороде зделать кружечной двор в том же месте, где был наперед сего кабацкой двор, и велено на том кружечном дворе продавать вино в ведра и в полуведра и в четверти и в кружки, а чарками продавать, зделав чарка в три чарки, и продавать по одной чарки человеку; а больши указной чарки одному человеку не продавать, и на кружечном дворе питухом и блиско двора сидеть и пить не давать, и ярыжным и бражником и зерьщиком никому на кружечном дворе не быть; а в великой пост и в успенской и в воскресенья во весь год, а в рождественской и в петров посты в среды и пятницы вина не продавать; а священического и иноческого чину на кружечной двор не пускать, питья им не продавать; и всяким людем в долг и под заклад и в кабаке вина с кружечного двора потому ж не продавать, а продавать на денги в летней день после обедни с третяго часу, а запирать в отдачю часов денных... Да в нынешнем во 161-м году генваря в 4 день по государеве (п. т.) грамоте велено в Великом Новегороде и в новгороцких пригородех и в уезде на кружечных дворех головам и целовальником держати на продажу квасы дрозжаникы и продавать велено примериваясь к запасной покупке, чтоб у того квасу была государю прибыль. Да в нынешнем во 161-м году апреля в 24 день по государеве (п. т.) грамоте велено в Великом Новегороде и в уезде и в новгородцких пригородках и в государевых дворцовых слободах и селах, где устроены кружечные дворы, для больных и маломочных людей и которые вина не

[1] План входит в комплекс отчетных документов Охлопкова (15, к. 1068, л. 305), но для удобства хранения перемещен в собрание чертежей.

пьют, велено пиво и мед на продажу держать по прежнему, а цену положить пиву и меду по разсмотренью, как мед и хлеб и хмель купят» [17, с. 222].

В приведенном указе не говорится, что кружечный двор находится на Рогатице. Нет «адреса» этого двора и в приходо-расходных книгах Новгородской четверти, сообщающих о доходах с питейной пошлины за 1654—1660 гг. [17, с. 223—243]. Однако существуют два обстоятельства, локализующих его именно на Рогатице. Во-первых, в Забелинской летописи в рассказе о пожаре 19 июня 1663 г. сообщается: «В Великом Новеграде в пяток на первыя недели поста бысть пожар велик, загореся на Рогадице (так! — *В. Я.*) улицы на денежном дворе, и погоре Рогатица и корчемный двор и в гору...» [18, с. 102] [2]. Во-вторых, цитированный указ 15 сентября 1652 г. отмечает, что кружечный двор организован «в том же месте, где был наперед сего кабацкой двор». Попытаемся выяснить местоположение этого более раннего кабацкого двора.

Самое раннее упоминание о новгородском кабаке, по-видимому, содержится в челобитной, поданной в августе 1616 г., во время шведской оккупации Новгорода, плавильщиком денежного двора Лукой Афанасьевым. В этой челобитной Лука жалуется на попа Саву, который в Рогатицком кабаке натравил на него трех своих собутыльников — шведов, избивших и ограбивших плавильщика [19, с. 19, № 36 и с. 31, № 10].

В Описи Новгорода 1617 г. значится два кабацких двора, оба на Торговой стороне [20, л. 497]. Местонахождение одного не оговорено; другой — «двор государев кабацкой» — обозначен на Рогатице [20, л. 483]. В той же описи имеется описание кабацкой утвари: «На кабакех у головы у Истомы Демидова и у целовалников кабацких судов 4 котлы, да тщанов и ушатиков деревяных и бочек 59, ведро медное, да 4 воронки. да 8 ендов медных, да 4 четвертины медных же, да 18 кружек оловяных, да стопа, 2 подсвечника, да 17 ковшов и чарок медных, 3 корца деревяных, 2 доски меденых денежных, коробья казенная окована, 8 окончин стекольчатых, 2 русла, 2 корыта, 52 шайки» [20, л. 293]. Заметим, что собственный двор кабацкого головы тогда же находился на Рогатице [20, л. 483]. Не исключено, что Рогатицкий кабак возник или был возобновлен при шведах: Опись 1617 г. отмечает, что со Славковой улицы один «двор свез Иван Сермяжнин на кобак» [20, л. 486], два двора были свезены с Коржевой улицы — «1 на денежной двор, другой двор на кобак Иван Сермяжников» [20, л. 487]. И Славкова, и Коржева улицы находились поблизости от Рогатицы. Очевидно, что Рогатицкий кабак размещался тогда в деревянных строениях.

В приходо-расходных книгах Новгородской четверти за 1620 г. новгородские кабаки упоминаются без обозначения их местонахождения, но во множественном числе [17, с. 196]. Из записи под 1626 г. узнаем, что «в Новгороде на посаде два кабака на Торговой стороне — на Рогатице и на Михайловской улице, в откупу» [17, с. 198]. В сметной росписи за 1628 и 1629 гг. количество кабаков не оговорено [17, с. 200—201]. Между тем в 1634 г. в Новгороде было уже три кабака [21, с. 140], о местоположении которых узнаем из сметной росписи 1644 г.: «В Великом же Новегороде на посаде на Розвозже, на Рогатице, на Михайловской улицах три кабаки по откупу за московитином Сретенские сотни за тяглецом за Ивашкой Тюкиным» [17, с. 203] [3]. Те же три кабака назва-

[2] Известие отнесено М. Н. Тихомировым к 1662 г., но расчет по таблицам показывает, что пятница первой недели петровского поста приходится на 19 июня не в 1662, а в 1663 г.

[3] Точное местоположение Михайловского кабака указано в отписке новгородских воевод царю 1 мая 1633 г. о пожаре Торговой стороны 23 апреля того же года. Пожар начался на Михайловой улице, где загорелся двор предтеченского попа Михаила, жившего в начале Михайловой, против церкви Параскевы Пятницы на Ярославовом дворище; от этого пожара выгорело весемь улиц. «А в роспросе поп Михайло сказывал, служил он в то время обедню, и сказывали ему снохи ево, что по-

ны под 1645 г., когда они были даны на откуп с 1 сентября 1644 г. по 1 сентября 1647 г. «кадашевцом Филке Савельеву, Пантелейке Золотову да патриаршу Савинской слободы крестьянину Левке Костюркину» [17, с. 205]. Те же сведения повторены под 1646 и 1647 гг. [17, с. 207, 210]. В 1647 г. все три кабака даны на откуп новгородскому посадскому человеку Федору Григорьеву сыну Матохина с 1 сентября 1647 г. по 1 сентября 1649 г., а с 1 сентября 1649 г. по 1 сентября 1651 г.— новгородскому посадскому человеку Степанке Тимофееву сыну Тихонову «с товарыщи» [17, с. 212, 216].

К 1651 г. относится существенная реорганизация кабацкой пошлины: «И в прошлом же во 159-м году августа в 23 день в государеве (п. т.) грамоте за приписью дьяка Алмаза Иванова писано в Великий Новгород к боярину и воеводе ко князю Юрью Петровичу Буйносову Ростовскому да к дьяку к Ивану Дмитриеву, а велено гостю Василью Стоянову с целовальники кабатцкую прибыль сентября с 1 числа нынешнего 160-го году збирать на Рогатицком кабаке, а в прибавку к тому кабаку под запасы и под питья велено занять гостя Семенов двор Стоянова и питье велено с него продавать, потому что тот двор с Рогатицким кабаком за один двор» [17, с. 218].

Таким образом, прослеживается непосредственная преемственность от Рогатицкого кабака 1616 г. к Петровскому кружечному двору 30-х годов XVIII в. Внесем ясность только в один вопрос. Как видно из указа 1652 г., кружечный двор был не кабаком, а винным складом-магазином, снабжавшим вином кабаки и продававшим его на вынос. Поэтому вполне логичен вывод о том, что интересующий нас каменный дом перед 1651 г. находился во владении Семена Стоянова и был придан «под запасы и под пития» к Рогатицкому кабаку только в 1651 г.

Чтобы завершить «кабацкую тему», отмечу, что организация Рогатицкого кабака (если он вопреки высказанному выше предположению был все же заведен еще до шведов) не может датироваться временем ранее конца 80-х годов XVI в., поскольку подворные описи Рогатицы этого времени не знают на ней никакого питейного заведения.

Что касается середины XVI в., то об организации винной торговли при Иване Грозном имеются следующие свидетельства. 27 декабря 1547 г. «пожаловал царь и государь великий князь Иван Васильевич, в своей отчине в Великом Новегороде отставил корчмы и питие кабатцкое: давали по концам и по улицам старостам, на 30 человек две бочки пива, да шесть ведер меду, да вина горькаго полтора ведра на разруб» [11, с. 151]. В 1571 г. кабаков в Новгороде еще не было, а винокурение находилось в руках «винщиков», оставаясь нецентрализованным: «месяца февраля в 23 в пяток на масленой недели приехали в Новгород дияки опришныи Семен Федоров сын Мишин да Олексей Михайлов Старой, да заповедали перевозникам через Волхов людей перевозити, а ходити по Великому мосту велели, да заповедали виншиком — не торговати, да и сторожню уставили, на Великом мосту решотки; а поимают виншика с вином или пияного человека, и они велят бити кнутом да в воду мечют с Великого мосту» [11, с. 158]. Частичное разрешение держать корчмы, принятое в 1552 г. [23, с. 341], на Новгород, по-видимому, не распространялось, поскольку писцовая книга Леонтия Аксакова 80-х годов XVI в. не знает корчемного двора, зато упоминает «корчемное место» на Софийской стороне, запустевшее и отданное к тому времени ружным попам кремлевских церквей, которые поставили здесь свои жилые дворы [24, с. 175].

жар на дворе учинился, вскинуто от Михайловского кабака на повет головня с огнем, а тот де попов двор был подле Михайловского кабака» [22, л. 1—2]. Тогда же, по-видимому, горел и Рогатицкий кабак, поскольку в числе сгоревших улиц обозначена и Рогатицкая так же, как и соседние с ней Лубяница, Буяна, Иворова, Славкова и Коржева.

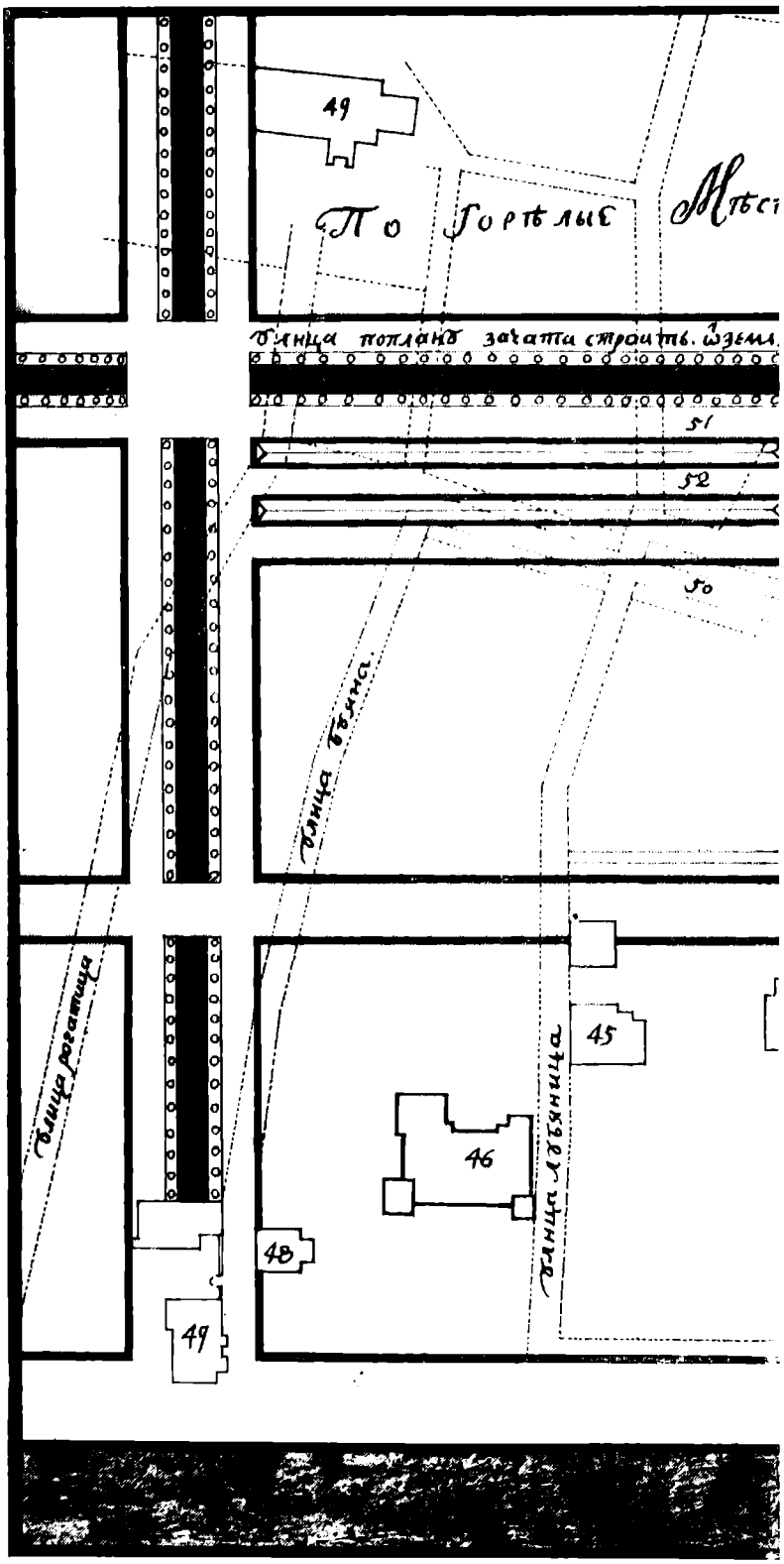


Рис. 5. Фрагмент чертежа Г. Охлопкова начала 30-х годов XVIII в. «Дом на Рогатице» помечен № 49

Более ранняя судьба каменного дома на Рогатице выясняется анализом писцовых книг конца XVI в. Для того чтобы правильно оценить их данные, необходимо знать, что на чертеже Григория Охлопкова (рис. 5) расстояние от начала застройки Рогатицы у берега Волхова до Петровского кружечного двора равно 140 саженям, а сам кружечный двор локализуется на левой стороне Рогатицы, если идти по ней от Волхова. На некотором расстоянии от своего начала Рогатица пересекается под прямым углом с Пробойной улицей. Длина участка Рогатицы от начала застройки у Волхова до пересечения с Пробойной по левой стороне легко подсчитывается указанием в писцовой книге конца 80-х годов XVI в. поперечников 16 дворов, составляющих красную линию этой застройки. Она равна 117 саженям [25, с. 28—23]. Ширина Пробойной улицы на указанном участке, по данным Лавочной книги 1583 г., достигает 5 саженей [26, с. 87—88]. Следовательно, от перекрестка с Пробойной улицей кружечный двор отстоит на 18 саженей.

Между тем писцовая книга 1581—1582 гг. так описывает застройку левой стороны Рогатицы после ее пересечения с Пробойной улицей: «Двор Федора Тороканова гостя; длина дватцать сажен, поперег двенатцать сажен. И тот двор отдан был 81-го году по государеву приказу и памяти, за приписью дьяка Ивана Собакина, Василью Ивановичю Умному, а посли Василья тем двором государь пожаловал Богдана Яковлевичя Белского. Двор пуст Гавриловской Федосеева стрелника; длина дватцать пять сажен, поперег пять сажен. И тот двор взят под государской Денежной двор». Оба описанных только что двора занимают на красной линии левой стороны Рогатицы 17 саженей. Следовательно, нас особенно должна интересовать следующая за ним усадьба. Она описана так:

«Двор пуст Ондреевской Тороканова: хором на нем нет, одна полата камена; длина сорок сажен, поперег девять сажен».

На следующих далее участках других каменных палат (кроме, по-видимому, житниц) не имеется: «Двор Богдана Васильева сына Тороканова; длина сорок сажен, поперег тритцать восмь сажен. А ныне на том дворе живут Якушко Сенкин, да Добрынка колпачник, да житницкий сторож Степанко Григорьев, сусед у него Митка Домерник по купчей. Место гостиное Петровское Тороканово, а стоят на том месте государевы житницы. Двор княжь Борисовской Тулупова, а ныне тем двором пожаловал государь Бориса Федоровичя Годунова, а дворники на нем Онтонко Яковлев да Матюшко да вдова Устиньица; длина сорок сажен, поперег девятнадцать сажен» [24, с. 219].

Приведенными материалами начисто отменяется предположенная В. С. Передольским атрибуция каменного дома как собственности князя Б. Д. Тулупова: усадьба последнего отстояла от перекрестка Рогатицы с Пробойной примерно на 100 саженей [4]. Невозможно отождествить этот каменный дом и с государевыми житницами: они отстоят от того же перекрестка на 64 сажени.

Если сомневаться в точности охлопковского чертежа и допускать наличие в нем погрешностей в несколько саженей, можно было бы предположить, что каменный дом идентифицируется не с палатой Андрея Тараканова, а с денежным двором, расположившимся рядом с усадьбой Тараканова, на несколько саженей ближе к перекрестку Рогатицы с Пробойной. Однако обращение к писцовой книге конца 80-х годов XVI в. убеждает в том, что денежный двор здесь так и не был заведен, а обосновался на другом участке Рогатицы, ближе к Волхову, по другую сторону перекрестка с Пробойной, непосредственно у этого перекрестка (подробнее см. [27, с. 19, 20]). На интересующем нас участке между перекрест-

[4] 64 сажени было от перекрестка до житниц, но между житницами и двором Тулупова, по описи конца 80-х годов XVI в., были еще две усадьбы с общим поперечником в 18 саженей [25, с. 31]. К этому времени двор Бориса Годунова перешел к «немцом торговым любским» [25, с. 31].

ком и двором Богдана Тараканова в это время располагались: двор Аркажа-монастыря, размеры которого писцовая книга не указывает (очевидно, однако, что это бывшее владение Федора Тараканова — Василия Умного — Богдана Бельского), и двор московского приведенца бобровника Левки Игнатьева, полученный им только что, «по даче дьяков». Его размеры: 35 саженей в длину, 5 саженей в поперечнике, что позволяет в целом идентифицировать его с бывшей усадьбой Гаврилы Федосеева, отведенной было под Денежный двор [25, с. 30—31]. Таким образом, мы убеждаемся в правильности предположения А. И. Семенова, идентифицировавшего каменный дом на Рогатице с палатой Андрея Тараканова.

Московские гости Таракановы появились в Новгороде в первые же годы после боярского «вывода», т. е. в конце 80-х или в начале 90-х годов XV в. В Листовском и Сытинском погостах Деревской пятины Никита Тараканов получил три боярщинки, «что ему дал князь великий против его земель московских» [28, стб. 703—705]. В Понедельском погосте 7 деревень получил Владимир Тараканов [29, стб. 465—467], упомянутый как староста под 1502 г. [3, с. 611]. В 1519 г. Василий Никитич Тараканов был избран в число целовальников для участия в суде вместе с великокняжескими наместниками [30, с. 281]. В 1520 г. г. он строит сохранившуюся до наших дней каменную церковь Климента на Ивоpовой улице, в непосредственном соседстве с известными нам таракановскими участками по Рогатице [3, с. 540], а в 1538 г. вместе с сыновьями Василием, Петром и Андреем — каменную церковь Успения в Сытине [3, с. 616]. Поскольку датировка остатков дома на Рогатице не опускается ниже конца XV в., очевидно, что он принадлежит к циклу каменных строительных работ Таракановых.

Андрей Тараканов был казнен во время опричного разгрома Новгорода 1570 г., репрессиям подверглись и остальные члены этой семьи [о Таракановых см. 31]. Двор Андрея Тараканова, пустовавший в середине 80-х годов XVI в., оставался бесхозным по крайней мере до конца шведской оккупации Новгорода 1611—1617 гг. Несомненно, что именно этот двор подразумевается Описью 1617 г., отметившей на Рогатице «место нетяглое с полатою, прежние пустоты» [20, л. 483], т. е. пустовавшее и до шведов. К этому времени на Рогатице, по-видимому, сохранил прежнюю принадлежность двор Аркажа-монастыря, коль скоро в той же описи упомянуто его владение — «да в городе монастырьской двор да два анбара» [20, л. 221]. На той же улице Опись 1617 г. знает «двор государев денежной, двор государев кабацкой, двор тюремной, двор гостя Истомы Демидова» [20, л. 483]. Местоположение Денежного двора нам уже известно. Отсутствие к 1617 г. на Рогатице государевых житниц позволяет предположить, что именно они были использованы под тюремный двор, о котором Опись 1617 г. в другом месте своего текста сообщает: «Двор тюремной, а на нем полата каменная» [20, л. 500]. Коль скоро кабацкий двор, как выяснено выше, непосредственно соседствовал с бывшей усадьбой Андрея Тараканова, его возможно локализовать или на бывшем дворе Гаврилы Федосеева (к западу от каменного дома) или же на бывшем дворе Богдана Тараканова (к востоку от каменного дома). Соответственно и усадьба Истомы Демидова идентифицируется или с бывшим двором Богдана Тараканова, или же с бывшим владением князя Тулупова — Бориса Годунова — любекских немцев. Думается, что более правилен второй вариант возможного решения: в 1620 г. Истома Демидов пытался продать принадлежавший ему участок шведскому подданному Троклосу для устройства шведского гостиного двора [32, с. 36, 556]. Такое намерение представляется вполне закономерным, если и прежде его участок использовался подобным же образом.

Мы видим, что поверка поэзии историей, а рассказов исторической критикой приводит к выводу о возникновении каменного дома на Рогатице уже в московское время, об изначальной его принадлежности куп-

цам Таракановым и о превращении его в XVII в. в кружечный двор. Никакого отношения к Марфе Борецкой этот дом не имеет, и поэты, некогда «вздыхавшие на обломках дома мнимой героини», вздыхали в действительности на вполне прозаических развалинах бывшего винного склада.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сумароков П. И.* Новгородская история. М., 1890.
2. *Муравьев Н. Н.* Исторические исследования о древностях Новагорода. СПб., 1828.
3. ПСРЛ. Т. IV, ч. 1, вып. 3. Л., 1925.
4. (*Неронов И.*) Трое суток в Новгороде. СПб., 1842.
5. *Строков А., Богусевич В.* Новгород Великий (пособие для экскурсантов и туристов). Л., 1939.
6. Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях. Т. I, тетрадь 1. Новгородская губерния. СПб., 1844.
7. *Ласковский В. П.* Путеводитель по Новгороду. 2-е изд. Новгород, 1913.
8. *Муравьев М. В.* Новгород Великий. Л., 1927.
9. *Полянский М. И.* Новгородская памятка для туристов. 2-е изд. Новгород, 1908.
10. *Передольский В. С.* Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород, 1898.
11. ПСРЛ. Т. 30. М., 1965.
12. *Семенов А. И.* Древняя топография средней части Торговой стороны Новгорода.— В кн.: Новгородский исторический сборник. Вып. 10. Новгород, 1962.
13. *Каргер М. К.* Новгород. 3-е изд. Л.— М., 1970.
14. *Засурцев П. И.* Каменные гражданские постройки XV в. в Новгороде.— В кн.: Новое в археологии. М., 1972.
15. ЦГАДА, ф. 248, к. 1068, л. 305.
16. Дополнения к актам историческим. Т. XII. СПб., 1875.
17. *Гневушев А. М.* Сметы по Новгороду четвертным денежным доходам XVII в. (с 1620 по 1660 г.).— В кн.: Тр. Московского предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. М., 1911.
18. *Тихомиров М. Н.* Новгородский хронограф XVII в.— В кн.: Новгородский исторический сборник. Вып. 7. Новгород, 1940.
19. Чтения в Обществе истории и древностей российских. Ч. 1. М., 1890.
20. ЦГАДА, ф. 96. Сношения России с Швецией, оп. I, 1617 г., д. 7.
21. *Сташевский Е. Д.* Смета государевым царевым и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии денежным и всяким четвертным доходам Новгородские четверти 142 году.— В кн.: Тр. Московского предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. М., 1911.
22. ЦГАДА, ф. 210. Столбцы Новгородского стола, д. 71.
23. *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960.
24. *Майков В. В.* Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1912.
25. *Греков Б. Д.* Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому XVI в. СПб., 1912.
26. Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г./Предисловие и редакция С. В. Бахрушина. М., 1930.
27. *Янин В. Л.* Из истории Новгородского денежного двора XVII в.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. X. Л., 1978.
28. Новгородские писцовые книги. Т. I. СПб., 1859.
29. Новгородские писцовые книги. Т. 2. СПб., 1862.
30. ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853.
31. *Варенцов В. А.* Род «московских гостей» Таракановых в свете генеалогического исследования.— В кн.: XXX Герценовские чтения. Исторические науки. Научные доклады. Л., 1977.
32. Русско-шведские экономические отношения в XVII веке: Сборник документов. М.— Л., 1960.

V. L. Yanin

THE CONTROVERSIAL HOUSE OF MARFA POSADNITSA IN NOVGOROD

Summary

There is a romantic legend around an ancient house in the Trade Side of Novgorod. It is believed that in the 15th century it belonged to Marfa Boretskaya, a woman prominent in Novgorodan politics. According to some written sources the legend appeared following the publication of a novel by N. Karamzin, *Marfa Posadnitsa*, in 1802. Archaeological research has revealed that the brick house was built at the close of the 15th or the beginning of the 16th centuries by a merchant named Tarakanov who together with his family was executed in 1570 by Ivan IV, then, after 1617, it became the property of another merchant, Stoyanov. From 1651 to the 1730s the house was used as a wine cellar.

ФОРМОЗОВ А. А.

СОБИРАТЕЛИ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ В РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

В сложении археологии как науки определенную роль сыграли собиратели древностей — гемм, античных расписных ваз, оружия и т. д. Наряду с такими собирателями в XIX в. появились и коллекционеры, интересовавшиеся каменными орудиями. В имеющихся сейчас историографических работах их деятельность не нашла никакого отражения. Так, ни слова нет о коллекциях каменных орудий в многотомных «Очерках истории музейного дела в России», где помещены две обзорные статьи о частном собирательстве в XIX в. [1, с. 66—144; 2, с. 269—299].

Между тем в 1860-х годах, когда проблема каменного века стала в центре внимания русских ученых, самыми большими фондами материалов по этой проблеме оказались вовсе не коллекции академических музеев, а частные собрания Н. Ф. Бутенева и А. М. Раевской. Первые русские публикации о каменном веке представляют собой описания этих собраний. Коллекционеру Д. П. Сонцову принадлежит и книга «О каменном веке» (1870 г.).

Все это показывает, что история частного собирания каменных орудий в России заслуживает специального рассмотрения. Я не рассчитываю исчерпать эту тему, а постараюсь лишь суммировать и сопоставить разбросанные по разным изданиям сведения о наиболее ранних коллекциях, поскольку именно они способствовали научной разработке проблемы каменного века в нашей стране.

Первые по времени сообщения о коллекциях каменных орудий у частного лица относятся к 1820—1830 гг. В Красноярске у енисейского губернатора Александра Петровича Степанова (1781—1837) хранились кремневые наконечники стрел, каменные кирки, молотки и т. д., собранные на пашнях в Минусинском крае [3, с. 34]. Енисейским губернатором он был в 1822—1833 гг.

Степанов — личность незаурядная. В юности он участвовал в суворовском переходе через Альпы, в зрелые годы опубликовал пользовавшийся успехом роман «Постоялый двор» (Пушкин послал его в Петровский завод декабристам) и серьезное «Описание Енисейской губернии» [4, с. 382—385; 5, с. 151—156; 6; 7, с. 112—115]. В последней, изданной анонимно, книге есть упоминания о находках каменных орудий в Сибири [8, с. 131]. Судьба коллекции Степанова неизвестна.

На 30-е годы приходится два сообщения. В 1839 г. профессор Московского университета, знаток московской старины, автор книг о русских пословицах Иван Михайлович Снегирев (1793—1868) [литературу о нем см.: 9, с. 381, 382] записал в свой дневник, что получил от профессора Даниловича «торов молоток каменный» [10, с. 275]. Игнатий Николаевич Данилович (1787—1843) в 1810—1820-х годах был сотрудником Румянцевского кружка. До 1835 г. он жил в Вильно, откуда и присылал Н. П. Румянцеву разнообразные материалы по истории Литвы [11; 12, с. 72—76]. В Прибалтике собирание каменных орудий началось раньше,

чем в Великороссии. Видимо, опыт краеведов из Вильно в какой-то мере влиял и на направление поисков русских любителей старины.

Три каменных орудия были и в частном музее нумизмата и библиофила Александра Дмитриева Черткова (1789—1858) [литературу о нем см.: 9, с. 413, 414]. Их подарил ему профессор-биолог Московского университета, основатель Московского общества испытателей природы Григорий Иванович Фишер фон Вальдгейм (1771—1853). В начале 1830-х годов при строительстве канала у с. Загорье на р. Сестре, около Клина, были найдены кости мамонта, шлифованный диоритовый молоток, два каменных и несколько бронзовых наконечников стрел и другие древние вещи [13, с. 1255—1258]. Они были доставлены лейтенантом Роппом Фишеру [о нем — 14], упомянувшему о них в двух своих трудах [15, p. 434; 16, p. 119]. Находки представляли собой, конечно, не археологический комплекс и, скорее всего, были сделаны в разных местах. Издавая медные вещи из Загорья, В. А. Городцов [17, с. 24, 25] не сказал о находке там же орудий из камня. После смерти Черткова его коллекции поступили в ГИМ.

Каменные орудия входили в собрания А. П. Степанова, И. М. Снегирева, А. Д. Черткова наряду с другими древностями. Специально собирать каменные орудия в России начал генерал-лейтенант корпуса горных инженеров Николай Федорович Бутенев (1803—1870). С 1840-х годов он ведал Олонецкими горными заводами, и здесь, в Карелии, где часто находят выразительные неолитические изделия — шлифованные топоры, кирки со сверлинами и т. д., он и заинтересовался этими необычными древностями [18, с. 213—216]. Человек он был разносторонний, коллекционировал масонские рукописи и монеты, записывал былины, печатал статьи по геологии, создал в Петрозаводске библиотеку и горный музей [19, с. 181]. В 1840 г. Бутенев впервые увидел каменное орудие у директора олонецких училищ Троицкого, в 1848 г. сумел приобрести подобное изделие для своего собрания. К 1853 г. у него было уже 240 орудий, к 1869 г.— около 400. Коллекция пополнялась путем покупок у крестьян, разыскивавших изделия из камня как целебные «громовые стрелы». Далеко не всегда удавалось узнать, где именно найдены те или иные вещи. В основном они происходят из района Петрозаводска, долины р. Шуи, отчасти же — из Повенецкого и Пудожского уездов и из-под Сердоболя (Сортавала).

В 1862 г. о коллекции Бутенева услышал видный биолог академик К. М. Бэр, интересовавшийся и первобытной археологией. При его посредстве коллекция была куплена Академией за 200 руб. и поступила в Этнографический музей (ныне МАЭ) [20, с. 392; 21, с. 153, 154]. В 1863 г. дважды опубликовано описание коллекции, составленное языковедом академиком А. А. Шифнером [22, S. 554—558; 23, p. 339—344]. Тогда же написал о своих находках и сам Бутенев, сопроводив статью рядом рисунков. Он цитирует труды Ж. Буше де Перта и журнал «Северного общества антикваріев», где печатались работы И. Ворсо [24, с. 1—20]. Статью перевели на немецкий язык [25, S. 495—513]. Эти четыре публикации были первыми в ряду исследований о каменном веке, выполненных в нашей стране.

По сообщению П. И. Лерха, после продажи своего собрания, живя уже в Петербурге, Бутенев составил с помощью олонецких знакомых вторую коллекцию [26, с. 10]; 37 изделий из нее поступило в Московский публичный музей (ныне в ГИМ) [27, с. 26—28].

И в той и в другой коллекции есть интересные произведения искусства — сверленые молоты со скульптурными головами лосей на концах. Они не раз публиковались и анализировались [28, табл. 34; 29, с. 29—35; 30, рис. на с. 12, 13].

Меньше знаем мы о других собраниях, возникших в 1850—1860-х годах. В 1856 г. помещик Нерехтского уезда Костромской губ. Г. М. Де-

вочкин прислал в Петербург, в Археологическое общество, несколько кремневых наконечников стрел. Особого интереса этот дар там не вызвал [31, с. 100]. На Этнографической выставке 1867 г. в Москве было экспонировано несколько каменных орудий из собрания Девочкина [32, с. 19]. В 1877 г., разыскивая материалы для Антропологической выставки, А. П. Богданов увидел в доме костромского краеведа огромное количество каменных орудий. Они были приобретены у крестьян, хранивших эти предметы как «громовые стрелы», и происходили из Костромского, Нерехтского, Макарьевского и Варнавинского уездов. На Антропологическую выставку свое собрание Девочкин дать не хотел, говоря, что коллекция предназначена для создающегося Костромского музея [20, с. 188]. Туда она, однако, не поступила. По сведениям М. Н. Комарова 1899 г. [33] и Н. М. Бекаревича 1902 г. [34, с. 158], в губернском музее имелись лишь фотографии собрания Девочкина, тогда как сами вещи якобы были отосланы им в Петербург и Москву К. Ф. Рулье, Н. В. Савельеву-Ростиславичу и Г. А. Траутшильду. Но Рулье и Савельев-Ростиславич умерли еще в 1850-х годах, а в 1877 г. А. П. Богданов видел всю коллекцию в Костроме. По словам В. И. Смирнова, коллекция распалась, уцелели только отдельные вещи [35, с. 74].

Геннадий Михайлович Девочкин (1833—1883) окончил Ярославский Демидовский лицей, служил чиновником особых поручений при костромском губернаторе, был почетным мировым судьей и членом губернской земской управы [36; 37, с. 19, 20; 38, с. 30; 39, с. 14]. Он интересовался не только археологией, но и геологией, ботаникой, палеонтологией, печатался в местных газетах [40, с. 198—200, 205—209] [1].

В 1867 г. в Московский публичный музей поступило 158 каменных орудий из собрания генерала Озерского. В основном это сверленые топоры и молотки эпохи бронзы, найденные в Минской и Витебской губерниях. Для 40 изделий точно указаны места находок. Г. Д. Филимонов сообщает, что перед пожертвованием в музей коллекция экспонировалась в Париже на Международной выставке 1867 г. [27, с. 30—35; 41, с. 149], где, как известно, был большой «Доисторический отдел».

Ни в каталоге, ни в отчетах музея, ни в описях ГИМ, где ныне находится коллекция [2], не указаны даже инициалы Озерского. Найти их удалось в хронике «Вестника общества древнерусского искусства», издававшегося хранителем музея Г. Д. Филимоновым [42, с. 63]. Эти инициалы — А. Д.— в сопоставлении с печатавшимися в XIX в. «Списками генералов по старшинству» не оставляют сомнений в том, кем была собрана коллекция. Это Александр Дмитриевич Озерский (1813—1880) — генерал-лейтенант корпуса горных инженеров, профессор Горного института в Петербурге, автор многих книг и статей по геологии, в частности дополнений к труду Р. Мурчисона по геологии России [43, с. 195, 196; 44, с. 115—132; 45]. Таким образом, у истоков собирания каменных орудий в нашей стране стоял не только рядовой горный инженер Н. Ф. Бутенев, но и его более известный коллега, оставивший заметный след в истории отечественной науки. Озерский занимался геологией Прибалтики, но на территории Белоруссии полевых работ не вел. Видимо, его коллекция составлена в результате покупок у собирателей «Западного края». Так же, как и в случае с И. Н. Даниловичем, мы можем говорить об определенном влиянии на русских коллекционеров собирателей из польских, литовских, белорусских губерний.

---

[1] Сведения о Девочкине любезно помог мне собрать знаток костромской старины В. Н. Бочков.

[2] Нельзя не пожалеть о том, что в наших музеях не сохраняется та документация, с которой коллекции поступали в их фонды. В современных описях ГИМ значится лишь: «коллекция Озерского», «коллекция Стрекаловой» (вместо Стрекалова). Так утрачиваются небезынтересные материалы по истории русской науки и культуры.

Значительно известней другое крупное собрание каменных орудий. Оно создано Анной Михайловной Раевской (1819—1883). Жена Николая Николаевича Раевского-младшего, героя 1812 г., друга Пушкина и декабристов, увлеклась археологией в Керчи, где жила с мужем в 1830-х годах. После его смерти она уехала в Италию, много путешествовала по Европе. Побывав на раскопках свайных построек в Швейцарии, она стала коллекционировать «доисторические древности». В этом ей помогали ведущие археологи Запада — Г. Мортилье, Э. Ларте, Г. Кристи, Л. Рютимейер, Ф. Келлер, а из русских ученых — академик К. М. Бэр [46, с. 513, 514]. Постепенно к находкам из раскопок во Франции, Швейцарии и Германии добавлялись каменные орудия из Олонецкой, Петербургской, Виленской, Херсонской, Ставропольской, Таврической, Волынской, Черниговской и Киевской губерний [28, с. 20, 30—32, 39, 60, 77, 81, 86—91, 94]. А. С. Уваров сообщал, что некоторые кремни были куплены у крестьянок Прасковьи Лушниковой, Акулины Иванушкиной, Матрены Миловиной из с. Маловская Славянка, Авдотьи Качановой из с. Ижоры и Арины Рогановой из с. Кузьмино Большое Петербургской губ. [28, с. 136]. Это, несомненно, деревенские знахарки. Следовательно, и эта коллекция пополнялась так же, как коллекция Бутенева и Девочкина. Но Раевская и сама вела раскопки курганов в Петербургской губ.

В 1865 г. известный литератор А. В. Никитенко занес в свой дневник впечатления от осмотра музея Раевской и с почтением привел слова Бэра о том, что это настоящее сокровище [47, с. 504, 505; ср. 48, с. 193, 194]. Значит, собрание было открыто для посетителей. В том же году основную его часть Раевская подарила Московскому публичному музею. При этом был составлен и опубликован каталог коллекции. Сделано это П. И. Лерхом — едва ли не лучшим знатоком каменных орудий в России тех лет [49]. Ныне эта коллекция в ГИМ. Это очень большой фонд — более 500 номеров, но, видимо, лишь часть первоначально более обширного собрания [27, с. 1—13, 16—21, 39—45].

Большая коллекция каменных орудий была у профессора Степана Васильевича Ешевского (1829—1865) [литературу о нем см.: 9, с. 529, 530]. Он занимался как всеобщей, так и русской историей, а при поездках за границу в 1859—1861 гг. заинтересовался только что совершенными тогда открытиями в области первобытной археологии. Ешевский выступил с докладом о свайных постройках в Московском археологическом обществе, демонстрируя привезенные из Швейцарии древности [50, с. 9]. Помимо находок из раскопок в Швейцарии и Германии в коллекцию Ешевского входили каменные орудия из окрестностей Казани. Ученый преподавал там в 1855—1857 гг. и создал при Казанском университете этнографический музей. Очевидно, в те же годы попали к нему каменные орудия из Прикамья. После смерти Ешевского собрание (254 предмета) поступило в Московский публичный музей, а ныне хранится в ГИМ [27, с. 5, 6, 13—16, 47—57].

Историком был еще один собиратель каменных орудий — Степан Степанович Стрекалов. О нем мы знаем мало. Годы жизни его неизвестны, но во всяком случае в начале 1870-х годов его уже не было в живых. Умер он молодым. В 1877 г. под редакцией Н. И. Костомарова посмертно издан составленный С. С. Стрекаловым альбом по истории русской одежды [51]. Коллекция его состоит из 153 каменных изделий, происходящих из 22 пунктов в Тульской губ. И здесь находки приобретались у крестьян «в обмен на платки, бусы и т. п.» [20, с. 337, 338, 411], но существенно, что в отличие от Бутенева Стрекалов уже фиксировал места находок. Коллекция его описана Г. Д. Филимоновым в 1874 г. [52, с. 107—118]. Ее хотел приобрести для Киевского университета В. Б. Антонович, но уступил ее на Антропологическую выставку 1879 г., откуда коллекция попала в Музей антропологии Московского университета, а уже оттуда в ГИМ.

Собирательская деятельность С. В. Ешевского и С. С. Стрекалова представляет особый интерес. В литературе по истории русской археологии справедливо подчеркивается, что решающую роль в изучении каменного века России сыграли на первых порах естествоиспытатели — К. И. Гревингк, Д. Н. Анучин, И. С. Поляков, К. С. Мережковский, В. В. Докучаев, А. А. Иностранцев и др. Считается, что только А. С. Уваров в 1870—1880-х годах способствовал сближению новой научной дисциплины с остальными разделами археологии. В целом это так, но внимание к первобытным древностям, проявленное Ешевским и Стрекаловым в 1850—1860-х годах, показывает, что уже тогда ряд ученых-гуманитариев понимал значение открытий в области каменного века для исторической науки.

В той же связи надо сказать об авторе первой русской книги о каменном веке Дмитрии Петровиче Сонцове (1803—1875). Книга его [53] по существу реферативная, но вполне грамотная, свидетельствующая о знакомстве составителя с трудами Ж. Буше де Перта, Ч. Лайелла, И. Ворсо, Д. Леббока, Ф. Келлера, Э. Ларте и Г. Кристи и других зарубежных исследователей. Сонцов в молодости был военным, участвовал в польской и венгерской кампаниях, состоял адъютантом при И. Ф. Паскевиче [54, с. 217—224]. Выйдя в середине века в отставку, занялся коллекционированием монет и древнерусской утвари, опубликовал несколько книг на эти темы [55, 56].

Собирал Сонцов и каменные орудия. На выставках, организованных Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете,— Этнографической 1867 г. и Антропологической 1879 г.— экспонировались вещи из собрания Сонцова. Среди них палеолитические орудия из Дордони и неолитические из свайных построек Швейцарии, полученные от Г. Мортилье, и обработанные кремни из России — из Бронницкого у. Московской губ. и из Оренбургской губ. [32, с. 16, 19; 57, с. 3—12]. Таким образом, коллекционирование каменных орудий для Сонцова было продолжением его интереса к археологии и истории в целом. Сонцову принадлежит и популярный очерк русской истории [58].

Собирали изделия первобытного человека не только просвещенные представители дворянства. Коллекция таких вещей из Прибайкалья [28, с. 6] была у архиепископа иркутского Нила (Николая Федоровича Исаковича, 1799—1874) [о нем: 59, с. 38—43; 60, с. 253—256] — автора первой русской книги о буддизме и живых записок о путешествии по Сибири (один из рассказанных там эпизодов лег в основу повести Н. С. Лескова «На краю света»). В записках говорится между прочим, что каменный топор для своего собрания Нил получил в 1849 г. в якутском селе Мухтуе у купца Рыбкина, наполнившего свой дом разного рода редкостями [61, с. 203].

В Муроме каменные орудия собирал купец Кознов. «Он не получил никакого образования, но имел хороший природный ум, отличался любознательностью и страстью к собиранию древностей» [20, с. 400]. Часть кремней он покупал у крестьян, но много нашел и сам по берегам р. Велетьмы. В 1870-х годах, после смерти Кознова, его коллекция перешла к муромскому следователю Павлу Петровичу Кудрявцеву. При организации Антропологической выставки он предлагал продать ее за 115 руб., но потом сам стал вести археологические разведки и опубликовал несколько статей об окском неолите. Коллекция П. П. Кудрявцева хранится в ГИМ.

Муромский купец Михаил Соколов пожертвовал на Антропологическую выставку 1879 г. коллекцию из 67 каменных орудий, составленную путем покупок у крестьян [62, с. 367]. Неясно, был ли он сам коллекционером, но то, что в Муроме в середине XIX в. существовал своего рода промысел по сбору и продаже каменных орудий, не вызывает сомнений.

Сотрудник Муромского музея Ф. Я. Селезнев рассказал в 1925 г. о том, как произошло открытие Волосовской стоянки: «Крестьянка Андреянова набрала мешок громовых стрел и вынесла продавать их» в г. Муроме. Там ее задержали и сообщили о находке в Москву, но с тех пор Андреянова «не покидала своего заступа в поисках орудий каменного века». Потом ей стали помогать в этом сын и крестьянин Щетинин, не прекративший грабительские раскопки даже в 1920-х годах. «Кладоискательство среди волосовцев (жителей с. Волосова.— *А. Ф.*) было распространено в течение многих лет. Муромские и другие скупщики периодически являлись в селение и наряжали нести для продажи «громовые стрелки». Волосовцы к этому времени запасали «товар» и сбывали его по 5—10 копеек за штуку. Один из местных антикваров имел непосредственную связь с волосовскими крестьянами, особенно с семьей Андреяновой, выгребая от них находки для продажи любителям. Благодаря его деятельности «волосовский каменный век» можно видеть в витринах музея в г. Владимире, в Нижнем и в Москве и в других местах, не считая коллекции небезызвестного А. Ф. Жадина, художника Куликова [3] и... Н. Г. Добрынкина, собранные через указанное посредничество и самостоятельно и составляющие те собрания, которые теперь имеет Муромский музей» [63, с. 1, 4]. В примечании пояснено, что местный антиквар — это Н. П. Андрин, занимавшийся и фальсификацией древностей.

В рецензии на книгу А. С. Уварова «Археология России» В. В. Докучаев глухо упомянул еще об одном купце — собирателе каменных орудий — Антонове из Рязани [65, с. 325]. Это почти наверняка Александр Васпльевич Антонов (1825—1893) — поэт-самоучка и автор ряда публикаций о рязанских древностях [66; 67, с. 9, 10].

Любопытно сообщение И. С. Полякова о крестьянине с. Степанькова на Оке Л. Ф. Орлове. Сначала он собирал «громовые стрелы» как целебное средство, а потом, ознакомившись с литературой о каменном веке, стал коллекционировать эти предметы уже как памятники старины [68, с. 63, 64].

Частные собрания древностей, в которые входили и каменные орудия, создавались и позднее, вплоть до начала XX в. Но значение их для науки в это время неминуемо снизилось. В России начались раскопки палеолитических и неолитических стоянок. Изделия из кремня теперь не покупали у крестьян, собиравших их на поверхности, а извлекали из земли, выясняя, на какой глубине, в каких условиях, вместе с костями каких животных они найдены. В Этнографическом музее Академии наук в Петербурге и в возникших в 1870-х годах Историческом музее и Музее антропологии Московского университета скапливались обширные материалы по каменному веку, поступавшие от специалистов. Сколь бы ни были богаты отдельные частные собрания, они уже не могли соперничать по значению с этими научными хранилищами.

Но число частных собраний скорее увеличилось, чем сократилось. Назову лишь особенно известных собирателей. Эти люди, специально занимавшиеся археологией,— Алексей Сергеевич Уваров (1825—1884) и Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843—1911) [69, с. 4—24; 70; 71]; любители, увлекавшиеся раскопками и разведками,— киевляне Яков Яковлевич Волошинский, Турвонт Венедиктович Кибальчич (1848—1913) [28, с. 16, 87, 88, 90, 93, 94; о них см.: 72, с. 73, 115; 73, с. 3—16; 74, прил. с. 13—24] [4], витебский помещик Михаил Францевич

---

[3] Иван Семенович Куликов (1875—1941) — академик живописи, жил в Муроме [о нем: 64]. Судя по цитированному здесь письму И. Е. Репина к Куликову [64, с. 45, 46], коллекция существовала уже в 1907 г.

[4] Годы жизни Волошинского неизвестны. Киевский университет он окончил в 1843 г. [75, с. 88]. В рукописи А. А. Куника 1884 г. Волошинский назван покойным (любезно указано И. Г. Спасским).

Кусцинский (1828—1905) [28, с. 51, 52, 138, 139, 149; о нем: 72, с. 188, 189], горный инженер из Красноярска Иннокентий Александрович Лопатин (1839—1909) [28, с. 9, 11; о нем: 76, с. 29—30, 48—53] [5]; казанские краеведы Андрей Федорович Лихачев (1832—1890) [28, с. 11, 12, 110; о нем: 72, с. 264, 265] и Николай Федорович Высоцкий (1843—1922) [77, о нем: 78, с. 158—161]; известный художник Николай Константинович Рерих (1874—1947) [79, с. 90].

В этих коллекциях преобладали материалы, полученные при разведках и раскопках самими собирателями, но немалую часть составляли и покупки. Так, у Самоквасова была коллекция каменных орудий из Дании, приобретенная им в Варшаве у И. Завиши. В коллекцию Высоцкого входили античные терракоты, вещи из Египта и Швейцарии. У Рериха наряду с предметами из собственных раскопок в Новгородской и Тверской губерниях были каменные орудия из Владимирской, Волынской и Тульской губерний, из Франции, Италии и Германии. Собрание Рериха насчитывало 30 000 номеров и экспонировалось в 1905 г. на Международном археологическом конгрессе во Франции.

После смерти коллекционеров их собрания продавали. Так, Я. Я. Волошинский купил коллекцию из 121 каменного орудия с Украины у наследников польского собирателя Л. Павловского [80, с. 61, 62]. Коллекция Л. Павловского существовала еще в 1850-х годах [81, s. 33, 34, 37].

Некоторые коллекции были целиком составлены путем покупок. Таковы собрания купца Василия Ивановича Заусайлова в Казани [82][6], Богдана Ивановича Ханенко (1850—1917) в Киеве [84, с. 7—9; о нем: 85, с. 422], Александра Николаевича Поля (1832—1890) в Екатеринославе [86, с. 1—31]. Размер коллекции Заусайлова, проданной им в 1909 г. в Хельсинки, огромен. Одних каменных орудий в ней 11 000. В предисловии к описанию своей коллекции В. И. Заусайлов сообщал, что собирать каменные орудия он начал в 1878 г., пополняя коллекцию за счет покупок у крестьян. Значит, не только в Муроме, но и в Казанской губ. в конце XIX в. был своего рода антикварный промысел и рынок. В собрание Заусайлова входили любопытные фигурные кремни, охарактеризованные потом в известной сводке С. Н. Замятнина [87, с. 97, рис. 3, *3*].

Подводя итоги нашего обзора, мы можем сказать, что собирание каменных орудий было распространено в России XIX в. достаточно широко. Собиратели были среди всех слоев населения. Источники пополнения коллекций сперва двояки: покупки «громовых стрел» у крестьян, разыскивавших эти предметы как средство для излечения болезней, и покупки за рубежом. В ряде мест возник даже рынок древностей. Какую-то роль в развитии собирательства каменных орудий в Центральной России сыграл опыт коллекционеров Польши, Литвы, Белоруссии. Уже в 1850-х годах заметен научный подход к классификации коллекций. Н. Ф. Бутенев, А. М. Раевская, Д. П. Сонцов, С. В. Ешевский знакомились с литературой по первобытной археологии, консультировались с ведущими учеными. Создание их коллекций было важно для сложения первобытной археологии в России. После того как началось научное исследование каменного века, значение частных коллекций снизилось, но отдельные вещи, сохраненные собирателями XIX в. (молоты со скульптурными головами зверей из Карелии, фигурные кремни из-под Казани), и сейчас привлекают внимание археологов.

---

[5] Коллекция И. А. Лопатина составлена в 1870—1885 гг. После его смерти поступила в Томский университет.

[6] В опубликованном выпуске 10 таблиц; 59 таблиц для следующих выпусков были напечатаны, но не сброшюрованы и не поступали в продажу. Они есть в ряде библиотек [см.: 83, с. 158, 159].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Овсянникова С. А.* Частное коллекционирование в России в пореформенную эпоху (1861—1917).— В кн.: Очерки истории музейного дела в России. М., 1960, т. II.
2. *Овсянникова С. А.* Частное собирательство в России в XVIII — первой половине XIX века.— В кн.: Очерки истории музейного дела в России. М., 1961, т. III.
3. *Попов Н. И.* О чудских могилах Минусинского края.— Изв. Сибирского отд. РГО, 1877, т. VIII, № 1—2.
4. *Модзалевский Б. Л.* Степанов А. П.— РБС (Смеловский — Суворина), 1909.
5. *Мирзоев В. Г.* Историография Сибири. М.: Мысль, 1970.
6. *Постнов Ю. С.* Русская литература Сибири первой половины XIX в. Новосибирск, 1970.
7. *Дилигенская Н.* Загадка старой книги.— Наука и жизнь, 1974, № 5.
8. Енисейская губерния. Ч. I. СПб., 1835.
9. История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965.
10. Дневник И. М. Снегирева. Т. I, М., 1904.
11. *Ивановский А.* Государственный канцлер Н. П.Румянцев. СПб., 1871.
12. *Черкас А.* Данилович И. Н.— РБС (Дабелов — Дядьковский), 1905.
13. *Гатцук А.* Еще древние вещи чертковского собрания.— Русский архив, 1864, № 11—12.
14. *Житков Б. М. Г.* И. Фишер фон Вальдгейм. М., 1940.
15. *Fischer de Waldheim G.* Notice sur quelques ossemens fossiles du gouvernement de Moscou.— In: Bulletin de la Société des naturalistes de Moscou, 1834, t. VII.
16. *Fischer de Waldheim G.* Oryctographie du gouvernement de Moscou. Moscou, 1837.
17. *Городцов В. А.* Старшее Каширское городище.— ИГАИМК, 1935, вып. 85.
18. *Формозов А. А.* Первый собиратель каменных орудий в России.— Вопросы истории, 1972, № 1.
19. *Благовещенский И.* Ученые исследования в Олонецкой губернии.— Олонецкий сборник, вып. IV. Петрозаводск, 1904.
20. АВ, т. I (ИОЛЕАЭ, т. XXVII), 1878.
21. *Лерх П. И.*— ИРАО, 1868, т. VI, отд. II. Рец.: *Butenew N.* Einige Bemerkungen über die Ureinwohner des nordlichen Russlands....
22. *Schieffner A.* Bericht über eine Sammlung von Steinwerkzeugen aus dem Olonetzischen Gouvernement.— In: Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Petersbourg, 1863, t. IV.
23. *Schieffner A.* Bericht über eine Sammlung von Steinwerkzeugen aus dem Olonetzischen Gouvernement.— In: Melanges russes, tirés du Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Petersbourg, 1863, t. IV, livr. 3.
24. *Бутенев Н. Ф.* Некоторые соображения о первобытных жителях Северной России по найденным остаткам их быта.— Записки РГО, 1864, кн. IV, отд. II.
25. *Butenew N.* Einige Bemerkungen über die Ureinwohner des nordlichen Russlands nach den aufgefandenden Spuren ihrer Tätigkeit.— In: Archiv für Wissenschaftliche Kunde von Russland. Berlin, 1865, B. XXIV, H. 3.
26. *Лерх П. И.* Какие замечаются черты сходства или различия в материале и форме и поэтому и в назначении каменных орудий, которые находят в Финляндии, Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерниях и в Прибалтийском и Северо-Западном краях.— Тр. II АС, т. II, вып. 2. СПб, 1881.
27. *Филимонов Г. Д.* Каталог отделения доисторических древностей Московского публичного музея. М., 1873.
28. *Уваров А. С.* Археология России. I. Каменный период. Т. II. М., 1881.
29. *Студзицкая С. В.* Фигурный молот из Карелии.— Тр. ГИМ, 1966, вып. 40.
30. *Столяр А. Д., Формозов А. А.* Искусство каменного и бронзового веков.— В кн.: Триста веков искусства. Искусство Европейской части СССР. М.: Искусство, 1976.
31. ИРАО, т. II, вып. 2, 1859 (хроника).
32. Каталог антропологического и археологического отделений Русской этнографической выставки, устроенной Обществом любителей естествознания, состоящим при Московском университете. М., 1867.
33. *Комаров М. Н.* К изучению каменного века в Костромском краю.— Костромской листок, 23 декабря 1899 г. № 144.
34. *Бекаревич Н. М.* О каменном веке в Костромской губ.— Тр. Ярославского областного съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области. М., 1902, отд. II.
35. *Смирнов В. И.* Каменный век и курганная эпоха в Костромской губ.— Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1913 г. Кострома, 1914.
36. *Комаров М. Н.* Памяти Г. М. Девочкина.— Костромской листок, 11 апреля 1903 г., № 41.
37. *Титов А. А.* Материалы для библиографического словаря. Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии. М., 1892.
38. Адрес-календарь лицам, состоящим на службе по Костромской губ. Кострома, 1871.
39. Костромской календарь на 1874 г.

40. *Девочкин Г. М.* Очерк пространства Костромской губ.— Костромские губ. ведомости, 6 и 13 июня 1859 г., № 22—23.
41. Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1867—1869 гг. М., 1871.
42. Вестник общества древнерусского искусства при Московском публичном Румянцевском музее, издаваемый под редакцией Г. Д. Филимонова, 1874, № 6—10, отд. V (хроника).
43. *Ястребцов Е.* Озерский А. Д.— РБС (Обезьянинов — Очкин). СПб., 1905.
44. *Тихомиров В. В., Софиано Т. А.* Труды А. Д. Озерского по геологии Сибири и его вклад в минералогию, стратиграфию и тектонику.— В кн.: Вопросы геологии Азии. Т. II. М., 1955.
45. *Тихомиров В. В.* Геология в России в первой половине XIX в. Т. I—II. М., 1960—1963.
46. *Анучин Д. Н.* Анна Михайловна Раевская.— Тр. антропологического отдела ОЛЕАЭ, 1897, т. 18, вып. 1—3 (ИОЛЕА, т. XC).
47. *Никитенко А. В.* Дневник. Т. II. М., 1955.
48. Карл Бэр и Петербургская Академия наук. Л., 1975.
49. *Лерх П. И.* Каталог древностей, собранных во Франции, Швейцарии, Германии и принесенных в дар Московскому публичному музею А. М. Р . . . . . ою. СПб., 1865.
50. Древности. ТМАО, 1865, т. 1 (хроника).
51. Русские исторические одежды от X до XIII века. Составлены и рисованы С. Стрекаловым. С введением Н. Костомарова, вып. 1. СПб., 1877.
52. *Филимонов Г. Д.* Промышленность каменного века в Тульской губ.— Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном Румянцевском музее, 1874, № 11—12.
53. *Сонцов Д. П.* О каменном веке. М., 1870.
54. *Уляницкий В. А.* Д. П. Сонцов.— Тр. [Московского] нумизматического общества, т. I. М., 1898.
55. *Сонцов Д. П.* Роспись древней русской утвари из церковного и домашнего быту до 18 столетия, находящейся в археолого-нумизматическом хранилище Д. П. Сонцова, вып. 1—5. М., 1857—1858.
56. *Сонцов Д. П.* Деньги и пулы Древней Руси. М., 1860.
57. Антропологическая выставка 1879 г. Описание предметов выставки. Вып. 2. Отдел доисторический. Составлено Д. Н. Анучиным. М., 1879.
58. *Сонцов Д. П.* Очерк истории русского народа до XVII века. М., 1875.
59. *Н. Д.* Высокопреосвященный Нил — архиепископ ярославский.— Странник, 1874, № 7.
60. *С-ский Д. И.* Преосвященный Нил, архиепископ ярославский.— Миссионер, 1874, № 28.
61. *А. Н.* [*архиепископ Нил*]. Путевые заметки. Т. I. Ярославль, 1874.
62. *Райков Б. Е.* Русские биологи-эволюционисты до Дарвина, Т. IV. М., 1959.
63. *Селезнев Ф. Я.* Археологические обследования окрестностей Мурома.— Материалы по изучению Муромского края, 1925, вып. 1. Муром.
64. *Балакин П. П.* И. С. Куликов. Л., 1965.
65. *Докучаев В. В.* Рец. на кн.: А. С. Уваров. Археология России. Каменный период.— Соч. В. В. Докучаева в 9 томах. Т. I. М., 1949.
66. Биографический очерк почетного блюстителя Рязанских духовных училищ потомственного почетного гражданина Александра Васильевича Антонова. СПб., 1865.
67. *Добролюбов И. В.* Библиографический словарь писателей, ученых и художников уроженцев Рязанской губернии. Рязань, 1910.
68. *Поляков И. С.* Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии, в долине Оки и на верховьях Волги. СПб., 1882.
69. Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова. Отд. I—II. М., 1887.
70. Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей профессора Д. Я. Самоквасова. Варшава, 1892.
71. *Самоквасов Д. Я.* Могилы русской земли. М., 1908.
72. Московское археологическое общество за первое пятидесятилетие его существования. Т. 1. М., 1915.
73. *Кибальчич Т. В.* О находках предметов каменного периода на левом берегу Днепра в 1879 г.— Сборник Петербургского Археологического института, 3. СПб., 1880.
74. *Волошинский Я. Я.* В каких местностях Киевской и смежных с нею губерний находимы были каменные орудия.— Тр. III АС, 1878, т. II. Киев, прил.
75. Академические списки Университета св. Владимира 1834—1884 гг. Киев, 1884.
76. *Клепов И. Л.* И. А. Лопатин. Иркутск, 1964.
77. Историко-археологический музей заслуженного ординарного профессора Казанского университета Н. Ф. Высоцкого. Вып. II. Каменный век в Казанской губ. Казань, 1908.
78. *Загоскин Н. П.* Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета. Ч. II. Казань, 1904.
79. ИАК, приб. к 37 вып. (хроника и библиография). СПб., 1910.

80. *Лерх П. И.* Новые известия о каменных орудиях, найденных в России.— ИРАО, 1868, т. VI, отд. II.
81. *Kraszewski I.* Sztuka u Slowian, szczególnie w Polsce i Litwe przezchresci. Wilno 1860.
82. *Заусайлов В. И.* Древние каменные орудия, собранные в пределах Казанской губ. Вып. I. Казанский уезд, 1884.
83. *Калинин Н. Ф., Халиков А. Х.* Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье.— МИА, 1959, № 42.
84. Собрание Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья. Вып. 1. Каменный и бронзовый века. Киев, 1899.
85. Ханенко Б. И.— Українська радяньска енциклопедія. Т. 15, 1964.
86. Каталог коллекции древностей А. Н. Поля в Екатеринославе. Вып. 1. Составила К. Мельник. Киев, 1899.
87. *Замятнин С. Н.* Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы.— СА, 1948, X.

A. A. Formozov

PRIVATE COLLECTIONS OF STONE TOOLS IN RUSSIA IN THE MID-19th CENTURY

Summary

Private collections of stone tools were begun in Russia in the 1820s-1830s. By the 1850s there were large collections whose owners were acquainted with literature on the Stone Age. This played a definite role in the development, in the 1860s-1870s, of prehistoric archaeology in Russia. Private collections lost their significance when larg-scale excavations of Palaeolithic and Neolithic monuments were undertaken by scientific institutions after the 1917 October Revolution. The article contains information on many collections and their owners.

Публикации

ЗАЙБЕРТ В. Ф., ПОТЕМКИНА Т. М.

К ВОПРОСУ О МЕЗОЛИТЕ ЛЕСОСТЕПНОЙ ЧАСТИ ТОБОЛО-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Территория Тоболо-Иртышского междуречья в пределах широт городов Курган — Омск, Тургай — Семипалатинск до последнего времени оставалась «белым пятном» на мезолитической карте Евразии [1, с. 203]. Однако открытие здесь в 40—50-е годы памятников неолита и энеолита позволяло считать, что нахождение мезолитических комплексов является лишь делом времени. Действительно, уже в начале 60-х годов на Южном Урале Г. Н. Матюшиным открыто и раскопано несколько мезолитических стоянок [2]. В последнее десятилетие усилиями ряда исследователей предпринято сплошное обследование Притоболья [3, с. 272, 273; 4, с. 269; 5, с. 1—8; 6, с. 255; 7, с. 70, 71, 76—78], Приишимья [8, с. 511; 9, с. 512], лесного Зауралья [10, с. 177; 11, с. 203; 12, с. 175, 176; 13, с. 85—88; 14, с. 75—84] и прилегающих районов [1], благодаря которому открыты десятки новых памятников каменного века, в том числе мезолитические. Раскопками некоторых из них выявлены комплексы, которые стратиграфически и типологически предшествовали неолитическим и могут быть отнесены к мезолитическому времени. В настоящее время на археологическую карту рассматриваемого региона может быть нанесено несколько десятков достоверно мезолитических объектов, многие из которых раскопаны. Накопленный же материал практически не введен в научный оборот и известен лишь по кратким информационным сообщениям. Некоторым итогам изучения мезолитических памятников, проведенного авторами, и посвящается данная статья.

Памятники рассматриваются по отдельным микрорайонам, где были сосредоточены работы: 1) в лесостепном Притоболье в пределах Курганской обл. (Притобольный); 2) на р. Чаглинке (Виноградовский); 3) в верховьях Ишима (Тельманский) (рис. 1).

В лесостепном Приботолье в настоящее время известно около 10 памятников мезолитического времени. Все они находятся к югу от г. Кургана и расположены либо на дюнных возвышениях коренного берега реки, либо на береговых останцах в поймах. Половина их сосредоточена

[1] Имеются в виду исследования последних лет В. Н. Логвина в Кустанайской и Тургайской, В. В. Волошина в Целиноградской и Павлодарской, А. Петрова в Омской областях. Материалы, за редким исключением, не опубликованы. Краткая информация содержится в сборниках «Археологические открытия» за 1970—1978 гг.

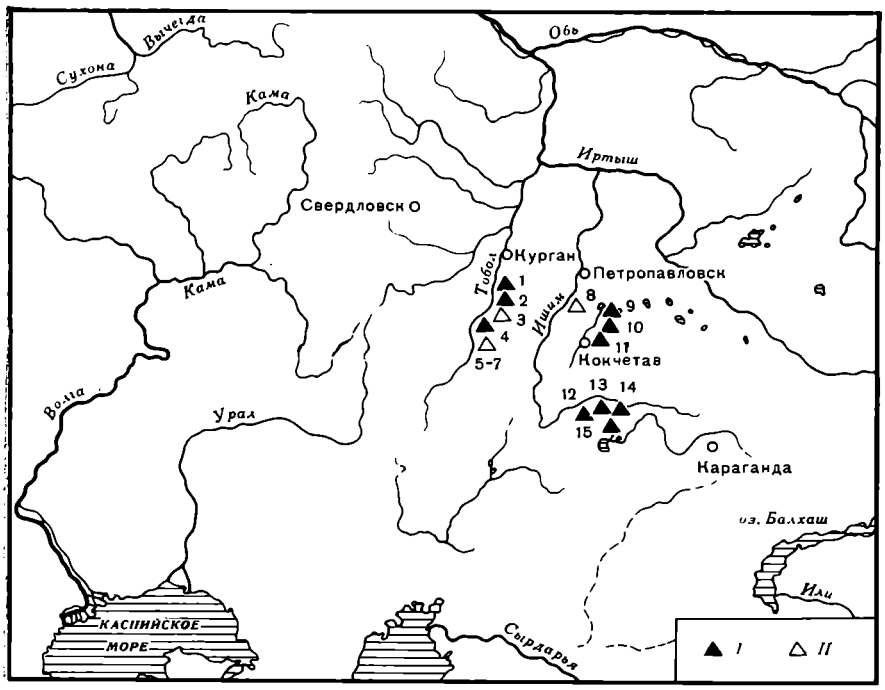


Рис. 1. Карта памятников эпохи мезолита Тоболо-Иртышского междуречья I — раскопанные, II — обследованные разведкой: *1* — Камышное I: *2* — Верхняя Алабуга; *3* — Звериноголовская VI; *4* — Убаган III; *5* — Убаган V; *6* — Убаган VII; *7* — Убаган VIII; *8* — Явленка II; *9* — Виноградовка II; *10* — Виноградовка 12; *11* — Куропаткино I; *12* — Тельмана VII; *13* — Тельмана VIIIa; *14* — Тельмана IXa; *15* — Тельмана XIVa

на границе с Казахстаном в устье р. Убаган. Здесь вдоль правого берега Убагана на протяжении 1,5—2 км обнаружено 5 стоянок с орудиями мезолитического облика. Раскопками исследована единственная не разрушенная ветровой эрозией стоянка — Убаган III. Она расположена на тупом мысу, образованном р. Убаган и ее старицей в 250 *м* от места впадения Убагана в Тобол. В 1977—1978 гг. на памятнике двумя раскопами была вскрыта площадь 280 м². Мезолитический слой обнаружен только в раскопе II (186 м²) рис. 2).

Памятник многослойный. Культурный слой мезолитической стоянки мощностью 5—25 см приурочен к сероватому, слегка гумусированному вязкому суглинку на глубине 0,9—1,1 *м* от поверхности (рис. 2). Сверху залегал мощный (0,6—1 м) слой гумусированной супеси с включениями кремневых изделий и керамики эпохи позднего неолита — энеолита. Два культурных слоя разделяла прослойка стерильного светло-серого песка толщиной 6—18 см, местами с затеками темной супеси (рис. 2).

При зачистке площадки мезолитической стоянки на уровне материка были выявлены следы наземного жилища близкой к прямоугольной форме площадью до 80 м². Пол жилища слегка углублен (до 20 см) и сильно утоптан, особенно в центре и в районе очага. Обнаруженные на площади раскопа столбовые (59) и хозяйственные (13) ямки концентрируются в центре и вдоль стенок жилища, но строгой закономерности в расположении не имеют. Столбовые ямки имеют в разрезе подпрямоугольную, полуовальную, реже коническую форму, диаметр — 15—25 см, глубину от уровня зачистки — 5—15 см; хозяйственные ямки округлые или удлиненно-овальные в плане (0,3—0,5×0,4—0,6 м), подпрямоугольные, реже полуовальные в разрезе, глубиной до 16 см. В северо-восточном углу имеется коридорообразный выход шириной

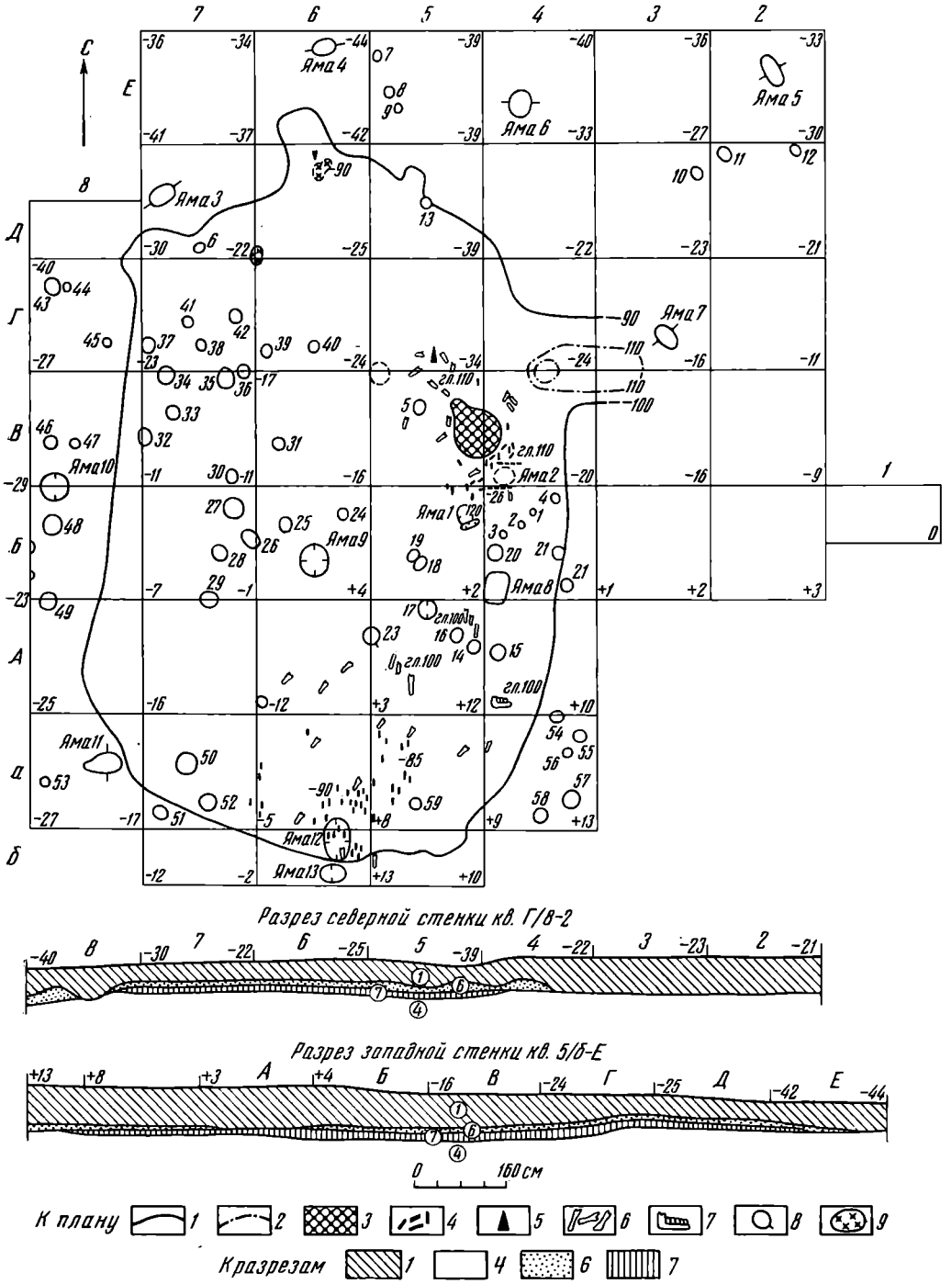


Рис. 2. План раскопа II стоянки Ураган III. К плану: *1* — очертания углубления на уровне 100 см; *2* — на глубине 110 см; *3* — пятно углистой супеси с пятнами прокала; *4* — микропластины на дне углубления; *5* — костяное острие; *6* — кости животных; *7* — челюсть крупного быка; *8* — столбовая ямка с указанием номера; *9* — углистые пятна, К разрезам: *1* — темно-серая рыхлая супесь, местами слегка задернованная; *4* — подстилающий светлый песок; *6* — светло-серый песок с затеками темно-серой супеси; *7* — серый суглинок с вкраплениями мелких угольков (заполнение углубления)

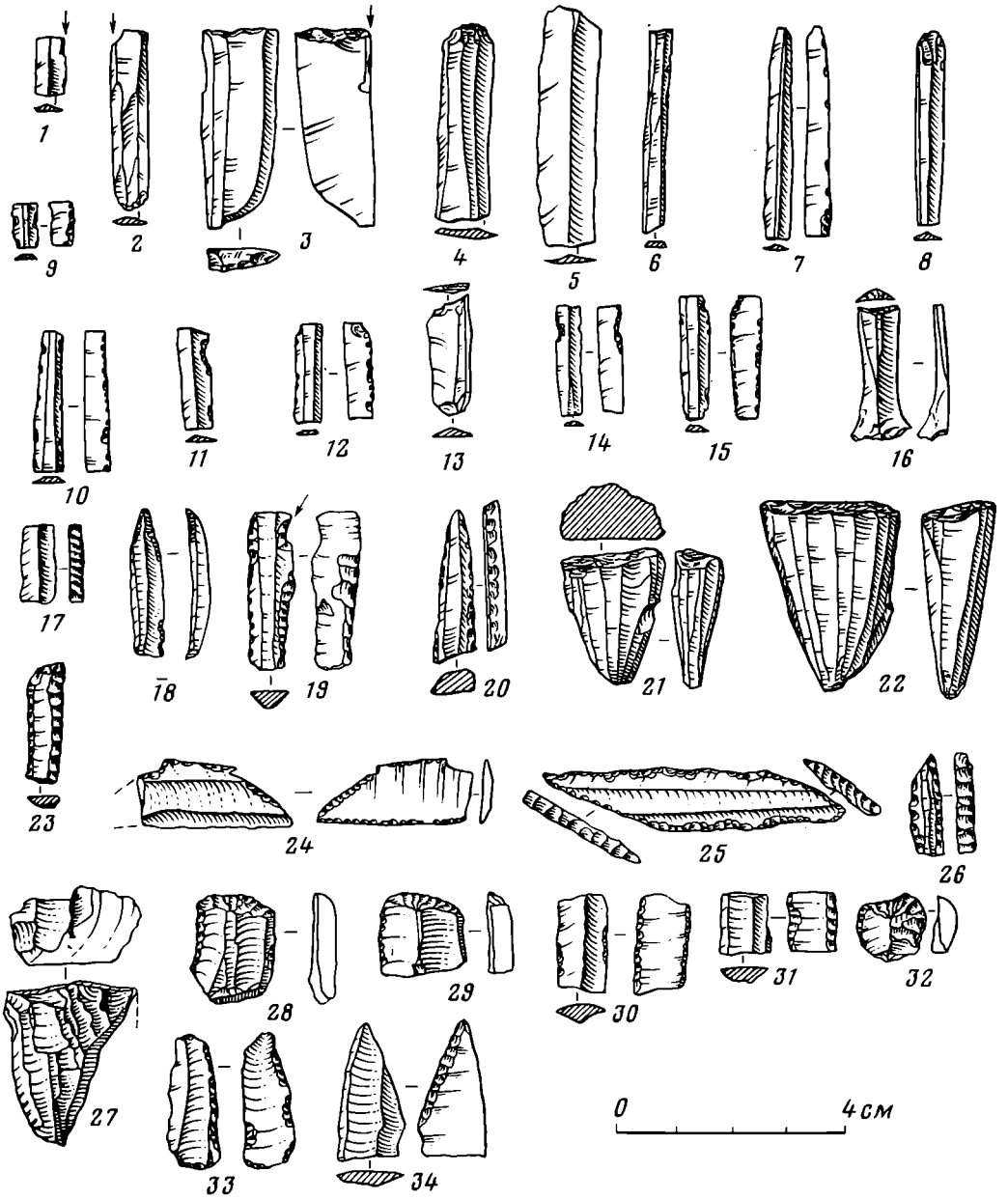


Рис. 3. Изделия из кремня. *1—16* — стоянка Убаган III, раскоп II; *17—23* — подъемные сборы из разрушенной части памятника Убаган III; *24—34* — стоянка Убаган V (подъемные сборы)

1,6 м, расположенный параллельно реке. Еще один небольшой выступ прямоугольной формы, размером 1,2×0,9 м, прослежен в центре северной стенки жилища. Возможно, это второй выход, направленный к берегу реки. В восточной половине жилища у выхода обнаружены следы кострища в виде овального пятна (1,1×0,8) углистой супеси и прокаленного грунта с вкраплениями мелких кальцинированных косточек. Мощность прокаленного слоя 4—6 см.

Археологический материал концентрировался двумя скоплениями вокруг кострища и у южной стенки жилища. Это — изделия из камня (зеленая яшма, кремень), расколотые трубчатые кости крупных животных плохой сохранности, фрагмент рога лося, обломок костяного изделия типа острия с тщательно обработанным рабочим концом, челюсти крупного быка типа зубра, тура (определение В. П. Данильченко).

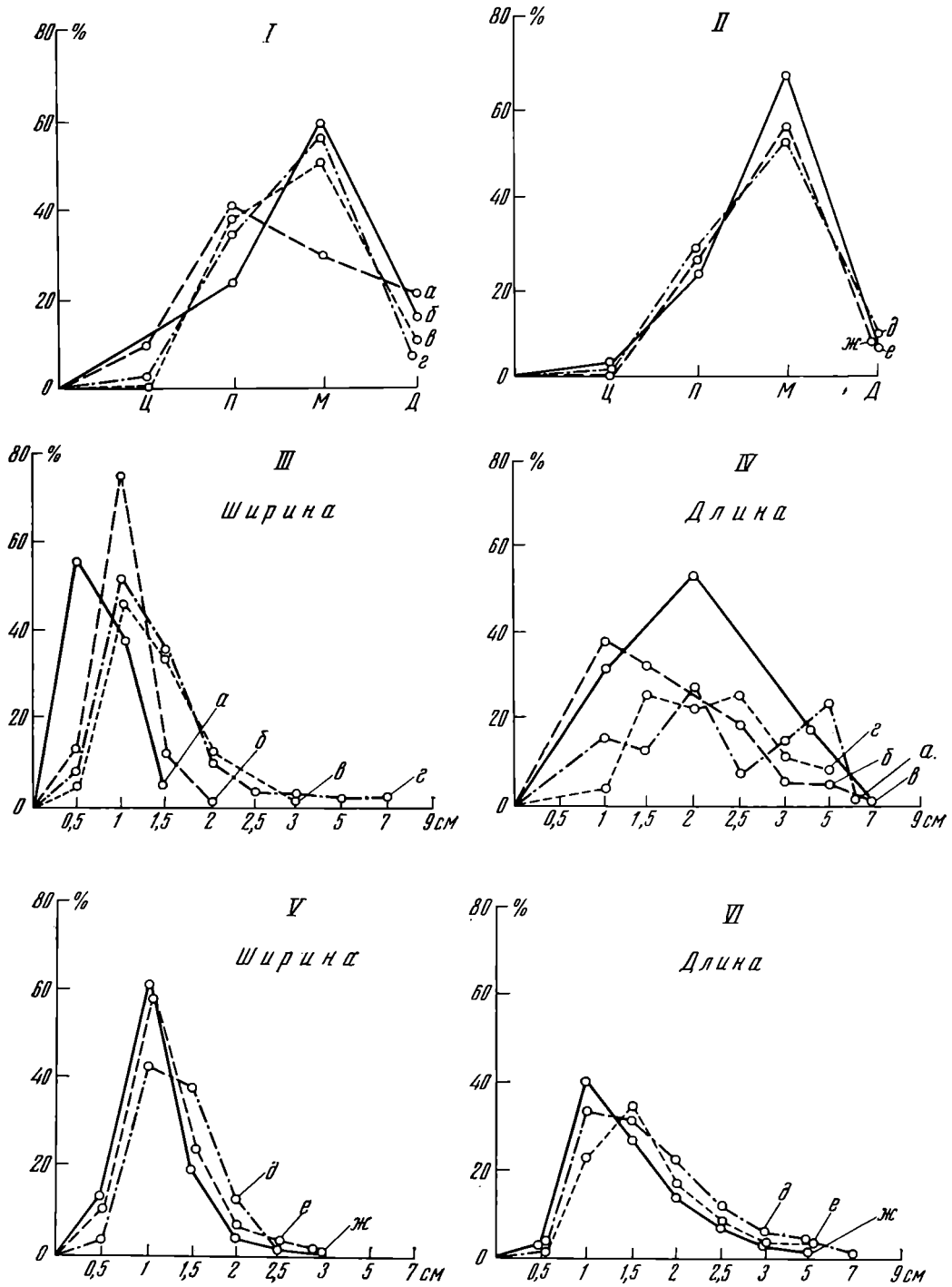


Рис. 4. Графики технических данных пластин

I, II — соотношение исходных форм заготовок в процентах по памятникам: *а* — Куропаткино I; *б* — Убаган III; *в* — Виноградовка XII; *г* — Явленка II; *д* — Тельмана VII; *е* — Тельмана VIIIа; *ж* — Тельмана IXа; *Ц* — целые; *П* — проксимальные части; *М* — медиальные; *Д* — дистальные

III—VI — соотношение ширины и длины (в см): *а* — Убаган III; *б* — Виноградовка XII; *в* — Явленка II; *г* — Куропаткино I; *д* — Тельмана VIIIа; *е* — Тельмана VII; *ж* — Тельмана IXа

Всего в коллекции более 50 экз. кремневых изделий. Это — два нуклеуса, более 40 микропластин, отщепы и чешуйки (рис. 3, *1—16*). На нуклевидном сколе длиной 3,4 см сделан боковой резец с двойным рабочим лезвием.

Среди заготовок и орудий преобладают медиальные сегменты (рис. 4, I*б*). На них выполнено 40% орудий. Проксимальные и дистальные сегменты использовались реже (до 10%). Устойчивы и размеры пластин. Ширина не превышает 1 см, а преобладают экземпляры до 0,5 см (58%) (рис. 4, III*а*). Длина пластин менее стандартизована и варьирует в пределах 1—5 см. Однако наибольший процент (40) составляют заготовки и орудия до 2 см (рис. 4, IV*а*).

Набор пластин с вторичной обработкой невелик.

Пластины с ретушью (10). Ретушь очень мелкая, краевая, нерегулярная, приостряющая. Нанесена по одному, реже двум краям, преимущественно с брюшка (рис. 3, *9—12*). В одном случае ретушь противолежащая. Скобели (2). Выемки шириной 0,3—0,5 см нанесены по одному краю с брюшка и спинки (рис. 3, *11*, *14*).

На двух микропластинах нанесены угловые микросколы, подправленные мелкой краевой ретушью. Длина резцовых сколов 0,2—0,3 см. Орудия, вероятно, использовались в качестве резцов (рис. 3, *1*, *2*.)

Пластины с обработанным концом (6). Вторичная обработка ретушью придает различную форму концу: вогнутую (рис. 3, *16*), скошенную на 30—40° (рис. 3, *13*). В четырех случаях крутой ретушью слегка скошен один из углов пластин (рис. 3, *7*, *12*, *15*).

В коллекции имеется несколько мелких отщепов (до 1 см) без обработки и обломок костяного орудия типа острия. Поверхность хорошо залощена.

Несмотря на малочисленность изделий в коллекции, кремневый комплекс представляет большой интерес. Пластины четко выдержанных форм и являются в основном вкладышами для составных орудий. Компактное залегание двумя скоплениями под плотным слоем стерильной прослойки позволяет считать этот набор одновременным.

Ряд интересных изделий мезолитического облика, типологически близких вышеописанной коллекции, собран на поверхности в разрушенной части памятника: конические нуклеусы из горного хрусталя и темно-зеленого кремня, пластины с притупленным краем, развертка, угловой дублированный резец и скребки на отщепах (рис. 3, *17—23*).

Коллекция орудий, близкая описанному выше материалу Убагана III, собрана на стоянке Камышное I, расположенной в 50 *км* севернее. Стоянка находится в центральной, наиболее возвышенной (до 4 м) части песчаной гривы (останца), протянувшейся на 450 м вдоль старицы р. Черной в долине р. Тобол, и сильно разрушена песчаным карьером. Как показали исследования в различных местах дюны (раскопками вскрыто 1200 м²), памятник многослойный, с четкой планиграфией и стратиграфией.

Мезолитическая стоянка исследовалась раскопом I (336 м²), который включал наряду с непотревоженными участками часть карьера с сохранившимися линзами культурного слоя. Стратиграфия следующая: верхний слабо задернованный слой светло-серого песка эолового происхождения мощностью 10—40 см находок не содержит; нижний слой темно-серой супеси толщиной 10—28 см включает керамику эпохи бронзы и кости животных. Немногочисленные мезолитические орудия (нуклеус, скребок, пластины) обнаружены непосредственно на границе темно-серой супеси и подстилающего стерильного светлого песка, которая соответствует древней поверхности дюны. Слой темно-серой супеси связан с алакульским поселением, перекрывающим частично мезолитическую стоянку.

Основная часть кремневых изделий собрана в разрушенной карьером части памятника. Коллекция насчитывает 120 предметов: 4 нуклеуса конической и клиновидной формы, 70 пластинок и 46 отщепов. Исходным сырьем служил кремень различных сортов и оттенков — от молочного до черного.

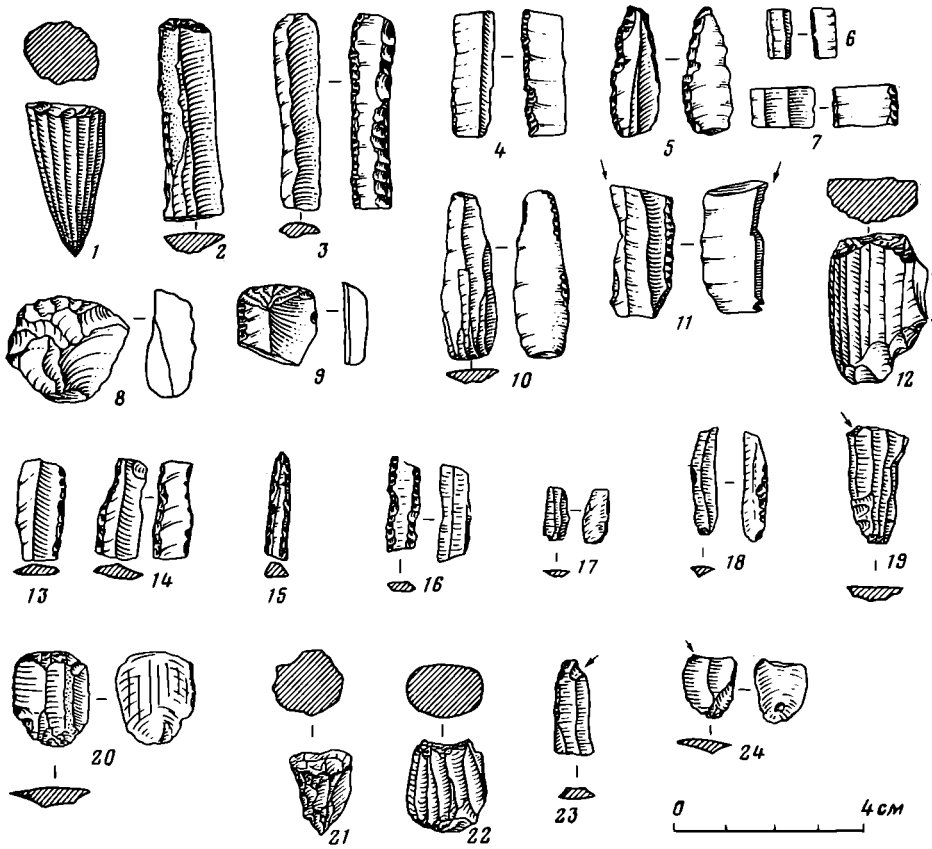


Рис. 5. Изделия из кремня. Подъемные сборы с памятников: *1—15* — Верхняя Алабуга; *16—24* — Камышное I

Типологическую основу коллекции составляют пластины и изделия из них (53% от числа пластин).

Угловые резцы (20) выполнены на коротких и удлиненных медиальных частях, длина их варьирует в пределах 1,3—2,2 *см*, ширина — от 0,4 до 1,3 *см*. Резцовые сколы занимают от $^1/_3$ до $^2/_3$ длины заготовки. Боковые края подработаны иногда крутой, почти перпендикулярной ретушью (рис. 5, *19*, *23*, *24*).

Скребки концевые (4). Три выполнены на коротких проксимальных, один — на медиальном сегменте. Рабочие лезвия орудий округлые, оформлены крутой дивергентной ретушью (рис. 5, *20*). Пластины с ретушью (9). Ретушь крутая, краевая, оформляет одну или обе грани с брюшка или спинки (рис. 5, *16—18*).

Изделия на отщепах представлены двумя округлыми скребками с высоким крутым лезвием (рис. 5, *20*).

Материал других стоянок Притоболья, изученных сборами (Убаган I, V, VII, VIII, Звериноголовская VI, Верхняя Алабуга), характеризуется ярко выраженной микролитической вкладышевой индустрией. Основным сырьем служила зеленая, сургучная яшма, светло-коричневые яшмокварциты (рис. 3, *24—34*; *1—15*).

Виноградовский микрорайон охватывает среднее и нижнее течение р. Чаглинки и ее стариц в Кокчетавской области. Здесь открыто около 100 голоценовых объектов каменного века. Но раскопками пока охвачены единицы [15].

Стоянка Виноградовка XII расположена на правом берегу старицы Чаглинки Балга-Карасу, между селами Виноградовка и Берлик Красноармейского р-на. Раскопом вскрыто 44 м^2 культурного слоя, состоящего

Памятники	Нуклеусы								
			призматические						
	клиновидные	конусовидные	одноплощадочные	двуплощадочные	карандашевидные	обломки нуклеусов	сколы оживления	ребристые пластины	итого
Куропаткино I	3	5	2			2		11	23
Виноградовка II									
Тельмана IXа			1			11	3	27	42
Тельмана VIIIа		1	3	1		19	2	28	54
Тельмана VII		1	2			14	1	5	23
Виноградовка XII	8	1			1	6	9	11	37
Явленка II		1				7	8		16
Убаган III	1					1			2

Памятники	Отщепы													
	без обработки	струги	нуклевидные скребки	скобели	резцы	скребки	отщепы с ретушью	ножи	скребла	проколки	украшения	итого	всего	Общее количество
Куропаткино I	2 281	5	6	20	2	10						43	2 324	2 433
Виноградовка II	29				4	5	1					10	39	58
Тельмана IXа	3 845			10	1	26	17					54	3 899	5 023
Тельмана VIIIа	3 019					33	26	6				65	3 084	4 523
Тельмана VII	1 390				1	30	16					47	1 437	2 084
Виноградовка XII	583		1			6	5		2	3		17	600	943
Явленка II	956					7	14	1				22	978	1 329
Убаган III														54

из плотного гумусированного суглинка. Его мощность от поверхности не превышала 10 см. Всего получено 942 предмета (табл. 1).

Нуклеусы (10) в основном клиновидной (8) формы, монофронтальные, высотой от 2,4 до 5,3 см. Ударные площадки фасетированы, слегка вогнуты или скошены. О характере раскалывания свидетельствуют 6 обломков нуклеусов, нуклевидный скребок, 9 сколов оживлений и 11 ребристых пластин.

Пластины (306) отражают ярко выраженный вкладышевый характер (рис. 4, I*в*). На медиальных сегментах выполнено 49,34%, проксимальных — 38,56%. Не менее показательны размеры заготовок. Количество пластин с шириной до 0,5 см — 12,7%; от 0,6 до 1 см — 75,16%; а до 1,5 см — лишь 11,1% (рис. 4, III*б*). Длина также является определенным показателем микролитоидности заготовок: до 1 см — 36,9%; 1,5 см — 30,39%; 2 см — 18,95%, а до 5 см — лишь 0,65% (рис. 4, IV*б*). Пластин со вторичной обработкой лишь 49 экз., что составляет 16,01% всех пластин: скребки концевые с округлым рабочим лезвием (4); пластины с крутой краевой ретушью (26); пластины с обработанным концом (10). Концы ретушированы прямо, слегка вогнуто или выпукло; угловые резцы (4). Единичны среди пластинчатых изделий такие типы, как резчики, сверла, пластинки с глубокой концевой выемкой, со скошенным концом.

Отщепы (600). Из них с обработкой 17 экз. (2,83%) — два массивных скребка (рис. 6, *16, 17*), шесть скребков округлой формы с высокой спинкой, семь отщепов с ретушью и три проколки с выделенным ретушью рабочим концом.

Стоянка Виноградовка II. Памятник двуслойный, расположен на левом берегу старицы р. Чаглинки. Площадка с культурным слоем хорошо за-

Таблица 1

Пластины																						
без обработки	пластины с притупленным краем	пластины с ретушью	угловые резцы	резчики	скребки	пластины с обработанным концом	со скошенным концом	сверла	микрорезцы	срединные резцы	острия	боковые резцы	скобели	трапеции	проколки	развертки	с концевой выемкой	параллелограмм	итого	всего
82	1	3																	4	86
14	2	1	2																5	19
845	28	85	41	10	35	11	1	1	4	1	3	8	4	2				1	235	1 080
993	20	209	19	13	79	25	2	1	1		1	2	16		1	2			391	1 384
516	22	55	13	6		3		1	2	1	2					2	1		108	624
257		26	4	2	4	10	1	1									1		49	306
194		100	7	1	18	5									4				135	329
38		10				1	5					1	2						19	52

дернована. Всего вскрыто около 140 м². Стратиграфия следующая: гумус (0—7 см), ниже светло-серый легкосуглинистый слой (7—20 см), под ним черный тяжелосуглинистый пойменный горизонт (20—40 см), ниже серо-коричневый средний суглинок (40—55 см), далее гумусированный средний суглинок (55—70 см), под ним вновь серо-коричневый средний суглинок (70—80 см), ниже гумусированный суглинок (80—95 см), подстилает материковый тяжелый желтоватый суглинок. Мезолитические культурные остатки происходят из нижнего гумусированного суглинка (рис. 7, *1*). Они представлены немногочисленными (58 экз.), но выразительными изделиями. Сырьем служила кремнистая порода светло-коричневого цвета. Основные типы орудий: резцы на крупных отщепах (рис. 8, *1*, *9—12*, *14*, *15*), скребки (рис. 8, *13*), пластинки с притупленным краем (рис. 8, *5*, *6*) и без ретуши (рис. 8, *2—4*, *7*, *8*).

Стоянка Куропаткино I расположена на правом берегу р. Чаглинка в 40 км юго-западнее Виноградовских стоянок. Площадка памятника занимала пологий склон берега высотой 1—1,5 м от уровня современной поймы и приурочена к старому руслу. Значительная часть стоянки разрушена. Вдоль обрывистого берега заложен контрольный раскоп площадью 88 м². Никаких следов сооружений не обнаружено. Стратиграфия памятника: дерн — 0,1 м, черноземный слой — 0,1—0,2, серый осадочный, слегка гумусированный средний суглинок — 0,2—0,6 м, ниже — материк (рис. 7, II). Находки происходят из пограничного с материковым суглинком горизонта.

Основная масса находок (более 2 тыс. кремневых предметов) локализовалась на площадке 6 м². Часть их была смыта в обрыв и выбрана уже с глубины 115 см от нулевой отметки. Сырьем служил исключительно светло-коричневый кремень, значительно патинированный. Всего найдено 2433 предмета из кремня и несколько обломков костей животных (табл. 1). Индустрия характеризуется сочетанием техники пластины и отщепа.

Нуклеусы (10) конусовидной, клиновидной и призматической форм, большинство из них скорее заготовки нуклеусов, с которых сняты первичные ребристые и продольные сколы.

Пластины (86). С обработкой — лишь 4. Это одна пластинка с притупленным краем, три с краевой ретушью. По исходным формам заготовок пластины распределяются примерно одинаково. Целых — 9, проксимальных — 31, медиальных — 26, дистальных — 20 экз. (рис. 4, I*а*). Размеры пластин следующие: по ширине преобладают экземпляры до 1 см (51%), а по длине примерно равно распределяются от 1,5

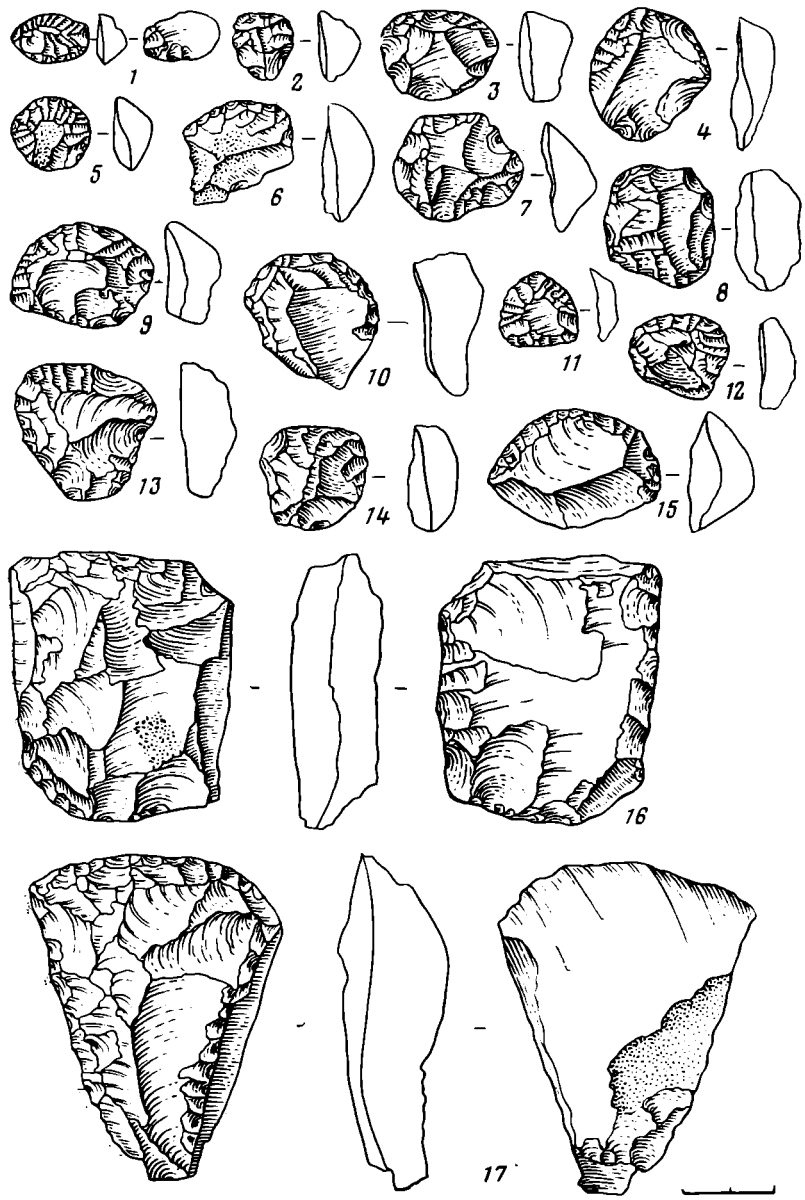


Рис. 6. Кремневые изделия стоянок *1—4, 14, 15* — Тельмана VIIIа; *5—10* — Тельмана VII; *11, 12* — Тельмана IX; *13* — Явленка II; *16, 17* — Виноградовка XII

(25,58%) до 2,5 *см* (25,58%). Экземпляров до 5 см только 9,3% (рис. 4, III*г*, IV*г*).

Отщепы (2324). Из них с обработкой лишь 1,85%, скобели (20). В восьми случаях заготовками служили массивные, до 9 см, отщепы. Широкие выемки (до 1,0 см) обрабатывались со спинки крутой ретушью. Остальные выполнены на мелких (4) и средних (8) отщепах.

Скребки (10) выполнены на высоких отщепах. Ретушь, оформляющая концы пластинчатых отщепов, крутая, дивергентная.

Своеобразны так называемые скребки-нуклеусы (6) с перпендикулярно оформленным рабочим лезвием.

Струги (5) изготовлены на массивных заготовках длиной до 9 см. Рабочим лезвием служил один из выступающих углов заготовки, подработанный мелкой оббивкой или резцовым сколом (рис. 8, *16*).

Резцы (2) сделаны на отщепах от 3 до 5 см. Оба срединного типа с четко выраженным рабочим концом.

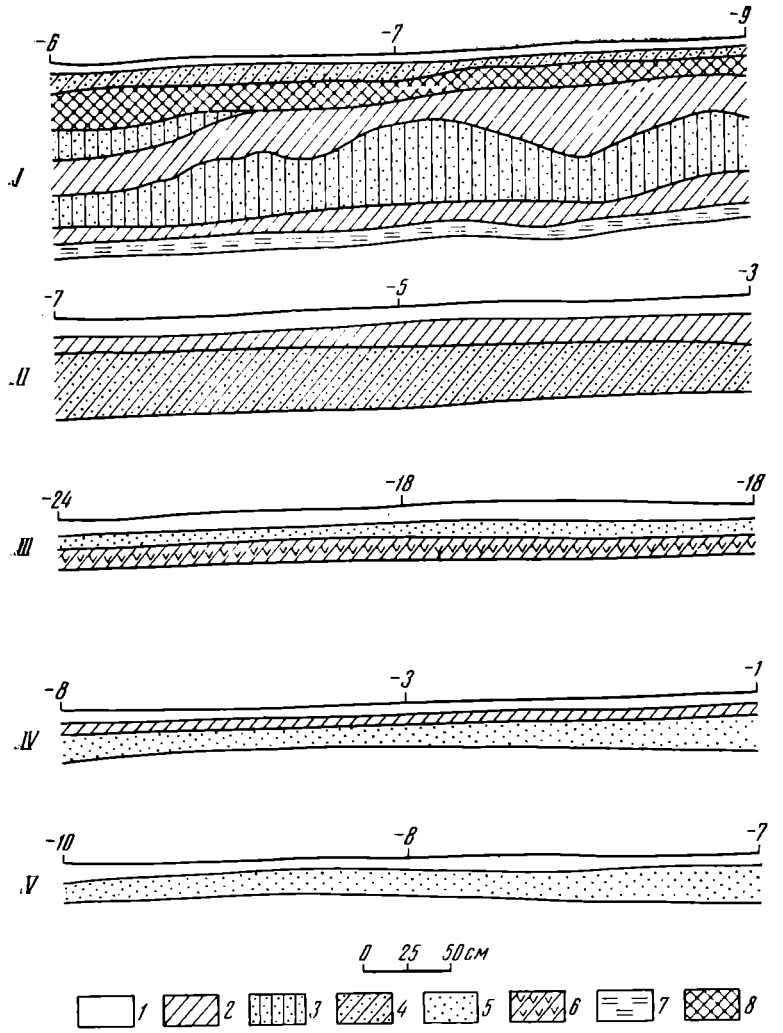


Рис. 7. Стратиграфия памятников Виноградовского и Тельманского микрорайонов: I — Виноградовка II; II — Куропаткино I; III — Тельмана VII; IV — Тельмана VIII; V — Тельмана IX. *1* — гумус; *2* — гумусированный суглинок; *3* — серо-коричневый средний суглинок; *4* — сероватый легкий суглинок; *5* — супесь; *6* — погребенная почва (суглинок); *7* — тяжелый желтоватый суглинок; *8* — черный пойменный тяжелый суглинок

Отщепы без обработки составляют 93,75% от всей коллекции. Обмеры показали, что 77,31% — это мелкие (1,1—3 см), 14,41% — средние (3,1—5 см). Остальные чешуйки (2,24%) крупные (4,01%) и очень крупные (0,43%).

Тельманский микрорайон занимает район Атбасарского Приишимья Целиноградской обл. в пределах широтного отрезка р. Ишима. В литературе уже есть краткие сведения о характере памятников, сосредоточенных компактными группами в бассейне Ишима [8, с. 511].

Стоянка Тельмана VII. Памятник расположен на первой надпойменной террасе левого берега Ишима, склоны которого высотой 2,5 м полого спускаются к пойме.

Культурные остатки каменного века (площадь раскопа 496 м^2) связываются с подошвой легкого суглинка толщиной 15—20 см на глубине 40—60 см от поверхности (рис. 7, III). При зачистке на уровне материкового суглинка выявлены очертания 30 столбовых ямок диаметром 15—75, глубиной 10—20 см, являющихся остатками наземных построек.

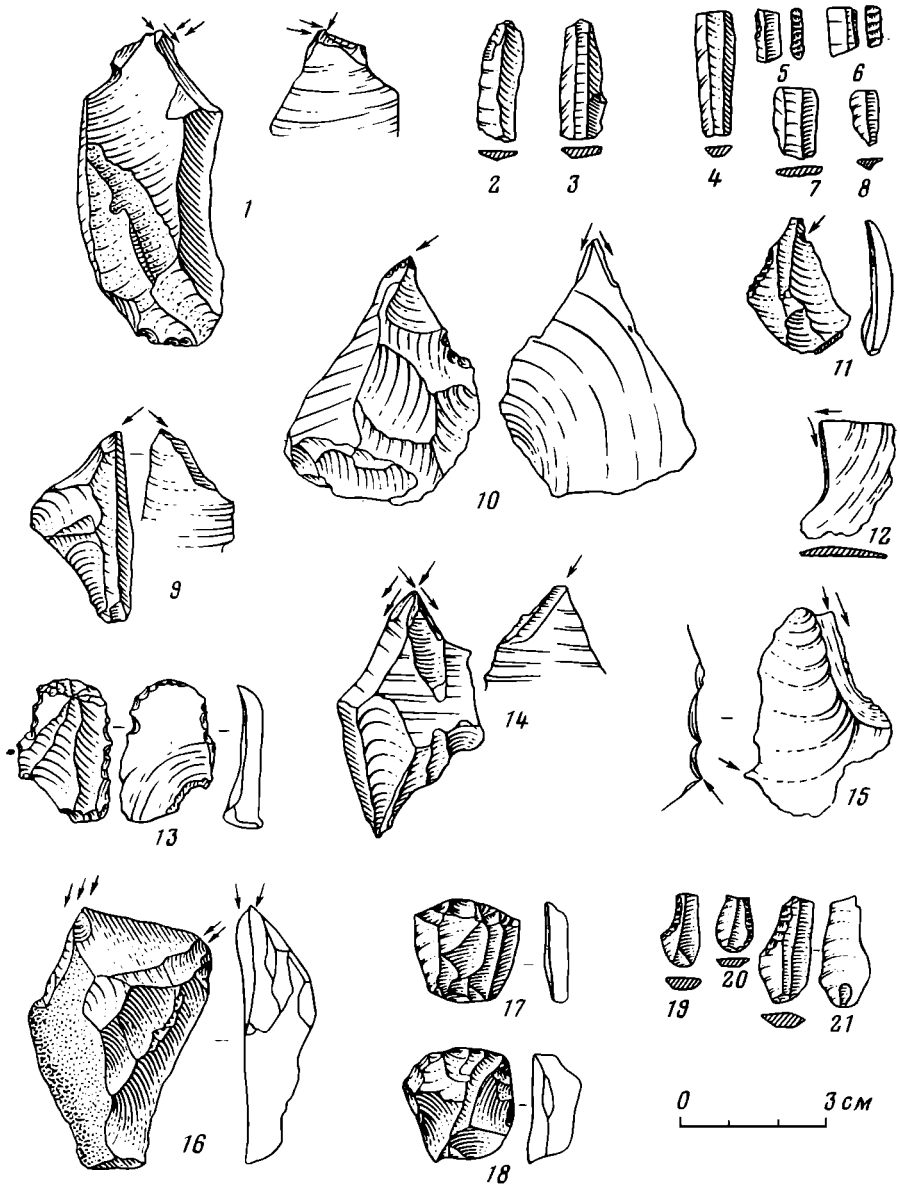


Рис. 8. *1—15* — стоянка Виноградовка II (ранний слой): *1, 9, 10, 12, 14, 15* — резцы; *13* — скребок; *11* — отщеп с ретушью; *2—4, 7, 8* — пластины без ретуши; *5, 6* — пластины с притупленной спинкой: *16* — стоянка Куропаткино I, струга; *17—20* — Тельмана VII: *17, 18* — скребки; *19, 20* — микрорезцы; *21* — Тельмана VIIIа, микрорезец

В результате исследования памятника получено 2084 предмета из яшмы, кремня и кварцита (табл. 1).

Нуклеусы (4) призматической и конусовидной формы, высотой 3—5 см. В процессе снятия пластин ударные площадки фасетировались (рис. 9, *54, 55*). Большое место в коллекции занимают пластины (636), из них 120 экз. имеют вторичную обработку и небольшие размеры (рис. 9, *1—23*). Целые пластины отсутствуют. Наибольшее количество пластин представлено срединными сечениями, большинство которых без вторичной обработки, но следы сработанности говорят об их использовании (рис. 4, II*д*). Первые подработаны со спинки притупляющей или приостряющей ретушью (реже с обоих краев или с брюшка). Кроме притупляющей ретуши по одному из краев некоторые пластинки имеют обработанный ретушью конец, чаще всего прямо (рис. 9, *8, 9, 15*).

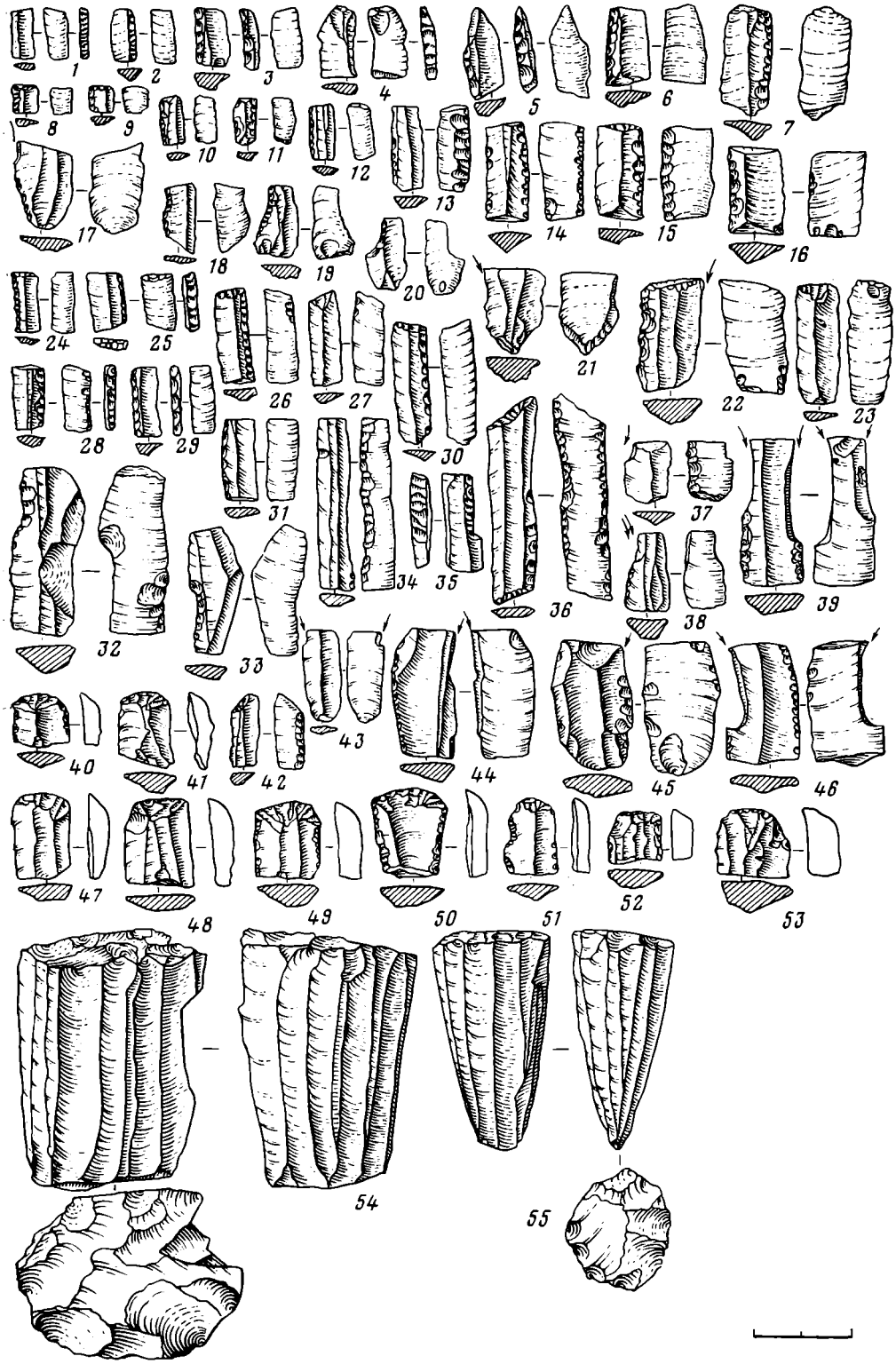


Рис. 9. Кремневые изделия стоянок
1—23, 54, 55 — Тельмана VII; *24—34, 42—53* — Тельмана VIIIа; *35—41* — Тельмана IXа

Угловые резцы (13) оформлены небольшим резцовым сколом (рис. 9, *17*, *21*, *22*). В этой же серии имеются единичные экземпляры срединного, а также дублированного типа. Особый интерес представляет резец с концевой выемкой. Единичны в коллекции сверла, проколки, скребки, микрорезцы (рис. 8, *19*, *20*).

Основную массу материалов стоянки составляют отщепы (1435). Из них лишь 35 имеют вторичную обработку — это скребки в основном округлой формы с высоким рабочим лезвием (рис. 8, *17*, *18*; 6, *5—10*).

Стоянка Тельмана VIII. Памятник двуслойный (мезолит — VIIIа, неолит — VIIIб). Планиграфически установлено, что неолитические находки локализовались в нижней части террасы и количественно резко уступают основной мезолитической коллекции. Раскопом площадью 1600 м^2 стоянка исследована полностью. При зачистке на глубине 30—40 см зафиксированы столбовые ямки и две ямы культового назначения. Размеры первой — 4×2,5×1,4 м. Вторая округлой формы, размером 1,2×0,75×0,8 м. Заполнение ям состоит из светлого золистого песка и глины. Дно ям заполнено жирной углистой прослойкой, насыщенной кальцием [2], по краю которой идет бортик прокала шириной до 2 см. Никаких материальных остатков в пределах ямы, кроме нескольких кальцинированных косточек, не обнаружено.

В мезолитической коллекции насчитывается 4522 кремневых предмета. В качестве сырья использовалась яшма, кремень, кварцит. Преобладают серый, коричневый, желтый цвет. Половину кремневого инвентаря составляют чешуйки, отщепы размерами от 1 до 3 см. (табл. 1).

Нуклеусы (5) призматической и конусовидной формы, 3—5 см. Остальные в обломках (19). Все нуклеусы одноплощадочные, ударные площадки горизонтальные, тщательно подправленные. Основа коллекции — пластины (1384). Преобладающая длина 1,1—1,5 *см*, ширина 0,6—1 см (рис. 4, V*д*, VI*д*). Они в основном правильной призматической формы. Целых пластин очень мало, большинство — сечения — верхние и нижние части пластин (рис. 4, II*е*). Из общего количества пластин — со вторичной обработкой 391 экз.

Концевые скребки (79) изготовлены из сечений и обломков пластин, форма лезвий прямая и округлая (рис. 9, *47—53*).

Скобели (16) выполнены на пластинках призматической формы с вогнутым или прямым рабочим краем, оформленным крутой притупляющей ретушью, нанесенной со спинки.

Резцы угловые (19). Лезвия образованы одним или несколькими резцовыми сколами, имеется два дублированных орудия. В качестве заготовок использовали в основном медиальные сегменты (рис. 9, *43—46*).

Резцы боковые (2). Оба сделаны на медиальных частях пластин длиной до 3,5 см. Рабочее лезвие оформлено угловым резцовым сколом и ретушированной выемкой на конце.

Пластины с ретушью (209). Целых экземпляров нет. Основу составляют медиальные сегменты. Ретушь, как правило, краевая, крутая, наносилась со спинки, реже с брюшка (рис. 9, *28*, *29*, *31*, *34*).

Пластины с обработанным концом (25). Вторичная обработка крутой ретушью придает концу слегка округлую, прямую или вогнутую форму. Иногда ретушью скошен лишь угол заготовки (рис. 9, *24—26*, *30*).

Пластины с притупленным краем (20). Их отличительная черта — перпендикулярно ретушированный продольный край заготовки, чаще всего со спинки (рис. 9, *28*, *29*).

Единичны в коллекции пластины со скошенным концом (2), микрорезцы (1) (рис. 8, *21*), сверла (1), проколки (3), развертки (1).

Небольшое количество предметов представляют орудия на отщепах (65). Выполнены они на сколах различных форм. Это скребки с круго-

[2] Определение сделано в ЛОИА АН СССР.

вым или округлым лезвием, оформленными под крутым углом (рис. 6, *1—4*, *14*, *15*), отщепы с ретушью (26) и ножи (6). Последние выделены типологически на основании пологоретушированных лезвий орудий.

Стоянка Тельмана IX. Памятник двуслойный — мезолит (IXа) и поздний неолит (IXб), что четко прослежено планиграфически в пределах раскопа (210 м^2), которым объект исследован полностью. В северной части раскопа концентрировался материал мезолитической стоянки, в южной — поздненеолитической кратковременной мастерской.

При зачистке северной части раскопа на глубине 35 см на уровне материкового суглинка выявлены остатки наземных конструкций в виде столбовых и хозяйственных ямок (рис. 7, V). В культурном слое, в том числе и в заполнении ряда ямок, залегали изделия из кремня, яшмы, мелкозернистого кварцита.

Мезолитическая коллекция насчитывает 5023 экз.

Нуклеусы представлены в обломках (12). Отдельные экземпляры позволяют реконструировать форму и размеры ядрищ. Они конусовидной, карандашевидной и подпризматической формы. Особо выделяется один массивный обломок нуклеуса уплощенной формы.

Пластин (1080) в коллекции 21,5%. В качестве заготовок для изготовления орудий служили рассеченные на части заготовки (рис. 4, II*ж*). Ширина их преимущественно до 1 см, длина до 1—1,5 см (рис. 4, V*ж*, VI*ж*). Единично встречаются изделия длиной до 5 см. Со вторичной обработкой 235 пластин, что составляет 21,76% от числа пластин.

Пластинки с ретушью (84). Ретушь краевая, крутая, регулярная и нерегулярная, нанесена в основном со спинки.

Скребки на пластинах (35). В качестве заготовки использовались части пластин шириной от 1 до 2,5 см, длиной до 3 см. Рабочие части у них преимущественно округлые (рис. 9, *40*, *41*). Несколько экземпляров имеют фигурные и асимметричные лезвия.

Резцы (50). По характеру оформления рабочего края выделяются угловые (41) и боковые (8), срединные (1). Первые изготовлены преимущественно на медиальных частях пластин (78,04%). Основная масса резцов однолезвийные, имеющие дополнительную обработку ретушью боковых краев или без нее (рис. 9, *37*, *38*). Вторые выполнены также на медиальных частях. Шесть из них с одним рабочим концом, два — с двумя (рис. 9, *39*). Рабочие концы их оформлены резцовым сколом на углу пластины и поперечной обработкой конца заготовки в виде ретушированной выемки, скоса или прямого ретушированного конца.

Резчики (10). Типологически это различные части пластин, у которых ретушью обработан один угол заготовки, конец пластины не обработан. Ретушь крутая, занимает чаще всего $^1/_3$ длины орудия (рис. 9, *35*). Этой категории близки микрорезцы (4). В качестве заготовки использовались проксимальные части небольших (шириной до 1 см) пластин. Торец у них слегка скошен, а один из углов со спинки ретуширован.

Пластины с притупленным краем (28). В качестве заготовки использовались в основном медиальные части шириной до 5—7 мм. Один из краев обработан перпендикулярной ретушью, часто встречной, с брюшка и со спинки.

Пластины с обработанным концом (12). Концы заготовок, как правило, ретушированы прямо или в виде легкой выемки, реже имеют округлую форму.

Трапеция в коллекции одна. Она правильной симметричной формы, боковые грани обработаны крутой ретушью.

Единичны в коллекции пластинки со скошенным концом, сверла, острия, параллелограммы (рис. 9, *36*).

Отщепы (3899). В основном это чешуйки до 1 см и мелкие экземпляры, что позволяет отнести их к категории отходов. Орудий на отщепах немного: 26 скребков, 10 скобелей, 1 резец и 17 отщепов с ретушью.

Стоянка Тельмана XIV. Памятник многослойный. Стратиграфически, планиграфически, типологически вычленяется три хронологических комплекса — мезолит (XIVа), ранний неолит (XIV), энеолит — ранняя бронза (XIVб). Расположен объект в 60 м юго-восточнее стоянки Тельмана IXа. Высота террасы около 3 м.

В ходе раскопок выявлено, что стратиграфия западной (территория А, линии 1—8) и восточной (территория Б, линии 9—14) части раскопов различна. Напластования в западной части следующие: верхний гумусный слой 3—5 см, местами потревожен ветровой эрозией, ниже — серая супесь мощностью 15—20 см и подстилающий суглинок с карбонатными включениями.

В восточной части: гумус — 5—7 см, ниже жирный черноземный слой мощностью 25—30 см, затем темно-серая илистая почва с карбонатными вкраплениями мощностью 25—60 см и материковый суглинок. Таким образом, общая мощность культурного слоя здесь достигает 1 м.

На территории А зафиксировано 27 ямок от столбов. Они округлые по контуру диаметром до 20—25 см, глубиной 15—20 см. Наземная постройка в древности была, видимо, подпрямоугольной формы площадью около 70 м². Говорить более определенно о ее конструкции невозможно.

На участке И-3/6 обнаружена круглая в плане яма диаметром 180 см. На глубине 55 см она сужается до 150 см. На уровне 105 см на дне по всей площади ямы зафиксирован слой угля мощностью 5—7 см. Его оконтуривает кольцо прокала шириной 1,5—3 см. В разрезе ямы четко вырисовывается ее стратиграфия. Дно с углистым заполнением перекрывает суглинок с незначительным включением угольков и прослойка темной гумированной супеси 5 см. Последнюю перекрывает суглинок мощностью 10 см. Выше до поверхности яма заполнена смешанной почвой — чернозем, суглинок, супесь.

Описанная стратиграфия позволяет реконструировать первоначальную конструкцию ямы и этапное ее заполнение: на дне ямы совершенно правильной круглой формы был разведен мощный костер. Поставленные конусом жерди, как это можно судить по конфигурации прокала в разрезе, были установлены по периметру дна ямы. Прослойка чернозема (5—7 см), перекрывающая суглинок,— результат естественного почвообразования на протяжении определенного отрезка времени. Прослойка лёссового суглинка образовалась, вероятно, в результате затопления террасы во влажные периоды. Овальная конфигурация профиля ямы на уровне заплечиков свидетельствует о постепенном заплывании ямы на протяжении значительного отрезка времени. Наконец, перекрывает яму современный почвенный слой мощностью 10—20 см. Данная яма совершенно идентична описанной яме 1 со стоянки Тельмана VIII.

На территории Б (восточная часть раскопа) зафиксированы канавки глубиной до 70 см от поверхности. Они неопределенной конфигурации, но, соединяясь между собой, образуют своеобразные островки. Наблюдается направление стока как по северному, так и по восточному склону мыска. В канавках встречено небольшое количество кремневого инвентаря. На участке Д/13, на глубине 30 см, найдена овальная ямка длиной 75, глубиной 20 см с золистым заполнением. Зола шла сразу под гумусом. Возможно, она связана с периодом образования или сооружения (?) канавок.

Таким образом, легенда образования культурного слоя памятника, связанного с геоморфологическим изменением террасы, нам представляется следующей. Первоначально на небольшом мысу в верхней части террасы оставлены культурные остатки и сооружена яма. Судя по радиоуглеродной дате (10540±200 лет), это время — начало голоцена (мезолит). Затем была освоена нижняя часть террасы и, видимо, сооружены легкие наземные постройки.

Таблица 2

№ п. п	Находки	Куропатки-но	Виноградовка II	Тельмана IXа	Тельмана VIIIа	Тельмана VII	Виноградовка XII	Явленка II	Убаган III
1	Проколки на отщепах						X		
2	Скребла						X		
3	Пластины с концевой выемкой					X	X	X	
4	Развертки				X	X			
5	Ножи на отщепах				X			X	
6	Проколки				X			X	
7	Трапеции			X					
8	Скобели на пластинах			X	X				X
9	Боковые резцы			X	X				X
10	Острия			X		X			
11	Срединные резцы			X		X			
12	Микрорезцы			X	X	X			
13	Сверла			X	X	X	X		
14	Пластины со скошенным концом			X	X		X		X
15	Пластины с обработанным концом			X	X	X	X	X	X
16	Скребки на пластинах			X	X	X	X	X	
17	Резчики			X	X	X	X	X	X
18	Резцы угловые			X	X	X	X	X	X
19	Отщепы с ретушью		X	X	X	X	X	X	
20	Пластины с ретушью	X		X	X	X	X	X	X
21	Скребки на отщепах	X	X	X	X	X	X	X	
22	Резцы на отщепах	X	X	X		X	X		
23	Пластины с притупленным краем	X	X	X	X	X			
24	Скобели на отщепах	X		X					
25	Нуклевидные скребки	X							
26	Струги	X							

Функционирование неолитической стоянки было прекращено поднявшимся уровнем воды и затоплением жилой площадки. Впоследствии русло заболотилось и аккумулировалось, на его месте осталось лишь легкое понижение.

Основная масса находок (более 6 тыс. предметов) относится к неолиту. Изделия мезолитической эпохи собраны в основном на территории А и насчитывают несколько десятков: скребки на отщепах, микрорезцы, угловые, боковые резцы, пластинки с притупленной спинкой.

Рассмотрим соотношение инвентаря стоянок внутри выделяемых микрорайонов (табл. 2). Описанные материалы Притоболья (Убаганский микрорайон) неравнозначны по информационной значимости, поскольку лишь инвентарь стоянок Убаган III и Камышное I происходит из культурного слоя. Коллекции остальных стоянок, собранные с поверхности, хотя типологически и технологически близки раскопанным, служат лишь определенным фоном.

При сопоставлении материала обращает на себя внимание его сходство по ряду признаков. Прежде всего по сырью. Близость к Южному Уралу, с одной стороны, и Казахстану — с другой, отразилась на характере использованной породы — казахстанские яшмо-кварциты и уральская зеленая и сургучная яшма и кремень. Предпочтение древние мастера отдавали все же уральской яшме и кремню.

Аналогична во всех памятниках индустрия. Нуклеусы конической или подпризматической формы. Высота их не превышает 6 см. Исходными заготовками орудий служили прежде всего медиальные части пластин и реже средние (до 3 см) отщепы. Характер вторичной обработки практи-

чески на всех памятниках идентичен: крутая краевая ретушь, часто перпендикулярная, оформляет орудия с брюшка, реже спинки. Определенная близость наблюдается в типологии. В частности, везде встречаются вкладыши, пластинки с притупленной спинкой, резцы угловые.

Кроме элементов сходства наблюдаются и определенные отличия в наборе. Правда, сочетание типов, которые мы имеем, в достаточной степени случайное и не отражает объективной картины в силу указанных выше причин; тем не менее на них следует остановиться. Так, например, трапеция, параллелограмм, скошенные острия есть лишь на стоянке Убаган V. Зато здесь отсутствуют резцы, которые имеются в пунктах Верхняя Алабуга, Убаган III, Камышное I.

Таким образом, большое сходство в наборе наблюдается между стоянками Убаган III, VIII (ранний комплекс), Верхняя Алабуга, Камышное I, расположенными на протяжении 50 км, и, наоборот, меньшее сходство в наборе мы видим между коллекциями Убаган III и Убаган V, расположенными в непосредственной близости (в пределах 200 *м*). Эти различия, по нашему мнению, хронологические и позволяют выделить на рассматриваемой территории предварительно две группы стоянок: 1) Убаган III, VIII, Звериноголовская VI, Верхняя Алабуга, Камышное I; 2) Убаган I, V, VII.

Наиболее ранней нам представляется 1-я группа. Об этом свидетельствует в первую очередь стратиграфия стоянок Убаган III, Камышное I. Для инвентаря характерна более выраженная резцовая техника, и сами орудия гораздо микролитоиднее. Такие типы орудий, как пластинки с притупленным краем, боковые, угловые резцы, усиливают впечатление архаичности.

Инвентарь стоянок Убаган I, V, VII в целом близок 1-й группе, но некоторые типы изделий — симметричные трапеции, скошенные острия, параллелограммы, изготовленные на широких (до 1,2 *см*) пластинах,— ближе ранненеолитическим типам.

В Виноградовском микрорайоне стратиграфически и типологически четко выделяются два комплекса — ранний (Куропаткино I, Виноградовка II, нижний слой) и поздний (Виноградовка XII и, возможно, Виноградовка II, верхний слой).

В Тельманском микрорайоне все памятники региона по топографии, сырью, технологии практически идентичны (табл. 1). Некоторая наблюдаемая разница в наборе орудий вызвана объективными обстоятельствами, зависящими от исследуемого объекта,— функциональная специализация, степень сохранности памятника и пр. Эти наблюдения расширяют лишь диапазон наших представлений о многообразии в наборе одновременных комплексов.

При сопоставлении групп памятников между микрорайонами наблюдается определенное сходство и отличие.

Стоянки Куропаткино I и Виноградовка II (нижний слой) не находят аналогии в других микрорайонах и пока уникальны. Данные стратиграфии, а также облик инвентаря, отличающийся сильной палеолитической традицией, позволяют считать их наиболее ранним для всего рассматриваемого региона.

Стоянки Тельманского микрорайона близки памятникам 1-й группы Притобольного микрорайона, Виноградовке XII и Явленке II Явленского микрорайона [16, с. 93, рис. 3].

Остановимся на особенностях стратиграфии. Стоянки Виноградовка II и Куропаткино I приурочены к уровням первой надпойменной террасы. Как уже указывалось, находки в Куропаткино I связывались с подошвой гумусированного суглинка. В Виноградовке II характер стратиграфии отражает, по мнению почвоведа И. В. Иванова, две фазы формирования аллювия. I фаза (древняя) — горизонт от 95 до 120 см — характеризуется однородной серой тяжелосуглинистой почвой. Формированию данного

горизонта способствовал довольно стабильный водный режим разливов, обусловленный бореальным климатом. Почва и подстилающий горизонт (материк) насыщены карбонатами (финальный палеолит — ранний мезолит).

II фаза аллювия (верхний горизонт) отражает неустойчивый режим вод. Пойма часто заливалась, откладывались различные наносы от тяжелого до среднего и легкого суглинка. При этом предполагается различная скорость половодья и неежегодные разливы, поскольку процесс почвообразования охватил всю пачку II фазы (30—80 см). Верхний горизонт свидетельствует о значительной увлажненности, связанной с началом атлантического периода, ибо верхняя пачка почвы очень плодородная. Подстилает почву на глубине 80 см тяжелый суглинок глыбистой пылеватой структуры (стерильный слой), перекрывающий почву I фазы (конец мезолита— начало неолита).

Подобная стратиграфия прослежена в Тельманском микрорайоне на стоянке Тельмана XIV (многослойная) и поселении Тельмана X (однослойное). Последнее датируется ранним неолитом, и в этой связи чрезвычайно интересен факт обнаружения под культурным слоем памятника на глубине 80 см, практически в современной пойме, прослойки гумусированного, слегка глыбистой структуры суглинка. Никаких материальных остатков слой не содержит. Вся пачка отражает формирование двухфазного аллювия. I фаза (древняя) сформировалась на глинистом аллювии с маломощным гумусным горизонтом; климат, видимо, сухой; воды носили спокойный характер. II фаза (поздняя) сформировалась на супесчаном аллювии; почва зерпистая, слабосолонцеватая; отличается пестрым составом от песка до глины; свидетельствует о различной величине паводков, о неустойчивости водного и, вероятно, климатического режима.

Не менее интересна стратиграфия стоянки Убаган III, которая в целом аналогична стратиграфии виноградовских и тельмановских объектов. Своеобразие ее в том, что гумусированный суглинок на Убагане III подстилает и перекрывает песчаный аллювий. Эта характерная особенность стратиграфии отражает специфику почв данного района, на территории которого широко распространены сосновые боры [17, с. 286; 18].

Наши наблюдения и заключения специалистов-почвоведов вполне укладываются в разработанную палеоклиматическую шкалу для Евразии [19, с. 9; 20; 21]. Наступившее потепление в конце плейстоцена — начале голоцена вызвало определенную реакцию гидрографического режима как ледниковой, так и внеледниковой зоны. Потепление во внеледниковой зоне, в частности в Казахстане, вызвало резкую аридизацию климата [22, с. 17; 23, с. 244; 24, с. 96]. В это время перестают функционировать многие древние реки внутреннего стока или существенно изменяется их режим и направление. В долинах рек, связанных с океаном, формируется вторая и первая надпойменные террасы [25, с. 34—48; 26, с. 58—70]. Человек оставляет древние долины, мелкосопочник и широко осваивает долины, освободившиеся от «большой воды», но достаточно обводненные, благоприятные для обитания животного мира и человека. Новые условия жизни первобытных коллективов в значительной степени определили направление развития орудий труда — основной технологией становится пластинчатая вкладышевая индустрия.

В субарктический и бореальный период формируется I суглинистая фаза пойменного аллювия. Археологический инвентарь (Виноградовка II, нижний слой), заключенный в этот горизонт, носит мезолитический характер с палеолитической традицией (пластины с притупленной спинкой, высокие нуклевидные скребки, срединные резцы на массивных отщепах, скобели, скребла).

Стоянки Тельмана IXа, XIVа, VII, Виноградовка II (верхний слой), Убаган III и Камышное I относятся по времени к заключительной ста-

дии формирования I фазы аллювия и началу II фазы супесчаного аллювия [27, с. 90, 91].

Таким образом, на рассматриваемой территории можно наметить пока в самых общих чертах предварительную периодизацию мезолита. Пока вычленяются стратиграфически и типологически два хронологических пласта. Финальный палеолит — ранний мезолит и поздний мезолит.

Теперь обратимся к периодизации мезолита, созданной на сопредельных районах Южного Урала и Средней Азии.

На базе многочисленных памятников, среди которых имеются и многослойные, Г. Н. Матюшиным предложена периодизация и хронология Южного Предуралья и Зауралья [28, с. 156, 157, 162, 163, рис. 43]. В обоих регионах им выделено четыре этапа. Последовательность этапов Зауралья, непосредственно интересующего нас, в значительной степени отразила модели периодизации голоцена Ближнего Востока [28, с. 188, 189; 29, с. 164—238] и Прикаспия [30, с. 104—125; 31; 32], весьма отдаленных территориально от Урала, имеющих свою экологическую и культурную специфику.

Североказахстанские памятники финального палеолита — раннего мезолита, на наш взгляд, синхронизируются с ильмурзинским этапом Предуралья (приуроченность культурных слоев к суглинку, сходство в наборе инвентаря — скобели, резцы срединные на отщепах, нуклевидные скребки и пр.).

Стоянки позднего мезолита могут синхронизироваться (без учета ярко выраженных особенностей) с сюньским и романовским этапом Предуралья, а также янгельским и началом яхтыкульского этапов Зауральского мезолита (табл. 2).

При сравнении наших материалов с более отдаленным регионом — Средней Азией — также обнаруживается определенное сходство в типологии, особенно между инвентарем стоянок Куропаткино I, Виноградовка II (нижний слой) и 8—9-м слоями грота Дам-Дам-Чешме 2. Близки резцовые орудия на отщепах, нуклевидные скребки, пластины с ретушью, скребки на отщепах [30, с. 117, рис. 11, *11*, *12*, *16—19*]. Но в то же время в первых отсутствуют характерные для Прикаспия многовыемчатые скобели на пластинах, а во вторых — эти же орудия на отщепах.

При сравнении стоянок позднего мезолита типа Тельмана VII, Убаган III с верхними слоями Дам-Дам-Чешме 2 наблюдается значительное своеобразие в технологии и типологии, что свидетельствует о различных направлениях историко-культурного развития мезолитического населения двух регионов. В приишимских и притобольных памятниках индустрия гораздо микролитоиднее, совершенно отсутствуют треугольники, асимметричные низкие с боковой выемкой трапеции, многовыемчатые фигурные скобели на пластинах, которые и определяют своеобразие Прикаспийских позднемезолитических комплексов. В то же время можно отметить черты сходства, носящие скорее эпохальный характер,— это пластинчатость индустрий и характер вторичной обработки — крутая краевая ретушь, зачастую перпендикулярная.

Некоторые параллели своим материалам мы находим в нижних слоях пещеры Джебел (пластины с притупленной спинкой, скребки на отщепах) [32, с. 194] и стоянки Оюклы (боковые резцы, пластины с ретушью, скребки) [33, с. 76, рис. 6].

Традиционно сложным является вопрос абсолютной хронологии. В нашем распоряжении пока одна дата, полученная из угля, погребенного под слоем суглинка в яме № 1 стоянки Тельмана XIVa,— 10540± ±200 лет Н[3]. Эта дата отражает, вероятно, начальный этап позднего мезолита. Не исключено, что при будущих исследованиях памятники, объединенные нами в рамках позднего мезолита, будут расчленены.

[3] Анализ произведен в лаборатории ЛОИА АН СССР.

Таким образом, на территории лесостепного и степного Зауралья и Казахстана на рубеже раннего голоцена обитало население, выработавшее довольно однородную технологию изготовления кремневых орудий. На ранних этапах она близка индустриям от Урала до Прикаспия, на поздних ограничивается в основном Тоболо-Иртышским междуречьем. Так, в Прикаспии и Южном Зауралье (территория янгельской культуры) характерны геометрические формы — низкие асимметричные трапеции, реже треугольники и сегменты, хотя следует отметить их ничтожный процент по сравнению с другими типами инвентаря [28, табл. VI]. В Северном Казахстане, а также в Среднем Зауралье и Западной Сибири геометрические асимметричные трапеции и сегменты отсутствуют; единично встречаются они лишь в Притоболье [34, с. 273]. В качестве вкладышей применялись пластинки с притупленной спинкой, реже параллелограммы, пластины с торцевой обработкой и др. Единичны низкие симметричные или слегка асимметричные трапеции в некоторых памятниках Тельманского микрорайона и Притоболья (Тельмана IXа, XIVа, Убаган V, II). Для памятников рассматриваемого района характерны высокие концевые и округлые скребки на отщепах, превалирующие над орудиями этих типов из пластин.

Своеобразие североказахстанским памятникам позднего мезолита придают боковые резцы, которые не известны в янгельской культуре, но имеются в Среднем Зауралье (Выйка II, Исток I и др.) [10, с. 177]. Интересно, что в Прииртышье на стоянке Черноозерье II, датируемой финальным палеолитом — ранним мезолитом, обнаружены подобные типы [35, с. 13—17]. Более отдаленные аналогии уводят нас в Среднее Поволжье, где боковые резцы также характерны для мезолита и неолита [36, рис. 2, *3*].

Отличия намечаются и по характеру применяемого сырья. Так, коллекции уральских стоянок состоят исключительно из уральской зеленой и сургучной яшмы и кремня. Сырье в казахстанских и притобольских памятниках отличается многообразием (кремень, кварцит, яшмо-кварцит), особенно выраженным в Притоболье.

Исходя из отмеченного своеобразия комплексов на Южном Урале, в Казахстане и Западной Сибири намечается ряд локальных вариантов или культур мезолитического времени на фоне единой микролитической зоны. Думается, понятие «культурной микролитической» зоны, выдвинутое А. А. Формозовым для неолита Евразии [37, с. 47—59] может быть применено и для мезолитической эпохи, ибо характер индустрии неолита непосредственно связан с предшествующей эпохой. Намечающиеся локальные варианты так или иначе связаны с естественными водными магистралями или водоемами: на Южном Урале — это район озер (янгельская культура), а в лесостепном Зауралье — бассейн Тобола, в Западной Сибири — Иртыша, Северном Казахстане — Ишима — Чаглинки и т. д., которые безусловно облегчали связи мезолитического населения. По-видимому, именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что стоянки Притоболья имеют сходство как с казахстанскими и южноуральскими, так и со среднеуральскими памятниками.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Результаты пыльцевого анализа отложений в районе стоянки Виноградовка II (раскоп I, уч. В-7) Красноармейского района Кокчетавской области

Спорово-пыльцевой анализ отложений, вскрытых в раскопе I, уч. В-7, позволяет сделать следующие выводы.

В слое желтоватых суглинков, подстилающих мезолитический культурный слой (гл. 1,20 *м*), на фоне преобладания травянистой пыльцы выявлено сравнительно высокое содержание (до 25%) пыльцы древесной растительности, представленной елью (5%), сосной (17%), березой (2%) и ольхой (1%). Особенно показательно присут-

ствие пыльцы влаголюбивой ели, нигде выше по разрезу не отмеченной. Среди пыльцы травянистой растительности преобладает пыльца семейства сложноцветных (65%), в том числе пыльца маревых, в незначительном количестве присутствуют споры папоротников (2%).

В целом для данного этапа, относящегося, вероятно, к началу голоцена, могут быть реконструированы лесостепные условия и наибольшая облесенность исследованного района за весь голоцен. Присутствие ели в составе лесных формаций соответствующего времени указывает на ослабление континентальности климата района и на увеличение увлажненности по сравнению с настоящим временем.

Пыльцевые спектры, выделенные из мезолитического культурного слоя (гл. 0,95 *м*), обнаруживают преобладание травянистой пыльцы (70%), среди которой доминирует пыльца полыней (46%). Возрастает содержание пыльцы злаков (10%) и маревых (7%). Среди пыльцы древесной растительности отмечается только пыльца сосны (27%) и березы (3%), тогда как пыльца ели полностью исчезает. Данный пыльцевой спектр позволяет реконструировать ландшафты более ксерофитного типа, чем в предшествующий этап и в настоящее время. Полученные данные свидетельствуют о том, что в окрестностях мезолитической стоянки существовали полынно-злаковые степи, северная граница которых теперь проходит примерно в 150 *км* к югу от исследуемого пункта. Древесная растительность, вероятно, полностью исчезла в это время, так как пыльца сосны имеет, вероятно, заносное происхождение.

В целом снизу вверх по разрезу отмечается увеличение содержания пыльцы древесных пород — сосны и березы, что указыват на увеличение облесенности района по мере приближения к нашему времени. Так, в образце глубины 0,5 *м* количество пыльцы древесных пород, представленных сосной и березой (63%), значительно превышает содержание пыльцы трав и кустарников (27%). Это указывает на появление в исследуемом районе сосняков и березовых колков.

Н. А. Хотинский

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бадер О. Н.* Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита. МИА, 1966, № 126.
2. *Матюшин Г. Н.* Мезолит и неолит Башкирии. Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1964.
3. *Потемкина Т. М.* Работы Тоболо-Иртышского отряда.— АО — 1977. М., 1978.
4. *Потемкина Т. М.* Работы Тобольского отряда.— АО — 1978. М., 1979.
5. *Потемкина Т. М.* Отчет Курганского пединститута об археологических исследованиях на территории Курганской области в 1972 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4698.
6. *Куминов Н. Н.* Работы в Курганской области.— АО — 1975. М., 1976.
7. *Потемкина Т. М.* Отчет Курганского пединститута об археологических исследодованиях на территории Курганской области в 1973 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4999.
8. *Зайберт В. Ф.* Раскопки у с. Тельмана Целиноградской области.— АО — 1976. М., 1977.
9. *Зайберт В. Ф., Плешаков А. А., Заитов В. И., Кисленко А. М., Даниленко Т. А.* Разведочные работы в Северном Казахстане.— АО — 1976. М., 1977.
10. *Сериков Ю. Б.* Исследование памятников в Среднем Зауралье.— АО — 1976. М., 1977.
11. *Сериков Ю. Б.* Исследования мезолита в лесном Зауралье.— АО — 1975. М., 1976.
12. *Сериков Ю. Б., Арефьев В. А.* Разведка в лесном Зауралье.— АО — 1974. М., 1975.
13. *Стоянов В. Е., Крижевская Л. Я., Старков В. Ф., Сериков Ю. Б.* Мезолитическая стоянка Сухрино на Исети.— В кн.: Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1977.
14. *Петрин В. Т., Смирнов Н. Г.* Палеолитический памятник в Шикаевке на правобережье Тобола.— ВАУ, 1975, № 13.
15. *Зайберт В. Ф., Татаринцева Н. С., Заитов В. И.* Исследования в Кокчетавской области.— АО — 1978. М., 1979.
16. *Зайберт В. Ф.* Памятники каменного века Петропавловского Приишимья.— СА, 1979, № 1.
17. Почвы и растительность Западной Сибири.— Тр. ОЕКУ, 1900, т. XXXV, вып. 2.
18. *Нейштадт М. И.* История лесов и палеография СССР в голоцене. М., 1957.
19. *Нейштадт М. И.* [Введение].— В кн.: Голоцен. К VIII конгрессу JNKWA. М., 1969.
20. *Хотинский Н. А.* Некоторые вопросы хронологии и палеогеографии голоцена Среднего Урала.— БК ПИЧП, 1968, № 35.
21. *Хотинский Н. А.* Голоцен Евразии. М., 1977.
22. *Нейштадт М. И., Гуделис В. К.* Проблема голоцена.— В кн.: Вопросы голоцена. Вильнюс, 1961.
23. *Кассин Н. Г.* Материалы по палеографии Казахстана. Алма-Ата, 1947.
24. *Медоев А. Г.* Каменный век Сары-Арка в свете новейших исследований.— Изв. АН КазССР, 1964. Сер. обществ. наук, вып. 6.

25. *Волков И. А.* К истории речных долин юга Западно-Сибирской низменности.— В. кн.: Четвертичная геология и геоморфология Сибири. Тр. Института геологии и геофизики АН СССР (Сиб. отд.), вып. 27. Новосибирск, 1962.
26. *Шанцер Е. В., Микулина Т. М., Малиновский В. Ю.* Кайнозой центральной части Казахстанского щита. М., 1967.
27. *Старков В. Ф.* Хронология неолита лесного Зауралья.— КСИА АН СССР, 1978, № 153.
28. *Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976.
29. *Массон В. М.* К вопросу о мезолите Передней Азии.— МИА, 1966, № 126.
30. *Марков Г. Е.* Грот Дам-Дам-Чешме 2 в Восточном Прикаспии.— СА, 1966. № 2.
31. *Марков Г. Е.* Материалы по каменному веку Прибалханья.— в кн.: Материальная культура Туркменистана. Ашхабад, 1971.
32. *Окладников А. П.* Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении.— ТЮТАКЭ, 1956, т. VII.
33. *Марков Г. Е.* Раскопки первобытной стоянки Оюклы.— Вестник МГУ, 1961, № 3.
34. *Логвин В. Н.* Новый памятник каменного века Кустанайской области.— СА, 1977, № 4.
35. *Петрин В. Т.* Раскопки позднепалеолитической стоянки Черноозерье II на Среднем Иртыше.— В кн.: Из истории Сибири. Вып. 15. Томск, 1974.
36. *Косменко М. Г.* Основные этапы развития мезолитической культуры в Среднем Поволжье.— СА, 1972, № 3.
37. *Формозов А. А.* Мезолитические памятники Азиатской части СССР.— СА, 1959, № 2.

V. F. Zaibert, T. M. Potyomkina

ON THE PROBLEM OF THE MESOLITHIC OF THE STEPPE-FOREST ZONE BETWEEN THE TOBOL AND THE IRTYSH RIVERS

Summary

The article covers the practically unexplored period in the history of the area between the Tobol and the Irtysh — — the Mesolithic. Mesolithic monuments have been discovered in this area only in recent years. Investigations were conducted in strictly defined microregions, vast areas were dug. All this made possible the horizontal and vertical stratification of the monuments and yielded substantial amount of flint industry. Basing themselves on the accumulated data the authors offer their own periodisation and a chronological scheme of the Mesolithic of this area and a tentative cultural affiliation of their finds. The Mesolithic monuments comprise part of the broad Eurasian cultural zone. There is a tendency to regard it as consisting of a number of local variants. However their differentiation requires further long large-scale diggings.

ГУСЕНЦОВА Т. М.

НОВЫЕ МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В МЕЖДУРЕЧЬЕ КАМЫ И ВЯТКИ

До недавнего времени на археологической карте Предуралья территория Камско-Вятского междуречья в эпоху каменного века являлась своеобразным «белым пятном». Еще в конце XIX в. А. А. Спицын полагал, что местность между левым берегом р. Камы и р. Вяткой была якобы недоступной для людей каменного века [1, с. 14—24]. Аналогичные мысли относительно территории Удмуртии были высказаны в 40-х годах А. П. Смирновым [2, с. 109, рис. 28], а позднее В. Ф. Генингом и В. Е. Стояновым [3, с. 79]. В 1973 г. археологические исследования на территории Камско-Вятского междуречья начала экспедиция Удмуртского государственного университета. За шесть лет (1973—1978) удалось обнаружить около 200 памятников ранней и средней поры голоцена, представленных поселениями, стоянками, стоянками-мастерскими, а также отдельными местонахождениями.

Одна из наиболее интересных проблем каменного века на данной территории связана с изучением мезолита. К настоящему времени уже раскопано 15 разнообразных мезолитических памятников и выявлена определенная закономерность в их топографии. Памятники занимают небольшие площадки на мысах коренного берега (высота 11—16 м) или первой надпойменной террасы (высота 3—7 м) в приустьевой части рек, впадающих, как правило, в левобережные притоки среднего течения р. Вятки. Наибольший интерес представляют два поселения — Баринка I и II, расположенные на левом берегу р. Валы (крупного притока р. Кильмезь) в ее нижнем течении. На каждом памятнике открыто по два жилища, содержащих чистые комплексы культурных остатков, наиболее ярко отражающих специфику мезолитической культуры данного района Предуралья.

Поселение Баринка II находится в 1 км к северо-западу от дер. Сюрек Сюмсинского района Удмуртской АССР, в 70 м к северо-востоку от бывшей дер. Баринка [1]. Памятник расположен на песчаной гряде распахиваемой первой надпойменной террасы р. Валы, высотой 5 м. Площадь распространения находок 500 м². Вскрытая часть поселения составляет 192 м² (рис. 1).

Наблюдаемая стратиграфия (рис. 2): пахота мощностью 20—25 см с редкими находками кремневых изделий; темно-серая супесь (культурный слой) мощностью в заполнении жилищ до 65 см, в межжилищном пространстве и южной части раскопа 10—20 см; подстилающий слой — желтый песок.

Жилище I выявлено на внутреннем склоне террасы в северо-западной части раскопа на уровне 40 см от дневной поверхности и было ориентировано в направлении СВ—ЮЗ. Оно имело подквадратную форму с размером сторон 6×5 м, глубину до 35 см, довольно покатые стенки

[1] Материалы изложены в хронологическом порядке.

Рис. 1. План поселений Баринка I, II

Рис. 2. План и профили раскопа поселения Баринка II. *1* — границы раскопа; *2* — границы участков; *3* — столбовые ямки; *4* — хозяйственные ямы; *5* — очертания жилищ; *6* — пахота; *7* — культурный слой — темно-серая супесь; *8* — углистые включения; *9* — заполнение поздних ям; *10* — подстилающий слой — желтый песок; *11* — очажные ямы; *12* — кремневые изделия, *13* — профили столбовых ямок

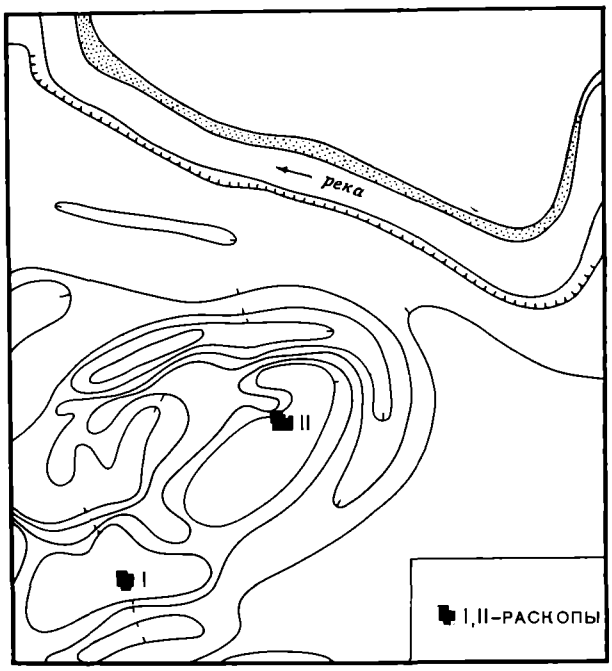


Рис. 1

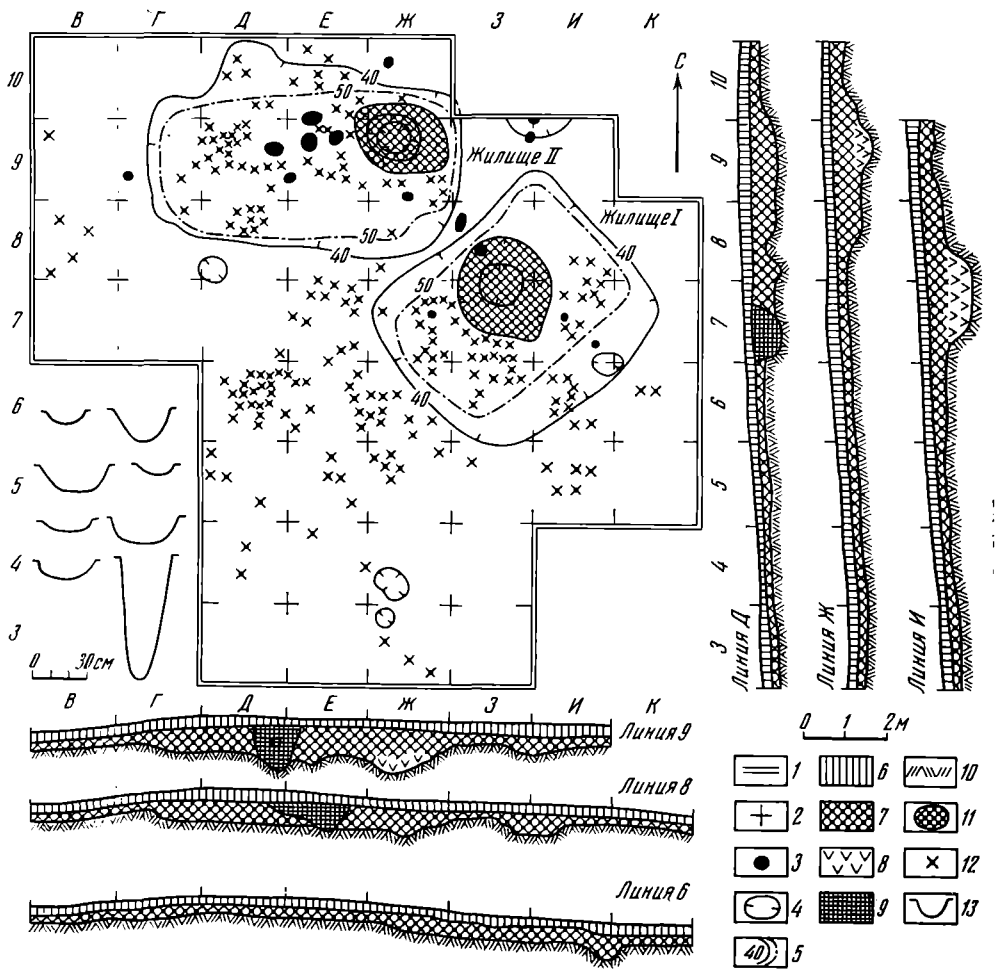


Рис. 2

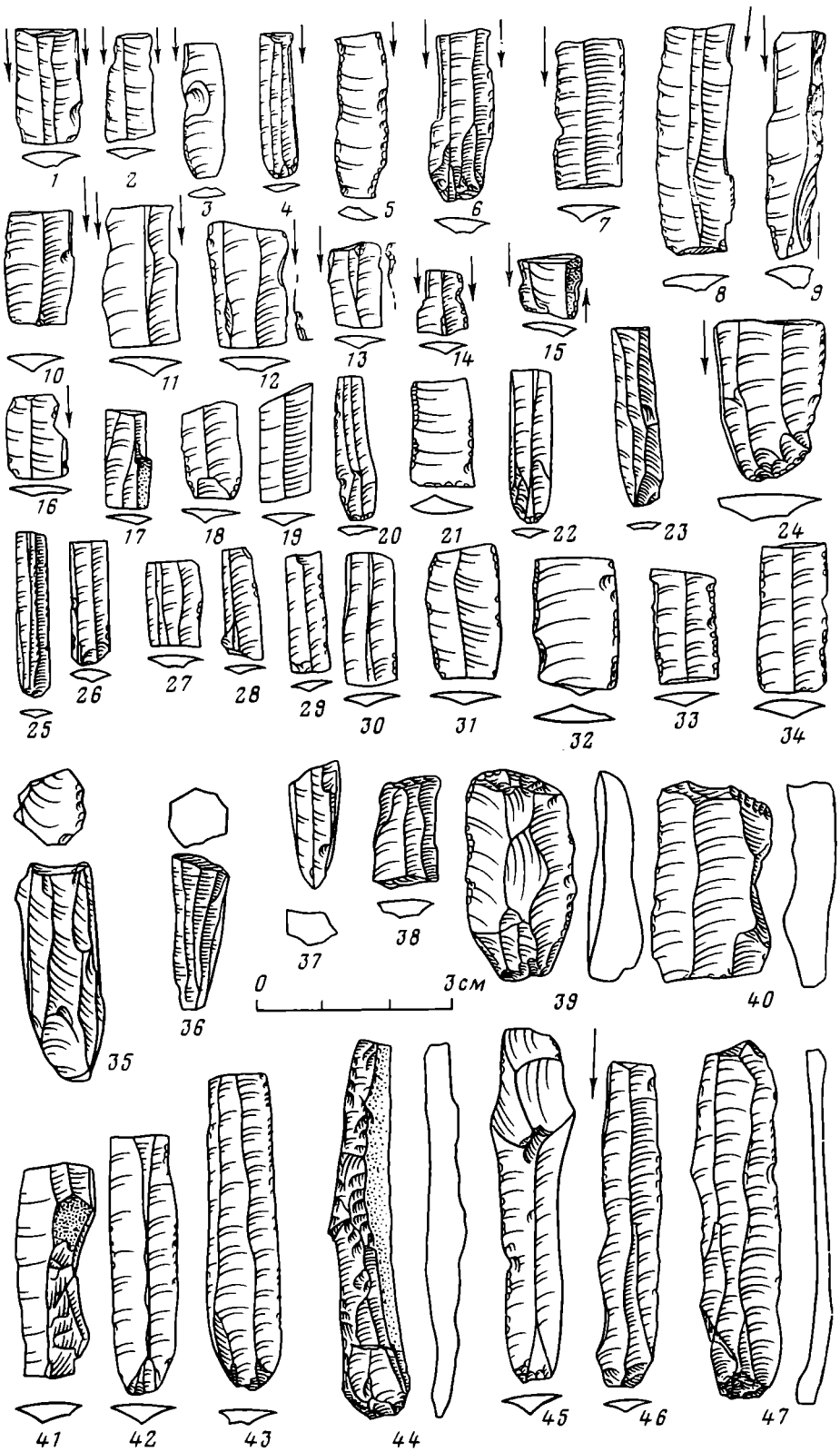


Рис. 3. Кремневый инвентарь поселения Баринка II. *1, 2, 4, 5, 8, 9, 11, 12, 14, 16, 19—22, 31—35, 39, 40, 45, 47* — межжилищное пространство; *3, 6, 7, 10, 13, 15, 17, 18, 23, 24, 30, 36—38, 41—44* — жилище I

(в особенности на южных участках) и ровное дно. В центре жилища на глубине 70 см найдена очажная яма округлой формы размером 2,5×2,4 м с максимальной глубиной 68 см. Дно ямы слегка уплощенное, с сажистым заполнением и включением небольших линз угля. Возле юго-восточной стенки жилища обнаружена овальная яма размером 73×50 см, глубиной 37 см, с уплощенным дном. В гумусированном заполнении ямы находки отсутствовали. К жилищу I относятся столбовые ямки от вертикальных столбов диаметром 10—25, глубиной 7—18 см, образующие ряд вдоль поперечной оси жилища. Перекрытие его, очевидно, было двухскатным с нижними концами, просто опущенными на землю. Жилища с подобной конструкцией кровли широко известны по этнографическим материалам [4, с. 154]. Выход, как показывает разрез по линии 8, мог располагаться в северном углу, на что указывает наличие двух ямок от столбов за пределами жилых контуров, поддерживавших кровлю.

Жилище II почти вплотную примыкало к первому. Оно найдено на уровне 40 см, ориентировано по странам света, имеет размеры 7×4 м, подпрямоугольную форму, углублялось в подстилающий песок на 33—38 см. В северо-западном углу располагался выступ-выход размером 140×65 см, направленный в сторону реки. Возле восточной стенки на глубине 70 *см* прослежена очажная яма размером 240×185 см овальновытянутой формы. Максимальная глубина ямы 58 см, дно округлое. Темное гумусированное заполнение ее насыщено углистыми включениями, встречены обожженные кремневые изделия. В центре жилища зафиксировано несколько столбовых ямок. В заполнении трех из них (глубина 8—11 см) были углистые включения — следы от сгоревших столбов, поддерживавших крышу. Еще три столбовые ямки находились у внутренних и внешних стенок жилища. Исходя из размещения столбовых ямок, образующих почти правильный прямоугольник (на расстоянии 50—120 см друг от друга), наиболее вероятно предположить, что жилище имело шатровое перекрытие, при котором вертикальные столбы близко к вершинам были связаны между собой рамой из четырех жердей, соединяющей их. Один из центральных столбов служил дополнительной подпоркой. Аналогичные конструкции встречаются в постройках обских угров и палеоазиатских народов Севера [5, с. 98]. Изредка встречается и подобное нашему расположение очага в углу жилища [6, с. 214]. Общая осевая линия в расположении столбовых ямок жилищ I и II наводит на мысль, что жилища могли сообщаться и в начале своего существования имели единую планировку; лишь впоследствии в результате перестройки они четко обособились.

В пространстве между жилищами обнаружено несколько ям небольших размеров, преимущественно без находок.

Кремневый инвентарь (619 экз.), идентичный по всему поселению, распределяется следующим образом: жилища I — 101, жилище II — 219, межжилищное пространство — 299 (рис. 3; 4; табл. 2). Для изготовления орудия служил серый, очень редко светлый и полупрозрачный кремень. Сырье использовалось экономно — ядрища (5 экз.) предельно сработаны. Иногда в качестве ядрища использовалась речная галька (рис. 4, *39*). Нуклеусы одноплощадочные, карандашевидной или конической формы с круговым снятием пластинок, высота их не превышает 1,5—2,5 см (рис. 3, *35—37*; 4, *38*, *40*).

Обломков пластин насчитывается 134 экз., имеются ребристые пластинки — 13 экз. (рис. 3, *41*, *44*; 4, *43*). В целом пластины и изделия из них составляют 60% общего количества инвентаря. Как правило, они удлиненных пропорций, превышают ширину в 2—3 раза. Большая часть пластинок имеет ширину 0,3—1,0 см (74%) (табл. 1). Пластинки тонкие, правильного огранения, трапециевидные, реже треугольные в сечении. Отщепов и орудий из них насчитывается 39,1% от числа всех

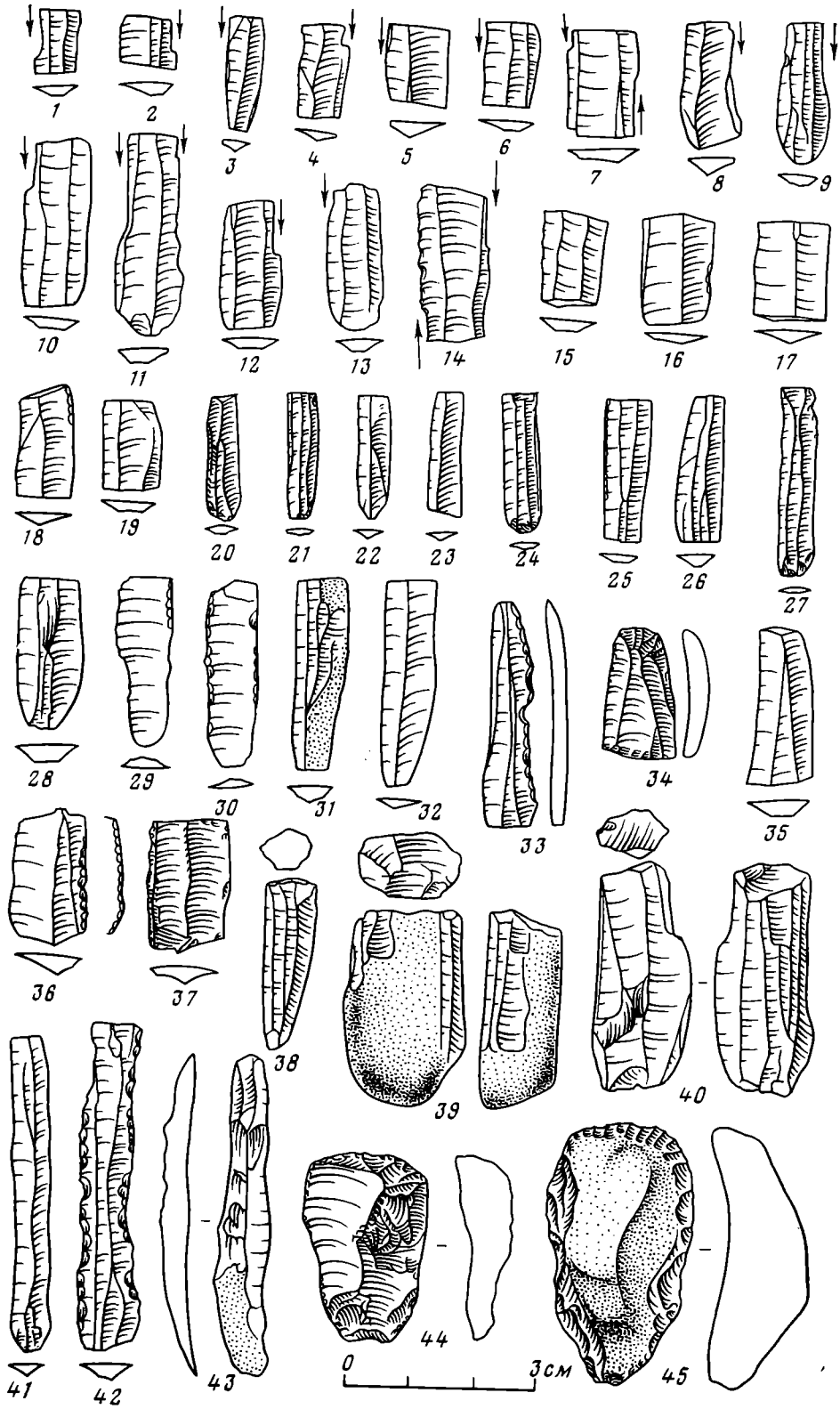


Рис. 4. Кремневый инвентарь из жилища II поселения Баринка II

изделий. Преобладают чешуйки и мелкие отщепы, на нескольких более крупных изделиях сохранились остатки желвачной корки.

Орудий всего 219 экз.: на пластинках — 99,6% и отщепах — 0,4%. Почти половину орудия (100 экз.) составляют пластинки со следами сработанности — зазубринами, блеском, ретушью утилизации (рис, 3, *20*, *22*, *23*, *25*, *26*, *42*, *43*, *45*, *47*; 4, *20—24*, *27*, *28*, *31*, *32*, *35*, *41*). Пластинок с ретушью по краю 7 экз. Ретушь в основном полукрутая, мелкая, нерегулярная, нанесена на брюшке или спинке (рис. 4, *29*, *30*, *33*, *42*). В одном случае мелкой ретушью оформлен конец микропластинки.

Таблица 1

Ширина пластинок поселений Баринка II, I

Памятник	0,3—0,7 см, %	0,8—1,0 см, %	1,1—1,5 см, %	Свыше 1,5 см, %
Баринка II	36	38	24	2
Баринка I	32,7	34	29,1	4,2

Отчетливую группу орудий представляют вкладыши, в качестве которых использовались средние части пластинок без вторичной обработки (52 экз., рис. 3, *17—19*, *27—30*; 4, *15*, *17*, *19*, *26*) либо имеющие краевую прерывистую ретушь на брюшке или спинке (12 экз., рис. 3, *21*, *31—34*; 4, *16*, *18*, *25*, *36*, *37*). Преобладают удлиненные вкладыши, короткие единичны. В нескольких случаях прослежен прием обработки края помимо ретуши резцовым сколом (рис. 3, *5*, *7*; 4, *14*).

Резцы (40 экз.) изготовлены на углу сломаной пластинки, а чаще на средних частях пластинок (рис. 3, *1—4*, *6*, *8—16*, *24*, *46*; 4, *1—13*). Резцовый скол занимает треть края заготовки, в отдельных случаях полностью, имеются также и микросколы.

Скребки (7 экз.) изготовлены преимущественно на пластинах и продольных сколах с нуклеусов. Два орудия имеют узкое прямое лезвие (рис. 3, *38*; 4, *34*). У остальных рабочий край более высокий, овальной формы, круто отретуширован (рис. 3, *39, 40*; 4, *44*). Интересен скребок на расколотой пополам овальной гальке с остатками желвачной корки на спинке. Рабочее лезвие расположено по всему периметру, тщательно отретушировано, с признаками явного употребления (рис. 4, *45*).

Таким образом, основу коллекции поселения Баринка II составляют орудия на пластинах, в число которых входят пластинки и вкладыши удлиненных форм, преимущественно без ретуши, но со следами использования, а также угловые резцы, превышающие количество скребков — 18 : 3(%).

Материалы обоих жилищ однородны по сырью, технике обработки и составу орудий. Однотипны их формы и характер очажных ям, что позволяет считать жилища одновременными.

Кремневый инвентарь, аналогичный Баринке II, обнаружен нами на стоянках Кичаны и отчасти Муки-Какси I, II, где отчетливо выражена его микролитоидность, широкое распространение вкладышевой техники и ограниченность других типов орудий [7, с. 150, 151; 8, с. 172, 173]. Угловые резцы преобладают над скребками, наблюдается незначительная доля ретушированных пластинок.

Для поселения Баринка II получена дата по C_{14} — 8265 ± 130 лет тому назад (ЛЕ-1288), т. е. середина VII тысячелетия до н. э. Таким образом, это наиболее древняя группа памятников в пределах позднего мезолита, представленная как относительно долговременными поселениями с жилищами — Баринка II, так и временными стоянками с остатками разнообразных ям — Кичаны, Муки-Какси II.

Поселение Баринка I находится в 180 *м* к северо-востоку от Баринки II. Памятник также расположен на первой надпойменной песчаной террасе высотой 7 м в излучине реки, в 200 м к юго-западу от ее современного русла и в 50 м от двух старичных озерков (рис. 1). Площадь распространения находок — 400 м². Северо-западная часть памятника сильно нарушена ямами позднего времени. Раскопанная площадь составила 304 м², что почти полностью исчерпало поселение.

Таблица 2

Кремневый инвентарь поселения Баринка II

Изделие	Жилище I	Жилище II	Межжилищное пространство	Всего	% к общему количеству изделий
Нуклеусы и их обломки	1	3	2	6	0,9
Целые пластины-заготовки	–	–	6	6	0,9
Обломки пластин без ретуши	21	39	74	134	21,8
Ребристые пластинки	4	6	3	13	2,2
Пластины с краевой ретушью	–	7	–	7	1,1
Пластины с ретушью на конце	–	–	1	1	0,2
Пластины со следами сработанности	18	46	36	100	16,1
Вкладыши (средние части пластин со следами сработанности)	14	21	17	52	8,4
Вкладыши (средние части пластин) с ретушью	4	2	6	12	1,9
Угловые резцы	8	15	17	40	6,5
Скребки на пластинах	1	3	2	6	0,9
Итого пластин и изделий из них	71	139	162	371	60,0
Чешуйки (до 1 *см*)	4	22	66	92	14,8
Мелкие отщепы (1,1–1.5 *см*)	18	27	49	94	15,2
Средние отщепы (1,6–3 *см*)	8	21	19	48	7,8
Крупные отщепы (3,1–5 *см*)	–	6	1	7	1,1
Скребок на отщепе	–	1	–	1	0,2
Итого отщепов и изделий из них	30	77	135	242	39,1
Всего	101	219	299	619	100
% к количеству изделий	16,3	35,3	48,4	100	–

Стратиграфия (рис. 5) имела следующий характер: слабо задернованная, ранее распахиваемая серая супесь мощностью 15—30 см с единичными находками кремневых изделий и кальцинированных костей животных; серо-коричневая супесь, переходящая в темную,— культурный слой мощностью 10—20 см (межжилищное пространство) и 40—70 см (заполнение жилищ и ям). Культурный слой насыщен кремневыми изделиями и кальцинированными костями животных. Подстилающий слой — желтый песок.

Жилище I представляло собой полуземлянку подквадратной формы с размерами сторон 5×5 м. Максимальная глубина его в подстилающем песке 70 см. Дно относительно ровное, стенки оплыли. Впервые очертания жилища выявлены на уровне 30 см от дневной поверхности. На глубине 50 см у его восточной границы обнаружен выступ-выход, имеющий слабый наклон внутрь жилища, размером 100×80 см, направленный в сторону древнего русла реки. Судя по тесно примыкающим к жилищу очагу, трем хозяйственным и столбовым ямкам, можно предполагать, что в древности площадь жилища была большей. Периферийная часть его была, очевидно, слабо углублена, и поэтому контуры ее до нашего времени не сохранились.

Внутри жилища, в центре, на уровне 80 см, находились две округлые очажные ямы диаметром 65 и 85 см, глубиной соответственно 27 и 25 см, заполненные большим количеством кальцинированных костей и углистыми включениями. В одной из ям найдены обожженные кусочки коры дерева.

Третья очажная яма находилась снаружи со стороны северной стенки, выявлена на уровне 50 см, имеет округлую форму, диаметр 65, глубину 25 см, округлое дно. В заполнении ее прослеживался прокаленный слой мощностью 2—3 см, угольки, кальцинированные кости, обожженные кремневые изделия. Помимо того, в жилище встречено несколько ям, очевидно, хозяйственного назначения, округлой формы, диаметром 60—80—160, глубиной 13—50 см. В заполнении ям найдены кремневые изделия и кальцинированные кости.

Столбовые ямки диаметром 20—35, глубиной 7—20 см расположены двумя перпендикулярными рядами, образуя Т-образную форму. Здесь, как и в жилище I поселения Баринки II, скорее всего была двухскатная кровля. Однако жилище Баринки I было более углублено и представляло собой полуземлянку, стенки которой, вероятно, дополнительно укреплялись. Близкие реконструкции предложены для жилищ поселения Степинцы II в междуречье Камы и Вятки [9, с. 49] и стоянки Русско-Луговской II в Среднем Поволжье [10, рис. 5, *6*].

Жилище II расположено в 6 *м* к северо-востоку от первого на склоне террасы на уровне 30, 40 *см*. Оно имело подквадратную форму, размер его 8×7 *м*, в более углубленной южной половине размер сокращался до 6×5 *м*. Максимальная глубина котлована жилища 55—62 см, дно его неровное из-за многочисленных западений культурного слоя. Выход, очевидно, находился в западной части, на месте небольшого выступа. Почти все хозяйственные, очажные и столбовые ямы, а также большинство кремневых изделий обнаружено в сильно гумусированном слое южной половины жилища, тогда как в северной находок гораздо меньше.

Очажные ямы, выявленные в основном на глубине от 90 до 120 см, округлой формы, диаметром 50—70, глубиной 21—30 см, с коническим или уплощенным дном. В сажистом заполнении их обнаружены кальцинированные кости, угольки. Кроме того, в одной из очажных ям прослежено пятно прокаленной земли мощностью 5 см.

К типу хозяйственных можно отнести 10 ям. Среди них выделяются две группы: крупные — размером (100—140)×(80—130) см, глубиной 20—50 см, более мелкие — диаметром 50—80, глубиной 12—37 см. Все ямы преимущественно овальной формы. В темном гумусированном заполнении найдены кальцинированные кости животных, разнообразные кремневые изделия.

Размеры и глубина столбовых ямок жилища II аналогичны первому. Достоверных данных для реконструкции кровли недостаточно. Можно лишь предположить двухскатное перекрытие или шатровое с плоской крышей, концы которой образовывали навес над северной частью жилища. Достаточно четко прослеживается лишь двучленное деление жилища на северную без очагов и столбов и южную половины.

В обоих жилищах наблюдается значительная концентрация кальцинированных костей на полу и в очажных ямах. Возможно, что кости наряду с древесиной (кора дерева найдена в жилище I) использовались для их обогрева, как это встречается в палеолитических жилищах [11, с. 17; 12, с. 19, 20].

Различия в кремневом инвентаре (табл. 3; рис. 6—9) жилищ, как и на Баринке II, не наблюдается.

Всего на поселении найдено 2274 кремневых изделия, в том числе: в жилище I — 1349 экз. (отщепов 878); в жилище II — 618 экз. (отщепов 266); в межжилищном пространстве — 307 экз. (отщепов 194). Исходным сырьем для изготовления орудий служил в основном серый с различными оттенками кремень, изредка светлый и полупрозрачный высокого качества. Аналогичное сырье является основным и на других памятниках эпохи камня междуречья Камы и Вятки.

Коллекцию составляют кремневые нуклеусы и поперечные сколы с них (2,2%), пластины и изделия из них (37,5%), отщепы и изделия из

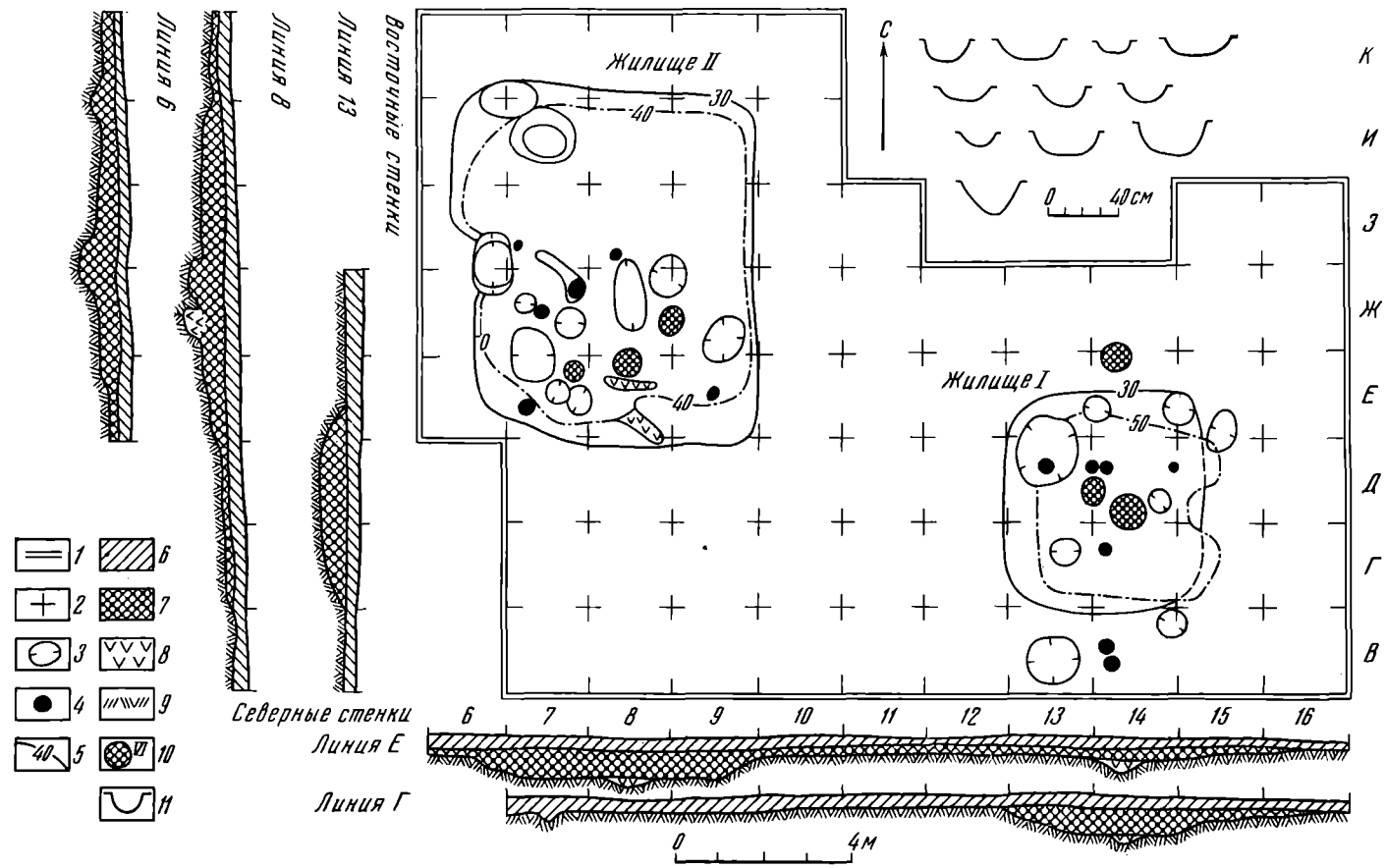


Рис. 5. План и профили раскопа поселения Баринка I. *1* — границы раскопа; *2* — границы участков; *3* — хозяйственные ямы; *4* — столбовые ямки; *5* — очертания жилищ; *6* — серая супесь; *7* — серо-коричневая супесь — культурный слой; *8* — углистые включения; *9* — подстилающий слой — желтый песок; *10* — очажные ямы; *11* — профили столбовых ямок

Таблица 3

Орудия поселения Баринка I

Изделие	Жилище I		Жилище II		Межжилищное пространство			Всего, %	
	на пластинах	на отщепах	на пластинах	на отщепах	на пластинах	на отщепах	прочие заготовки		
Пластины с ретушью	18	–	22	–	2	–	–	42	8,8
Пластина с ретушью на конце	–	–	1	–	–	–	–	1	0,2
Пластины со следами сработанности	43	–	75	–	16	–	–	134	28,3
Средние части (пластины с ретушью (вкладыши)	35	–	29	–	11	–	–	75	15,9
Средние части пластин со следами сработанности (вкладыши)	68	–	67	–	16	–	–	151	32,0
Угловые резцы	3	—	9	–	5	–	–	17	3,6
Скребки	6	4	3	8	5	5	–	31	6,6
Скребок-резец	–	–	1	–	–	–	–	1	0,2
Скребок-скобель	–	–	–	–	–	1	–	1	0,2
Скобели	–	–	1	–	–	–	–	1	0,2
Проколка и сверло	1	–	1	–	–	–	–	2	0,4
Скошенные острия	1	–	1	–	–	–	–	2	0,4
Топоры	–	–	–	–	–	–	2	2	0,4
Обломки рубящих орудий с пришлифовкой	–	–	–	1	–	–	1	2	0,4
Ретушер	–	–	–	–	–	–	1	1	0,2
Отщепы с ретушью	–	3	–	5	–	2	—	10	2,0
Итого	175	7	210	15	55	8	4	474	100
% к общему количеству орудий	37,0	1,5	44,3	3,2	11,6	1,6	0,8	100	

них (60,1%), изделия из прочих пород камня — 0,2% от общего количества инвентаря. Первичная обработка кремня на поселении не производилась. Об этом свидетельствует отсутствие крупных кусков кремня, незначительное количество отщепов с желвачной коркой, а также их небольшие размеры. Из 1388 отщепов чешуйки составляют 296 экз., мелкие отщепы (1—2 см) — 688 экз., средние (2,1—3 см) — 327 экз., крупные (свыше 3 см) — 27 экз. Очевидно, для получения заготовок на поселении использовались принесенные полуфабрикаты — нуклеусы.

Ядрища (5 экз.) представлены в большинстве невыразительными, предельно сработанными или остаточными экземплярами. Нуклеусы одноплощадочные, по форме близки к коническим, снятие пластинок производилось с трех сторон. Площадки прямые или слегка скошенные (рис. 6, *28*; 9, *3*). Высота их 1,5—3,8—4,6 см. На одном из остаточных ядрищ дополнительно нанесен резцовый скол.

Преобладают заготовки и изделия из пластин удлиненной формы, правильного огранения, иногда массивные, шириной 0,3—1,5 см (табл. 1). Среди заготовок 50 микропластинок шириной 0,3—0,4 и длиной 2—2,5 см, ребристые пластины (19 экз.), а также большое число обломков пластин (345 экз.). Последний факт интересен тем, что среди орудий имеется много средних частей пластин-заготовок. Вероятно, здесь налицо прием преднамеренного рассечения пластин для получения вкладышей.

Среди орудий (474 экз., табл. 3) соотношение изделий на пластинках, отщепах и других заготовках соответственно равно: 93:6,1:0,9 (%). Наиболее многочисленной группой орудий (75 экз.) являются вкладыши в основном удлиненных пропорций, длина их в 1,5—2 раза, а в отдель-

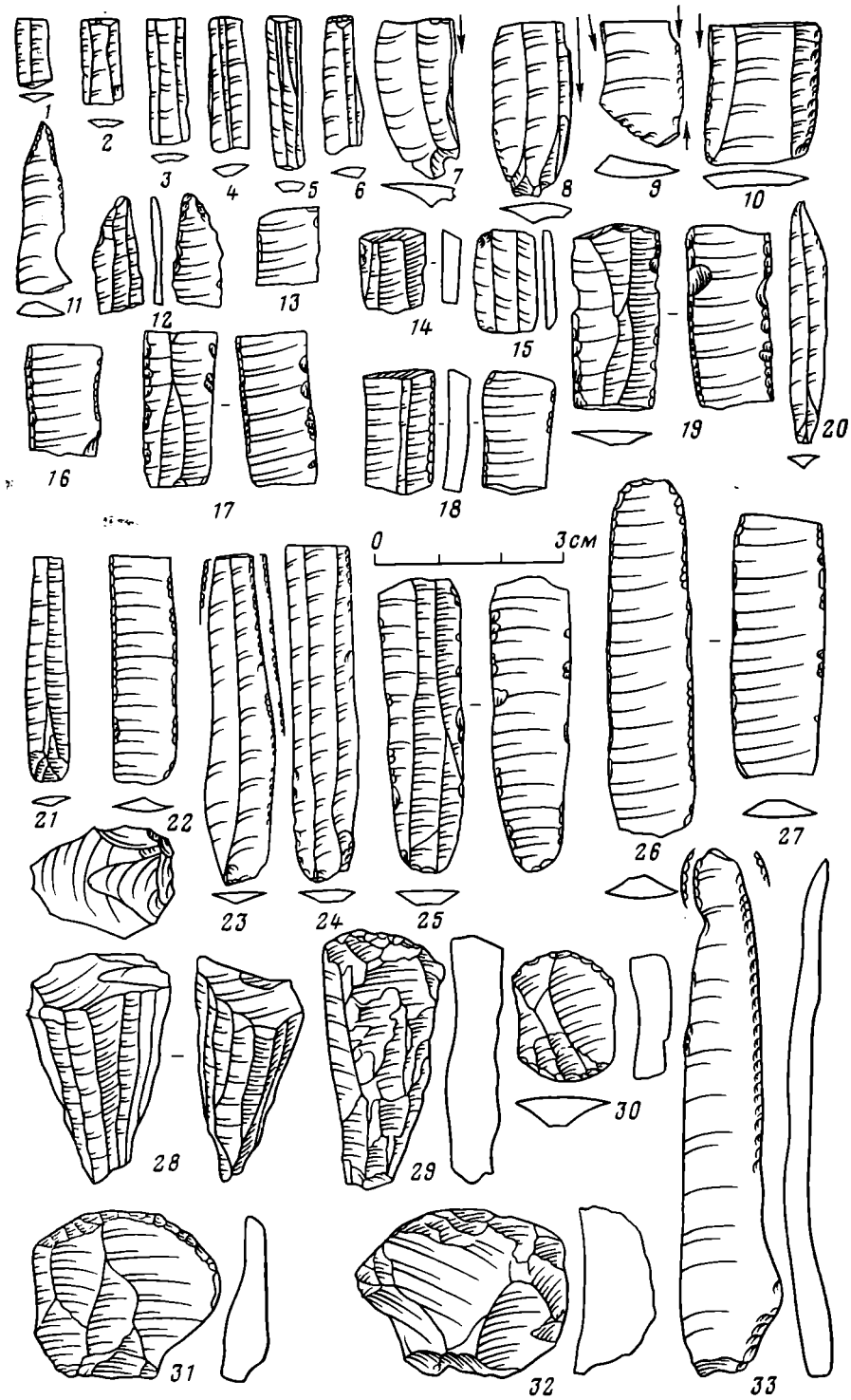


Рис. 6. Кремневый инвентарь из жилища I поселения Баринка I

ных случаях и в 4—5 раз превышает ширину, с ретушью по краю (рис. 6, *16—19*, *22*; 7, *19—24*, *26*; 8, *7—9*, *12*, *17*) или следами сработанности по краям либо углам (151 экз., 6, *1—5*, *13—15*; 7, *1—3*,*8*, *12*, *13*; 8, *1*, *4*, *10*, *11*, *16*). Среди первых преобладают вкладыши, оформленные полукрутой ретушью на брюшке, чаще всего по одному из краев, на противоположном — прослеживаются следы употребления. Помимо этого, на 20 орудиях наблюдаются резцовые сколы (рис. 6, *10*; 7, *11*, *14*, *15*, *17*).

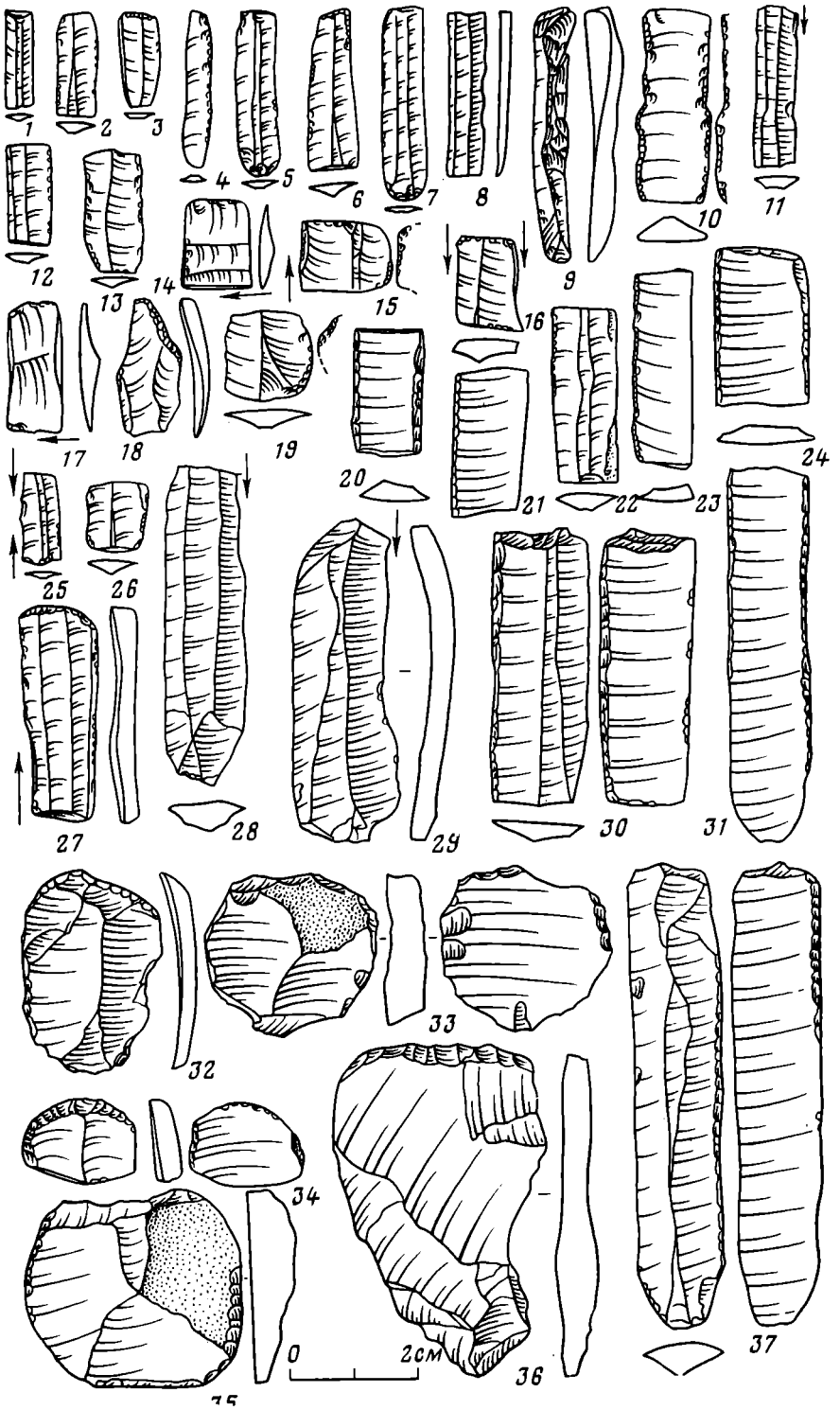


Рис. 7. Кремневый инвентарь из жилища II поселения Баришка I

Вторую по количеству группу орудий составляют пластинки с ретушью по краю (42 экз.) или следами употребления (134 экз.). По размерам выделяются две группы изделий: на микропластинках (рис. 6, *20*, *21*; 7, *4—7*, *9*; 8, *2*, *3*, *5*) и более крупных пластинах (шириной 1,1—1,5, длиной 3—5 см), подтреугольных в сечении (рис. 6, *23—27*, *33*; 7, *31*, *37*; 8, *18*, *19*, *23*, *24*). Вторичной обработке подвергались в основном более крупные пластины. Ретушь, как правило, крутая или полукрутая, преимущественно на брюшке по обоим краям, редко проти-

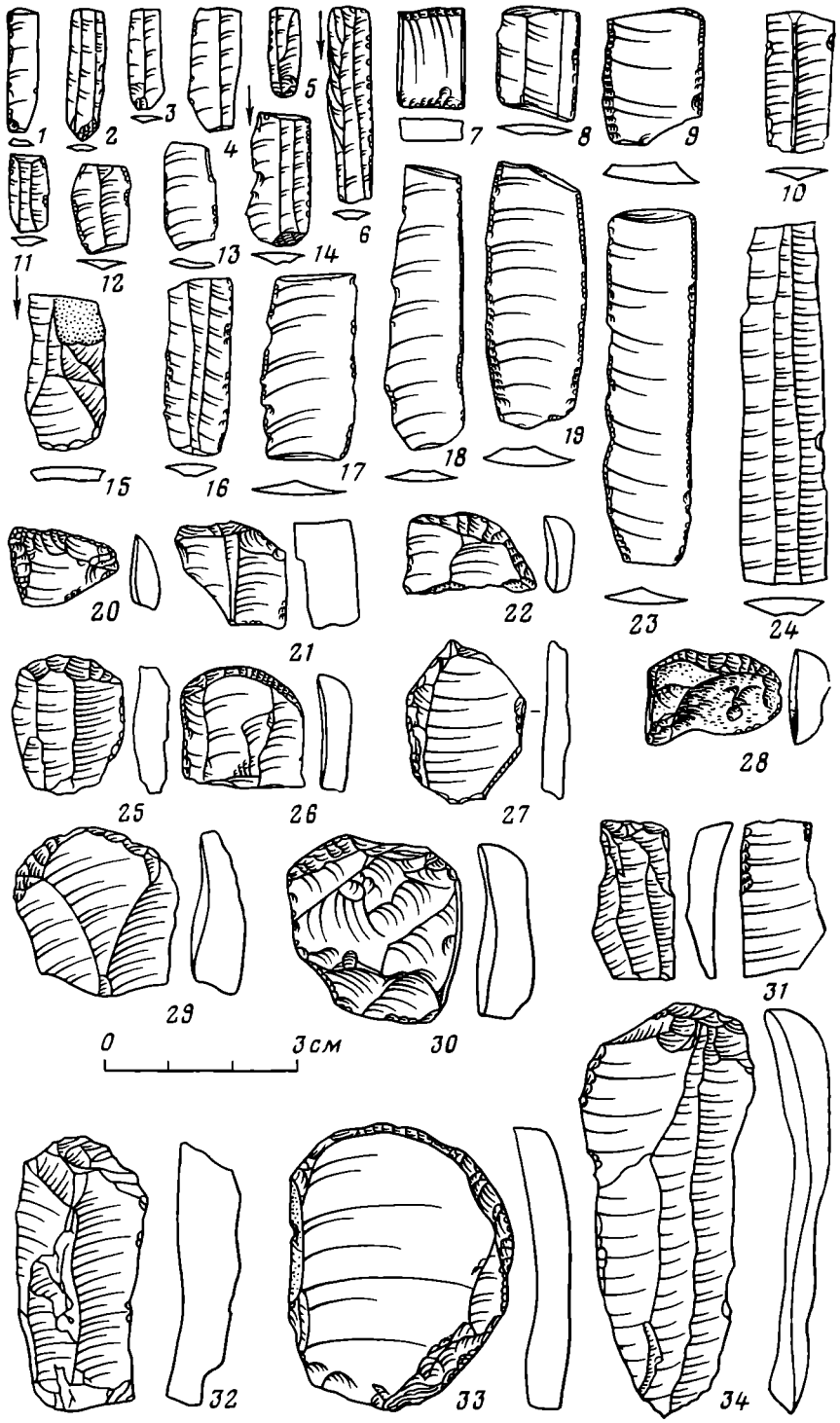


Рис. 8. Кремневый инвентарь из межжилищного пространства поселения Баринка I

волежащая (рис. 7, *30*). Крупные пластины скорее всего выполняли функцию ножей. Кроме того, среди пластин с ретушью обращает внимание пластинка размером 0,5×2,1 см с концом, обработанным мелкой ретушью на спинке (рис. 6, *6*).

Резцы (17 экз.) на углу сломанной пластинки или средней части пластины, преобладают однолезвийные, двойные редки (рис. 6, *7—9*; 7, *16, 25, 28, 29*; 8, *6, 13—15*). В большинстве случаев резцовый скол

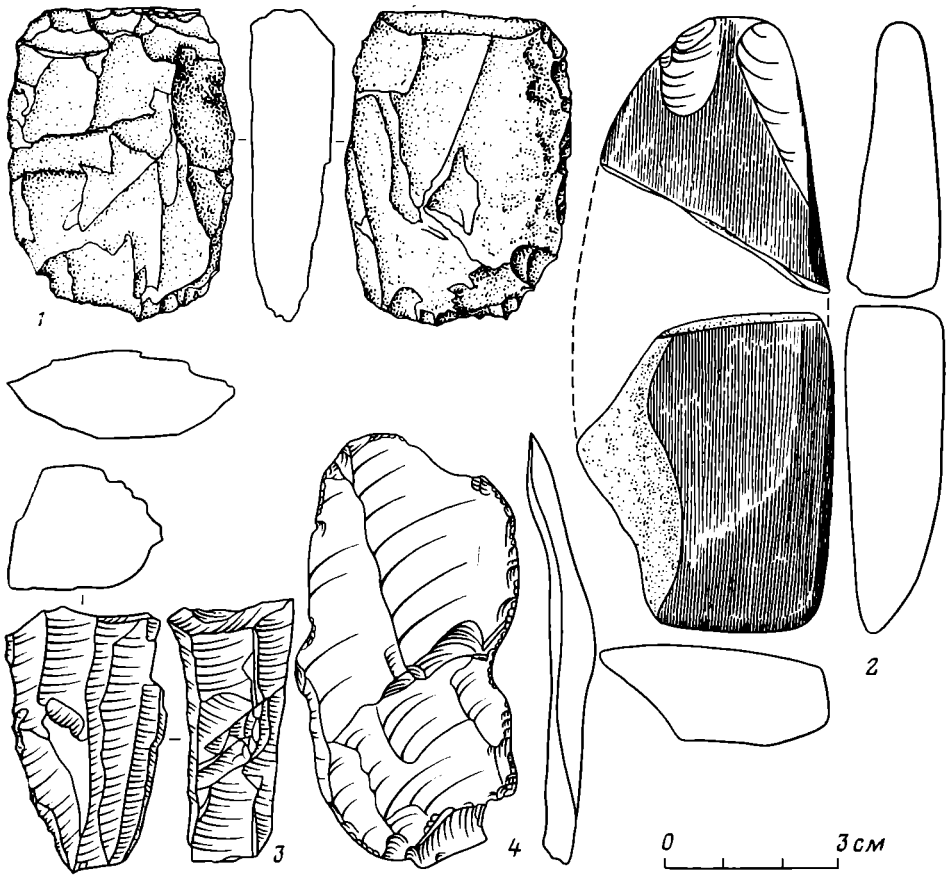


Рис. 9. Кремневый и каменный инвентарь из межжилищного пространства поселения Баринка I

занимает треть или половину заготовки, в отдельных случаях полностью снимает весь край. Редко встречаются микросколы длиной 0,1—0,2 см.

Скребки (31 экз.) не представляют устойчивой серии. По типам заготовок можно выделить: на пластинах, сколах с нуклеусов (рис. 6, *29*; 8, *32, 34*) и отщепах. Концевые скребки выполнены на коротких сломанных пластинах шириной до 1,0 см (рис. 8, *31*), 1,5—1,8 см (рис. 7, *34*; 8, *20—22, 25, 26, 28*). Одно орудие имеет два рабочих конца (рис. 6, *30*). Скребки на отщепах подразделяются на концевые, на удлиненных или коротких заготовках (рис. 6, *31*; 7, *32, 36*; 8, *29, 30*) и изделия на округлых относительно плоских отщепах, а также площадках с нуклеусов с лезвием по периметру (рис. 6, *32*; 7, *33, 35*; 8, *27, 33*). Два изделия являются комбинированными. Первое — скребок-резец на пластине с резцовым сколом на одном из краев (рис. 7, *27*). Второе орудие — скребок-скобель, изготовленный на крупном пластинчатом отщепе (рис. 9, *4*), кроме небольшого рабочего края имеет отретушированную выемку.

Остальные изделия представлены единичными экземплярами. Проколка на узкой пластине, конец которой обработан мелкой ретушью с брюшка (рис. 6, *11*), и сверло на обломке пластины, симметричный рабочий конец его обработан ретушью по обоим краям. Одно скошенное острие выполнено на обломке пластинки неправильного огранения, одна из сторон ее скошена под углом 15° и круто отретуширована (рис. 7, *18*). Второе острие на пластине имеет незначительный скос и оформлено противолежащей крутой ретушью по краям (рис. 6, *12*). Скобель представляет пластинку с выемкой по обоим краям, круто отретушированным, со следами сильной сработанности (рис. 7, *10*). Второй скобель — удлиненный отщеп с небольшой выемкой по краю. Помимо этого, на по-

селении найдено еще 10 отщепов, обработанных частичной краевой ретушью.

Особый интерес представляют рубящие орудия, найденные в межжилищном пространстве и в заполнении жилища II. Одно орудие из опоки размером 5,3×3,8 см, в плане подпрямоугольной формы с овальным сработанным рабочим краем и уплощенным обушком. Поверхность его с двух сторон оббита сколами (рис. 9, *1*). Два крупных обломка от второго топора из песчаника позволяют восстановить его форму, трапециевидную с зауженным обушком и ровным, слегка овальным лезвием. Одна сторона орудия пришлифована (рис. 9, *2*). В жилище II встречен пришлифованный фрагмент орудия из зеленого сланца. Следы шлифовки заметны и еще на одном обломке орудия из опоки.

Среди орудий имеется ретушер — округлая галька со следами забитости на двух концах.

Итак, кремневая индустрия обоих поселений имеет ряд сходных черт: сырье, высокий процент орудий на пластинах (Баринка II — 99,6%. Баринка I—93%), употребление в качестве орудий микропластинок и пластинок без ретуши; вкладышей составных орудий удлиненных форм и обработка последних помимо ретуши техникой резцового скола; наличие пластинок с притупленным ретушью концом; одинаковые типы резцов; использование для изготовления скребков нуклевидных сколов.

Вместе с тем на поселении Баринка I заметны новые приемы изготовления и типы орудий, а именно: крупные массивные пластины с вторичной обработкой полукрутой или крутой краевой ретушью с брюшка, наличие наряду с концевыми скребками округлых на отщепах, некоторое преобладание скребков над резцами; присутствие других, хотя и немногочисленных, типов изделий — проколок, сверл, скошенных острий и рубящих орудий, обработанных путем оббивки или частичной пришлифовки.

Перечисленные особенности комплекса поселения Баринка I, присущие и ряду других мезолитических памятников Камско-Вятского междуречья — Степинцы II, Кыйлуд IV, Нынек, Архангельская III и др., позволяют объединить их в близкую хронологическую группу. Как и в более древней группе, здесь имеются поселения с жилищами подпрямоугольной или подквадратной формы (Баринка I, Степинцы II, Кыйлуд IV [9; 13, с. 166] и кратковременные стоянки (Нынек, Архангельская III) [14, с. 141, 142]. Следует отметить также появление в кремневом инвентаре ряда памятников, в целом совпадающего с Баринкой I, единичных наконечников стрел постсвидерского типа (Степинцы II) или трапеций с вогнутыми краями типа Огурдино в Прикамье (Архангельская III). Последнее обстоятельство позволяет высказать предположение, что мезолитические памятники рассматриваемого района, в материалах которых содержатся трапеции, являются более поздними и соответствуют заключительным этапам мезолита.

Баринка I имеет радиоуглеродную дату 7435±170 лет тому назад (ЛЕ-1264) — середина VI тысячелетия до н. э., которой вполне соответствуют археологические материалы.

Остатки поселений Баринка I, II позволяют затронуть и некоторые вопросы палеосоциальной и экономической структуры мезолитических поселков. В литературе последних лет жилищам и поселению как важнейшим объектам археологических источников уделяется значительное внимание [15]. В большинстве случаев намечается единый подход к пониманию самого термина «поселение» и тех возможностей, которые связаны с раскрытием его содержания [16, с. 127, 128]. В конкретном случае для характеристики понятия «поселения» приемлемо определение А. Н. Рогачева «как группы одновременных жилищ, часто однотипных, с тождественными культурными остатками, залегающими в одном и том

же геологическом слое, и имеющих определенную систему планировки» [17, с. 9].

В этом смысле жилища внутри каждого из поселений — Баринка I и II — могут рассматриваться как одновременные. Вместе с тем между поселками имеется достаточно четко выраженный хронологический разрыв. Однако причина, объясняющая перерыв в заселении этой территории, не ясна. Не исключено, что она может быть связана с изменением водного режима р. Валы или иными экологическими факторами.

Оба поселения по своему типу являются поселками сезонного обитания. При этом, учитывая меньшую насыщенность культурного слоя поселения Баринка II по сравнению с Баринкой I при почти равной площади жилищ, его, очевидно, можно считать более кратковременным. Вполне вероятно допустить функционирование поселков в холодное время года, свидетельством чему является редкое число ям и находок

Таблица 4

Видовой состав фауны поселения Баринка I

Вид	Кости	Особи
Бобр	7	1
Кабан	7	1
Косуля	2	1
Северный олень	10	1
Лось	41	2
Всего	67	6

вне жилищ, а также характер отопления (костный уголь), отмеченный на Баринке I.

Очевидно, поселки были оставлены населением, ведущим подвижный, скорее всего сезонно-кочевой образ жизни, связанный с охотничьей формой хозяйства. Как свидетельствуют костные остатки, найденные на Баринке I, животный состав фауны был достаточно разнообразным (табл. 4) [2].

Исследователи, опираясь главным образом на этнографию, по-разному определяют количество обитателей жилищ, в расчете от 2 до 5—9 м² площади на человека [16, с. 113; 18, с. 30, 31]. В данном случае, если исходить из полезной площади пола жилищ, наиболее оптимальной, на наш взгляд, является площадь 3—4 м² на одного человека. В таком случае на поселении Баринка II, где площадь каждого жилища составляет около 30 м², могло жить 15—20 человек. Близкий вариант возможен и на поселении Баринка I, где число жителей, очевидно, не превышало 20—25 человек (жилище I — 25 м², жилая часть жилища II — 30 м²). Величина локальной группы у охотничьих народов около 25 человек является почти постоянной и прослеживается во многих случаях [16, с. 135]. Эти подсчеты в принципе соответствуют средней численности семьи (5—6 человек) у древних охотничьих коллективов палеоазиатского Севера [19, с. 212, 213].

Таким образом, мезолитические памятники рассматриваемой территории по ряду признаков кремневой индустрии можно разделить на две хронологические группы, близкие в культурном отношении. Для более ранней характерно высокое содержание орудий на пластинках шириной до 1 см, основу которых составляют пластинки и вкладыши без вторичной обработки, многочисленные угловые резцы, редки концевые скребки и другие категории орудий. В более поздних, на наш взгляд, памятниках сохраняется высокий процент орудий на пластинках, однако появляются

[2] Остеологическое определение выполнено А. Г. Петренко. КФ АН СССР.

более крупные пластины с ретушью, нанесенной преимущественно на брюшке, пластинки с ретушью на конце, уменьшается число угловых резцов, несколько увеличивается количество скребков, в числе которых имеются округлые на отщепах и площадках с нуклеусов, наконец, встречаются рубящие орудия с двусторонней оббивкой или пришлифовкой рабочего края, единичные наконечники стрел постсвидерского типа и трапеции с вогнутыми краями.

В целом указанные особенности кремневой индустрии позволяют включить наши материалы в круг камских и бельских памятников и сопоставить первую группу со стоянками Кама-Жулановская, Нижнеадищевская [20, рис. 1, *16*], Романовка II, III [21, с. 177], вторую — со стоянками типа IV Татарско-Азибейской [22, с. 13—21] (Нижняя Кама). Для них характерны общие признаки индустрии, основанной на технике снятия узких призматических пластинок, вкладышей, угловых резцов, концевых скребков и т. д. Вместе с тем кремневый инвентарь памятников Камско-Вятского междуречья имеет ряд своеобразных черт, к которым относятся пластинки с притупленным концом, отсутствие резцов на отщепах, незначительная доля скребков и несколько перечисленных выше признаков, в том числе почти полное отсутствие наконечников стрел. Последний признак указывается нами в известной степени условно, поскольку наличие наконечников на Нижней Каме, в частности на пластинках с подправленным ретушью острием, на наш взгляд, является дискуссионным [22, рис. 5, *37, 38, 41, 43*].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Спицын А. А.* Приуральский край.— МАВГР, 1893, вып. 1.
2. *Смирнов А. П.* Обследование р. Валы.— В кн.: Археологические исследования в РСФСР (1934—1936 гг.). М.— Л., 1941.
3. *Генинг В. Ф., Стоянов В. Е.* Итоги археологического изучения Удмуртии.— ВАУ, 1961, вып. 1.
4. *Попов А. А.* Жилище.— В кн.: Историко-этнографический атлас Сибири. М.— Л., 1971.
5. *Соколова З. П.* К истории жилища обских угров.— СЭ, 1957, № 2.
6. *Соколова З. П.* Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров.— В кн.: Сибирский этнографический сборник. Т. V. М., 1963.
7. *Голдина Р. Д., Гусенцова Т. М., Кабиров Р. Г., Леконцева Н. И., Макаров Л. Д.* Работы Удмуртского отряда Камско-Вятской экспедиции.— АО — 1974. М., 1975.
8. *Гусенцова Т. М.* Исследования в Богородском р-не Кировской области.— АО — 1975. М., 1976.
9. *Гусенцова Т. М., Голдина Р. Д.* Поселение Степинцы II — памятник мезолитического времени в бассейне р. Лобань.— В кн.: Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 1977.
10. *Халиков А. Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1960.
11. *Рогачев А. Н.* Об аносовско-мезинском типе палеолитических жилищ на Русской равнине.— КСИА АН СССР, 1962, № 92.
12. *Григорьев Г. П.* Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей.— В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Наука, 1972.
13. *Гусенцова Т. М.* Исследование памятников каменного века в междуречье Камы и Вятки.— АО — 1978. М., 1979.
14. *Гусенцова Т. М., Сенникова Л. А.* Исследования памятников эпохи камня в Камско-Вятском междуречье.— АО — 1976. М., 1977.
15. Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. Л., 1974.
16. *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л.: Наука, 1976.
17. *Рогачев А. Н.* Палеолитические жилища и поселения в Восточной Европе.— В кн.: VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.
18. *Хлобыстин Л. П.* Проблемы социологии неолита Северной Евразии.— В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Наука, 1972.
19. Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970.
20. *Бадер О. Н.* Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита.— МИА, 1966, № 126.
21. *Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976.
22. *Косменко М. Г.* Итоги раскопок Татарско-Азибейской IV стоянки.— В кн.: Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, 1978.

T. M. Gusentsova

NEWLY DISCOVERED MESOLITHIC SETTLEMENTS IN THE AREA BETWEEN THE KAMA AND THE VYATKA RIVER

Summary

The article deals with the materials of two newly discovered Mesolithic settlements. In each settlement two contemporary semi-underground rectangular dwellings (5×5 and 4×6) were discovered. Hearth pits and traces of pole constructions were found on the floor. Stone industry includes blades with traces of usage or retouching, numerous incerts, angular cutting tools, scrapers. Chopping tools were found in the settlement of Barinka-I. All these tools have close analogies in the settelments on the Kama and Belaya rivers (Nizhneye Adishchevo, Romanovka II, III, IV, Tatarsky Azibey). The settlements are dated to the 5th-mid-4th millennia B. C.

КОРЕНЕВСКИЙ С. Н.

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ТЛИЙСКОГО МОГИЛЬНИКА

Могильник у с. Тли горной части Юго-Осетинской АССР представляет собой важнейший источник по истории древнего населения центральной части Большого Кавказа в эпоху средней и поздней бронзы. Его материалы были раскопаны и введены в научный оборот Б. В. Теховым [1—3]. Цель настоящей работы сводится к исследованию наиболее общих особенностей состава изделий на медной основе из этого памятника. Изученная коллекция была проанализирована методом спектрального анализа в лаборатории ИА АН СССР в количестве 143 вещей. 124 из них обнаружены в 56 погребениях, 12 случайно. Кроме того, привлечены семь анализов бронзовых предметов из могильника у с. Стырфаз Юго-Осетии эпохи поздней бронзы [1]. Металл вещей Тлийского могильника и стырфазских погребений неоднороден. Особое внимание привлекает распределение примесей олова, свинца, мышьяка, сурьмы, игравших важную роль в производстве древних сплавов.

Концентрации примесей олова и свинца отражают несколько групп изделий с разной насыщенностью (рис. 1, *1*). Главные из них две — оловянистая, с содержанием олова от 0,8 до 1% и безоловянистая, в которой олова меньше 0,1%. Третья, небольшая группа со значением олова от 0,1 до 0,8% ($0{,}1\% < Sn < 0{,}8\%$) занимает промежуточное положение между ними. Первая группа представляет собой искусственные оловянистые бронзы, вторая отражает естественные примеси этого элемента в исходном сырье. Характер концентраций олова в третьей группе неясен: связан ли он с повышенным содержанием в руде касситерита или переплавом оловянистых изделий? Назовем ее условно оловянистой.

Оловянистые бронзы распадаются по концентрациям свинца на низкосвинцовые ($Pb < 0{,}15\%$) и высокосвинцовые ($Pb \geqslant 0{,}15\%$). Граница искусственной лигатуры на графике улавливается плохо (рис. 1, *1*). Условно ее можно принять близкой к 0,5—1%. Максимальное количество свинца в тлийских бронзах доходит до 3%. Среди низкооловянистых и условно-оловянистых изделий содержание свинца ниже, чем у предметов, легированных оловом, и не превышает 0,3%. Намеренных присадок свинца, видимо, среди них нет.

Оловянистые и низкооловянистые бронзы различны по содержанию мышьяка. Последние, как правило, отличаются его высокими концентрациями легирующего свойства — от 0,5 до 10% [4, с. 348—351; 5, с. 32] (рис. 1, *2*) — и в основной массе являются мышьяковыми бронзами. Среди оловянистых бронз концентрации мышьяка заметно ниже. Они рас-

[1] Исследованы материалы из тлийских погребений: 13—18, 21, 23—25, 27—33, 36—43, 45, 46, 48—52, 54, 56—59, 68, 82—88, 93, 101, 103, 105, 109, 114, 116, 180, 181 — и погр. 2, 9, 10 кромлеха 10 у с. Стырфаз. Пользуюсь случаем выразить признательность Б. В. Техову, Е. Н. Черных, Т. Б. Барцевой за помощь и содействие в работе над материалами Тлийского могильника.

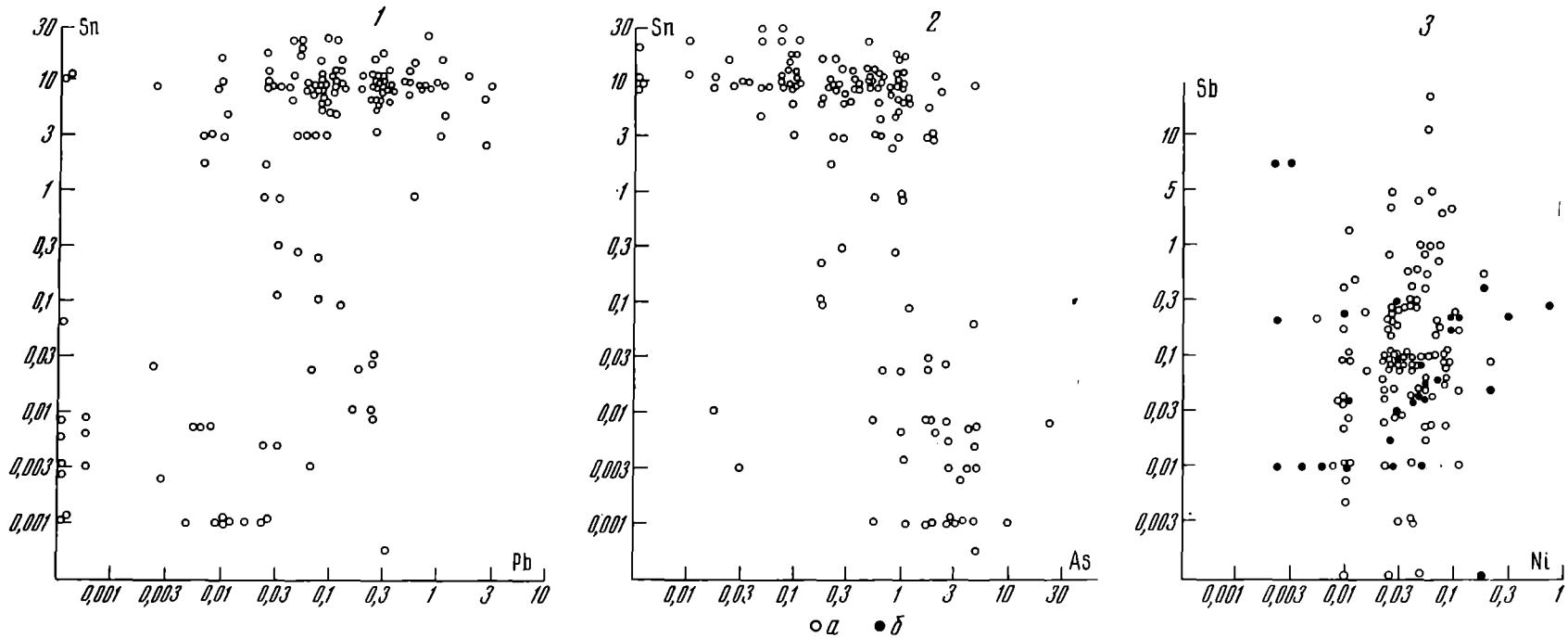


Рис. 1. Корреляционные графики примесей олова, свинца, сурьмы, мышьяка и никеля (рис. 1, *3*): *а* — оловянистые; *б* — мышьяковые бронзы

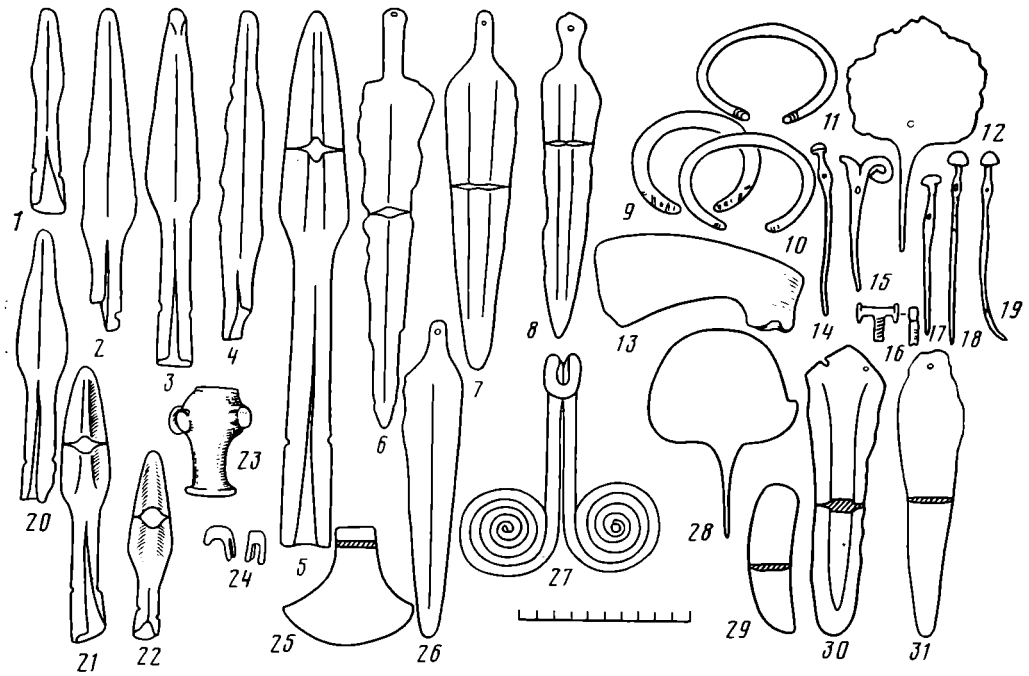


Рис. 2. Предметы из мышьяковых бронз

Примечание. Номера анализов: *1* — 2222; *2* — 2224; *3* — 2203; *4* — 2273; *5* — 23982; *6* — 2225; *7* — 2242; *8* — 2223; *9* — 23964; *10* — 23961; *11* — 2220; *12* — 2219; *13* — 2226; *14* — 2218; *15* — 2267; *16* — 23986; *17* — 23960; *18* — 2244; *19* — 23943; *20* — 2241; *21* — 23936; *22* — 23941; *23* — 23968; *24* — 23977; *25* — 2271; *26* — 23964; *27* — 23963; *28* — 23959; *29* — 2256; *30* — 23983; *31* — 23942

падаются на две слаборазличимые подгруппы — низкомышьяковых (As<0,15%) и высокомышьяковых (As≥0,15%) вещей. У последних этот элемент присутствует, как правило, в десятых долях процента, редко доходя до 1—3%.

Сурьма в металле тлийских и стырфазских изделий содержится в широких пределах, в основном от 0,003 до 3% (рис. 1, *3*). Группировка анализов по сурьме нечеткая. С некоторой долей условности можно наметить ее повышенные концентрации с 0,15% и выделить две подгруппы — низкосурьмянистую (Sb<0,15%) и высокосурьмянистую (Sb≥0,15%). Характер распределения примесей сурьмы среди оловянистых и мышьяковых бронз одинаков. На рис. 1, *3* первые показаны белыми точками, вторые — черными. Сурьма по своим качествам выступает как аналог мышьяка. Она улучшает литейные, механические свойства меди, присутствуя уже с 0,5%. Так же, как мышьяк, сурьма нейтрализует вредные воздействия свинца и висмута. Примесь ее в сплаве в концентрации 0,5% практически полностью устраняет возможность оловянной чумы [4, с. 348—351; 6, с. 473—475]. Эти особенности делали сурьму важным компонентом в металлургии как мышьяковых, так и оловянистых бронз.

Особенности распределения легирующих компонентов позволяют выделить следующие химико-металлургические группы. Они представляют собой статистические совокупности анализов состава металла и отражают специфику источников сырья, а также примеси, полученные медью в ходе металлургического процесса, при добавлении легирующих минералов и т. п. Выделенные группы подразделяются на две большие серии: А — безоловянистых, Б — оловянистых и Б? — условно-оловянистых бронз.

Бронзы без оловянистой лигатуры (Sn<0,1%, рис. 2). Без присадок олова и мышьяка выявлено лишь одно изделие — молоточко-

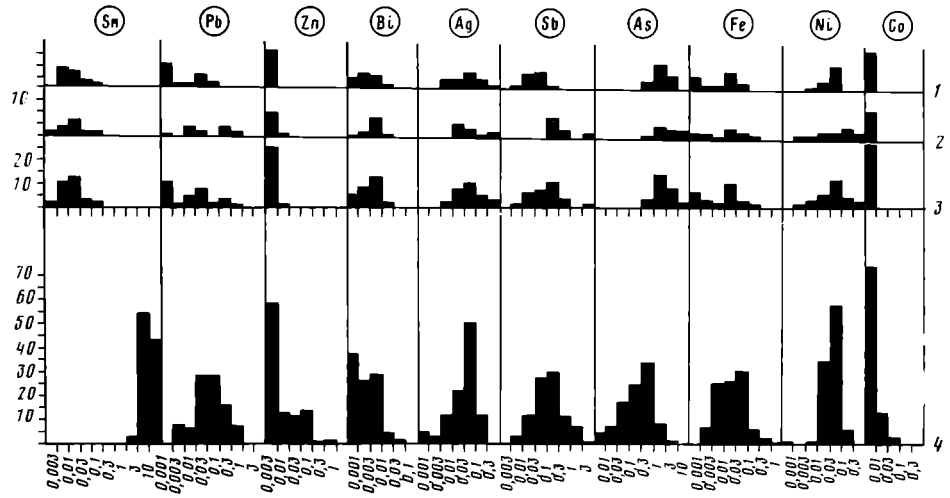


Рис. 3. Гистограммы распределения примесей состава металла изделий Тлийского и Стырфазского могильников

видная подвеска из стырфазского кромлеха 10 погр. 9 (анализ 23 986). Роль легирующего элемента здесь играет сурьма, доходящая до 5%. Остальные предметы без добавления олова представлены мышьяковыми бронзами с пониженным содержанием всех примесей, меньше 0,1%, кроме серебра, железа и в двух случаях свинца (рис. 3, *1*). Обозначим их группой A_2[2]. Она насчитывает 18 предметов. Бронзы этой группы представляют собой типичный металл, известный на Кавказе в эпоху ранней и средней бронзы. Его источником могли быть разнообразные месторождения с невысокими примесями в руде олова, свинца, цинка, висмута, мышьяка, кобальта, никеля и других элементов. Исключением являются два предмета. Первый — булавка (анализ 2219) с повышенной примесью никеля — до десятой доли процента,— чем она напоминает изделия мышьяково-никелевого металла эпохи III тысячелетия до н. э. Второй — тесло (анализ 2271) с концентрациями в десятых долях процента свинца и никеля. Другую группу составляют мышьяково-сурьмяные изделия, насчитывающие 13 предметов (рис. 3, *2*). Обозначим их группой A_3. От группы A_2 они отличаются большим содержанием сурьмы (от 0,15% до нескольких процентов). Ее повышенное присутствие могло быть следствием добавления к меди сурьмяных и мышьяково-сурьмяных минералов или использования медно-сурьмяного сырья [5, с. 35—41] (типа тетраэндрита). Для Большого Кавказа основные сурьмяные рудопроявления отмечены в Рача-Осетинской субширотной зоне [8; 9, с. 167—169; 5, с. 37—41]. Это позволяет считать бронзы A_3 характерным металлом Центрального Кавказа. Группа A_3 неоднородна по примесям свинца, которые находятся в незначительных концентрациях (тысячные, сотые доли процента) или более крупных (от 0,1 до 0,3%), отражая, возможно, различные по насыщенности свинцом источники меди или легирующие минералы. Она превосходит группу A_2 примесями никеля в пределах, равных и больших 0,1%. Такая картина могла быть следствием попадания минералов никеля в металл в ассоциации с минералами сурьмы или мышьяка, поскольку геохимически никель в ряде случаев (в гидротермальных месторождениях) тяготеет к мышьяковому и сурьмяно-мышьяковому комплексу, как отмечается для отдельных зон Кавказа [10, с. 21].

---

[2] Цифровая номенклатура предлагается исходя из особенностей кавказских мышьяковых бронз. Под номером 1 в литературу уже введена группа своеобразных мышьяково-никелевых бронз эпохи майкопской культуры [7]. С другой стороны, группу A_2 удобно обозначить литером М (мышьяковая), а группу A_3 — МСМ (мышьяково-сурьмяная).

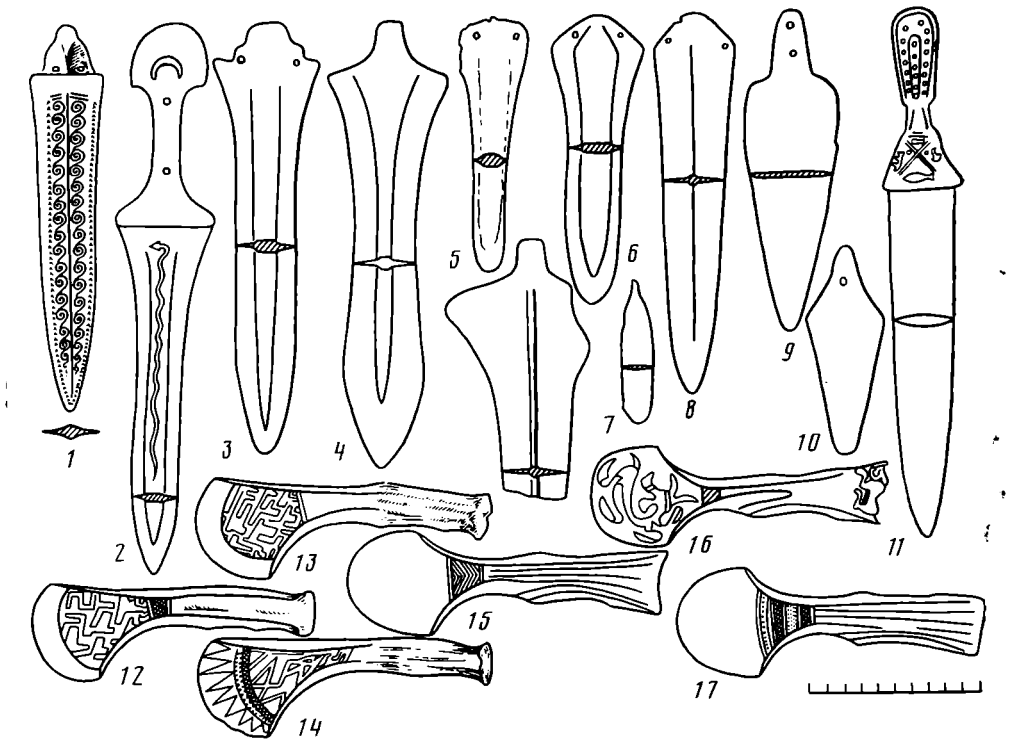


Рис. 4. Предметы из оловянистой и условно-оловянистой бронзы

Примечание. Номера анализов: *1* — 2188; *2* — 2235; *3* — 2198; *4* — 23933; *5* — 23947; *6* — 23983; *7* — 2263; *8* — 2207; *9* — 2214; *10* — 2204; *11* — 23988; *12* — 2205; *13* — 2215; *14* — 2190; *15* — 2247; *16* — 2232; *17* — 2197

Бронзы с лигатурой олова (Sn≥0,8—1%, рис. 3, *4*; рис. 4 и 5). Оловянистые бронзы можно подразделить на восемь групп, основываясь на статистическом распределении примесей свинца, сурьмы и мышьяка (табл. 1). Среди них нет какого-либо доминирующего сплава. Наиболее часто встречены бронзы $Б_4$, $Б_1$, $Б_8$, $Б_5$.

Условно-оловянистые бронзы (0,1%<Sn<0,8%) (рис. 4, *10*; 5, *26*, *41*). Бронзы такого состава учтены в пяти случаях. По распределению мышьяка и сурьмы их возможно отнести, используя номенклатуру оловянистых бронз, к группам $Б?_6$ и $Б?_8$ (два и три предмета соответственно).

Сравнивая распределение микропримесей, характеризующих особенности рудных источников в металле изделий мышьяковых групп $А_{2,3}$ и бронз с лигатурами олова $Б_{1-8}$ (рис. 3, *3*, *4*) можно отметить, что последние заметно отличаются большей насыщенностью цинком и кобальтом. Видимо, медная руда оловянистых бронз частично могла происходить из полиметаллических медноколчеданных месторождений с высокими примесями этих элементов. Черновой металл, выплавляемый из такого сырья, обнаружен в виде четырех слитков в Тлийском могильнике. Они не легированы оловом [3, с. 200, 11, табл. 27]. Цинк в них присутствует в количестве от 0,5 до 1%, олово — до 0,2, свинец — до 0,15 — 0,5%, мышьяк отсутствует или доходит до 0,75%, сурьма выявлена от 0,01 до 0,1%. Олово могло добавляться в металл в виде касситерита или других оловосодержащих минералов в сопровождении примесей свинца, так как все повышенные концентрации последнего — от 0,5% и более — связаны только с оловянистой лигатурой. Другой особенностью оловянистых бронз было более низкое содержание мышьяка, как уже отмечалось, по сравнению с собственно мышьяковым металлом групп $А_{2,3}$. Вероятно, такое положение можно объяснить двояко — следствием использования полиметаллических руд с высоким процентом мышьяка (типа

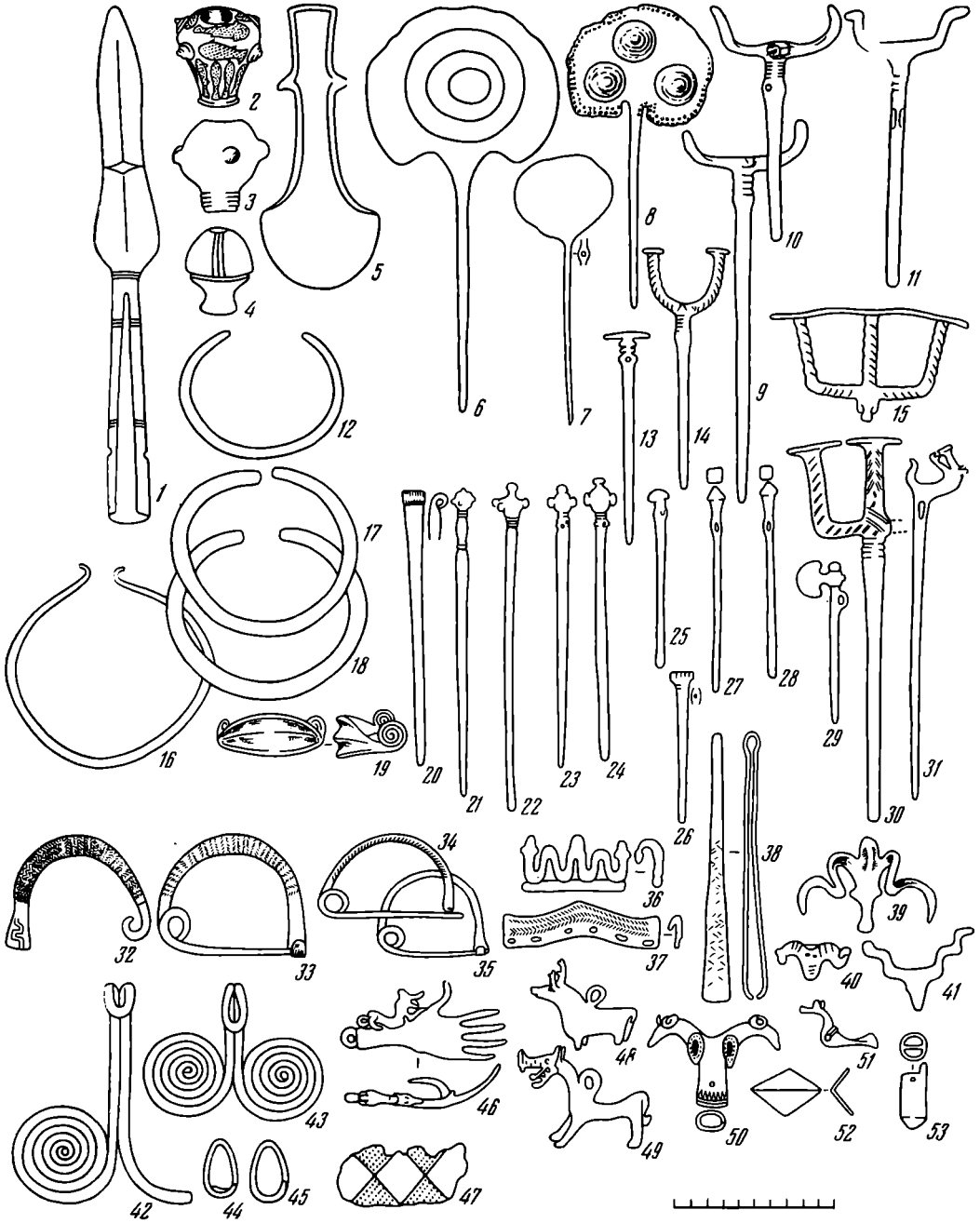


Рис. 5. Предметы из оловянистой и условно-оловянистой бронзы

Примечание. Номера анализов: *1* — 23987; *2* — 2240; *3* — 23948; *4* — 2221; *5* — 2272; *6* — 2258; *7* — 23950; *8* — 2211; *9* — 23951; *10* — 2237; *11* — 23937; *12* — 2186; *13* — 23971; *14* — 23970; *15* — 2238; *16* — 2233; *17* — 2213; *18* — 2245; *19* — 2187; *20* — 23934; *21* — 2201; *22* — 2199; *23* — 23955; *24* — 23966; *25* — 23967; *26* — 23940; *27* — 23979; *28* — 23980; *29* — 2239; *30* — 23949; *31* — 2212; *32* — 2250; *33* — 2208; *34* — 2228; *35* — 2228; *36* — 2257; *37* — 2206; *38* — 2195; *39* — 2191; *40* — 23952; *41* — 23953; *42* — 23939; *43* — 23956; *44* — 23954; *45* — 23973; *46* — 2196; *47* — 23972; *48* — 2209; *49* — 2252; *50* — 2216; *51* — 2202; *52* — 2253; *53* — 2192

энергита) или намеренными небольшими присадками, границу которых статистически уловить сложно. Распределение сурьмы в оловянистых бронзах, напротив, не отличается от ее концентраций в мышьяковых. Сильная насыщенность металла сурьмой мышьяковых и оловянистых бронз отражает местную особенность металлургии центральной части Большого Кавказа.

По погребальному обряду захоронения Тлийского могильника подразделяются на могилы с вытянутыми и скорченными костяками. Первые типичны для ранней части некрополя, датируемой Б. В. Теховым от XVI—XIV до XII в. до н. э.; вторые — для более поздней, отнесенной к XII—VII вв. до н. э. Скорченный обряд в Тлийском могильнике появился до наступления кобанского времени — с XII в. до н. э., в переходный период к этой эпохе [1; 2; 3, с. 14—62]. В изученной коллекции были учтены материалы из 11 погребений с вытянутыми костяками: № 1/2, 27, 29, 42, 43, 45, 46, 48, 59, 73, 181. Они представлены 38 анализами. Среди них большинство составляют мышьяковые бронзы $А_2$ и мышьяково-сурьмяные $А_3$ (16 и 9 предметов). Оловянистые бронзы среди вытянутых захоронений обнаружены в количестве 10 и не везде. Они выявлены в погр. № 27, 43, 45 наряду с предметами из мышьякового металла. В скорченных погребениях докобанского времени № 28, 33, 56, 116 и погр. № 73 с вытянутым костяком выборкой зафиксированы лишь оловянистые бронзы (табл. 2). Более поздние погребения, XII—VII вв. до н. э. содержат вещи, отлитые почти исключительно из оловянистых бронз. Вещи из мышьяковых сплавов в эту пору в тлийских захоронениях очень редки. Изделия из условно-оловянистого металла Б? обнаружены как в ранней, так и в более поздней части Тлийского могильника. Таким образом, оловянистые бронзы появились у местного населения горной части Юго-Осетии до наступления кобанской эпохи, когда у племен этого района еще сохранился обряд вытянутого трупоположения. Их внедрение поэтому не было связано с резкой этнической переменой населения и изменением культовых верований. Однако оно сопровождалось заметным расширением ассортимента инвентаря, оружия, украшений, приобретавших облик последующего периода поздней бронзы (рис. 6). В обиходе племен получили распространение бронзовые булавы с выступами, кинжалы с заклепками на плечах, биспиральные крюки и другие атрибуты, как показывает материал погр. № 27, 43, 45, 73. Ставшие популярными оловянистые бронзы по набору повышенных примесей в металле можно разделить на сплавы со свинцом, мышьяком и сурьмой. Такой набор присадок скорей всего диктовался особенностями новой металлургии с лигатурами олова. Среди них наиболее часто отмечены бронзы с повышенным содержанием свинца $Б_{2-5}$ (45% коллекции из 104 оловянистых вещей), мышьяка $Б_{4-6,8}$ (54%), сурьмы $Б_{3,4,6,7}$ (41%). Собственно оловянистых бронз среди них обнаружено немного. Сплав $Б_1$ занимает всего 18% коллекции. Еще реже встречается сплав олова со свинцом без повышенного содержания сурьмы и мышьяка — $Б_2$. Он насчитывает только 6 предметов из 104. Видимо, такие бронзы особой популярности не имели из-за ограниченных кузнечных качеств. Все отлитые из них изделия являются украшениями.

Таблица 1

Номенклатура оловянистых бронз

Номенклатура	Pb	As	Sb	Количество
$Б_1$ (Sn)	<0,15	<0,15	<0,15	19
$Б_2$ (Sn+Pb)	>0,15	<0,15	<0,15	6
$Б_3$ (Sn+Pb+Sb)	>0,15	<0,15	>0,15	3
$Б_4$ (Sn+Pb+Sb+As)	>0,15	>0,15	>0,15	22
$Б_5$ (Sn+Pb+As)	>0,15	>0,15	<0,15	16
$Б_6$ (Sn+Sb+As)	<0,15	>0,15	>0,15	10
$Б_7$ (Sn+Sb)	<0,15	<0,15	>0,15	9
$Б_8$ (Sn+As)	<0,15	>0,15	<0,15	19

Динамика сплавов с оловом на материалах Тлийского могильника прослеживается еще не полностью из-за ограниченного объема выборки и

Таблица 2

Распределение химико-металлургических групп бронзовых изделий по погребениям и горизонтам Тлийского и Стырфазского могильников

№ погребения	А		Б								Б?		
	2	3	1	2	3	4	5	6	7	8	6	8	
1/2	1												Тлийский могильник, погребения с вытянутыми костяками до XII в. до н. э.
29	2	1									1		
42	7												
46	2	1											
58	3	1											
59		2											
181		1											
27	1									2			
43		1	1							2			
45		2					1						
73						1		2		1			
Всего	16	9	1			1	1	2		5	1		
28						1		1					Погребения со скорченными костяками до XII в. до н. э.
33			2							1			
56						2	4	1	1	1		1	
116							1			5		1	
Всего			2			3	5	2	1	7		2	
Итого	16	9	3			4	6	4	1	12	1	2	
Всего	1	4	15	5	2	17	10	4	7	1	1	1	Погребения Тлийского и Стырфазского могильников XII–VII вв. до н. э.

позволяет коснуться лишь самых общих аспектов этого вопроса. Так, можно отметить, что в переходный период к классической поздней бронзе были известны почти все их виды. Но наибольшее распространение получили оловянно-мышьяковые бронзы $Б_8$. В кобанскую эпоху таких предметов зафиксировано очень мало. В бакинской лаборатории была обследована коллекция из 63 вещей Тлийского и 7 — Стырфазского могильников. Она включает предметы эпохи поздней бронзы. Незначительная часть относится к раннему периоду, а большая — к кобанскому времени и эпохе раннего железа [11].

Данные этой серии подтверждают наши выводы общего порядка. Так, в ней обнаружено: медных вещей 1%, мышьяковых бронз 5%, условно-оловянистых 7% и оловянистых 87%. Небольшое число стырфазских анализов, выполненных обеими лабораториями, в целом согласуется с картиной тлийского металла.

Коллекция мышьяковых и мышьяково-сурьмяных бронз Тлийского некрополя отражает типичное сочетание этих групп металла для районов Северной Грузии во II тысячелетии до н. э., что хорошо прослеживается по другим памятникам [5]. Круг сравнения оловянистых бронз рассматриваемого периода с материалами Закавказья неширок. Для этой цели были привлечены данные состава металла лчашенских погребений XIII—XII вв. до н. э. и могильника Мингечаура конца II — начала I тысячелетия до н. э. [12, 13]. В качественном отношении оловянистые бронзы Малого Кавказа представляли почти ту же картину. Они изготовлялись из сплавов с оловом, оловом и свинцом, оловом и мышьяком, оловом, мышьяком и сурьмой [14]. Но среди них меньше процент многокомпонентных сплавов с повышенными концентрациями сурьмы. Так, в Тлийском могильнике они занимают 41%, в коллекции Лчашена — 12%, материалах Мингечаура — 18%. Металл оловянистых бронз из погребений Мингечаурского некрополя, как и в Юго-Осетии, был насыщен цинком

Приложение

Результаты спектрального анализа состава металла предметов Тлийского и Стырфазского могильников

Шифр лаборатории	Предмет	Место находки	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
2186	Браслет	Тли, п. 13	Осн.	9	0,55		0,003	0,1	0,06	0,18	0,001	0,018		0,001–0,003
2187	»	» п. 14	»	10	0,018			0,025	0,01		0,013	0,12		
2188	Кинжал	» п. 15	»	11	0,075		0,001	0,06	0,045	0,07	0,004	0,025		0,001–0,003
2189	Пряжка	» п. 16	»	10	0,1	0,016	0,002	0,08	0,045	0,11	0,006	0,045	0,009	0,001 0,003
2190	Топор	» п. 16	»	6,5	0,22	0,03	0,005	0,04	2.	0,9	0,005	0,035	<0,003	0,001
2191	Подвеска-баран	» п. 17	»	3,2	0,2	0,4	0,05	0,08	0,04	7,5	0,65	0,06	0,06	0,001–0,003
2192	Наконечник	» п. 18	»	4,5	0,09		0,001	0,06	20	0,8	0,025	0,055	0,012	0,003
2193	Бляха ромбовидная	» п. 18	»	12	1,5	0,03	0,002	0,1	0,4	1	0,012	0,05	0,016	0,001–0,003
2194	Пряжка	» п. 21	»	7	0,25	0,018	0,004	0,12	0,1	0,25	0,045	0,02	>0,003	0,001–0,003
2195	Пинцет	» п. 23	»	10	0,22	0,014	0,001	0,06	0,08	0,12	0,008	0,03	0,008	
2196	Пряжка-рука	» п. 25	»	8	0,13	0,008		0,06	0,8	0,19	0,02	0,05	0,01	
2197	Топор	» п. 24	»	10	0,2	0,08	0,002	0,08	0,19	0,55	0,07	0,025	0,009	0,001–0,003
2198	Кинжал	» п. 25	»	9	0,03			0,05	1,6	0,015	0,001	0,075	0,003	
2199	Булавка	» п. 27	»	12	0,02	0,006	0,001	0,07	0,04	0,5	0,05	0,12	0,23	0,001–0,003
2200	Кинжал	Тли, п. 27	Осн.	1,5	0,006			0,003	0,003	0,18	0,003	0,03		
2201	Булавка	» п. 28	»	10	0,009	0,16	0,002	0,04	1,4	0,17	0,09	0,013	0,003	0,001–0,003
2202	Подвеска	» п. 28	»	6,5	2,3	0,4	0,002	0,01	13	0,55	1	0,06	0,01	0,001–0,003
2203	Копье	» п. 29	»	0,001	0,004		0,009	0,08	0,17	3	0,002	0,005		
2204	Кинжал	» п. 29	»	0,27	0,035		0,003	0,06	0,5	0,8	0,003	0,16		
2205	Топор	» п. 30	»	7,5	0,33		0,005	0,05	0,55	0,19	0,005	0,037	0,006	0,003–0,01
2206	Пряжка	» п. 31	»	6,5	0,2	0,025	0,008	0,05	0,1	0,3	0,04	0,012	0,008	0,001–0,003
2207	Кинжал	» п. 32	»	8	0,05	0,025		0,04	0,55	0,07	0,015	0,045	0,016	<0,001
2208	Фибула	» п. 32	»	8	0,07			0,015			0,06	0,027	0,065	<0,001
2209	Подвеска	» п. 39	»	4,5	0,013			0,01	2	0,04	0,01	0,027	0,003	
2210	Браслет	» п. 39	»	10	0,25		0,002	0,04	0,09	0,035	0,005	0,09		
2211	Булавка	» п. 39	»	9	0,035		0,001	0,006	0,08	0,08	0,003	0,09		0,001
2212	»	» п. 37	»	10	0,2			0,008	0,09	0,03	0,004	0,19	0,004	
2213	Браслет	» п. 38	»	10	0,12			0,005	0,45	0,47	0,05	0,013	0,004	
2214	Кинжал	» п. 40	»	8	0,15		0,002	0,08	0,1	0,7	0,012	0,055	0,023	0,001
2215	Топор	» п. 40	»	7	0,45	0,017	0,004	0,1	0,23	0,7	0,02	0,03	0,004	0,001–0,003

Продолжение

Шифр лаборатории	Предмет	Место находки	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
2216	Навершие	» п. 41	»	12	0,16		0,003	0,025	0,08	0,33	0,023	0,011	0,009	0,001–0,003
2217	Топор	» п. 41	»	10	0,4	0,045	0,004	0,08	0,14	0,35	0,025	0,025	0,004	0,001–0,003
2218	Булавка	Тли, п. 42	Осн.	0,06				0,06	0,02	4,5	0,02	0,02	0,05	
2219	»	» , п. 42	»	0,001				0,05		1,6		0,15		
2220	Браслет	» , п. 42	»	0,002			0,001	0,7	0,06	3,2		0,07		
2221	Булава	» , п. 43	»	12	0,04			0,001	0,08	0,5	0,04	0,04	0,07	0,001
2222	Копье	» , п. 45	»	0,006			0,003	0,05	0,03	1,7		0,03		
2223	Кинжал	» , п. 45	»	0,001	0,014		0,005	0,06	0,01	2,5		0,025		
2224	Копье	» , п. 46	»	0,001	0,008		0,002	0,06	0,015	2,7		0,025		
2225	Кинжал	» , п. 46	»	0,001	0,01		0,002	0,07	0,04	3,2	0,001	0,05		
2226	Топор	» , п. 46	»		0,3		0,007	0,4	0,4	7,5	0,001	0,16		
2227	Фибула	» , п. 47	»	9	0,2		0,001	0,012	0,27	0,1	0,025	0,025	0,003	
2228	»	» , п. 49	»	9	0,25	0,008	0,003	0,08	0,1	0,23	0,003	0,03	0,009	0,001–0,003
2229	Слиток	» , п. 50	»	0,01	0,14	0,5	0,001	0,06	0,01	0,015	0,012	0,004		
2230	Топор	» , п. 50	»	20	0,11	0,06	0,002	0,07	0,07	0,045	0,013	0,08	0,008	0,003–0,01
2231	Сосуд	» , п. 50	»	12	0,2			0,04	0,02	0,01	0,005	0,08		
2232	Топор	» , п. 51	»	13	0,45	0,04	0,008	0,08	0,14	0,4	0,02	0,07	0,009	0,001–0,003
2233	Гривна	» , п. 51	»	8	0,7	0,05	0,017	0,08	0,07	0,45	0,15	0,014	0,011	0,001–0,003
2234	Топор	» , п. 52	»	11	0,09	0,06	0,004	0,15	0,02	0,015	0,012	0,03		0,03–0,1
2235	Кинжал	» , п. 52	»	9	0,017			0,05	3	0,025	0,02	0,027		
2236	Гривна	» , п. 54	»	2	2,3		0,005	0,06	0,17	0,75	0,006			0,001–0,003
2237	Булавка	» , п. 56	»	9	0,6		0,009	0,06	0,17	4	0,002	0,07	0,01	
2238	»	» , п. 56	»	11	0,25		0,013	0,06	0,12	0,6	0,002	0,027	0,009	
2239	Булавка	Тли, п. 57	Осн.	4	1,3		0,02	0,08	0,06	0,55	0,002	0,05	0,008	~0,001
2240	Булава	» п. 57	»	>20	0,045	0,009	0,07	0,06	0,018	0,015	0,005	0,01	0,01	0,01–0,03
2241	Копье	» п. 58	»	0,007	0,005		0,007	0,06	0,15	4	0,001	0,1		0,001
2242	Кинжал	» п. 58	»	0,004	0,03		0,003	0,08	0,11	4,5	0,001	0,09		
2243	Удила	» п. 68	»	0,11	0,03		0,002	0,03	0,035	0,15	0,017	0,011	0,001–0,003	0,001–0,003
2244	Булавка	» п. 59	»	0,007	0,005		0,003	0,08	0,2	2,3		0,1		
2245	Пояс	» п. 82	»	9	0,1	0,007	0,003	0,08	0,023		0,004	0,02		<0,001
2246	Браслет	» п. 83	»	10	0,07			0,04	1	0,07	0,005	0,04		0,001–0,003
2247	Топор	» п. 84	»	8,5	0,3	0,016	0,007	0,06	0,08	0,33	0,025	0,025	0,003	0,001–0,003

Продолжение

Шифр лаборатории	Предмет	Место находки	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
2248	Ведро	» п. 85	»	15	0,04		0,002	0,04	0,011	0,09	0,005	0,01		~0,001
2249	Пояс	» п. 41	»	>20	0,08		0,002	0,05	0,011	0,07	0,003	0,035		
2250	Фибула	» п. 86	»	13	0,3	0,05	0,003	0,06	0,027	0,08	0,006	0,027	0,008	~0,001
2251	Топор	» п. 87	»	20	0,035	0,007	0,001	0,06	0,025	0,11	0,004	0,012		<0,001
2252	Подвеска	» п. 88	»	9	2,7	0,02		0,05	0,15	0,09	0,1	0,12	0,05	
2253	Ромбовидная бляха	» п. 88Б	»	17	0,04		0,001	0,03	0,02		0,003	0,05	0,007	
2254	Фрагмент миски	» п. 93	»	15	0,25	0,25	0,004	0,06	0,27	0,75	0,1	0,035	0,008	0,003–0,01
2255	Пояс	» п. 93	»	10	0,04	0,05	0,005	0,1	0,18	0,45	0,005	0,025	0,005	
2256	Нож	» п. 101	»	0,09	0,13		0,002	0,08	0,1	1,3		0,06		0,001–0,003
2257	Пряжка	» п. 103	»	10	0,7		0,004	0,06	0,23	0,8	0,003	0,014		~0,001
2258	Булавка	» п. 105	»	9	0,07		0,001	0,1	1	0,75	0,04	0,06	0,02	~0,003
2259	Рукоять кинжала	Тли, п. 109	Осн.	9	0,6	0,035	0,004	0,08	0,04	0,35	0,015	0,04	0,004	0,001–0,003
2260	Топор	» п. 18	»	10	0,05	0,007		0,06	0,25	0,4	0,05	0,07		0,001–0,003
2261	Фибула	» п. 114	»	13	0,1	0,011	0,003	0,02	0,11	0,25	0,003	0,027	0,004	
2262	Сосуд	» п. 120	»	20	0,7	0,006	0,004	0,08	0,16	0,4	0,06	0,027		0,001 0,003
2263	Нож	» п. 13	»	7,5	0,1	0,014	0,003	0,08	1	1,9	0,005	0,07	0,005	~0,003
2264	Пояс	» п. 14	»	14	0,12		0,007	0,08	0,03	0,07	0,005	0,02		~0,001
2265	Булавка	» Вне комплекса	»	8	0,002			0,001	0,08	0,045	0,002	0,025		
2266	»	» »	»	6,5	0,04			0,01	0,12	1,2	0,002	0,075		
2267	»	» »	»	0,008	0,013		0,013	1,1	0,27	17–20	0,005	0,7	0,005	
2268	»	» »	»	4,5	0,1			0,006		0,9	2,5	0,045		
2269	»	» »	»	12	0,13		0,002	0,01	0,05	0,75	0,18	0,075	0,3	~0,003
2270	»	» »	»	0,9	0,5	0,01	0,002	0,1	0,06	1	0,003	0,08		0,001–0,003
2271	Тесло	» »	»	0,025	0,2	0,008	0,001	0,15	0,045	2,3	0,003	0,19	0,02	0,03–0,01
2272	»	» »	»	9	0,2	0,04	0,004	0,06	0,15	0,35	0,045	0,023	0,007	>0,003
2273	Копье	» »	»	0,001	0,011		0,013	0,02	0,12	4,5	0,001	0,035		
23933	Кинжал	» п. 180	Осн.	14	1			0,1	0,5	1	0,07	0,05	0,002	<0,001
23934	Булавка	» п. 180	»	5	0,2			0,1	0,6	15	0,01	0,07	0,04	<0,001
23935	Подвеска	» п. 180	»	0,2	0,07	0,008	0,001	0,03–0,1	3	0,2	0,07	0,06	0,004	~0,001
23936	Копье	» п. 181	»	0,01	0,01		0,004	0,03–0,1	0,3	10	0,1	0,03	0,001	

Продолжение

Шифр лаборатории	Предмет	Место находки	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
23937	Булавка	Тли, п. 116	Осн.	6	0,07	0,005	0,001	0,01–0,03	0,1	1,2	0,04	0,03	0,004	<0,001
23938	»	» п. 116	»	6	0,07		0,001	0,01–0,03	0,1	0,2	0,01	0,04	0,003	
23939	Подвеска	» п. 116	»	6	0,2		0,001	0,01–0,03	0,04	0,15	0,01	0,07	0,003	
23940	Булавка	» п. 116	»	0,1	0,07			0,001	0,04	0,15	0,01	0,01		<0,001
23941	Копье	» п. 58	»	0,001	0,02		0,005	0,007	0,01	1,2	0,6	0,002	0,004	
23942	Кинжал	» п. 58	»	0,004	0,02		0,004	0,01	0,04	1,2	0,02	0,04	0,004	<0,001
23943	Булавка	» п. 59	»	0,007	0,007		0,001	0,2	0,18	2,8	0,01	0,002	0,01	<0,001
23945	Спираль	» п. 56	»	14	0,009			0,003–0,01	0,08	0,2	0,01	0,03	0,004	
23946	Диадема	» п. 56	»	14	0,2		0,01	0,01–0,03	0,12	0,15	0,04	0,09	0,01	<0,001
23947	Кинжал	» п. 56	»	6	0,3		0,001	0,003–0,01	0,1	0,25	0,07	0,04	0,002	
23948	Булава	» п. 56	»	6	0,2			0,003 0,01	0,1		0,4	0,04	0	<0,001
23949	Булавка	» п. 56	»	14	0,07		0,001	0,1	0,3	0,9	0,03	0,04	0,004	<0,001
23950	»	» п. 56	»	6	0,07			0,01–0,03	0,3	0,09	0,03	0,04	0,004	
23951	»	» п. 56	»	11	0,2			0,01–0,03	0,3	5,5	0,04	0,04	0,004	
23952	Подвеска-баран	» п. 56	»	3	0,08		0,004	0,02	0,08	0,25	0,3	0,03	0,004	<0,001
23953	»	» п. 56	»	0,3	0,03		0,004	0,01	0,09	0,25	0,1	0,01	0,004	<0,001
23954	Серьга	» п. 56	»	0,8	0,003		0,01	0,01	0,03	0,5	0,1	0,001	0,004	<0,001
23954а	Серьга	Тли, п. 56	Осн.	3	0,006				0,04	0,5	0,01	0,01	0,003	<0,001
23955	Булавка	» п. 33	»	3	0,05			0,0007	0,015	0,2	0,01	0,05	0,004	<0,001
23956	Биспиральный крюк	» п. 33	»	3	0,007			0,0007	0,04	0,1	0,04	0,05	0,04	<0,001
23957	Фибула	» п. 33	»	1,5	0,02	0,009		0,01			0,01	0,01	0,04	<0,001
23958	Булавка	» п. 42	»	0,006			0,001	0,1	0,08	1	0,05	0,04	0,04	<0,001
23959	»	» п. 42	»	0,001				0,2	0,05	0,5	0,01	0,05		<0,001
23960	»	» п. 42	»	0,003				0,15	0,01	7	0,02	0,04	0,004	<0,001
23961	Браслет	» п. 42	»	0,008				0,2	0,04	1,5	0,01	0,04	0,003	
23962	Крест	» случ. нах.	»	8	0,008			0,01	1,8	0,01	0,01	0,1	0,006	
23963	Биспиральный крюк	» п. 27	»	0,02	0,002			0,007	0,01	1	0,01	0,01	0,004	
23964	Кинжал	» п. 29	»	0,008				0,005	0,01	0,5	0,007	0,006		
23965	Браслет	» п. 29	»	0,001	0,02	0,008		0,015	0,2	1,5	0,04	0,1	0,004	
23966	Булавка	» п. 43	»	8	0,007			0,007	0,03	0,2	0,1	0,03	0,04	<0,001

Окончание

Шифр лаборатории	Предмет	Место находки	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
23968	»	» п. 43	»	15	0,02			0,007	0,01	0,1	0,05	0,02	0,04	<0.001
23967	Булава	» п. 43	»	0,008	0,2			0,02	0,8	1,5	0,01	0,02	0,004	<0,001
23969	Булавка	» п. 45	»	3	1	0	0,01	0,01	0,1	0,5	0,04	0,03	0,04	<0,001
23970	»	» п. 73	»	5	0,07			0,001	0,3	0,5	0,04	0,04	0,005	<0,001
23971	»	» п. 73	»	3	0,04				0,2	0,9	0,04	0,02	0,005	<0,001
23972	Пояс	» п. 73	»	9	1	0,008	0,001	0,01	0,2	1	0,05	0,1	0,01	<0,001
23973	Серьга	» п. 73	»	8	0,07	0,008		0,0007	0,1	0,5	0,1	0,04	0,01	<0,001
23974	Молоточковидная булавка	» случ. нах.	»	3	0,06			0,01	0,08	1,5	0,02	0,04	0,005	<0,001
23975	»	» »	»	3	0,01	0,004		0,01	0,04	1,5	0,04	0,02	0,004	<0,001
23977	Неопределенный предмет	» п. 36	»	0,003			0,004	0,01	5	4	0,05	0,003	0,004	<0,001
23978	Кинжал	Тли, случайная находка	Осн.	0,8	0,02			0,01	0,08	1	0,02	0,04	0,005	<0,001
23979	Булавка	То же	»	12				0,01	0,003	0,1	0,04	0,04	0,04	<0,001
23980	»	»	»	11				0,07	0,003	0,1	0,04	0,04	0,04	<0,001
23981	Пояс	»	»	14	0,5	0,09	0,001	0,08	0,01	0,02	0,1	0,007	0,005	<0,001
23982	Копье	Стырфаз, п. 9 кромлех 10	»	0,02	0,06		0,004	0,01	0,004	1,5	0,01	0,01	0,005	0,001
23983	Кинжал	То же	»	8	0,06	0,02	0,003	0,05	0,01	0,05	0,1	0,01	0,005	
23984	»	Стырфаз, п. 10 кромлех 10	»	0,03	0,2			0,01	0,2	1,5	0,01	0,01	0,004	<0,001
23985	Копье	То же	»	0,02	0,15		0,001	0,01	0,2	0,6	0,01	0,3	0,005	
23986	Молоточковидная подвеска	Стырфаз, п. 9 кромлех 10	»	0,003	0,06		0,04	0,01	5	0,03	0,07	0,002	0,005	<0,001
23987	Копье	Стырфаз, п. 2 кромлех 10	»	8	0,06			0,02	0,15	0,01	0,05	0,01	0,004	<0,001
23988	Кинжал	То же	»	8	0,06	0,008		0,02	0,4	0,04	0,01	0,01	0,004	<0,001

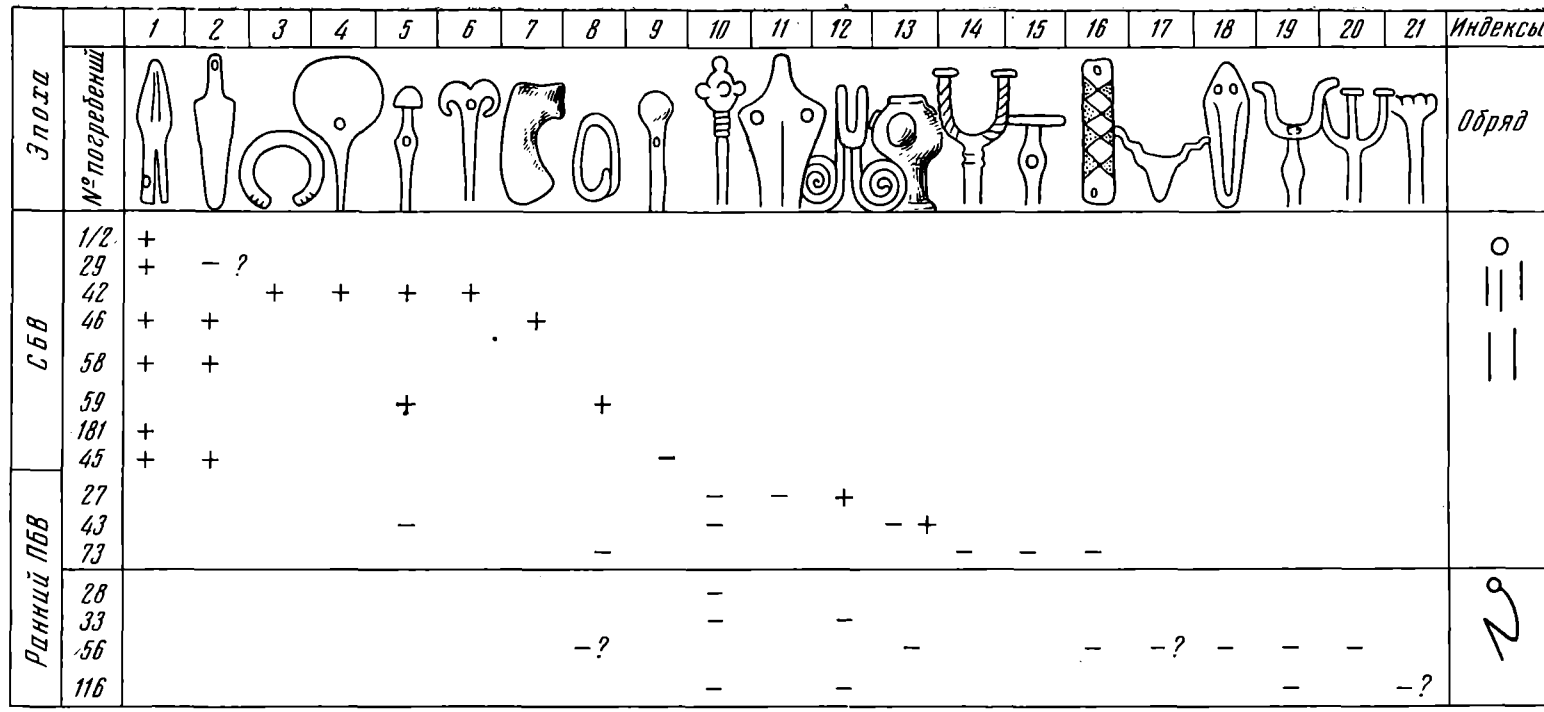


Рис. 6. Распределение мышьяковых, оловянистых и условно-оловянистых бронз среди погребений раннего периода Тлийского могильника.

Примечание. Знак «+» обозначает мышьяковые бронзы, «—» — оловянистые, «—?» — условно-оловянистые. Названия конечных типологических разрядов: *1* — наконечник копья с раскрытой втулкой; *2* — черенковый кинжал с одним отверстием; *3* — браслет литой; *4* — булавка с дисковидной головкой с отверстием, *5* — булавка с грибовидной головкой; *6* — бивалютная булавка с отверстием; *7* — втульчатый топор; *8* — серьга в 1,5 оборота; *9* — булавка с круглой головкой; *10* — булавка с пятишишечной головкой; *11* — кинжал с отверстиями на плечах и черенком; *12* — бивалютный крюк; *13* — булава; *14* — У-образная булавка со шляпкой; *15* — гвоздевидная булавка; *16* — бронзовый пояс; *17* — головка барана; *18* — кинжал с отверстиями на плечах, без черенка и с широким ребром; *19* — булавка в виде рогов быка; *20* — булавка с навершием в виде трезубца; *21* — молоточковидная булавка без боковых дисков

от сотых долей до 1%, отражая тем самым эксплуатацию близких по характеру полиметаллических медно-цинковых колчеданных месторождений. Таким образом, оловянистые бронзы племен горной Юго-Осетии несли общие черты кавказской металлургии Закавказья, и имели свои локальные особенности, типичные для центральной части Большого Кавказа. Металлургия оловянистых бронз здесь была нетипичным явлением для среднего бронзового века [5, с. 29]. Сплавы с оловом появились главным образом во второй половине II тысячелетия до н. э., в ранний период эпохи поздней бронзы, еще до расцвета великолепной кобанской металлообработки и сложения форм кобанских, колхидо-кобанских топоров, как справедливо отметил Б. В. Техов [3, с. 199]. В местных условиях они нашли сочетание с традиционной рецептурой сурьмяных и мышьяково-сурьмяных бронз. Широкое применение оловянистых лигатур совпало с заметным усовершенствованием оружия, увеличением ассортимента украшений и другой утвари, расширением источников металла в сторону освоения полиметаллических медно-цинковых месторождений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Техов Б. В.* Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси: Мецниереба, 1971.
2. *Техов Б. В.* Тлийский могильник и проблема хронологии эпохи поздней бронзы — раннего железа Центрального Кавказа.— СА, 1972, № 3.
3. *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М.: Наука, 1977.
4. *Смирнов В. И.* Металлургия меди и никеля. М., 1950.
5. *Тавадзе Ф., Сакварелидзе Р.* Бронзы древней Грузии. Тбилиси: Изд-во АН ГССР. Ин-т металла и горного дела, 1959.
6. *Бочвар А. А.* Металловедение. М.: Металлургиздат, 1956.
7. *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука, 1966.
8. *Тогонидзе Г. И.* Сурьма.— В кн.: Природные ресурсы Грузинской ССР. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
9. *Черницын В. Б.* Металлогения Большого Кавказа. М., 1977.
10. *Эфендиев Г. Х.* Никеленосность основных пород Азербайджана. Баку, 1945.
11. *Кашкай М. А., Селимханов И. Р.* Из истории металлургии Кавказа. Баку: Элм, 1973.
12. *Геворкян А. Ц.* Химическая характеристика металла лчашенских курганов.— СА, 1972, № 2.
13. *Кашкай М. А., Селимханов И. Р.* Исследование металлических анализов древнего Мингечаура эпохи развитой бронзы. Баку: Изд-во АГУ, 1959.
14. *Геворкян А. Ц.* Древнейшая металлургия и горное дело Армении. Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1972.

S. N. Korenevsky

CHEMICAL COMPOSITION OF THE BRONZE ARTIFACTS AT THE TLY BURIAL GROUND

Summary

The author gives a general chemical characteristic of the bronze artifacts from the Tly burial ground in the south of Ossetia which dated from the 16th-14th to the 7th centuries B. C. Thorough investigations have led him to the conclusion that in the earlier part of the necropolis among the grave furniture of the extended burials arsenic and arsenic-antimony bronze artifacts predominate. Stanniferous bronze artifacts are very rare. but became predominant in the later period which is characterised by crouched burials, more and more elaborate grave furniture, more advanced weapons and ornamentation. In some regions stanniferous bronze dates back to the pre-Koban epoch with its famous axes. Stanniferous bronze and its alloys predominate in the later Tly burials and the Styrfaz stone circles of the Koban and the Early Iron Age period (12th-7th centuries B. C.).

БЕЛОВ Г. Д.

НЕКРОПОЛЬ ХЕРСОНЕСА КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Материалы из раскопок некрополя V—IV вв. до н. э., открытого на северном берегу Херсонеса, являются ценным источником для изучения начального периода истории города. Местонахождение некрополя непосредственно указывает на первоначальные границы города и на дальнейший рост его территории в результате застройки некрополя жилыми кварталами. Предметы из погребений имеют решающее значение в вопросе о времени возникновения Херсонеса как колонии. Импортная керамика, амфоры и другие вазы, позволяет судить о торговых связях Херсонеса с различными греческими центрами. Инвентарь могил и погребальный обряд в целом дают представление о загробных верованиях жителей, а также об экономике и культуре города. Костные же останки погребенных свидетельствуют об этническом составе населения и о местном поселении, предшествовавшем основанию колонии греками.

Ряд публикаций был посвящен исследованию материалов из погребений: систематизации предметов по их типам, определению времени и места их происхождения, выяснению тех центров, из которых они были привезены в Херсонес [1, с. 17—26; 2, с. 112—122; 3, с. 17—23].

В настоящей статье дается общая характеристика некрополя.

Топография и геология некрополя.

До 1936 г. не было обнаружено массового некрополя классической эпохи в Херсонесе. Открыты лишь отдельные погребения внутри самого города, в частности на северном берегу.

На основании этих погребений К. К. Косцюшко-Валюжинич высказал предположение о существовании древнейшего некрополя в Херсонесе. «Город захватил и уничтожил греческий некрополь»,— пишет он в рукописном отчете за 1893 г. [4]. В другом месте он говорит, что город расширился и прошел сверху над древнегреческим некрополем, поэтому-то «не найдено сплошного древнегреческого некрополя».

Дальнейшие раскопки подтверждают эту мысль К. Косцюшко. «После раскопок последних лет пришел к убеждению, что местность эта (т. е. северный берег) находилась за чертой древнего города и была занята некрополем»,— пишет он в отчете за 1895 г. [5].

Правильность догадки Косцюшко подтвердили последующие раскопки. В 1911—1912 гг. на северном берегу, около монастырской купальни, были обнаружены детские погребения в амфорах. В 1913 г. погребения были открыты и на территории монастырской усадьбы. В 1935 г. остатки двух костяков оказались на берегу моря [6, с. 23 сл.].

Однако эти единичные могилы, открытые к тому же в разных местах, еще не решали вопроса о существовании массового некрополя V—IV вв. до н. э. в Херсонесе и о его местонахождении. Отсутствие некрополя классического времени давало право некоторым исследователям, даже таким крупным ученым в области истории Крыма, и в частности Херсонеса, как А. Л. Бертье-Делагард, утверждать, что в V—IV вв. до н. э. города на

берегу Карантинной бухты не существовало, что древнейший Херсонес находился совсем в другом месте, на берегу Казачьей бухты [7, с. 117 слл.]. Но на основании производившихся на Херсонесском мысу раскопок стало известно, что остатки находящихся там поселений и крепостных стен относятся к IV—II вв. до н. э., не ранее. Города там вообще не было, открытые же на Херсонесском мысу развалины зданий не что иное, как сельские усадьбы, а вся территория мыса и Гераклейского полуострова в целом была в древности разделена на правильные земельные участки, огороженные каменными заборами и дорогами. Найденные при раскопках предметы показывают, что главным занятием жителей на мысу являлось виноградарство и виноделие [8, с. 108 слл.].

Раскопки послереволюционных лет, в особенности последних десятилетий, показали, что Херсонес на берегу Карантинной бухты возник не позднее конца V в. до н. э. Решающим обстоятельством в этом вопросе явилось открытие некрополя на северном берегу Херсонеса. Всего на сравнительно небольшой территории открыто около 160 погребений [1]. Кроме того, при раскопках в Северном районе города в 1930—1960 гг. часто встречались костные останки, выброшенные из могил при строительных работах в эллинистический период; найдены и надгробные памятники.

Нахождение большого количества могил на северном берегу сразу же поставило на твердую почву решение ряда вопросов из начальной истории Херсонеса. Так, например, стало несомненным, что, во-первых, некрополь классической эпохи в Херсонесе существовал; во-вторых, Херсонес на берегу Карантинной бухты был основан не позднее конца V в. до н. э.; в-третьих, территория города до конца IV в. до н. э. была незначительной и охватывала только нынешнюю восточную его часть; в-четвертых, значительное расширение площади города происходит с конца IV — начала III в. до н. э., когда некрополь оказался застроенным жилыми кварталами.

Открытые на северном берегу погребения позволяют определить приблизительные границы некрополя классической эпохи (на плане заштрихован в клетку, рис. 1, см. вклейку).

Территория некрополя на северном берегу представляет собой небольшую впадину, наклонную к морю и ограниченную с юго-запада высоким холмом. Расположение описываемой территории в ложбине способствовало образованию на ней довольно значительного слоя материковой глины желтоватого цвета и почвенного покрова. Этот слой грунта оказался достаточным для устройства в нем могил. За редкими исключениями, все могилы на северном берегу были вырыты в земле, лишь две-три могилы были частично вырублены в скале, притом на небольшую глубину — на 0,30 м.

Большинство погребений находилось непосредственно на скале или в материковой глине на высоте 0,10—0,20 м от скалы. Это относится к погребениям нижнего горизонта. Что же касается погребений верхних горизонтов, то они лежали большей частью в насыпи культурного слоя. Последний является характерной особенностью данного участка некрополя. Культурный слой был обильно насыщен черепками ионийской керамики [1, с. 17 слл.], аттической краснофигурной и чернолаковой посуды, обломками привозных остродонных амфор и местной посуды, среди которой встречались обломки лепных сосудов [6, с. 163—249; 2, с. 112 слл.].

Насыпь культурного слоя накопилась здесь, несомненно, в результате вывоза мусора из города. Более того, городской мусор вывозился сюда с

---

[1] Краткие сведения о некрополе даны в статьях [9, с. 155—163; 10, с. 272—284]. Могилы нумеруются погодно, причем числитель является номером могилы, а знаменатель указывает на год раскопок.

целью увеличения толщины насыпи для того, чтобы она была достаточной для совершения в ней погребений.

Вывоз мусора из города за его пределы не единичный случай, наличие его наблюдается и в других местах. Например, с внешней стороны древнейшей оборонительной стены около храма, раскопанного в 1897 г., находился холм больших размеров, заключавший в себе обломки краснофигурной и чернолаковой посуды в количестве, превышавшем все черепки подобной посуды, найденные до тех пор в Херсонесе за 15 лет его раскопок [11, с. 44].

Аналогичные явления известны и в других городах Северного Причерноморья. Например, в Пантикапее могилы архаической эпохи на горе Митридат оказались засыпанными городским мусором, в котором позднее также совершались погребения [12, с. 184, 186; 13, с. 92; 14, с. 12 сл.; 15, с. 64]. Подобные свалки мусора, относящиеся к VI—V вв. до н. э., раскопками обнаружены в Фанагории за пределами города на пустыре, который в IV—II вв. до н. э. был использован под некрополь [16, с. 215, 217, 219].

То же происходило и в Ольвии: в северо-восточной части городища были открыты погребения архаической эпохи, перекрытые насыпью эллинистической эпохи, в которой в свою очередь устраивались могилы в первых веках нашей эры [17, с. 92 сл.].

Сохранность погребений оказалась в прямой зависимости от строительных работ эллинистического периода. Это в особенности относится к погребениям, находившимся в верхних горизонтах, так как их более всего коснулись земляные работы, связанные с сооружением жилых домов. Надо добавить, что некоторые ранние погребения пострадали, кроме того, при совершении последующих погребений. Это общее явление, относящееся и к некрополям других периодов. Из вышесказанного видно, что погребения на северном берегу сохранились большей частью группами, островками, там, где они оказались в эллинистический период под улицами, дворами и площадями.

Наибольшее количество погребений сохранилось в квартале раскопок 1936 г., здесь уцелел сплошной участок некрополя, густо насыщенный костяками (план этого участка некрополя с нанесенными на нем погребениями см. на рис. 2, вклейка). Объясняется такая сохранность тем, что здесь в эпоху эллинизма была площадь, расположенная между жилыми кварталами и берегом моря. На площади оказались остатки алтаря. В 1965 г. семейные захоронения открыты в XXV квартале: два взрослых костяка, лежавшие в скорченном положении, и два детских, из них один костяк младенца находился в амфоре (рис. 3).

В 1903 г. южнее 14-й куртины оборонительной стены, следовательно, вне пределов города, была открыта большая, вырубленная в скале гробница, покрытая огромной плитой и содержавшая в себе 6 урн с сожженным прахом. В качестве одной из урн был использован краснофигурный кратер, относящийся к V в. до. н. э. [18, с. 141; 19, с. 115 сл.].

Способ захоронения и устройство могил.

Преобладающим способом захоронения в классический период являлось трупоположение. На 160 могил, расположенных на северном берегу, приходится лишь одна урна с сожженными костями (№ 11/36). Правда, в нескольких местах некрополя находились кострища: обуглившиеся дрова и пережженные кости, обгоревшая скала,— поэтому процент трупосожжения должен быть повышен. В других местах урн с пеплом было больше. Так, в упомянутой семейной гробнице, раскопанной в 1903 г., стояли шесть урн (1517—1522). На берегу Карантинной бухты к IV в. до н. э. относятся семь урн с сожженным прахом (1145, 1146, 1155, 1374, 1964, 2022, 2183). Но все-таки сожжение является почти исключением.

Подобное же примерно соотношение между этими двумя способами захоронения наблюдается и в других городах Северного Причерноморья. Например, в Ольвии на 112 могил, раскопанных в 1901 г., приходится лишь одно сожжение; на 192 могилы, открытые в 1902—1903 гг., встретилось только два сожжения [20, с. 7—8; 21, с. 110 сл.; 22, с. 18].

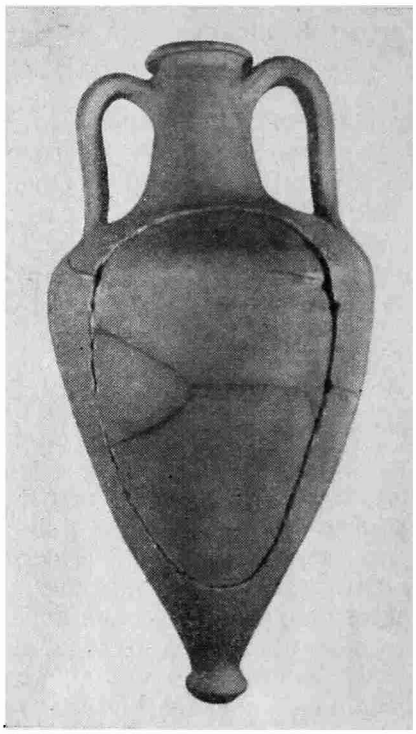


Рис. 3. Амфора с костяком младенца

В некрополе Пантикапея кремация составляла не более 10—13% общего количества погребений VI—V вв. до н. э. [15, с. 64]. В некрополе Тамани (Гермонассы) господствует также трупоположение [12, с. 284]. Точно так же и в некрополе Елисаветовки главным видом погребения является трупоположение [23, с. 90—109]. Аналогичная картина наблюдается при раскопках некрополя Керкинитиды, возле Евпатории [24, с. 174—186].

Геологическое строение и рельеф местности были теми факторами, которые в значительной мере определяли тот или иной тип могилы. На северном берегу толщина земляного грунта являлась достаточной, если иметь в виду, что захоронение в древности производилось на незначительную глубину (обычно могилы выкапывались лишь на 1—1,5 м от поверхности). Вследствие этого подавляющее большинство могил в данном месте было устроено в земле в виде простых четырехугольных ям. Погребения в деревянных гробах встречаются очень редко. Следы от них в виде железных гвоздей, лежавших по краям могилы, найдены на северном берегу только в двух могилах.

Очень высоким был процент погребений в амфорах, содержавших костяки младенцев. В некрополе на северном берегу оказалось 39 погребений в амфорах (рис. 2).

Сравнение могил Херсонесского некрополя по их устройству с могилами некрополей других греческих городов выявляет черты как сходства, так и различия. Простая грунтовая яма вытянутой четырехугольной формы является господствующим типом могилы не только в Херсонесе рассматриваемого периода, но и в других греческих городах. Это относится в равной степени как к причерноморским колониям, так и к центрам самой Греции. Так, в Керчи на Митридате преобладают простые грунтовые могилы, могилы же из каменных плит встречаются мало [25, с. 73—177]. В некрополе возле станицы Елисаветовской (древнего Танаиса) под невысокими холмиками-курганами V—IV вв. до н. э. большая часть могил представляет собой простые грунтовые ямы [23, с. 91—109]. В некрополе Ольвии могилы подобного вида также составляют значительный процент [20, с. 7 сл.; 21, с. 110 сл.; 22, с. 7 сл.]. На о. Родосе, в некрополе Понтамо конца V — первой половины IV в., обычными могилами являются ямы правильной прямоугольной формы. Такое же устройство могил характерно и для некрополей Мирины, Беотии, Самоса и других городов.

Однако в ряде городов простая грунтовая яма не является единственным типом могилы. Наряду с ней устраивались иного вида погребальные сооружения. Так, например, в Ольвии в большом количестве имеются подбойные могилы и подземные склепы. Первые появляются с конца VI в., а в V—IV вв. до н. э. составляют уже значительную часть общего

количества могил, а именно: 32 из 112 в раскопках 1901 г. и 49 из 192 в раскопках 1902—1903 гг. Склепы большей частью с дромосами, расположенные на глубине от 2,35 до 7,60 м, известны в Ольвии со второй половины IV в. до н. э. и составляют половину (56 из 112) всех могил, открытых в 1901 г., и третью часть (60 из 192), открытых в 1902—1903 гг. Кроме того, в некрополе Ольвии часто встречаются деревянные гробы и саркофаги, украшенные раскраской, резьбой и инкрустацией [20, с. 7 сл.; 22, с. 15]. Ни подбойные могилы, ни склепы в Херсонесе в рассматриваемый период совершенно неизвестны, саркофаги также отсутствуют. В некрополе Пантикапея, на склонах Митридата, подземные склепы также появляются уже в IV в. до н. э. [26, с. 65], деревянные гробы в могилах встречаются довольно часто. В архаических некрополях Родоса весьма обычны гробницы, сложенные из каменных плит и перекрытые также плитами в горизонтальном положении или в виде двускатной крыши. Нередко в подобных гробницах встречаются каменные саркофаги [27, p. 50—51; 28, p. 261—262; 29, p. 98, 100, 120, 153, 253]. Детские погребения в амфорах, составляющие столь большой процент общего количества погребений в Херсонесе, совершались и в других греческих городах. Встречаются они в Ольвии [13, с. 26 сл.; № 36; 30, с. 89, № 9, 10; рис. 108, 109], в Пантикапее [31, с. 59], в Марицинском могильнике в бывшей Херсонской губ. [32, S. 27, Abb. 30], а также на Родосе — в некрополе Понтамо [27, p. 66, 48; 33, tav. VI], некрополе Ялиссо [28, p. 108, 110, 140 сл.], Камира [34, p. 294, 310, 314, 332, 405, 412, 415], Врулия [35, pl. 30—33], в Афинах [36, pl. 35 d, 38 c, e]. В некрополе Фанагории также обнаружено детское захоронение в пухлогорлой амфоре VI — начала V в. до н. э. [16, с. 212, рис. 13, *3* на с. 211; рис. 14, *1* на с. 213] [2].

Курганные погребения с каменными склепами совершенно отсутствуют в классическом некрополе Херсонеса. Известен лишь один курган, расположенный в окрестностях Херсонеса, в 2 км от него, на берегу Стрелецкой бухты, являющийся исключением и поэтому никак не характерный для городского некрополя [37, с. 403; 38, с. 35 сл.; 39, с. 54 сл.; 40, с. 252].

На могилах ставились надгробные памятники. Так, при раскопках на северном берегу были найдены антропоморфные надгробия, имеющие вид головы или бюста, с плоской лицевой стороной и выпуклой оборотной [6, с. 192, рис. 41; 41, 34 слл., рис. 1—2]. Другой тип памятника — небольшая стела в виде наиска, с фронтоном и нишей на лицевой стороне [42, с. 114, рис. 2; 43, рис. 37]. Третий тип — большая плита с акротериями или фронтоном с розетками, с изображениями атрибутов (оружия, стригиля, алабастра, виноградного ножа и др.), с профилированной базой, с карнизом и плинтусом. На лицевой стороне стелы обычно начертано имя умершего краской или гравировкой. Стелы этого типа, известные по прежним раскопкам, недавно найдены при реставрационных работах в башне XVII, их дата — конец IV—III в. до н. э., они отличаются высокохудожественным исполнением и хорошей сохранностью [44, рис. 1, 2] [3].

Таким образом, сравнение устройства могил Херсонеса с некрополями других городов приводит к следующему выводу: в то время как тип могилы в виде простой грунтовой ямы является для Херсонеса наиболее характерным и почти единственным, в некрополях других греческих городов наряду с простой ямой получили широкое распространение иные виды могил, более сложные и дорогие по своему устройству. Вырубные в материковой скале, плитовые и черепичные могилы появляются в Херсонесе в эпоху эллинизма, а в римское время характерными могильными со-

[2] Кроме того, три костяка, относящиеся к римскому времени, оказались в кувшинах и один в амфоре [16, с. 249].

[3] Статьи, посвященные стелам из башни XVII, см. в [45].

оружениями станут склепы, вырубленные в скале или сложенные из плит.

Ориентировка погребений и положение костяка.

Ориентировка погребений классической эпохи в Херсонесе различна. Однако из тех примерно 100 погребений, ориентировка которых могла быть установлена, лежали головой на восток 63 костяка, т. е. более половины; на северо-восток — 13; на юг — 8; на юго-запад — 6; на север — 4; на юго-восток — 6. Таким образом, принимая во внимание СВ и ЮВ ориентировки, господствующим направлением можно определить восточное. Большое количество погребений, обращенных головой на восток, свидетельствует если не о всеобщем правиле, то об установившемся обычае. Характерной чертой, подтверждающей этот вывод, служит и то обстоятельство, что большинство амфор было обращено горлом также на восток, а следовательно, и детские костяки, лежавшие всегда головой к горлу (см. план погребений на рис. 2).

Не совсем тождественную, но близкую картину дает некрополь Ольвии. В 1901 г. из 112 открытых погребений имели ориентировку с запада на восток 94, из них головами на восток были обращены 27, на запад — 26, в направлении с юга на север лежали 17 погребенных. При раскопках 1902—1903 гг. в 156 могилах, ориентированных с запада на восток, 107 костяков лежали головой на восток, на запад же — только 6, на юг — 25, на север — 11 [20, с. 17; 21, с. 112 сл.; 22, с. 18 сл.]. Преобладающее количество погребений, открытых в 1913—1915 гг., имело также ориентировку головой на восток. Б. В. Фармаковский по вопросу об ориентировке в отчете за 1901 г. высказывает мнение, что не существовало определенного правила о положении костяка. Но можно все же говорить о сложившейся уже тенденции хоронить головой на восток. Дальнейшие раскопки это положение подтверждают, и Б. В. Фармаковский в своем отчете за 1913—1915 гг. пишет по поводу одного из погребений, что «костяк, очевидно, по ольвийскому обычаю, был положен головою на восток» [13, с. 29] [4].

В Пантикапее при раскопках некрополя, проводившихся в течение многих лет, наблюдается подобное же положение — большинство костяков лежало головой на восток [25, с. 75 сл.; 47, с. 3 сл.; 48, с. 13 слл.]. Раскопки некрополя Фанагории в 1938—1940 гг. дали иное соотношение: из 32 могил ориентировка погребений головой на север встречается в 18 случаях, на восток — в 7, на запад — в 3, на северо-запад — в 2, на юго-восток — в 1. Среди погребений IV—II вв. до н. э., открытых там же раскопками 1948 г., какого-либо господствующего направления нет: на восток — 4, на юг — 3, на север — 1, на северо-восток — 1 и на северо-запад — 1 [16, с. 221; 49, с. 241 сл.; 15, с. 66]. Однако во II—I вв. до н. э. преобладает северная и южная ориентировка, характерная, по-видимому, для местных племен [15, с. 74]. В некрополе Каркинитиды, возле Евпатории, все погребения, открытые раскопками 1896 г., были обращены головой на восток [24, с. 174 слл.]. Иное положение в некрополе Понтамо на Родосе: большая часть могил там была ориентирована с севера на юг и меньшая — с востока на запад [33, p. 119 сл.; Tav. VII] [5]. Однако в ряде других некрополей Греции ориентировка могил и костяков была разнообразна: по-видимому, не было вполне определенного правила при устройстве могил об отношении их к странам света.

Некрополь на северном берегу Херсонеса представляет значительный интерес в отношении положения костяка. Погребения с этой точки зрения могут быть разделены на две основные группы: одну составляют вытянутые костяки, другую — скорченные.

[4] В некрополе Кеп костяки лежали головой на восток [46, с. 101].

[5] В некрополе Ялиссо преобладает южная, юго-восточная и юго-западная ориентировка [28, p. 10].

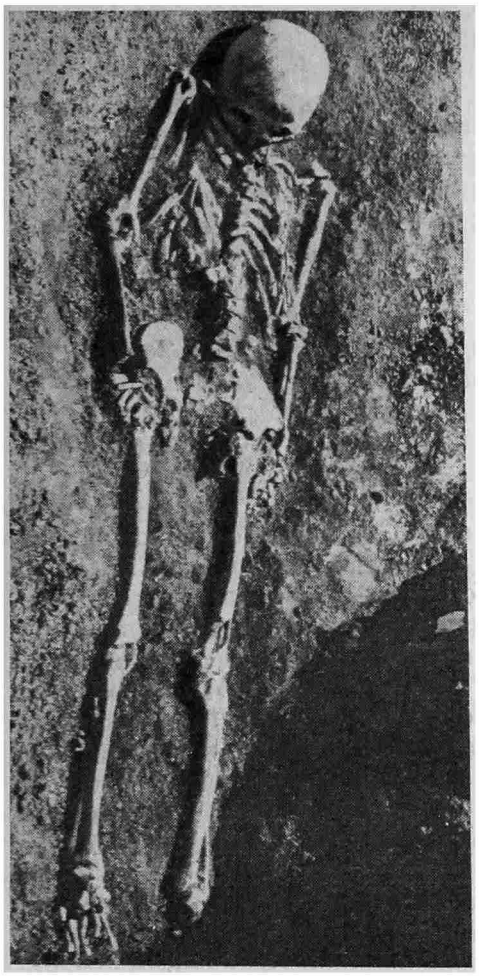


Рис. 4. Погребение вытянутое

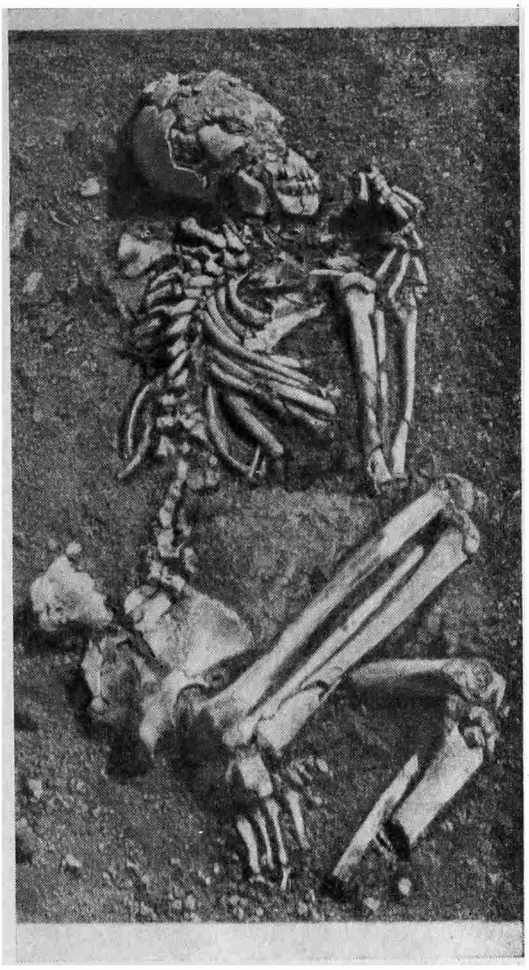


Рис. 5. Погребение скорченное

Для вытянутых погребений характерными являются следующие особенности. Костяк лежит на спине с прямо вытянутыми ногами, руки расположены вдоль туловища, лишь изредка кисть руки находилась на костях таза. Череп обычно обращен лицевой стороной кверху (рис. 4). Количество вытянутых погребений в некрополе классической эпохи составляет 66 костяков из 114 захоронений, в отношении которых положение было ясно.

Ко второй группе погребений относятся скорченные, их насчитывается 41. Погребения, скорченное состояние которых выражено очень сильно, лежали на боку с поджатыми вплотную к области живота ногами (рис. 5). Но встречались костяки с ногами, находившимися в полусогнутом состоянии; в этих случаях колени не прикасались к ребрам и концы ног не были прижаты к бедренным костям. Положение рук различно: они или подняты к подбородку, или вытянуты к коленям; кроме того, руки бывают вытянутыми до локтей вдоль туловища, а от локтей лежат поперек его (см. план некрополя).

Скорченные костяки лежали, на правом боку — 19, на левом — 15 и на спине — 7. Некоторые из последних были явно скорченными погребениями, с сильно подогнутыми ногами и с поднятыми к черепу руками (например, погребение № 73/36). Однако у многих скорченное состояние было выражено очень слабо. Так, например, костяк № 74/36 лежал на спине в вытянутом положении, лишь правая нога его была согнута в колене под тупым углом и лежала на левой ноге, а левая рука от локтя оказалась поднятой к плечу. Костяк № 39/36 также лежал на спине,

ноги же были сильно согнуты в сторону, левая рука лежала на животе, а правая от локтя поднята к плечу. Следы скорченности можно усматривать и в погребении № 40/36, руки которого лежали на животе. В перечисленных костяках обычай захоронения в скорченном состоянии выражен лишь частично, может быть, их можно считать погребениями, находящимися в переходной стадии от скорченного положения к вытянутому. Те или иные признаки скорченного состояния, иногда в слабой степени, мы вправе считать пережитками обряда скорченных погребений, которые в дальнейшем в Херсонесе постепенно исчезают. Вытянутые погребения в некрополях греческих городов являются обычным и повсеместным видом положения костяка. Это господствующий и характерный вид погребения для греческого населения. Достаточно сослаться на такие города, в которых раскопки некрополей велись систематически и в значительных размерах,— Ольвия, Пантикапей, Фанагория, некрополь возле Тамани и др. в области Северного Причерноморья, или указать на ряд городов в материковой и малоазийской Греции, например Танагра, Афины, Коринф, Фера, Олинф, Мирина, Самос, Милет и др.

Немногие случаи скорченных погребений известны, но они относятся к очень раннему времени, не позднее VIII в. до н. э. [50, pl. 5b, 7a] [6].

Поэтому с полным основанием можно считать, что население греческих городов в классическую и последующие эпохи держалось одного определенного обряда захоронения, при котором покойника клали в могилу на спине и в вытянутом положении, с вытянутыми ногами и руками.

Однако в некрополях греческих городов Северного Причерноморья в отличие от городов метрополии наряду с вытянутыми встречаются в небольшом числе и главным образом в ранние эпохи, архаическую и классическую, скорченные погребения. Так, в Ольвии С. И. Капошиной в ее специальной работе, посвященной изучению скорченных погребений, учтено свыше 50 подобных погребений, сопровождавшихся тем или иным инвентарем, на основании которого их можно было отнести по преимуществу к VI—IV вв. до н. э. Костяки лежали на правом или на левом боку, иногда на спине со скрещенными или приподнятыми ногами, в полусидячем положении [52, с. 161—165]. Отдельные скорченные погребения встречались также и в некрополе Пантикапея, Фанагории, Кеп, Танаиса [25, с. 83; 15, с. 67, 242; 49, с. 241 сл.; 46, с. 101; 23, с. 92, рис. 8 на с. 103].

Если в некрополях греческих городов на юге нашей страны скорченные погребения являются исключением, то в окружавших их областях они были распространенным явлением. В степях юга СССР как в могилах доскифской эпохи, так и в скифских могильниках скорченные погребения были обычным видом положения костяка. Точно так же в Крыму скорченные погребения в каменных ящиках, принадлежавшие таврам, являлись преобладающим видом положения костяка [53, с. 138—144, № 21—26; 54, с. 137—140].

В Ольвии и Херсонесе скорченные погребения принадлежали к раннему периоду существования города; находились они в общем некрополе, рядом с вытянутыми, вперемежку с ними и на одном горизонте; иначе говоря, и те и другие погребения принадлежали одному времени, причем некоторые скорченные погребения сопровождались греческими вещами.

Из всех этих положений неизбежно вытекают следующие выводы. Скорченные погребения принадлежали как в Ольвии, так и в Херсонесе и в Пантикапее, несомненно, местному населению, у которого подобный обряд, как засвидетельствовано раскопками, был широко распространенным. В Ольвии скорченные погребения принадлежали скифам, как бли-

[6] Скорченный костяк лежал в пифосе. В. И. Кадеев [42] оспаривает принадлежность скорченных погребений Херсонеса таврам и считает их принадлежащими грекам. Однако приведенные им примеры скорченных погребений в ряде греческих центров относятся (как и нами отмечено) к очень ранним эпохам (II тысячелетие до н. э., IX—VI вв. до н. э.), и лишь весьма немногие датируются более поздним временем.

жайшим соседям [7]. В Херсонесе скорченные погребения, найденные на северном берегу, относятся к таврам. Материалы из раскопок показывают, что основанию Херсонеса греками предшествовало туземное поселение — таврское. В самом деле, все ближайшее окружение Херсонеса было таврским. Таврское поселение находилось рядом — в Инкермане; Балаклава, в древности бухта Символов, по свидетельству греческих писателей Геродота (IV, 103) и Страбона (VII, 4, 2), являвшаяся пристанищем тавров, расположена всего лишь в 12 км от Херсонеса. Таврские погребения в каменных ящиках известны около Черкез-Кермена, в 17 км к востоку от Херсонеса, в Байдарской долине и в других местах [53, 54]. Раскопки таврского поселения Уч-баш в Инкермане показали, что тавры занимались не только охотой и рыбной ловлей, но и разводили скот. Им известно было также и виноградарство и виноделие, а найденные там орудия труда и изделия указывают на зачатки ремесла. Следы небольших поселений отмечены в ряде мест и на Гераклейском полуострове. Таким образом, таврское поселение на месте будущего Херсонеса было одним из ряда подобных же поселений.

Помимо изложенных соображений общего характера и вещественных памятников, свидетельствующих в пользу нашего предположения о таврах в Херсонесе, о том же говорят и факты из истории города. Наиболее красноречивым из них является заимствование греками-херсонесцами культа Девы, таврской богини. Этот факт не может быть случайным. Культ таврской богини, ставший главным в Херсонесе, можно объяснить только тем, что греки поселились на таврской земле, на территории, заселенной таврами. Из истории греческой колонизации известно, что греки очень часто вновь основанные города ставили под покровительство местных божеств. Поэтому вполне понятно, что культ грозной богини тавров был воспринят греками в Херсонесе и получил в дальнейшей его истории такое исключительное значение. Вспомним, что имя Девы названо в присяге сразу же после официальных общегреческих богов, что в Херсонесе находился храм Девы, что существовал праздник Парфении, что Дева считалась «царицей» Херсонеса в период после установления херсонесской эры, что изображения Девы на монетах Херсонеса были главными и т. д. [56, с. 108 сл.; 57, с. 9 сл., 58, с. 217].

Погребальный инвентарь.

В могилах классической эпохи на северном берегу Херсонеса предметы погребального инвентаря встречались редко, многие погребения оказались без вещей. Правда, как уже говорилось выше, некоторые погребения были потревожены в древности, поэтому какая-то часть из них могла утратить свой инвентарь. Однако во многих непотревоженных погребениях вещи также отсутствовали. Кроме того, погребения следует рассматривать с этой стороны дифференцировано: отдельно взрослые и детские. Простой подсчет тех и других погребений с вещами указывает на различие между ними в этом отношении. Так, из 96 взрослых погребений имели какие-либо вещи 14, т. е. только одно погребение из семи в среднем было с вещами. Процент же детских погребений с вещами значительно выше, а именно из 48 погребений предметы содержали 17, следовательно, здесь уже одно из трех погребений имело вещи. Таким образом, мы видим, что погребальный обряд в отношении детей был более тщательным, в могилу ребенка или в амфору с умершим стремились положить какой-нибудь предмет. Провести различие с этой же стороны между погребениями по полу покойника весьма трудно, можно лишь с большей долей вероятности считать, что те немногие костяки, при которых были найдены некоторые украшения, принадлежали женским погребениям.

[7] По поводу скорченных погребений Т. Н. Книпович пишет следующее: «В указанных особенностях отражаются те условия, в которых складывалась в Ольвии жизнь двух основных населявших ее этнических групп. Эти группы уже в архаическую эпоху не отделены резко одна от другой: в дальнейшем будет стираться всякая грань между греческой и туземной частями населения Ольвии» [55, с. 80].

В расположении вещей в могилах, по-видимому, нельзя усмотреть какого-либо определенного правила. Исключение составляют украшения и принадлежности одежды, которые, естественно, находились на местах их ношения. Что же касается посуды, то последняя находилась в различных местах: в головах (ионийский кувшинчик в могиле 32/36), возле плеча (чернолаковая чашечка в амфоре 82/36), около кистей рук (рожок при скорченном погребении 55/36), в ногах (чернолаковый кувшинчик при детском костяке 5/13) и т. д. При детском костяке, лежавшем в вырубленной в материке могиле (6/13), найдено наибольшее количество предметов, которые располагались следующим образом: с левой стороны костяка лежали две терракоты, с правой — одна терракота и чернолаковая ойнохоя, в ногах — одна терракота; кроме того, при костяке найдены две серебряные серьги и 50 астрагалов (бараньи бабки), лежавших вокруг костяка. Судя по составу данного комплекса вещей, погребение принадлежало девочке.

Расположение предметов в могилах некрополей других городов дает ту же самую картину. Б. В. Фармаковский при описании некрополя, открытого в 1901 г. в Ольвии, констатирует, что расположение вещей в могилах случайное и разнообразное, как, например, в Аттике, в Беотии, в Малой Азии и других местах [20, с. 26]. Аналогичное положение наблюдается в некрополе Пантикапея, в могильниках Таманского полуострова и др. Однако в отношении некоторых предметов наблюдается известная закономерность: амфора находится в головах или в ногах, мелкие сосуды — возле рук, притом горлом к голове костяка. В женских погребениях лекифы или зеркала оказались в руках, монеты — во рту или в руке [15, с. 66, 70].

Если в расположении вещей в могилах Херсонеса наблюдается сходство с другими некрополями, то в составе, в качестве и количестве погребального инвентаря в Херсонесе по сравнению с другими некрополями сказывается большое различие. Во-первых, погребальный инвентарь в Херсонесе в рассматриваемый период или очень беден, или в большинстве могил, как уже отмечалось, совершенно отсутствует. Во-вторых, количество предметов в херсонесских могилах очень ограничено, один-два, редко более. В-третьих, в могилах находятся предметы самые обычные, взятые из обихода, простые, мелкие и дешевые. На северном берегу чаще всего встречается маленький горшочек из простой глины, затем кувшинчик-рожок, исполненный в той же технике, далее чернолаковая чашечка-блюдце, небольшой чернолаковый канфар, килик, тарелка, кувшин простой глины, ионийский кувшин, ионийский кубок или скифос, чернолаковый рожок и др. Последние предметы найдены в двух могилах.

Украшения встречаются еще реже, нежели посуда. При этом они также мелкие, простые и из самого дешевого материала — из бронзы. Перстни найдены при трех погребениях: два в могиле 13/36, один на пальце левой руки костяка 65/36, три в могиле 19/36 и два кольца в могиле 2/13. Серьги из тонкой бронзовой проволоки оказались только в трех могилах при костяках 65/36 и 20/37 и серебряные — в могиле 6/13. Браслеты бронзовые найдены лишь однажды — на руках девочки-подростка в могиле 86/36, кроме того, на груди этого костяка лежали обломки пряжки. Две бусы были на шее детского костяка 5/13. Вот и все украшения. Их и мало, и они очень скромны по количеству и материалу. Терракоты оказались только в двух могилах при детских костяках. Монеты, как и терракоты, найдены лишь при двух погребениях и могут считаться также исключением. В могиле 62/36 монета лежала возле правого локтя костяка подростка. Другая монета найдена в могиле 67/36 около левого локтя скорченного костяка. Монеты датируются серединой IV в. до н. э. Оба погребения находились в культурном слое.

Для полноты картины погребального обряда следует добавить еще следующее наблюдение, сделанное при раскрытии костяков на северном

берегу. На многих погребениях, непосредственно на костях, лежала зола с угольками. Кроме того, часто встречались круглые панцирные кости камбалы (так называемые «жучки»), а также козьи рога, однако последние значительно реже. Судя по этим данным, при совершении погребения труп покойника посыпался золой с угольками и косточками камбалы. Весьма интересно упомянутое детское погребение 6/13: костяк был обложен вокруг 50 бараньими астрагалами.

Со стороны погребального инвентаря некрополь Херсонеса классической эпохи резко отличается от некрополей других городов того же времени. И в Ольвии, и в Пантикапее, и в некрополях острова Родоса могилы без вещей являются исключением, в Херсонесе же, наоборот, погребения с вещами весьма редки. Далее, в могилах указанных некрополей почти всегда находится по нескольку предметов. Кроме того, вещи разнообразны по составу — имеются вазы, терракоты, украшения, оружие и другие предметы, притом они крупнее размерами и дороже по стоимости. Постоянно встречаются, например, чернофигурные и краснофигурные вазы, большие чернолаковые сосуды, палестрические принадлежности, комплекты оружия и многое другое.

В этом отношении очень показательно сравнить херсонесский некрополь с некрополем Понтамо на Родосе, могилы которого относятся к 410—380 гг. до н. э., т. е. к тому же времени, что и погребения на северном берегу Херсонеса. Инвентарь могил в Понтамо содержит в изобилии посуду, среди которой имеются следующие формы: лекиф, ойнохоя, ольпа, скифос, килик, канфар, пиксида, амфора остродонная, узкогорлый флакон и др. [33, могилы 7, 8 и др.].

Вещи, найденные в могилах на северном берегу Херсонеса, можно разделить на несколько групп. Начнем с амфор, которые заменяли собой гробы при погребении младенцев. По форме, величине и технике амфоры составляют несколько разновидностей. Одну из них образуют амфоры 1, 26, 29, 31, 33, происходящие из раскопок 1936 г. [3, с. 19, рис. 2, *1*]. Корпус их конической формы, ножка острая, горло высокое цилиндрическое, на нем поясок красной краской, высота амфоры 0,95—0,97 м. Совершенно аналогичные амфоры найдены в Нимфее при раскопках 1940 г., в слое V в. до н. э.[8], в Гиритаке также конца V в. до н. э. [59, с. 48, рис. 52]; в Марицинском могильнике они датируются V — первой половиной IV в. [32, S. 27, Abb. 30], на Родосе они относятся также к концу V — первой половине IV в. до н. э. [33, VI, № 3]. Амфоры этого типа происходят с острова Хиоса [60, с. 78, табл. V, *14, а, б*]. Второй тип — амфора № 43/36, имеющая широкий яйцевидный корпус, короткое горло и маленькую ножку [3, с. 19, рис. 2, 3]. Тождественная ей амфора на Родосе принадлежит концу V — первой половине IV в. до н. э. [33, tav. VI, p. 154, № 9]. Имеется несколько разновидностей амфор, например амфоры 42/36, 70/36, 6/37, относящиеся к тому же времени, т. е. не позднее середины IV в. до н. э.

Группу ионийской посуды образуют несколько сосудов. Одноручный кувшинчик высотой 10 см из могилы 32/36 [1, с. 18, рис. 5], украшенный двумя поясками на корпусе и одним по венчику, коричневого цвета (рис. 6), находит себе близкую аналогию в Марицинском могильнике [32, S. 19]. Два канфара — один из могилы 10/37, высотой 7,3 см, из темно-серой глины с черной матовой обмазкой (рис. 7), другой из погребения в амфоре 5/12, покрытый белой обмазкой снаружи, с коричневым пояском внизу и сплошь чернолаковый внутри (рис. 8). Оба они очень близки друг другу [1, с. 18, рис. 1, 2] по форме и могут быть сопоставлены с навкратийской чашкой, происходящей из раскопок в

---

[8] В могиле 7 найдены протома женская, три лекифа, аск краснофигурный, стригиль, две амфоры (Эрмитаж, инв. № Нф. 1940, 480, выс. 0,94 м).

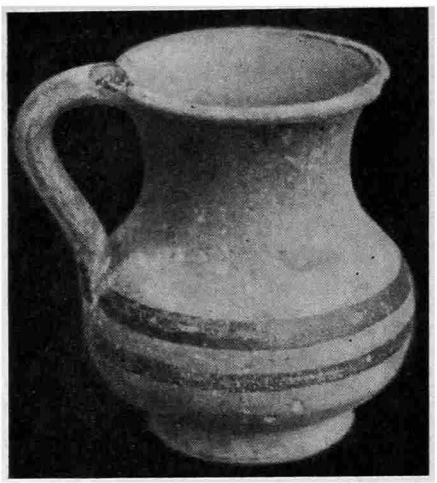


Рис. 6

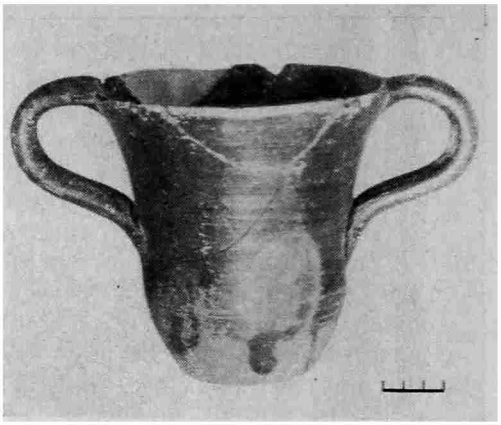


Рис. 7

Рис. 8

Рис. 6. Кувшин с поясками, выс. 10 см

Рис. 7. Кубок чернолаковый, выс. 7,3 см

Рис. 8. Кубок ионийский, выс. 9,3 см

Керчи на Митридате, но имеющей более широкий корпус и более прямые стенки; чашка датируется VI в. до н. э.[9] Кроме того, близки им по форме сосуды из раскопок на Родосе, вместе с которыми в могилах были найдены чернофигурные и краснофигурные вазы и другая посуда [28, p. 204, 207; 34, p. 37]. К этой же группе относятся еще два сосуда, оба шаровидные, каждый с носиком и одной ручкой, у одного кольцеобразной, у другого вертикальной, один из оранжевой, другой из темно-серой глины, покрытые темно-коричневой краской, высота одного 7 см, другого — 6,8 см (рис. 9, 10), происходят они из детских погребений в амфорах 15/37 и 17/37. Весьма близкий им по форме сосуд найден в Олинфе, покрытый также темно-коричневой краской и относящийся к IV в. до н. э. [61, pl. 193, № 1082; 6, с. 183, рис. 26]. Только что описанная группа посуды, несомненно, является привозной. Но имеются еще несколько сосудов, маленьких размеров и очень простых по технике, также с носиками, из серой глины, без окраски; они похожи на предыдущие, но принадлежат к местной продукции. Следует добавить, что в культурном слое, в котором находились верхние погребения, найдено большое количество черепков ионийской посуды из розовой глины с коричневого цвета поясками и полосками [6, с. 235, рис. 77; с. 237, рис. 76].

Краснофигурная посуда найдена лишь в нескольких погребениях: один лекиф с изображением птицы в погребении 2/11 (рис. 11), другой,

[9] Эрмитаж, инв. № П.1911.19.

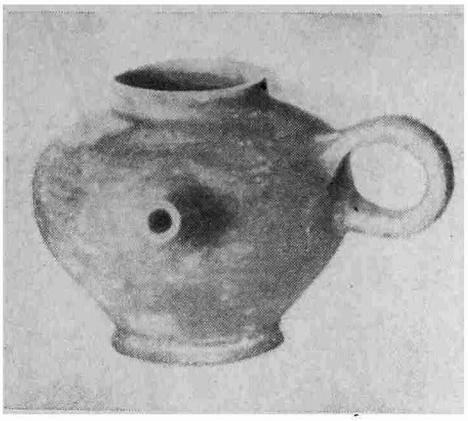


Рис. 9. Сосуд с носиком, выс. 7 см

Рис. 10. Сосуд с носиком, выс. 6,8 см

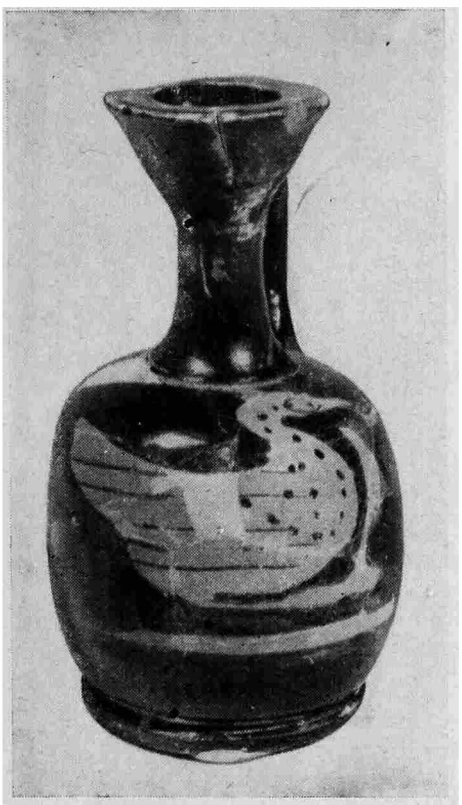


Рис. 11. Лекиф с птицей, выс. 10 см

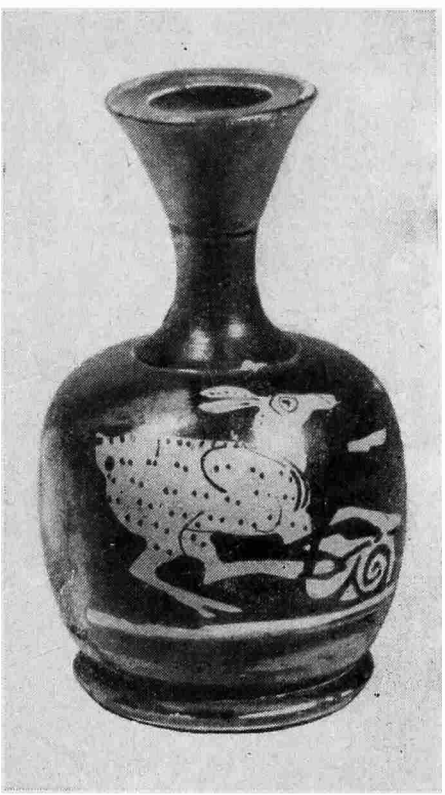


Рис. 12. Лекиф с ланью, выс. 8,4 см

с изображением бегущей лани и пальметки, найден в том же году при скале и, вероятно, принадлежал погребению, уничтоженному при строительных работах (рис. 12). Подобные лекифы очень часто встречаются в могилах в Пантикапее, в Олинфе, на Родосе, на Балканах, в Афинах и в других местах. Датируются они концом V—IV в. до н. э., вместе с ними обычно находится краснофигурная и чернолаковая керамика. В насыпи культурного слоя, в котором устраивались могилы на северном берегу, найдено большое количество обломков краснофигурной посуды, относящейся к V—IV вв. до н. э. [6, с. 235, рис. 78—80; с. 239, рис. 81—83]. Так, упомянутый выше краснофигурный кратер, украшенный несколькими сценами с изображением Диониса и его спутников, был использован в качестве урны (гробница с урной № 1517, раскопки 1903 г.). Кратер относится к концу V в. до н. э.

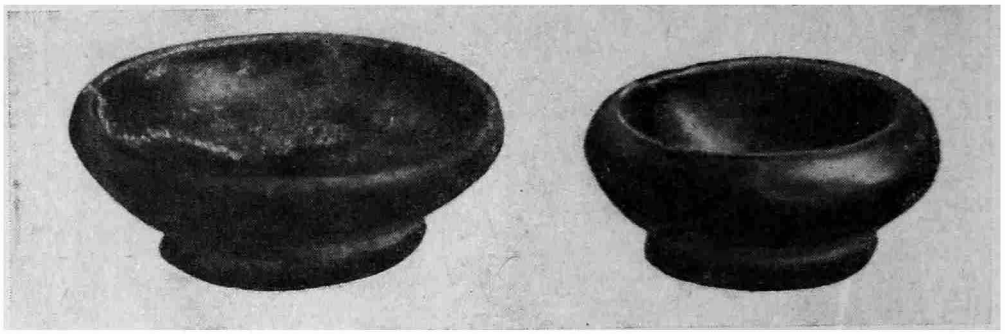


Рис. 13. Чернолаковые солонки, выс. 2.7 см

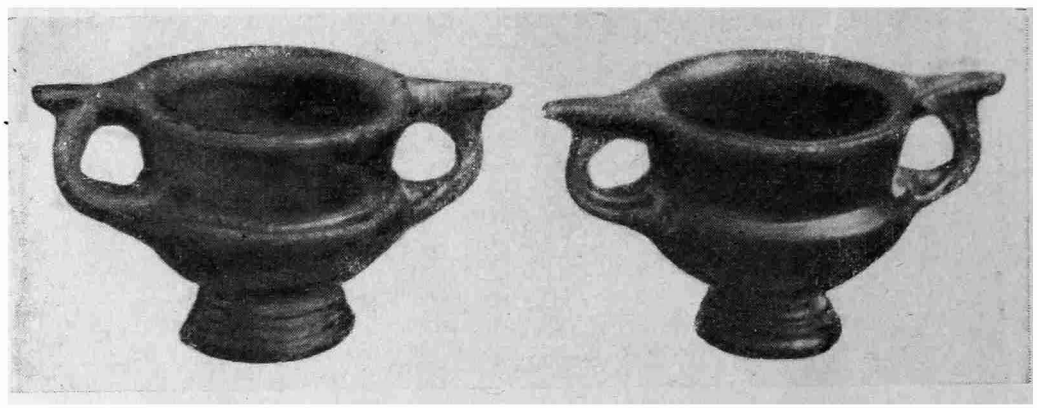


Рис. 14. Чернолаковые канфары, выс. 5,5 см

Довольно значительную по количеству группу составляет чернолаковая посуда. Найденные в амфорах 33/36 и 83/36 маленькие блюдца (рис. 13), покрытые хорошим черным лаком, находят себе аналогии в Олинфе, где они датируются концом V—IV в. до н. э. [61, pl. 175, № 875—877], в курганах у ст. Елисаветовки [23, с. 107, рис. 13, 8—10], относящихся к тому же времени, а также на Родосе, в Афинах [62, p. 1, 447; 63, pl. 34, p. 9, № 934, 936, 937]. Два канфара, оказавшиеся в амфоре 1/36, одинаковой величины и формы, покрытые блестящим черным лаком (рис. 14), имеют аналогии на Родосе и в Афинах, где подобные канфары относятся к концу V — началу IV в. до н. э. [33, p. 2, 25, 120, 127; 63, pl. 29, p. 7, № 700, 707], на Балканах в могилах V—IV вв. до н. э. [64, с. 248, 250, рис. 213]; в Олинфе они датированы IV в. до н. э. [61, pl. 149, № 520, 521, pl. 150, № 523], в курганах — V—IV вв. до н. э. у ст. Елисаветовки [23, с. 95, рис. 5, 9, с. 107, рис. 13, *13—14*].

Килик с двумя двойными ручками из могилы 16/36, с шаровидным низом, с уступом, блестящим черным лаком весьма близок килику на Родосе и в Афинах [28, p. 204, 207], а также в Марицинском могильнике [32, Abb. 54]. Кроме того, найдены килик в амфоре 7/12, килик в могиле 84/36, ойнохоя чернолаковая с изображением женской фигуры, стоящей на коленях, суммарно исполненным белой краской (рис. 15), кувшин одноручный из красной глины из могилы № 82/36, близкий по форме амфорам из Олинфа конца V — начала IV в. до н. э. [61, pl. 160, № 636, 643]. Особую группу составляют маленькие горшочки из простой глины местной работы (рис. 16), по технике они аналогичны маленьким сосудикам с носиками, упомянутым выше, всех горшочков найдено 4 экз. [6, с. 173, рис. 14]. Совсем обособленно от описанной посуды стоит горшок, найденный в погр. 7/36, лепной работы, из черной грубой глины, высотой 10 см [6, с. 169, рис. 6].

Погребальный инвентарь, взятый в целом, позволяет датировать некрополь на северном берегу и на бывшей монастырской усадьбе концом V— концом IV в. до н. э. Таким образом, погребения на этом участке совершались примерно в течение одного столетия. С конца IV в. до н. э. северный берег застраивается жилыми домами и некрополь классического периода оказывается под городом эллинистической эпохи.

Рис. 15. Ойнохоя с женской фигурой, выс. 10,5 см

Открытие некрополя классического периода дает весьма ценный материал для изучения истории Херсонеса.

1. Нахождение в Херсонесе обломков мелких чернофигурных ваз, относящихся ко второй половине VI в. до н. э., ионийской керамики V в. до н. э., а также лепной керамики и каменных орудий, датируемых первой половиной I тысячелетия до н. э., подтверждает существование здесь местного поселения, в обмен с которым вступили греческие торговцы.

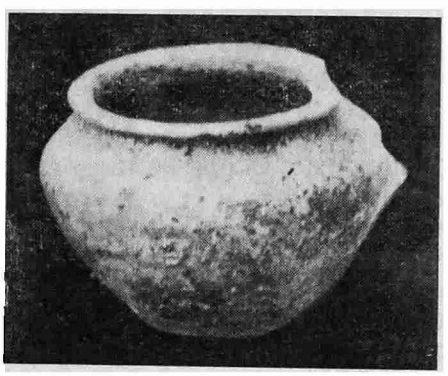


Рис. 16. Горшочек, выс. 4,8 см

Можно предполагать также существование греческой торговой фактории, основанной ионийцами, возникшей в результате заездов сюда греческих торговцев, которые привозили среди ряда других товаров как ионийскую керамику, так и аттические расписные вазы.

2. Инвентарь погребений дает вполне определенные указания по вопросу о времени основания Херсонеса как колонии; оно произошло не позднее конца V в. до н. э. Археологический материал целиком подтверждает точку зрения академика А. И. Тюменева о возникновении Херсонеса на берегу Карантинной бухты в последней четверти V в. до н. э. и кладет конец прежним спорам как о времени, так и о месте возникновения города [65, с. 245 слл.].

3. Местоположение некрополя непосредственно свидетельствует о размерах первоначальной территории города и о дальнейшем ее росте. До конца IV в. до н. э. город занимал лишь восточную часть и западный берег Карантинной бухты, возле ее устья, простираясь на запад примерно до VIII поперечной улицы. Эта территория составляла немногим более трети всей будущей площади города.

Вторым этапом явилось расширение городской территории за счет некрополя, который был в конце IV—III вв. до н. э. застроен жилыми домами. К этому же времени относится сооружение основной линии оборонительных стен Херсонеса.

4. Из материалов некрополя можно извлечь важные сведения об этническом и социальном составе населения города в конце V — конце IV в. до н. э.

В этническом разрезе мы наблюдаем в эту пору две резко отличные одна от другой группы населения — греков и туземцев. Кто именно были туземцы — скифы или тавры?

Как известно, южный берег, горные районы Крыма и юго-западную его оконечность населяли тавры: поселения их находились в Балаклавской бухте, в Инкермане, в Байдарской долине и на Гераклейском полуострове, в местах, близких к Херсонесу. Наскальный слой в северном районе города содержал каменные орудия и лепную керамику, что указывает на существование на месте Херсонеса до основания греческой колонии поселения, принадлежавшего таврам; для захоронений тавров типичны скорченные костяки. Вероятнее всего, что и туземное поселение, предшествовавшее основанию Херсонеса греками, принадлежало также таврам; следовательно, именно тавры и составляли некоторую долю населения Херсонеса в V—IV вв. до н. э.; поэтому вполне естественно скорченные погребения в северном районе Херсонеса считать принадлежащими таврам.

Что касается погребального инвентаря, то он беден, но все же при вытянутых костяках оказалась ионийская и чернолаковая керамика, кувшины, горшочки, а также перстни, браслеты, пряжки; при скорченных же — только при трех найдена глиняная посуда. Но ориентировка была одинаковой как для вытянутых, так и для скорченных погребений, преобладало восточное направление. Поскольку те и другие погребения находились рядом, в одном слое, и одновременны по их совершению, при этом большая часть костяков вытянута и безусловно принадлежит грекам, то можно предположить, что и скорченные относятся также к первым поселенцам — грекам из Гераклеи. Однако для ряда греческих некрополей скорченные погребения засвидетельствованы главным образом для архаической эпохи, позднее этот обычай исчезает. Относительно Херсонесского некрополя все же возникает вопрос: если все погребения этнически одинаковы и принадлежат грекам, то почему лежат рядом одни в обычном, вытянутом положении, а другие — в скорченном? Весьма типическая скорченность костяка (плотно поджатые ноги, поднятые к подбородку руки, рис. 5) указывает на безусловное соблюдение древнего обычая и в рассматриваемый период. Наиболее вероятно, что этому обычаю следовали местные жители.

Скромность и однородность погребального инвентаря свидетельствуют, во-первых, о том, что быт населения был простым, лишенным предметов роскоши, что у населения Херсонеса не было еще сильной имущественной дифференциации, не успели еще образоваться социальные контрасты. И это не стоит в противоречии с тем, что первоначальный контингент жителей Херсонеса, состоявший из демократических элементов, выселившихся из Гераклеи, в социальном отношении мог быть однородным. В классическую эпоху быт жителей даже в крупных греческих центрах был еще простым, это нашло свое отражение и в погребальном обряде. В течение первого столетия своего существования Херсонес находился в стадии становления полиса, города-государства, и оставался до конца IV в. до н. э. сравнительно небольшим городом. Как показали археологические исследования последних лет, овладение северо-западным побережьем Крыма и Гераклейским полуостровом, устройство там поселений, размежевание территории на участки и организация землепользования происходили во второй половине IV — начале III в. до н. э.; это и обеспечило экономический подъем и культурный расцвет Херсонеса.

Найденная в некрополе импортная керамика — амфоры и другие разнообразные ее типы, свидетельствует об оживленных торговых связях

Херсонеса с рядом греческих центров, таких, как Хиос, Фасос, Синопа, Гераклея, Афины.

Но наряду с привозной керамикой в погребениях оказались амфоры и глиняная посуда, а также надгробные памятники и другие предметы местного производства, указывающие на развитие в Херсонесе гончарного и других ремесел уже в этот ранний период его истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белов Г. Д.* Ионийская керамика из Херсонеса.— Тр. ГЭ, 1972, т. XIII.
2. *Белов Г. Д.* Керамика из некрополя Херсонеса V—IV вв. до н. э.— Тр. ГЭ, 1976, т. XVII.
3. *Белов Г. Д.* Амфоры из некрополя Херсонеса V—IV вв. до н. э.— В кн.: История и археология античного мира. М.: Наука, 1977.
4. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* О продолжении археологических изысканий в Херсонесе. Архив ИА АН СССР, д. № 9/1893.
5. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет об археологических разысканиях, продолженных в 1895 г. в Херсонесском городище и некрополе. Архив ИА АН СССР, д. № 6/1895.
6. *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1935—1936 гг. Симферополь, 1938.
7. *Бертье-Делагард А. Л.* Древнейший Херсонес по Страбону и раскопкам.— ИАК, 1907, вып. 21.
8. *Печенкин Н. М.* Археологические раскопки на месте страбоновского старого Херсонеса.— ИАК, 1911, вып. 42.
9. *Белов Г. Д.* Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи.— ВДИ, 1948, № 1.
10. *Белов Г. Д.* Некрополь Херсонеса классической эпохи.— СА, 1950, XIII.
11. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1903 г.— ИАК, 1905, вып. 16.
12. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
13. ОАК за 1913—1915 гг. Пг., 1918.
14. *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в Керчи в 1907 г.— ИАК, 1910, вып. 35.
15. *Цветаева Г. А.* Грунтовый некрополь Пантикапея.— МИА, 1951, № 19.
16. *Блаватский В. Д.* Раскопки некрополя Фанагории в 1938—1940 гг.— МИА, 1951, № 19.
17. *Книпович Т. Н.* Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища.— СА, 1940, VI.
18. *Белов Г. Д.* Краснофигурный кратер из Херсонеса.— ТОАМ, 1945, № 1.
19. *Гриневич К. Э.* Аттический краснофигурный оксибаф № 1517 из Херсонеса как датировочный термин для древнегреческой оборонительной стены.— Херсонесский сборник, т. V. Симферополь, 1959.
20. *Фармаковский Б. В.* Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г.— ИАК, 1903, вып. 8.
21. *Фармаковский Б. В.* Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг.— ИАК, 1906, вып. 13.
22. *Козуб Ю. І.* Некрополь Ольвії V—IV стол. до н. е. Київ.: Наукова думка, 1974.
23. *Миллер А. А.* Раскопки в районе древнего Танаиса.— ИАК, 1910, вып. 35.
24. *Романченко Н. Ф.* Раскопки в окрестностях Евпатории.— ИАК. 1907, вып. 25.
25. *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в Керчи в 1902 г.— ИАК, 1904, вып. 9.
26. *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в Керчи в 1908 г.— ИАК, 1911, вып. 40.
27. Clara Rhodos. Studi e materiali pubblicati a cura dell'Istituto storico archeologico di Rodi. 1928, v. 1.
28. Clara Rhodos..., 1929, v. III.
29. Clara Rhodos..., 1931, v. IV.
30. ОАК за 1909—1910 гг. СПб., 1913.
31. ОАК за 1905 г. СПб., 1908.
32. *Ebert M.* Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn.— PZ, 1913, V.
33. Clara Rhodos..., 1932, v. II.
34. Clara Rhodos..., 1931, v. IV.
35. *Kinch K. F.* Vroulia. Berlin, 1914.
36. *Joung R. S.* Sepulturae intra Urbem.— Hesperia, 1951, XX, № 2.
37. *Юргевич В. Н.* Новейшие археологические открытия в Крыму.— ЗООИД, 1875, т. IX.
38. ОАК за 1890 г. СПб., 1893.
39. *Бертье-Делагард А. Л.* Раскопки Херсонеса.— МАР, 1893, № 12.
40. *Пятышева Н. В.* Скифы и Херсонес.— ИАДК, 1957.
41. *Колесникова Л. Г.* Кому принадлежали антропоморфные надгробия Херсонеса? — СА, 1973, № 3.
42. *Кадеев В. И.* Об этнической принадлежности скорченных погребений херсонесского некрополя.— ВДИ, 1973, № 4.
43. *Иванова А. П.* Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1953.
44. *Колесникова Л. Г.* Стелы с изображением оружия.— СХМ, 1961, вып. II.
45. СХМ, 1969, вып. IV.

46. *Сорокина Н. П.* Раскопки некрополя Кеп в 1962—1964 гг.— КСИА АН СССР, 1967, № 109.
47. *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в Керчи в 1904 г.— ИАК, 1907, вып. 25.
48. *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в Керчи и на Таманском п-ове в 1907 г.— ИАК, 1910, вып. 35.
49. *Кобылина М. М.* Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1948 г.— МИА, 1951, № 19.
50. *Williams Ch. K.* II: Corinth, 1969: Forum area.— Hesperia, 1970, XXXIX, № 1.
51. *McDonald W. A.* Excavations at Nichoria in Messenia: 1969—1971.— Hesperia, 1972, XLI, № 2.
52. *Капошина С. И.* Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса.— СА, 1941, VII.
53. *Репников Н. И.* Каменные ящики Байдарской долины.— ИАК, 1909, вып. 30.
54. *Репников Н. И.* Предполагаемые древности тавров.— ИТОИАЭ, 1927, вып. 1.
55. *Книпович Т. Н.* Архаический некрополь на территории Ольвии.— КСИИМК, 1940, VI.
56. *Толстой И. И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918.
57. *Орешников А. В.* Монеты Херсонеса Таврического. М., 1912.
58. *Жебелев С. А.* Херсонесская присяга.— В кн.: Северное Причерноморье. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
59. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг.— МИА, 1952, № 25.
60. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, № 83.
61. *Robinson D. M.* Excavations at Olynthus. Part V. Mosaics, Vases and Lamps of Olynthus found in 1928 and 1931. Baltimore — L.— Oxf., 1933.
62. Clara Rhodos.... 1932—33, v. VI—VII.
63. *Sparkes B. A., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. The Athenian Agora. Results of Excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens, v. XII. Princeton, 1970.
64. Мадара. Розкопки и проучвания, кн. I. София, 1934.
65. *Тюменев А. И.* Херсонесские этюды, I.— ВДИ, 1938, № 2 (3).

G. D. Belov

THE CHERSONESE NECROPOLIS OF THE CLASSICAL PERIOD

Summary

Research conducted in the necropolis on the northern coast of Karantin Bay clarified some problems of the early history of Chersonese. Thus, it was proved that the town was founded at Karantin Bay not later than the end of the 5th century B. C., that at that time it occupied only the eastern part of its present territory, and that it had become considerably larger since the end of the 4th-beginning of the 3rd centuries B. C. when houses appeared in the area.

The necropolis is situated in a small hollow, the burials of the lower horizon are in virgin clay or on rocky elevations, the burials of the upper horizon are in the cultural layer made up of the accumulated refuse from the town. All in all, on a comparatively small territory 160 burials were discovered. Inhumation predominated in the classical period but cremation was also used, babies were often buried in amphorae. Eastern orientation predominated; the burials can be divided into two groups: extended burials and flexed burials, the latter was the Taurian burial custom, the Tauris being part of the Chersonese population in the late 5th and early 4th centuries. The scant grave furniture consists mainly of pottery or simple ornaments. The presence of Greek pottery indicates trade relations with many Greek centres, while local artifacts testify to the development of crafts.

МИХЛИН Б. Ю.

РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЯ КЕРКИНИТИДЫ В 1975 г.

Вряд ли еще какому-нибудь античному городу Северного Причерноморья столь же не повезло с полевыми исследованиями, как Керкинитиде. Раскопки тут проводились крайне редко, и к тому же материалы раскопок Н. Ф. Романченко и М. А. Наливкиной опубликованы довольно фрагментарно [1, с. 172 сл.; 2, с. 114—118; 3, с. 128—131; 4, с. 63—72; 5, с. 183—194; 6, с. 55—60], а раскопки П. О. Бурачкова и Л. А. Моисеева практически не опубликованы [7, с. 241—259]. Еще в худшем положении оказался некрополь Керкинитиды, наши сведения о котором сводятся к небольшим публикациям Н. Ф. Романченко и некоторым замечаниям Л. А. Моисеева [1, с. 173 сл.; 8, с. 11—14; 9, с. 70; 10, с. 39, 40; 7, с. 253—259; 11, № 339; 12, с. 20, 44—46].

Следует отметить, что интерес историков-антиковедов к истории Керкинитиды был всегда достаточно велик [13, с. 121—124]. Особенно он возрос после раскопок М. А. Наливкиной и с развертыванием работ по изучению хоры Херсонеса в Северо-Западном Крыму. Он нашел свое отражение и в решениях конференции ИИМК АН СССР, посвященной процессу исторического развития античных городов Северного Причерноморья, где среди малых античных городов, нуждающихся в срочных полевых исследованиях, Керкинитида названа на первом месте [14, с. 6, пункт 9]. В свете всего сказанного представляют интерес небольшие охранные раскопки некрополя, проведенные отрядом Евпаторийского музея осенью 1975 г. при строительстве кафе «Театральное» на ул. Гоголя [15].

В музей было сообщено о найденном участке некрополя после того, как строители уже вырыли котлован 14×14 м, сняв до 0,5 м скалы (абсолютная глубина котлована 2—2,2 м) и разрушив несколько погребений. В отвале удалось собрать фрагменты по крайней мере от восьми амфор IV—III вв. до н. э. (Солоха I, Херсонес, Синопа) и несколько костей взрослого человека. Рабочие сообщили, что в некоторых сосудах они замечали обломки мелких костей.

Дальнейшие раскопки проводились в пределах зоны застройки. Строительный котлован (квадрат с незначительным отклонением от сторон света) был расширен к западу на 11 м и к северу на 11 м. Таким образом, Г-образной формы раскоп достиг площади 429 м². Часть раскопа оказалась нарушенной двумя водопроводными траншеями и ямой старой теплицы. Последний перекоп содержал довольно много обломков античной керамики из погребений, разрушенных при строительстве теплицы. Всего в раскопе выявлено восемь погребений, причем три из них (1—3) оказались в обрезе строительного котлована.

Погр. 1 представляет собой детское захоронение в амфоре, потревоженное осыпанием песчаного борта. В слое песка, на 0,4 м выше материка, in situ сохранилась нижняя часть тулова амфоры, лежавшей ножкой на ЮЗ (т. е. отверстием к СВ) и содержавшей отдельные детские

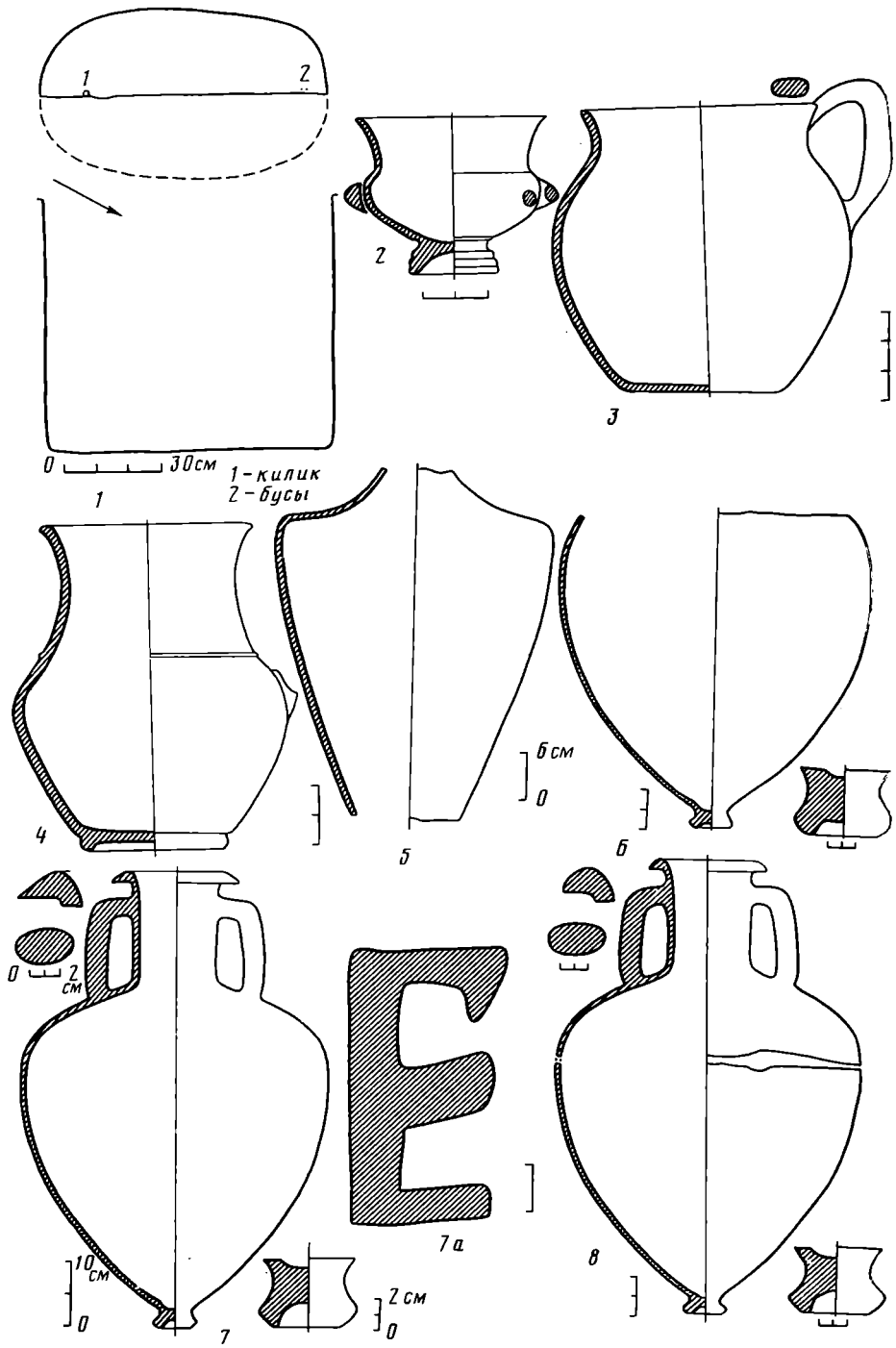


Рис. 1. *1* — план и разрез погр. 2; *2* — чернолаковый килик; *3* — лепная кружка; *4* — гончарный кувшинчик; *5—8* — амфоры из детских погребений; *1—4* — погр. 2; *5* — погр. 7; *6* — погр. 5; *7* — погр. 3; *7а* — дипинти на плече амфоры из погр. 3; *8* — погр. 8

кости. Горло этой амфоры, найденное под осыпью песка из могилы, имело старые сколы ручек и граффито Σ под венчиком. Сосуд относится к типу амфор с «колпачковой» ножкой и датируется IV—III вв. до н. э., вероятно, в основном IV в. до н. э. [16, с. 78, 79, табл. V, *14*; 17, с. 9, 10; 18, с. 17, рис. 2, *1*].

Погребение 2, судя по инвентарю, было также детским. Могильная яма (рис. 1, *1*) разрезана осыпью, вероятно, по своей продольной оси (ССЗ—ЮЮВ). Сохранившаяся ширина ямы 0,25 м, а длина 0,9 м. Яма,

дно которой находилось на 0,5 м выше скалы, была впущена с уровня поверхности слоя песка (абсолютная глубина 1,1 м). Костяк истлел [1], а в пределах могилы обнаружен миниатюрный чернолаковый канфаровидный килик (рис. 1, *2*) с отбитыми ручками и две бусины из синего и зеленого глухого стекла. Несомненно, из этой же могилы происходят и найденные под осыпавшимся из нее песком красноглиняный гончарный кувшинчик без ручки и фрагментированная тонкостенная лепная кружка (рис. 1, *3, 4*).

Килик близкой формы из некрополя Ольвии М. Парович-Пешикан датирует второй половиной IV в. до н. э. [19, с. 69, рис. 68, *6*, *7*]. Килик из некрополя Аполлонии, также близкий рассматриваемому, но отличающийся вертикальной шейкой, отнесен Т. Ивановым к группе аттических и датирован серединой — третьей четвертью IV в. до н. э. [20, с. 185—187, обр. 74, табл. 102, № 433]. Килик из Керкинитиды, вероятно, также относится к аттическим и должен датироваться второй половиной IV в. до н. э. Такой дате погребения не противоречат остальные сосуды, а также бусы.

Погр. 3, детское, совершено в амфоре типа Солоха I (рис. 1, *7*), лежавшей горлом к ССЗ на 0,5 м выше поверхности скалы. Скелет ребенка сильно истлел, и установить его положение невозможно. Он был прикрыт двумя крупными фрагментами стенок, один из которых принадлежал этой же амфоре, а второй — фасосской. Следует отметить, что на плече амфоры имеется дипинти красной краской — Е (ἔλαιων?). По амфоре погребение 3 датируется IV в. до н. э. [21, с. 3; 22, с. 72 сл., рис. 2б, 3, *1*, 4, *1*; 16, с. 91, табл. XV, 32е] [2].

Аналогичные амфоры были использованы и для погр. 5 и 8. Оба сосуда лежали в разных частях раскопа на 0,3 м выше скалы и содержали незначительные остатки детских скелетов, прикрытые стенками этих же амфор. У сосуда погр. 5, ориентированного на ССВ, было отбито горло (рис. 1, *6*). Для погр. 8 использована целая амфора, положенная горлом на ССЗ (рис. 1, *8*).

Обращает на себя внимание многочисленность находок амфор типа Солоха I в Керкинитиде. Кроме находок 1975 г., трех целых амфор и горла с клейменой ручкой, приведенных И. Б. Зеест [16, с. 91, 92, табл. V, 32г, XVI, 32ж], следует упомянуть еще одну целую и множество фрагментов амфор этого типа из раскопок М. А. Наливкиной и случайных находок последующих лет [3]. Вероятно, импорт в Западный Крым из центра, выпускавшего амфоры Солоха I, был достаточно велик [4]. Надо думать, что это обстоятельство вызвало и херсонесские подражания амфорам типа Солоха I, которые, помимо известной в литературе амфоры с тремя [16, с. 100] ручками [5], встречены и на Чайкинском городище [6].

Для еще одного детского погребения (7), находившегося на 0,2 м выше поверхности скалы, было использовано тулово розовоглиняной эллинистической амфоры со светлым ангобом (рис. 1, *5*). Остатком горла сосуд был ориентирован на СВ. Костяк младенца, как и в предыдущих погребениях, сохранился плохо. Следы черепа замечены в плечевой части амфоры, что позволяет предполагать в Керкинитиде, как и в Херсонесе [25, с. 193], обычай положения младенца головой к горлу амфоры. В средней части сосуда было найдено миниатюрное бронзовое круглопроволочное колечко. Рядом с погр. 7 зачищено небольшое кострище.

[1] Песок перенасыщен влагой, что отразилось на сохранности всех костяков и даже некоторых сосудов.

[2] И. Б. Зеест упоминает и аналогичное дипинти [16, с. 92].

[3] Инв. ЕКМ № 2380 осн.

[4] А. П. Манцевич считает эти амфоры теронскими [21, с. 3—5; 23, с. 167, 168; 22, с. 79 сл.; 24, с. 48—53], а И. Б. Зеест — средиземноморскими [16, с. 94].

[5] Инв. ЕКМ № 2574 осн.

[6] Любезное сообщение И. В. Яценко.

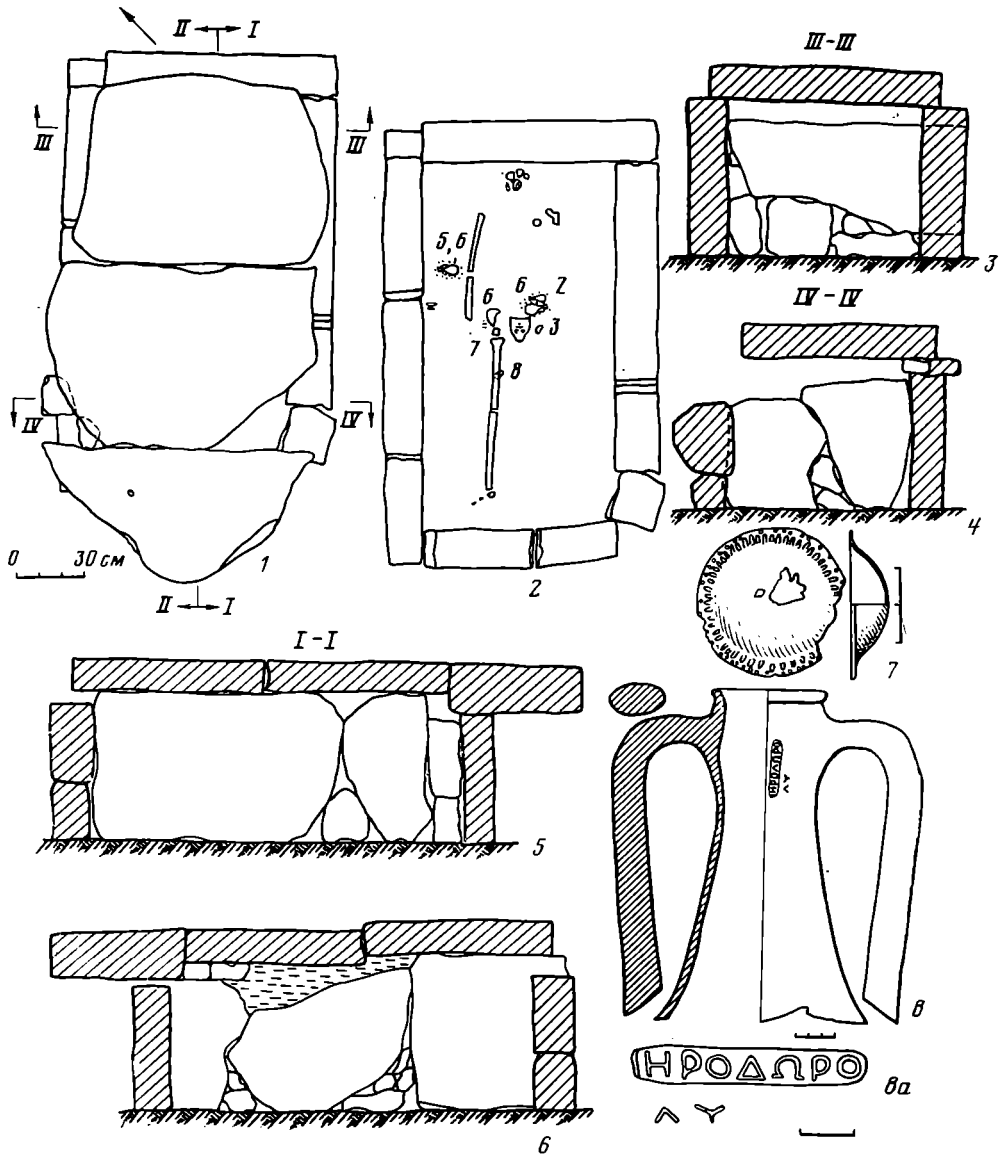


Рис. 2. Погребение 4. *1—6* — планы и разрезы; *7* — щиток броши (?); *8*, *8а* — амфора из тризны и клеймо на ее горле

Еще два раскопанных погребения (4 и 6) представляют собой плитовые могилы. Это первые целые из раскопанных в Керкинитиде подобных погребений [1, с. 174—177, рис. 4; 8, с. 11—14], поэтому особенно интересны их конструктивные особенности.

Могильная яма погр. 4 выделялась в песке своим более плотным заполнением и содержанием в нем многочисленных мелких обломков скальной породы. В заполнении, на разных его горизонтах, оказались и остатки тризны: обломки гераклейской амфоры с энглифическим клеймом на горле НРОΔΩРО/ΛΥ (рис. 2, *8*), фрагменты сероглиняной и красноглиняной гончарных чаш. Могильное сооружение (рис. 2, *1—6*) имеет форму прямоугольника площадью 1,95×1,2 м (длинная ось по линии ССВ — ЮЮЗ), сложенного из поставленных на ребро торцами друг к другу крупных известняковых плит. Все плиты обработаны грубо, имеют неправильную форму и установлены таким образом, что наибольшие пространства между ними оказываются у дна могилы. Последнее находилось на 0,58 м ниже поверхности скалы. Отметим, что пространства между плитами заложены мелким камнем. Сверху сооружение было пере-

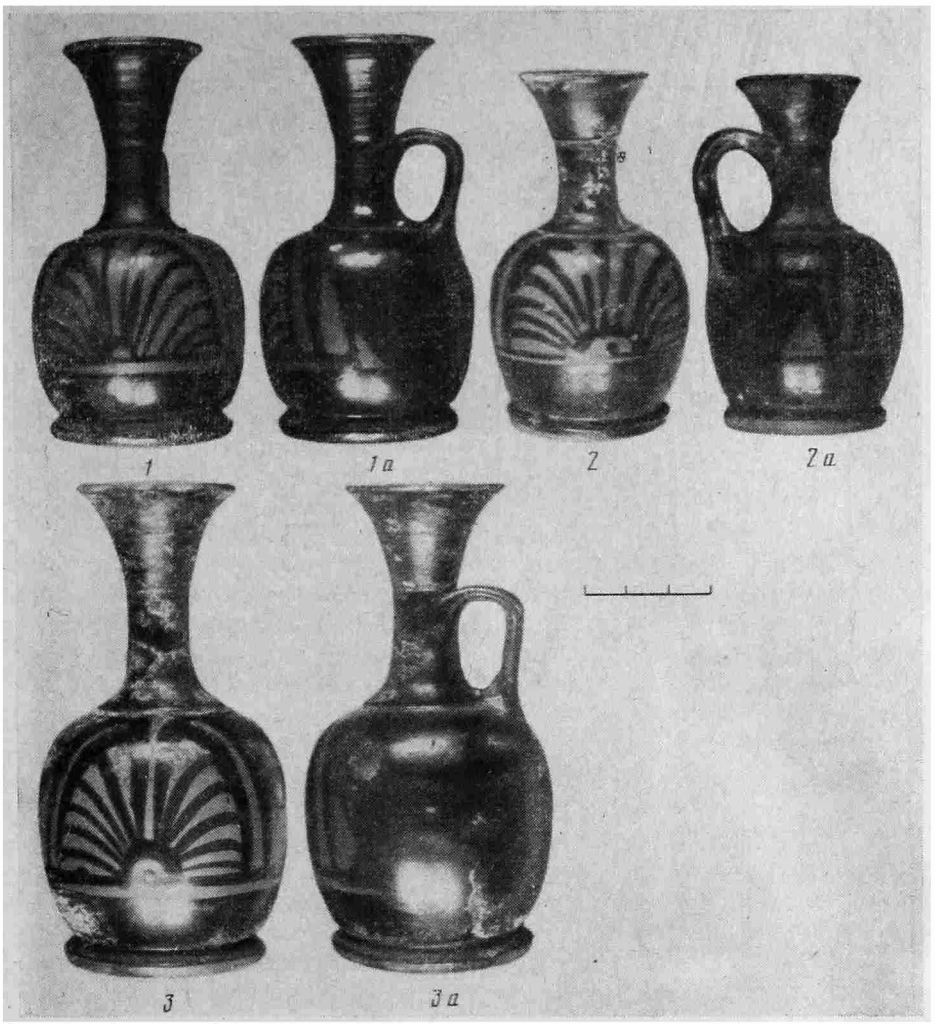


Рис. 3. Краснофигурные лекифы из погр. 4

крыто тремя массивными плитами. Две из них, северная и центральная, лежат на плитах длинных стен, а южная положена большей частью своей площади непосредственно на поверхность скалы, и только северный ее край надвинут на стены. В этой плите имеется сквозное отверстие диаметром 15 мм.

В могиле находился скелет подростка очень плохой сохранности, лежавший в вытянутом положении на спине головой на ССЗ. На левом его плече найдена крупная бронзовая умбоновидная бляшка, украшенная по краю чередующимися вдавлениями и дуговидными насечками (рис. 2, *7*). Вероятно, это щиток фибулы-броши. На тазовых костях погребенного, на скоплении астрагалов, лежали два краснофигурных ариаллических лекифа с изображением пальметки (рис. 3, *2, 3*). Один лекиф довольно крупный — высота 12,4 см, другой гораздо меньших размеров — 8,2 см. Средних размеров аналогичный лекиф (высота 10,1 см. рис. 3, *1*) лежал также на скоплении астрагалов между стенкой могилы и локтем правой руки. У правой же руки, на месте ее истлевшей кисти, найден бронзовый перстень с овальным щитком и негативным изображением сидящей фигуры [7]. В ногах погребенного оказались две бусины из

[7] Сохранность перстня плохая. Фигура одета в женские одежды, но с короткими волосами и как будто с бородой, держит в левой руке перед собой неясный предмет, возможно, веретено. Правая рука отброшена назад (с ниткой?). Можно предполагать тут изображение столь популярного в Западном Крыму Геракла — миф о его рабстве у царицы Омфалы [26, с. 140].

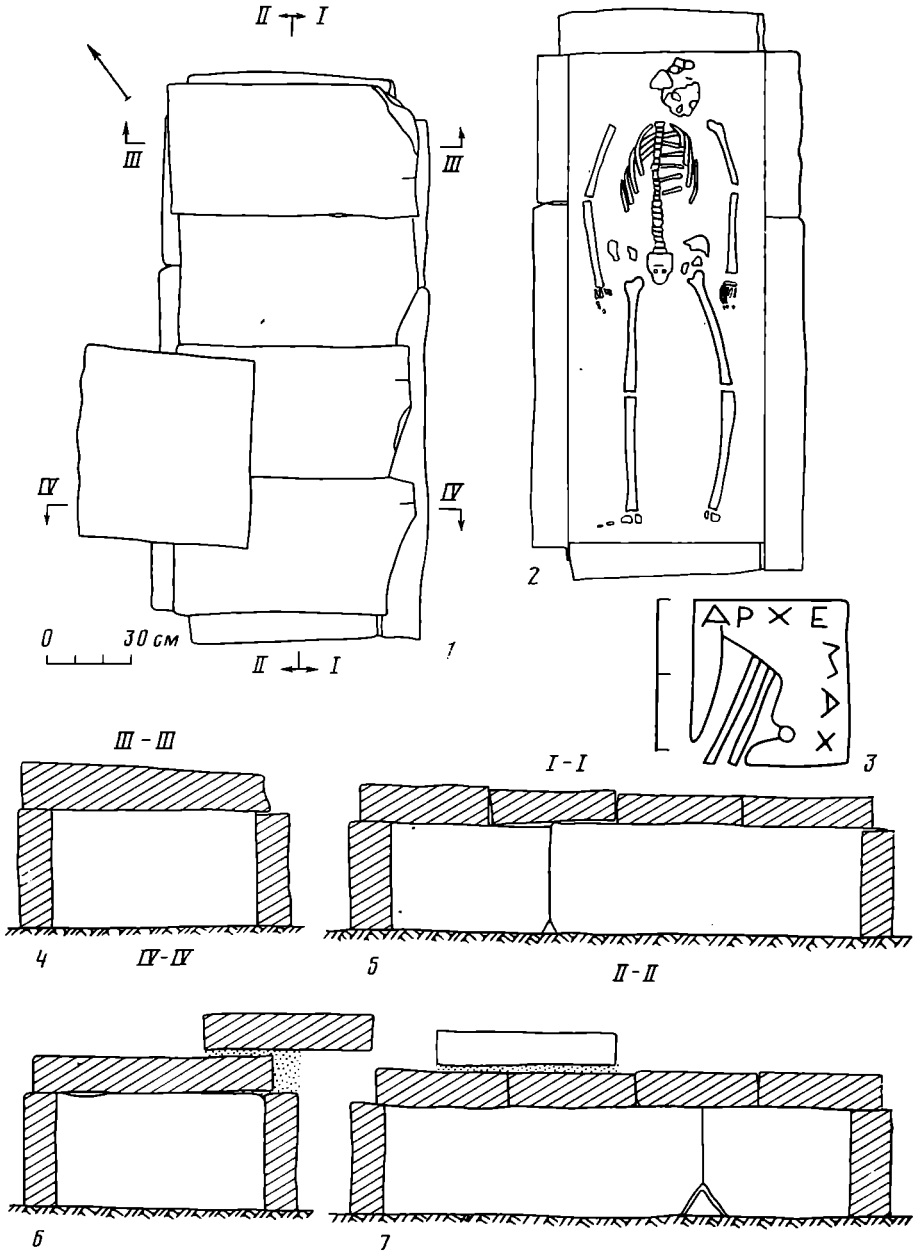


Рис. 4. Погребение 6. *1*, *2*, *4—7* — планы и разрезы; *3* — клеймо на амфорной ручке из тризны

синего глухого стекла со вставными глазками, а под правой берцовой костью найдена стенка красноглиняного гончарного сосуда.

Краснофигурные аттические лекифы с изображением крупной пальметты широко известны в некрополях Средиземноморья и Причерноморья в комплексах IV — начала III в. до н. э. [20, с. 106—116, табл. 49, 50; 27, с. 70, 82; обр. 13, 2; 28, p. 179, 522, pl. 90, II, 7; 29, с. 51 сл.; 30, рис. 23, 51, *3*; 17, табл. V, № 371, 670; 1, с. 178, рис. 11; (—) 31, S. 47, 48, 106, 107, Abb. 48, d, c; 32, табл. 13 18]. Т. Иванов разделил подобные лекифы из некрополя Аполлонии на ранние (вторая и третья четверти IV в. до н. э.), отличающиеся тщательностью рисунка, и более поздние (последняя четверть IV—начало III в. до н. э.), имеющие схематичный рисунок, срезанные верхушки листьев и удлиненный тонкий средний лист [20, с. 104, 105, 352]. Лекифы из Керкинитиды, однако, не находят полных аналогий ни

Рис. 5. Следы пилы на плитах перекрытия погр. 6

в одном из восьми вариантов Т. Иванова, сочетая в своем рисунке и ранние, и поздние черты (пальметты довольно пышные, но со срезанными верхушками листьев и удлиненным средним листом). Полные же аналогии мы находим в Олинфе и Ольвии [33, pl. 103, № 100, 105, № 114, 115, 106, № 119, 131; 34, с. 99, рис. 47, *1, 2*] причем лекифы из Олинфа Д. Робинзон датирует второй четвертью IV в. до н. э. (до 348 г. до н. э.) [33, p. 146—150]. Эта дата согласуется с датой клейма из тризны. Аналогичное клеймо нам не известно, но магистрат Геродор и гончар с аббревиацией ΛΥ уже встречались в гераклейских клеймах в других сочетаниях [35, № 119, 120, 141, 142] [8]. Б. А. Василенко датирует гераклейские клейма с двумя именами (одно сильно сокращено) концом первой — началом второй четверти IV в. до н. э. [36, с. 34]. По схеме И. Б. Брашинского наше клеймо относится ко времени около 370—330 гг. (II группа) [37, с. 23, 24, 27]. Очевидно, погр. 4 совершено в пределах второй-третьей четверти IV в. до н. э.

Вторая плитовая могила (рис. 4, *1, 2, 4*—7) — погр. 6 — выполнена из крупных правильной формы плит ракушечника, поставленных на ребро на поверхности скалы, которая служила дном могилы (глубина 1,56 м). Сооружение имеет форму прямоугольника, вытянутого по линии ССВ — ЮЮЗ; длина его 1,98 м при ширине 0,95 м. Нельзя не обратить внимание на то, что для могилы использованы практически стандартные плиты. Так, восточная стена сложена из двух плит (1,2×0,39×0,11 м и 0,52×0,4×0,12 м) почти таких же размеров, как и обе плиты западной стены (1,22×0,4×0,11 м и 0,57×0,39×0,12 м). По одной одинаковой плите использовано и для торцовых стен. У всех плит длинных стен обязательно обломан один угол, и они установлены друг к другу так, что у подошвы образуется пустое пространство треугольной формы. В западной стене оно довольно велико и заполнено тщательно подобранным куском ракушечника. Могила перекрыта лежавшими на ее стенках, также практически одинаковыми, четырьмя плитами ракушечника. У плит перекрытия, как и у плит стен, обязательно отбит один угол, а на торцах трех плит (северная и обе южные) имеются следы глубоких (до 10 см) пропилов (рис. 5). На двух южных плитах перекрытия, на небольшой песчаной прослойке, лежала гладкая прямоугольная известняковая плита (0,66×0,6×0,13 м), служившая, вероятно, стелой и первоначально стоявшая вертикально. Надпись краской, которую, очевидно, следовало бы ожидать на такой стеле, не сохранилась.

В могиле оказался один скелет плохой сохранности, лежавший в вы-

[8] Рассматриваемое клеймо нанесено двумя штемпелями.

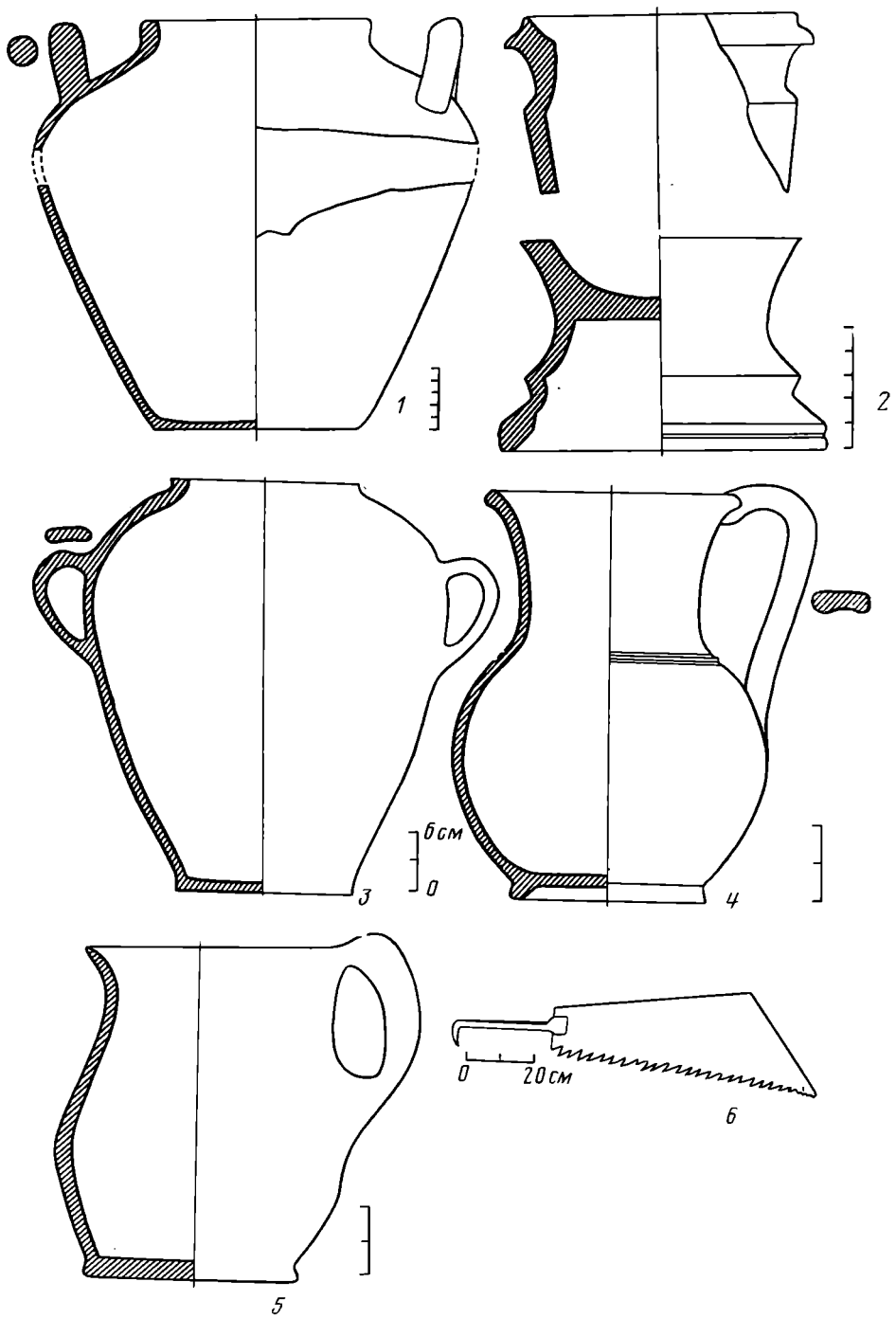


Рис. 6. *1*, *2*, *4* — чернолаковый кувшинчик, лепная и обломки гончарной урн из перекопа теплицы; *3*, *5* — лепные урна и кружка из трупосожжения 1970 г.; *6* — пила для камня, конец XIX — начало XX в. (Мамайские каменоломни)

тянутом положении на спине головой на ССВ. Погребение безынвентарное.

В 0,6 м к СВ от погр. 6 зачищено кострище и остатки тризны, находившиеся на уровне поверхности плит перекрытия могилы. В самом кострище оказалась обгоревшая верхняя часть горла гераклейской амфоры с прочерченной по сырой глине вертикальной полосой. Остальные находки сделаны также на уровне кострища, но рядом с ним. Из них отметим фрагмент плечевой части тонкостенного закрытого гончарного сосуда с опоясывающей росписью в виде параллельных полос красной

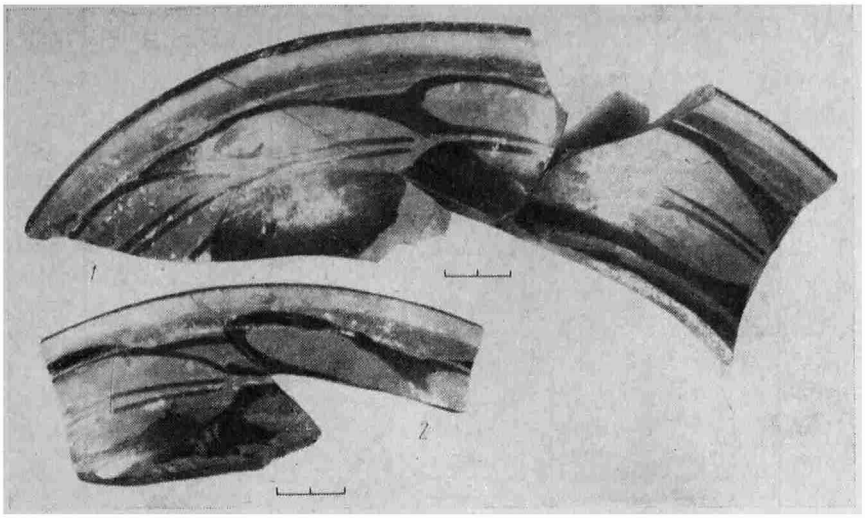


Рис. 7. Фрагменты краснофигурного сосуда из перекопа теплицы

(две) и черной (одна) краской и амфорную ручку с квадратным рельефным клеймом: по двум сторонам АРХЕ/МАХ и эмблема в виде носа корабля (рис. 4, *3*).

Существуют различные предположения о происхождении клейм с изображением носа корабля и легендой по краю штампа [35, с. 116, 117, № 399; 38, с. 178; 39, с. 218]. Сравнительно недавно Б. А. Василенко отнес указанные клейма к группе клейм неизвестных центров и датировал их в пределах конца IV — первой половины III в. до н. э. [36, с. 79, 151, № Н—Н—5; 40, с. 93, прим. 38]. Не дает более определенной даты и фрагмент расписного сосуда из тризны погр. 6. Сосуды с росписью красной краской в виде трех простых поясков обычны среди находок в Херсонесе и на территории его хоры. Принадлежат они, несомненно, к продукции мастерских Херсонеса и датируются III — первой половиной II в. до н. э. [41, с. 162—168]. Однако применение черной краски на сосудах этой группы как будто до сих пор не отмечалось. К тому же розоватого цвета тонкая и чистая глина черепка говорит скорее о его средиземноморском происхождении. Вероятно, погр. 6 следует датировать концом IV — первой половиной III в. до н. э., хотя несомненная общность строительных приемов плитовых могил 4 и 6 не позволяет, как нам кажется, распространять эту дату на всю первую половину III в. до н. э.

Плиты погр. 4 и 6 дают нам некоторые представления о добыче камня разных пород в Керкинитиде IV—III вв. до н. э. Выше отмечалось, что в одной из плит перекрытия погр. 4 было обнаружено сквозное отверстие. Следы круглого длинного инструмента отмечались и на боковых гранях плит этой же могилы. Надо думать, что при добыче известняка необходимая по размерам плита намечалась по контуру шпурами, а затем выламывалась. Сложнее решить другой вопрос: сверлились шпуры или пробивались инструментом типа шлямбура или пробойника? Во всяком случае сверло, бурав и пробойник отмечались, например, в металлообрабатывающем ремесле Херсонеса [42, с. 34, 35].

Иначе добывался мягкий ракушечник. Пропилы на торцах плит погр. 6 (рис. 5) и следы пилы на их поверхности убедительно говорят о применении этого инструмента при добыче камня. Пласт ракушечника предварительно несомненно размечался под распил, что давало возможность получения практически стандартных плит. Ошибка в разметке, видимо, и привела к появлению следов пропилов на плитах погр. 6. Следует отметить, что аналогичным способом добывался ракушечник в Ма-

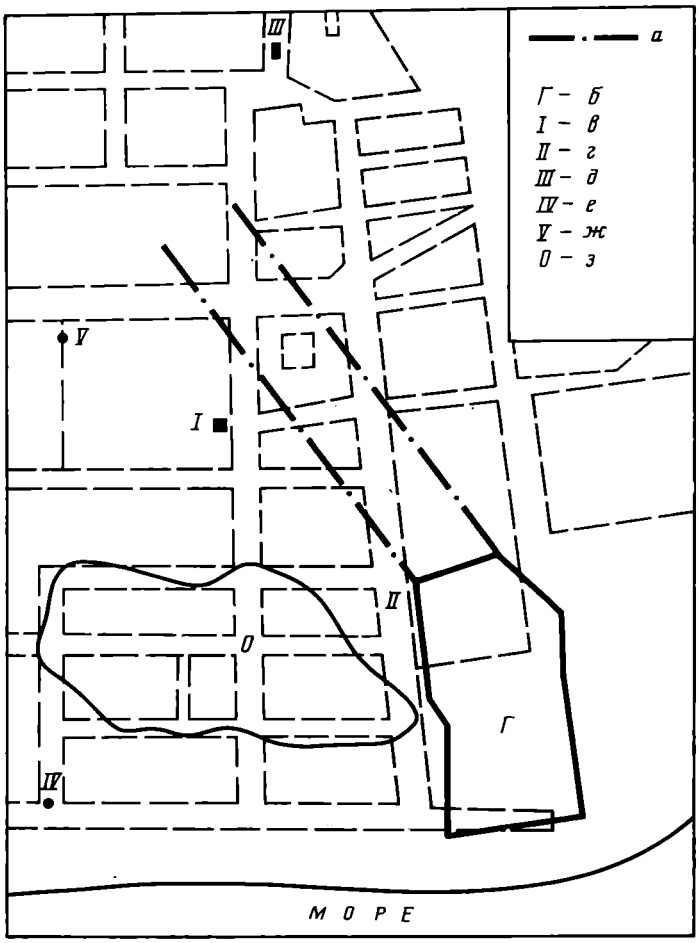


Рис. 8. План-схема некрополя Керкинитиды
а — граница некрополя по Л. А. Моисееву; *б* — городище; *в* — раскоп 1975 г.; *г* — трупосожжение 1970 г.; *д* — раскоп 1977; *е* — трупосожжение; *ж* — погребение 1955 г.; *з* — озеро

майских каменоломнях близ Евпатории еще в начале XX в. Применявшаяся тут ручная одинарная пила (рис. 6, *6*), позволяла выпиливать небольшие стандартные блоки. Вероятно, аналогичная или близкая пила применялась и в древности. В пользу этого говорит и факт облома углов плит погр. 6, которые обязательно должны появляться при выпиливании одинарной пилой длинных плит (недопиливание одного угла из-за постоянного наклона пилы).

Выше отмечалось, что в перекопе теплицы было найдено много обломков античной керамики. Из них собралось два больших фрагмента края краснофигурного сосуда типа кратера с остатком граффити (первая половина IV в. до н. э., рис. 7) [43, p. 434, fig. 333; 33, p. 88, 89, pl. 43, 35] [9], чернолаковый кувшинчик IV—III вв. до н. э. (рис. 6, *4*), дно, часть горла и остатки витой ручки сероглиняной гончарной урны (рис. 6, *2*). Но особого внимания заслуживает фрагментированная лепная урна, графически хорошо реконструируемая (рис. 6, *1*). В комках земли, приставших к ее стенкам и дну, оказалось много обломков кальцинированных костей, что позволяет зафиксировать и на этом участке некрополя [10, с. 40; 8, с. 11—14; 1, с. 182, 183, рис. 19; 44, с. 115, рис. 3, *2*] наряду с ингумационными могилами наличие трупосожжения. Аналогичная по профилю лепная урна-гидрия с двумя вертикальными

[9] Обломки аналогичного сосуда из случайных находок в Евпатории хранятся в ЕКМ, № 1730 нв.

ручками и следами прилепа горизонтальной (рис. 6, *3*) была найдена в 1970 г. в водопроводной траншее на ул. Свердлова против здания медучилища (рис. 8, II). Она также содержала остатки трупосожжения, причем, по свидетельству очевидца [10], в траншее над урной наблюдался мощный золистый слой. Погребение сопровождал инвентарь: гончарный красноглиняный гуттус, толстостенная лепная кружка (рис. 6, *5*) и арибаллический лекиф с изображением летящей Ники [11]. Последний позволяет датировать обе рассматриваемые урны IV в. до н. э. (не исключено, что и урна с ул. Гоголя также имела три ручки). Таким образом, впервые для Керкинитиды удается выделить четыре лепных сосуда IV в. до н. э. (две урны и две кружки из погр. 2 и трупосожжения 1970 г.).

Раскопки 1975 г. пополняют наши сведения о некрополе Керкинитиды, оставляя, к сожалению, множество вопросов открытыми. В их числе и вопрос о границах некрополя. Последние были намечены Л. А. Моисеевым, который полагал, что могильник протянулся довольно узкой полосой к северо-западу от северной оборонительной стены городища [12, с. 20, 44, рис. 5, *5, 6*]. Однако могильник, несомненно, обширнее. Так, к юго-западу от места раскопок Н. Ф. Романченко и Л. А. Моисеева находятся (рис. 8, I, II, V) участок 1975 г., трупосожжение 1970 г. и случайно найденное на ул. Ленина в 1955 г. детское погребение с терракотами [12]. К северу от раскопа 1975 г. в 1977 г. был исследован каменный склеп с уступчатым сводом (рис. 8, III) [13]. Можно предполагать, что некрополь занимал и какое-то пространство к северу и северо-востоку от городища. А. Н. Щеглов предполагает, что распространяться в западном направлении некрополю не позволяла существовавшая там лагуна, превратившаяся позднее в озеро. Последнее сохранялось до XIX — начала XX в. Однако в античное время это озеро вряд ли было лагуной, и отделявшая его от моря пересыпь появилась, вероятно, раньше. Во всяком случае опубликованная А. Н. Щегловым урна с трупосожжением из некрополя Керкинитиды [44, рис. 3, *2*] была найдена на набережной им. А. М. Горького против столовой ЦКП [14], т. е. уже между морем и озером. Остается надеяться, что новое строительство в Евпатории все же предоставит нам и новые возможности для изучения некрополя Керкинитиды.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Романченко Н. Ф.* Раскопки в окрестностях Евпатории.— ИАК, 1907, вып. 25.
2. *Наливкина М. А.* Основные итоги работ Евпаторийского отряда.— КСИИМК, 1952, № 45.
3. *Наливкина М. А.* Раскопки в Евпатории.— КСИИМК, 1953, № 51.
4. *Наливкина М. А.* Раскопки в Евпатории.— КСИИМК, 1955, № 58.
5. *Наливкина М. А.* Торговые связи античных городов Северо-Западного Крыма.— В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
6. *Наливкина М. А.* Керкинитида и Калос Лимен.— В кн.: Античный город. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
7. *Моисеев Л. А.* Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории.— ИТУАК, 1918, вып. 54.
8. *Романченко Н. Ф.* К вопросу о древнем поселении вблизи Евпатории.— В кн.: Археологические известия и заметки. Т. II. М., 1894.
9. ОАК за 1896 г. СПб., 1897.
10. ОАК за 1897 г. СПб., 1898.
11. IOSPE, I².
12. *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978.
13. *Дашевская О. Д.* О происхождении названия города Керкинитиды.— ВДИ, 1970. № 3.

[10] Сведениями об этом погребении я обязан нашедшему его бывшему сотруднику ЕКМ А. С. Бирюкову.

[11] Инв. ЕКМ № 5460 осн.

[12] Архив ЕКМ, докум. арх., № 63.

[13] Материал подготовлен к изданию автором совместно с А. С. Бирюковым.

[14] ЕКМ, КП, № 1605, инв. арх. № 11675.

14. Резолюция конференции ИИМК АН СССР, посвященной процессу исторического развития античных городов Северного Причерноморья. М., 1956.
15. *Михлин Б. Ю.* Отчет об охранных раскопках некрополя Керкинитиды в 1975 г. Архив ИА АН УССР.
16. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, № 83.
17. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э.— САИ, 1970. вып. Д1—27.
18. *Белов Г. Д.* Амфоры из некрополя Херсонеса.— В кн.: История и культура античного мира. М.: Наука, 1977.
19. *Паровић-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев: Наукова думка, 1974.
20. *Иванов Т.* Антична керамика от некропола на Аполония.— В кн.: Аполония. София, 1963.
21. *Манцевич А. П.* Амфоры кургана Солоха.— СГЭ, 1947, вып. IV.
22. *Манцевіч Г. П.* Керамічна тара з кургана Солоха.— Археологія, 1975, № 17.
23. *Манцевич А. П.* Ритон Талаевского кургана.— В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев: Изд-во АН СССР, 1957.
24. *Манцевич А. П.* Об амфорах из кургана Солоха.— СГЭ, 1968, вып. XXIX.
25. *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1935—1936 гг. Симферополь, 1938.
26. *Штолль Г. Ф.* Мифы в классической древности. М., 1896.
27. *Дремсизова Цв.* Надгробни могили при село Янково.— В кн.: Гаврил Кацаров. Ч. II. Известия Археологически институт на Българска Академия на науките. Кн. XIX. София, 1955.
28. *Alexandrescu P.* Necropolă tumulàra. Săpături 1955—1961.— Histria, v. II. Bucureşti, 1966.
29. *Блаватский В. Д.* О технике росписи арибаллических лекифов.— КСИИМК, 1947, XV.
30. *Капошина С. И.* Некрополь в районе поселка им. Войкова.— МИА, 1959, № 69.
31. *Ebert M.* Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouv. Gherson (Süd-Russland).— PZ, 1913, B. V, H. 1, 2.
32. *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.— САИ, 1967, вып. Д1—4.
33. *Robinson D.* Excavations at olynthus, part XIII. Baltimore, 1950.
34. *Козуб Ю. І.* Некрополь Ольвії V—IV ст. до н. э. Київ: Наукова думка, 1974.
35. *Придик Е. М.* Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках, горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917.
36. *Василенко Б. А.* Керамические клейма из античных поселений на побережье Днестровского лимана: Канд. дис. Одесса: ИА АН СССР, 1972. Архив ИА АН СССР, р-21, № 2111.
37. *Брашинский И. Б.* Керамические клейма Гераклеи Понтийской.— НЭ, 1965, т. V.
38. *Придик Е. М.* Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг.— МИА, 1941, № 4.
39. *Шелов Д. Б.* Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантикапея.— МИА, 1957, № 56.
40. *Василенко Б. А.* Давньогрецькі керамічні клейма з Одеси.— Археологія, 1972, № 5.
41. *Дашевская О. Д.* Эллинистическая расписная керамика из Северо-Западного Крыма.— СА, 1967, № 1.
42. *Кадеев В. И.* Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV вв. н. э. Харьков: Харьковский государственный университет, 1970.
43. Histria. V. I. Bucureşti, 1954.
44. *Щеглов А. Н.* Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса.— КСИА АН СССР, 1975, № 143.

B. Yu. Mikhlin

EXCAVATIONS OF THE KERKINITIDA NECROPOLIS IN 1975

Summary

The article summarises the results of the conservation excavations in the necropolis in the courtyard of No. 17, Gogol Street in Yevpatoria. Eight burials were uncovered, five of them child burils in amphorae (Fig. 1, *5—8*) dated to the 4th-3rd centuries B. C. There is one more child ground burial (2) from the second half of the 4th century B. C. (Fig. 1, *1—4*). There are two chamber-tombs: burial No. 4 is dated to the second-third quarters of the 4th century B. C. (Fig. 2, *3*) and burial No. 6 (Fig. 4, *5*) — to the end of the 4th-first half of the 3rd century B. C. Three burials (4-6) are oriented to the North-North-East, two (1, 7) — to the North-East, three burials (2, 3, 8) — to the North-North-West.

СМИРНОВА Г. И.

МОГИЛЬНИК ТИПА ПОЯНЕШТЫ-ЛУКАШЕВКА У с. ДОЛИНЯНЫ НА БУКОВИНЕ

(раскопки 1977—1978 гг.)

У с. Долиняны Хотинского р-на Черновицкой обл., в урочище «Помирки», в течение ряда полевых сезонов проводились исследования скифского поселения и находящегося там же земляного всхолмления, оказавшегося, как выяснилось, остатками гетского святилища. Следы скифского поселения фиксируются на уплощенном гребне возвышенного плато и по его южному склону на протяжении 800—900 м. Во время полевых сезонов 1972—1973 гг. исследовалось святилище [1, p. 309] и участок скифского поселения, расположенный на уплощенном гребне плато рядом со святилищем [2, с. 35]. В 1977—1978 гг. работы велись в 220 м к юго-востоку от прежних раскопов, в верхней части южного склона плато. В 1977 г. в процессе работ на раскопе IV мы столкнулись с остатками могильника типа Лукашевка — Поянешты [3, с. 386]. В следующем году поиски и исследования могильника были продолжены с помощью Каменец-Подольского пединститута [4, с. 403; 5, рис. 1, 2].

Погребения находились в культурном слое скифского поселения, в основном на глубине 30—40 см от поверхности, что не благоприятствовало их сохранности. При вспашке поля задевались плугом верхние части урн и покрывавших их сосудов, разрушались неглубоко вырытые могильные ямки. Тем не менее в 1978 г. на раскопе IV на уровне материка удалось проследить и уловить большую часть могильных ям и по примеру этих могил восстановить остальные погребальные комплексы, дошедшие до нас в разрушенном виде. И если в 1977 г. было открыто два урновых погребения и четыре безурновых разрушенных, ямки которых мы не уловили, то в 1978 г. их количество возросло на 18. В общей сложности за два года раскопок на участке в 693 м² было зафиксировано 24 погребения (рис. 1). Кроме того, имеются отдельные разрозненные находки обломков керамики и мелкого инвентаря, которые связать с могилами не представляется возможным.

Погребение 1 (кв. А/6) урновое. Ямка не прослежена, глубина основания сосуда, в котором оказалось много кальцинированных костей, отделенных от остатков костра,— 0,5 м от поверхности. По предварительному определению Е. Ирегрен (Стокгольм) — специалиста по пережженным остеологическим материалам, среди костей присутствуют кости взрослого человека, ребенка и птицы.

Урной служила глубокая темно-серая гладкостенная миска конической формы с высоким слабо отогнутым венчиком и профилированным туловом. Край венчика закруглен (рис. 2, *1*). Сосуд с костями был покрыт маленькой чернолощеной мисочкой с четко выраженными плечиками. Повторяя форму урны, миска-покрышка более приземиста, а дно ее имеет омфал (рис. 2, *2*).

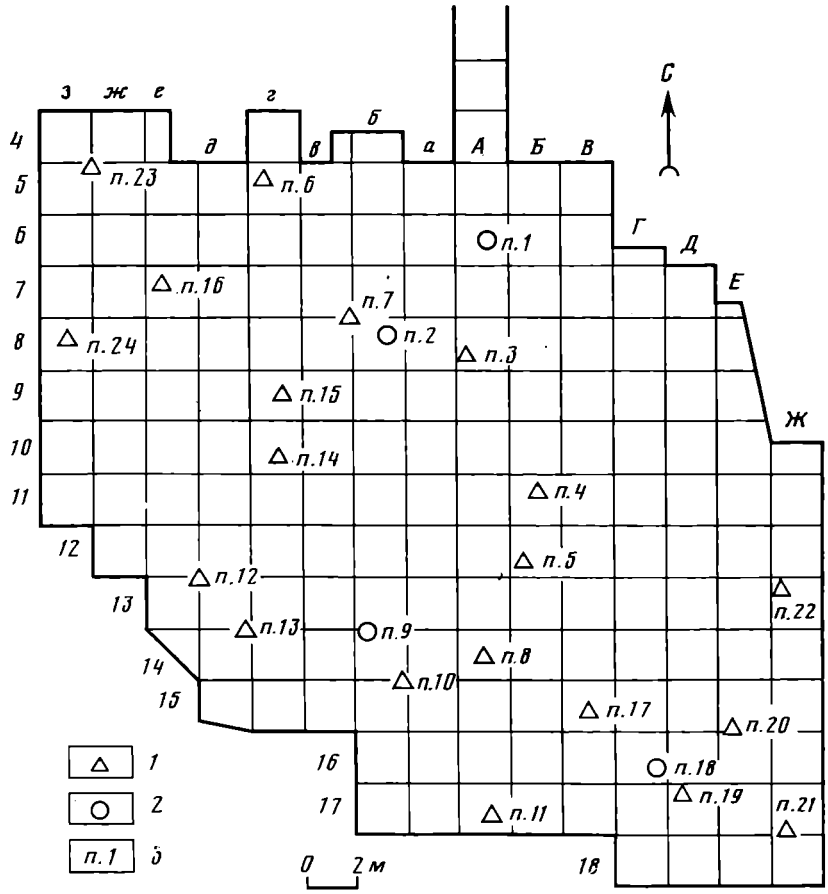


Рис. 1. Общий план могильника. *1* — ямные погребения; *2* — урновые погребения; *3* — номера погребений

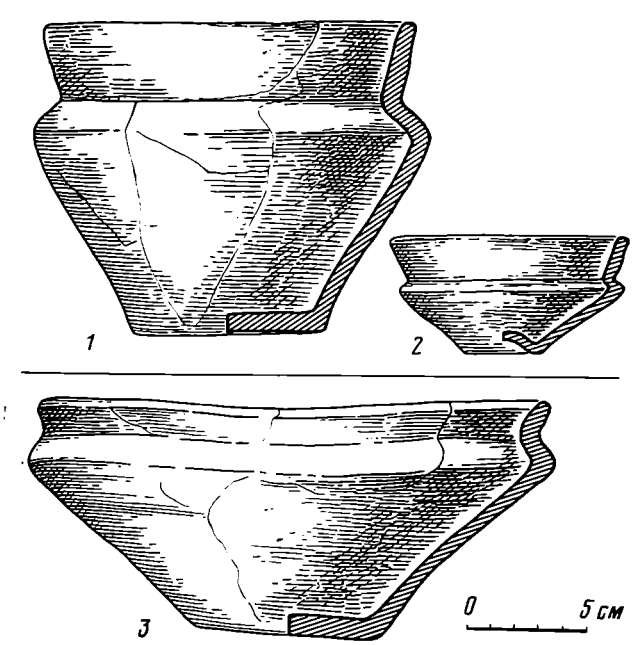


Рис. 2. Сосуды из погребений 1 (*1*, *2*) и 2 (*3*)

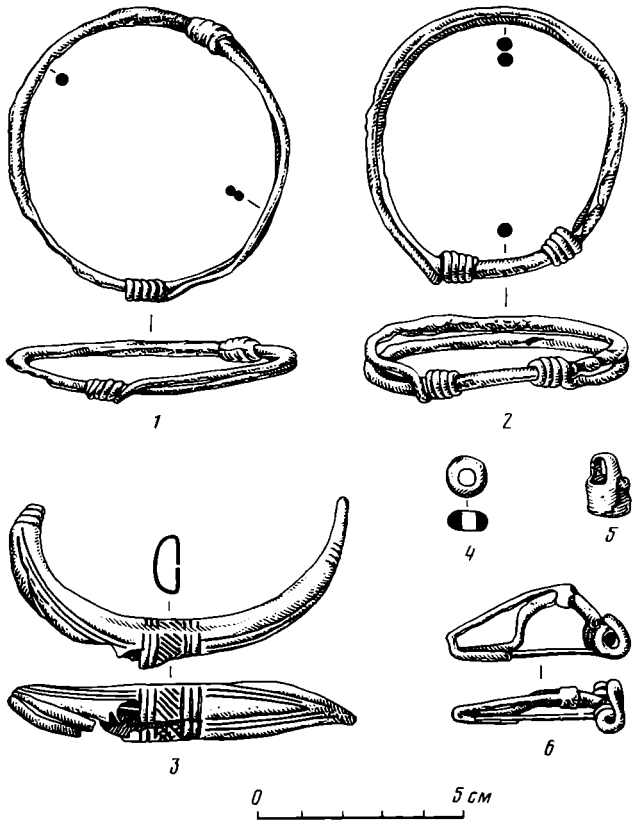


Рис. 3. Инвентарь погр. 2. *1*, *2*, *5*, *6* — железо, *3* — бронза, *4* — стекло

Погребение 2 (кв. *а—б*/8) урновое в ямке, обнаруженной на глубине 0,35 м. Размеры ямки 0,5×0,6 м, глубина (в основании) 18 см. В ней находилась лежавшая вверх дном раздавленная миска с кальцинированными костями и днище второй миски, служившей, по всей вероятности, крышкой урны. Судя по всему, эти сосуды смещены к моменту расчистки (рис. 1).

Урной служила чернолощеная миска конической формы. Это сравнительно низкий открытый сосуд с почти прямым закругленным, а не граненым краем венчика, с четко выраженным ребром на тулове и небольшим дном (рис. 2, *3*). В ней среди мелких пережженных костей найдена часть бронзового браслета, сильно обожженного и деформированного (рис. 3, *3*). Браслет сделан из круглого прута, раскованного по середине. Средняя часть его утолщенная и полая, с орнаментом из углубленных линий.

Возле урны-миски найдены железные фибула, а под ее краем два браслета и две ведерковидных подвески (рис. 3, *1*, *2*, *5*, *6*). Тут же лежала стеклянная ошлакованная бусина (рис. 3, *4*). Браслеты свернуты из круглой проволоки — один в два оборота (рис. 3, *2*), другой в полтора (рис. 3, *1*). Концы проволоки обмотаны вокруг кольца. Диаметр браслетов 6,5 и 6,7 см.

Проволочная фибула из этого погребения (рис. 3, *6*) относится к среднелатенской схеме, а точнее, судя по скрепке по середине дужки и по другим деталям конструкции, к типу Е по Костжевскому [6, S. 19, Abb. 5].

Погребение 3 (кв. А/8) представлено россыпью мелких кальцинированных костей, вместе с которыми на глубине 0,35—0,4 м от поверхности найдены часть железной проволочной фибулы и обломки железного браслета с утолщенной полой средней частью (рис. 4, *3*, *5*). Фибула,

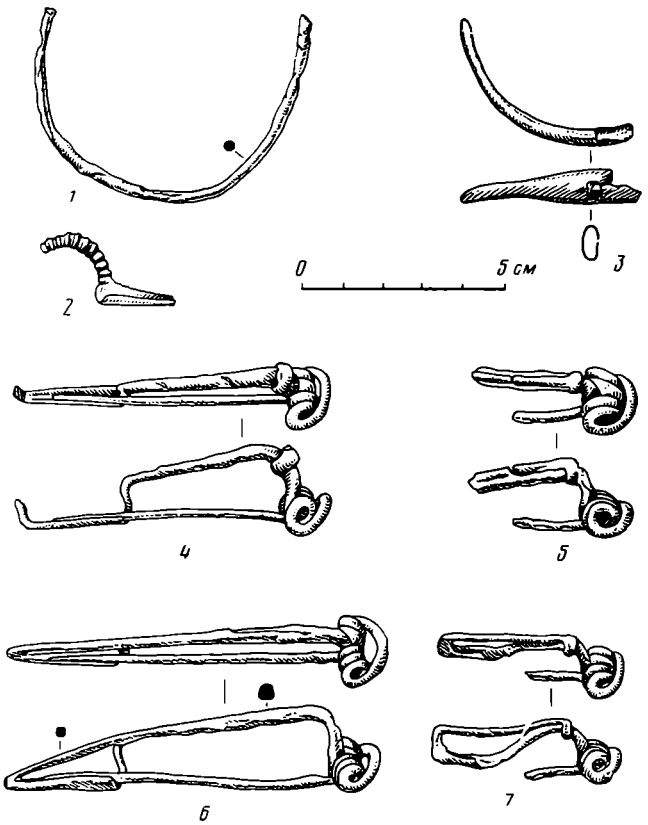


Рис. 4. Инвентарь погр. 3 (*3*, *5*), 4 (*1*, *7*), 5 (*4*), 6 (*6*); случайная находка (*2*)

судя по изгибу дужки и смещению скрепки на дужке ближе к пружине, относится к среднелатенской схеме, точнее, к типу В по Костжевскому [6, S. 17, Abb. 2].

Погребение 4 (кв. Б—Г/11) разрушено. В слое на глубине 0,35—0,4 м от поверхности попадались отдельные кальцинированные кости. Тут же найдена железная проволочная фибула ясторфского типа (тип J по Костжевскому) [6, S. 23, Abb. 9] и обломки проволочного железного браслета (рис. 4, *1*, *7*).

Погребение 5 (кв. Б/12) разрушено. В слое на глубине 0,4 м встречались отдельные мелкие кальцинированные кости. На этом же участке найдены обломки железного пластинчатого предмета с загнутым в петлю концом и железная фибула со следами починки бронзой, относящаяся скорее всего к типу В (рис. 4, *4*).

Погребение 6 (кв. г/5): на глубине 0,4 м найдена проволочная фибула и отдельные кальцинированные кости. Застежка хорошо сохранилась, ее пружина и примыкающие к ней части спинки и иглы железные, а все остальное — бронзовое (рис. 4, *6*). Очевидно, после поломки ее починили бронзой. Фибула относится к позднелатенской схеме, к Латену D_1, что в абсолютных датах приходится на первую половину I в. до н. э. [7, S. 58—60, Tabl. VII, *6*].

Погребение 7 (кв. б—в/7—8): кремированный прах ссыпан в ямку диаметром 0,5×0,55 м, глубиной 5 см в основании, вырытом в материке (рис. 1, *9*). В верхней своей части ямка была, видимо, больше диаметром, о чем свидетельствует более широкий ареал распространения костей на уровне второго штыка, где ямка еще не прослеживалась. На дне ямки, на глубине 0,5 м от поверхности, в центре, лежали фибула и два железных проволочных браслета с нанизанными на них оплавленными стеклянными бусинами (рис. 5, *1—3*). Одна из бусин имеет светло-зеленый цвет,

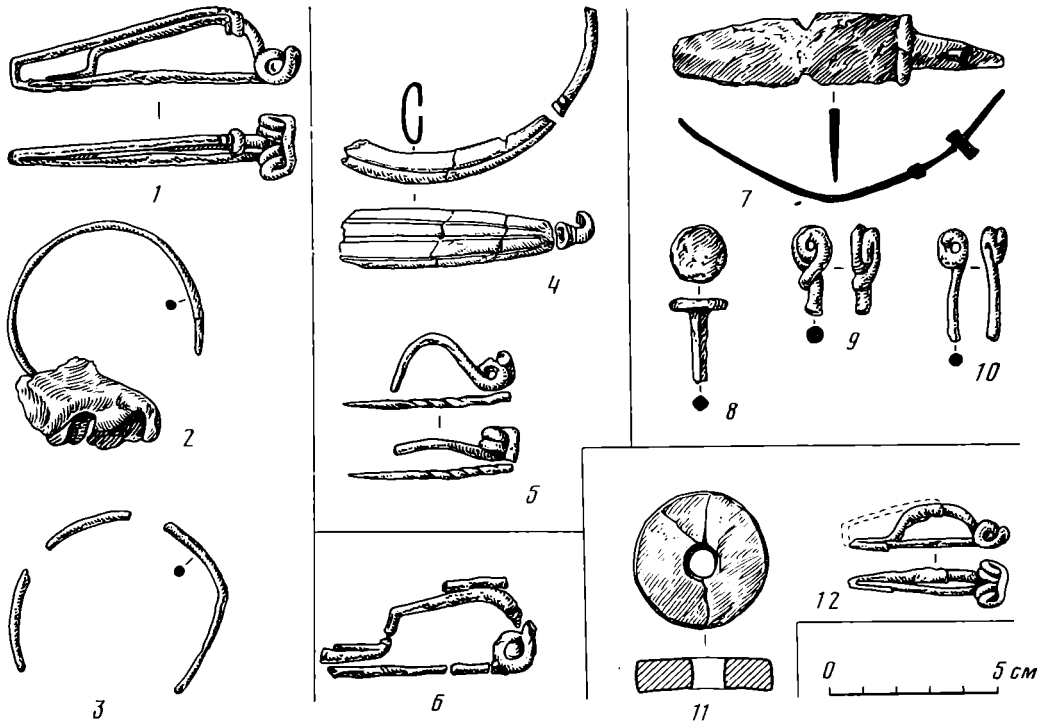


Рис. 5. Инвентарь погр. 7 (*1—3*), 8 (*4, 5*), 10 (*6*), 11 (*7—10*), 12 (*11, 12*)

другая — желтый, от пребывания в огне они оплавились и деформировались. Фибула проволочная железная большая, длиной 8,3 см. Она относится к типу В [6, S. 17, Abb. 2] (рис. 5, *1*).

Погребение 8 (кв. А/14) — ямка зафиксирована условно по распространению отдельных кальцинированных косточек. Ее основание находится на глубине 0,45 м от поверхности. На дне ямки найдены проволочная фибула, части бронзового и железного браслетов.

Фибула железная, от нее сохранилась дужка с частью пружины и отдельно игла. Следов скрепки на дужке нет, хотя конец ножки со скрепкой мог быть утрачен. По таким признакам, как высокий изгиб дужки и верхняя тетива, условно ее можно отнести к среднелатенской схеме (рис. 5, *5*).

Бронзовый браслет представлен тремя обломками. Он сделан из раскованной пластины, широкой по середине и сужающейся к концам. Браслет орнаментирован резным узором в виде горизонтальных линий, трижды сгруппированных попарно. С внутренней стороны имеется «шов» на месте несомкнутых краев пластины (рис. 5, *4*).

От железного браслета сохранился небольшой кусок округлой в разрезе проволоки.

Погребение 9 (на границе квадратов б/13—14) урновое в ямке (0,5××0,6 м), глубиной 7 см в основании. В ямке находились обломки раздавленного сосуда с незначительными включениями мелких кальцинированных костей (рис. 1). Из имеющихся обломков собрано днище с частью стенки большого толстостенного грубого горшка светло-желтого цвета. О его форме судить нельзя. Видимо, кремированные остатки были ссыпаны в придонную часть большого горшка.

Погребение 10 (кв. а—б/15): в материке на глубине 0,45 м оконтурено округлое в плане углубление глубиной 10 см, размерами 0,3×0,35 м. В ямке лежали обломки двух или трех проволочных железных фибул и несколько кальцинированных косточек. Мелкие редкие обожженные кости попадались и выше над ямкой.

Одна из фибул относится скорее всего к среднелатенской конструкции (рис. 5, *6*).

Погребение 11 (кв. А/17): над ямкой на глубине 0,3—0,4 м найдены невыразительные обломки железных изогнутых прутов, отдельные кальцинированные кости и разрозненные фрагменты одной миски (венчик с двумя внутренними гранями, стенки и часть днища). По всей вероятности, это остатки сосуда, накрывавшего ямку (рис. 1).

Ниже по ареалу распространения костей оконтурили ямку, которая характером заполнения плохо выделялась из окружающего грунта. Размеры ее 0,65×0,85 м, глубина около 10 см. В центре на дне ямки найдены следующие железные вещи.

1) Обломки железной проволочной фибулы, представленной двумя кусками расслоившейся пружины и обломками дужки (рис. 5, *9*, *10*). 2) Гвоздевидный предмет из железа с плоской круглой шляпкой диаметром 1,7 см и четырехгранным стержнем, конец которого обломан (рис. 5, *8*). 3) Нож железный с черенком для насада рукояти. Стенка лезвия горбатая, между лезвием и черенком имеется упор для рукояти, а на черенке — гвоздевидный штифт для крепления накладок рукояти. Нож согнут, деформирован (рис. 5, *7*).

Погребение 12 (на стыке кв. е/д 12, 13) — ямка выявлена на уровне материка, ее размеры 0,35×0,45 м, глубина 5 см. Кроме вкраплений сожженных костей и углей в ямке найдено глиняное пряслице, фибула и игла, возможно, еще от одной фибулы (рис. 1).

1) Пряслице сделано из стенки серого кружального сосуда с примесью большого количества блесток в тесте. Оно плоское, округлой формы, в разрезе цилиндрическое (рис. 5, *11*). 2) Фибула проволочная железная, длиной 4,6 см. По ряду таких признаков, как верхняя тетива, правильно дуговидный изгиб дужки, ее можно отнести к среднелатенской схеме (тип E—D) [6, S. 19, Abb. 4, 5]. На дужке, на конце, смещенном в сторону приемника, есть небольшое утолщение, возможно, от скрепки. Крепившийся к дужке конец ножки, вероятно, утрачен (рис. 5, *12*).

Погребение 13 (кв. г/д — 13,14) — ямка (0,75×0,78 м) выявлена на глубине 0,5 м в материке, ее глубина (в основании) 11 см. В разрезе эта ямка не цилиндрическая, как в других погребениях, а коническая. В ямку ссыпано сравнительно много кальцинированных костей, среди них есть довольно крупные осколки от черепа и позвонков. Углей, как и всюду, очень мало (рис. 1). При зачистке найдены две стеклянных бусины, пряслице, фибула, миниатюрный сосудик и распавшийся железный предмет вроде оковки или полого наконечника.

1) Пряслице — плоское, округлое, в разрезе цилиндрическое. Поверхность его сильно обтерта, но можно предполагать, что оно, как и прясло из погребения 12, вырезано из стенки сероглиняного кружального сосуда (рис. 6, *3*). 2) Фибула проволочная, сделана из двух материалов: приемник с рамкой из бронзы, все остальное из железа. Это большая фибула, длиной 8,2 см. Она относится к среднелатенской конструкции, к типу B [6, Abb. 2] (рис. 6, *1*). 3) Бусы — одна стеклянная синяя, с белыми глазками (рис. 6, *2*), вторая оплавлена, деформирована, сделана из светло-зеленого стекла. 4) Сосудик лепной, миниатюрный, светло-серый, толстостенный. У него выразительно отогнут край, тулово по одной стороне почти прямостенное, с другого бока выпукло-округлое (рис. 6, *4*).

Погребение 14 (кв. г/10) — контуры ямки не прослежены. При углублении на глубине 0,3—0,4 м в слое встречались редкие кальцинированные косточки, ниже найдена проволочная железная фибула длиной 4,2 см. На дужке, ближе к пружине, видны остатки скрепки, ножка утрачена (рис. 6, *6*). Эта фибула относится к среднелатенской схеме, вероятно, к типу G или H [6, S. 21, 22, Abb. 7, 8].

Погребение 15 (кв. г/9) разрушено, контуры ямки не прослежены. На глубине 0,35 м на широкой площади квадрата попадались кальцини-

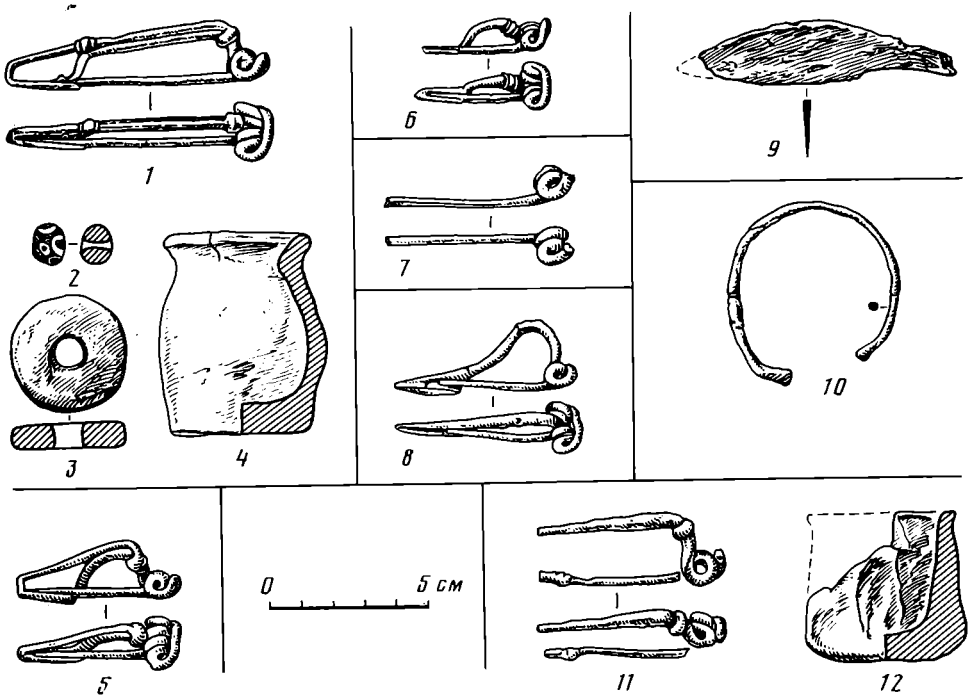


Рис. 6. Инвентарь погр. 13 (*1—4*), 14 (*6*), 15 (*7*), 16 (*5*), 17 (*8*), 20 (*9*), 21 (*10*), 23 (*11, 12*)

рованные кости, найден обломок большой железной фибулы, от которой сохранилась часть пружины с обломанной верхней тетивой и отходящая от пружины игла, конец которой тоже обломан. Длина обломка 5,6 см (рис. 6, *7*).

Погребение 16 (кв. е—ж/7) разрушено, на глубине 0,3—0,35 м, где в слое встречались отдельные кальцинированные кости и поблизости от них, лежала фибула, ямку проследить не удалось. Фибула железная небольшая, длиной 5 см (рис. 6, *5*). По форме дужки, расположению скрепки близко к пружине, по прямоугольной рамке — это тип D [6, S. 19, Abb. 4].

Погребение 17 (кв. В/15): на глубине 0,45 см выявлено пятно ямки с вкраплениями сожженных косточек в заполнении. Размеры ямки 0,62× ×0,84 м, глубина (в основании) 5 см. На дне ее лежала железная фибула с изогнутой спинкой, длиной 5,8 см (рис. 6, *8*, *9*). Эта фибула относится к позднелатенской схеме, а судя по изгибу дужки,— к типу М по Костжевскому [6, S. 37, Abb. 23].

Погребение 18 урновое (кв. Д—Г/16). Контуры ямки выявлены на глубине 0,5 м. Ямка округлая в плане (диаметр 0,5 м), коническая в разрезе (диаметр дна 0,3 м). Глубина (в основании) 18 см, о ее большей глубине свидетельствует урна, венчик которой возвышается над краем ямки. Урна, для которой использована лепная миска, была заполнена костями. По определению Е. Ирегрен, в урне присутствуют кости взрослого человека.

Среди костей найден обломок железной иглы. Остальной погребальный инвентарь был положен на дно ямки, под урну. Здесь на дне лежал нож с наконечником от ножен, на нем — большая фибула. В стороне от этих предметов находилась вторая фибула, плохо сохранившаяся (рис. 1, *9*).

1) Нож железный с плавно изогнутой спинкой, с черенком для насада. Между черенком и лезвием имеется упор для рукоятки в виде узкой прямоугольной пластины (рис. 7, *1*). 2) Железный наконечник футляра ножа. Имеет коническую форму, полый внутри, по верхнему переднему краю имеется два зубчатых выреза (рис. 7, *4*). 3) Фибула проволочная железная массивная, длиной 7,8 см. Имеет высокую изогнутую дужку. Обломана на месте соединения дужки с пружиной, кончик приемника не

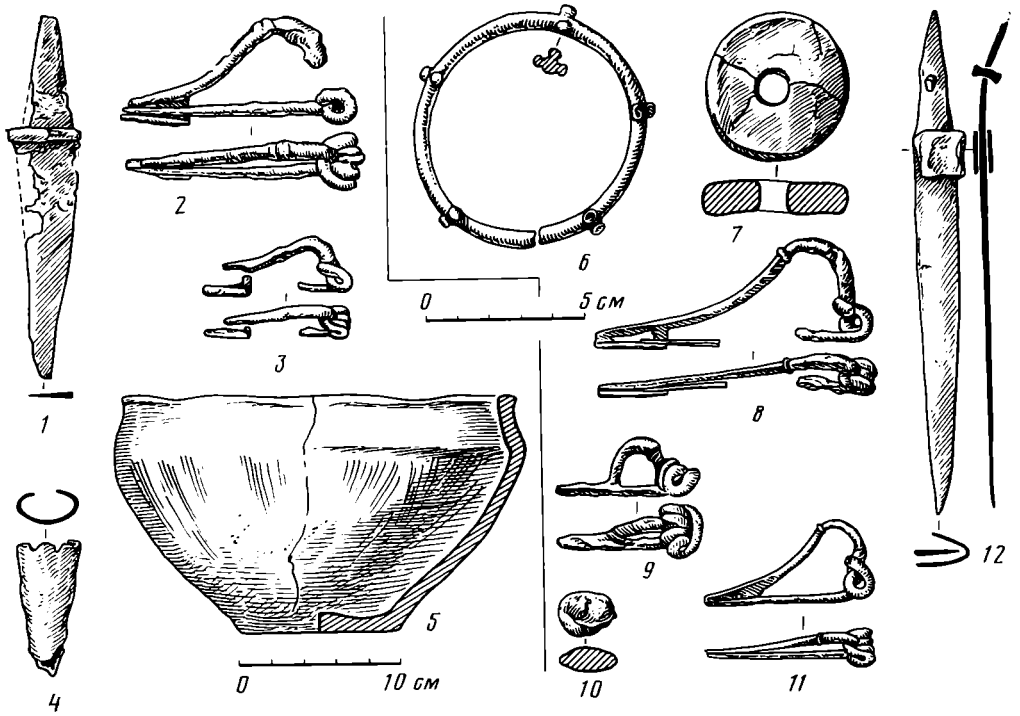


Рис. 7. Инвентарь погр. 18 (*1—5*), 22 (*6—12*)

сохранился. Форма дужки, нижняя тетива и другие детали позволяют относить ее к позднелатенской схеме, а точнее, к типу N по Костжевскому [6, S. 38, Abb. 24] (рис. 7, *2*). 4) Фибула железная маленькая, длиной около 4,4 см. Часть иглы и приемника обломаны. Относится к позднелатенской схеме, может быть, это тип M [6, S. 37, Abb. 23] (рис. 7, *3*). 5) Урна — светлая, желто-коричневая снаружи, темно-серая внутри миска с широким устьем. Венчик с едва заметным перегибом плавно переходит в округлое тулово. Прямой край венчика горизонтально срезан. Поверхность нелощеная, сосуд массивный (рис. 7, *5*).

Погребение 19 (кв. Д/17) безурновое. Ямка (0,5×0,6 м, при глубине 18 см) имеет отвесные стенки и горизонтальное дно. По сравнению с другими погребениями в нее ссыпано довольно много пережженных костей; углей, как обычно, почти нет. Среди костей найдены два маленьких слитка бронзы — остатки каких-то оплавленных изделий (рис. 1).

Погребение 20 (кв. Е/15—16) разрушено, ямка не прослежена. В слое на глубине 0,3—0,4 м попадались отдельные обломки пережженных костей, на этом же участке на той же глубине найдены железная бритва и два венчика с внутренней гранью (рис. 1; 8, *2*).

Бритва имеет короткое широкое лезвие и сравнительно длинную рукоятку. Спинка лезвия горбатая. Длина лезвия около 5 см, ширина 1,9 см (рис. 6, *9*).

Погребение 21 (кв. Ж/17—18) безурновое. Ямка выявлена на глубине 0,45 м, размеры ее 0,6×0,82 м при глубине 13 см. Кроме 15—20 мелких обломков кальцинированных костей в ямке найдены фрагменты железного проволочного браслета в один оборот диаметром 5 см (рис. 6, *10*; 9). Здесь же найдены части пружины окисленно-оплавленного изделия, скорее всего фибулы.

Погребение 22 (кв. Ж/13) выявлено на глубине 0,35 м. Ямка округлая в плане (0,45×0,54 м), глубиной 7 см (в основании). В ней собрано 10—15 мелких кальцинированных косточек без угля. На дне лежали пряслице, нож, несколько фибул, браслет, оплавленные стеклянные бусы и

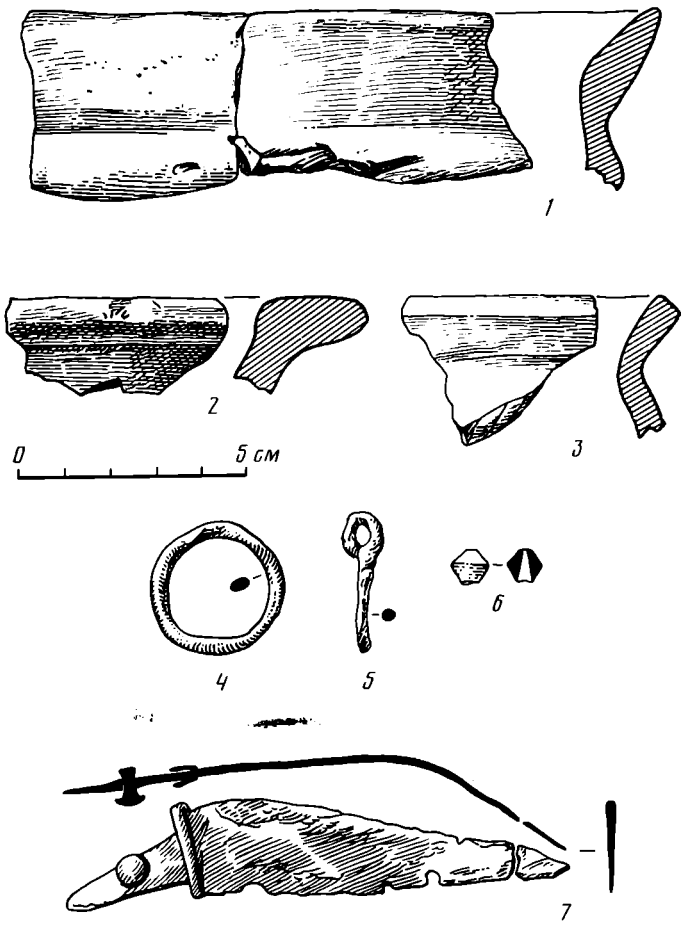


Рис. 8. Находки в слое и из выкида. *1—3* — глина; *4, 5, 7* — железо; *6* — стекло

бронзовый каплевидный слиток, какой-то спекшийся железный предмет (рис. 1; 9).

1) Пряслице плоское, округлое, цилиндрическое в разрезе, серого цвета, с красно-желтыми пятнами, сильно обожжено (рис. 7, *7*). 2) Нож железный, длинный и узкий в отличие от описанных выше ножей. Общая длина его 15 см, а лезвия — 11,5 см. Ширина лезвия 1,4 см. Спинка лезвия почти прямая. На черенке имеется сквозной штифтик для крепления накладок рукоятки, а на границе между черенком и лезвием сохранилась оковка для зажима накладок (рис. 7, *12*). 3) Браслет бронзовый, массивный, отлит по восковой модели. На круглом стержне, свернутом в кольцо, концы которого несомкнуты, имеется пять тройных выступов-шишечек. Диаметр браслета 7—7,3 см (рис. 7, *6*). 4) Фибула проволочная, с высокой изогнутой дужкой. Часть дужки, игла и пружина сделаны из железа, все остальное из бронзы. Ее длина 8,6 см. Игла обломана (рис. 7, *8*). Застежка относится к позднелатенской схеме, по форме спинки, нижней тетиве и «бусине» на месте спада дужки к рамчатому приемнику она может быть отнесена к типу N [6, S. 38, Abb. 24]. 5) Фибула проволочная железная, меньше предыдущей, ее длина около 5,2 см (рис. 7, *11*). Она также относится к типу N. 6) Фибула проволочная железная, длиной около 4,6 см. Судя по смещению следов скрепки ближе к пружине, она относится к среднелатенской конструкции, хотя конец ножки отсутствует (рис. 7, *9*). Условно это тип G—H [6, S. 21, 22, Abb. 7, 8]. 7) Оплавленные стеклянные бусы (4) и бронзовый слиток в виде капли (рис. 7, *10*).

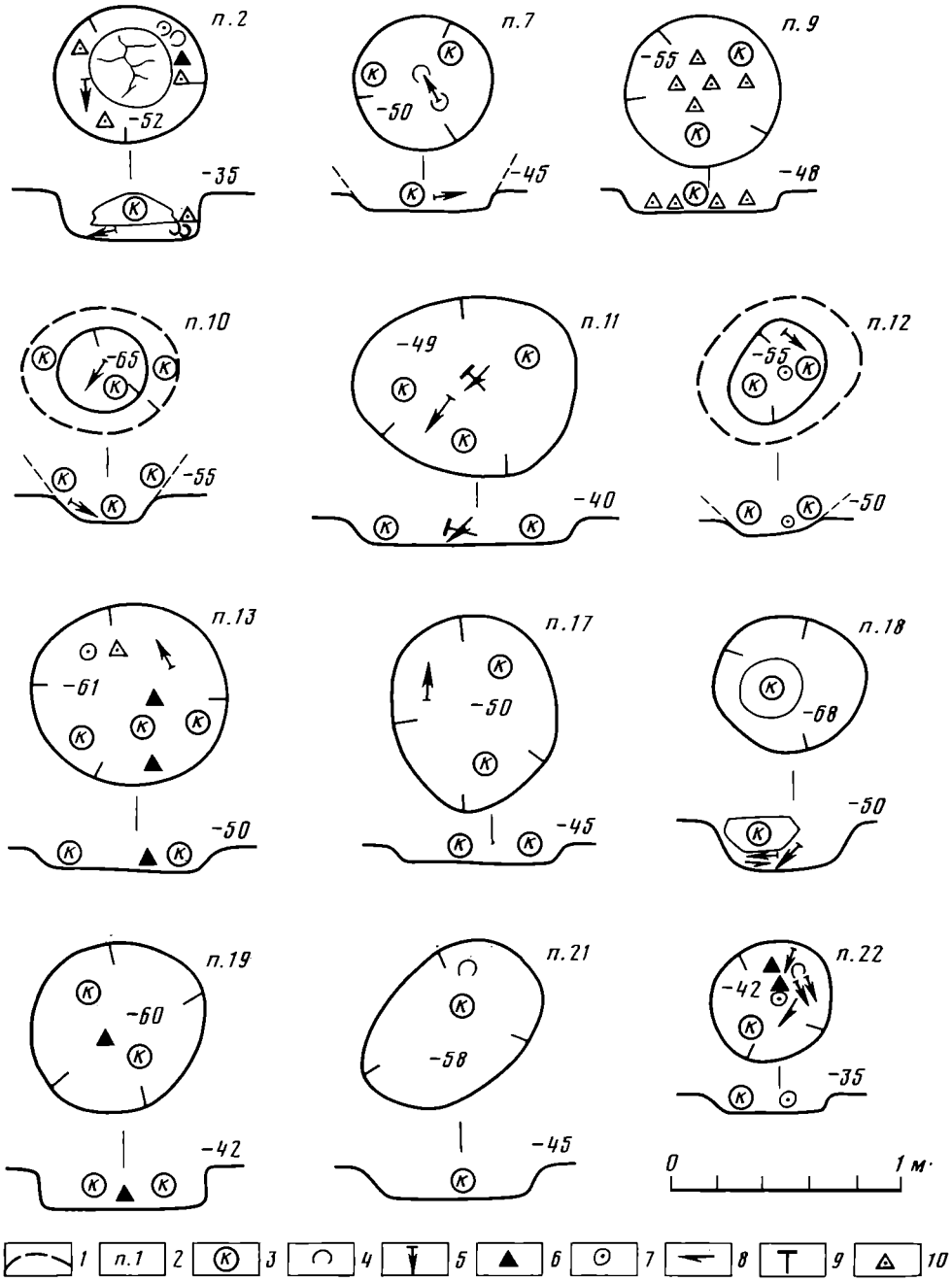


Рис. 9. Планы и разрезы погребений 2, 7, 9—13, 17—19, 21, 22. *1* — восстановленные контуры могил; *2* — номера погребений; *3* — кальцинированные кости; *4* — браслет; *5* — фибула; *6* — бусы; *7* — пряслице; *8* — нож; *9* — гвоздевидный предмет; *10* — керамика

Погребение 23 (кв. з—ж/5) разрушено. На границе указанных квадратов на глубине 0,25—0,3 м попадались единичные кальцинированные кости, найдена фибула и половина миниатюрного сосуда. Ямка не прослежена (рис. 1).

1) Фибула железная, сохранилась дужка с частью пружины и верхней тетивой и отдельно обломок ножки, загнутой на спинку. На дужке, ближе к пружине, сохранилась скрепа (рис. 6, *11*). Вероятно, это вариант В по Костжевскому. 2) Миниатюрный лепной сосудик, прямостенный, грубо вылепленный. Высота 4,5 см (рис. 6, *12*).

Погребение 24 (кв. з/8): при просмотре грунта после бульдозера на глубине 0,25—0,30 м от поверхности обнаружены отдельные кальцинирo-

ванные кости и пружина железной фибулы. Полагаем, что это остатки разрушенного погребения (рис. 1).

На этом счет погребений прекращен, хотя на ряде квадратов раскопа IV также попадались развеянные кальцинированные кости и обломки железных вещей, которые не характерны для скифского поселения.

С разрушенными погребениями мы связываем обломки керамики и ряд предметов, найденных либо в культурном слое раскопа IV, либо в отвалах после бульдозера (рис. 8, *2—7*).

К инвентарю могильника, вероятно, относится железное шило или долото с насечками на срединной части стержня [5, рис. 4, *3*]. Подобные орудия с насечками встречаются в ряде позднелатенских памятников Центральной Европы [6, S. 169—171, Abb. 185, 186]. К числу случайных находок принадлежит железный нож того же типа, что и нож из погребения 11 (рис. 8, *7*, ср. с рис. 5, 7). Нож найден в отвале с участка кв. а—А/14, возможно, он относится к погр. 8.

Из отвала происходит железное сомкнутое кольцо и стеклянная биконическая буса желтого цвета (рис. 8, *4*, *6*). Имеется ряд других менее выразительных обломков каких-то предметов.

Характеристика могильника. По результатам двух лет раскопок можно составить определенное представление об открытом могильнике.

Расположен могильник в верхней части южного склона плато, в жилом слое скифского поселения. Погребения разбросаны на всей площади раскопа IV 1978 г. и на смежных с ним участках раскопа IV 1977 г. (рис. 1). Определенной планировки в расположении могил не наблюдается, расстояния между ними варьируют от 1,6—2 до 4 м и более. Контуры ямок удается проследить только по их основанию на уровне материкового суглинка, верхняя их часть обычно задета плугом и нарушена. Диаметр могильных ямок колеблется от 0,35 до 0,85 м(рис. 9).

Преобладают погребения в неглубоких округлых ямках с ссыпанным в них кремированным прахом, предварительно очищенным от остатков костра. Обычно костей в ямках мало, видимо, после кремации из костра их выбирали не полностью. Только в четырех случаях (погр. 1, 2, 9, 18) сожженные кости помещены в сосуд, поставленный в ямку. При этом урновые погребения не образуют единой компактной группы в плане могильника (рис. 1). В урнах, как правило, костей много, в отличие от безурновых захоронений. В двух погребениях (погр. 1, 2) урна покрыта миской или дном миски. Сопровождающий погребальный инвентарь обычно находится на дне ямки, в урновых погребениях — чаще под сосудом или возле него на дне ямки.

Весь инвентарь, за редким исключением, побывал в огне, поэтому сохранность его в основном плохая. Среди погребального инвентаря преобладают фибулы. В 18 из 24 открытых погребений найдено по одной фибуле, в одном случае — две (погр. 18) и три фибулы (погр. 22). Эти цифры в какой-то мере относительны, поскольку из-за пребывания в огне железные вещи рассыпались на месте кремации и полностью не сохранились. Иногда среди костей в урнах или в ямке попадались иглы, возможно, от фибул. В ряде погребений фибулы сочетаются с браслетами (погр. 2, 3, 4, 7, 8, 22), с бусами (погр. 13, 22), с пряслицами (погр. 12, 13, 22), а также с ножами (погр. 11, 18, 22).

В основном погребения бедные — сопровождаются одной фибулой или браслетом. Бóльшим богатством выделяется погр. 2, где урна с прахом сопровождалась тремя браслетами, фибулой, подвесками и бусиной (рис. 2, *3*; 3); затем погр. 22, откуда происходит три фибулы, бусы, браслет, пряслице (рис. 7, *6—12*). К числу богатых погребений можно отнести погр. 7 с фибулой и двумя браслетами (рис. 5, *1—3*); погр. 13, давшее фибулу, сосудик, пряслице, бусы и железный предмет (рис. 6, *1—4*), а также погр. 18, сопровождаемое двумя фибулами и ножом (рис. 7, *1—5*).

Считают, что погребения с пряслицами, браслетами и бусами можно относить к числу женских, а с ножами — к числу мужских [8, с. 58; 9, с. 23]. В таком случае не исключено, что погр. 22 было парным, о чем говорят совместные находки трех фибул, пряслица, бус, браслета и ножа.

Сосуды, используемые в качестве урн, в основном относятся к разным вариантам лепных мисок. Урной в погр. 1 служила темно-серая, заглаженная глубокая миска конической формы, с высоким, почти прямым венчиком, край которого закруглен. Плечики четко выражены (рис. 2, *1*). Урна из погр. 2 представлена чернолощеной конической миской с почти прямым закругленным краем венчика, с ребром на плечиках (рис. 2, *3*). В качестве урны из погр. 18 использовалась довольно глубокая массивная миска с прямым венчиком, горизонтально срезанным, и слабо выраженными плечиками (рис. 7, *5*). И только в погр. 9 урной служил грубый большой горшок. Обломки его невыразительны.

Один из сосудов, служивших крышкой урны из погр. 1, представлен чернолощеной профилированной миской с высоким слегка отогнутым венчиком и резким переходом к коническому тулову. Край венчика горизонтально срезан. Дно сосуда имеет омфал (рис. 2, *2*). Миска из погр. 11, которой, вероятно, была накрыта ямка, имеет две внутренних грани на венчике и четко выраженное ребро на тулове (рис. 8, *1*).

В двух могилах (погр. 13, 23) найдены миниатюрные сосудики. Один из них в виде приземистого стакана, второй в виде фляги (рис. 6, *4*, *12*).

Все фибулы проволочные, преимущественно сделаны из железа, иногда встречаются железно-бронзовые, это в тех случаях, когда сломанные части фибул при починке восстанавливались из бронзы. Застежки в основном относятся к разным типам среднелатенской схемы. Приблизительно пять из них принадлежат типу B [6, S. 17, Abb. 2] (рис. 4, *4*, *5*; 5, *1*; 6, *1*, *11*), три — к типам E и D или E/D вместе [6, Abb. 4, 5] (рис. 3, *6*; 5, *12*; 6, *5*), две относятся к типу G или H [6, S. 21, 22, Abb. 7, 8] (рис. 6, *6*; 7, *9*) и одна застежка ясторфская, точнее тип J [6, S. 23, Abb. 9] (рис. 4, *7*). Наряду с этим имеются шесть фибул позднелатенской конструкции. Среди них пять застежек типов M и N [6, S. 37, 38, Abb. 23, 24] (рис. 6, *8*; 7, *2*, *3*, *8*, *11*) и одна периода D_1 [7, S. 58—60, Tabl. VII, *6*] (рис. 4, *6*).

Второе место по количеству находок занимают браслеты, бронзовые или железные разных вариантов.

а) Браслеты, свернутые из круглой в сечении железной проволоки в полтора или два оборота, с концами, обмотанными вокруг кольца (рис. 3, *1*, *2*); б) браслеты из круглой в сечении железной проволоки в один оборот, иногда с нанизанными на них бусинами из стекла (рис. 4, *1*; 5, *2*, *3*; 6, *10*); в) браслеты полые в средней части. Встречены как железные, так и бронзовые экземпляры (рис. 3, *3*; 4, *3*; 5, *4*). Прут расковывался в пластину только посередине. Затем пластина сворачивалась в трубочку, в результате чего срединная часть браслета была полой, а концы литыми. С внутренней стороны украшений на месте несомкнутых краев пластины имеется «шов». Судя по остаткам какого-то перегоревшего вещества внутри браслета, полость его чем-то заполнялась. С наружной стороны бронзовые браслеты орнаментированы резным узором (рис. 3, *3*; 5, *4*); г) браслет литой бронзовый. На круглом в сечении массивном стержне, свернутом в кольцо, имеется пять тройных выступов-шишечек (рис. 7, *6*).

Подвески железные ведерковидные найдены в двух экземплярах (рис. 3, *5*).

Бусы стеклянные и, возможно, пастовые (рис. 3, *4*; 6, *2*; 7, *10*; 8, *6*). Преобладают стеклянные бусы разных цветов (синие, желтые, бледно-зеленые). Основная масса их оплавлена в огне, от чего они утратили первоначальную форму. Одна из сохранившихся бусин округлой формы, сде-

лана из синего стекла с белыми глазками; другая — из желтого стекла, биконической формы.

Пряслица (3 экз.) глиняные серые плоские; вероятно, все без исключения вырезаны из стенок кружальных сосудов (рис. 5, *11*; 6, *3*; 7, *7*).

Ножи железные двух типов: а) три ножа со сравнительно широким лезвием, имеющим горбатую спинку, с черенком для насада (рис. 5, *7*; 7, *1*; 8, *7*). Для крепления накладок рукоятки имеется упор в виде узкого прямоугольного перекрестья у основания лезвия и на двух экземплярах штифтики на черенке. В одном случае сохранился железный полый наконечник от футляра ножа (рис. 7, *4*); б) нож — с узким длинным лезвием, имеющим прямую спинку. Принцип крепления рукоятки на черенок тот же, что и у описанных выше ножей, с той лишь разницей, что упора нет, его заменяет оковка (рис. 7, *12*).

Найдена одна бритва с коротким и широким лезвием, с черенком для насада; спинка округлая (рис. 6, *9*).

Для определения возраста раскопанной части могильника особую ценность представляют фибулы, найденные в Долинянах в большом количестве. Среди них наиболее древними являются фибулы типа В, бытующие, по К. Годловскому, в Латене C_2, что в абсолютных датах приходится в основном на вторую половину II в. до н. э. [7, S. 43—45, Tabl. IX, *2*]. Верхний хронологический рубеж могильника определяется возрастом позднелатенских фибул типов M и N, характерных, по К. Годловскому, для второй фазы позднего Латена (D_2), датируемой второй половиной II — концом I в. до н. э. [7, S. 59—61, Tabl. IX, *13*]. Остальные типы фибул занимают промежуточное место среди вышеописанных. Застежки среднелатенской конструкции типов E-D, G-H и J существовали вместе с фибулами позднелатенской схемы в период позднего Латена (D_1 и даже D_2 по К. Годловскому) [7, S. 58—60, Tabl. VII, *4;* IX, *4*, *5*, *7*, *8*, *9*]. Фибула позднелатенской конструкции из погр. 6 (рис. 4, *6*) также относится к периоду D_1 [7, S. 58—60, Tabl. VII, *6*].

Таким образом, найденные в могильнике фибулы охватывают период второй половины II — конец I в. до н. э. Принимая эту дату для раскопанной части могильника, мы считаем ее весьма предварительной, допуская в дальнейшем существенное сужение хронологических рамок исследованного памятника в сторону омоложения его нижней хронологической границы. За это в первую очередь говорит преобладание в могильнике фибул таких типов, которые бытовали в период позднего Латена (D_1 и D_2).

В предлагаемые хронологические пределы не укладывается только одна фибула, найденная, правда, на другом участке поселения — на раскопе III 1977 г., где не обнаружено следов погребений [5, рис. 1]. Это обломок бронзовой фибулы (рис. 4, *2*), которую по такому признаку, как «гусеничная дужка», можно отнести к духцовскому типу [10, S. 90—96, obr. 26, *4*; 11, S. 600—601, obr. 1, 6]. Такие типы бытовали главным образом в период Латена B_1, переживая в период B_2, что в абсолютных датах приходится в основном на IV в. до н. э., возможно, III в. до н. э. [7, S. 31, 36—39, Tabl. III, *2*].

При определении культурной принадлежности могильника основная роль принадлежит обряду погребения и керамике. Наиболее близкие, хотя далеко не полные аналогии могильнику дают погребальные памятники типа Поянешты — Лукашевка. По таким характеристикам обрядности, как трупосожжение на стороне, отбор костей от остатков костра, покрытие некоторых урн крышками-сосудами и состав погребального инвентаря, могильник близок к некрополям Поянешты [12, p. 310] и Лукашевка [8, с. 58; 9, с. 22—25]. Но отличает их такая черта, как преобладание в Долинянах безурновых захоронений (20 из 24), встреченных, как известно, только в одном случае в Лукашевке. Эта отличительная черта скорее всего должна объясняться не разной культурной принадлежностью, а различными хронологическими рамками сравниваемых памят-

ников. Среди них Долинянский могильник является, вероятно, самым поздним, смыкающимся с поздней группой погребений из Лукашевского могильника, выделяемой Д. А. Мачинским [13, с. 88]. К этой группе Лукашевского могильника Д. А. Мачинский относит единственное безурновое погребение, накрытое миской (№ 4), а также погребения (№ 6, 7) в урнах без крышек, что в целом не свойственно Поянештскому и Лукашевскому могильникам. Вместе с этим Д. А. Мачинский отмечает определенную специфику керамики этой поздней группы — например, присутствие сосудов с неподграненным венчиком, острая профилировка сосудов и ряд других признаков [13, с. 88].

К сожалению, керамический материал из Долинян крайне ограничен. Пока мы располагаем только четырьмя целыми сосудами из погр. 1, 2 и 18 и несколькими более или менее выразительными обломками. У всех целых сосудов венчик не подгранен, а три из них имеют ясно выраженное ребро на тулове (рис. 2, *1*, *3*). Всем этим сосудам находим аналогии в лукашевско-поянештских памятниках [12, fig. 162, 283; 8, рис. 17, *1*, *4*; 19, *2*], при этом с учетом вышеперечисленных особенностей керамики наиболее близкое сходство дают сосуды из поздних комплексов Лукашевского могильника [8, рис. 19, *7*, *8*].

Не говоря о фибулах, многие категории погребального инвентаря из Долинян также встречаются в Поянештском и Лукашевском могильниках. Среди сопровождающего инвентаря ранее раскопанных некрополей известны близкие типы ножей, пряслиц, бус, браслетов с полой средней частью и проволочных с нанизанными на них бусинами [12, fig. 161; 215, *3*; 269, *1*; 9, с. 33—45, рис. 1, 2, 3, 31]. Вместе с тем бросается в глаза отсутствие в Лукашевке и Поянешты некоторых вариантов металлического инвентаря, найденного в Долинянах. Например, не находим в их инвентаре браслетов с шишечками на кольце. Уникальны находки в одном из погребений (№ 2) ведерковидных подвесок, встречающихся обычно в первые века нашей эры. Долинянский комплекс поражает разнообразием вариантов фибул среднелатенской конструкции, сочетающихся с фибулами позднелатенской схемы. Последние среди застежек из ранее известных комплексов типа Лукашевка — Поянешты составляют исключение, что говорит в пользу позднего возраста исследованной части Долинянского могильника.

В целом могильник дал новый дополнительный и весьма ценный материал для изучения культуры типа Поянешты — Лукашевка. Исследования его будут продолжены в ближайшие годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Smirnova G. I.* Sanctuarul de lîngă satul dolinean din regiunea nistrului mijlociu.— SCIVA, 1976, 27, 3.
2. *Смирнова Г. И.* Поселение скифского времени у села Долиняны в Днестровском правобережье (по материалам раскопок 1972—1973 гг.).— АСб. ГЭ, 1978, № 19.
3. *Смирнова Г. И.* Раскопки у с. Долиняны на Буковине.— АО — 1977. М., 1978.
4. *Смирнова Г. И.* Поселение и могильник у с. Долиняны на Буковине.— АО — 1978. М., 1979.
5. *Смирнова Г. И.* Новые данные о поселении у с. Долиняны (по материалам раскопок 1977—1978 гг.).— АСб. ГЭ, 1981, № 22.
6. *Kostrzewski J.* Die ostgermanische Kultur der Spätlatenzeit. Leipzig, 1919.
7. *Godlowski K.* Okres lateński w Europie. Kraków, 1977.
8. *Федоров Г. Б.* Лукашевский могильник.— КСИИМК, 1957, вып. 68.
9. *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.— МИА, 1960, № 89.
10. *Filip J.* Keltové ve střední Europě. Praha, 1956.
11. *Justová J.* Laténské a mladohradištní šperky z Kolína.— AR, 1970, t. XXII, № 5.
12. *Vulpe R.* Sapaturile de la Poienesti din 1949.— MA, 1953, vol. I.
13. *Мачинский Д. А.* К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешты — Лукашевка.— В кн.: Археология Старого и Нового Света. М.: Наука, 1966.

G. I. Smirnova

POYANESHTY-LUKASHEVKA TYPE BURIAL GROUND AT DOLINYANY VILLAGE, BUKOVINA

Summary

The article introduces archaeological material from a newly discovered ground burial site of the Poyaneshty-Lukashevka type at Dolinyany village (Khotin District, Chernovtsy Region). In the cultural layer of a Scythian settlement we have so far found 24 burials, mostly in shallow graves, of the remains of cremated bodies (Fig. 1, *9*). In four cases the cremated remains were in urns (Figs. 2, *1*, *3*; 7, *5*). Grave furniture is usually found on the bottom.

Bronze and iron fibulae of the middle and late La Tène type predominated (Figs. 3, *6*; 4, *4—7*; 5, *1*, *12*; 6, *1*, *5*, *6*, *8*, *11*; 7, *2*, *3*, *8*, *9*, *11*), there are also bracelets, beads and pendants (Figs. 3, *1*, *2*, *3*, *4*, *5*, *6*; 4, *1*, *3*; 5, *2*, *3*, *4*; 6, *2*, *10*; 7, *6*), iron knives and whorls (Figs. 5, *7*, *11*; 6, *3*; 9; 7, *1*, *7*, *12*; 8, *7*).

Tentatively the investigated part of the burial ground is dated back to the second half of the 2nd-end of the 1st centuries B. C. on the basis of the fibulae.

СТАРОСТИН П. Н., ХОМУТОВА Л. С.

ЖЕЛЕЗООБРАБОТКА У ПЛЕМЕН ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Именьковская культура — одна из археологических культур середины I тысячелетия н. э. в Нижнем Прикамье и прилегающих районах Волги. Своеобразие городищ и селищ в середине I тысячелетия н. э. в Среднем Поволжье впервые было отмечено Н. Ф. Калининым [1], который назвал эти памятники именьковскими по первому наиболее полно изученному городищу у с. Именькова в Татарской АССР [2]. В самостоятельную культуру именьковские памятники были выделены В. Ф. Генингом [3, с. 208].

Именьковские поселения располагались небольшими группами по берегам крупных рек, в местах, пригодных для земледелия и скотоводства. Памятники представлены в основном селищами и городищами [4, с. 9].

Широкие археологические исследования, проведенные на территории Прикамья и Средней Волги в послевоенные годы, собрали значительные материалы, характеризующие эту культуру. Раскопками на именьковских памятниках вскрыты хозяйственные и жилые постройки, остатки оборонительных сооружений. Обильный вещевой материал включает интересную коллекцию орудий труда и оружия из железа, набор украшений и принадлежностей костюма из кости, бронзы и железа, сотни тысяч фрагментов керамики, определяющих производственную деятельность населения. Эти материалы позволили исследователям разработать ряд положений о своеобразии именьковских памятников, их датировке, хозяйстве и общественных отношениях [4].

В отношении этногенеза именьковской культуры в настоящее время имеется несколько точек зрения. Одни исследователи рассматривают памятники именьковской культуры как финно-угорские, т. е. позднегородецкие, племена которых перешли с правого берега Волги на левый и здесь ассимилировали население, входившее в пьяноборскую культурно-этническую общность. Этой точки зрения придерживались Н. Ф. Калинин, А. М. Ефимова, Н. В. Трубникова, А. П. Смирнов [5, с. 80]. Другие археологи видят в них племена, вышедшие скорее всего из областей, связанных с тюркским миром [6, с. 60; 7, с. 32; 4, с. 31; 8, с. 53].

Большая и разнообразная коллекция кузнечной продукции позволяет поставить и осветить вопрос о развитии железообрабатывающего производства у именьковских племен. Номенклатура кузнечных изделий насчитывает 31 наименование: ножи, серпы, косы-горбуши, ральники, топоры, кельты, тесла-мотыжки, зубила, долота, кузнечные клещи, напильники, пуансон, молотки, «кошки», струги, шилья, рыболовные крючки, ложкари, кольца, наконечники стрел, копий, дротиков, кольчуги, накладки для луков, удила, псалии, заколки, сюльгамы, пряжки, бляшки-накладки, кольца для насадки кос на рукоятки.

Цель данной работы — выяснить уровень металлообработки у именьковских кузнецов: оценить качество металла и самих изделий, установить технические приемы в изготовлении различных категорий предметов,

выяснить применение тех или иных технологических операций в каждой категории.

В связи с существующим мнением о финно-угорской основе именьковской культуры в задачу исследования входило сравнение технологии и техники изготовления кузнечной продукции у именьковских племен с угро-финскими племенами Поволжья, технический строй которых в этот период нам хорошо известен по материалам мордовских племен [1].

Исследователи именьковских памятников отмечали высокое развитие кузнечного дела. Основанием для этого послужили находки большого количества железных предметов сельскохозяйственных орудий, оружия,

Категория	I Щербетьское селище	Маклашеевское II городище	Всего
Ножи	15	1	16
Серпы	5	2	7
Топоры	17	–	17
Кельты	1	–	1
Дротики	1	–	1
Копья	–	2	2
Стрелы	–	1	1
Струг	1	–	1
Тесло	1	–	1
Мотыжка	1	–	1
Пряжка	–	1	1
Молоток	–	1	1
Меч	–	–	1
Всего:	42	8	51

инструментария и бытовых вещей. Но представление о металлообработке было весьма общим, так как основывалось лишь на морфологическом знакомстве с продукцией кузнечного производства.

Нами проведено металлографическое исследование железных вещей с двух памятников именьковской культуры: с Щербетьского островного селища и Маклашеевского II городища. Металлографическое изучение кузнечной продукции именьковской культуры поставлено впервые. Коллекция, отобранная для технологического изучения, состояла из 50 предметов. Кроме того, исследовался меч из подъемного материала. Всего исследован 51 предмет (таблица).

I Щербетьское островное селище расположено в 5,5 км к северо-западу от с. Щербеть Куйбышевского р-на Татарской АССР, на краю надпойменной террасы левого берега р. Бездны, левого притока р. Камы. Поселение затоплено Куйбышевским водохранилищем. При спаде воды на площади 420×110 м^2 встречается подъемный материал, здесь же выявлены остатки двух жилищ-полуземлянок, многочисленные ямы-кладовки. Летом 1965 г. на поверхности селища раскопаны две меднолитейные мастерские. В материалах селища обращают на себя внимание 26 железных топоров, около 100 ножей, тесло, мотыжка, ральник, 8 слабоизогнутых серпов с перпендикулярно загнутыми пяточками, удила, рыболовные крючки, копье, а также многочисленные предметы (орудия труда, оружие, украшения и принадлежности костюма) из кости, камня, бронзы и керамики [9].

II Маклашеевское городище расположено в низовьях правого берега р. Утки, левого притока р. Волги, на месте бывшей деревни Маклашеев-

[1] Металлографический анализ вещей из мордовских могильников проведен Л. С. Хомутовой. Анализы хранятся в лаборатории естественно-научных методов Института археологии АН СССР.

ки Куйбышевского р-на Татарской АССР. Четырехугольная, размером 75×100 м, вытянутая с севера на юг площадка городища ограждена с напольной стороны шишкообразным валом (высота около 4 м) и глубоким (около 8 м) рвом. При раскопках городища, которые проводились летом 1963 г., изучено пять жилищ полуземляночного типа. Заслуживают внимания остатки сыродутного глинобитного горна с большой предгорновой ямой, заполненной шлаками, золой. Раскопано 86 земляных ям-кладовок, использовавшихся в древности в основном для хранения зерна. В культурном слое середины I тысячелетия н. э. обнаружены 3 железных слабоизогнутых серпа, 8 ножей, 3 шила, крупный рыболовный крючок-багритель, 5 наконечников стрел, обломок дротика, жернова, украшения и принадлежности костюма из серебра и бронзы, а также многочисленные находки керамики [4, с. 22; 10].

Структурное изучение состояло из исследования макро- и микроструктур, измерения микротвердости и величины зерна феррита и отжига термообработанных изделий. Описание технологических приемов изготовления предметов дается по категориям. У всех предметов проба бралась с рабочей части.

Самой массовой категорией железных предметов (найдено более 160 экз.) на именьковских поселениях являются ножи. Они были небольших размеров (длина от 7 до 15 см), с клинообразным в сечении лезвием. По форме все ножи подразделяются на два типа: 1) с короткими черешками и уступами при переходе от спинки к черешку (они составляют большинство); 2) с длинными черешками и плавными переходами от обушков к черешкам. Металлографически исследовано 16 ножей. Они представлены в основном в виде обломков. Три экземпляра целые, это — один нож I типа с ребром жесткости на лезвии (рис. 1, 1203) и два ножа II типа (рис. 1, 1204, 1209). Технология изготовления шести ножей однотипна. Они изготовлены из железа и малоуглеродистой сырцовой стали с большим количеством шлаковых включений. Среди ножей этой технологической группы два ножа (рис. 1, 1210) откованы из металлического лома. Твердость железа — 193—206 кг/мм².

Целиком из стали с неравномерным содержанием и распределением углерода — от 0,1 до 0,8% — откованы четыре ножа (рис. 1, 1203, 1204, 1209). Два из них выкованы из отходов производства и металлолома (ан. 1208, 1209). Четыре ножа откованы из высокоуглеродистой стали. Все цельностальные ножи сохранили термическую обработку — закалку. Структура закаленной стали — мелкоигольчатый мартенсит с твердостью от 420 до 824 кг/мм².

На двух ножах (рис. 1, 1202) обнаружена сложная технология трехслойного пакета: в середине наблюдается полоса стали с выходом на лезвие, по бокам от нее — полоски железа. Содержание углерода в стальной полосе — 0,8—0,9%. Сварочные швы между структурными зонами не обнаружены, но граница между ними четкая. Образец 1202 подвергнут закалке на мартенсит. Твердость закаленной стали — 572, железа — 160 кг/мм².

На именьковских поселениях обнаружено более 30 железных серпов. Они небольших размеров (от 13 до 20 см), слабоизогнутые, с рукоятями, которые заканчиваются перпендикулярно загнутыми пяточками, входящими в деревянные ручки изнутри и предотвращающими соскальзывание серпов [4, с. 21].

Исследовано семь серпов (четыре целых, три в обломках). Все целые серпы на лезвиях сохранили насечки. Как показало микроскопическое исследование, три серпа (два с сохранившимися насечками) откованы из железной заготовки без каких-либо признаков улучшения рабочей части (рис. 1, 1215, 1216, 1229). Два из них (ан. 1216, 1229) откованы из вторичного металла — нескольких кусочков железа. Металл сильно засорен неметаллическими включениями.

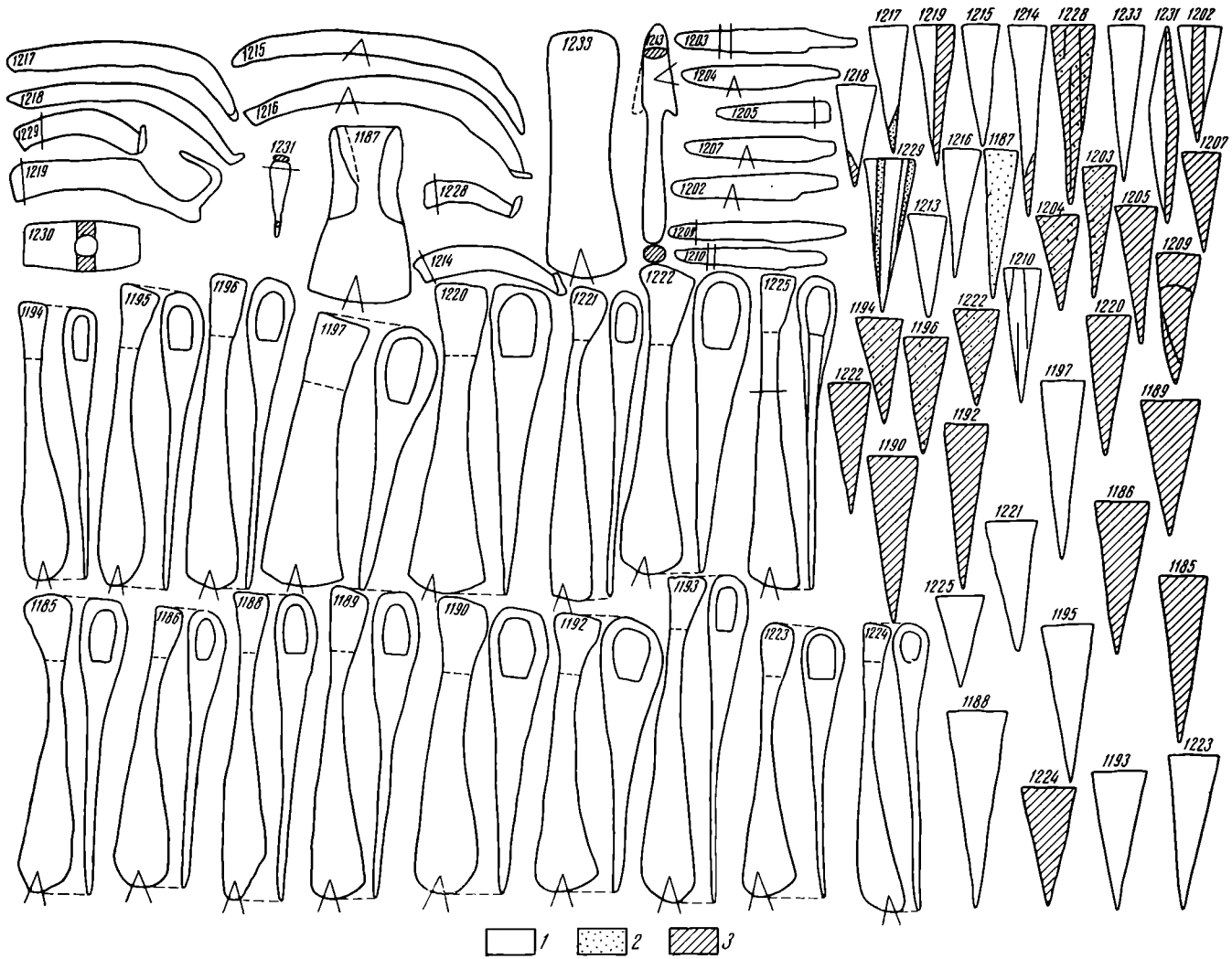


Рис. 1. Технологические схемы кузнечной продукции. Цифры на рисунках соответствуют номерам анализов. 1184—1226 — изделия со Щербетьского селища, 1227—1232 — со II Маклашеевского городища, 1223 — из Именьковского могильника; *1* — железо, *2* — сталь, *3* — термически обработанная сталь

Серп (рис. 1, 1228) сварен из нескольких кусочков стали (металлолома). Заключительной операцией была термообработка — закалка с высоким отпуском. Структура термически обработанной стали — сорбит со следами мартенситной ориентировки. Твердость — 322 кг/мм².

Технология изготовления остальных трех серпов (рис. 1, 1214, 1217, 1218) — торцовая наварка стального лезвия на железную основу. Сварка проведена недостаточно качественно: сварочные швы широкие, нечеткие, со шлаковыми включениями. Два серпа (рис. 1, 1214, 1218) термообработаны: серп (ан. 1214), закаленный в резкой закалочной среде, имел очень высокую твердость на лезвии — 946 кг/мм², серп (рис. 1, 1218) подвергся после закалки высокому отпуску, в результате чего твердость понизилась до 254 кг/мм².

Струг (рис. 1, 1219) сварен из двух продольных полос: железной и стальной с выходом на острие стали — и закален в воде. Сварочный шов прослеживается по шлаковым включениям. Структура стали — мелкоигольчатый мартенсит. Твердость — 572 кг/мм².

Мотыжка с I Щербетьского островного селища, как показало микроскопическое исследование, откована целиком из малоуглеродистой стали, сильно загрязненной шлаковыми включениями (рис. 1, 1187). Техника формовки мотыжки заключалась в простых операциях вытяжки из куска металла лезвия и сгибания втулки.

Технология изготовления тесла (ан. 1191) — трехслойный пакет: в середине стальная полоса, выходящая на лезвие; по бокам с обеих сторон полосы железа. Тесло закалено. Структура — крупноигольчатый мартенсит. Подобная структура свидетельствует о ковке при высоких температурах (около 1000°).

Особенно примечательны узколезвийные проушные топоры, обнаруженные на ряде поселений. Но в наибольшем количестве (26 экз.) они представлены с I Щербетьского островного селища. Длина топоров — от 17 до 22 см, ширина лезвия — от 3 до 4,2 см. У большинства топоров сильно вытянутые пропорции и узкий полуовальный проух. Не исключено, что эти топоры использовались не только в хозяйственных целях, но и как оружие. Другие топоры, отличающиеся большей массивностью и наличием широких проухов, принадлежат к широко распространенным в середине I тысячелетия н. э. формам [4, с. 22].

Лабораторное исследование прошли 23 топора. Пригодными для микроскопического анализа оказались 17 экз. Как показал анализ структур, лезвия 7 топоров выкованы из железа и малоуглеродистой стали, металл с повышенным содержанием шлака. Твердость — 122—206 кг/мм².

Остальные топоры откованы из стальных заготовок. Сталь либо неравномерно науглероженная с неравномерным содержанием и распределением углерода (рис. 1, 1194, 1196, 1224), либо средне- и высокоуглеродистая, последняя могла быть получена путем сквозной цементации железного полуфабриката (рис. 1, 1185, 1186, 1189, 1190, 1192, 1220, 1222). Металл загрязнен неметаллическими включениями. Структура стали — сорбитообразный перлит. Подобный вид структуры образуется при охлаждении предмета на воздухе, в результате получается мелкозернистая структура, обладающая высокими механическими свойствами. Подобный режим охлаждения имеет место в современном кузнечном ремесле — так называемая нормализация. Так как прием этот наблюдается на всех изделиях этой категории, то мы вправе считать его сознательным. Твердость стали — 322 кг/мм².

Следует отдельно остановиться на технике изготовления обушной части топоров. Макроструктурное исследование обнаружило простое по технике решение изготовления обушной части. Сначала из предварительно выкованной полосы сгибали на оправке обух. Затем предварительно подготовленную вторую полосу, при помощи ковки придав ей требуемую форму и толщину, сваривали одним концом с обухом (получалась про-

ушина), а другой конец вытягивали до образования лезвия и обрабатывали острие. Сварка проведена, как провило, качественно, сварочные швы четкие (рис. 1, 1225).

Хотелось бы подчеркнуть, что лезвия всех исследованных топоров выкованы из монолитных заготовок, об этом свидетельствует отсутствие сварочных швов.

Целиком из кричного железа без улучшения рабочей части откован кельт (рис. 1, 1233). Металл с большим количеством шлака. Из металлического лома откованы пряжка (ан. 1232) и молоток (рис. 1, 1230).

Главным оружием именьковских воинов были луки со стрелами. Железные стрелы все черешковые, двух форм — плоскоромбические и трехперые. Технологически исследовалась одна плоскоромбическая стрела (рис. 1, 1231), с упором и круглым черешком. Как показало исследование, стрела сварена из двух полос: железной и стальной — с последующей закалкой в холодной воде. Структура стали — мелкоигольчатый мартенсит. Металл сильно загрязнен шлаками. Твердость — 642 кг/мм^2.

Другим видом оружия были наконечники копий. Технологически изучено два наконечника копья (ан. 1234, 1235) и один дротик (рис. 1, 1213). Технология их изготовления оказалась очень простой: целиком из железных заготовок, загрязненных шлаковыми включениями. Твердость — 193 кг/мм^2.

Изучение структуры обломка меча выявило однородную мелкодисперсную структуру перлита с цементитной сеткой. Местами наблюдается заэвтектоидная структура цементита до образования пластинчатого перлита. Мелкодисперсная структура перлита с равномерным распределением углерода по всей поверхности, отсутствие шлаков свидетельствуют о высоком качестве металла и ковочных работ.

Таким образом, изучение техники и технологии изготовления различных кузнечных изделий из поселений именьковской культуры показало, что все изделия формовались горячей ковкой. Важной операцией при этом является выбор наиболее рациональной температуры для ковочных работ. Характерной особенностью кузнечной продукции именьковских кузнецов является правильный подбор температурного режима, в пределах которого ковался предмет. Как правило, на всех предметах наблюдалось мелкое и среднее строение зерен феррита, мелкоигольчатая структура мартенсита и мелкодисперсность перлита.

Материалом при изготовлении предметов служили железо и сталь. Употреблялась сталь как неравномерно науглероженная (т. е. процесс науглероживания происходил в металлургическом горне и был случайным), так и высокоуглеродистая, специально цементированная. Видимо, сталь получали только путем цементации железных заготовок, при которых потом ковались предметы. Цементация самого изделия (поверхностная цементация, сквозная цементация рабочего края) с целью создания на его поверхности твердого стального слоя на исследованных предметах не обнаружена. На наш взгляд, цементация изделия является более трудоемким способом, чем цементация заготовки. Сам процесс цементации не был технически трудным. Сложность заключалась в подборе тары, куда помещали готовые предметы с древесным углем и органическими добавками. Цементация заготовок — способ более прогрессивный, повышающий производительность труда в несколько раз. Нацементировав стальные пластины по отдельности, кузнец мог изготовить из них различные цельностальные предметы или приварить стальную полосу к железной основе изделия. Технологический прием цементации как готового изделия, так и железных полос-заготовок с целью улучшения рабочего качества железного инструмента хорошо известен у многих племен, в том числе у племен финно-угорского мира [11, с. 192—199; 12, с. 62—69].

При изготовлении целого ряда предметов именьковские кузнецы применяли сварку. Наиболее важной операцией при сварке является нагрев

заготовок. Нужную температуру мастер определял по цвету каления — это так называемое изменение цвета металла, происходящее по мере его нагрева. Температура, до которой нужно нагреть свариваемые участки, довольно высокая: для железа — 1300, для стали — 1200°.

Именьковские мастера применяли сварку как при изготовлении конструктивных элементов в изделии (примером может служить техника изготовления обушной части топоров), так и сварку железа и стали при изготовлении режущих частей изделия. Следует отметить, что сварка до сих пор считается сложнейшей кузнечной операцией, поскольку при ее выполнении необходимо не только нагреть заготовки, но и правильно подготовить их поверхности. Кроме того, для прочного соединения металла необходимо применение флюсов, которые предохраняют свариваемые поверхности от окалины. В качестве флюса применяется до сих пор в кузнечных работах известковый песок, который часто встречается по берегам рек. Флюс с окалиной при высоких температурах образует стекловидный шлак, который легко удаляется в момент сварки.

Широкие сварочные швы, местами расслоившиеся и забитые шлаками, свидетельствуют, что именьковские кузнецы не всегда добивались необходимой прочности сварных соединений.

Цену металлу знали очень хорошо. Ряд вещей изготовлен из металлолома и отходов производства. Однако пакетование сырья, т. е. способ преднамеренной обработки полуфабриката, возникший с целью создания более массивной заготовки еще в самом начале железного века [13, с. 83—85] и распространенный у многих племен, в частности у финно-угорского населения (дьяковцев, мордвы) [14, с. 27—32; 15, с. 129—138; 12], на изделиях именьковской культуры не встречено.

Практическое овладение сталью заключалось в сознательном применении термической обработки готового изделия. Именьковские кузнецы прекрасно знали свойства стали принимать закалку в результате сильного нагрева металла и быстрого его охлаждения. Из 29 предметов, сталь которых способна принять закалку, термически обработанными оказались 26, что составляет 90%. Термическая обработка была операцией, не только широко распространенной, но и дифференцированной в зависимости от назначения предмета. Так, на ножах применяется закалка в холодной воде, в этом случае сталь приобретает твердую, но хрупкую структуру мартенсита; на серпах наблюдается структура сорбита с мартенситовой ориентировкой, свидетельствующая об отпуске закаленной стали. Отпущенная на сорбит сталь характеризуется высокой пластичностью, обладая при этом большой прочностью. На топорах обнаружена структура сорбитообразного перлита, характерная для мягкой закалки, которая придает изделиям твердость и в то же время снимает излишнюю хрупкость, полученную при твердой закалке. Так как каждой категории соответствует определенный, наиболее целесообразный прием термообработки и прослеживается он на многих изделиях, то этот прием можно считать целенаправленным.

Что касается качества металла, отметим следующее: железо и сталь плохо освобождены от шлаковых включений, содержание шлака повышенное. Качество металла непосредственно связано как с особенностями металлургического процесса, так и с мастерством кузнецов, так как долгой, тщательной ковкой можно очистить металл от шлака. Именьковские кузнецы пытались улучшить качество металла ковкой. Структурно это выражалось в вытянутости шлаков по направлению ковки.

Итак, основным приемом в кузнечном ремесле именьковской культуры является пластическая обработка железа и стали при помощи горячей ковки. Именьковскими кузнецами был выработан правильный температурный режим, свидетельствующий о больших профессиональных навыках в обращении с черным металлом.

Рассмотрев технику и технологию изготовления различных категорий изделий, мы выявили разнообразные приемы обработки железа и стали: наиболее эффективный способ получения стали — цементация заготовки, сварка как основа технологической схемы, термическая обработка. Подбор приемов термообработки целенаправленный в зависимости от функционального назначения предмета. Общий объем изделий, выполненных с применением стали, составляет 57%. Из них: цельностальных — 43%, сварных — 14%. Технологической особенностью именьковских изделий, видимо, можно считать отсутствие «пакетного» металла.

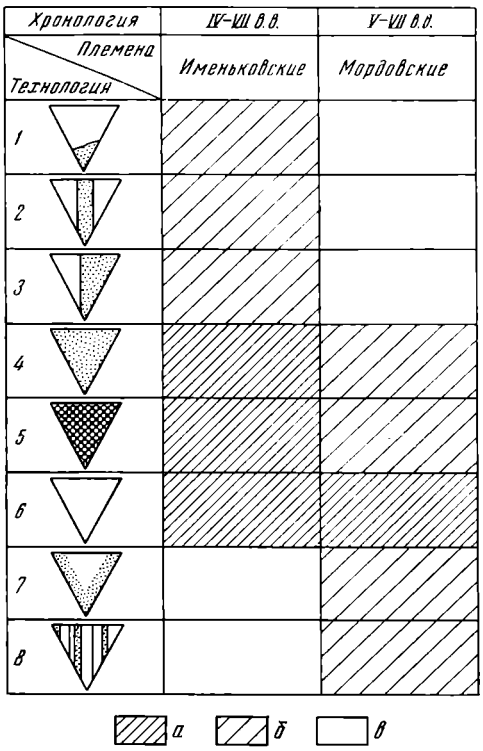


Рис. 2. Распространение технологических приемов изготовления кузнечных изделий у именьковских и мордовских племен: *1* — наварка стального лезвия на железную основу; *2* — трехслойный пакет; *3* — сварка из двух полос; *4* — сталь; *5* — термическая обработка; *6* — железо; *7* — поверхностная цементация; *8* — пакетный металл: *а* — встречается часто; *б* — встречается редко, *в* — не встречается

В целом можно сказать, что технические достижения именьковских кузнецов в V—VII вв. находились на довольно высоком уровне.

В этой связи интересно сопоставить полученные данные с технико-технологическими характеристиками кузнечной продукции мордовских племен, поскольку существует мнение об этнической близости племен именьковской культуры к угро-финнам (рис. 2).

В нашем распоряжении имеются соответствующие материалы двух могильников — Иваньковского и Безводнинского.

Иваньковский могильник, расположенный на левом берегу р. Суры, в Ядринском р-не Чувашской АССР, оставлен группой мордвы. Дата — V—VII вв. н. э. [16, с. 136—140].

Безводнинский могильник, раскопанный Ю. А. Красновым, в настоящее время является единственным финно-угорским могильником, все погребения которого расчленены на четыре последовательных этапа. Могильник расположен в 3 км от с. Безводнино Горьковской обл. Основная дата — V—VIII вв. Господство северной и северо-западной ориентировки сближает Безводнинский могильник с мордовскими [17, с. 84, 85].

Микроскопическому исследованию подвергнуто 40 предметов (14 экз. из Иваньковского, 26 экз. из Безводнинского): ножи, кельты, кресала, наконечники копий, стрел, дротиков, мечи, пряжки, сюльгамы.

Технологическое изучение коллекции кузнечных изделий показало, что все предметы откованы вгорячую при помощи кузнечного молота. Сопоставление технологических приемов обработки изделия со стратиграфиче-

скими данными выявило, что поделочным материалом до середины VII в. служили исключительно железо и малоуглеродистая сырцовая сталь.

На основании микроскопического исследования установлено чрезвычайно редкое использование цементации и как технологического приема, и как способа получения стального полуфабриката. Технология поверхностной цементации — начальный этап в освоении техники получения стальных изделий — зафиксирована на пяти предметах (два ножа, кельт из Иваньковского могильника; кельт, копья из Безводнинского могильника) из 40, нами изученных. Как выяснилось, редко использовалась средне- и высокоуглеродистая специально полученная сталь. Ввиду этого обстоятельства редким приемом оказывается термическая обработка готового изделия.

В производстве различных категорий изделий употреблялся как «пакетный» металл, так и металлолом.

Технические особенности кузнечных изделий свидетельствуют о том, что кузнецы, формовавшие эти изделия, не обладали высокими техническими навыками ни в технике ковки, ни в технике сварки. Об этом говорит невысокое качество металла, ковки и сварки: сильная загрязненность металла шлаковыми включениями вплоть до образования строчечной структуры, крупнозернистость железа, крупноигольчатость мартенсита, широкие сварочные швы, забитые шлаками. Не был отработан и правильный температурный режим — часто ковка велась при температуре около 1000°, что приводило к выгоранию углерода на поверхности и образованию видманштетовой структуры.

Сравнительный анализ двух археолого-технологических комплексов показал, что племена именьковской культуры обладали более развитым техническим строем, чем угро-финские племена Поволжья V—VII вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Калинин Н. Ф.* Древнейшее население Татарии.— В кн.: История Татарской АССР. I. Казань, 1951.
2. *Калинин Н. Ф., Халиков А. Х.* Именьковское городище.— МИА, 1960, № 80.
3. *Генинг В. Ф.* Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа.— Тр. КФАН СССР, вып. 2. Казань, 1959.
4. *Старостин П. Н.* Памятники именьковской культуры.— САИ, Д1-32. М., 1967.
5. *Смирнов А. П.* Из этнической истории Западного Приуралья в I тыс. н. э.— АЭБ, 1971, т. IV.
6. *Генинг В. Ф.* К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тыс. н. э.— III УАС. Уфа, 1962.
7. *Халиков А. Х.* Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья.— АЭБ, 1971, т. IV.
8. *Старостин П. Н.* Этнокультурные общности предбулгарского времени в Нижнем Прикамье.— АЭТ, 1971, вып. 1.
9. *Старостин П. Н.* Новый памятник предболгарского времени на Нижней Каме.— СА, 1968, № 1.
10. *Старостин П. Н.* Маклашеевское II городище именьковской культуры.— Уч. зап. ПГУ, 1967, № 148.
11. *Вознесенская Г. А.* Металлографическое исследование кузнечных изделий Троицкого городища.— МИА, 1970, № 156.
12. *Хомутова Л. С.* Металлообработка на поселениях дьяковской культуры.— СА, 1978, № 2.
13. *Вознесенская Г. А.* Технология производства железных предметов Тлийского могильника.— В кн.: Очерки технологии древнейших производств. М.: Наука, 1975.
14. *Станкус Й.* История технологии производства железных изделий на территории Литвы во II—XII вв. Автореф. канд. дис. Вильнюс: Институт истории АН Литовской ССР, 1971.
15. *Вознесенская Г. А.* Металл Троицкого городища.— В кн.: Археология и естественные науки. М.: Наука, 1965.
16. Работы Чебоксарской экспедиции.— АО-1970. М., 1971.
17. *Краснов Ю. А.* Безводнинский могильник.— КСИА АН СССР, 1974, № 140.

P. N. Starostin, L. S. Khomutova

IRONWORKING AMONG THE TRIBES OF THE IMENKOVO CULTURE

Summary

Monuments of the Imenkovo culture are part of the archaeological monuments of the lower reaches of the Kama and the neighbouring region of the Volga basin dating back to the 1st millennium A. D. The vast and varied archaeological collection of forging products has served as the basis for systematic study of the development of ironworking in this region. Metallographic analysis of the main types of the forging products found in the Shcherbet island settlement and the Maklasheyevo II settlement indicate that Imenkovo craftsmen employed many complex methods of metalworking. They were familiar with medium-carbon and high-carbon steel, obtained through the most progressive technology — — case hardening. Thermal treatment was differentiated according to the purpose of the object treated. They employed a complex technology of welding two or three bands and welding-on techniques for more complex constructions. The specimens in our collection show that the Imenkovo ironworking technology was at a fairly high level.

The comparison of the technologies of ironworking of the Mordvinian and the Imenkovo tribes disproves the opinion about their ethnic affinity. The Mordvinians used only iron and mild steel obtained throuhg case hardening in the 5th-7th centuries.

ДАРКЕВИЧ В. П., ПУЦКО В. Г.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МЕТАЛЛОПЛАСТИКИ ИЗ НАХОДОК В СТАРОЙ РЯЗАНИ (1970—1978 гг.)

Широкое распространение в средневековой Руси энколпионов и крестов-тельников, выполненных в технике литья, отчасти явилось причиной того, что исследователи прикладного искусства длительное время не обнаруживали интереса к этому виду художественного ремесла. Преувеличенное представление об истинных размерах «массовости» породило достойное сожаления пренебрежительное отношение к памятникам медного литья и надолго задержало его изучение. Только археологи в течение последних десятилетий систематически публиковали материалы своих находок и тем самым подготовили почву для определения ареала распространения конкретных типов изделий, происхождение которых в ряде случаев решается благодаря находкам литейных формочек. Основная масса материала коллекционного происхождения, хранящаяся в центральных и местных музеях, продолжает оставаться не введенной в науку. На сегодняшний день осуществлена систематизация крестов и иконок лишь из западнорусских земель (Белоруссии) и курганов Подмосковья [1, с. 204—219; 2, с. 88—98]. Материалы из находок в Старой Рязани только частично затронуты в литературе [3, с. 133—135, рис. 99, 2, 100, *1*; 4, с. 228, рис. 100, *10*; 137; 5, с. 41, рис. 18; 6, с. 185, рис. 2, *8—12, 17*]. Определить их объем — дело будущего. Целью этой публикации является введение в научный обиход произведений металлопластики, обнаруженных на территории Старой Рязани и в ее ближайших окрестностях в результате археологических раскопок, а также случайных находок в период с 1970 по 1978 г. (рис. 1—7).

О местах проведения раскопок на городище Старой Рязани по 1970 г. дает представление план, опубликованный А. Л. Монгайтом [7, рис. на с. 9]. Находки произведений медного литья, имевшие место с 1970 по 1978 г., главным образом при археологических раскопках городища, проведенных В. П. Даркевичем, в хронологическом и топографическом отношениях располагаются в следующем порядке. В 1970 г. на Южном городище в раскопе 13 (пахотный слой) обнаружен бронзовый крест-тельник (рис. 2, *11*), а в траншее 1 (кв. 13, штык 2) найдена створка энколпиона (рис. 2, *14*). В 1971 г. в раскопе 13 снова обнаружены бронзовые кресты-тельники, один из которых (штык 2, кв. 60) с изображением Распятия (рис. 3, *1*), другой (штык 1, кв. *78*) — круглоконечный (рис. 2, *2*); в раскопе 14 (штык 2, кв. 4) найден еще один крест-тельник (рис. 2, *3*). В 1972 г. в раскопе 13 найдены два креста-тельника: один (кв. 181, яма 2) с имитацией зерни (рис. 2, *5*), другой (кв. 181, яма 1) — из слоя второй половины XII — начала XIII в., с изображением Распятия и Нерукотворного Спаса (рис. 3, *5*); из раскопа 14 (кв. 48, штык 4), площадь которого перекрыта усадьбами XVI—XVII вв., происходит бронзовый крестик с рельефным изображением восьмиконеч-

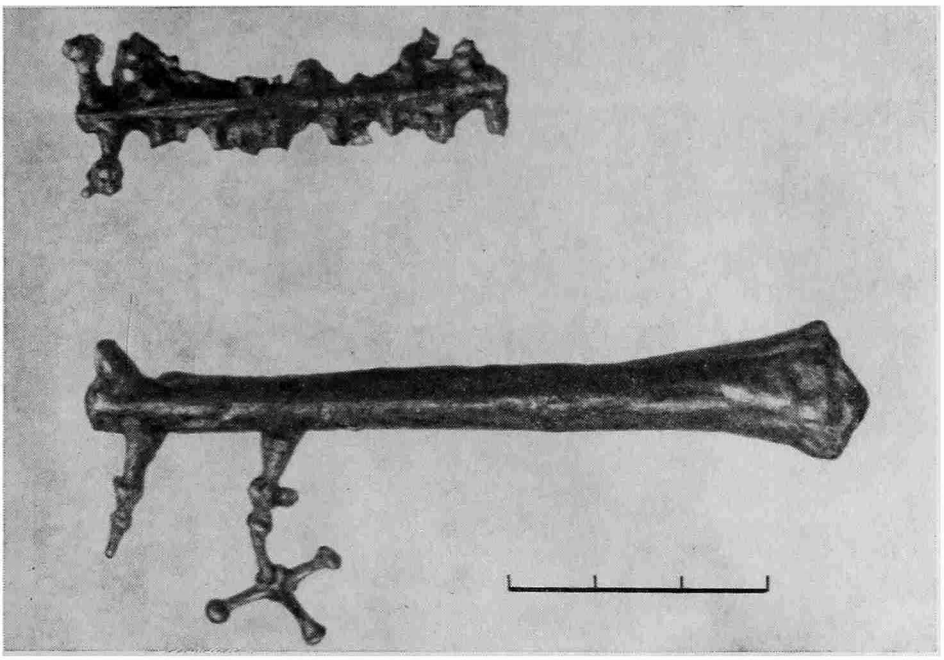


Рис. 1. Литники

ного креста на одной стороне и с текстом на другой (рис. 6, *1*). В 1973 г. в раскопе 13 (кв. 450, яма 3) на территории усадьбы ювелира, где выявлены две ремесленных мастерских и наземный жилой дом, найдены литники (рис. 1), один из которых имеет крестик с имитацией зерни, напоминающий находку в том же раскопе 1972 г. (рис. 2, *5*). В 1973 г. в раскопе 13 найдены два бронзовых литых крестика: один (кв. 279, штык 2) с круглым медальоном в средокрестье (рис. 2, *4*), другой (кв. 281, штык 2) — с имитацией зерни (рис. 2, *7*). На пахоте возле раскопа 13 найдена верхняя створка бронзового креста-энколпиона с сильно стертым изображением Распятия, иконографическую особенность которого составляют прямая фигура и препоясание до колен (рис. 2, *12*). В раскопе 14, где выявлены две усадьбы XVI—XVII вв., обнаружена бронзовая пластинка с изображениями Распятия и Успения (кв. 85, штык 1), представляющая створку складня-триптиха (рис. 3, *10*), имеющая сзади штифт для крепления основы; верх обломан. В раскопе 16 (штык 1, кв. 2) найден бронзовый литой крест толщиной 1,5 мм с изображением на лицевой стороне Распятия (с четырьмя полуфигурами предстоящих) Ветхозаветной Троицы и св. Никиты, избивающего беса (рис. 3, *8*); на оборотной стороне сильно стертое при ношении креста изображение Богоматери Знамение в ромбе с прогнутыми вовнутрь сторонами. Ромб пересечен квадратом, в углах которого изображены символы евангелистов, на концах креста — погрудные изображения святых. Фрагмент такого же креста, с обломанным нижним концом, найден в том же 1973 г. в отвале раскопа 13 (рис. 3, *7*). Из раскопа 16 (кв. 17, штык 1) происходит тонкий бронзовый крестик с рельефным изображением Голгофского креста, с отломанным верхним концом, типологически идентичный обнаруженному в раскопе 14 в 1972 г. (рис. 6, *1*).

Находки последующих лет не были столь многочисленными. В 1974 г. у жителя дер. Фатьянска приобретен бронзовый крестик-тельник с трехлепестковыми криновыми концами, представляющий случайную находку (рис. 2, *10*). С Южного городища происходят бронзовый литой крестик (рис. 2, *13*) и бронзовый крестик с изображением Распятия, обнаруженные восточнее Борисоглебского собора (рис. 3, *2*) в том же 1974 г. В 1975 г. в раскопе 17 (кв. 70, штык 1) найдена нижняя створка брон-

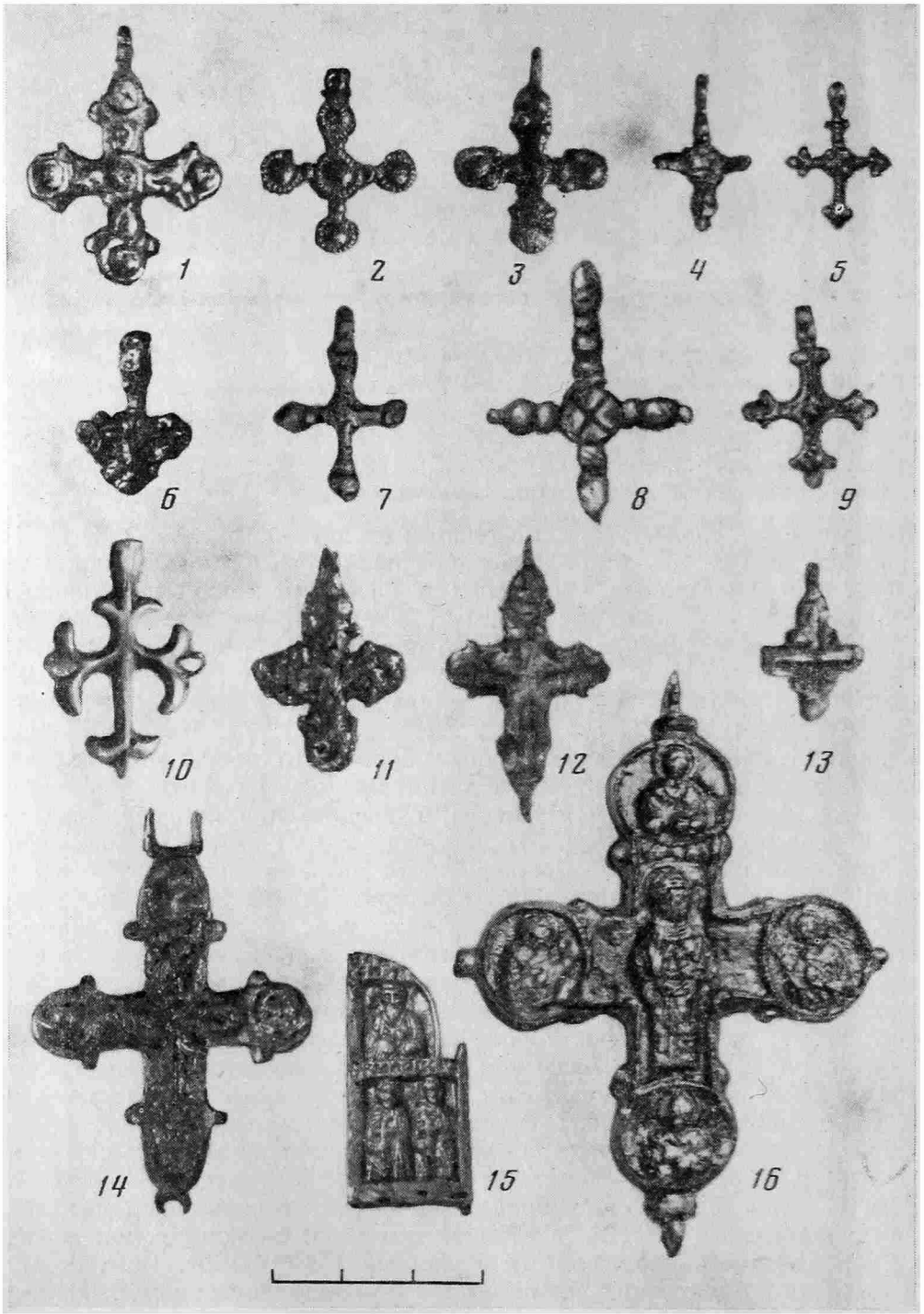


Рис. 2. Крестики-тельники и энколпионы

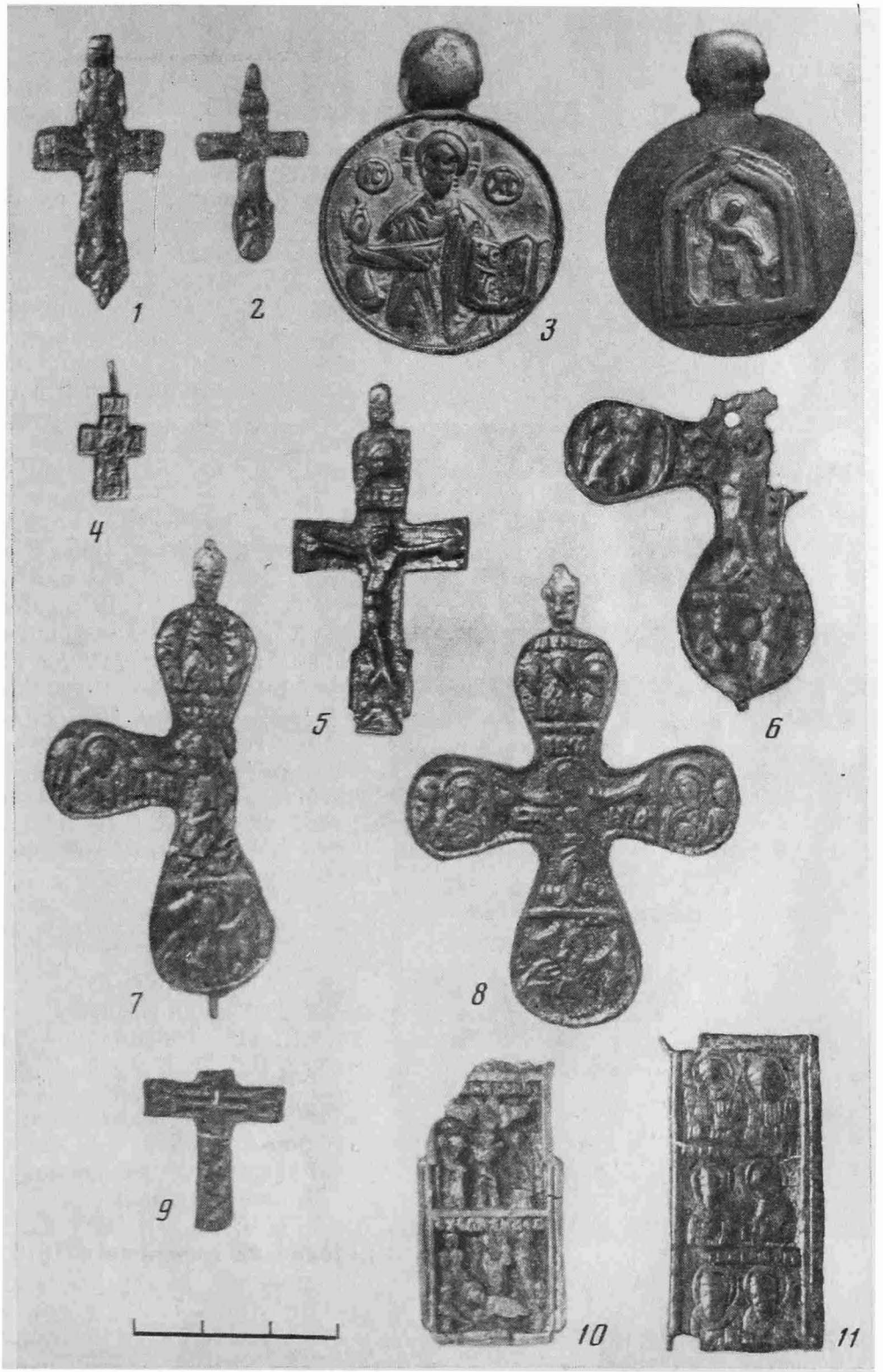


Рис. 3. Крестики-тельники, иконка, нагрудные кресты и створки складней

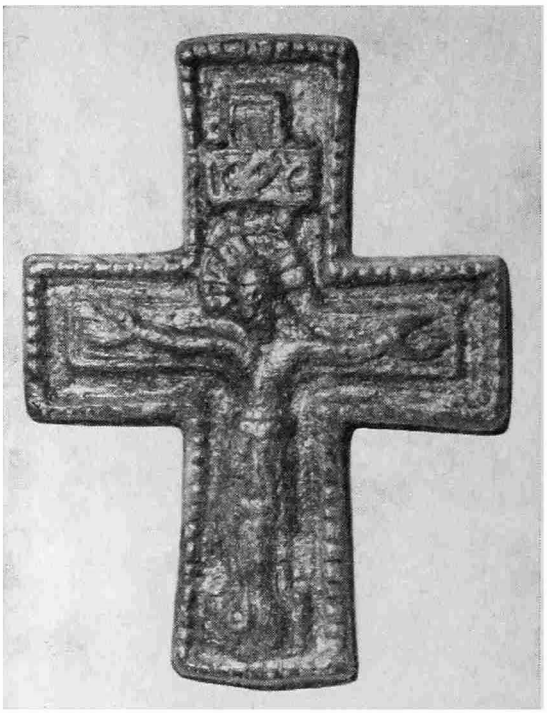


Рис. 4. Бронзовый литой крест

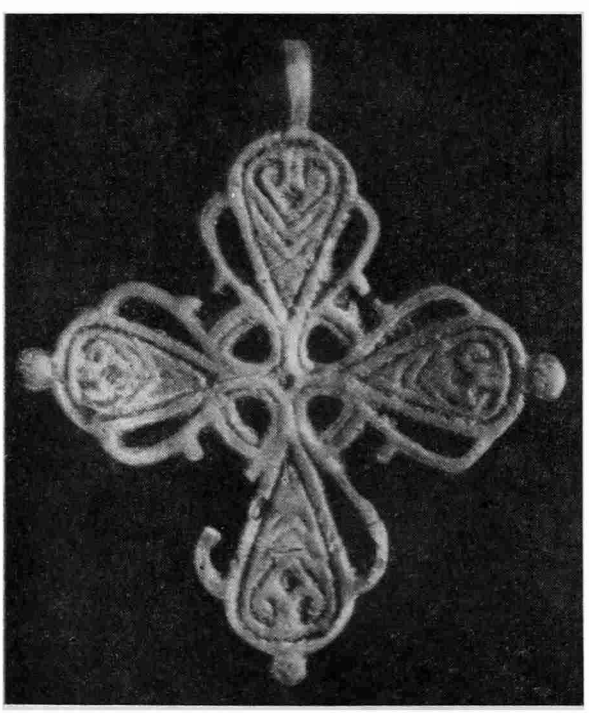


Рис. 5. Серебряный ажурный крест

зового креста-энколпиона с изображением в рост Богоматери-Оранты, а в медальонах на концах — полуфигур архангелов и святых (рис. 2, *16*). Там же (кв. 70, штык 1) обнаружен массивный бронзовый литой крест с рельефным изображением Распятия и обрамлением, имитирующим жемчужную обнизь; на дощечке над головой Христа обозначены монограммы IC XC (рис. 4). Из раскопа 13 (кв. 566, штык 1) происходит найденный в 1975 г. бронзовый крестик со следами выемчатой эмали зеленого, красного и желтого цвета, выполненный в технике литья, двусторонний (рис. 2, *1*). В раскопе 14 (штык 5, кв. 84) обнаружен полуфабрикат — бронзовый крестик с неудаленным между ветвями металлом (рис. 2, *6*). Кроме того, в раскопе 13 (кв. 653, штык 2) в 1975 г. найдена створка складня-триптиха с тремя рядами погрудных изображений архангелов и святых, входящих в Деисус (рис. 3, *11*). В 1977 г. обнаружена одна из самых интересных находок — серебряный литой, украшенный гравировкой крест (раскоп 17, штык 1, кв. 198), представляющий образец ажурного литья (рис. 5). Бронзовый литой крест-тельник с растительными окончаниями (рис. 2, *9*) представляет случайную находку на посаде городища Старой Рязани (территория современной деревни). В 1978 г. у дер. Чевкино, в 3 км от Старой Рязани выше по Оке, в размыве оврага случайно найден маленький крест-тельник с изображением св. Никиты, избивающего беса (рис. 3, *4*; 6, *2*). Случайную находку на городище в 1976 г. представляет литой бронзовый крестик (рис. 7, *1*); в том же году в раскопе 17 (яма 1) на глубине 0,5 м обнаружена литая крестовидная подвеска с маленькими шариками на концах, с изображением равностороннего креста в перекрестье (рис. 7, *2*).

Кроме того, в дер. Шатрище, рядом со Старой Рязанью, при разведке А. Петруцкого на территории усадьбы XVI—XVII вв. обнаружена створка бронзового складня-триптиха с поясными изображениями св. Власия,

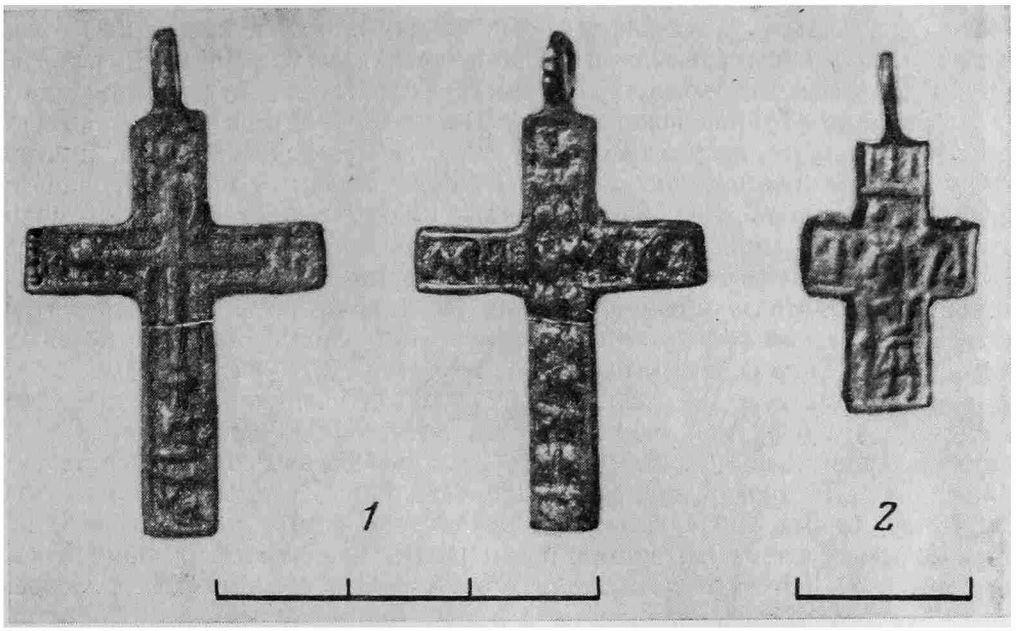


Рис. 6. Крестики-тельники

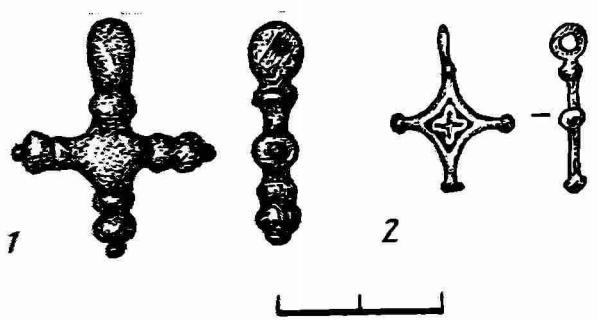


Рис. 7. Крестики-тельники

Фрола и Лавра (рис. 2, *15*). Тогда же куплен найденный местными жителями на северо-восточных валах городища Старой Рязани фрагмент верхней створки бронзового креста-энколпиона (рис. 3, *6*). У местных жителей куплен и найденный в Шатрищенском карьере, вблизи протекающего ручья, бронзовый крестик, или крестовидная подвеска (рис. 2, *8*). Наконец, сюда же следует присоединить случайную находку в 1975 г. двусторонней круглой иконы с изображением Христа-Пантократора и св. Никиты, избивающего беса (рис. 3, *3*) [8, с. 383—388] [1]. Таков сравнительно небольшой состав произведений мелкого художественного литья, который нам предстоит рассмотреть. Было бы преждевременным из анализа найденных образцов металлопластики делать какие-либо общие выводы относительно развития этого вида художественного ремесла в Рязани. Но полагаем, что некоторые наблюдения могут оказаться не лишенными интереса. Они касаются как местного производства, так и источников импорта, вернее, тех центров, из которых поступало художественное литье в домонгольское время и позднее.

Трехлопастноконечный крестик с эмалью, обычного типа, из находок 1975 г. (рис. 2, *1*), размером 3,8×2,9 см, следует присоединить к той группе изделий, которая в 1968 г. зафиксирована В. А. Мальм (представлена

[1] Случайная находка на поле около дер. Разбердеево.

47 экз.) [9, с. 113]. В их число, в частности, входил и крестик из прежних находок в Старой Рязани (ГИМ, инв. № 45804). Согласно выводам В. А. Мальм, изготовление этих изделий было налажено на Киевщине в XI в., расцвет их производства относится к XII в., а в XIII в. они постепенно выходят из употребления [9, с. 117]. Следовательно, принадлежность публикуемого экземпляра к домонгольскому времени является неоспоримой. Столь же вероятным надо признать киевское происхождение изделия. Такие крестики чаще всего находят в Киеве, на Княжей горе, в Витичиве, Вышгороде и других городищах; об ареале же распространения свидетельствуют находки в Белоозере, на Рюриковском городище, в окрестностях Костромы, в курганах Подмосковья, в Ярополче Залесском, в Галиче, в Латвии [9, с. 113, 114; 2, с. 88; 10, табл. 12, *4*; 11, рис. 69, *17*; 12, с. 63, табл. VIII, *1, 2*]. Значительная часть крестиков с желтой эмалью, как утверждает Б. А. Рыбаков, направлялась в деревню и проникала в самые глухие углы различных русских княжеств [13, с. 459]. Напротив, меньшее распространение имели бронзовые крестики с круглыми «медальонами» в средокрестье и на концах (рис. 2, *2*), а также с закругленными концами и парными выступами на каждом конце (рис. 2, *3*), изготовление которых относится к зрелому XII в. Особенностью первой их разновидности является наличие рельефного обрамления «медальонов», имитирующего скань; для второй разновидности характерно наличие круглых выступов в средокрестье и в центре закруглений концов. Место производства этого типа крестиков пока остается невыясненным. Крестики с утолщенными профилированными концами, подобные найденному в 1976 г. на городище (рис. 7, *1*) и известному из прежних находок в Старой Рязани [3, рис. 139, *9*], относятся к числу широко распространенных в русских землях с XI в. [14, с. 117, 143, рис. 207; 15, с. 235, рис. 4, *4*; 16, с. 43, рис. 13, *15*; 12, с. 65], но встречаются и за их пределами, в частности в Прибалтике [12, табл. VIII, *6—10*]. Для одного из их видов характерно изображение косого креста в круглом перекрестье (рис. 2, *8*) — деталь, свойственная находкам на Райковецком городище [17, табл. XXII, *10*] и в Латвии [12, табл. VIII, *6, 7*]. Хотя ареал распространения крестиков с утолщенными профилированными концами достаточно обширен, место их изготовления благодаря находкам литейных формочек в Киеве и на Райковецком городище [18, табл. XXII, *10*; 17, табл. XVII, *1*] можно локализовать Приднепровьем. Один из бронзовых кресто-тельников с шариками на концах имеет круглый «медальон» в средокрестье (рис. 2, *4*), свойственный нескольким разновидностям такого типа крестиков домонгольского периода [19, вып. 1, табл. 2, *12*; 20, табл. 6, *6*; 14, рис. 205; 10, с. 119, табл. 12, *5*].

К числу известных по находкам типов принадлежит и бронзовый крестик с трехлопастными концами (рис. 2, *9*), аналогичный найденным в Новгороде, Увеке, на Водянском городище [15, рис. 4, *8*; 21, с. 103; 22, с. 81, рис. 17, *4, 6*; 23, с. 40, рис. 2, *3, 4*]. При различиях в деталях крестики этой группы, с растительными окончаниями, украшены гравированным орнаментом, отчасти повторяющим контуры изделия. Типологически к указанному крестику примыкает экземпляр, имеющий трилистные концы (рис. 2, *10*) и весьма близко напоминающий крестовидную бляшку из позолоченного серебра из клада, найденного в Старой Рязани в 1868 г. [3, рис. 115, *7*] [2]. Не касаясь вопроса, имеем ли мы здесь разновидность креста-тельника или же один из типов крестовидных подвесок декоративного характера, укажем лишь на то, что хронологиче-

[2] Ср. также: [24, рис. 28]. Считать рязанский крест с клиновидными концами принадлежностью ожерелья можно будет лишь при выявлении более близких аналогий: подвески из клада, найденного в 1901 г. в Киеве возле Трехсвятительской церкви, не принадлежат к их числу.

ски описываемые старорязанские находки не выходят за пределы XII — первой трети XIII в. Крестики этой группы, очевидно, являются привозными, как и тельник, в основе которого ромб с вогнутыми гранями и с шариками на концах (рис. 7, *2*). Последнее изделие отдаленно напоминает нательный крестик из Княжей горы [25, табл. IX, *31*].

Хотя группа найденных на городище Старой Рязани крестов-тельников количественно невелика, все же оказывается возможным выделить несколько образцов местного производства. Сделать это позволяет находка литников при исследовании в 1973 г. остатков двух ремесленных мастерских. Один из них имеет оставшийся неотпиленным крестик (рис. 1), типологически напоминающий две другие находки (рис. 2, *5*, 7), хотя и не идентичный им. Уцелевший вместе с литником крестик является простейшим из их числа: он имитирует завязанный в узел жгут с отходящими крестообразно концами. Концы завершаются шаровидными утолщениями, которые собственно и образуют ветви креста. Крестик из находок в том же раскопе 13 довольно близок описанному, но имеет удлиненный нижний конец. Крестик из находок 1972 г. в раскопе 13 (рис. 2, *5*) ближе по размерам и по пропорциям отдельных частей, но имеет детали, несвойственные предыдущим образцам. Его средокрестье трактовано не в виде узелка, а в форме неровного кружочка, украшенного пятью расположенными в шахматном порядке шариками, сходными с теми, которые образуют трехлопастные концы ветвей креста. Общим, однако, у всех трех образцов является то, что фактура их поверхности имитирует зернь, в последнем случае наиболее удачно. С учетом находки литника, датировать который мы должны не позже 1237 г., наиболее правильным представляется отнесение этих крестиков к первой трети XIII в. На территории Подмосковья, по наблюдениям Д. А. Беленькой, крестики сходной формы появляются не ранее второй половины XII в. [2, с. 89, 90, рис. 1, *5*]. О местном рязанском происхождении еще одной разновидности бронзового креста-тельника говорит находка 1975 г. (рис. 2, *6*). Поскольку между ветвями крестика не удален металл, мы должны рассматривать его как заготовку изделия, не подвергнутую дополнительной обработке, и датировать тем же временем, что и литники. Трехлопастноконечный крестик как бы состоит из двух параллельно протянутых нитей, образующих на концах ветвей креста по три петельки. Ушко довольно массивное по сравнению с незначительными размерами креста-тельника, по высоте (без ушка) не превышающего 1,7 см. Сходный крестик был найден в Приднепровье [19, вып. 1, табл. 6, 8], откуда, вероятно, были заимствованы и формы рязанских изделий, о которых шла речь. Встречаются подобные крестики и в курганах веси на Белом озере, где эти изделия, по мнению Л. А. Голубевой, имели значение украшений, а не христианских символов [26, с. 70].

О том, насколько успешно проходила христианизация населения Рязанской земли в домонгольский период, говорить пока преждевременно, но скудость находок произведений металлопластики в соотношении с охваченными археологическими раскопками участками не может быть истолкована как простая случайность. Следует также отметить наличие разнообразных типов крестов-тельников и энколпионов и почти полное отсутствие серийности.

Отдельную маленькую группу изделий представляют бронзовые крестики, близкие по размерам крестам-тельникам, но по форме напоминающие энколпионы. Наиболее распространенным их типом является крестик с прямыми концами и с выдающимися в средокрестье уголками, с прочерченной бороздкой для инкрустации (рис. 2, *13*). Складные крестики такого типа хорошо известны по различным находкам на русских землях [27, табл. I, *26, 27*; XVII, *205, 206*; 28, табл. I, *76*; 11, рис. 69, *16*; 6, рис. 2, *16*; 29, S. 368, 369; 30, S. 344, 345; 31, S. 205, табл. XLVI, *5*]. Местом их изготовления принято считать Киев. Датиру-

ют эти изделия обычно XII в. Старорязанский экземпляр относится к числу наиболее простых крестиков указанного типа.

Бронзовый крестик с закругленными концами и парными выступами на каждом конце, имеющий на лицевой стороне изображение Распятия, сильно поврежден коррозией, и поэтому охарактеризовать стиль рельефа невозможно (рис. 2, *11*). Второй крест сходной формы, но несколько больших размеров и более удлиненных пропорций также имеет рельефное изображение Распятия (рис. 2, *12*), хотя и потертое, но достаточно отчетливо сохранившее рисунок и характер рельефа. Фигура распятого Христа прямая и большеголовая, с прямо простертыми руками и длинным препоясанием. Сходные по типу и размерам кресты-складни с изображением Распятия XII—XIII вв. не редкость среди русских археологических находок [19, вып. 1, табл. 1, табл. 2, *13*; 32, с. 103, рис. 38, *8*; 11, рис. 69, *2*; 33, S. 133—136, obr. 2, 2a]. Встречаются они и в Прибалтике [12, табл. X, 1]. Местом их изготовления, по-видимому, являлся Киев, и это отчасти подтверждается фактом находки такого креста в Галиче, куда, по нашим наблюдениям, шла в качестве художественного импорта исключительно киевская металлопластика.

Частью креста-энколпиона киевского происхождения является нижняя створка несколько больших размеров из находок 1970 г., украшенная изображением креста, выполненного чернью (рис. 2, *14*). Аналогичные экземпляры, датируемые концом XII — началом XIII в., обнаружены в Киеве [18, табл. XLIV—LVIII]. Встречаются кресты этого типа и за пределами Приднепровья [34, с. 257, 258].

Найденная в 1975 г. в раскопе 17 нижняя створка энколпиона киевского типа с «зеркальными» изображениями и надписями, датируемого 1239—1240 гг. [13, с. 455, 456, 527—534; 35, с. 39, табл. XXXIII, *3*, *4*], обнаруживает заметные отличия от своего оригинала (рис. 2, *16*), сказывающиеся не только в отсутствии рельефных сопроводительных и моленных надписей, но и в переработке в деталях фигур Богоматери с раскрытыми ладонями перед грудью и святых. Подобные позднейшие реплики достаточно хорошо известны, как и ареал распространения энколпионов этого типа, не только охватывающий различные русские земли, но и далеко выходящий за их пределы [1, с. 212, 213, прим. 51]. Прежде чем высказать заключение относительно происхождения и датировки указанной створки энколпиона, необходимо параллельно рассмотреть бронзовый небольшой (6,6×4,9 см, толщиной 4 мм), но довольно массивный крест с прямыми, немного расширяющимися ветвями (рис. 4). С лицевой стороны на внутреннем восьмиконечном кресте с большим выступом верха и широко расставленными поперечными перекладинами он имеет выполненное в достаточно высоком рельефе Распятие. Фигура Христа прямая, со слегка изогнутыми в локтях руками и с длинным, достигающим колен препоясанием на бедрах. Голову окружает рельефный нимб с выделенным большей высотой перекрестьем. Прототип этого произведения нам известен — киевский энколпион (высота с петлями шарниров — 7,3 см), найденный в развалинах церкви св. Василия в Овруче [19, вып. 3—4, с. 1, табл. I, *8*, IV, *8*]. На одной его створке изображение Распятия, на другой — Богоматери в молении в рост и над ней полуфигура св. Николы. Овручский экземпляр может быть датирован не ранее начала XIII в. Крест с городища Старой Рязани является местной переработкой киевского прототипа, при которой были утрачены не только мелкие детали, но и признаки, определяющие изделие как створку энколпиона; старорязанский крест отлит в односторонней форме, полученной путем оттискивания готового экземпляра-образца. Хотя обе отливки крестов выполнены с использованием различных по типу моделей, их объединяет сходство характера рельефа. Они найдены в одном слое последней трети XII — начала XIII в., в непосредственной близости друг от друга (в пределах кв. 70). Можно предположить, что оба креста ис-

полнены одним мастером, работавшим в Рязани незадолго до 1237 г. Поскольку тип креста-энколпиона, представленный находкой в Овруче, после татаро-монгольского нашествия не получает распространения, предлагаемая датировка достаточно близкого к оригиналу экземпляра из Старой Рязани получает дополнительную точку опоры. Одновременно, однако, возникает вопрос: не налажено ли было в Киеве производство энколпионов с «зеркальными» изображениями и надписями ранее 1239—1240 гг.? Иначе трудно объяснить происхождение рязанской реплики, несущей все формальные признаки переработки XIII в.

Уникальную находку, обнаруженную в 1977 г. в том же раскопе 17 (кв. 198), представляет ажурный серебряный крест, выполненный в технике литья и дополнительно украшенный гравировкой (рис. 5). При своих небольших размерах (6,0×5,1 см) крест отличается тщательностью исполнения и по своему типу резко выделяется среди памятников русской металлопластики, в том числе и среди ажурных крестиков из Приднепровья [27, вып. 1, табл. I, *35*, вып. 2, табл. XXI, *244*]. Поиски аналогий приводят нас к произведениям прикладного искусства из средневековой Прибалтики. Пальметовидные овальноконечные крестики с сердцевидными концами, находимые в Латвии, датируются XII—XIII вв. [12, с. 66, табл. IX, *11*; 36; 37, с. 221]. Наиболее близкую аналогию старорязанской находке представляет ажурный крестик из Видземе, датируемый по сопутствующим монетам XII в. и имеющий сходные размеры (7,1×5,4 см) [37, с. 221, рис. 1, *13*]. Подобные ажурные крестики находят также в Швеции [38, pl. 44, 14, S. 58], причем датируемые более ранним периодом (ок. 1100 г.), когда подобные по типу (но не ажурные) изделия время от времени появляются и в русских землях [9, рис. 1, *2*; 39, с. 132, рис. 1, *12*]. Находки произведений западноевропейского художественного ремесла XII—XIII вв. (область Мааса — нижнего Рейна, Северная Германия) на городище Старой Рязани были известны и прежде [40, с. 21, 22; 41]. Теперь они дополняются немногими произведениями прибалтийского импорта.

Из случайных находок 1975 г. уже дважды была опубликована круглая икона из медного сплава (диаметр 3,8 см, высота с ушком 5 см), на одной стороне которой поясное изображение Христа-Пантократора, на другой — Никиты, избивающего беса (рис. 3, *3*) [42, с. 61—63; 8, с. 383—388]. Т. В. Николаевой принадлежит детальнейшее описание и подробный иконографический анализ этого замечательного памятника художественного литья, отнесенного ею к первой трети XIII в. Рязанская икона не имеет выявленных на сегодняшний день аналогий среди произведений русской металлопластики, и поэтому основания для датировки находки дают определенные признаки иконографии, с одной стороны, и особенности стиля — с другой. По заключению Т. В. Николаевой, иконография Христа-Пантократора, представленная на рассматриваемой иконе, принадлежит к тому изводу, который засвидетельствован такими классическими памятниками византийского искусства, как мозаика в соборе г. Чефалу в Сицилии (середина XII в.), где Христос изображен с широко разведенными руками, в отличие от более распространенного типа с благословляющей правой рукой перед грудью. Но если быть более точным при классификации изображений Пантократора в византийском и средневековом западном искусстве, то надо отметить, что жест благословляющей руки, согнутой в локте и поднятой кверху, как бы сдерживаемой в движении натянутым краем гиматия, не находит полноценных аналогий в этом материале [43; 44; 45, S. 5—244]. Нет их и в древнерусской пластике раннего периода [46, рис. 16; 19, 29, 33; 47, рис. 23, 26, 42, 50, 56]. Сходное по положению, хотя и более свободное в движении изображение благословляющей руки находим в ряде памятников романского искусства и (что особенно для нас важно) в фреске на своде часовни св. Троицы в Люблине, выполненной русскими мастерами в 1418 г. Христос

держит в левой руке кодекс, раскрытый на тех же словах, что и в рельефном изображении рязанской иконы. Еще более близкое иконографическое сходство обнаруживают русские иконы с изображением Спаса на престоле, держащего раскрытый кодекс Евангелия, датируемые XV—XVI вв. [48, S. 20, tabl. III, *1*, *2*; 49, № 125] [3]. Цитированный евангельский текст в этих произведениях не всегда совпадает, равно как остаются неунифицированными и многие второстепенные детали, не являющиеся предметом регламентации иконографического канона.

Рельефное изображение Пантократора на лицевой стороне рязанской иконы из медного сплава, вероятнее всего, восходит непосредственно к иконографии не классических византийских памятников XII в., а к русским иконам тронного Спаса, держащего в руке раскрытый кодекс Евангелия [50, табл. 45; 51, рис. 134, 276] [4]. Они имеют более развитый иконографический тип Христа, чем известная краснофонная икона XIII в. из Крестцов близ Новгорода [51, рис. 38] и каменные иконки той же эпохи [52, № 22, 24]. Рисунок головы, пропорции фигуры указывают на знакомство исполнителя рельефа с достижениями русской иконописи зрелого XV в. [53, табл. 97, 98; 54, табл. 41, *2*; 58, *2*]. О том же говорит и трактовка складок одежд, и достаточно сопоставить стиль рассматриваемого произведения с медной литой иконой XIV в., с одной стороны [55, с. 99, рис. 6], и с отнесенной Т. В. Николаевой к началу XVI в. костяной иконкой Иоакима и Анны, Софьи, Веры, Надежды и Любови (из Покровского монастыря в Суздале) — с другой [46, рис. 104], чтобы отдать предпочтение более поздней датировке. Наконец, если исходить из положения, что в металлопластике находили отражение самые почитаемые в данной местности изображения, то и в этом случае следует принять во внимание отсутствие близкого иконографического сходства между каменными иконками Христа-Пантократора, локализованными Рязанью [56, рис. 8; 52, № 22] [5], и медной иконой, о которой идет речь. Тип изображения, приспособленного для круглой формы иконы, возможно, восходит к иконописному оригиналу, представлявшему Христа в рост. Не исключено, что это мог быть «Спас Смоленский», поставленный на Спасских воротах Московского Кремля в память о вступлении московских войск в Смоленск 1 августа 1514 г. и послуживший основой изображений «Спаса Всемилостивого». По заключению Т. В. Николаевой, рязанская икона принадлежит к тому периоду в истории искусства литья, «когда еще были в ходу не искаженные поздними переработками и неоднократными повторениями в литье классические домонгольские иконографические образцы, использовавшиеся больше для индивидуальных поделок» [8, с. 387]. Между тем сопоставление находки 1975 г. с изображениями Пантократора, распространенными в киевском литье домонгольского времени [57, с. 119—121, рис. 8; 27, вып. II, табл. XXIII, *267б*], говорит о том, что перед нами произведение совершенно иной эпохи. Характер рельефа указывает на то, что в качестве модели использовано изображение, выполненное из мягкого материала, вероятнее всего, из дерева. Для изображения св. Никиты, избивающего беса, на оборотной стороне рязанской иконы мастер использовал глиняный отпечаток, полученный с более раннего оригинала, что опять-таки характерно для послемонгольского времени [13, с. 613—617]. Несоответствие стиля и типа обрамления с килевидным завершением форме самой иконы не позволяет использовать эту композицию для датировки произведения, которое, исходя из изображения Пантократора, можно ограничить хронологическими пределами конца XV — начала XVI в. При этом необходимо отметить,

[3] Ростовский музей, инв. № Ц 929/90.

[4] Сопоставляем лишь общий характер изображения, но не жест благословляющей руки, помещенной здесь перед грудью.

[5] Если эти иконки изготовлены в Рязани, резчик должен был на них воспроизвести местночтимый образ Спаса.

что, хотя икона и не принадлежит к серийному литью, не следует особенно настаивать на ее уникальности: со временем могут быть обнаружены другие ее экземпляры, как это случилось с произведениями домонгольской металлопластики, длительное время оставшимися известными лишь в единственных образцах.

Иконе с изображением Пантократора стилистически близки три нагрудных креста, два из которых имеют в одном случае килевидный (рис. 3, *1*), а в другом — овальный нижний конец (рис. 3, *2*); третий крест, самый большой по размерам в этой группе (рис. 3, *5*), имеет все отличительные признаки, характеризующие русскую пластику XVI в. В противоположность ранее рассмотренным нами крестам-тельникам домонгольского времени, все указанные разновидности бронзового крестика имеют рельефные изображения Распятия, довольно близкие известным по произведениям мелкой деревянной пластики XVI в. [52, № 133, 136—145], и, возможно, выполнены с использованием их в качестве моделей. Именно поэтому датировка всех трех указанных образцов металлопластики не представляет больших затруднений, даже несмотря на то, что мы не располагаем в данном случае близкими аналогиями из археологических находок. К иконографическим особенностям первого креста относится изображение над фигурой распятого Христа двух скорбящих ангелов (рис. 3, *1*); третий крест имеет вверху рельефный лик Нерукотворного Спаса (рис. 3, *5*). Во всех трех случаях фигура распятого Христа изображена плавно изогнутой, какой мы видим ее на памятниках русской мелкой пластики со второй половины XV в. В качестве сходного со вторым типом креста (рис. 3, *2*) можно указать экземпляр из бывшего церковно-археологического музея С.-Петербургской духовной академии [58, с. 14, табл. VI, *66*].

К рассмотренным крестам по стилю тяготеет створка небольшого складня-триптиха с изображениями Распятия и Успения, найденная в 1973 г. в раскопе 14 на месте усадьбы XVI—XVII вв. (рис. 3, *10*). Другая створка представляет случайную находку в с. Шатрище, рядом с городищем Старой Рязани, также на месте усадьбы того же времени (рис. 2, *15*). Первая напоминает резьбу наперсных крестов XV в. с изображениями праздников [52, рис. 15, 18; 54, табл. 67, *1*, *2*]. Триптих, которому принадлежала створка с поясным изображением св. Власия в верхней части и свв. Фрола и Лавра в нижней, судя по начертаниям букв сопроводительных надписей, был отлит в XIII в. В средней части он имел изображение Богоматери с младенцем. Ближайшей аналогией для этого изделия может служить складень из бывшей коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко [27, вып. II, табл. XXX, *334*]. Существовала еще иная разновидность этого типа триптиха, с другими изображениями на створках [19, вып. 1]. Еще одна створка складня-триптиха имеет расположенные в три ряда поясные фигуры архангела Гавриила, апостола Павла, Григория Богослова, мученика Димитрия, свв. Ивана и Власия, входящих в состав Деисуса (рис. 3, *11*). Выполнение модели створки относится, по-видимому, к XVI в., но обработка оборотной части находки 1975 г. напильником делает более вероятным отнесение ее к XVII, если не к XVIII в., когда складни с аналогичными створками получают широкое распространение. На территории, на которой обнаружена створка (раскоп 13, кв. 653), имеются и другие находки вещей XVI—XVII вв.

В отличие от произведений металлопластики домонгольского времени литье XV—XVII вв. в музейных коллекциях представлено большей частью экземплярами, происхождение которых не документировано. Поэтому важна каждая новая публикация. Обломок створки креста-энколпиона, найденный на северо-восточных валах городища (рис. 3, *6*), следует датировать XV в. Аналогией для него может служить энколпион, входивший в собрание Б. И. и В. Н. Ханенко [27, вып. 1, табл. XII, 139], где можно указать и экземпляр, близкий бронзовому кресту XV в. из раско-

на 16 (рис. 3, *8*), а также фрагменту такого же креста, найденному в том же 1973 г. в раскопе 13 (рис. 3, *7*) [27, вып. 1, табл. XXV, *292*]. Над Распятием, в верхней части креста, изображена Ветхозаветная Троица, внизу — св. Никита, избивающий беса; на оборотной стороне, как уже было отмечено, представлены Богоматерь Знамение и святые. Оба типа крестов, вероятно, московского происхождения и могут быть отнесены ко второй половине XV в.

Из более скромных находок следует отметить два креста-тельника одного и того же типа. Один из них обнаружен в раскопе 14 в 1972 г. (рис. 6, *1*). На лицевой стороне его рельефное изображение Голгофского креста в сопровождении таких же рельефных монограмм, на оборотной — текст величания кресту («Кресту твоему покланяемся, Владыко»). Домонгольский слой на раскопе 14 перекрыт усадьбами XVI—XVII вв. Второй крест, с отломанным верхним концом, найден в раскопе 16 (рис. 3, *9*). Оба изделия могут быть отнесены к XVII либо к XVIII в.

В 1978 г., как уже было отмечено в начале статьи, у дер. Чевкино, в размыве оврага, был найден крохотный бронзовый крест-тельник с изображением св. Никиты, избивающего беса (рис. 3, *4*; 6, *2*). Вверху над фигурой объединенные в лигатуру Н и И, в левой части поперечной перекладины Т и в правой — А. Размер крестика 2,2×1,6 см. Изображение довольно условное. Фигура св. Никиты большеголовая. Он представлен обращенным лицом к левой части креста. Правой рукой он держит за волосы беса, в поднятой левой руке святого палка. Крестики с аналогичным сюжетом весьма немногочисленны. Один из них, имевший в рукавах перекрестья поясные фигуры святых, принадлежал Тверскому музею [59, с. 76, 77], другой найден в Старице [23, рис. 2, *10*], где обнаружен с подобным изображением и маленький образок-тельник с полукруглым завершением [23, рис. 1, *1*] [6]. Все перечисленные произведения отличаются друг от друга. В частности, старицкий крест, датируемый временем между 1394 и 1486 гг,. имеет не только несколько большие размеры, но и три погрудных изображения святых, расположенные на концах поперечной перекладины и в нижней части креста. Изображение на крестике из дер. Чевкино стилистически до некоторой степени напоминает актовые печати XVI в. [63]. Возможно, что этим же временем следует датировать и находку, о которой идет речь. Эпиграфические особенности надписи с именем Никиты не противоречат такому определению. Этими предварительными замечаниями мы и ограничимся в характеристике креста с изображением св. Никиты, избивающего беса, так как данная тема в прикладном искусстве русского средневековья заслуживает специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев Л. В.* Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель (кресты и иконки Белоруссии).— СА, 1974, № 3.
2. *Беленькая Д. А.* Кресты и иконки из курганов Подмосковья.— СА, 1976, № 4.
3. *Монгайт А. Л.* Старая Рязань.— МИА, 1955, № 49.
4. *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961.
5. *Даркевич В. П.* Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966—1969 гг.).— В кн.: Археология Рязанской земли. М., 1974.
6. *Розенфельдт Р. Л.* Егорьевская коллекция рязанских вещей.— В кн.: Археология Рязанской земли. М., 1974.
7. *Монгайт А. Л.* Работа Рязанской археологической экспедиции в 1966—1970 гг.— В кн.: Археология Рязанской земли. М., 1974.

[6] Хотя иконография Никиты на произведениях литья из Тверской земли иная, мы их приводим как показатель бытования этого сюжета в металлопластике. До введения в научный обиход новых образцов металлопластики с изображениями св. Никиты (в их числе найденные в Калуге, на месте старой переправы через Оку) мы не решаемся делать какие-либо заключения обобщающего характера относительно места рязанского экземпляра. Изображения св. Никиты, избивающего беса, известны также в фасадной скульптуре конца XII в. [60, рис. 183] и мелкой каменной пластике [52, с. 31, 128; 61, с. 211—213; 62, с. 98].

8. *Николаева Т. В.* Рязанская икона с изображениями Пантократора и Никиты с бесом.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978.
9. *Мальм В. А.* Крестики с эмалью.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968.
10. *Седова М. В.* Ярополч Залесский. М., 1978.
11. *Пастернак Я.* Старий Галич. КракІв — ЛьвІв, 1944.
12. *Мугуревич Э. С.* Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965.
13. *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948.
14. *Спицын А. А.* Владимирские курганы.— ИАК, 1905, вып. 15.
15. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.).— МИА, 1959, № 65.
16. *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск, X—XIV вв. Минск, 1975.
17. *Гончаров В. К.* Райковецкое городище. Киев, 1950.
18. *Каргер М. К.* Древний Киев, т. I. М.— Л., 1958.
19. *Леопардов П., Чернев Н.* Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках. Киев, вып. 1, 1890; вып. 3—4, 1891.
20. *Нефедов Ф. Д.* Раскопки курганов в Костромской губ., произведенные летом 1895 и 1896 гг.— МАВГР, 1899, III.
21. *Спицын А. А.* Некоторые новые приобретения Саратовского музея.— ИАК, 1914, вып. 53.
22. *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.
23. *Романченко Н. Ф.* Образцы старицкого медного литья.— В кн.: Материалы по русскому искусству. Т. I. Л., 1928.
24. *Рыбаков Б. А.* Русское прикладное искусство X—XIII веков. Л., 1970.
25. *Мевенцева Г. Г.* Давньоруське мІсто Родень. Княжа Гора. К їв, 1968.
26. *Голубева Л. А.* Археологические памятники веси на Белом озере.— СА, 1962, № 3.
27. Собрание *Ханенко Б. И.* и *В. Н.* Древности русские. Кресты и образки. Киев. Вып. 1, 1899; вып. 2, 1900.
28. Каталог украинских древностей коллекции Тарновского В. В. Киев, 1898.
29. *Antoniewicz J.* Brazowy krzyżyk skladany znaleziony w Drohiczyni nad Bugiem, pow. Siemiatycze.— WA, t. XXIV. Warszawa, 1957.
30. *Gajewski.* Brazowy krzyżyk skladany znaleziony w Obrowcu, pow. Hrubieszow.— WA, t. XXVI. Warszawa, 1960.
31. *Musianowicz K.* Drohiczyn we wczesnym sredniowieczu.— Materialy wczesnosredniowieczne, IV. Warszawa, 1969.
32. *Седов В. В.* Древнерусское поселение близ города Вязники.— КСИА АН СССР, 1961, № 85.
33. *Květ J.* Enkolpion městskĕho musea v Lounech.— In: Neiderlův sbornik. Praha, 1925.
34. *Кропоткин В. В.* Крест-складень из Коктебеля.— СА, 1957, № 2.
35. *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI—XIV вв.— САИ, Е-1-44. М., 1964.
36. Латышские древние украшения. Рига, 1973.
37. *Mugurēvics E.* Krustneida piekarini Latvijā laikā no ll. lidz 15. gs.— Archeologija un etnografija, XI. Riga, 1974.
38. *Serning J.* Lapiska offerplatsfynd från Järnalder och Medeltid i de Svenska lappmarkerna. Stockholm, 1956.
39. *Журжалина Н. П.* Древнерусские привески-амулеты и их датировка. СА, 1961, № 2.
40. *Даркевич В. П.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.).— САИ, Е-1-57. М., 1966.
41. *Даркевич В. П.* Новые находки романских бронзовых чаш.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970.
42. *Даркевич В. П.* Работы в Старой Рязани.— АО-1975. М., 1976.
43. *Capizzi C.* Pantocrator. (Saggio d'esegesi letterario-iconografica). Romae, 1964.
44. *Rademacher Fr.* Der tronende Christus der Chorschanken aus Gustorf. Köln-Graz, 1964.
45. *Dobrzeniecki T.* Maiestas Domini w zabytkach polskich i obcych z Polska związanych cz. III.— In: Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie, XIX. Warszawa, 1975.
46. *Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика XI—XVI веков. М., 1968.
47. *Рындина А. В.* Древнерусская мелкая пластика. Новгород и Центральная Русь XIV—XV веков. М., 1978.
48. *Walicki M.* Malowidla ścienne kościola św. Troicy w Lublinie. (1418). Warszawa, 1930.
49. Выставка древнерусского искусства. М., 1913.
50. *Лазарев В. Н.* Новгородская иконопись. М., 1969.
51. *Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Каталог древнерусской живописи ГТГ. Т. 1. М., 1963.
52. *Николаева Т. В.* Произведения мелкой пластики XIII—XVII веков в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960.
53. *Данилова И. Е.* Фрески Ферапонтова монастыря. М., 1970.
54. *Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в.— САИ, Е1-49. М., 1971.
55. *Николаева Т. В.* Икона-складень 1412 г. мастера Лукиана.— СА, 1968, № 1.
56. *Монгайт А. Л.* Художественные сокровища Старой Рязани. М., 1967.
57. *Пуцко В.* Киевские рельефы святых всадников.— Старинар. Новая серия, XXVII. Београд, 1977.

58. *Покровский Н. В.* Церковно-археологический музей С.-Петербургской духовной академии. 1879—1909. СПб., 1909.
59. *Жизневский А. К.* Описание Тверского музея. М., 1888.
60. *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси. XII век. Владимир, Боголюбово. М., 1969.
61. *Окунева И. Н.* Икона св. Никиты, избивающего беса.— Seminarium Kondakovianum, VII. Praha, 1935.
62. *Пуцко В. Г.* Каменные иконки и кресты в Ростове Великом.— Byzantinoslavica, XXXII. Praha, 1971.
63. *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси, X—XV вв. Т. II. М., 1970.

V. P. Darkevich, V. G. Putsko

THE MEDIAEVAL METAL CASTS FROM STARAYA RYAZAN (FINDS OF 1970-1978)

Summary

The article describes the 12th-17th-century cast crosses and small icons found in the Staraya Ryazan fortified settlement and its environs. The authors have systematised and dated them and have established the existence of close connections between Staraya Ryazan and Kiev smelters in the pre-Mongol period. Some of the finds are unique samples of the Ancient Rus art.

МЕДЫНЦЕВА А. А.

НАДПИСЬ-ГРАФФИТИ ИЗ ПСКОВСКОЙ ЦЕРКВИ ПОКРОВА

В 1976 г. археологической экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством В. Д. Белецкого при раскопках церкви Покрова в Пскове была обнаружена надпись-граффити, заслуживающая самого пристального внимания [1].

По Псковским летописям известно, что эта церковь была построена в 1352 г. во время мора, «обыденкой» — в один цень. В 1398 г. церковь Покрова была перестроена [1, с. 102]. При археологических раскопках открыты многочисленные остатки фресок, но сведения о росписи этой церкви в летописях отсутствуют.

Надпись, прочерченная по сухой фресковой штукатурке, находилась in situ на северной грани восточной лопатки юго-восточного подкупольного столба на высоте около 1,5 м. Надпись в 16—17 строк расположена в самом углу, там где северная грань крестчатого столба примыкает к соседней грани. Многочисленные трещины, небольшие выбоины, более позднее изображение креста сильно затрудняют прочтение. К тому же фресковая живопись была покрыта слоями позднейшей побелки, поэтому только после удаления побелки в лаборатории реставрации и консервации Государственного Эрмитажа представилась возможность достоверного прочтения надписи.

В первой строке отчетливо читается: (см. рис. 1,2) въ лѣ҃т ҂ѕ҃ноѧ, т. е. налицо один из редких случаев, когда надпись содержит дату в тексте. Ясно видная «зело» со знаком тысяч и титлом над ней позволяет прочесть тысячный разряд даты — 6 тысяч, следующие две буквы NO не могут обозначать цифры, так как их значение (50 и 60) не может стоять в дате рядом. Их следует отнести к буквенному обозначению: окончанию числительного «в лѣто 6000-NO». Такое прочтение подтверждает и отсутствие над этими буквами титла. Следующий знак с титлом —«юс малый», обозначавший в кирилловском письме 900, означает число сотен. Следовательно, прочтение тысяч и сотен в дате сомнений не вызывает. Далее строка кончается, так как писать дальше невозможно, вторая строка начинается с выбоины в штукатурке, затем отчетливо видна буква «зело», без знака тысяч, с титлом и ясно сохранившейся точкой справа, что заставляет считать эту букву обозначением цифры 6. Если отнести эту букву-цифру к дате, то дату можно прочесть либо как ҂ѕ҃ ѧ҃ ѕ҃ (6906 г.), либо как ҂ѕ҃ ѧ — ѕ҃, где отсутствует обозначение десятков, так как, возможно, с обозначения десятков и начиналась вторая строка. Причем в последнем случае на месте десятков могла быть любая буква, означающая десятки от і (10) до ѵ (90). Таким образом, возможная дата надписи определяется от 6906 (1398 г.) до 6996 (1488 г.) — с разницей в 90 лет. К счастью, обозначение даты на этом не заканчивается. Во второй строке за «зело» отчетливо чи-

[1] Выражаю глубокую благодарность В. Д. Белецкому за возможность ознакомиться с надписью и опубликовать ее.

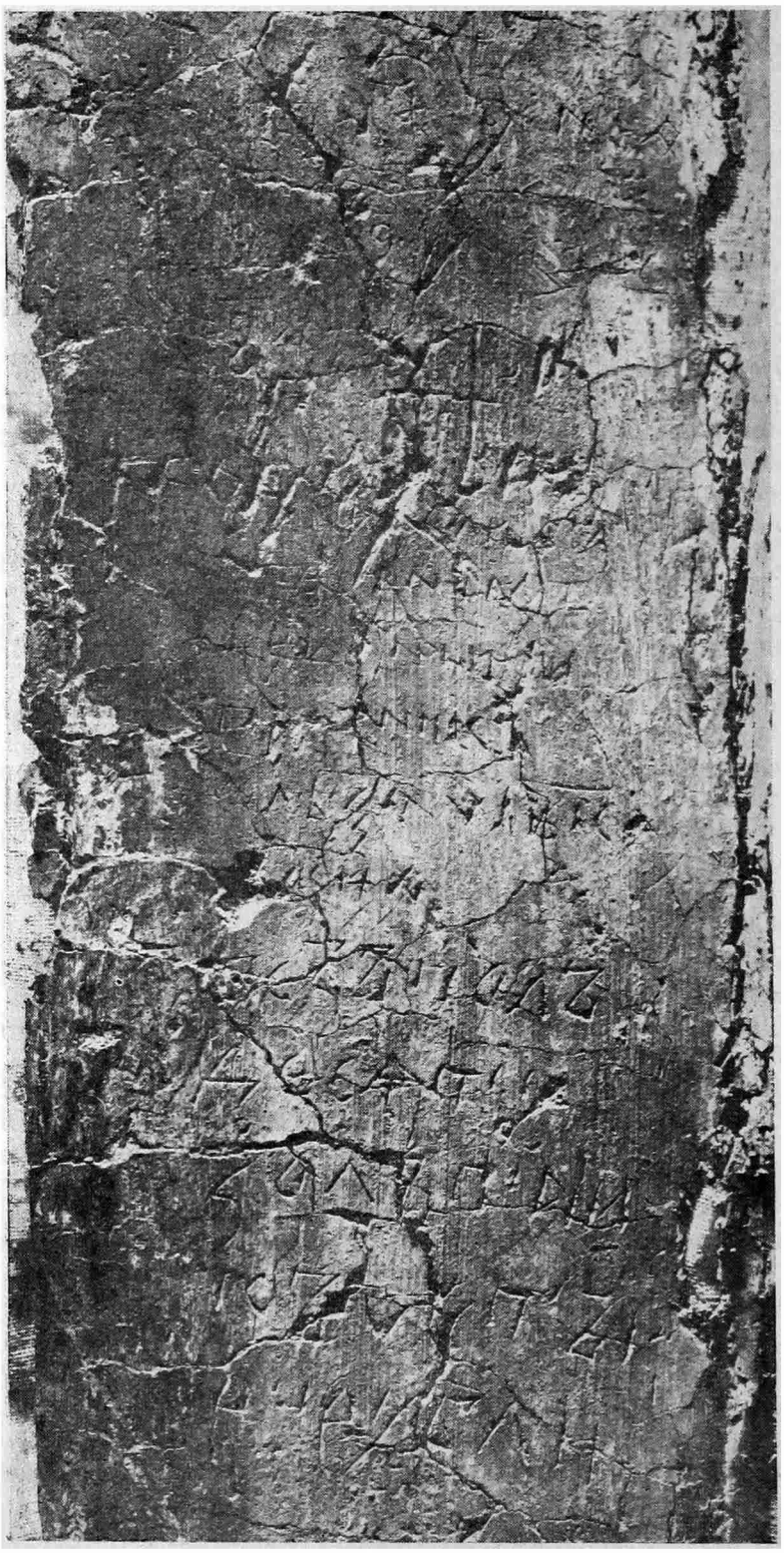


Рис. 1. Надпись 1398 г. Фото

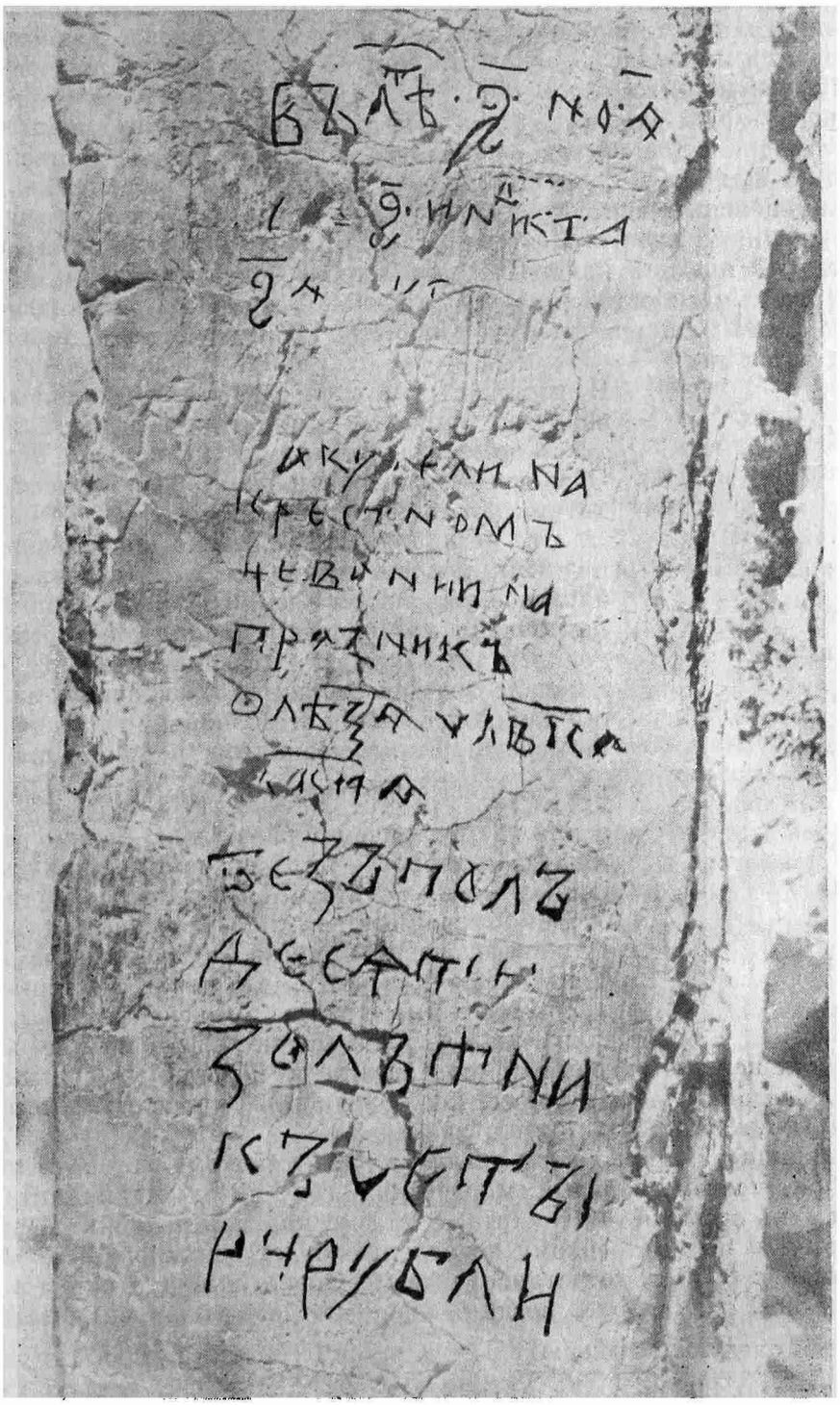
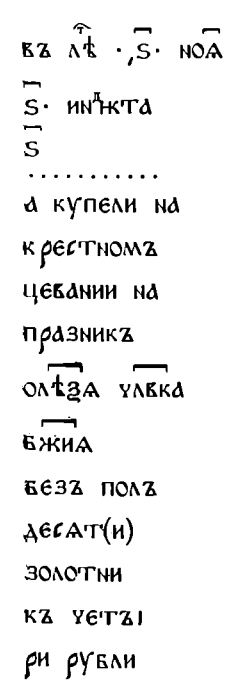


Рис. 2. Надпись 1398 г. Прорись по фотографии

тается инъкта и далее снова «зело» с титлом в начале третьей строки. Автор надписи не ограничился обозначением года от сотворения мира и добавил еще обозначение индикта — согласно византийскому счету времени по пятнадцатилетним циклам. Индикт года — это порядковый номер года в пятнадцатилетнем цикле, определяемый делением года, исчисляемого от сотворения мира, на 15; при этом остаток и будет определять очередной год текущего индикта [2, с. 80].

Прежде чем пытаться уточнить дату с помощью индикта, попытаемся прочесть надпись до конца. К сожалению, за «зело» в начале третьей строки следует наиболее поврежденная часть надписи; сохранились лишь несколько неясных черт, следующие две строки испорчены трещинами и изображениями креста. Поэтому удается прочесть лишь буквы NON — сравнительно поздней надписи, выполненной более крупными и глубокими буквами. От шестой (предположительно) строки осталось несколько букв, но затем надпись читается полностью. Таким образом, текст надписи читается так:



В шестой строке слов «коу(п)ели», должно быть, означает «купель»— водоем для крещения, далее текст ясен: «на крестном целовании на праздник Олексия — человека божия без полдесяти золотник четыри рубли».

Не останавливаясь сейчас на содержании надписи, вернемся снова к ее датировке. Ясно читаемое указание на день события — «на праздник Олексия — человека божия», который приходился на 17 марта, позволяет отнести «зело» в начале третьей строки к обозначению индикта, так как день события этим знаком обозначен быть не может. Дата, указанная в надписи, представляется пока следующим образом: къ лѣ ,S но а — S инъкта S, причем первое «зело» можно отнести к дате, а второе — к обозначению индикта или первое «зело» считать обозначением индикта, а второе буквой-цифрой, не относящейся к дате. Для определения индикта это значения не имеет. Нельзя предположить, что перед шестеркой (S) в обозначении индикта утрачена буква, обозначающая десятки (на месте выбоины во второй строке), так как порядковый номер индикта не может быть больше пятнадцати. Следовательно, мы можем с уверенностью прочесть индикт даты как S (6), другого прочтения быть не может.

Смена индикта происходит, согласно византийскому летоисчислению, 1 сентября, поэтому каждый мартовский год имеет два индикта. Но известен день события — 17 марта, а для месяца марта индикт и по сентябрьскому, и по мартовскому исчислению будет одинаков [2 с. 82].

Начиная с 6900 г. (отчетливо читаемое число тысяч и сотен в дате) и кончая 6999 г. (наиболее поздняя вероятная дата в надписи), шестой индикт имеют следующие годы: 6906 (,S а S) 6921 (,S а к а), 6936 (,S а л S), 6951 (,S а н а), 6966 (,S а з S), 6981 (,S а п а) [2, табл. 2, с. 81].

По указанию индикта шестерку в начале второй строки мы должны отнести к дате, к разряду единиц, так как 6900 год имеет 15-й индикт. Тем самым дата читается следующим образом: къ лѣ ,SNO а — S, индикта ,S. Следовательно, из вышеприведенного перечня лет, имеющих шестой индикт, мы должны исключить все годы, не оканчивающиеся на «зело», и, таким образом, в качестве вероятных дат надписи остаются

только следующие: ,ѕ а ѕ (6906), ,ѕ а л ѕ (6936) и ,ѕ а з ѕ (6966) — соответственно 1398, 1428 или 1458 гг. Между самой ранней и самой поздней предполагаемой датой промежуток времени в 60 лет.

Теперь рассмотрим палеографические особенности надписи. Она начертана свободным, простым почерком, имеющим характерные палеографические особенности. В надписи дважды употреблено так называемое «ступенчатое» В, являющееся типичным для рукописей последней четверти XIV — начала XV в. [3, с. 118, 119]. На бересте такая форма также является важной хронологической приметой, хотя и дает более «размытые» хронологические рамки, встречаясь в грамотах XIV — первой половины XV в. [4, с. 71—72]. Наряду со «ступенчатым» В в начале надписи, в предлоге употреблена более ранняя форма с заходящими друг на друга петлями. Сравнительно архаическая форма «И», которая появилась еще в XIII в. (со слегка наклонной перекладиной, приподнятой или расположенной посредине буквы), в надписи встречена вместе с «И» современного начертания. Последняя появляется в рукописных памятниках с конца XIV в. [3, с. 115, 119]. В берестяных грамотах «И» современного начертания встречается в XIV — первой половине XV в. [4, с. 55]. Особенностью рукописей конца XIV — первой половины XV в. является также «ѵ» без ножки. Эта форма, по наблюдениям В. Н. Щепкина, появляется во второй половине XIV в. сначала в надстрочном написании, становится типичной в последней четверти XIV — начале XV в. [3, с. 117, 118]. В берестяных грамотах «ѵ» без ножки — признак второй половины XIV — начала XV в. [5, с. 40]. В надписи дважды встречена такая форма. Менее характерна N. В нескольких случаях она имеет перекладинку, доходящую почти до низа правой мачты, но несколько раз встречены N с укороченной перекладиной (обе формы появились еще в уставе XI—XII вв.) [3, с. 115].

Левая часть буквы «Ж» повреждена выбоиной, поэтому нельзя ничего сказать определенного о ее форме, очевидна лишь ее несимметричность. Буква «земля» в двух случаях имеет большой навес и малый округлый хвост. Эта форма часто встречается в памятниках письменности конца XIV — начала XV в. [3, с. 119]. Буква «Р» близка к той форме, которую А. В. Арциховский назвал «в виде ножа викингского типа», т. е. с выпуклой округлой спинкой (ножкой). Аналогии такому начертанию встречаются в пергаментных грамотах XIV в. [4, с. 58; с. 86, 87]. Архаично в надписи начертание «ять»— в одном случае перекладина его лежит ниже уровня строки, во втором — лишь слегка выступает в верхнее межстрочное пространство. В рукописях такая форма является признаком XI—XII вв., но в новгородских берестяных грамотах и граффити сохраняется иногда до начала XV в. [7, с. 172, 173]. Поздним признаком этой буквы в псковской надписи является наклон мачты к началу строки. Петли букв ѣ имеют правильную округлую или треугольную форму, но петли ъ, ы, почти четырехугольны. Аналогии такому начертанию появляются в берестяных грамотах XIV в. [4, с. 52].

В дате для обозначения 900 употреблен а. Как отмечает В. Н. Щепкин, «юс малый» в этом значении почти исчезает со второй четверти XV в., заменяясь соответственно южнославянским образцам на «Ц» [3, с. 131].

Подводя итоги наблюдениям над палеографическими особенностями надписи, следует сказать: надпись написана так называемым русским полууставом, наиболее типичным для рукописей конца XIV — первых десятилетий XV в. Из почерков, характерных для этого типа письма, в надписи встречены ѵ без ножки, «ступенчатое» В, «земля» с маленьким округлым хвостом, «И» современного начертания, «ц» в цифровом значении 900. Конечно, многие из этих признаков, как уже было показано, возникают в письме рукописей и особенно берестяных грамот несколько ранее и исчезают позднее указанного времени. Но дата постройки церкви (1352 г.)

и ясно читаемое число сотен в дате не позволяют значительно удревнить надпись, а сохранившиеся архаизмы и отсутствие графических нововведений XV в. не позволяют датировать надпись позднее первых десятилетий XV в.

Таким образом, палеографические особенности надписи не позволяют принять дату 1458 г. и заставляют склоняться к мысли, что надпись датируется 1396 или 1428 г. Данные палеографии не могут разграничить эти две даты, хотя и свидетельствуют в пользу первой. Следующие соображения позволяют исключить в качестве вероятной даты не только 1458, но и 1428 гг. Выбоина в начале третьей строки невелика, при этом хорошо сохранилось верхнее и нижнее межстрочное пространство. Если бы на месте десятков находилась буква «кси» (при датировке надписи 6966/ /1458 г.), то в нижнем межстрочном пространстве должен быть виден хвост этой буквы, далеко выходящей за нижний уровень строки (см. эту букву в слове «Олексия»). Кроме того, отсутствие титла над предполагаемой буквой, долженствующей обозначать в дате десятки, в то время как над буквой «зело» (6) титло отчетливо просматривается, — заставляет усомниться в допущении любой другой буквы-цифры, в том числе и Λ (6936/1428 г.), на месте десятков и предпочесть дату 6906/1398. В то же время наличие пробела в начале третьей строки и сохранившиеся неясные штрихи все же заставляют предположить пропуск одной-двух букв. Наиболее вероятно, что здесь по аналогии с буквенным окончанием количества тысяч было указано буквами окончание сотен (а҃ — но — девятисот — но), а вся дата была написана таким образом: въ лѣ҃ ,ѕ҃ — но а҃/но ѕ҃ индикта ѕ҃.

Итак, несмотря на повреждения, благодаря указанию на индикт года, палеографическим данным и сохранившимся начертаниям дату надписи удается восстановить как ,ѕ҃ а҃ ѕ҃ (6906/1398 г.).

В надписи идет речь о событиях, совершившихся «на праздник Олексия — человека божия», т. е. 17 марта 6906/1398 г. Прежде всего привлекает внимание ясно читаемое указание на сумму —«без полдесят золотник четыри рубли». Без «полдесят четыре» означает: без 9,5 золотника четыре рубля. Сам термин «рубль» зафиксирован различными источниками, начиная с XIII в., но весовое его содержание в XIII—XIV вв. до сих пор не ясно.

История денежного обращения так называемого безмонетного периода до сих пор содержит пробелы. Известно, что Псков вслед за Новгородом в 20-х годах XV в. возобновил чеканку собственной монеты и рубль превратился в счетное понятие, стал мерой определенного числа монет, неодинаковых для разных княжеств. По новгородской денежной системе рубль делился на 216 денег, а возникший несколько ранее московский рубль составлял 100 гривен или двести ногат [8, с. 91—93, 95]. Исследователи предполагают, что при тесных экономических связях Пскова и Новгорода псковская денежная система, по которой, очевидно, и велся счет в надписи, должна быть очень близка новгородской, но некоторые сообщения псковских летописей свидетельствуют о том, что в Пскове существовал свой особенный денежный счет. До сих пор не ясно весовое содержание рубля в XIII—XIV вв. По мнению одних исследователей, термин «рубль» сменил в XIII в. гривну серебра, и, таким образом, новгородский рубль идентичен гривне серебра, или гривенке, и, следовательно, вес его должен быть идентичен весу гривны — около 200 г. Гривна серебра делилась на 48 золотников [8, с. 64]. Если согласиться с этой точкой зрения, то весовой стандарт новгородского рубля и, очевидно, псковского должен быть равен гривне серебра. Известны такие слитки-рубли, так называемые слитки новгородского типа, имеющие вес, близкий к 200 г. Однако М. П. Сотниковой было обнаружено, что в подавляющем

большинстве вес чистого серебра в этих слитках, хронологически соответствующий рублю, равен приблизительно лишь 170 г., так как основная часть отливки выполнена из серебра пониженного качества. Однако М. П. Сотникова рассматривала это явление лишь как преднамеренную фальсификацию серебряных слитков [9, с. 54—59; 10, с. 6—8; 11, с. 47]. И. Г. Спасский предположил, что «порча» слитков примесями проводилась с ведома властей, чему положил конец мятеж, вызванный обнародованием открывшихся злоупотреблений [8, с. 93]. В недавние годы В. Л. Янин предложил новое объяснение практике «порчи» слитков. По его гипотезе, в Новгороде не предпринималось никаких фальсификаций, так как истинная ценность двуслойного слитка (170 г) не была скрыта от населения, и таким образом «рубль» с самого начала был наименованием денежной единицы с содержанием чистого серебра около 170 г. Именно этот вес и послужил затем исходной весовой нормой новгородской монеты [12, с. 150—179].

Эта гипотеза В. Л. Янина подкреплена свидетельствами берестяных грамот.

Таким образом, признавая весовое соответствие рубля и гривны серебра исследователи расходятся в определении истинного серебряного содержания рубля: одни считают его равным приблизительно 200 г, другие — определяют его вес около 170 г. Краткий текст надписи позволяет сказать лишь следующее: речь идет о сумме меньше четырех рублей на 9,5 золотника. Золотник, мелкая весовая единица, в основе которой лежит вес византийского солида X—XI вв., равный приблизительно 4,25 г, широко известен по источникам разного рода. 48 золотников и составляли общепринятую весовую единицу — гривну или гривенку [8, с. 43, 64]. Упоминание золотников в качестве мелкой фракции рубля говорит о том, что в надписи идет речь о серебряных платежных слитках, вес которых должен соответствовать весовому стандарту, измеряемому в золотниках. Тем самым надпись свидетельствует, что вес рубля в Пскове в конце XIV в. приравнивался весу гривенки, то есть приблизительно 200 г. К сожалению, мы не можем определить из текста надписи, идет ли речь о чистом серебре или серебре с примесями. Но если исходить из приблизительного соответствия рубля 200 г., количество серебра, о котором идет речь в надписи, составит около 760 г. (200 г.$\times$4 — 4,25$\times$9,5=759, 625 г). В грамоте № 354, написанной новгородским посадником Юрием Онцифоровичем в середине XIV в., цена коня определена в 1 рубль [13, с. 150]. По известной «полной» грамоте конца XV в. «На Настасью Онаньину с дочерью», обе они «по своей воли» продались в полное холопство за «два рубля... новгородскими деньгами» [14, с. 194]. Следовательно, в XIV—XV вв. цена коня и холопа была одинакова — около рубля. На сумму, упомянутую в надписи, можно было приобрести трех-четырех коней или столько же холопов.

Значительность суммы, очевидно, и вызвала необходимость подробной записи на церковной стене.

Естественно предположить, что в надписи сообщается о каких-то долговых расчетах, хотя поврежденность нескольких строк и не позволяет утверждать это с уверенностью. Можно было бы предположить, что это долговая запись. Псковская Судная грамота, отражающая правовые нормы Псковской феодальной республики XIV—XV вв., говорит об официальных долговых записях, которые должны были составляться по надлежащей форме. Копия записи или сам оригинал должны были храниться в Троицком ларе — псковском государственном архиве, находившимся при Псковском Троицком соборе [14, с. 339, 340]. Вряд ли запись на стене церкви Покрова отвечала подобным требованиям. Могла она быть только неофициальной долговой распиской — так называемой «доской», формально не утвержденной [14, с. 339]. Однако, согласно статье 30 той же Псковской Судной грамоты, при ссудах свыше рубля необходимо

было составлять официальную запись или принимать заклад, зафиксированный в закладной доске [14. с. 289, 290, 346].

Вероятно, ключ к пониманию надписи следует искать в ясно читаемых словах «на крестном целовании». Крестное целование — присяга, которой завершались многие судебные тяжбы. В частности, в статье 28 Псковской Судной грамоты говорится о взыскании долга, отданного под заклад и зафиксированного в «досках». Согласно этой статье, дело передавалось на усмотрение залогодержателя: «хочет сам поцелует да свое серебро возьмет, а хочет заклад ему у креста положит, и он поцеловав да свой заклад возьмет» [14, 289, 290]. Другими словами, он может присягнуть и получить свое серебро или потребовать присяги ответчика. Ответчик на присяге должен заявить, брал ли он ссуду, каковы ее размеры и т. д. [14, с. 346].

Насколько можно судить по сохранившейся части надписи, в ней идет речь именно о таком разрешении судебного разбирательства. Дефектное состояние надписи не позволяет говорить о существе конфликта более детально. Неясным остается и такой вопрос: почему запись о «крестном целовании» появилась на стене церкви Покрова? Потому ли, что в судебном разбирательстве оказались замешаны лица, близкие к церковному причту, или появление записи было вызвано процессуальной необходимостью? Известно, например, что на церковных стенах иногда записывались и купчие, и некоторые долговые обязательства [15, с. 60—71; 16, с. 195]. Возможно, процедура крестного целования происходила в самой церкви Покрова, на что указывают слова «у купели, на крестном целовании». К сожалению, предыдущие строки не прочитаны, поэтому контекст слов «у купели» не ясен. Псковская Судная грамота указывает случаи, когда клятва должна была произноситься в церкви. Статьи 34—35 устанавливают, что ответчик, подозреваемый в воровстве, должен быть приведен к присяге в церкви, расположенной в местности, где произошла кража [14, с. 290, 291]. Правда, речь здесь идет не о судебной, а о «вольной роте». Возможно, что на практике процедура присяги происходила в церкви гораздо чаще, чем мы можем заключить из лаконичных статей судебников, и выражение «у креста положит», довольно часто встречающееся в статьях судебников, на практике означало произнесение клятвы в церкви, а не на суде. Материала одной псковской надписи, к тому же сохранившейся не полностью, пока недостаточно для подтверждения такого предположения. Мы можем лишь допустить, что надпись на стене удостоверяет процедуру крестного целования, происходившего, скорее всего, в самой церкви, а упоминание при этом денежной суммы в конце надписи относит ее к разряду дел о долговых обязательствах. Возможно, сама надпись являлась письменным актом, «судницей» [14, с. 338], которая фиксировала уплату должником долга после процедуры «крестного целования».

Таким образом, несмотря на значительные повреждения текста, надпись граффити из Пскова содержит весьма важные сведения. Дата, которую удается прочесть в начале записи, превращает ее в хронологическую веху не только для собственно палеографических наблюдений, что само по себе важно, особенно для Пскова, где количество известных эпиграфических памятников невелико. Наличие даты — скорее всего 1398 г. или в крайнем случае 1426 г.— в надписи, прочерченной по сухой штукатурке фресковой живописи, датирует и саму сохранившуюся роспись церкви Покрова не позже этого времени. Кроме того, надпись дает некоторые сведения о денежном обращении в Пскове рубежа XIV—XV вв. и процедуре «крестного целования».

ЛИТЕРАТУРА

1. ПСРЛ. Псковские летописи. Т. II. М., 1955, с. 102.
2. *Каменцева Е. И.* Хронология. М.: Изд-во МГУ, 1967.
3. *Щепкин В. Н.* Русская палеография. М.: Наука, 1967.
4. *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1955 г. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
5. *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1958—1961 года. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
6. *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1956—1957 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
7. *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М.: Наука, 1978.
8. *Спасский И. Г.* Русская монетная система. Л.: Изд-во ГЭ, 1962.
9. *Сотникова М. П.* Из истории обращения русских серебряных платежных слитков в XIV—XV вв. (дело Федора Жеребца, 1447 г.) — СА, 1957, № 3.
10. *Сотникова М. П.* Серебряные платежные слитки Великого Новгорода (Вопросы техники и эпиграфики): Автореф. канд. дис. Л.: Отдел нумизматики ГЭ, 1958.
11. *Сотникова М. П.* Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII—XV вв.— Тр. ГЭ, 1964, вып. IV.
12. *Янин В. Л.* Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Т. III. Л.: Наука, 1970.
13. *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... М.: Изд-во МГУ, 1975.
14. Памятники Русского права. Т. II. Псковская Судная грамота. (Сост. Зимин А. А.). М.: Госюриздат, 1953.
15. *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев: Наукова думка, 1966.

A. A. Medyntseva

A GRAFFITO FROM THE PSKOV CHURCH OF THE INTERCESSION

Summary

A close examination of the graffito recently discovered by an archaeological expedition headed by V. D. Beletsky. The damaged date was desiphered by the author as 1398 on the basis of the year's indiction, the day of the event described, and palaeographic data. We can thus more precisely date the frescoes in this church. The graffito also provides clues to money circulation in Pskov at the turn of the 15th century.

Заметки

БАДЕР О. Н., СЕРИКОВ Ю. Б.

ГАРИНСКОЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ НА СОСЬВЕ

Местонахождение занимает наиболее северное положение в Зауралье. Оно располагается почти на 60° северной широты.

Село Гари на Сосьве — ныне районный центр Свердловской области — еще с дореволюционных лет было известно обильными находками костей мамонта (рис. 1). Кости скелета мамонта, смонтированного в экспозиции Нижнетагильского краеведческого музея, были в основном собраны именно в Гарях еще в дооктябрьское время. Уже в наши годы из Гарей постоянно увозят массу костей животных ледникового периода; это делают геологи, туристы, учителя и учащиеся многих соседних северных городов, стремящиеся обогатить свои музеи.

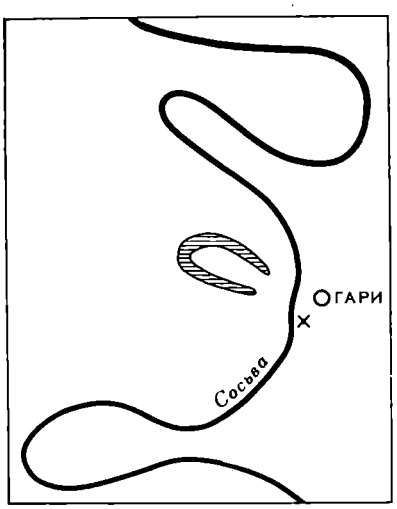


Рис. 1. Схематический план расположения находок у с. Гари

В 1965 г. археологом В. Ф. Старковым, работавшим тогда в Нижнетагильском горнометаллургическом техникуме, здесь же был собран значительный палеонтологический материал, а также были заложены пробные шурфы. В его полевом отчете указывается, что им обнаружен костеносный слой на глубине 4—5 м от поверхности террасы; в нем преобладали остатки молодых особей мамонта.

В 1973 г. сотрудник Нижнетагильского краеведческого музея Ю. Б. Сериков обследовал Гаринское местонахождение, собрал много костей, три кремневых изделия и обнаружил шесть вертикально стоящих костей: берцовую, обломок берцовой кости, еще одну берцовую кость (все три суставами вверх), лопатку, обломок лопатки и массивное ребро. Между ними находилось некоторое число мелких костей. Они образовывали изогнутую линию длиной свыше 4 м; продолжением этой линии был крупный бивень мамонта (длиной около 1,8 м, диаметром около 20 см), торчавший в земле в наклонном положении. Расположение костей по овалу и их вертикальное положение (в виде как бы вкопанных человеком) создавало впечатление следов искусственного жилища.

В 1974 г. в надежде обнаружить нетронутый культурный слой, Ю. Б. Сериков немного выше по склону от упомянутых костей начал раскоп площадью 4×5 м, но не довел его до конца. В том году река

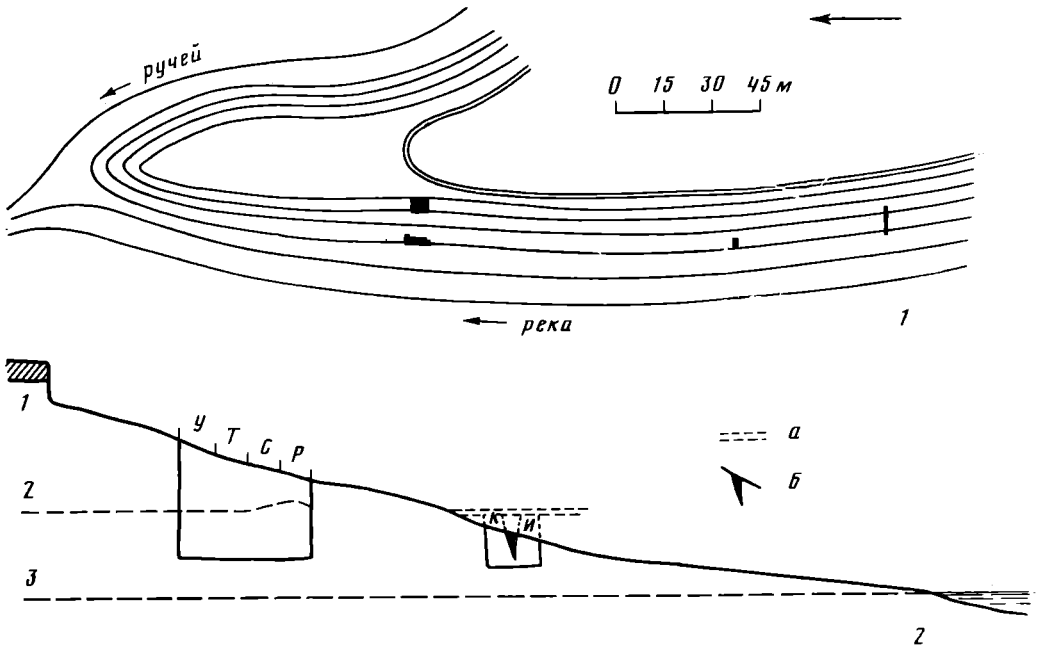


Рис. 2. Гаринское местонахождение. *1* — план, *2* — профиль. *а* — предполагаемый горизонт залегания костей плейстоценовых животных; *б* — морозобойная трещина, содержащая кости и кремень

сильно размыла берег, и замеченной в 1973 г. линии вертикально торчавших костей он уже не нашел. Зато немного выше по течению реки на том же склоне и уровне он обнаружил вертикально торчавшую кость. Шурф, заложенный им в том месте, кроме обломков костей дал 3 кремневых изделия: отщеп, ножевидную пластину и пластину с отретушированным с брюшка концом. По своим морфологическим признакам последние могут быть верхнепалеолитическими, но и более поздними. Другие культурные остатки, так же как и выраженный культурный слой, отсутствовали. Оставалось предположить, что культурный слой в этом месте смыт.

Местонахождение костей и кремня вытянуто узкой полосой у края села под обрывом 7—8-метровой поймы на правом берегу р. Сосьвы, несколько выше впадающего в нее ручья (рис. 2, *1*). Кремень встречается на протяжении не более 150 м, кости — на несколько большем — не менее 200 м.

Кости принадлежат, по предварительному определению, мамонту, медведю, сайге и лошади, в основном молодым особям.

Упомянутые вертикально торчавшие кости находились на высоте всего 2 м над меженью Сосьвы и залегали в толще 7-метровой террасы, видимо, высокой поймы. Такое определение террасы подтверждается тем, что, по словам местных жителей, поверхность террасы в отдельные годы заливается весенними паводками. Обычно же весенняя вода не доходит всего 1 м до бровки террасы.

Такая стратиграфия памятника на первый взгляд противоречит его палеолитическому возрасту. Как нам стало известно, геолог В. А. Лидер (г. Свердловск) в 1974 г. осматривал Гаринское местонахождение костей и датировал вмещающие их отложения первой половиной голоцена, точнее, VIII тысячелетием до наших дней.

Из всего сказанного вытекает, что остатки четвертичной фауны в Гарях находятся во вторичном залегании. Надо полагать, что кости животных происходят из размытой рядом 2-й надпойменной террасы, полностью уничтоженной. Кости не несут заметных следов окатанности; следователь-

но, они не прошли большого расстояния в русле реки после нарушения горизонта их первоначального залегания.

Геоморфология микрорайона у Гарей рисуется в следующем виде.

Под высоким берегом (порядка 25 м), где располагается старая часть Гарей (Белый Яр), на значительную высоту обнажается толща туфовидных белых известняков; через полкилометра они исчезают, образуя куполообразную фигуру, как бы выпученную снизу вверх. Впечатление выпученности усиливается и оттого, что купол известняков покрыт плащом темно-коричневых суглинков, переходящих правее на террасовидный уступ, видимо, второй надпоймы, высотой около 16 м, и слагающих ее. Боровая, первая надпойменная терраса в этом микрорайоне отсутствует, но 7—8-метровая пойма выражена хорошо как у нашего местонахождения, так и на противоположном берегу Сосьвы, где хорошо различается низкая пойма и уступ высокой, на котором построены коровники.

Кости плейстоценовой фауны не встречаются выше 5 м под бровкой или не выше 2,5—2,6 м над урезом воды. Этот уровень, надо полагать, определяет горизонт залегания костей в отложениях высокой поймы. Ниже на склоне кости лежат до самой воды и уходят в воду.

В сентябре 1974 г. работы были продолжены под руководством О. Н. Бадера и Ю. Б. Серикова [1]. Раскоп 4×5 м на береговом склоне был доведен до глубины 3,5 м и не дал никаких находок, но позволил выяснить строение террасы.

Сверху (см. разрез, рис. 2, *2*) лежит почвенный суглинистый слой (*1*) толщиной 40 см, под ним до глубины 4 м — толща светло-коричневого суглинка (*2*) с тонкими ржавыми, иногда красными прослойками и пятнами и белыми туфовидными известковистыми включениями. В нижней части этот слой делается более однородным. Коричневая глина подстилается толщей темно-серого суглинка (*3*), местами более темного, иногда с голубоватым оттенком, плотного, сырого и вязкого. На дне раскопа быстро скопилась вода.

Пробный шурф 2×4 м, вырытый Ю. Б. Сериковым летом, был продолжен в обе стороны на длину 10 м и дал очертания и разрезы трещины или ледяного клина (рис. 2, *2*). В нем обнаружены еще три вертикально стоящие кости, в том числе два ребра и несколько мелких костей, но кремня больше не было. Кости залегали только в заполнении клина и ни разу за его пределами, в темно-сером суглинке. Ниже и дальше по береговому склону, омываемому рекой, в двух-трех местах мы наблюдали на поверхности эти трещины, заполненные однородным грунтом. В отдельных случаях в них торчали кости в вертикальном или наклонном положении. Такое положение костей в заполнении трещин может объясняться естественной причиной — падением костей сверху в трещины. Если это следы ледяных клиньев позднего плейстоцена, то разбитая ими аллювиальная толща не может быть голоценовой; в этом случае можно допустить, что темно-серые иловатые суглинки нижней толщи (рис. 2, *2*. слой 3) являются остатком более древней размытой террасы, составившим цоколь коричневых суглинков высокой поймы. Если же трещины имеют иное происхождение, то не исключается голоценовый возраст как трещин, так и вмещающей их толщи.

В двух местах берегового склона были заложены разведывательные траншеи, которые никаких материалов не дали. Всего на местонахождении было вскрыто 43 м².

Бóльшая часть костей и кремня происходит из сборов на поверхности берегового склона. Поэтому закономерен вопрос, связаны ли они по времени или их совмещение случайно.

При ответе на этот вопрос нужно принять во внимание три момента: 1) распространение кремня на поверхности полностью включено в ареал распространения костей; 2) три кремневых предмета найдены в трещине вместе с костями; 3) на некоторых костях мамонта имеются порезы и

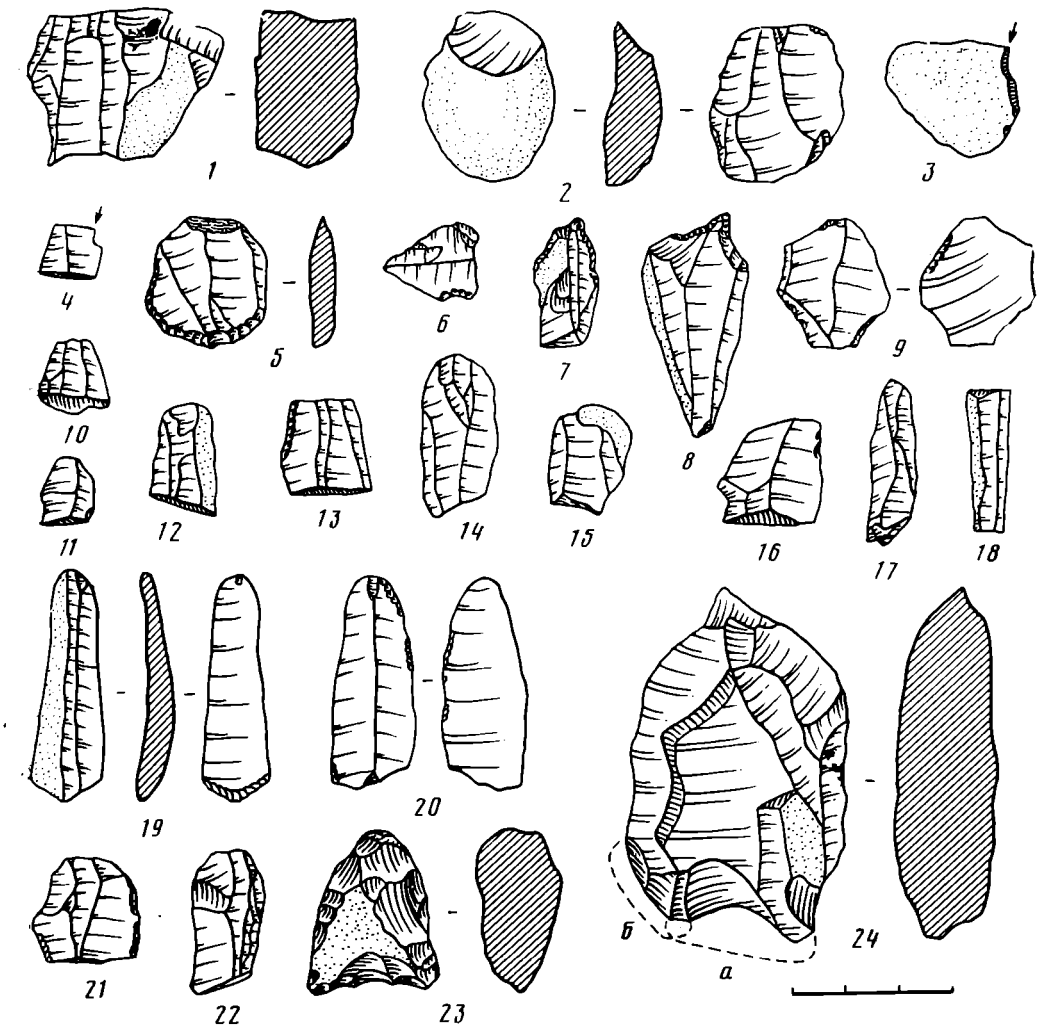


Рис. 3. Каменный инвентарь Гаринского местонахождения

надрубы. Отсюда вытекает вывод: кремень связан с фауной и, по всей вероятности, синхронен с ней.

Почти все каменные изделия Гаринского местонахождения изготовлены из темно-серой яшмовидной породы хорошего качества, два изделия (нуклевидный кусок и острие) изготовлены из черного кремня, еще два (острие и отщеп) — из полосчатой красно-зеленой яшмы.

Коллекция каменных изделий Гаринского местонахождения состоит всего из 37 предметов. Но в ней представлены почти все основные типы орудий. Подразделяются они следующим образом: нуклеусы — 2, нуклевидные куски — 2, ножевидные пластины — 15, резцы — 2, острия — 2, скребок — 1, скобель — 1, стамеска — 1, тесло — 1, отбойник — 1, отщепы — 9.

Оба нуклеуса изготовлены из галек яшмовидной породы, на них сохранилась галечная корка (рис. 3, *1, 2*). Представляет интерес один из них (рис. 3, *2*). Он сделан из половины гальки. Скользящим ударом у этой половинки гальки сбит верхний конец таким образом, что ударная площадка, образованная этим сколом, оказалась под острым углом к плоскости скалывания. С этого косоплощадочного нуклеуса скалывались пластинчатые формы неправильных очертаний.

Ножевидные пластины из коллекции Гаринского местонахождения не всегда имеют правильное огранение (рис. 3, *10—22*). На четырех пластинах сохранилась галечная корка (рис. 3, *12, 15, 18, 19*). У двух пла-

стин имеется ретушь со спинки (рис. 3, *13, 21*). Одна пластина отретуширована со спинки и брюшка (рис. 3, *20*). Еще у одной пластины ретушью с брюшка подправлен нижний конец (рис. 3, *19*). Следует отметить, что именно эта ножевидная пластинка была найдена в морозобойной трещине в вертикальном положении отретушированным концом вниз. Также в шурфе была встречена пластина, изображенная на рис. 3, *22*. На некоторых пластинах с ретушью и без нее отмечены следы слабого залощения с двух сторон, что может свидетельствовать об их кратковременном использовании в качестве ножей. Наличие в коллекции изделий из сечений пластин (рис. 3, *13, 18*), а также отсеченных верхних частей пластин с ударными бугорками (рис. 3, *10—12, 15*) позволяет выдвинуть предположение об изготовлении на стоянке вкладышевых орудий.

На одной из пластин изготовлен угловой резец (рис. 3, *4*). Второй резец изготовлен на первичном отщепе (рис. 3, *3*). Следов употребления на резцах, кроме слабой выкрошенности рабочих кромок, не обнаружено. На пластине из черного кремня изготовлена проколка (рис. 3, *7*). Вторая проколка изготовлена из отщепа полосчатой яшмы (рис. 3, *8*). Рабочие части проколок аналогичны друг другу. Они имеют короткое жальце и хорошо выраженные плечики. И жальца, и плечики обработаны крутой ретушью со стороны спинки.

Единственный в коллекции скребок изготовлен из пластинчатого отщепа (рис. 3, *5*). Следов работы на нем не обнаружено. Также нет следов употребления и на скобеле, изготовленном на небольшом отщепе (рис. 3, *6*). Если им и работали, то очень непродолжительное время.

Стамеска изготовлена из плитки окремнелого сланца (рис. 3, *23*). Ее рабочий край заметно вогнут и сильно сработан. На верхнем конце орудия также присутствуют следы забитости. Скорее всего, стамеска служила для перерубания костей мамонта.

Из девяти отщепов только на одном имеются следы ретуши — он отретуширован с брюшка (рис. 3, *9*). На семи отщепах сохранилась галечная корка. Следов употребления на отщепах не обнаружено.

Наибольший интерес представляет предмет, который типологически можно определить как нуклевидный кусок. В результате трасологического анализа выяснилось, что данное изделие являлось теслом. Оно представляет собой массивный нуклевидный кусок длиной 6,8 см, шириной 4 см и толщиной 1,8 см (рис. 3, *24*). Верхняя часть изделия приострена длинными сколами. Нижняя часть являлась рабочим лезвием тесла (рис. 3, *24*а). Лезвие сильно сработано, на нем имеются две значительные выбоины и несколько сколов, затупивших рабочую кромку. Рабочая кромка сильно смята и выкрошена. От рабочего края вверх по орудию тянутся линейные следы, направленные почти под прямым углом к кромке лезвия (рис. 4, *1*). Линейные следы в виде царапин расположены на выступающих участках желвачной корки, покрывающей почти полностью одну сторону орудия, и тянутся на 2,5 см от кромки лезвия (рис. 4, *2*). Все участки с линейными следами заполированы. Характер заполированности, выбоины и выкрошенность рабочей кромки свидетельствуют о работе по твердому и прочному материалу. Таким материалом могло быть дерево или кость (бивень). Скорее всего второе.

Линейные следы располагаются только на стороне орудия, обращенной к обрабатываемому материалу. Сколы и выбоины, разрушившие лезвие, были получены также со стороны, обращенной к материалу. Нет сомнения, что эти сколы образовались в процессе работы от сильного удара, например, по сучку дерева или по кости (бивню). Расположение линейных следов только на одной стороне орудия, направление сколов и отсутствие сработанности на верхнем конце орудия позволяют трактовать данное орудие как тесло, а не как стамеску или долото.

На некоторых участках орудия линейные следы перекрещиваются между собой (рис. 4, *2*). Это свидетельствует о том, что в процессе ра-

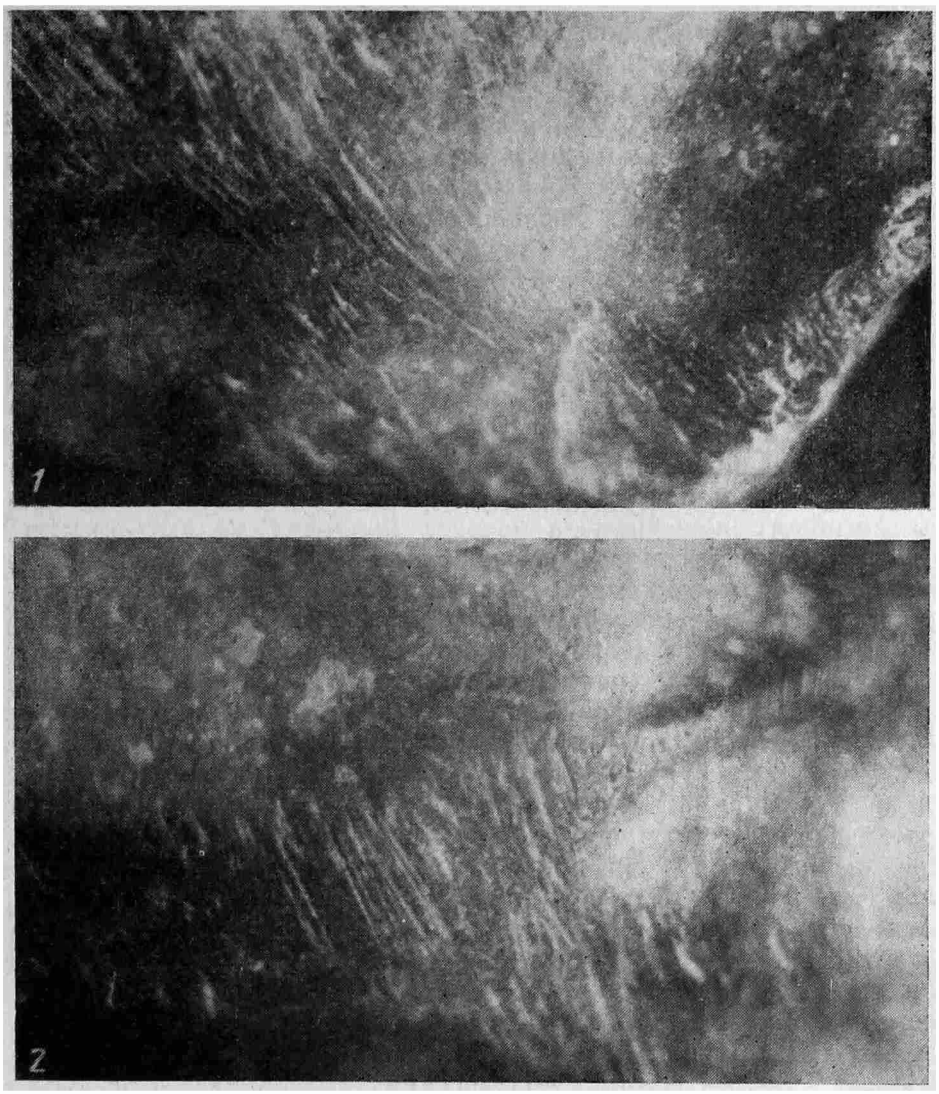


Рис. 4. Микрофотографии рабочей поверхности тесла со следами работы. Увеличено в 6 раз

боты был изменен угол падения тесла на обрабатываемый материал. Изменение угла работы можно объяснить образованием крупной выбоины на лезвии тесла, что привело в негодность данное лезвие. Лезвием стал служить выпуклый участок левее выбоины (рис. 3, *24*б). Теперь орудие находилось под углом к фронтальной плоскости и в процессе работы наклонялось влево. Подобное изменение угла работы из-за разрушения основного лезвия уже наблюдалось на тесле с палеолитической стоянки Каменная Балка II [2]. Но если каменнобалковское тесло является наиболее примитивным по форме из всех известных нам (необработанный первичный отщеп), то гаринское тесло уже имеет хоть и аморфную, но намеренно приданную форму рубящего орудия.

Учитывая, что при работе теслом, зажатым в руке, трудно нанести сильный удар (такой, как тот, что образовал выбоину на лезвии), предполагается, что оно использовалось в рукояти. Поскольку верхушка орудия заострена сколами, можно предположить, что тесло закреплялось в ствол молодого дерева или в натек на стволе, который мог служить для утяжеления рукояти.

В целом гаринский кремень по своему характеру может быть верхнепалеолитическим или мезолитическим. Аргументированная выше связь

его с позднеплейстоценовой фауной (мамонт, медведь, лошадь, сайга) позволяет остановиться на первой из указанных датировок. Циркульные скребки подобного типа (рис. 3, 5) характерны для сибирского палеолита типа Афонтовой Горы II [3], а на Урале — для стоянки им. Талицкого [4]. Близость гаринского комплекса к палеолитическим стоянкам Сибири еще усиливается при сопоставлении его с каменным инвентарем давно известного, но лишь недавно опубликованного Томского местонахождения [5]; их объединяет общий технический облик. Наиболее вероятна финально-палеолитическая дата Гаринского местонахождения.

Обращает на себя внимание несоответствие между огромным количеством и характером фауны и количеством кремня. Кости вымываются Сосьвой в течение не менее 70, а может быть, и на протяжении 100 лет. При этом преобладают крупные, нерасколотые кости. Такое состояние, да и обилие костей не типично для палеолитических стоянок.

Скорее напрашивается вывод, что в этом месте, как и во многих других местах Сибири и Поволжья, течением реки прибивало и отлагало трупы погибших животных, а человек приходил на эти естественные «кладбища» мамонтов и других животных, чтобы воспользоваться шкурами, костью, возможно, мясом, изготовлял здесь необходимые ему орудия и часть их бросал или терял на этом же месте.

Это предположение вполне согласуется с географией местонахождения. В древности «кладбище» мамонтов находилось на крутом повороте реки. Еще сохранилось старое русло р. Сосьвы, которое местные жители называют Курья (на карте лесничества оно названо оз. Курья) (рис. 1). Северный рукав Курьи выходит как раз напротив местонахождения костей. Видимо, именно на это место, где Сосьва делала крутой поворот, течение реки и прибивало трупы погибших животных.

Предположение, что скопление костей сохранилось на поверхности и использовалось в мезолите, мало правдоподобно.

Гаринское местонахождение нуждается в продолжении исследования. Необходимо установить горизонт залегания фауны и раскопать этот горизонт, продолжить раскопки трещин с костями и кремнем и получить на месте подробную геологическую консультацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бадер О. Н., Сериков Ю. Б.* Самая северная палеолитическая стоянка Зауралья.— АО — 1974. М., 1975.
2. *Сериков Ю. Б.* О находке тесла в верхнем палеолите Дона.— СА, 1973, № 3.
3. *Сосновский Г. П.* Позднепалеолитические стоянки Енисейской долины.— В кн.: Палеолит СССР. М.— Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1935.
4. *Бадер О. Н.* Палеолит Урала и его место в древнейшей истории Евразии.— В кн.: Четвертичный период и его история. М.: Наука, 1965.
5. *Абрамова З. А., Матюшенко В. И.* Новые данные о Томской палеолитической стоянке.— В кн.: Из истории Сибири. Вып. 5. Томск, 1973.

АРАЗОВА Р. Б.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ БИТУМА В ДРЕВНЕМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Среди материалов, довольно широко применявшихся человеком в древности, был битум [1, с. 110, 145, 175; 2; 3, p. 460; 4, p. 55]. По химическому составу он разнообразен и распадается на ряд отдельных групп [5, с. 123].

При раскопках раннеземледельческих поселений Азербайджана найдено много орудий труда со следами битума. Так, в Шомутепе встречены остатки от деревянного серпа в виде битумообразной массы и костяной серп с закрепленными каменными вкладышами, в пазу которого сохрани-

лось битумоподобное смолистое вещество [6, с. 283]. На поселении Тойретепе обнаружены пять кремневых вкладышей от серпа со скрепляющей битумообразной массой на поверхности; основа серпа, вероятно, была деревянной и поэтому не сохранилась. Большое число каменных вкладышей и других видов орудий с остатками битума, выявленных на этих поселениях, а также на Гаргалар тепеси и Аликемек тепеси, показывает четкое разграничение рабочего лезвия орудий и их частей, входящих в рукоятку [7, с. 11].

В Хачбулаге в каменном ящике № 4 был найден набалдашник железных вил с налипшими сгустками смолы. Очевидно, здесь битум служил для закрепления отдельных частей орудия [8, с. 224].

Битум использовался также для заклеивания трещин в глиняной посуде (Гобустан, Аликемек тепеси) [9, с. 94]. В Мингечауре [10, с. 112] и в Кабале [11, с. 13] имеются находки украшений (серьги, перстни), заполненные смолистым веществом, очевидно, тоже битумом.

Битум находил применение для различных нужд и в более поздний период, так как находки его часты на средневековых памятниках (Шергях, Кабала, Баку). Сообщения путешественников содержат сведения о нефтяных богатствах Азербайджана. Арабский географ X в. Абульгасан Мас'уди писал, что «...ходят суда по берегу в Баку, где находятся источники белой и других сортов нефти» [12, с. 50]. Марко Поло сообщал: «Издалека приходят за тем маслом, и во всей стране его только и жгут» [13, с. 32].

Жидкие битумы широко использовались в быту для отопления и освещения, о чем свидетельствуют находки многочисленных светильников из средневековых городов. При строительстве битум применялся в качестве скрепляющего и цементирующего материала. Так, на территории Сельбира городища Кабалы в слоях VIII—IX вв. при расчистке мавзолея в нижней части здания и в стенах склепа были обнаружены значительные остатки битума. Здание, на месте которого был построен мавзолей, возможно, было перекрыто битумным раствором [14, с. 21]. По-видимому, жидкий битум использовался в медицине и в военном деле. К сожалению, мы не располагаем археологическими данными, но можно предположить, что уникальная нефть Нафталанского месторождения издавна применялась в лечебных целях. Глиняные сосуды, наполненные смолой, служили зажигательными снарядами. Четыре образца битума из археологических памятников Азербайджана были проанализированы с целью выявления их происхождения. Первые два образца взяты из раннеземледельческих поселений V—IV тысячелетия до н. э.— Аликемек тепеси (Джалилабадский район) и Тойретепе (Казахский район), а остальные два на средневековых памятниках — могильнике Шергях (Шемахинский район) и Сельбире городища Кабала (Куткашенский район).

Образцы вяжущего вещества с Аликемек тепеси и Тойретепе были отправлены для исследования научному сотруднику В. А. Успенскому во Всесоюзный нефтяной научно-исследовательский геолого-разведочный институт (ВНИГРИ) в Ленинград. В. А. Успенский совместно с другими исследователями [1] изучил наши образцы и дал следующее заключение: «Для выяснения характера битума он был извлечен хлороформом, в котором он растворялся нацело. Нерастворившаяся в хлороформе небольшая часть битума была извлечена дополнительно путем обработки дебитуминированной породы спиртобензолом. Тонкий глинистый материал частью проникал через фильтр, и удаление его из экстракта достигалось только с помощью длительного отстаивания раствора. Отделенный от глинистого материала битум после удаления растворителя представлял со-

[1] Исследование битума проводилось А. И. Горской. Элементарный анализ выполнялся в аналитической лаборатории; спектральный анализ золы — в атомно-спектральной лаборатории, руководимой С. М. Катченковым. Пользуясь возможностью, приношу глубокую благодарность всем исследователям, оказавшим нам неоценимую помощь.

бой в обоих случаях твердую хрупкую массу и был подвергнут анализу с определением элементарного и группового (компонентного) состава.

Определение зольности битума, частью, может быть, связанной с примесью коллоидного глинистого материала, дало близкие величины порядка 3,5%. Зола была передана на спектральный анализ в соответствующую лабораторию ВНИГРИ.

	Аликемек тепеси	Тойретепе
Выход хлороформенного экстрата	57,7%	48,4%
Выход спиртобензольного экстрата (в % на исходную породу)	1,8%	1,6%

Приведенные соотношения позволяют с уверенностью утверждать, что извлекающийся спиртобензолом экстракт представляет собой нерастворимую в хлороформе фракцию того же битума и что суммарное количество битума выражается величинами 59,5% в первом случае и 50% — во втором.

При всей случайности цифрового выражения этих характеристик, отражающих соотношения, свойственные грубо неоднородным системам битум — глина, они не лишены интереса, поскольку из них явствует, что битум в его первоначальном состоянии характеризовался близкой с современной консистенцией твердого битума и был весьма ограниченно загрязнен минеральными примесями. Такого рода битум мог иметь, например, жильную природу или происходить из закирований высокосмолистых нефтей, быстро загустевающих после выхода на поверхность и накапливавшихся в условиях, мало благоприятствующих засорению минеральными примесями.

Близость указанных выше параметров, а также приводимых ниже данных характеристик битумов позволяет с достаточной уверенностью принять, что оба исследовавшиеся битума происходили из одной серии аналогичных выходов.

Элементарный состав извлеченного хлороформом битума, %

	Аликемек тепеси	Тойретепе
C	82,58	83,20
H	9,55	9,40
N	0,77	0,69
O+S	7,10	6,71

Групповой состав извлеченного хлороформом битума, %

	Аликемек тепеси	Тойретепе
Масла (включая петролейно-эфирные смолы)	11,81	22,18
Смолы бензольные	10,63	13,26
Смолы спиртобензольные	10,35	6,47
Асфальтены (за вычетом минеральных веществ)	65,92	57,24
	98,71	99,15

Характеристика битума подтверждает относительно малое участие в образовании его интенсивных окислительных процессов, дающих начало типичным закированиям. Битум содержит относительно небольшое количество кислорода, и соотношение в нем бензольных и спиртобензольных смол характерно для жилых асфальтовых битумов или для быстро загустевающих битумов закирований, формирующихся за счет вязких асфальтовых нефтей типа мальта.

Данные спектрального анализа показывают соотношения между ванадием и никелем, типичные для малосернистых нефтей Кавказа. Эти данные следующие (в %):

	Sr	Ba	V	Cr	Ni	Cu	Mn	Sr	Be	Co	Mo	Na
Аликемек тепеси	0,15	0,35	0,01	0,01	0,045	0,029	0,20	0,015	0,0005	0,009	0,002	0,02
Тойретепе	0,04	0,05	0,005	0,007	0,03	0,027	0,17	0,005	—	0,005	0,001	0,5

Не обнаружены: Zn, Sn, Pb, Ge, Sb, >1% Ca, Mg, Al, Fe, Si» [15]

Месторождения битумов обычно связаны с нефтегазоносными областями. Азербайджан издавна славится своими нефтяными богатствами [16]. Верхние нефтеносные пласты залегают здесь на небольшой глубине, во многих местах выходят на поверхность, образуя битумно-кировые отложения. Примером этого является Бинагадинское озеро на Апшеронском полуострове. Здесь в 1938 г. в отложениях кира было найдено целое «кладбище» четвертичной фауны. Благодаря прекрасным консервирующим свойствам кира здесь хорошо сохранились кости животных (пещерного медведя, льва, лошади, быка, благородного оленя, шакала, носорога и др.), остатки растений (груши, можжевельника, гранатника и т. д.) и насекомых [17, 18]. Подобные нефтяные озера существуют на Апшероне и в настоящее время. В районе Хырдалан при разработке кира также неоднократно находили кости и черепа крупных животных [18, с. 16].

Всестороннее исследование образцов битума из двух памятников позволяет установить, что они характерны для асфальтовых битумов Азербайджана. На Аликемек тепеси битум мог быть доставлен из местных выходов нефти, которые имеются как в самом Джалилабадском районе, так и в прилегающей к нему зоне. Что же касается битума на Тойретепе, то можно также допустить его местное происхождение: в районе Саждага и других местах западного Азербайджана имеются выходы нефти и закирования.

Образцы битума из могильника Шергях и с территории Сельбира городища Кабалы были переданы в лаборатории Института геологии АН АзССР[2]. Были определены содержание битума, извлеченного из образцов хлороформом и затем спиртобензолом, а также компонентный состав извлеченного битума (таблица).

Памятник	Выход экстракта, %		Компонентный состав, %			
	хлороформенного	спиртобензольного	асфальтены	смолы		масла
				бензольные	спиртобензольные	
Шергях	39,0	1,64	6,85	0,944	2,66	76,544
Кабала (Сельбир)	43,4	8,56	1,71	1,96	4,396	89,546

По заключению Ш. Ф. Мехтиева, исследованные битумы представляют собой эпинафтиды, приближающиеся к асфальтенам. По-видимому, эти битумы в свое время были извлечены из различных выходов. В частности, битум из могильника Шергях принадлежит к многочисленным естественным проявлениям закированности на поверхности или выбросам грязевых вулканов, изобилующим в Шемахино-Кобыстанской нефтеносной области. Что касается образца из Кабалы, то, поскольку в данном районе естественные нефте- и битумопроявления отсутствуют, битум мог быть сюда доставлен, вероятнее всего, из Шемахинского района.

[2] Приношу глубокую благодарность академику Ш. Ф. Мехтиеву, любезно сообщившему результаты исследования.

Исследование битума их археологических памятников Азербайджана приводит к следующим выводам: 1) нефтяные богатства Азербайджана давали возможность местным жителям широко использовать битумы в быту и хозяйстве; 2) битумы использовались с древнейших времен, получив большее распространение в средние века, когда они становятся предметом торговли; 3) анализ битумов из археологических памятников показывает, что они характерны для асфальтовых битумов Азербайджана; 4) определены источники сырья для каждого указанного памятника. Выходы нефти и закирований в западных областях (Тойретепе), в Джалилабадском районе (Аликемек тепеси), в Шемахино-Кобыстанской области (Шергях) позволяло использовать местное сырье; 5) в районе городища Кабала не имелось естественных выходов нефти, вероятно, поэтому сырье доставлялось из близлежащих областей.

Новые археологические находки битума дадут возможность более детально выяснить характер применения этого древнего материала. Поэтому в дальнейшем необходимо провести изучение большой серии образцов битума из различных памятников Азербайджана.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вулли Л.* Ур халдеев. М., 1961.
2. *Попенко С., Глебов В.* Древний материал с большими перспективами. Наука и жизнь, 1974, № 2.
3. *Mellart J.* Excavations at Hacilar. Edinburgh, 1970.
4. *Wright J.* Obsidian Analyses and Early Trade in Near East: 7500—3500 B. C. Michigan, 1969.
5. Основы генетической классификации битумов.— Тр. ВНИГРИ, 1964, вып. 230.
6. *Нариманов И. Г.* Древнейшие серпы Азербайджана.— СА, 1964, № 1.
7. *Нариманов И. Г.* О земледелии эпохи энеолита в Азербайджане.— СА, 1971, № 3.
8. *Кесаманлы Г. П.* Погребение с бронзовым поясом из Хачбулага.— СА, 1966, № 3.
9. *Мурадова Ф. М.* Гобустан в эпоху бронзы. Баку: Элм, 1979 (на азерб. яз.).
10. *Бабаев И. А.* Памятники глиптики Азербайджана античной эпохи и раннего средневековья. Канд. дис. Баку, 1965. Архив ИИ АН АзССР, ф. 1, оп. 11, д. 5831.
11. *Казиев С. М.* Археологические раскопки в Кабале (отчет за 1961 г.). Архив ИИ АН АзССР, ф. 1, оп. 11, д. 4981 (на азерб. яз.).
12. Мас"уди. Луга золота и рудники драгоценных камней. (Пер. Караулова Н. А.).– СМОМПК, 1908, вып. 38, отд. 1.
13. Путешественники об Азербайджане (рукопись). / Сост. Ямпольский З. И. Архив ИИ АН АзССР, ф. 11, оп. 8, д. 4745.
14. *Казиев С. М.* Об археологических исследованиях и раскопках города Кабалы до 1952 г. Архив ИИ АН АзССР, ф. 1, оп. 11, д. 4821.
15. Письмо В. А. Успенского автору от 9.VII.1973.
16. *Мехтиев Ш. В.* Основные этапы геологического изучения нефтегазоносных областей Азербайджана. Баку: Изд-во АН АзССР, 1968.
17. *Богачев В. В.* Бинагади. Кладбище четвертичной фауны на Апшеронском полуострове. Баку: Изд-во АзФАН СССР, 1939.
18. *Богачев В. В.* Картины первобытной природы Апшерона. Баку: Изд-во АзФАН СССР, 1940.

ДЕРЖАВИН В. Л., ТИХОНОВ Б. Г.

ПОГРЕБЕНИЕ ЛИТЕЙЩИКА ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ НА СТАВРОПОЛЬЕ

Летом 1976 г. Александровский отряд Ставропольской археологической экспедиции Института археологии АН СССР производил раскопки курганного могильника Веселая Роща I в Александровском р-не Ставропольского края. Могильник находился на полях совхоза «Искра» на левом берегу р. Томузловки, левого притока Кумы, в 2,5 км к востоку от хутора Жуковского Новоселицкого р-на Ставропольского края. В результате исследования кургана № 3 (высотой 1,45 м и диаметром 45 м) было обнаружено пять погребений бронзового века и одно эпохи железа, причем основное погребение было полностью ограблено.

Настоящая публикация посвящена погребению, зафиксированному под № 3 [1]. Оно впускное, находилось на глубине 2,05 м от вершины на-

[1] Полностью публикация материалов могильника Веселая Роща I планируется после окончания его исследования.

Рис. 1. План погребения литейщика: *1* — литейные формы для топоров; *2* — бронзовый нож с рукоятью из рога; *3* — бронзовое шило; *4* — набор каменных кузнечных инструментов; *5* — бронзовые бусы; *6* — остатки глиняного тигля; *7* — курильница; *8* — кубок; *9*, *10* — фрагменты двух сосудов

сыпи и в 5 м к юго-западу от условного центра кургана. Могильная яма имела неправильную подпрямоугольную форму (1,80×1,20 м) и была ориентирована в направлении СВ—ЮЗ. Заполнение ее состояло из чернозема. На дне ямы лежали четыре скелета: один взрослого человека и три детских (рис. 1).

Мужской скелет лежал на левом боку в скорченном положении головой на северо-восток. Череп очень плохой сохранности покоился на левом виске, обращенный лицевой стороной к юго-востоку. Правая рука была под тупым углом согнута в локте, а кисть ее лежала на тазовых костях. Левая рука была вытянута, и кисть ее находилась на левой бедренной кости. Ноги были согнуты в коленях так, что пяточные кости почти касались таза. Скелет окрашен охрой фрагментарно: крылья таза, ключицы, кости рук, ступни ног.

Два младенца в возрасте одного-двух лет находились справа от взрослого в скорченном положении на левом боку, головами ориентированы также на северо-восток. Третий ребенок грудного возраста лежал в ногах взрослого в скорченном положении головой на северо-запад. Из-за плохой сохранности его костей трудно было определить, на каком именно боку он покоился. Все три детских костяка была окрашены охрой.

Исключительно богатым оказался сопровождающий погребение инвентарь. Перед лицом мужского скелета лежал бронзовый нож листовидной формы с хорошо отполированной рукоятью из рога животного

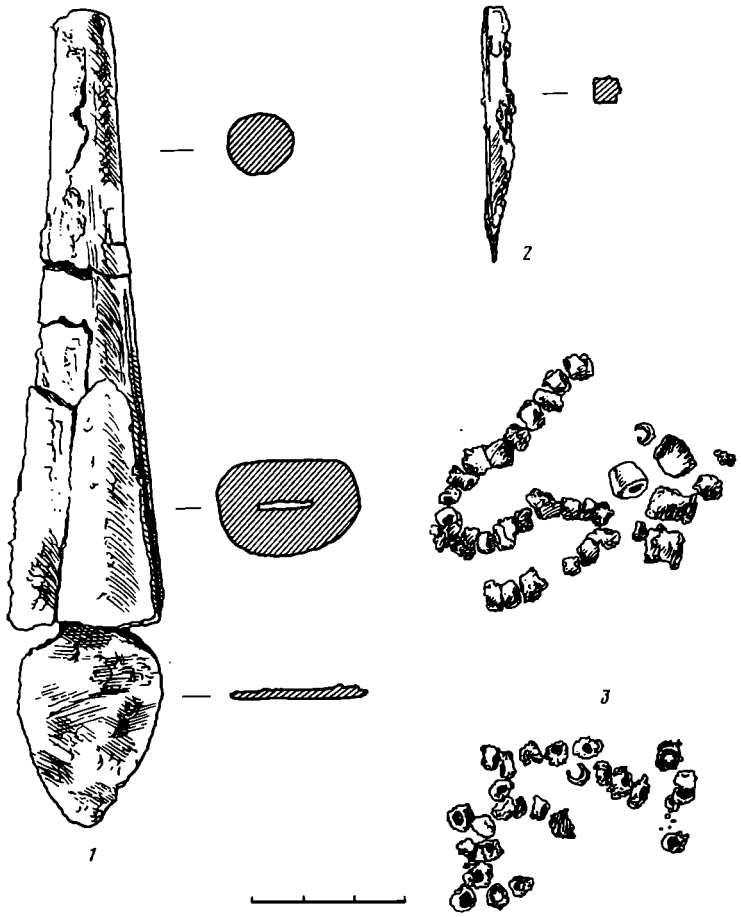


Рис. 2. Вещи из погребения: *1* — бронзовый нож с рукоятью из рога; *2* — бронзовое шило; *3* — бронзовые бусы

(рис. 2, *1*). Общая длина ножа составляла 17 см, длина самой рукоятки 12 см, максимальная ширина ножа 3 см. Здесь же находилось бронзовое четырехгранное в сечении шило (рис. 2, *2*) с остатками костяной ручки. Длина самого шила составляла 5,5 см, а с ручкой — 9 см.

У северо-восточной стенки могильной ямы лежала плохо сохранившаяся курильница светло-коричневого цвета на пяти сросшихся в основании в виде креста ножках. Высота ее 7,5 см, диаметр 17 см (рис. 6, *3*). Поскольку курильница сохранилась не полностью, трудно сказать, имела ли она отделение внутри. Орнамент на внешней стороне курильницы был выполнен посредством оттиска шнура и вдавлениями полой палочки, круглой в сечении. Здесь же вместе с курильницей лежали остатки глиняного тигля и целый набор каменных кузнечных инструментов [2].

1. Обломок песчаниковой плитки. Использовался как абразив для заточки металлических изделий (рис. 3, *1*). 2. Галька эллипсоидной формы. Рабочими поверхностями служили участки боковых сторон (рис. 3, *2*). 3. Пест-молоточек подцилиндрической формы, изготовлен из песчаниковой породы камня. В работе использовались торцовые и боковые поверхности орудия (рис. 3, *3*). 4. Пест-молоточек усеченно-конусовидной формы, изготовлен из песчаниковой породы камня, зашлифован (рис. 3, *4*). 5. Пест-наковальня цилиндрической формы с двумя рабочими поверхностями. Орудие изготовлено из сланцевой породы камня, зашлифовано на абразиве (рис. 3, *5*). 6. Галька плоско-выпуклая (рис. 3, *7*). 7. Пест-молоточек неправильной цилиндрической формы, изготовлен из песчани-

[2] Анализ каменных орудий произведен Н. Н. Скакун в лаборатории первобытной техники ЛОИА АН СССР.

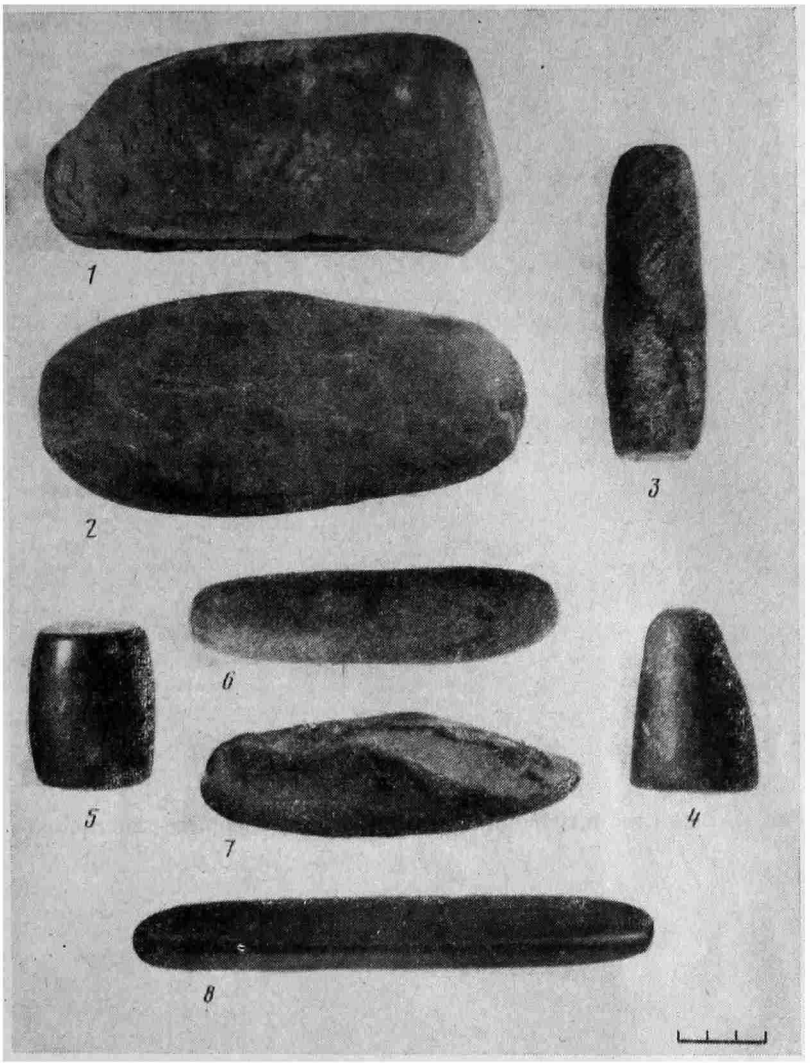


Рис. 3. Вещи из погребения: *1—8* — набор каменных кузнечных инструментов

ковой породы камня. В работе использовались как торцовые части орудия, так и боковые поверхности (рис. 3, *6*). 8. Сланцевый брусок, четырехугольный в сечении. Эта форма специально придана орудию путем тщательной шлифовки на абразиве (рис. 3, *8*).

Около колена левой ноги мужского скелета лежали две пары глиняных литейных форм для отливки втульчатых топоров (рис. 4, *5*). Длина одной пары составляла 25 см, длина другой 20 см. Судя по плохому качеству изготовления створных литейных форм, мы здесь скорее всего имеем дело не с настоящими литейными формами для отливки топоров, а с их муляжами, изготовленными специально для погребального инвентаря. Об этом, во-первых свидетельствует почти полное отсутствие на внутренних сторонах створок покрытия каолином, в связи с чем формы совершенно непригодны для литья, а во-вторых, две малые створки, несмотря на то, что они лежали в паре, использовались для отливки разных топоров (рис. 5). Заливка металла в такие формы могла бы производиться в щель со стороны брюшка.

На головах двух младенцев, лежавших справа от литейщика, были обнаружены ожерелья из бронзовых бочонкообразных бус (рис. 2, *3*), а также три небольшие, плохо сохранившиеся бронзовые застежки у пояса. У головы младенца, лежавшего в ногах у литейщика, был найден

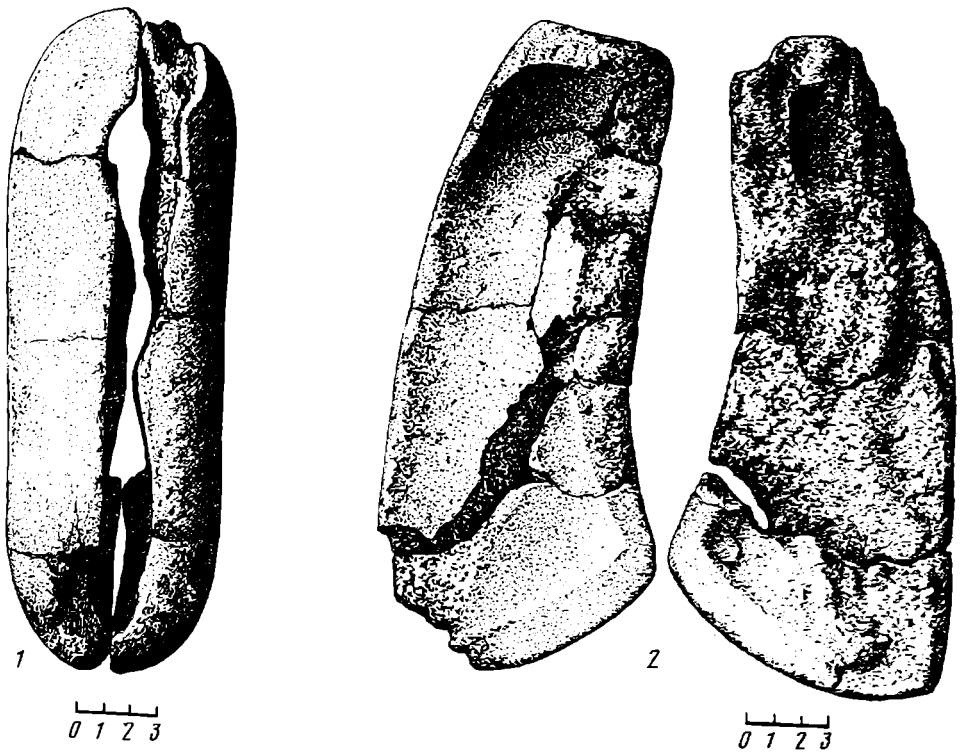


Рис. 4. Вещи из погребения: *1*, *2* — литейные формы для топоров

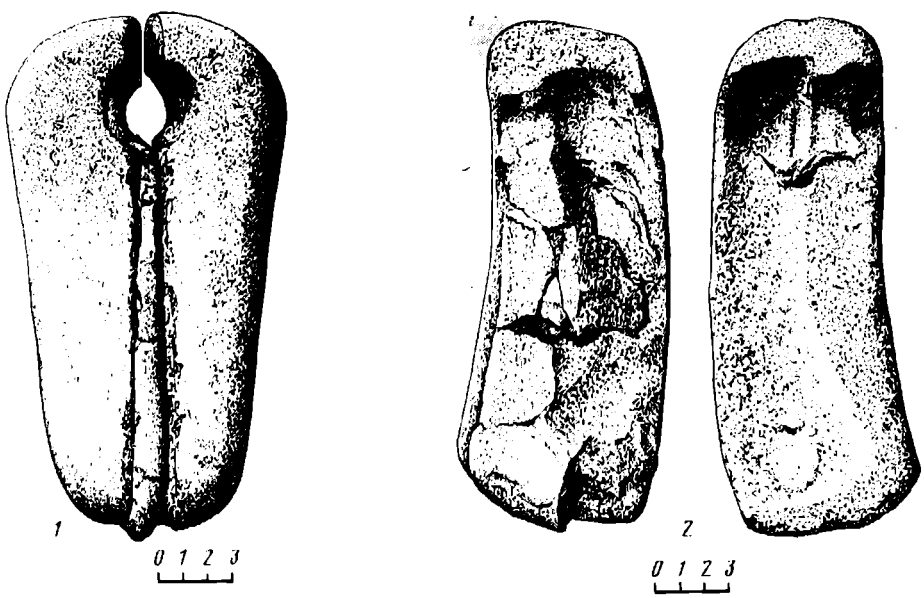


Рис. 5. Вещи из погребения: *1*, *2* — литейные формы для топоров

маленький лепной кубок серого цвета с налепом чуть ниже венчика (рис. 6, *2*). В верхней части кубок украшен шнуровым орнаментом. Высота его 4,5 см, диаметр венчика 7,5 см, диаметр дна 3,6 см. Внутри кубка лежал кусочек мела.

У северо-восточной стенки могильной ямы, рядом с набором каменных орудий, во фрагментах лежали два лепных сосуда. Восстановить из них

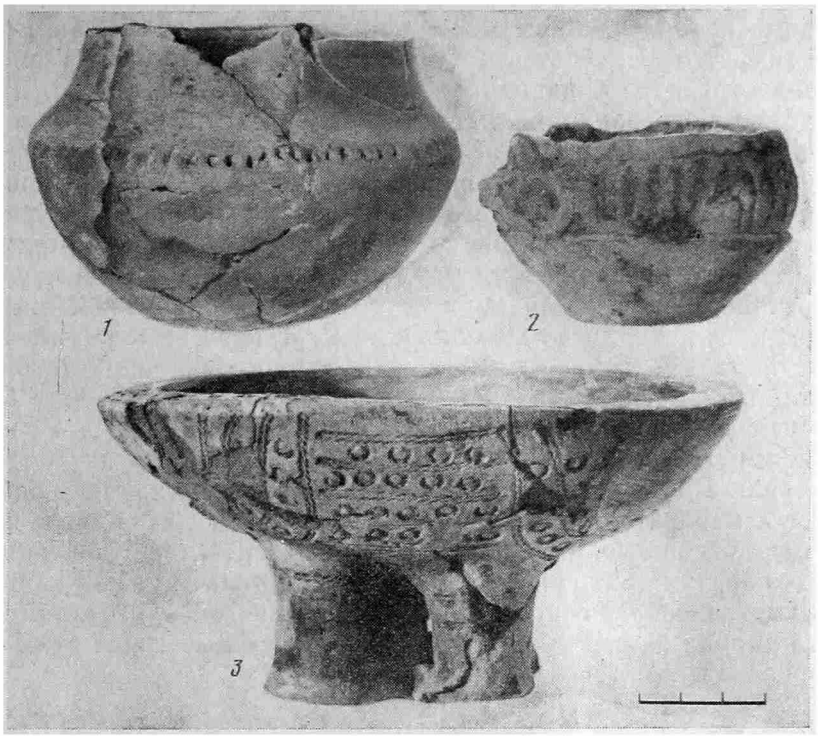


Рис. 6. Вещи из погребения: *1* — лепной сосуд; *2* — кубок; *3* — курильница

удалось только один. Это небольшой сосуд с относительно высоким цилиндрическим горлом, хотя край самого венчика не сохранился. Цвет его светло-коричневый. В верхней части этого сосуда по перегибу нанесены ногтевые насечки (рис. 6, *1*). Высота сохранившейся части 7 см, приближенный диаметр венчика 8,2 см, диаметр дна 5,5 см.

По обряду и инвентарю настоящее погребение можно с полным основанием отнести к предкавказской катакомбной культуре и датировать второй четвертью II тысячелетия до н. э. На Северном Кавказе это пока первое и единственное погребение литейщика эпохи средней бронзы [3]. По подсчетам Е. Н. Черныха, таких погребений, на территории СССР немногим более 10 [1, с. 166]. В последней своей сводке погребений литейщиков на территории Восточной Европы В. С. Бочкарев насчитывает их 13 [2, с. 48—53]. В ареале распространения катакомбной культурно-исторической общности они известны на Украине [3; 4] и на Нижнем Дону [5, с. 202, 203]. Собственно, в памятниках других культур среднебронзового века Восточной Европы известно по одному-два погребения литейщика. Это относящийся к абашевской культуре Пепкинский курган в Марийской АССР [6], погребения фатьяновских литейщиков в Чурачикском кургане в Чувашии [7] и Волосово-Даниловском могильнике на Верхней Волге [8, с. 165], погребения литейщиков полтавкинской культуры из Калиновского курганного могильника и у с. Жутово [9—11]. В. С. Бочкарев убедительно доказал, что отсутствие погребений литейщиков в ряде культур бронзового века с развитой металлообработкой объясняется тем, что погребальный обряд их не отражал профессиональной специализации погребенных [2, с. 53]. Специализация ремесел нашла наиболее яркое выражение в погребальном обряде катакомбных племен. В последние годы открыто уже немало погребений других мастеров (изготовителей кремневых орудий, «плотников»).

[3] Погребение литейщика раннебронзового времени открыто в 1979 г. в Краснодарском крае в ходе работ Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР. Доклад А. Н. Гея 24 марта 1980 г. на заседании Новостроечного сектора ИА АН СССР.

Наличие в могиле трех младенцев подтверждает мысль Е. Н. Черных о том, что ремесленные объединения металлургов в эпоху средней бронзы носили индивидуально-семейную форму [1, с. 160—162]. Публикуемое погребение является первым коллективным захоронением литейщика с членами его семьи, в то время как литейщик из Пепкинского кургана был погребен в одной братской могиле с погибшими вместе с ним соплеменниками. Богатство и разнообразие сопровождающего инвентаря делают это погребение уникальным. Особенно примечателен набор каменных кузнечных инструментов для доработки изделий, впервые встретившийся в таком количестве в погребениях этой категории и превосходящий находки из Пепкинского кургана. Весьма примечательной находкой является листовидный нож с отполированной роговой ручкой. В катакомбных погребениях такие ножи чаще всего находят без ручек или изредка встречаются их остатки из дерева [5, с. 95], а с роговой рукоятью нож найден впервые.

Спектральный анализ металлических предметов из погребения, проведенный в лаборатории ИА АН СССР, показал их принадлежность к мышьяковистой бронзе, имеющей северокавказское происхождение [4].

Таким образом, находка литейщика свидетельствует о наличии собственной металлообработки у племен предкавказской катакомбной культуры, что вполне объяснимо, если учитывать тесные связи этих племен с их северокавказскими соседями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М.: Наука, 1976.
2. *Бочкарев В. С.* Погребения литейщиков эпохи бронзы.— В кн.: Проблемы археологии, вып. 2. Л.: Наука, 1978.
3. *Шапошникова О. Г.* До питання про металлообработку у племен донецкої катакомбної культури. Археологія, 1971, № 1.
4. *Гладких М. И., Писларий И. А., Кротова А. А., Гераськова Л. С.* Исследования на Ворошиловградчине.— АО — 1975. М., 1976.
5. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова думка, 1976.
6. *Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимова М. М.* Пепкинский курган. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1966.
7. *Каховский В. Ф.* Чурачикский курган в Чувашии.— СА, 1963, № 3.
8. *Крайнов Д. А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М.: Наука, 1972.
9. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— МИА, 1959, № 60.
10. *Шилов В. П.* Погребение литейщика катакомбной культуры в Нижнем Поволжье.— КСИА АН СССР, 1966, № 106.
11. *Качалова А. К.* Культурная принадлежность калиновского «литейщика» и Колтубанского погребения.— В сб. СГЭ, 1962, вып. XXII.

[4] Спектральный анализ произведен С. Н. Кореневским.

ЗДАНОВИЧ Г. Б., ПЛЕШАКОВ А. А.

КАМЕННАЯ СКУЛЬПТУРА ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ ПРИТОБОЛЬЯ

В 1977 г. на правом берегу р. Тобол у г. Кустаная обнаружена каменная скульптура, изображающая сидящего человека. Предмет найден на пашне в 2 км юго-западнее центральной усадьбы совхоза Мичуринский В. М. Елисеевым. Позднее в этом же районе был обнаружен ладьевидный терочный камень. Оба изделия поступили в Кустанайский краеведческий музей.

Осмотр места находок показал, что оно приурочено к возвышенному останцу первой надпойменной террасы. Весной даже в годы больших разливов останец островом выделяется среди затопленных берегов. По словам В. М. Елисеева, на пашне находился небольшой холм, состоящий из чернозема, который разровняли бульдозером. Возможно, что речь шла о древнем кургане, и, вероятно, именно из него и происходит каменная

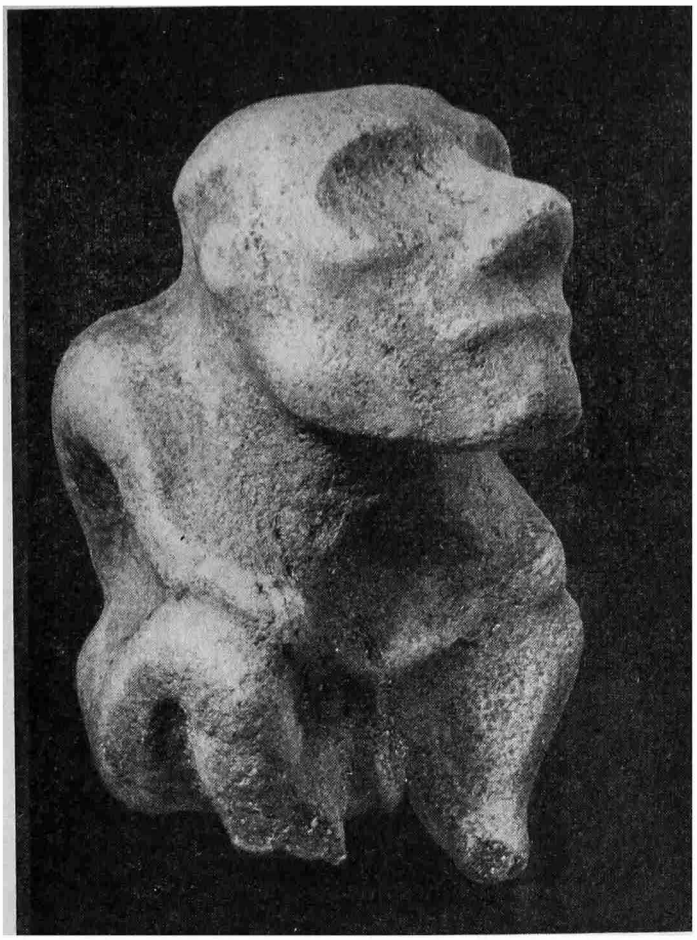


Рис. 1

скульптура. Во всяком случае топография местности, отсутствие характерных для культурного слоя находок свидетельствуют о том, что здесь мог быть расположен могильник, но не поселение.

Скульптура выполнена из коричневого гранита точечной техникой в сочетании с подшлифовкой. Высота изделия 202 мм, вес 4 кг, сохранность хорошая. Некоторые повреждения имеются только в нижней части предмета — здесь фиксируется ряд мелких сколов и отбито основание правой ноги. Все повреждения нанесены в древности.

Скульптура изображает сидящего обнаженного мужчину, ноги его широко расставлены, кисти рук с едва намеченными контурами пальцев лежат на коленях. Крупная, поданная вперед голова низко посажена на короткую массивную шею (рис. 1; 2). Лицо обращено вверх, глаза, переданные овальными впадинами, устремлены в небо. Четко выражены переносица и крутые надбровные дуги. Нос крупный, высокий; тяжелому волевому подбородку с ямочкой приданы некоторые геометрические очертания. Нижняя челюсть кажется особенно массивной из-за подчеркнутых желваков. Узкие, плотно сомкнутые губы выполнены выступающим рельефом. Лоб низкий, убегающий назад. Уши намечены легкими выступами. Во всем облике нарочитое несоблюдение пропорций — здесь же все асимметрично: ноздри, скулы, уши, высота черепа; асимметричность подчеркнута и соотношением высоты плеч, и ракурсом головы, чуть повернутой влево.

Если в изображении головы преобладают реалистические черты, то остальные части тела, за исключением торса и признаков пола, переданы в стилизованной манере. Однако при всей условности сохраняется стрем-

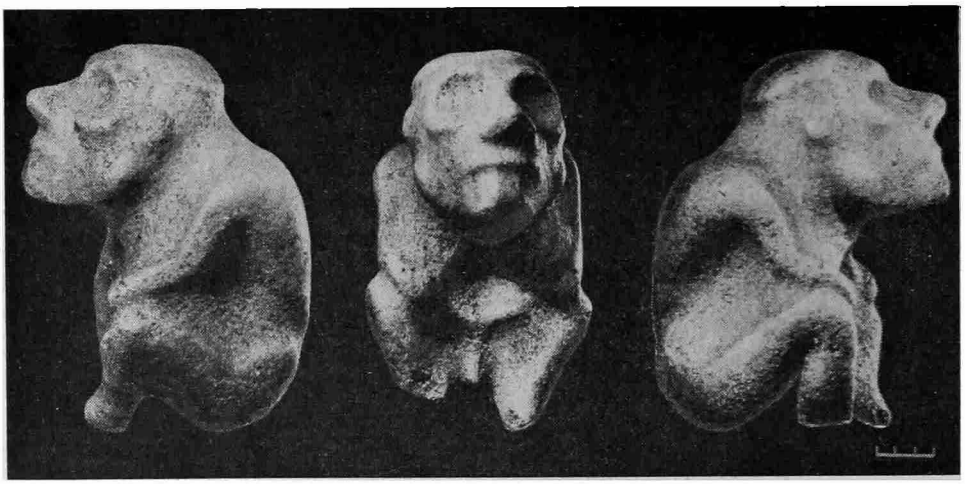


Рис. 2

ление воплотить в камне в обобщенном виде все характерные анатомические особенности строения человека. Тело от плеч до ног оформлено тремя четко различающимися плоскостями. Выпуклая грудная клетка выделяется за счет вогнутой полусферы живота. Нижняя часть тела с фаллосом отделена от живота легким рельефом, условно подчеркивающим линию от бедер до лобкового бугорка.

Совершенством и знанием натуры отличается изображение со стороны спины — широкие плечи, узкий таз, бедра плавно переходят из одной плоскости в другую (рис. 3). Линия позвоночника углубленным каналом идет от шеи до крестца. Мастер старается использовать структуру камня, совмещая позвоночный ствол с естественной прожилкой в граните.

Описанная находка относится к кругу антропоморфной скульптуры Прииртышья [1, с. 55—62]. Однако сегодня можно назвать только одну достаточно близкую аналогию этому предмету — нуринский пест [2, с. 199—202]. Произведения пластического искусства с Нуры и Тобола объединяет общая художественная традиция, в которой своеобразно сочетаются символика и реализм. Значительную близость легко уловить в трактовке черепа, ушей, в характерной выпуклой линии губ. Тобольская и нуринская скульптуры дают представление об одном и том же антропологическом типе. Они изображают людей с широким скуластым лицом и массивным выступающим подбородком, с высоким носом, четко очерченными надбровными дугами и низким скошенным лбом.

Следует отметить одинаковый характер повреждений, зафиксированный на обоих предметах. На нуринской скульптуре крупные сколы идут по основанию песта, кроме этого отмечен выщербленный участок на верхнем конце изделия. Совершенно аналогичные следы «сработанности» имеются и на тобольской находке. Здесь отбито основание правой ноги, повреждена грубым сколом левая, ряд легких сколов хорошо заметен и в других местах нижней части скульптуры, а на голове четко видна заполированная от работы площадка. Поскольку все повреждения сделаны в древности, не остается сомнений, что оба изделия использовались при отправлении каких-то ритуальных обрядов, о смысле которых можно высказать только предположения. Символика предметов свидетельствует об определенной связи с фаллическим культом: нуринский пест с тыльной стороны представляет собой изображение фалла, у тобольской скульптуры признаки пола тоже подчеркнуты.

Как известно, различные фаллические обряды и культы нашли широкое отражение и в древних, и в современных религиях. Этнографические наблюдения показывают, что основное их назначение связано со сферой

хозяйства, и прежде всего земледелия [3, с. 382]. В этом плане интересно отметить, что с поселений бронзового века Северного Казахстана известны предметы из кости и рукояти каменных мотыг, изображающие фалл.

При публикации нуринской находки ее дата оговаривалась весьма осторожно — «...не ранее середины II тыс. до н. э...» [2, с. 202]. Вполне возможно, однако, что время появления произведений пластического искусства Северного Казахстана впоследствии можно будет удревнить, во всяком случае до конца III — начала II тысячелетия до н. э. Такое предположение основано на широком изучении памятников бронзового века Зауральского региона. Выявление здесь петровских и синташтинских комплексов свидетельствует о необычно высоком уровне развития металлургии и скотоводческо-земледельческого хозяйства во второй четверти II тысячелетия до н. э. Тобольская и нуринская находки будут, вероятно, принадлежать пока еще не открытому пласту, который с хронологической точки зрения должен находиться где-то между известными нам памятниками раннего металла и началом петровского этапа алакульской культуры. Этот пласт был связан с активным восприятием и освоением всех основных элементов хозяйства производящего типа, которое определило развитие степей и лесостепей Южного Урала, Казахстана и Западной Сибири на протяжении целого тысячелетия.

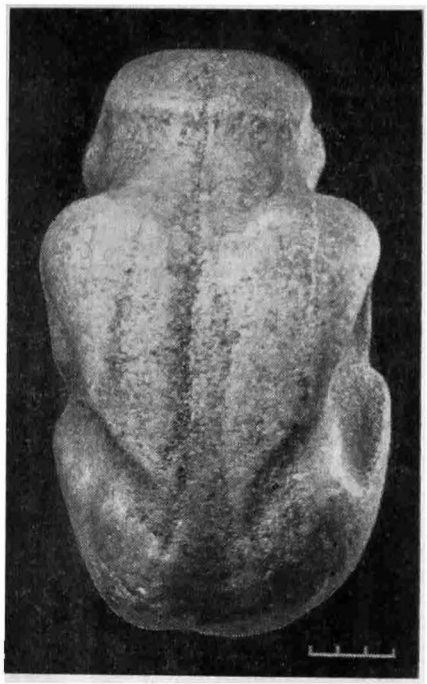


Рис. 3

В пользу более ранней даты обеих скульптур могут свидетельствовать предметы, обнаруженные в районе находок. Недавно удалось установить точное местонахождение нуринского песта. При осмотре обнаружены довольно грубый клиновидный нуклеус из кварцита и две пластинки из яшмовидной породы. Как уже указывалось, недалеко от тобольской находки, на пахоте, встречен ладьевидный терочный камень раннего облика.

Тобольская скульптура принадлежит, безусловно, к лучшим образцам первобытного искусства. Она свидетельствует о том, что мы стоим на пороге открытия еще одной замечательной страницы человеческой культуры. Значительная близость тобольского и нуринского изваяний указывает, что перед нами не единичное явление, не озарение одного гения, а закономерный этап в длительном и сложном развитии первобытного искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мошинская В. И.* Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.: Наука, 1976.
2. *Зданович Г. Б., Мошинская В. И.* Об антропоморфном изображении из Приртышья.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973.
3. *Токарев С. А.* Ранние формы религии и их развитие. М.: Наука, 1964.

КЫЗЛАСОВ И. Л., НАЩЕКИН Н. В.

ИЗВАЯНИЕ С ЕНИСЕЙСКОЙ НАДПИСЬЮ С ОЗЕРА АЧИК-КУЛЬ

(Хакасия)

В 1971 г. в г. Красноярске при земляных работах на стрелке р. Качи (угол проспекта Мира и улицы Просвещения) скульптором Абдрахимовым была найдена и позднее передана в музей часть каменной стелы с антропоморфной личиной на одной стороне и рунической надписью на оборотной [1]. Камень был подобран в качестве поделочного материала, и лишь позднее, при подготовке его к использованию, была выявлена древняя антропоморфная личина. К тому времени земляные работы на стрелке уже были закончены и точное место находки установить не удалось.

Изваяние представляет собой обломок четырехгранного столба из серого песчаника. Размеры сохранившейся части 0,57×0,26—0,28×0,22—0,25 м. Грани камня частично повреждены при земляных работах (рис. 1). На одной из широких граней вырезана антропоморфная личина. Лицо слегка уплощенное, выгнутое в середине. Линия бровей переходит в прямой длинный нос. Глаза выполнены в виде линзовидных углублений, рот — в виде двух соединенных дугообразных канавок углами вниз. На лбу на 2—3 см выше бровей имеется неглубокая округлой формы лунка (рис. 1). На боковых гранях намечены уши в виде дугообразных канавок.

На оборотной широкой грани вырезана руническая надпись, насчитывающая около 40 знаков, размещенных в три строки. Эта грань имеет характерный естественный рельеф.

Подобные личины хорошо известны среди памятников «окуневского времени», как среди скульптурных изваяний, так и в мелкой пластике [1, табл. VIII; 2]. Но все аналогичные находки сделаны гораздо южнее — в Хакасско-Минусинской котловине. Обоснование существования в древности такого памятника в районе Красноярска сразу резко передвинуло бы на север границу распространения аналогичных изваяний [2]. Поэтому важно выяснить, откуда происходит данная находка.

Район, где был найден обломок древнего изваяния, представляет собой наиболее старую часть Красноярска. Это бывшая Старобазарная площадь, совпадающая с территорией Красноярского острога конца XVII—XVIII в., с его административным центром. Последнее обстоятельство для нас особенно важно. В 1894 г. в приложении к своему труду «Сибирские древности» академик В. В. Радлов опубликовал выдержки из «Миллерова рукописного описания Сибирского путешествия его». В записи, датированной 1739 г., Г. Ф. Миллер сообщает: «Мне рассказывали, что около соленого озера Ачик-куль прежде стояла древняя каменная статуя, которую года три тому назад вместе со статуей при ручье Тоюме отвезли в Красноярск. Впоследствии я видел ее в Красноярске и приказал снять с нее рисунок... (Она вышиною в человеческий рост и изображает, кажется, женщину.) Она замечательнее всех других тем, что у нее на спине находится надпись» [3, с. 87—106]. Здесь же В. В. Радлов опубликовал копию рисунка, сделанного по приказанию Г. Ф. Миллера в Красноярске (рис. 2). Об этой статуе Г. Ф. Миллер упоминает и в своей инструкции для адъюнкта Фишера: «14) У одной такой статуи, стоявшей некогда при соленом озере на запад от Енисея, а теперь находящейся в Красноярске, имеется на спине неизвестная надпись» [3, с. 108].

[1] Хранится в фондах Красноярского краевого музея.

[2] Появилось сообщение о находке подобного изваяния при впадении р. Тасеевой в Ангару — см. Красноярский комсомолец, 1976, 5 октября, с. 4.

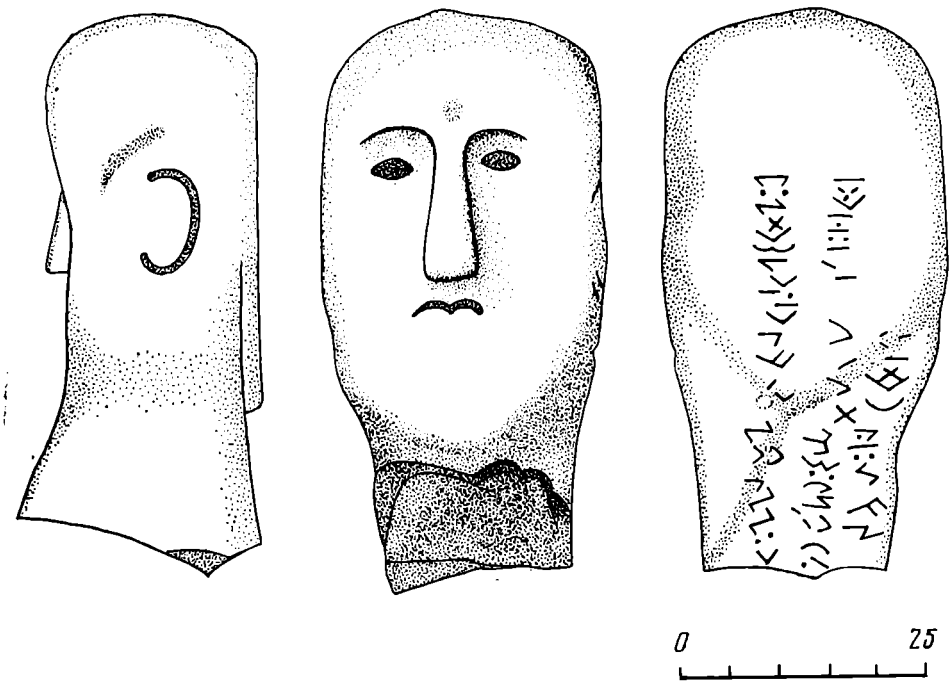


Рис. 1. Часть изваяния с Ачик-куля, найденная в Красноярске в 1971 г.

При сравнении изваяния, найденного на р. Каче в Красноярске, с рисунком Г. Ф. Миллера (рис. 2) можно проследить достаточно большое число сходных черт. Абрис нашей личины в целом повторяет рисунок, приводимый Г. Ф. Миллером. Разница лишь в том, что на рисунке Миллера более четко выделен подбородок и крылья носа, а рот, в общем повторяющий очертания рта нашего изваяния, имеет поднятые кверху уголки губ. На рисунке Миллера несколько иначе переданы глаза. Линия скола передней грани нашего изваяния в общем повторяет очертания верхней границы второй типичной окуневской личины — «нагрудника», изображенной на рисунке Миллера ниже головы скульптуры. Верхняя часть оборотной стороны изваяния имеет характерную форму несколько выступающего вперед неправильного овала, обращенного острым концом вниз. Совершенно идентичное строение камня мы видим на рисунке Миллера. Надпись нашего изваяния и прориси знаков на рисунке Миллера имеют некоторые разночтения, но знаки, находящиеся в характерных точках рельефа камня, совпадают. Разночтения в написании знаков, возможно, возникают за счет ошибок, допущенных рисовальщиком, копировавшим по поручению Миллера надпись.

Таким образом, можно считать установленным, что найденная на стрелке Качи верхняя часть изваяния происходит именно от того изваяния, которое видел в Красноярске Г. Ф. Миллер в 1739 г. Г. Ф. Миллер упоминает, что изваяние было перевезено около 1736 г. в Красноярский острог вместе с другой статуей, стоявшей около ручья Тоюм. Судя по описанию маршрута путешествия, «Тоюм» Миллера — это современная речка Туим, текущая с северо-западных склонов Батеневского кряжа и впадающая в оз. Белё в Ширинском районе Хакасской автономной области. В этом районе достаточно много соленых озер, есть и дер. Соленоозерная, где прежде вываривали поваренную соль. И хотя топоним Ачик-Куль ни на современных картах Хакасии, ни на довольно подробных картах Минусинского уезда бывшей Енисейской губернии не значится, можно полагать, что первоначально изваяние находилось именно в этой местности. Это тем более вероятно, что Г. Ф. Миллер упоминает об изваянии, описывая свое путешествие по этому же району. По-хакасски Ачы-кӧл означает «горько-соленое озеро». Такое название могло применяться к одному из соле-

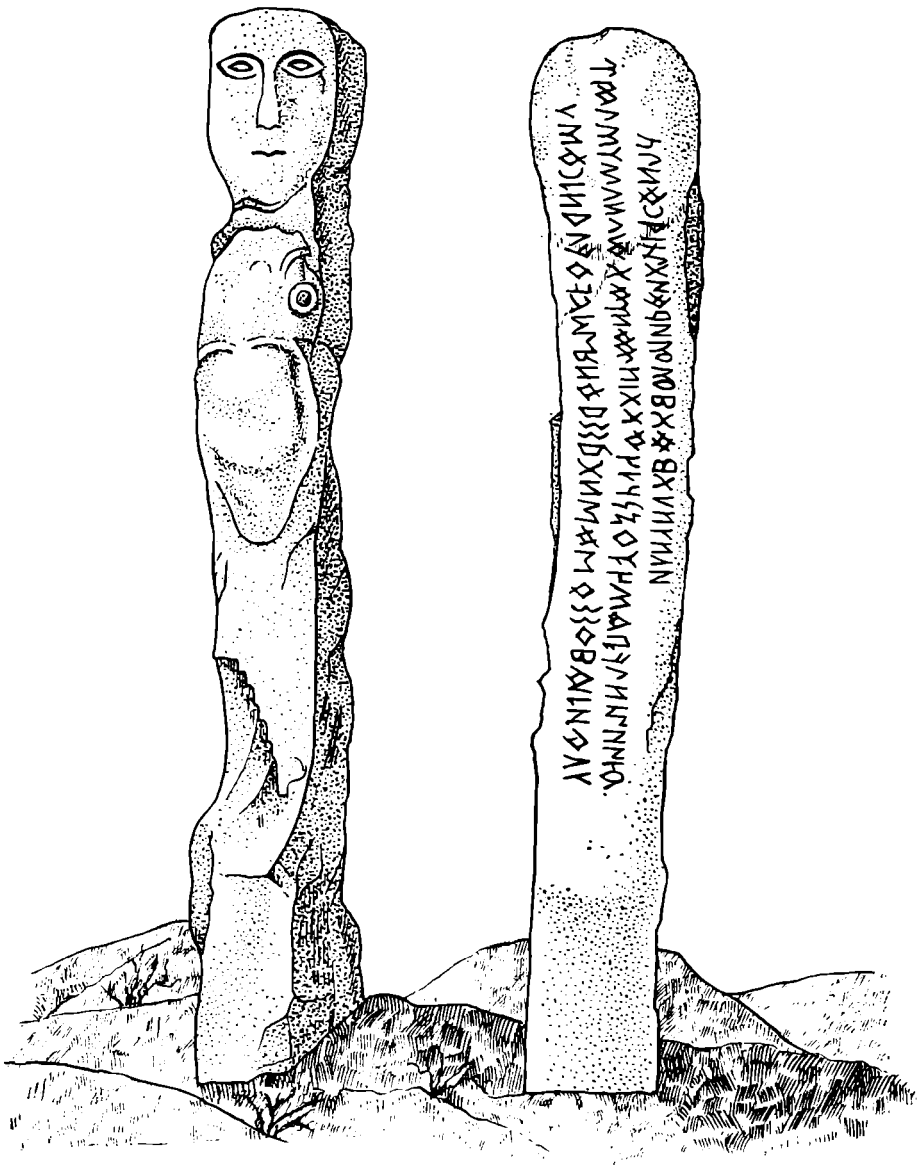
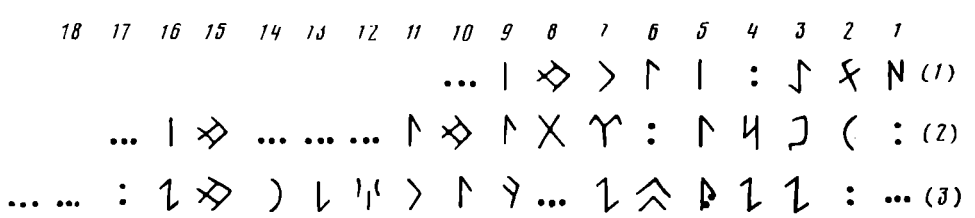


Рис. 2. Рисунок стелы с Ачик-куля, выполненный по распоряжению Г. Ф. Миллера в 1739 г.

ных озер этого края. Обычно соленые озера хакасы называют просто Тускóл («соленое озеро»).

Ознакомление с рисунком, сделанным в 1739 г., позволяет заключить, что чтение надписи по старой прорисовке невозможно.

Имея лишь прорисовку части надписи (рис. 3), мы можем предложить только самый предварительный ее разбор. Это обусловлено не только фрагментарностью текста, но и отсутствием возможности работы с оригиналом для одного из авторов.



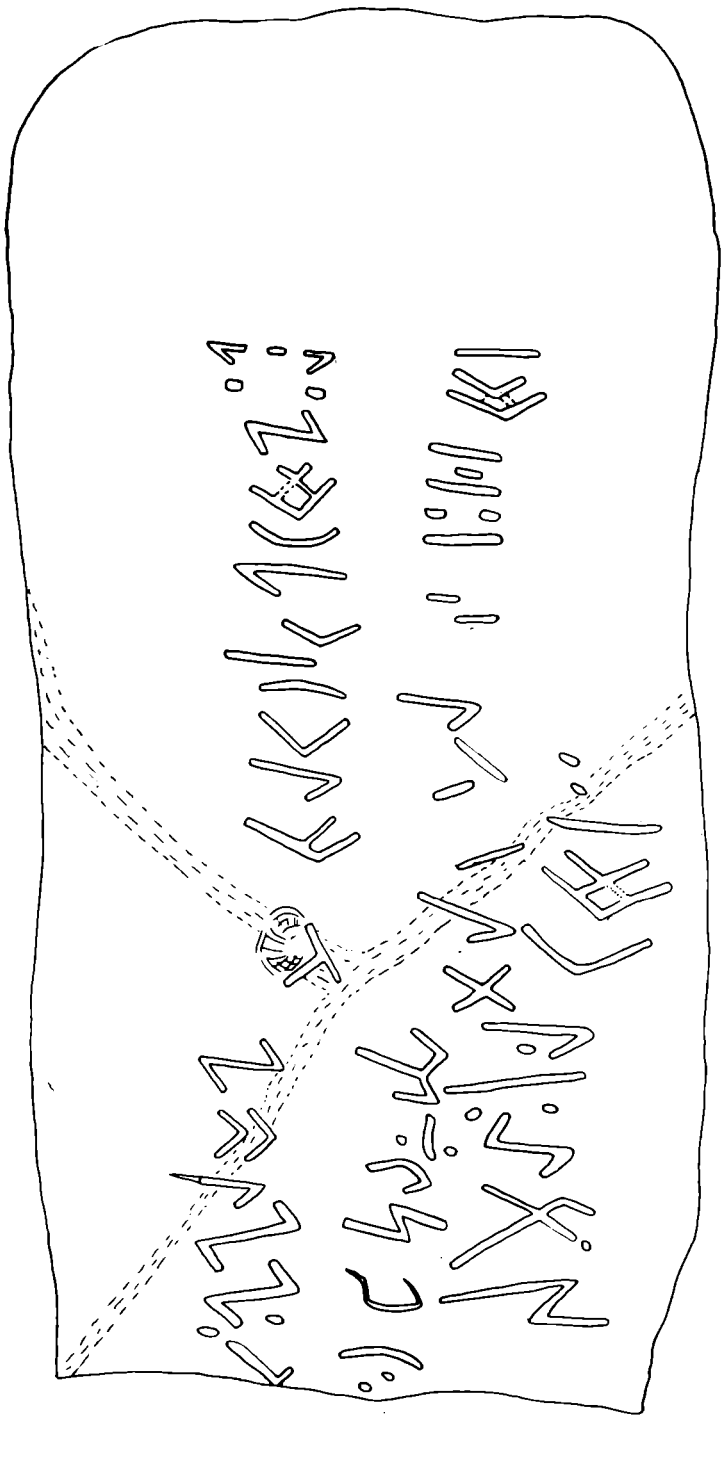


Рис. 3. Прорисовка рунической надписи на изваянии с Ачикуля (выполнена Н. В. Нащекиным)

Среди девяти представленных на обломке изваяния знаков первой строки (четвертый является словоразделителем) можно прочесть лишь первые три. В прорисовке Г. Ф. Миллера им предшествуют три отождествимых с енисейскими рунами знака: «к^1», «б^1» (или «j^2») и «м». Первый в силу своей велярности не может относиться к первому слову обломка. То же относится и ко второму, если видеть в нем «б^1». Ни вариант «j^2», ни присоединение «м» не помогают в чтении знаков 1—3 и, возможно, не составляют с ними одного слова. Если это так, то перед нами «ӱзӓ» — «наверху, вверху, сверху» (подобное написание слова известно в памятниках енисейской письменности) [3] [4, с. 62] или послелог с большим количеством зависящих от контекста значений [5, с. 629]. Последующие знаки строки прочесть не удается, хотя прорисовка Миллера и добавляет к ним еще три последних знака: «т^2» (скорее, «р^1» в связи с имеющейся новой прорисовкой), «и» («ы»), «т^2». Можно лишь указать звуковое значение знаков 6—8: «и» («ы»), «о» («у») и «м».

Количество знаков во второй строке точно определить не удается из-за плохой сохранности второй ее половины. Эта строка неровная, семь первых знаков (два словоразделителя) располагаются на одной линии, но ниже последующих. Тем не менее все знаки составляли одну строку и читались подряд, так как ее изгиб пришелся на одно слово, начинающееся седьмым знаком. Если первое слово — четыре знака, изолированные словоразделителями,— прочесть не удается, то последующее (начиная с седьмого знака), вероятно, «ӓрдӓм» — «доблесть, достоинство» — в форме или «ӓрдӓмим» (с аффиксом принадлежности первого лица единственного числа), или «ӓрдӓми» (с аффиксом принадлежности третьего лица).

Последнее кажется более вероятным, так как различимый за остатками знака «м» знак «и» обычно не обозначался на письме в аффиксе «-им». В памятниках енисейской письменности слово «ӓрдӓм» обычно писалось как «р^{2}д^{2}м». Но известно и более редкое «подробное» написание «р^{2}д^{2}ӓм» [4, с. 94—96; Е 48, *2*, *8*] [4]. Вероятно, такое написание было и на рассматриваемом памятнике. Знак 9 не мог в этом слове иметь начертание, представленное на прорисовке — «и(ы)», а, несомненно, имел и утраченный небольшой штрих внизу слева, симметричный верхнему, т. е. читался как «ӓ». В этом убеждает и наклонное, а не вертикальное положение длинной (основной) черты.

Третья строка сохранилась лучше других. Из 18 ее знаков (2 словоразделителя) читаются 12. Знаками 5—7, несомненно, записано известное в енисейских текстах горестное восклицание «jыта» — «увы», «о, горе». Но знак 5 в прорисовке, вероятно, передан неполностью. Знак «ы» часто встречается в полном написании этого слова — «jыта», но тогда должно быть и «j^1». В данном же случае перед знаком 5, несомненно, написано «а» («ӓ»). Вероятнее всего, прорисовка не выявила нижнюю часть знака 5, представляющего собой «j^1». В этом убеждает и сравнение с воспроизведением надписи в рисунке Миллера. Итак, написание междометия в этой надписи — «j^{1}т^{1}а». Оно находит себе многочисленные аналогии на других енисейских памятниках [4, с. 16, 51, 54, 61, 64, 79]. Знаки 9 и 10 демонстрируют наиболее употребимую на енисейских памятниках запись числительного «ӓ̈ки» — «два». Насколько известно, оно лишь на одном памятнике написано полностью [4, с. 97; Е 49, *3*]. По всей вероятности, оно и в нашем тексте имело полное написание — знак 8 скорее всего представляет собой вариант написания «ӓ». В этом убеждает и прорисовка Миллера, и тот неоправданно длинный пустой участок в строке, который пришлось бы признать при кратком написании числительного. Знаками 11—16 написано «оғл^{1}н^{1}ма» — слово «оғлан» — «сын» с аффиксом принадлежности первого лица единственного числа и окончанием дательного падежа. Ве-

[3] Третий памятник с Уйбата, строка 5.

[4] Е (здесь и далее) — памятники енисейской письменности (нумерация по списку Древнетюркского словаря).

роятно, показателем этого же падежа является и знак 3, отделенный (как это иногда встречается в енисейских текстах по отношению к аффиксам) от остальной части слова (в данном случае, скорее всего, оформленной аффиксом принадлежности «-им» — знак 1). Если это верно, то знак 4 имеет здесь функцию словоразделителя — прием, довольно частый в енисейских надписях. Употребление его сразу за показателем дательного падежа известно в енисейских памятниках [4, с. 94, Е 48, *6*]. Иначе сложно объяснить соседство двух знаков «а» («ӓ») и увязать его с контекстом. Употребление дательного падежа в подобной ситуации по многочисленным примерам енисейской эпиграфики связано с глаголом «адыр-» — «разделять, разлучать, отделять друг от друга», вернее, с формой его страдательного залога или с глаголом «бӧк-» — «наслаждаться, удовлетворяться» в отрицательной форме того же залога. Если по прорисовке Миллера нельзя убедиться, что третья строчка завершалась каким-либо из этих глаголов, то и все ее содержание, и употребление дательного падежа убеждают, что он здесь во всяком случае подразумевался. В целом третья строка переводится так: «...от моих..., увы, от двух моих сыновей (я отделился)», т. е. умер. Или «...моими...увы, двумя моими сыновьями (я не насладился)», т. е. умер.

В самом начале третьей строки в прорисовке Миллера удается еще прочесть «ӓлимкӓ бӧкмӓдим» («моим элем я не насладился»). Особенность надписи здесь заключается в использовании знака «д^1» вместо нужного «д^2» в слове «бӧкмӓдим». Подобная замена рун — явление довольно редкое. Можно указать лишь один аналогичный случай [4; Е 44, *2*]. Судя по такому началу этой строки, она не является в надписи первой. На памятнике строки, вероятно, располагаются справа налево.

Этих наблюдений над небольшой частью текста вполне достаточно, чтобы прийти к выводу, что надпись на изваянии из окрестностей Ачикуля является эпитафией и пополняет собой значительный ряд хорошо известных науке памятников эпиграфики средневековых хакасов. Из особенностей надписи следует отметить использование в одном тексте двух разных написаний для «ӓ» («а») (в словах «ӓрдӓм» и «ӓки»), причем один из этих вариантов здесь же представлен по-разному: в более привычном (в словах «ӱзӓ» и «ӓрдӓм») и зеркальном, перевернутом справа налево положении (слова третьей строки). Не связано ли это с различием звуков, которые передавались всеми этими знаками? Везде в третьей строке — твердое «а», а не «ӓ»; начальное «ӓ» в слове «ӓки» не тождественно «ӓ» во втором слоге «ӓрдӓм». Зеркально в сравнении с более употребимой манерой написан в этом тексте и знак «л^1» (в слове «оɤлан»), «д^1» использован вместо «д^2».

Возможность относительно точного картографирования места первоначального нахождения надписи позволяет определеннее включать и территорию Северной Хакасии в ареал распространения средневековых эпитафий. Для датировки этой надписи остается единственный способ — палеографические наблюдения.

Условия обнаружения этого интересного памятника в 1971 г. несомненно свидетельствуют о необходимости строгого научного контроля за проведением любых земляных работ на территории бывшего Красноярского острога, да и на всей территории Красноярска. В пределы города теперь вошли места важнейших и всемирно известных памятников древней истории, таких, как Афонтова гора и Часовенная гора. Осуществление постоянного контроля является прямой обязанностью сотрудников Краевого общества охраны памятников и Краевого музея.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
2. *Вадецкая Э. Б.* Древние идолы Енисея. Л.: Наука, 1967.
3. *Радлов В. В.* Сибирские древности. Т. I. вып. 3.— МАР, 1894, № 15.
4. *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
5. Древнетюркский словарь. Л., 1969.

МАКАРОВА Т. И., МАРКОВИН В. И.

ЗОЛОТОЕ УКРАШЕНИЕ С ПЕРЕГОРОДЧАТОЙ ЭМАЛЬЮ ИЗ СЕНТИНСКОГО ХРАМА

Сентинский храм, стоящий над сел. Верхняя Теберда в Карачаево-Черкесии, не менее известен в литературе, чем Шоанинская и Зеленчукские церкви. Вот уже двести лет, как привлекает он внимание ученых и путешественников (впервые упоминается Якобом Рейнеггсом, 1776 г.) [1, S. 279]. Можно сказать, что почти с первых лет научного изучения Кавказа шло также исследование Сентинского храма. Достаточно напомнить имена Я. Потоцкого (1798 г.), Г.-Ю. Клапрота (1807—1808 гг.), П. И. Кеппена (1825 г.), чтобы заметить неослабевающий интерес к храму и его фрескам. В 1829 г. архитектор Иван Бернардацци, ведавший застройкой курортов Пятигорья, составил описание этой постройки и ее настенной живописи. Тогда же он вынужден был констатировать, что полы в церкви разрушены кладоискателями, которые «думали найти под оными зарытые сокровища» [2, с. 117—119]. Раскопки, предпринятые здесь же Н. А. Нарышкиным в 1867 г., по его словам, были совершенно напрасны [3, с. 359].

К концу XIX в. В. М. Сысоев, А. Н. Дьячков-Тарасов и художник И. А. Владимиров более определенно, чем первые исследователи, говорили о Сентинском храме как о создании византийских зодчих [4, с. 115; 5, с. 4—8; 6, с. 1—14].

Не останавливаясь детально на ходе его изучения такими специалистами, как П. Г. Бутков, П. С. Уварова, Е. Д. Фелицын, И. И. Толстой, Н. П. Кондаков и др., нужно отметить, что время его постройки ими определялось в пределах IX—XI вв. Эта дата подтверждается архитектурными особенностями храма, стилем его фресок. Новейшие визуальные исследования, проведенные в Сентах Д. М. Павловым, Т. М. Минаевой, В. А. Кузнецовым, позволяют указывать на X—XI вв. [7, с. 258; 8, с. 65; 9, с. 80].

Сентинский храм представляет собой здание крестообразного плана (рис. 1). Закругленная алтарная часть у него обращена строго на восток. Все три нефа церкви имеют входные проемы, над которыми сделаны окна. Центральная часть увенчивается барабаном, ритмично расчлененным восемью удлиненными окнами. Опорой для него служат подпружные арки. Барабан некогда завершался шатровым покрытием. Снаружи алтарная абсида укреплена шестиступенчатым стилобатом. Несколько позже создания основного ядра здания к его рукавам были пристроены довольно низкие притворы, завершавшиеся первоначально угловатыми фронтонами. Длина храма с запада на восток (без притворов) 10,60 м, с юга на север 8,20 м, высота около 11 м (без шатра).

В 1891—1895 гг. храм под руководством монахини Екатерины (Макаровой) был очищен от многовекового мусора и в нем были настланы деревянные полы. С 1897 г., когда на территории Сентов образовался Спасо-Преображенский монастырь, ремонтные работы были продолжены (ими руководила настоятельница Раиса), что несколько изменило внешний облик храма — появились главки над притворами в виде луковиц, купол над барабаном и прочие детали [10, с. 33 и сл.], придавшие ему традиционный облик русской церкви.

В ходе всех переделок, реставраций и случайных кладоискательских раскопок были сделаны в храме интересные находки. В одном из притворов найдена византийская монета X в. (эпохи Константина и Василия), серебряная лжица с елочным орнаментом, кадильница с цепью, остатки митры с «фальшивыми каменьями», обломок стеклянной чаши [7, с. 258]. Все это указывало на необходимость тщательного исследования всей площади древней постройки. В 1976 г. Горнокавказской экспедицией

Рис. 1. Сентинский храм в ущелье р. Теберды

ИА АН СССР под руководством В. И. Марковина были проведены самые тщательные зачистки внутри храма[1]. Они позволили обнаружить два захоронения [11, с. 110—111; 12]. Наибольший интерес представляет захоронение 1, находившееся в южном рукаве храма, под завалом из строительных остатков (рис. 2). Интересно, что в нем были найдены отдельные предметы (пуговки-бубенчики, сердоликовая жуковина и пр.), явно происходившие из гробницы, и более поздние — обломок фаянсовой миски с люстровым узором, нож, железные наконечники стрел с длинными черешками. Ниже завала были расчищены три каменные плиты, прикрывавшие гробницу. Они опирались на сухую кладку, выложенную в скальной яме. Вдоль ее южной стены (здесь кладки не было) лежал плохо сохранившийся гроб, вырубленный из целой деревянной колоды и прикрытый крышкой (длина его 1,86 м, ширина 0,63—0,53 м, высота 0,30 м). Эта колода была обита медными листами разных размеров. Костяк в гробу отсутствовал (найдены лишь обломки трубчатых костей), хотя в нем лежали отдельные предметы и четыре золотых браслета. В узком пространстве гробницы вдоль северной стены, не занятом колодой, были найдены кости человека, среди них сильно фрагментированный череп девочки-подростка. В процессе расчистки гробницы обнаружены обрывки ткани, покрытые золотым шитьем, и большое количество различных предметов (127 наименований), в том числе вещи из серебра и золота, вставки-жуковины из драгоценных камней и фаянса, стеклянные стразы, пуговицы-бубенчики и пр. Среди основной массы находок, которые можно отнести ко времени не позже XII в., выделяются предметы XIV в. Это нож, железные наконечники стрел, аналогичные тем, что были найдены над гробницей (в завале). К этому же времени относится второй обломок чаши, покрытой мазками люстра. Оба фрагмента, и найденный над гробницей, и в ее камере, могли принадлежать только одному сосуду. Находки XIV в. указывают на время вооруженного ограбления храма и гробницы. Это могло произойти в 1396 г., когда полчища Тамерлана, проникнув на территорию Карачаево-Черкесии, двигались к массиву Эльбруса [13, с. 107].

[1] В исследовании храма принимали участие М. И. Каленкина, Н. А. Багровников, И. Н. Давыдов, И. Г. Сиволапова, А. И. Лопатин, С. Н. Алексеев, Г. Я. Вилков, Г. А. Лебедева, Е. Ю. Макарова, Н. А. Ежова.

Среди находок, сделанных в гробнице, самой замечательной является круглое золотое украшение сложного устройства с вмонтированной в него пластиной с перегородчатой эмалью. Оно лежало под гробом (с правой его стороны) в северной части камеры. Диаметр публикуемого предмета 3,8 см, диаметр центрального медальона с эмалевым изображением 1,9 см, толщина вещи 0,55 см. Золото 958-й пробы [2], общий вес предмета 15,87 г.

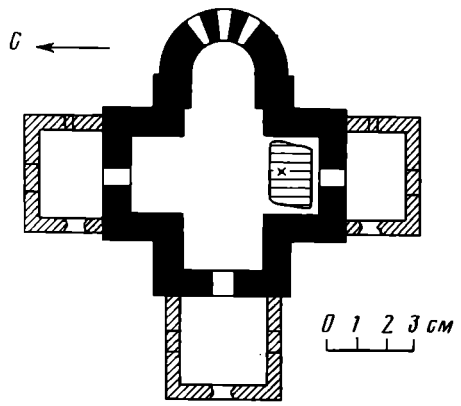


Рис. 2. Схематический план Сентинского храма с приделами; Х — расположение гробницы погребения 1

В настоящее время богатая оправа украшения повреждена в верхней части: разорван бордюр из сканно-зерневых розеток и проделано отверстие в желобке для жемчужной обнизи, обрамлявшей центральную вставку с эмалью. В таком виде украшение попало в состав погребения 1. Вероятно, жемчуг, примененный в оправе, тогда еще сохранялся. До нас он не дошел из-за неблагоприятных почвенных условий.

Совершенно ясно, что это оригинальное украшение бытовало долго. Можно говорить о двух периодах его жизни. От первого сохранились медно-красные следы припоя в верхней части, что логично объяснить бывшей на этом месте петлей для подвешивания. В таком виде сентинскую находку можно трактовать как подвеску, входившую в состав нагрудного украшения. В этом случае обратную сторону должна была закрывать отсутствующая ныне золотая пластина[3].

Второй период в жизни украшения наступил тогда, когда петля для подвешивания была утрачена и, судя по грубым нарушениям оправы, оторвана вместе с задней пластиной. После этого украшение в руки ювелира не попадало. Новый его владелец просто пробил в драгоценной вещи отверстие, позволившее использовать ее как подвеску. В этом виде она и попала в руки археологов.

Прежде чем пытаться отыскать ее место в ряду известных нам, близких по стилю предметов, опишем и проанализируем это уникальное произведение ювелирного дела (рис. 3, 4). Судя по конструкции украшения, пышная золотая оправа была с самого начала предназначена для обрамления именно той пластины с эмалью, которая сохранилась по настоящее время. Никаких следов переделок центрального щитка нет. С него мы и начнем наш анализ.

В технике перегородчатой эмали на пластине изображена птичка, стоящая в профиль с повернутой назад головой. По общему рисунку она напоминает птичек, украшавших колты и рясна золотого женского убора Киевской Руси. У нее округлая головка, короткий клюв, хвост с веерообразно расходящимися перьями.

Сюжет с птицей был очень популярным в искусстве средневековья. Подобные птички, изображенные в профиль, с головкой, повернутой назад или обращенной вперед, идущие или стоящие, имелись и на страницах рукописей, и на предметах парадного убора, на тканях и на посуде. Однако аналогии сентинской птичке надо искать на изделиях, исполненных в технике перегородчатой эмали. Трудности этой сложнейшей

---

[2] Определение ювелира Е. В. Екимянца (г. Ставрополь). Вещь хранится вместе с другими находками из Сентинского храма в Ставропольском краевом краеведческом музее им. Г. К. Праве (инв. № 19648).

[3] Не исключена возможность, что это золотое украшение могло находиться на драгоценном окладе иконы в качестве дара.

Рис. 3. Золотое украшение с перегородчатой эмалью из Сентипского храма (небольшое увеличение)

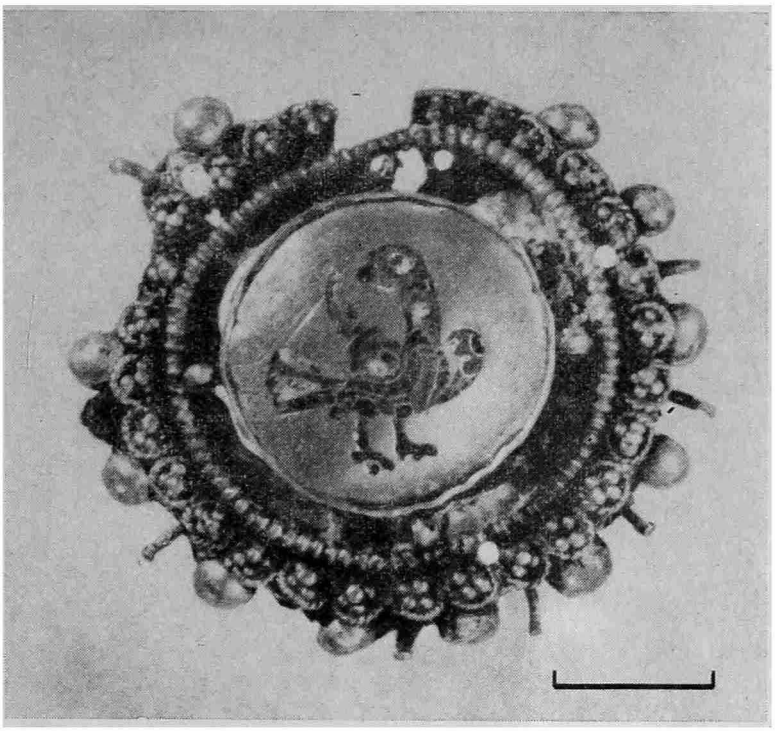


Рис. 4. Золотое украшение с перегородчатой эмалью из Сентинского храма (большое увеличение). Фото

ювелирной техники обусловливали удивительную стабильность иконографии изображений, запечатленной в изделиях разных мастеров, мастерских и художественных центров.

Ни одна коллекция изделий с перегородчатой эмалью не содержит такого количества вещей со светскими сюжетами, как парадный эмалевый убор Древней Руси. Изделия родины перегородчатых эмалей Византии и ее первой ученицы Грузии принадлежат в массе своей к предметам культового назначения. Поэтому обращение к эмальерному делу Древней Руси в данном случае представляется логичным. Правомерно также привлечь в качестве аналогии знаменитую корону Константина IX Мономаха (XI в.) из Национального музея в Будапеште [14; 15, с. 271]. Сравним изображения птиц на древнерусских украшениях с эмалью и птиц на византийской короне Константина IX Мономаха с той, что помещена на центральной вставке сентинской подвески (рис. 5, *1, 2*). Она вполне оригинальна. Действительно, древнерусские мастера чаще всего следуют той манере разделки тела птицы, которую они восприняли от греческих эмальеров: покрывают туловище птички кружками, на крыле помещают крин, продольными перегородками показывают оперение хвоста. К обязательным атрибутам относится ожерелье на шейке, переданное сплошной лентой.

Древнерусские мастера иногда усложняли эту схему за счет более дробной разделки крыла с крином и продольными полосками (рис. 5, *3, 6, 8, 9*). Кроме того, они любили подчеркивать динамичность изображения птицы данным в отрыве от корпуса крылом и приподнятой в шаге лапой (рис. 5, *8, 9—11*). В тех случаях, когда изображения птиц были очень мелкими, мастер, вместо того чтобы замыкать перегородку в кружок, укладывал ее в виде волны или завитка (рис. 5, *4, 5*).

Сравнивая птичку на центральной вставке сентинского украшения с упоминавшимися изображениями, убеждаемся, что мастер, изготовивший ее, вовсе не следовал тому канону, который древнерусские эмальеры вос-

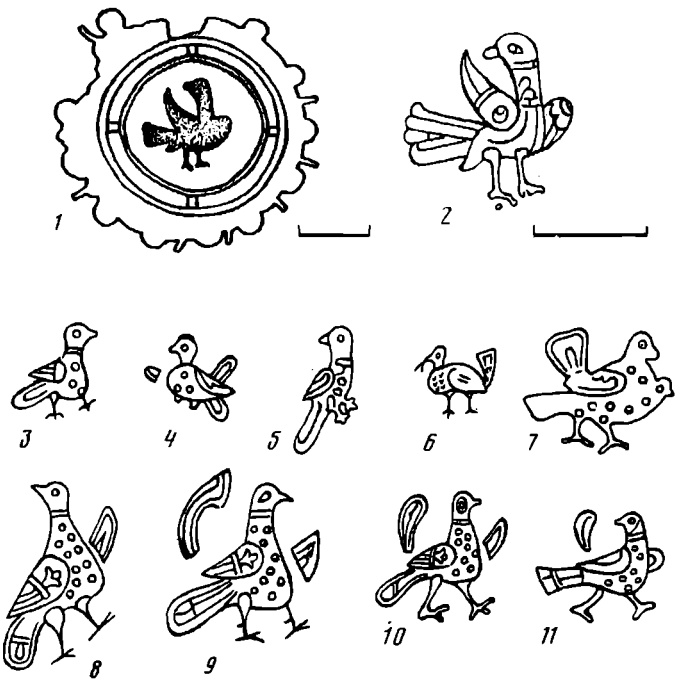


Рис. 5. Медальон из Сентинского храма (*1*, схематическая прорись) и эмалевые изображения птиц (*2—11*): *2* — из Сентинского храма (увеличенная прорись); *3*, *8* — на колтах из Киева; *4* — на рясах из Сахновки; *5* — на короне Константина Мономаха; *6* — на колте из городища Княжа Гора; *7* — на бляшке из Киева; *9—11* — на рясах из Киева. *3*, *4*, *6—11* — по Т. И. Макаровой [16]; *5* — по В. П. Даркевичу [15]

приняли от своих греческих учителей. Птица сентинского украшения изображена стоящей и как бы готовой взлететь: хвост ее приподнят, одно крыло направлено вверх. На длинной шее широкое ожерелье, оперение хвоста показано веерообразно расходящимися перегородками, обычные кружки на туловище и крины на крыльях отсутствуют. Перед нами индивидуальное решение традиционного сюжета.

Своеобразие такого решения подчеркивается и цветовой гаммой. В целом она типична для византийских эмалей XI в., так как построена на сочетании четырех тонов — синего, красного, зеленого и белого — и не содержит желтого, характерного для XII в. Если обратиться к древнерусскому эмальерному делу, отражавшему на свой лад эволюцию его в Византии, то можно заметить, что вместе с желтым тоном цветовая гамма эмалей XII в. обогащается появлением бирюзовых и пепельных красок, не считая оттенков синего и зеленого. На украшении из Сентинского храма использованы эмали, довольно бедные по цвету: тусклый зеленый, сероватый белый, светлый синий тона. Лучше всего смотрится красная эмаль, ровного сургучного оттенка. Судя по цветовой гамме, эмалевая вставка сентинского украшения исполнена в одной из второстепенных (провинциальных?) мастерских Византии и не позднее XI в.

Рассмотрим теперь оправу украшения с эмалью. Продуманность и тонкость ее исполнения несомненны. Основу оправы составляет золотая пластина в 0,5 мм толщиной, изогнутая по кругу так, что внутренние края ее, загибаясь, обрамляют центральную вставку с эмалью, внешние кончаются золотыми «жемчужинами», перемежающимися со штифтами,

на которые были насажены ныне утраченные настоящие жемчужины. Об участии жемчуга в оправе украшения свидетельствуют предусмотренный конструкцией оправы желобок с четырьмя петлями для пронизи с жемчугом и следы ее под левым крылом птицы. Таким образом, нить довольно мелкого жемчуга обрамляла вставку с эмалью. В колористическом отношении жемчуг хорошо сочетается с эмалями, придавая их игре еще большую прелесть. Это знали византийские, западноевропейские, грузинские и русские мастера-эмальеры. В данном случае жемчуг был применен в двух вариантах — нанизан на нить, продетую в золотые петли, и насажен на золотые штифты.

Следующий конструктивный элемент оправы — туговитая сканная золотая нить (с прямым направлением витка), отделяющая жемчужную обнизь от ряда сканно-зерневых розеток, посаженных вплотную одна к другой. Розетки образованы тонкой сканной нитью (с косым направлением витка), замкнутой в кружок, с четырьмя или пятью каплями зерни внутри. Завершает оправу ряд золотых шариков, чередующихся со штифтами, на которые, как уже говорилось, некогда были насажены жемчужины. Золотое кружево оправы свидетельствует о высоком профессионализме в применении скани из толстой и тонкой золотых проволочек в сочетании с зернью.

Техника накладной филиграни была широко распространена в Византии с эпохи раннего средневековья [17, pl. LX, *434*; LXI, *420*, *434*, *441*; LXII, *420*; LVIII, *479—a*]. Позже, в эпоху развитого средневековья, она осложняется применением зерни и перегородчатой эмали [17; pl. LXII, *445*, *488*]. В это же время широко используется жемчуг в виде обнизи и наряду с драгоценными камнями в виде вставок. Все перечисленные декоративные элементы — эмалевые рисунки, жемчуг, скань, зернь — хорошо знало ювелирное дело Западной Европы уже в X—XI вв. В XI—XII вв. они были освоены и на Руси. Здесь важны те аналогии, которые могут определить дату сентинской подвески, сочетая в себе все перечисленные выше приемы в декоре оправы. Такие произведения хранятся в знаменитой Мировой Сокровищнице Вены. В первую очередь следует назвать Святую венгерскую корону [14, т. VII, *10—11*; XLIV, *112—113*]. На верхней ее части, которая носит название «латинской короны» и содержит пластины с эмалевыми изображениями апостолов, можно заметить богатое обрамление из накладной филиграни двух видов — из толстой нити с прямым направлением витка и из тонкой нити с косым направлением витка. На этой же короне употреблен жемчуг на специальных штифтах и обнизь, пропущенная через золотые петли. Корона была собрана из двух составных частей и украшена жемчугом в 70-х годах XI в. [14, S. 81—89]. Примерно к этому времени относится королевская корона из той же Мировой Сокровищницы, в обрамлении эмалевых вставок которой употреблен уже известный прием — в кружево сканной оправы вкраплены розетки из посаженных вместе пяти горошин зерни [14; т. LXXV, *201*]. Нелишне прибавить, что высокое мастерство в выполнении филигранного обрамления эмалей и на этих произведениях сочетается с примитивным креплением самих пластин с эмалями, как это отмечалось нами при анализе сентинской подвески.

Отмеченная общность приемов в изготовлении золотой оправы находки из Сентинского храма и всемирно известных произведений из Мировой Сокровищницы в Вене не позволяет отнести их к произведениям одного круга: слишком различны они по своему назначению. Но вполне закономерно видеть в них отражение и развитие одной традиции в золотом деле средних веков. Связь этой традиции с ювелирным делом Византии X—XI вв. представляется несомненной. Это дает возможность отнести сентинскую подвеску к XI в. и считать ее изготовленной в одном из художественных центров Византии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Reineggs J.* Allgemeine historische-topographische Beschreibung des Kaukasus. B. I. St.— Ptb., 1796.
2. *Хицунов П.* Об остатках древних памятников христианства на северной стороне Кавказа. Сборник газеты «Кавказ» (второе полугодие 1847 г.). Тифлис, 1848.
3. Отчет Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью в 1867 году.— ИРАО, 1977, т. VIII, вып. 4.
4. *Сысоев В. М.* Поездка на реки Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 г.— МАК, 1898, т. VII.
5. *Дьячков-Тарасов А. Н.* Сентинский храм и его фрески.— В кн.: Кубанский сборник. Т. V. Екатеринодар, 1899.
6. *Владимиров И. А.* Древний Сентинский храм близ аула Сенты в Кубанской области.— ИАК, 1902, вып. 4.
7. *Павлов Д. М.* Искусство и старина Карачая.— СМОМПК, 1926, вып. 45.
8. *Минаева Т. М.* Очерки по археологии Ставрополья. Ставрополь: Кн. изд-во, 1965.
9. *Кузнецов В. А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе: Изд-во Ир, 1977.
10. *Воскресенский А.* Фавор Северного Кавказа — Спасо-Преображенский женский монастырь на р. Теберде в Кубанской области. Одесса, 1910.
11. *Марковин В. И.* Раскопки в Сентинском храме.— АО — 1976. М., 1977.
12. *Марковин В. И.* Сентинский храм.— «Ставропольская правда», № 16 (15500) от 20 января 1977 г.
13. Очерки истории Карачаево-Черкессии. / Отв. ред. Невская В. П. Т. 1. Ставрополь: Кн. изд-во, 1967.
14. *Deér J.* Die Heilige Krone Ungarn. Wien, 1966.
15. *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. М.: Искусство, 1975.
16. *Макарова Т. И.* Перегородчатые эмали Древней Руси. М.: Наука, 1975.
17. Early Christian and Byzantine Art. An Exhibition Held at the Baltimore Museum of Art. Baltimore, 1947.

ПАНИЧЕВА Л. Г.

ИЗРАЗЦЫ И ИЗРАЗЦОВЫЕ ПЕЧИ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПОЛОЦКА

Полоцкая архитектурно-декоративная керамика уже служила объектом нашего внимания [1, с. 53—59]. Однако новые материалы, полученные летом 1977 г. архитектурно-археологической экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством П. А. Раппопорта, обязывают обратиться к изразцам из Полоцка вновь. Вызвано это уникальностью находок.

Полоцк — первый памятник, где посчастливилось обнаружить развалы пяти изразцовых печей, хронологически последовательно сменявших друг друга. Все пять печей, расположенные в деревянной пристройке к княжескому дворцу, отделены одна от другой прослойками и соответствуют разным строительным периодам. На профиле северной стенки раскопа достаточно четко выделяются строительные ярусы с остатками печей [2], где найдено 146 фрагментов изразцов: 116 — сосудообразных и 30 — с прямоугольными лицевыми пластинами.

В развале первой печи обнаружены мелкие обломки брусковых кирпичей (6×12,5 см), плинф, использованных вторично, и фрагменты горшкообразных изразцов архаичного типа с круглым устьем. Все изразцы изготовлены из красножгущейся глины с примесью крупной дресвы и получили при обжиге темно-коричневый цвет. Они довольно высокие (до 21,5 см), с расширяющимися от донца (диаметр 10 см) к устью (диаметр 13,5 см), в придонной части утолщенными и прямыми стенками (рис. 1, *а*).

Вторая печь хорошо прослеживается в плане: она отстоит от стен постройки на расстояние около 60 см; размер у прямоугольного основания — 2,5×2,25 м. На уровне пода сохранились куски серой глиняной обмазки толщиной около 3 см и обломки брусковых кирпичей (6×12,5 см). Печная облицовка состояла из двух видов почти не отли-

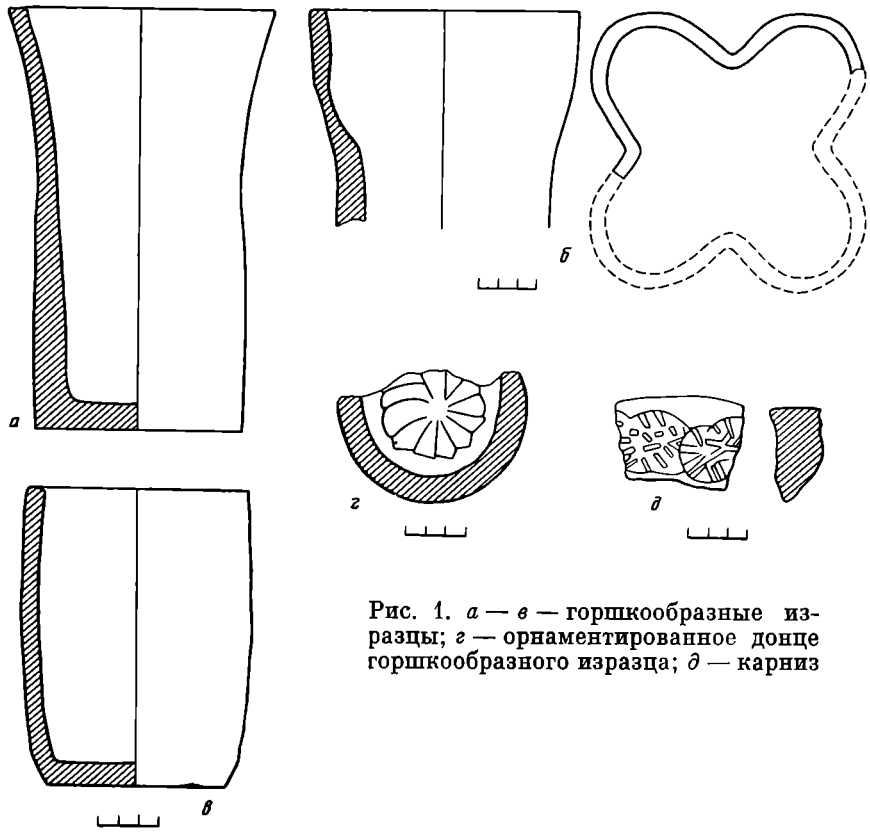


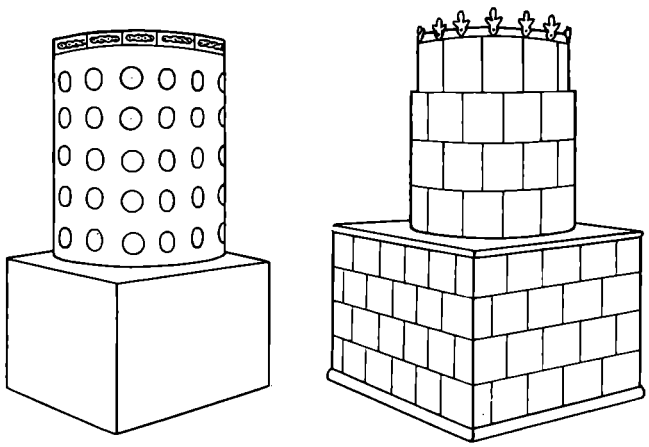
Рис. 1. *а — в* — горшкообразные изразцы; *г* — орнаментированное донце горшкообразного изразца; *д* — карниз

чавшихся друг от друга по размерам горшкообразных изразцов: с круглыми устьями и устьями в форме квадрифолия (рис. 1, *б*). Вероятно, изразцы с круглыми устьями из первой печи вторично использовались в облицовке печи 2.

От третьей печи, по своим размерам почти полностью совпадающей с нижележащей, сохранились битые брусковые кирпичи (7—8×12,5—14 см), куски глиняной обмазки. Здесь же найдены горшкообразные изразцы несколько иного вида. Они представлены экземплярами с устьями круглой, четырехугольной и квадрифольной формы, объединявшимися в одну группу по ряду следующих признаков: 1) все они изготовлены из красножгущейся глины с примесью дресвы, но при обжиге приобрели более светлый красноватый цвет; 2) их высота значительно меньше — около 15 см; диаметр донца 8—9 см, устья — 11 см, толщина стенок 0,9 см; 3) тулово цилиндрической формы, стенки в придонной части не прямые, а слегка скошенные (рис. 1, *в*). Обращенная к зрителю сторона донца могла быть украшена несложной рельефной многолепестковой розеткой, не оттиснутой штампом, а прочерченной пальцами по сырой глине (рис. 1, *г*). В комплексе с рассматриваемыми изразцами был найден слегка изогнутый кусок глиняного карниза со штампованным орнаментом[1] в виде розетки с расположенными в беспорядке лепестками, так как каждый раз штамп накладывался на край уже сделанного оттиска (рис. 1, *д*).

На основании изученных материалов и общеевропейских аналогий автор попытался реконструировать третью печь. По всей вероятности, она имела простую прямоточную систему отопления [4, с. 81]. Нижняя топочная часть печи, прямоугольная в плане, была покрыта гладкой глиняной обмазкой и служила основанием для цилиндрической надставки

[1] Прием нанесения отдельных элементов орнамента при помощи штампа был характерен для более поздних изразцов с прямоугольными лицевыми пластинами [3, с. 51].



а *б*

Рис. 2. Реконструкция полоцких печей (по комплексу изразцов и европейским аналогиям)

(жарового колодца), облицованной горшкообразными изразцами. Верх печи украшал поясок глиняной обмазки с рельефом из многолепестковых розеток, выполненных штампом (рис. 2, *а*).

Первая печь была сооружена не позднее первой половины XIV в., о чем свидетельствуют находки изразцов архаичного типа из первоначальной облицовки [2]. После пожара, в результате которого деревянная постройка сгорела, была сложена вторая печь. Это произошло, вероятнее всего, в первой половине — середине XIV в. Затем, очевидно, во второй половине — конце XIV в. на ее месте была сооружена третья печь. В облицовку новой печи попали изразцы с различной моделировкой устья,— хорошо известные на территории Литвы [7, p. 2, pav. 1, 2], Польши [8, foto 2—5], Венгрии [9, Abb. I], Германии [5, Fig. 12a]. Эта печь, просуществовавшая до первой половины XV в., во втором строительном периоде была заменена печью с облицовкой, состоявшей из изразцов совершенно иного типа — с прямоугольными лицевыми пластинами. В качестве сырья для них использовалась также красножгущаяся глина местного происхождения, но в качестве отощающей примеси в хорошо промешанное, очищенное тесто добавлялась уже не дресва, а мелкий песок, причем в очень незначительном количестве. При обжиге изделие приобретало ровный желтовато-оранжевый цвет.

Все изразцы из облицовки четвертой печи — неглазурованные и безрамочные — с румпами архаичного типа, почти не отступающими от края лицевой пластины. К сожалению, не сохранилось ни одного целого изразца, а по небольшим фрагментам высоту румп установить не удалось.

Переходя к характеристике орнамента изразцов с прямоугольными лицевыми пластинами, необходимо прежде всего обратить внимание на технику его выполнения, отличающуюся наряду с тщательной проработкой мелких деталей крупнофигурностью изображений, переданных необычно высоким четким рельефом. Важно также отметить, что среди рассматриваемых материалов не обнаружилось ни одного изразца с орнаментом отвлеченного характера (растительным или геометрическим), популярным в XVI—XVII вв. [7, 27—37], изображены только конкретные сюжетные образы.

Наиболее четко выделяются четыре орнаментальных мотива с изображениями фантастических животных и людей. Первый мотив представлен изразцами (размер лицевой пластины 16×20 см) с двумя переплетающимися змееподобными драконами (рис. 3, *а*). Мастер постарался пере-

[2] На территории Европы известны изразцовые печи еще более раннего времени [5, fig. 11; 6, S. 126].

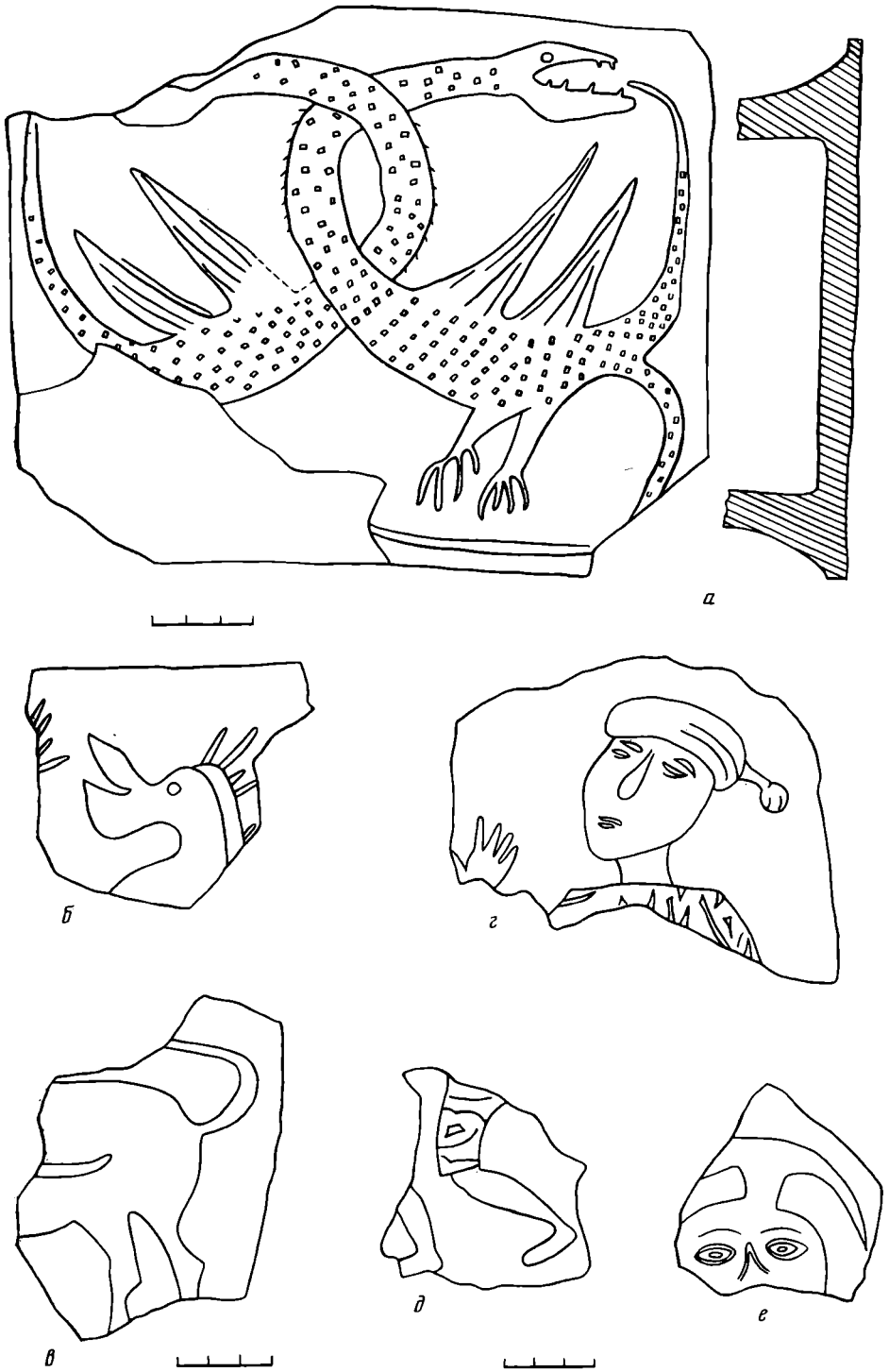


Рис. 3. Изразцы с прямоугольными лицевыми пластинами из облицовки печи 4

дать мельчайшие детали рельефа: чешую, перепончатые крылья, хищные зубастые пасти, свирепо кусающие собственные хвосты. Образ дракона пользовался большой популярностью в древнерусском искусстве [10, с. 384—390]. Композиция орнамента полоцких изразцов обнаруживает удивительное стилевое единство со звериными мотивами вообще, широко распространившимися с XI—XII вв. в искусстве стран Европы [11, с. 187] и бытовавшими на протяжении всего средневековья. В архитектурно-декоративной керамике подобные сюжеты, близкие по стилю полоцким, известны с XV в. [9, S. 21, Abb. VIII, 12, tabl. rys. 6].

Ко второй группе орнаментальных мотивов относится фрагмент изразца с изображением фантастического животного (возможно, сказочного змея[3]) с раскрытой пастью и острым гребнем на голове (рис. 3, *б*). Несмотря на угрожающе поднятую лапу, зверь выглядит вполне миролюбиво.

К третьей группе орнаментальных мотивов принадлежит фрагмент изразца с изображением какого-то реально существовавшего животного. От него сохранилась только часть туловища (рис. 3, *в*). На территории Польши [12, tabl. 1, rys. 1], Украины [14, с. 83] и Белоруссии[4] имеются близкие аналогии, датируемые XV в., позволяющие определить этот рельеф как изображение льва, также очень популярного во всех видах средневекового декоративно-прикладного искусства.

Четвертая группа орнаментальных мотивов включает в себя изображения людей. В этой группе интересен изразец, представленный двумя фрагментами. На одном — ноги пляшущего человека в коротких, до колен, вероятно, ярких цветных (это мастер попытался показать рельефом) штанах (рис. 3, *д*). На другом фрагменте — человек с восточными чертами лица в головном уборе, напоминающем одновременно и чалму, и шапку скомороха (рис. 3, *г*). Очевидно, на изразце и был изображен скоморох, о чем можно судить по его одежде и позе. Кроме того, известно, что в среде скоморохов часто встречались выходцы из стран Востока [11, с. 186]. К этой же группе орнаментальных мотивов относится фрагмент изразца с изображением личины. Возможно, это скоморох в маске (рис. 3, *е*).

В облицовку четвертой печи входили не только зеркальные изразцы, но и другие детали убранства: коронки (рис. 4, *б*) и прорезные изразцы (рис. 4, *а*).

Прорезные изразцы (или, как их еще называют, нишевые) имели дно и тулово горшкообразного изразца, а устье четырехугольной формы было закрыто декоративной ажурной решеткой со сквозными отверстиями. В XV в. такие изразцы были распространенным элементом печного декора [9, S. 12, 16—19]. Верх печи венчали коронки в форме трилистника с небольшим отверстием в нижней части для укрепления в облицовке.

На основании исследованных материалов и близких аналогий [8, foto 13] стало возможным воссоздать облик печи 4 (рис. 2, *б*). Она была двухъярусной. Нижний ярус кубической формы украшался зеркальными изразцами с сюжетными изображениями. В облицовку второго яруса, цилиндрической формы, входили и сюжетные, и прорезные изразцы. В нашей реконструкции прорезные изразцы составляют два верхних ряда облицовки второго яруса, но они могли чередоваться с сюжетными изразцами [9, Abb. IX]. По верху печи шел ряд резных коронок.

От пятой печи (размер в плане у основания 1,5×2,0 м) сохранилось всего лишь несколько изразцов с прямоугольными лицевыми пластинами, как не глазурованных, так и покрытых зеленой полупрозрачной поливой. По орнаменту они делятся на две группы: с геометрическими и ге-

[3] По своей иконографии этот мотив близок детали росписи церкви Иоанна Предтечи [13, рис. на с. 134].

[4] Материалы археологической экспедиции БГУ им. В. И. Ленина под руководством Э. М. Загорульского (из раскопок Дзержинска 1963 г.), инв. № 2658.

ральдическими мотивами. Орнамент изразцов первой группы предельно прост: это или выпуклая полусфера в центре лицевой пластины (рис. 5, *а*), или ломаные линии в сочетании с мелкими точками (рис. 5, *б*). По литовским аналогиям они датируются XVI — первой половиной XVII в. [7, p. 37; 15, pav. 37]. Вторая орнаментальная группа представлена всего лишь одним небольшим фрагментом глазурованного изразца с деталью четырехдольного герба, выполненного низким нечетким рельефом (рис. 5, *в*). Датируется он XVI — первой половиной XVII в., так как именно к этому времени относится усложнение гербов [16, S. 95; 17, p. 77, fig. 35].

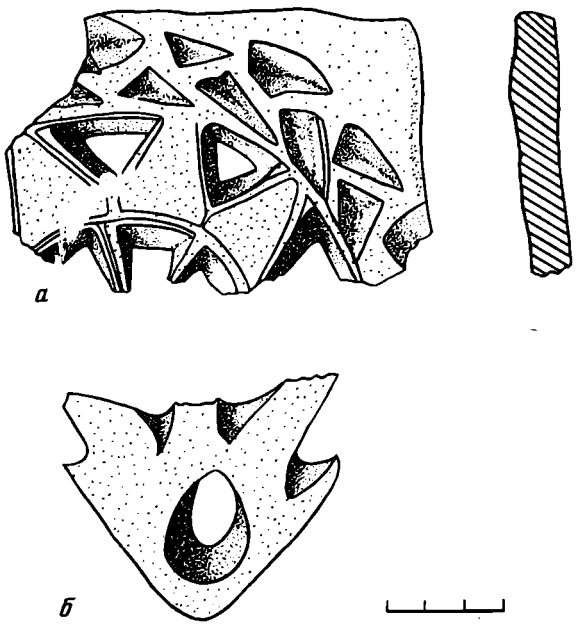


Рис. 4. *а* — прорезной изразец; *б* — коронка

Рассмотрев эти материалы, можно установить, что печь 5 была сооружена не позднее XVI в. Реконструировать же ее облицовку из-за фрагментарности и неполноты материала не удалось.

В завершение обратимся к некоторым наиболее общим выводам. Прежде всего необходимо отметить, что датировка изразцов впервые основывалась не только на их типологической и стилистической классификации, но и на данных стратиграфии и дендрохронологии.

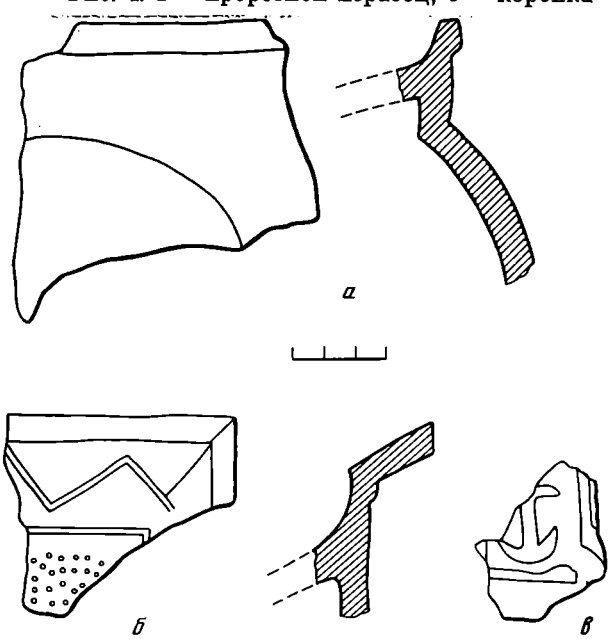


Рис. 5. Изразцы с прямоугольными лицевыми пластинами из облицовки печи 5

В результате удалось окончательно установить, что самым ранним, известным на территории Белоруссии типом позднесредневековой архитектурно-декоративной керамики являются высокие (до 21—22 см) горшкообразные изразцы с круглым устьем, бытовавшие в первой половине XIV в. Они были обнаружены в развале первой печи, расположенной в деревянной пристройке к княжескому терему, две плахи из основания которой датируются 1304 г. (определение Н. Б. Черных). На протяжении второй половины XIV в. отмечается развитие этого типа изразцов: уменьшается их высота, усложняется форма устья, большую популярность получают изразцы с квадрифольным устьем. Используются и изразцы с круглым устьем, но форма устья — это единственное, что связывает их с первоначальными изразцами, так как по всем другим характеристикам (размер, состав глиняного теста) они относятся к изразцам второй половины XIV в. К этому же времени относится и появление первых декоративных деталей облицовки, о чем свидетельствует обломок орнамен-

тированного глиняного карниза, найденного в одном слое с горшкообразными изразцами.

Сопоставляя стратиграфические и типологические данные, удалось также определить время появления нового типа изразцов — с прямоугольными лицевыми пластинами: первая половина — середина XV в. Бытовали они до первой половины XVI в. Справедливость такой датировки подтверждается и техникой выполнения орнаментального рельефа [18, S. 275, 281] и стилем орнамента. Именно в это время широкое распространение получили фольклорные мотивы [19, с. 108], истоки которых можно проследить в древнерусском и романском искусстве, сюжетные сцены. В орнаментике прорезных изразцов использовались архитектурные формы, напоминающие детали деревянных резных алтарей соборов XV в. [20, с. 22; 21, S. 101: Tafel].

В XVI в. появляются рамочные изразцы, отличающиеся от изразцов XV в. низким узким рельефом и стилем орнамента. С этого же времени в производстве архитектурно-декоративной керамики начинает широко применяться глазурь.

Таким образом, рассмотрев типы полоцких изразцов и сопоставив их с данными стратиграфии, мы получили возможность проверить и уточнить датировку белорусской архитектурно-декоративной керамики и, привлекая общеевропейские аналогии, воссоздать облик некоторых типов изразцовых печей XIV—XVII вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Паничева Л. Г.* Полоцкая архитектурно-декоративная керамика XIV—XVII вв.— КСИА АН СССР, № 160, 1979.
2. *Раппопорт П. А., Шолохова Е. В.* Дворец в Полоцке.— КСИА АН СССР, № 164.
3. *Панічава Л.* Дэкаратыўная кераміка Копысі.— Помнікі гісторыі і культуры Беларусі, 1974, № 3.
4. *Смирнов Г. Д.* Производство красноглиняных изразцов и опыт реконструкции печей по материалам Старого Орхея.— Изв. Молд. фил. АН СССР. Кишинев, 1956, № 4.
5. *Franz R.* Der Kachelofen. Graz, 1969.
6. *Nekuda V., Reichertova K.* Stredoveka keramika v Cechach a na Morave. Brno, 1968.
7. *Tautavicius A.* Vilniaus pilies koklial. Vilnius, 1969.
8. *Swiechowska A.* Kafle Warszawskie. Szkice staromiejskie. Warszawa, 1955.
9. *Voit P., Holl I.* Alte ungarische Ofenkacheln. Budapest, 1963.
10. *Василенко В. М.* Русское прикладное искусство. М.: Искусство, 1977.
11. *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. М.: Искусство, 1975.
12. *Zubrzycki J. S.* Kaflarstwo Polskie. Lublin, 1915.
13. *Балдина О.* Русские народные картинки. М.: Молодая гвардия, 1972.
14. *Данченко Л.* Народна кераміка Наддніпряншіни. Київ, 1969.
15. Traku pilis. Vilnius, 1952.
16. *Orbis Polonus.* T. I. Cracoviae, 1641.
17. *Scavizzi G.* Maioliche del Rinascimento ad oggi. Milano, 1966.
18. *Rada P.* Kniha o technikach keramiki. Praha, 1956.
19. *Гершензон-Чегодаева Н. М.* Возрождение в немецком искусстве.— В кн.: Ренессанс. Барокко. Классицизм. М., 1966.
20. *Соколова Т.* Орнамент — почерк эпохи. Л., 1972.
21. *Falke I.* Geschichte der Deutschen Kunst. Berlin, 1888.

ПРЯХИН А. Д., СИНЮК А. Т., МАТВЕЕВ Ю. П.

ТЕРЕШКОВСКИЙ КЛАД ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В СРЕДНЕМ ПОДОНЬЕ

В 1975 г. в Воронежский областной краеведческий музей было передано несколько бронзовых изделий, обнаруженных в срезе правого берега р. Дон (6—8 м от уровня воды), в 2 км ниже по течению реки от с. Терешково Богучарского р-на Воронежской обл.

Осмотр места находки позволил установить, что найденные изделия представляют собой клад эпохи поздней бронзы. Как показала стратиграфия берегового обнажения, вещи находились на дне вырытой в суглинке конусообразной ямы диаметром 1,5 м и глубиной 1 м, которая к моменту приезда археологов оказалась почти полностью разрушенной школьниками во время поиска ими других изделий. Судя по сохранившемуся участку ямы, ее заполнял чернозем.

Попавшая в музей коллекция металлических изделий состоит из двух топоров-кельтов, ножа-«бритвы» и трех серпов-косарей. Топоры-кельты однотипны и почти одинаковы по размерам и пропорциям. Длина одного из них 9,5 см, ширина лезвия 4,6 см (рис. 1, *1*; 2, *1*); длина другого 8,6 см, ширина лезвия 4 см (рис. 1, *2*; 2, *2*). Это шестигранные в сечении двуушковые кельты с овальной втулкой. Ушки несколько подняты над срезом втулки. Дуговидные лезвия обоих кельтов слегка расширены. В верхней части один из кельтов украшен рельефным орнаментом в виде треугольного фестона вершиной вниз. По бокам передней грани видны выступающие ребра. Другой кельт украшен пояском из перекрещивающихся линий, ограниченных снизу прямой линией. Е. Н. Черных отнес их к типу К-52 [1, с. 81—84]. Случаи их обнаружения характерны для территории Поднепровья. Но есть они и на более восточных территориях. Е. Н. Черных обратил внимание на связь их с территорией Волго-Камья.

Нож-«бритва» имеет сложную форму клинка с выемкой на конце и кольцевой упор вокруг черенка (рис. 1, *3*; 2, *3*). Сам черенок дополнительно раскован. От черенка через все лезвие идет продольное ребро. Общая длина ножа 13 см (длина клинка 7,8 см, черенка 5,2 см). Е. Н. Черных выделяет данный тип ножей в редко встречающийся тип Н-42 [1, с. 122]. В этот тип им включено только изделие из Лобойковского клада [1, табл. XXXVI, *16*] и несколько литейных форм с территории Поднепровья [2, с. 148, рис. 2, *6*; 3, рис. 2, *4б*; 3; 5, *3а*]. Е. Н. Черных отмечает и отличие причерноморских ножей-«бритв» от близкого по типу изделия из Дербеневского клада на Каме — отсутствие на последнем четко выраженного кольцевого упора. Этим же признаком от дербеневской находки отличается и терешковский нож-«бритва».

Однотипны серпы-косари. Все они довольно массивные. Длина одного из них 26,5 см, ширина в верхней части 6,6 см (рис. 1, *4*; 2, *4*); длина другого 22,4 см, ширина 6 см (рис. 1, *5*; 2, *5*) и третьего — соответственно 23 и 6,4 см (рис. 1, *6*; 2, *6*). У последнего из перечисленных серпов-косарей конец обломан и затем дополнительно откован. Они дугообразные, со слабой степенью изгиба лезвийной части, с откованным крюком и фигурной пяткой. У всех имеется расширение лезвия к носовой части. Такого рода серпы-косари Е. Н. Черных отнес к типу С-16 [1, с. 94, 95]. Судя по приводимой им карте, кроме района Причерноморья значительная серия изделий такого рода найдена в казанском течении р. Волги [1, рис. 43]. Заметим, что сопоставление серпов-косарей данного типа с территории Северного Причерноморья и находок из Приуралья позволило Е. Н. Черных выделить черты их различия. Терешковские серпы-косари по таким признакам, как наличие изогнутости в районе лезвия и осевого прогиба лезвия, сближаются именно с причерноморскими находками.

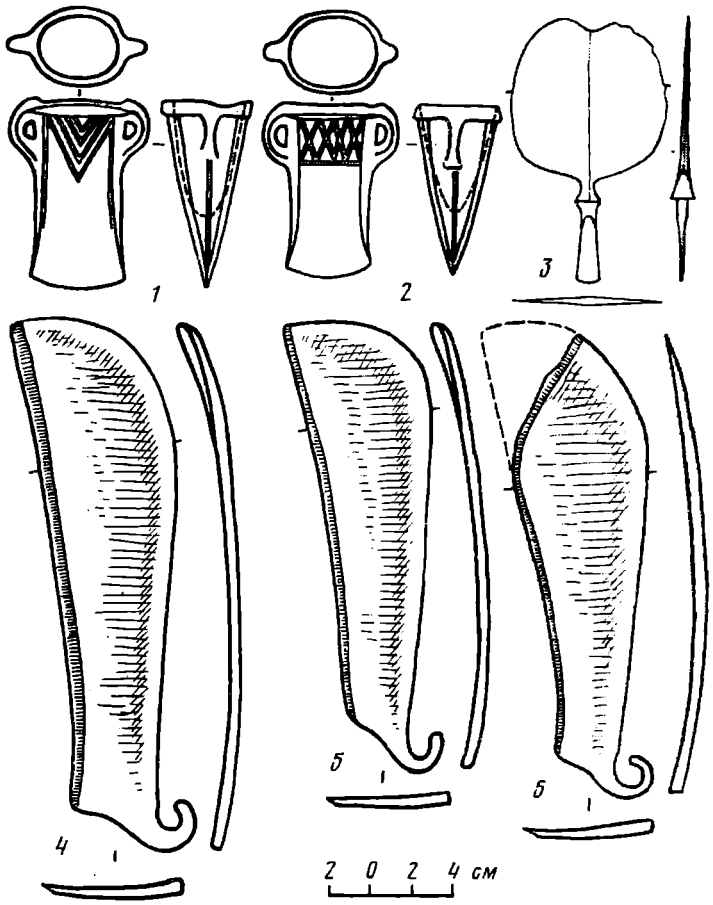


Рис. 1. Орудия труда из Терешковского клада. Прорисовка

Если попытаться в целом сопоставить изделия Терешковского клада с изделиями других кладов эпохи поздней бронзы с территории Восточной Европы, то наиболее близкими им являются найденный на юге Полтавщины Кобаковский клад (1, с. 211, табл. VII, *17*; с. 222, табл. XIX, *4*, *5*, *8—11*; 2, с. 166, рис. 13] и Лобойковский клад на р. Орель невдалеке от г. Днепропетровска [1, с. 211, табл. VII, *16*, *19*; с. 222, табл. XIX, *1—3*; с. 239, табл XXXVI, *16*]. Эти клады характерны для выделенного Е. Н. Черных завадово-лобойковского очага металлообработки на Юго-Западе СССР [1, с. 190—196]. Именно к этому очагу металлообработки им был отнесен и Терешковский клад [1, с. 193]. Вероятную дату завадово-лобойковского очага металлообработки Е. Н. Черных определил в пределах XII—IX вв. до н. э. [1, с. 156].

Весьма существенно наблюдение Е. Н. Черных, смысл которого сводится к тому, что северопричерноморский очаг металлообработки поздней бронзы в целом не сопоставляется с металлообработкой населения какой-то определенной археологической культуры или ее варианта. За ним просматривается металлообрабатывающая деятельность клана мастеров [1, с. 149]. Что же касается более локального завадово-лобойковского очага, то, по Е. Н. Черных, лобойковские литейщики этнокультурно, вероятно, теснее всего были связаны с населением срубной культурно-исторической общности [1, с. 192].

Терешковский клад — это не единственный случай обнаружения бронзовых изделий, связываемых с деятельностью в Среднем Подонье мастеров-литейщиков завадово-лобойковского и тем более в целом североприч-

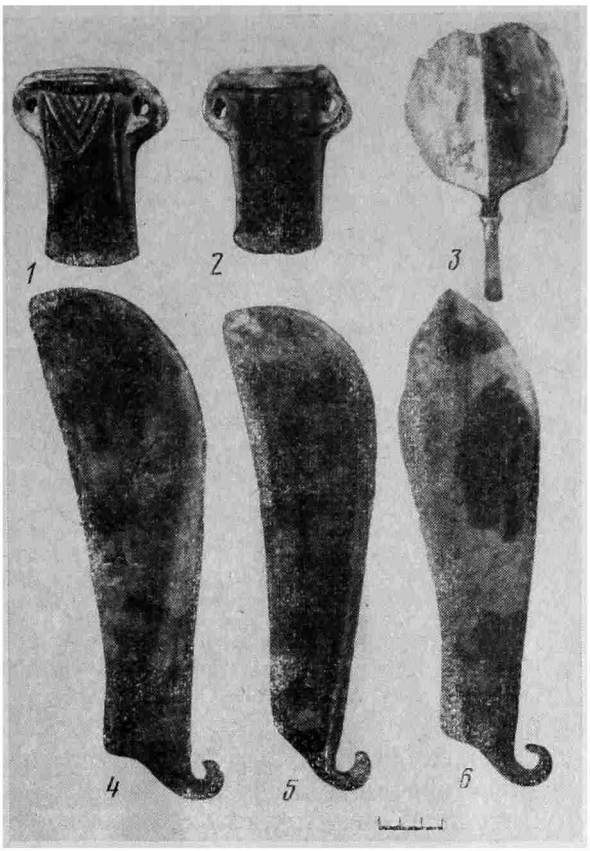


Рис. 2. Орудия труда из Терешковского клада

черноморского очага металлообработки периода поздней бронзы. Укажем на другие случаи находок на территории Среднего Подонья топоров-кельтов. Один шестигранный в сечении двуушковый кельт, имевший зауженную лезвийную часть и рельефную орнаментацию по верху, состоящую из трех горизонтальных линий, между парами которых находились вертикальные линии и зигзаг, найден у с. Гремячье в Воронежской обл.[1] Скорее всего того же типа и известный нам по прорисовке О. А. Кривцовой-Граковой кельт из с. Рудкино на территории современной Воронежской обл. Рудкинский кельт в верхней части украшен двумя рельефными горизонтальными линиями с одной линией зигзага между ними. Еще один двуушковый кельт, имевший овальную в сечении втулку и украшенный в верхней части двумя рельефными горизонтальными линиями, найден на территории современной Липецкой обл. у г. Задонска [2].

Один кельт (рис. 3, *1*) происходит из случайных сборов у с. Репьевки на территории Воронежской обл.[3] Е. Н. Черных отнес последний к типу К-54. Это двуушковые овальные в сечении кельты с нечетко выраженной конфигурацией фаски, находки которых известны в уже упоминавшихся Кобаковском и Лобойковском кладах [1, с. 84].

Своей формой несколько отличается двуушковый кельт из случайных сборов у с. Старая Калитва Россошанского р-на Воронежской обл. (рис. 3, *2*) [4]. Длина его 11,6 см, ширина лезвия 4,8 см. В верхней части он орнаментирован двумя валиками. Он примыкает к выделяемому

[1] Ранее кельт хранился в Воронежском областном краеведческом музее. Его прорисовка сделана С. Н. Замятниным (Архив ЛОИА АН СССР). Именно этот топор-кельт опубликован А. М. Тальгреном [4, fig. 106, 8].

[2] Ранее кельт также хранился в Воронежском областном краеведческом музее [5, с. 64].

[3] Хранится в Музее археологии Воронежского университета.

[4] Прорисовка Ю. П. Матвеева. Кельт хранится в старокалитвянской школе.

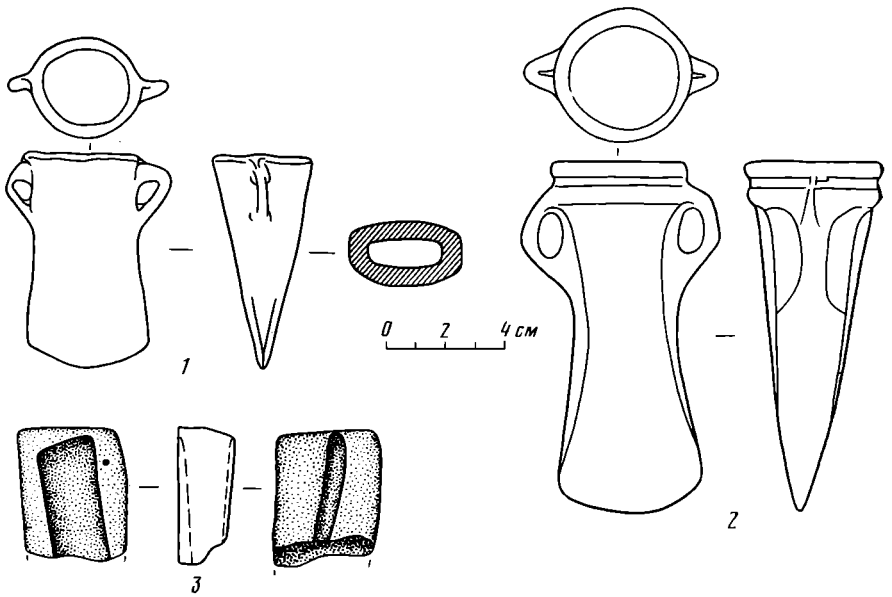


Рис. 3. Топоры-кельты и обломок литейной формы с территории Среднего Подонья. *1* — с. Репьевка, *2* — с. Старая Калитва, *3* — поселение в урочище Гнилое

Е. Н. Черных типу К-72, куда включаются орнаментированные пояском двуушковые овально-шестигранные в сечении кельты с приподнятым над ушками венчиком, имеющие вогнуто-линзовидную конфигурацию фаски [1, с. 88].

На территории Среднего Подонья нам не известно случаев обнаружения серпов-косарей и тем более ножа-«бритвы». Но среди многочисленных литейных форм с Мосоловского поселения срубной культурно-исторической общности есть не только литейные формы для отливки собственно срубных серпов, но и обломки отдельных многопредметных литейных форм, служивших для отливки более массивных изделий — не исключено серпов-косарей [5], которые и типологически, и хронологически предшествуют обнаруженным в Терешковском кладе серпам-косарям.

С деятельностью так называемых причерноморских литейщиков связываются и пока единичные для районов Подонья и Поволжья находки каменных литейных форм и их обломков, которые резко отличаются от глиняных литейных форм, происходящих, как правило, с памятников развитого этапа срубной культурно-исторической общности: Мосоловка, Боровое, Вогрэсовская дамба, Борковское и др. [7, с. 159, табл. XXIV, *4—9*; 6, с. 181, рис. 4, с. 182, рис. 5, с. 183, рис. 6, с. 184, рис. 7; 8, с. 87, 88] — и находящих параллели на территории Причерноморья [2, с. 144 и др.; 9, с. 179 и др.; 3, рис. 1—6]. Обломок одной из них (рис. 3, *3*) найден на поселении срубной культурно-исторической общности в урочище Гнилое невдалеке от пос. Анна Воронежской обл., где была собрана и так называемая поздневаликовая керамика [6].

Перечисленные находки скорее всего относятся ко времени, следующему за отливом с территории лесостепи значительных групп срубного населения, что произошло к концу II тысячелетия до н. э. [10, с. 20, 21]. Их анализ приобретает особый интерес в связи с попытками С. И. Татаринова изучить металлургическое производство конца эпохи бронзы в Донецком бассейне [11, с. 192—206].

[5] Материалы хранятся в Музее археологии Воронежского университета. Опубликованы лишь результаты первого года исследования памятника [6, с. 182, 183, рис. 5, *5*; 6].

[6] Разведка В. И. Сагайдака 1971 г. Материалы хранятся в Аннинском народном музее Воронежской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976.
2. *Лесков А. М.* О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы.— В кн.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев: Наукова думка, 1967.
3. *Шарафутдінова І. М.* Бронзоливарна майстерня з с. Головурів на Київщині.— Археологія, 1973, № 12.
4. *Tallgren A. M.* La Pontide précythique aprés l'introduction des métaux.— ESA. 1926, II.
5. *Подгаецкий Г. В.* Предскифский (доскифский) период на Среднем Дону.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 2.
6. *Пряхин А. Д., Сагайдак В. И.* Металлообрабатывающая мастерская на поселении срубной культуры.— СА, 1975, № 2.
7. *Подгаецкий Г. В.* Город Воронеж.— В кн.: Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
8. *Тихонов Б. Г.* Металлургия лесостепных племен междуречья Волги и Дона.— В кн.: Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978.
9. *Черняков И. Т.* Техника изготовления литейных форм и металлических изделий в Северном Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— В кн.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев: Наукова думка, 1967.
10. *Мерперт Н. Я., Пряхин А. Д.* Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь.— В кн.: Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1979.
11. *Татаринов С. И.* О горно-металлургическом центре эпохи бронзы в Донбассе.— СА, 1977, № 4.

ПУШКИНА Т. А.

СКАНДИНАВСКИЕ ВЕЩИ ИЗ ГНЁЗДОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Гнёздовские курганы, раскопки которых были начаты более ста лет назад и продолжаются по сей день, дают материалы для постановки и решения самых различных вопросов археологии и истории Древней Руси. Еще В. И. Сизов, один из первых исследователей знаменитого памятника, отметил выразительность обряда и инвентаря и наличие в них элементов, характерных для разных этнических групп [1].

На Гнёздовском поселении исследовано более 4000 м²[1]. Вещи и керамика, обнаруженные в заполнении материковых ям и культурном слое, который почти на всей исследованной площади оказался переотложен, свидетельствуют о синхронности поселения и курганов [2]. Набор вещей, найденных при раскопках поселения, весьма разнообразен: это украшения из цветных металлов, стекла, янтаря и камней, изделий из кости, предметы культа и вооружения, инструменты и т. д.

Наше внимание в данном случае привлекли находки, происхождение которых может быть связано со Скандинавией IX—XI вв. Украшения скандинавских типов (овальные, равноплечие, круглые и некоторые другие формы фибул, подвески с зооморфным и плетеным орнаментом), отдельные предметы бытового назначения («ледоходные» шипы, кубические замки), амулеты подвески-молоточки Тора и т. п. хорошо известны по материалам Гнёздовских и Владимирских курганов, некрополей Киева, Шестовиц, Ярославского Поволжья, курганов юго-восточного Приладожья. Почти все эти находки опубликованы и введены в научный оборот.

Находки вещей скандинавских типов, происходящих из раскопок поселений, известны меньше. В значительной степени это связано с тем,

[1] Незначительные раскопки на Гнёздовском поселении произвели С. И. Сергеев и А. Н. Лявданский, в 1940 г. небольшой участок на Центральном городище был раскопан Н. П. Милоновым и Н. В. Андреевым. В 1952—1953, 1960 гг. исследования поселения проводил Д. А. Авдусин, возобновивший их в 1970 г. С 1970 г. в этих работах принимает участие и автор. В 1967—1968 гг. раскопки на селище производил И. И. Ляпушкин.

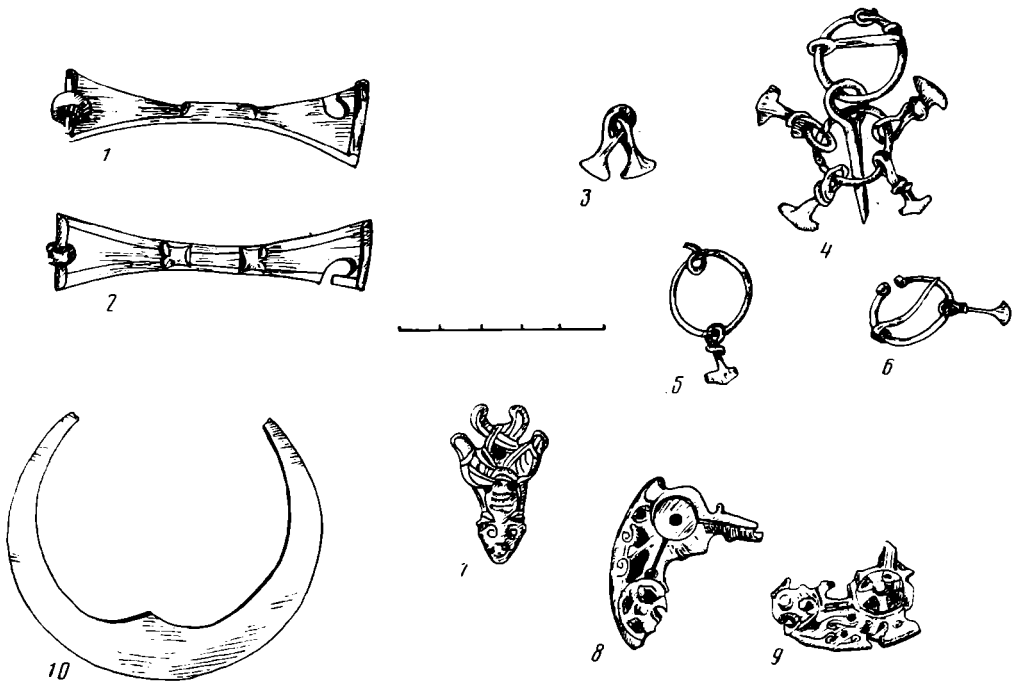


Рис. 1. Скандинавские предметы Гнёздовского поселения. *1, 2* — равноплечие фибулы; *3—6* — подвески-молоточки Тора; *7* — навершие иглы кольцевидной фибулы; *8, 9* — обломки овальных фибул; *10* — кресаловидная подвеска

что число подобных находок действительно невелико — круг исследованных поселений, синхронных указанным памятникам, весьма ограничен. Краткая обобщающая сводка предметов, говорящих о контактах Старой Ладоги со Скандинавией, дана О. И. Давидан [3, с. 134—144]. Недавно стали известны аналогичные материалы из раскопок Тимеревского селища [4, с. 183], единичные находки скандинавских вещей отмечены в Новгороде[5], Сарском городище [6, с. *9*], Белоозере [7, с. 290—292] и ряде других памятников. Находки, сделанные при раскопках поселения в Гнёздове, дополняют этот материал некоторыми интересными типами вещей. Среди них украшения, предметы быта и вооружения, амулеты. Некоторые предметы встречены впервые в Гнёздове, другие имеют аналогии среди курганного материала.

К группе украшений скандинавских типов относятся обломки ажурных накладок овальных двухскорлупных, навершие иглы кольцевидной фибулы и две целые равноплечие фибулы. Незначительные размеры обломков ажурных накладок не позволяют точно определить тип этих предметов, однако совершенно ясно, что обломки являются частью двух овальных фибул (рис. 1, *8*, *9*). По деталям орнамента, расположению круглой площадки для съемного шипа на одном из обломков можно предположить, что перед нами фрагменты овальных фибул двух разновидностей 51 типа по Я. Петерсену. Время бытования этого типа женских украшений для Скандинавии определено в целом X в. [8, S. 59—67]. На Руси это, пожалуй, наиболее часто встречаемый тип украшения скандинавского происхождения.

Кольцевидная фибула представлена находкой бронзового позолоченного навершия иглы в виде «медвежьей» маски, увенчанной симметричным ленточным переплетением (рис. 1, *7*). С оборотной стороны маски сохранились следы железных скобок для закрепления иглы на орнаментированном кольце. Подобным образом украшенные застежки, применявшиеся для скалывания плаща, датируются X в., хотя сам тип такого рода фибул появляется еще в IX в. [8, S. 195, fig. 227].

Равноплечие фибулы имеют вытянутые трапециевидные крылья, объединенные неширокой, слегка выгнутой спинкой, длина фибул 8 см. Одна фибула бронзовая, другая — железная, иглы в обоих случаях железные. Спинка бронзовой фибулы украшена двумя схематизированными рельефными звериными масками, повернутыми друг к другу (рис. 1, *2*). У железной застежки спинка гладкая (рис. 1, *1*). Обломок единственной аналогичной по форме фибулы был найден в одном из гнездовских курганов, но В. И. Сизовым эта находка была ошибочно определена как ключ [1, табл. VI, *18*]. Целый ряд аналогичных равноплечих железных и бронзовых фибул происходит из могильников на территории Швеции [9, p. 40] и Финляндии [10, Taf. 44, *1*], где они встречены в мужских и женских погребениях [11, Taf. 57, *3*, *5*] и в целом датируются IX — первой половиной XI вв.

Видимо, к амулетам можно отнести две крупные бронзовые подвески (рис. 1, *10*). Форма их близка к форме калачевидного кресала и повторяет миниатюрные кресаловидные амулеты-подвески, известные по находкам в Северной [12, S. 165—167] и Восточной Европе [13, рис. 16; 14, табл. II, *14*].

М. Штенбергер предположил, что миниатюрные кресаловидные подвески могли быть языческим символом очищающего огня. Большинство находок было сделано на территории Швеции в составе кладов (преобладающее число находок) и в погребениях. Несколько таких подвесок происходит из погребений второй половины IX в., однако все скандинавские клады, содержащие подобные амулеты, датируются в целом X — серединой XI в. [12, S. 166]. Даты восточноевропейских находок не выходят за пределы X в., за исключением даты подвески из клада, найденного у дер. Скадино Псковской обл. и относящегося к более позднему времени. В большинстве случаев кресаловидные подвески сделаны из серебра и украшены циркульным или пуансонным орнаментом, отдельные экземпляры сделаны из бронзы. Подобные гнездовским крупные бронзовые подвески найдены при раскопках Старой Ладоги [2].

Интересна находка подвесок — молоточков Тора. Одна подвеска помещена на проволочном железном кольце с завязанными концами (рис. 1, *5*), короткие рукояти двух других молоточков образуют широкие петли, продетые одна в другую (рис. 1, *3*); четыре изящных молоточка нанизаны на тордированное железное колечко, соединенное с маленьким пробоем и круглопроволочным железным кольцом с завязанными концами, на этом же кольце подвешен амулет в виде стерженька (рис. 1, *4*). Один миниатюрный бронзовый молоточек оказался подвешенным на дуге маленькой круглопроволочной подковообразной фибулы (рис. 1, *6*).

Наиболее древняя подвеска-молоточек Тора была найдена на территории Скандинавии в комплексе середины VIII в., однако основная масса находок изображений символов бога-громовника, выполненных из серебра, бронзы или железа, относится к X — началу XI в. [15, S. 502—504].

Как правило, железные подвески-молоточки прикреплялись к железной шейной гривне и входили в состав ожерелий. Не совсем понятно, как употреблялись описанные четыре подвески, помещенные на кольце с пробоем. Видимо, эта связка амулетов должна была прикрепляться к какому-то деревянному предмету.

С кругом бытовых предметов связана находка бронзовой ажурной пластины-накладки оригинального типа кресал, известного по находкам в Северной Европе [8, F. 145—147, S. 16] (рис. 2, *1*). Кресала этого типа, имеющие ажурный бронзовый остов, составленный парой орнаментированных пластин, и стальную рабочую кромку V-образной формы, чрезвычайно редки для территории Восточной Европы. Помимо гнездовски[х] мне известны только две аналогичные восточноевропейские находки: из

[2] Благодарю О. И. Давидан за любезное сообщение об этих находках.

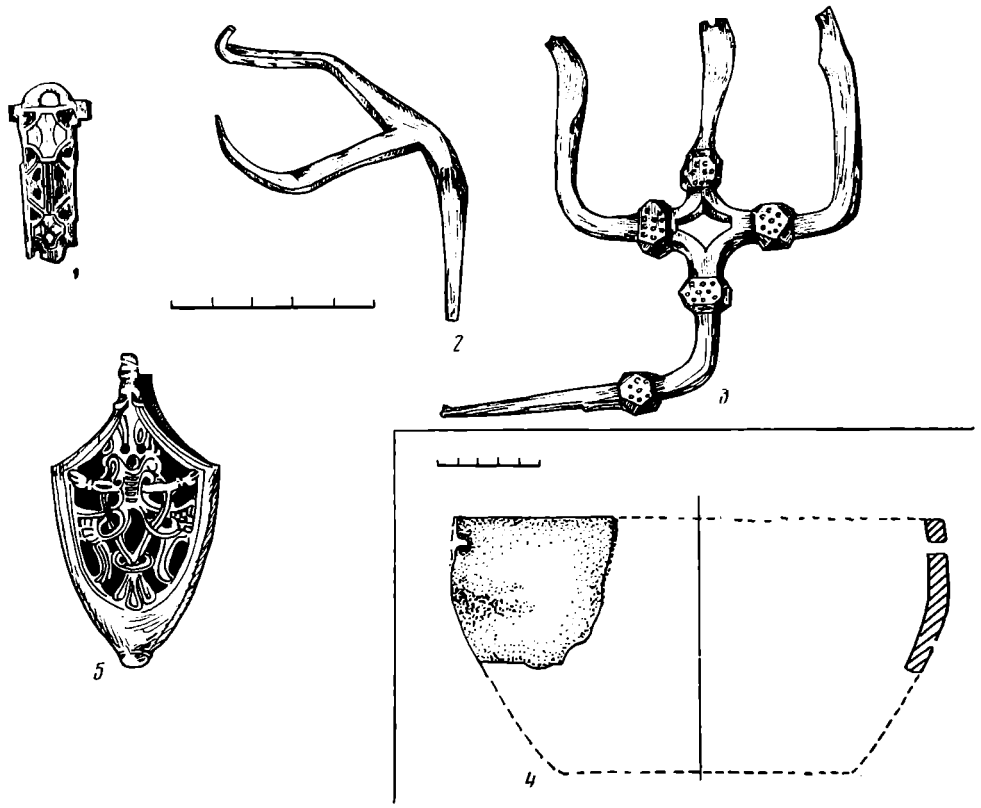


Рис. 2. Скандинавские предметы Гнёздовского поселения. *1* — пластинка-остов V-образного кресала; *2*, *3* — вилки; *4* — фрагмент стеатитового сосуда; *5* — наконечник ножен меча

Эстонии [17, S. 12, 112] и из раскопок Сарского городища под Ростовом Великим [18]. Прямой аналогией нашей находке является украшенная геометрическим орнаментом пластинка — остов кресала из погребения 99 могильника Бирки [10, Taf. 145, *1*].

Сарская находка отличается от гнездовской орнаментом: пластина украшена изображением фантастических животных с маленькими цепкими лапками, свернутых в тугой узел. Этот мотив характерен для деревянной резьбы и ювелирного искусства Скандинавии IX — первой половины X в., в то время как лаконичный геометрический орнамент гнездовского кресала и его аналогий более нейтрален.

Необычна находка обломка стеатитового сосуда (рис. 2, *4*). Это фрагмент чашевидного сосуда диаметром около 24 см. В 1,5 см от края бортика чаши расположено небольшое круглое отверстие — одно из двух для прикрепления железного ушка. На внешней стороне обломка сохранилась корка жирного нагара. Начиная с эпохи меровингов, стеатитовые сосуды изготовлялись на севере Скандинавского полуострова, на территории Норвегии, и отсюда вывозились в другие земли [19]. Находки каменных чаш и котлов встречаются в различных могильниках и поселениях Скандинавии периода викингов, на Руси подобные сосуды до сих пор не были известны.

Такой же новой находкой для Гнёздова, как стеатитовый сосуд, явились железные вилки (рис. 2, *2*, *3*). Одна из них в форме трезубца, украшенного гранчатыми бусинами на стержне и у основания зубцов, вторая — простой двузубец. Зубцы вилок загнуты на концах, рукояти-стержни изогнуты почти под прямым углом и заострены на концах. Видимо, вилки должны были иметь более длинную деревянную ручку. Подобные вилки хорошо известны по пиршественным наборам, входившим в состав погре-

бального инвентаря шведских могильников VII—X вв. [20, Abb. 25, 56; 21, Taf. VI, *6*, gr. III; 22, pl. X, *5*; XIV, *2*; XV, *2*; XXV, *3*; XXXI, *3*]. Но видимо, описываемые здесь вилки употреблялись и в повседневной жизни и не являлись сугубо ритуальными — в ряде случаев они были найдены при раскопках поселений.

С предметами вооружения связан бронзовый ажурный наконечник ножен меча (рис. 2, *5*). Длина наконечника 7,8 см, ширина 4,1 см. С обеих сторон находятся одинаковые изображения распластанной птицы, дополненные плетением, маской и двойной лентой и маленькими лапками. Фигура птицы несколько схематизирована, рисунок плетения симметричен. На центральном выступе верхнего края наконечника помещена небольшая звериная маска, снизу наконечник завершается выступом из горизонтальных рубчиков.

Мотив свободного, часто симметричного, ленточного плетения в сочетании с фигурами птиц и животных присущ северному прикладному искусству X в. Изображения ушастой маски с округлыми выпученными глазами появляются значительно раньше, но бытуют до конца X в., правда, наиболее типичны они для первой половины и середины этого столетия. Г. Ф. Корзухина считала наконечники, украшенные изображением птицы, шведскими, и относила их в основном ко второй половине X в. Наконечники же с изображением в подобном стиле ею отнесены в целом к X и даже началу XI в. [23]. Подобные гнездовскому наконечники найдены при раскопках поселений и могильников на территории Дании [24, S. 91], Швеции [25, S. 99], Норвегии [26, ab. 516]. Все эти находки датируются авторами раскопок или публикаций в целом X в., причем, как правило, не ранее его середины.

Большинство описанных выше гнездовских находок происходит из переотложенного культурного слоя. К сожалению, ни один из указанных предметов не связывается с намечаемыми комплексами построек на территории поселения.

Типы украшений и подвесок-амулетов, найденные на поселении, хорошо представлены аналогичным материалом из курганов. Новыми для Гнёздова явились типы бронзового наконечника ножен меча и бытовых предметов.

Скандинавские аналогии гнездовских находок могут быть суммарно датированы IX—X вв. Однако основное число рассмотренных здесь находок из Гнёздова относится к X в. Как уже было отмечено, набор вещей скандинавских типов из раскопок поселения немногочислен, но весьма разнообразен: украшения, амулеты, предметы вооружения и быта. Вывод о несомненном присутствии скандинавов среди населения Гнёздова X в. был достаточно аргументирован анализом погребального обряда и инвентаря курганов [27]. Это не позволяет считать найденные на поселении предметы северных типов свидетельством торговых связей. Скорее обычные и характерные скандинавские вещи должны были принадлежать выходцам из Северной Европы и употребляться в первую очередь ими же. Безразлично в данном случае, являлись ли они представителями первого или второго поколений, оказавшихся в одном из поселков Древней Руси.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии. Гнездовский могильник близ Смоленска.— МАР, 1902, № 28.
2. *Пушкина Т. А.* Гнёздовское поселение в истории Смоленского Поднепровья. Автореф. канд. дис., М.: МГУ, 1974.
3. *Давидан О. И.* К вопросу о контактах древней Ладоги со Скандинавией.— ССб., 1971, XVI.
4. *Дубов И. В.* Скандинавские находки в Ярославском Поволжье.— ССб., 1977, XXII.
5. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода.— МИА, 1959, № 65.
6. *Леонтьев А. Е.* Сарское городище в истории Ростовской земли (VIII—XI вв.). Автореф. канд. дис., М.: МГУ, 1975.

7. *Голубева Л. А.* Белоозерская весь и ее западные соседи в X — начале XI века.— ССб., 1964, XIII.
8. *Petersen J.* Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928.
9. *Arne T.* La Súede et l'Orient. Uppsala, 1914.
10. *Kivikoski E.* Kvarnbacken. Helsinki, 1963.
11. *Arbman H.* Die Gräber, Birka. T. I. Uppsala, 1943.
12. *Stenberger M.* Die Schatzfunde Gotlands der Wikigerzeit. T. I. Uppsala, 1958.
13. *Спицын А. А.* Владимирские курганы.— ИАК, 1905, вып. 5.
14. *Эдинг Д. Н.* Сарское городище. Ростов, 1928.
15. Kulturhistorisk lexikon för Nordisk medeltid. XVIII. Malmö, 1970.
16. *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. T. II. Helsinki, 1951, № 946.
17. *Tallgren A.* Zur Archäologie Eestis. Dorpat, 1929.
18. Раскопки Д. Н. Эдинга. Фонды Ростовского музея-заповедника, А-60.
19. *Skjølsvold A.* Klebersteinindustria i vikingetiden. Oslo, 1961.
20. *Arne T.* Ein bemerkenswerter Fund in Östergötland.— Acta Archaeologica, III. København, 1932.
21. *Arne T.* Das Bootgräberfeld von Tuna in Alsike. Stockholm, 1934.
22. *Stolpe H., Arne T.* La Nécropole de Vendel. Stockholm, 1927.
23. *Корзухина Г. Ф.* Из истории древнерусского оружия.— СА, 1950, XIII.
24. *Brøndsted J.* Danish Inhumation graves.— Acta Archaeologica, VII. København, 1936.
25. *Strömberg M.* Schwertortbänder mit Vogelmotiven.— In: Meddelanden från Lunds Universitets Historiska Museum. Lund, 1951.
26. *Rygh O.* Norske Oldsager. Christiania, 1885.
27. *Авдусин Д. А.* Скандинавские погребения в Гнездове.— Вестн. МГУ, 1974, № 1. Сер. истор.

Критика и библиография

Чосон Когохак Кэё (Очерки по археологии Кореи). 8 + 304 с., 54 фототабл., 163 рис., авторы и библиогр. не указаны. Пхеньян, 1977

Накануне 30-летней годовщины образования КНДР в Пхеньяне вышла сводная работа по археологии Корейского полуострова. В этой монографии, как отмечают сами авторы (с. 7), обобщены итоги 30-летних поисков и достижений археологов КНДР. В отличие от предшествующих сводных работ по археологии Кореи, рецензируемая работа выгодно отличается и внешним оформлением, и большим объемом фактического материала, и широкими временными рамками (от палеолита до XIV в.).

Хотя вся работа состоит из трех близких по объему разделов, посвященных первобытному, рабовладельческому и феодальному обществам, основное внимание, по словам авторов (с. 8), уделено памятникам и находкам первых двух эпох и раннего феодализма (I—VII вв.), а археологические материалы, относящиеся к объектам VII—XIV вв., приводятся лишь в качестве дополнения и иллюстрации к сведениям письменных источников.

Раздел археологии первобытного общества делится на три главы, посвященных соответственно описанию палеолита, неолита и эпохи бронзы. Палеолит, возраст которого определен от 600—400 до 14 тыс. лет, в свою очередь делится на три периода — ранний, средний и поздний. К раннему палеолиту, хронологические рамки которого 600(400) — 100 тыс. лет, относится памятник Комын-Мору, открытый в в 1966 г. в уезде Санвон возле г. Пхеньяна. Памятник представляет пещеру на южном склоне известняковой гряды, расположенной в 3 км от пос. Санвон. В этой пещере вместе с костями вымерших животных обнаружены очень грубо обработанные, т. е. слегка приостренные, каменные орудия в виде трапеции, сегмента и остроконечника. Судя по фотоснимкам, у этих орудий настолько примитивный и архаичный вид, что, как пишут сами авторы (с. 4), подобные орудия иногда трудно отличить от эолитов. Тем не менее, несмотря на эти сомнения, находки в Комын-Мору послужили авторам обоснованием для выделения особого, самого раннего периода в палеолите Кореи.

Определение возраста Комын-Мору произведено по окаменевшим остаткам костей вымерших животных, обнаруженных в пещере (всего около 29 видов). По мнению авторов, эти животные жили в конце нижнего — начале среднего плейстоцена, т. е. 600—400 тыс. лет назад.

К среднему палеолиту отнесены объекты, имеющие возраст от 100 до 40 тыс. лет. В их число входит 1-й слой памятника Кульпхо в уезде Унги провинции Северный Хамгён. В этом слое обнаружены остатки жилищ в виде шалашей. По расположению наружных камней удалось установить, что площадь шалашей достигала 30—40 м². Орудий труда на таких стойбищах сохранилось немного. В частности, в Кульпхо 1 обнаружены рубила, сделанные из галек и обломков кристаллизованного гранита при помощи оббивки, а также ножевидные пластины и ядрища. Хотя эти орудия также выглядят архаичными, но в отличие от находок в Комын-Мору они, бесспорно, представляют артефакты.

Если обитатели пещеры Комын-Мору названы авторами первобытными людьми, то создатели орудий из Кульпхо 1 получили название «древних людей». Во время полевых работ 1972—1973 гг. в пещере Саннисан, расположенной в уезде Точхон провинции Ю. Пхёнан, был найден коренной зуб, принадлежавший одному из древних людей. О фауне того времени можно судить по остаткам костей животных,

раскопанных в месте находки зуба, и костям, обнаруженным в 1967—1970 гг. в пещере Хэсан в уезде Пхёсан провинции Северная Хванхэ. Остатки и послужили основанием для датировки памятника Кульпхо 1. Главное отличие среднего палеолита от раннего авторы видят в том, что человек овладел огнем и произошел определенный прогресс в технике изготовления каменных орудий.

К позднему палеолиту, охватывающему период от 40 до 14 тыс. лет, отнесены стоянка Кульпхо (2-й слой) и памятник Пупхо, расположенный в том же уезде. На стоянке Кульпхо 2, возраст которой определен корейскими археологами в 40—30 тыс. лет, большинство обнаруженных каменных орудий сделано из твердых каменных пород зеленоватого цвета — роговика, мрамора и др. Аналогичные орудия найдены и в Пупхо. Каменная индустрия этих памятников представлена рубилами, скреблами, скребками, ножевидными пластинами. Техника обработки камня заметно улучшилась, на некоторых орудиях видны следы обработки при помощи отжимной ретуши.

Кроме появления более совершенной техники обработки камня, данный период, пишут авторы, характерен завершением формирования основных физических признаков современного человека. Об этом можно составить представление по нижней челюсти человека, найденной в пещере Саннисан в слое, расположенном выше горизонта с упомянутым коренным зубом древнего человека.

Все эти материалы представляют несомненный интерес, но датировка упомянутых объектов не кажется бесспорной, поскольку она определена только по фаунистическим остаткам. Так, памятник Кульпхо 2 просто отнесен к тому же периоду, что и памятник Чандокни в уезде Хвандэ и Тонгван в уезде Чонсон провинции Северный Хамген, где обнаружены кости животных, обитавших на Корейском полуострове в верхнем плейстоцене. Не случайно, что некоторые археологи КНДР определяют возраст Кульпхо 2 не в 40—30 тыс. лет, а в 10 тыс. лет. Этот недостаток своей работы чувствуют и сами авторы. В главе, отведенной неолиту, они пишут, что из-за отсутствия абсолютной датировки при определении возраста неолитических памятников применяется не обычная (в веках), а укрупненная единица измерений — 500 лет (с. 20). Данный прием, на наш взгляд, не спасает положения, так как при отсутствии точных методов датировки ошибки возможны при любой единице измерения. Далее, сама единица измерения допускает возможные расхождения почти на тысячу лет, что практически обесценивает всю схему датировки для памятников позднего неолита.

Наступление эпохи неолита связывается с появлением шлифованных каменных орудий и глиняной керамики. Авторы правильно отмечают, что изготовление керамики — малотранспортабельного и легко бьющегося инвентаря — свидетельствует о известной степени оседлости населения.

Авторы не называют даже приблизительной даты наступления эпохи неолита на Корейском полуострове. Они только отмечают, что «имеющиеся в настоящее время материалы говорят о довольно раннем наступлении эпохи неолита в нашей стране» (с. 14). Тем не менее они считают, что уже в V тысячелетии до н. э. в этом регионе появилось мотыжное земледелие, о наличии которого свидетельствуют находки земледельческих орудий и обугленных зерен на местах древних поселений. Если предварительная датировка подтвердится, то Корейский полуостров можно будет считать одним из древнейших очагов земледелия на Востоке Азии.

В то же время авторы категорически отрицают возможность возникновения культур неолита Корейского полуострова в результате контактов с соседними регионами (с. 19). По их мнению, автохтонное население Восточно-Азиатского региона, центром которого они считают Корею, создало свою культуру неолита, свободную от всякого влияния извне. Это высказывание не подкреплено убедительными аргументами и оставляет без объяснения многие общие черты в неолитических культурах Кореи, Северной Евразии и Юго-Восточной Азии.

Эпоха неолита в Корее делится на два периода — ранний (V—IV тысячелетия до н. э.) и поздний, или развитый (III тысячелетие до н. э.) неолит. Из памятников раннего неолита в этой работе описаны Кунсан (жилища 1, 3 и 4), Сопхонан (жилища 9, 3, 17 и 19), Читхамни (жилище 1). Эти жилища представляют круглые или квадратные в плане полуземлянки и землянки с глубиной котлована от 0,5 до 1,5 м.

Внутри жилищ и в одновременном культурном слое найдено сравнительно много орудий из камня и кости, а также глиняной посуды. Каменный инвентарь представлен мотыгами, ножами, стрелами, скребками, отбойниками, грузилами, точилами. Среди изделий из кости оказались копья, остроги, гарпуны, ножи, проколки.

Керамика этого периода представлена кругло- и плоскодонными сосудами довольно простой конфигурации, украшенными различными модификациями гребенчатого орнамента — елочным, волнообразным и т. д. Хотя авторы и подчеркивают общность происхождения и близость культур, представленных названными памятниками, тем не менее они отмечают и локальные различия. Так, керамика Кунсана отличается круглым дном и примесью талька или асбеста в тесте, в то время как для Сопхохана характерны преимущественно плоскодонные сосуды, изготовленные из глины с примесью песка.

Для позднего неолита характерно дальнейшее углубление локальных различий с одновременным распространением общей по происхождению культуры на более обширной территории. Как считают авторы, такая культура, датируемая III тысячелетием до н. э., распространилась на обширной территории от бассейна р. Ляохэ на западе до Японского моря на востоке. Наиболее выразительными памятниками позднего неолита считаются уже упомянутые Кунсан, Читхамни и Сопхохан, а также Кымтханни в районе Садон г. Пхеньяна, Седжукни в уезде Енбен провинции Северный Пхёнан и др. В этот период почти все жилища становятся квадратными или прямоугольными; орудия труда, сохраняя прежние очертания, приобретают более совершенные формы. Появляются и новые типы орудий, связанные с земледелием,— каменные сошники для плугов, палки для рыхления земли. Из новых орудий многофункционального назначения следует отметить топоры с выступом и скошенным лезвием, палицы различного вида. Совершенствуется и техника изготовления орудий, высокого искусства достигает умение шлифовать и затачивать камни, люди овладели методами резки и сверления камня.

Развивается в этот период и гончарное дело. Сосуды становятся более разнообразными по форме – изготавливаются плоскодонные сосуды с венчиком, шейкой и туловом различной конфигурации. Усложняется и орнамент: наряду со старым, гребенчатым орнаментом широко употребляются различные модификации узора «молния», узор «облака» и др. Наконец, этот период характерен предметами первобытного искусства. Например, в Сопхохане найдены личины и зооморфные фигурки из глины.

С развитием производительных сил происходят изменения и в социальной организации общества. По мнению авторов, господствующее положение занимает матриархальный род, сменивший первобытную орду. Хотя матриархальная община возникла, согласно авторам, в конце палеолита, высшего развития она достигает в неолитическую эпоху.

Эпоха бронзы описана в последней главе раздела, посвященного первобытному обществу и в первой главе раздела «Рабовладельческое общество». Такое распределение эпохи бронзы по двум разделам не случайно, а отражает новые концепции археологов КНДР о более раннем, чем это считалось прежде, появлении древнекорейского классового общества. Они считают рубеж III и II тысячелетий до н. э. началом бронзового века на Корейском полуострове (с. 62), а первую половину I тысячелетия до н. э.– периодом образования первых государств в этом регионе. Здесь археологическая периодизация подчинена исторической, что заметно по отсутствию раздела, посвященного эпохе раннего железа.

Спорной выглядит и сама дата начала эпохи бронзы в данном регионе, поскольку она, как и все хронологические схемы, основывается на относительной датировке. Между тем немногие радиокарбоновые даты, установленные для памятников Южной Кореи и Южной Маньчжурии, свидетельствуют о том, что в этих районах в первой половине II тысячелетия до н. э. господствовал неолит. Так, для слоя 1 стоянки Шуантоцзы, которая у археологов КНДР считается опорным памятником на Ляодуне, получена дата 1940±90 г. до н. э., а для 3-го слоя этой стоянки, который, судя по найденному там инвентарю, относится к периоду ранней бронзы, получена дата XII в. до н. э. Отсюда следует, что пока, по-видимому, нет оснований считать рубеж II и III тысячелетий до н. э. началом бронзового века в Корее. На этом фоне значительно преувеличенной кажется сама продолжительность бронзового века в описывае-

мом регионе — около 1,5 тыс. лет (с. 63), особенно по сравнению с соседними районами, например Приморьем, где длительность эпохи бронзы не превышает 500 лет.

Не представляется бесспорным и утверждение авторов, что жители почти всех районов данного региона одновременно перешли к использованию изделий из бронзы (с. 64). Археологические материалы свидетельствуют о другом. Например, каменные кинжалы продолжали употребляться в отдельных районах Южной Кореи вплоть до середины I тысячелетия до н. э., когда в Южной Маньчжурии и Северной Корее были в ходу орудия не только из бронзы, но и из железа.

К памятникам ранней бронзы в книге отнесены местонахождения Туаньтоцзы, Шиганцзы, Чжаогунцзе, Шуантоцзы 2 и 3 в Южной Манчьжурии, Тансан в уезде Чонджу и Санхакни в уезде Ёнчхон провинции Северный Пхёнан. При описании найденного на этих памятниках инвентаря правильно указывается, что на раннем этапе бронзовые орудия были немногочисленны и сравнительно простых форм. В это время из бронзы изготовлялись только небольшие ножи, долота, проколки, украшения. Абсолютное большинство орудий по-прежнему изготовлялось из камня. Каменная индустрия продолжала господствовать и в период поздней бронзы, причем именно в это время достигает высокого совершенства техника шлифовки каменных изделий. Из камня изготовляли топоры с выступами, долота и стамески с пазами, тесла, сверла и другие инструменты для обработки дерева.

Одним из важнейших изменений, которые принес бронзовый век в указанный регион, следует считать появление керамики нового типа. В большинстве районов, расположенных к югу от линии Ляохэ-Сунгари, на смену орнаментированной, преимущественно гребенчатой, приходит коричневая лощеная керамика, в некоторых районах широко распространяется красная и черная лощеная керамика. И эта смена произошла довольно резко, поскольку промежуточных типов керамики почти не обнаружено. Сдвиги заметны не только в технике и декоре, но и в значительном расширении ассортимента изготовляемых сосудов. Вся глиняная посуда стала делиться на кухонную, столовую и сосуды для хранения продуктов. Появились десятки сосудов новых форм. Однако в соответствии с преобладающей формой сосудов эта керамика получила название «вымеобразной» (пхэнъи хен).

С эпохой бронзы связано также появление в этом регионе новых погребальных сооружений — мегалитических, представленных дольменами и могилами с каменными ящиками, хотя второй вид сооружений можно считать более поздним. Таким образом, вышеуказанные изменения говорят о появлении качественно новой культуры, что, по-видимому, связано с иммиграцией населения из других районов Евразии. Однако авторы специально подчеркивают автохтонный и самостоятельный характер появления культуры эпохи бронзы в указанном регионе на основе местных неолитических культур, что вряд ли справедливо. Отмечая в среднем одинаковый уровень развития производительных сил на всей территории региона в период ранней бронзы, авторы в то же время подразделяют эту территорию на несколько районов с особыми локальными культурами: а) Ляодун и низовья р. Амноккан, б) междуречье Амноккан — Сунгари, в) бассейн Туманган, г) Восточное побережье, д) Южная Корея.

Главными очагами культуры эпохи бронзы совершенно обоснованно считаются Ляодун и Северо-Западная Корея, которые в своем развитии вскоре обогнали другие районы. Ценным при этом является то, что по всем выделенным районам даны схемы хронологической последовательности развития культуры ранней бронзы. Для низовьев Тэдонгана эта схема выглядит следующим образом:

3-й слой Кымтханни → Синхындон и Чхимчхон → Соктханни → Ибсокни → Седжукни и Мэбонсан

Для бассейна р. Туманган в монографии дается своя хронологическая схема основных памятников (с. 67):

Памятники ранней бронзы (горизонт эпохи бронзы Сопхохана)			Памятники поздней бронзы	
			жилище 4 Одона;	жилище 5 Одона;
1-слой Одона	→ 2-й слой Помый-Кусок	→ Чходо.	→ жилища 4, 19, 30 и 31 Помый-Кусок	→ жилища 8, 11 Помый-Кусок

Эти памятники хронологически расположены между 5-м неолитическим слоем Сопхохана, датируемым, по словам авторов, финалом III тысячелетия до н. э. и горизонтом эпохи раннего железа, расположенным в 1-м слое Помый-Кусок, который датируется VII—V вв. до н. э. (с. 65). Отсюда можно сделать вывод, что памятники эпохи бронзы относятся к интервалу между концом II тысячелетия до н. э. и примерно V в. до н. э.

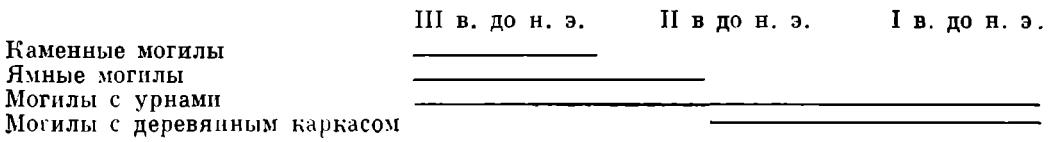
Глава с описанием периода поздней бронзы включена, как мы уже говорили, в раздел «Рабовладельческое общество». Это вызвано тем, что в настоящее время историки и археологи КНДР считают первую половину I тысячелетия до н. э. периодом возникновения и формирования Древнего Чосона — первого, по их словам, в истории Кореи рабовладельческого государства. Необходимо отметить, что проблема Древнего Чосона считается одной из главнейших в корейской историографии, хотя ее нельзя назвать новой, так как ее изучение интенсивно ведется вот уже третий десяток лет. Причем характерно, что если в ранних работах Древний Чосон называется политическим объединением или обществом военной демократии, то в работах 70-х годов и в данной монографии его прямо называют настоящим рабовладельческим государством. В чем же причина таких метаморфоз? Новых письменных источников не обнаружено, и все доказательства в защиту данного тезиса археологи КНДР строят на археологических материалах.

Основными памятниками раннечосонской культуры считаются поселения, отдельные жилища и погребения различного типа: дольмены, могилы с каменными ящиками, могилы с каменной насыпью, грунтовые могилы. Раннечосонские жилища сооружались в виде прямоугольных полуземлянок. В качестве примера таких строений рассматриваются жилища поселения Седжукни (2-й и 3-й слой), расположенного в верховьях Чхончхонгана и Иньцзянуни на южной оконечности Ляодунского полуострова. Из погребений подробно описываются могильники Ганшан и Лоушан, представляющие комплекс могил с каменными ящиками, покрытый общей каменной насыпью. Основными индикаторами древнечосонской культуры этого периода считаются бронзовые кельты с геометрическим орнаментом, скрипковидные кинжалы с наборными рукоятками, детали повозок, а также керамика мисонни, представленная сосудами средних размеров с круглым туловом, длинной расширяющейся кверху шейкой и небольшим плоским дном. Ее более поздняя разновидность называется керамикой мукпанни.

На основании погребальных комплексов Ганшана и Лоушана, которые якобы представляют захоронения знатных людей и сопогребения рабов, делается вывод, что в Чосоне уже в ранний период его истории существовали классы. Далее авторы правильно отмечают, что во второй половине I тысячелетия до н. э. на Корейском полуострове происходит повсеместное распространение железных орудий. Наиболее крупные комплексы железных изделий найдены на памятниках Ляньхуапу (Ляодун) и Енъендон (низовья Амноккана). Однако в монографии также указывается, что в этот период (вторая половина I тысячелетия до н. э.) на территории Южной Маньчжурии и Корейского полуострова появляются другие древнекорейские государства — Пуё и Чингук, хотя главной политической силой в этом регионе выступал Древний Чосон.

Если с появлением Пуё, государственного образования III — II вв. до н. э. в среднем течении Сунгари, можно согласиться, то в отношении Чингука представления авторов нечеткие. В частности, нерешенными остаются вопросы о границах этой страны, о характере ее культуры. В данной монографии отмечается, что и в Чосоне, и в Северо-Западной Корее, частично входившей в состав страны Чингук в III—II вв. до н. э., существовала одна и та же культура узких бронзовых кинжалов, связанная по происхождению с культурой скрипковидных кинжалов. В действительности между памятниками культуры узких бронзовых кинжалов, расположенными к северу и югу от р. Чхончхонган, наблюдаются локальные различия, и, по словам авторов, это связано с тем, что по Чхончхонгану проходила граница между Чосоном и Чингуком. Поэтому они в составе культуры узких бронзовых кинжалов выделяют так называемую культуру Седжукни-Ляньхуапу, памятники которой расположены севернее Чхончхонгана.

Основными археологическими памятниками страны Чингук считаются погребения — каменные могилы (по корейской терминологии), ямные могилы и могилы с урнами (с. 159). Каменные могилы в свою очередь делятся на могилы с каменными ящиками, с каменными саркофагами, с каменной кладкой. В качестве примера каменных могил всех трех типов дается описание погребений из Сачхонни уезда Ендок провинции Северный Кенсан, из Кведжондона возле г. Пусана и из Тунпхори уезда Асан провинции Юж. Чхунчхон. Датируются каменные могилы IV—III вв. до н. э. В целом же авторы делают вывод, что культура страны Чингук отличалась от древнечосонской культуры только деталями. В частности, она, по их словам, является более поздней, поскольку развивалась на основе древнечосонской культуры. Между тем для аналогичных погребений Северо-Западной Кореи, входившей в состав Древнего Чосона, авторы дают следующую хронологическую схему



Отсюда видно, что возраст погребений не подтверждает тезис о более позднем развитии культуры Чингука.

Далее, описывая культуру Северо-Западной Кореи в I—III вв., авторы ни разу не упоминают о культуре Северной Кореи в период Ханьских округов, созданных на территории Древнего Чосона после его разгрома. «В этот период, соответствующий раннему этапу эпохи „Трех государств", земли к северу от Чхончхонгана захватило Когуре, территорию с центром в провинции Кенги занимала Пэкче, а в районе провинции Северный Кенсан образовалось государство Силла. На территории Северо-Западной Кореи с центром в г. Пхеньяне развивалась особая культура, отличающаяся от культур Когурё, Пэкче и Силла. Несмотря на то, что эта культура отличалась от культуры „Трех государств", она достигла высокого уровня развития, впитав в себя традиции древних культур I тыс. до н. э.» (с. 161). И эта высокоразвитая культура, по мнению авторов, была создана «потомками древних чосонцев», т. е. тем самым утверждается, что эта культура была чисто местной по происхождению и не имела никакого отношения к ханьской культуре. Но тогда встает вопрос о местонахождении ханьских округов, установленных в 108 г. до н. э. на территории Древнего Чосона, особенно Лолана, который, согласно письменным источникам, существовал со 108 г. до н. э. до 313 г., когда его захватило Когурё. В специальной литературе по древней истории Кореи даже существуют особые термины «эпоха Лолана», «культура Лолана» и т. д. Не выделив памятники эпохи Лолана, авторы отнюдь не способствовали успешному освещению этого очень сложного этапа в истории Кореи.

Третий раздел монографии озаглавлен «Феодальное общество» и состоит из трех связанных между собой хронологической последовательностью глав. Сама композиция текста монографии говорит о том, что авторы как само собой разумеющееся считают, что на рубеже новой эры древнекорейское общество вступило на стадию феодализма. На чем же основано такое утверждение? А на том основании, что раньше, в I тысячелетии до н. э., древнекорейское общество было рабовладельческим и «в нашей стране феодальное общество возникло на рубеже новой эры как закономерный процесс общественного развития предшествующего рабовладельческого общества» (с. 171). Едва ли подобный тезис можно считать серьезным доказательством, так как исходный постулат о рабовладельческом характере древнекорейского общества в I тысячелетии до н. э. также нуждается в серьезных научных доказательствах. Кроме того, письменные источники упоминают о существовании рабства в эпоху «Трех государств» в Корее.

Заслуживает внимания и обоснование периодизации эпохи феодализма в Корее. Самый ранний этап (I—VII вв.) называется периодом «Трех государств», т. е. Ко-

гурё, Пэкче и Силла. Указывается, что Когурё возникло в I в. до н. э., Пэкче — в I в. до н. э., Силла — во II в. н. э. Иначе говоря, легендарный период истории этих государств включается в собственно исторический период. Второй этап охватывает всего два столетия — VIII—IX вв. В этот период истории «на севере нашей страны возникло государство Бохай, а на юге Силла значительно расширила свои пределы» (с. 178). При этом Бохай считается чисто корейским государством, хотя известно, что большинство его населения составляли народы тунгусо-маньчжурского происхождения. Самый последний раздел эпохи феодализма посвящен описанию археологических памятников X — XIV вв., т. е. период единого централизованного государства, сложившегося при династии Корё.

Материальная культура всех трех этапов феодализма освещена достаточно полно. Последовательно подчеркивается преемственность в развитии оружейного дела, фортификации, градостроительства. В частности, особо отмечается преемственность культур Когурё и Бохая, а о культуре государства Корё говорится, что она представляет синтез и дальнейшее развитие культур Когурё, Силлы и Бохая.

В целом данная монография представляет наиболее полный из известных к настоящему времени сборник материалов по археологии Кореи. К достоинствам данной работы также следует отнести четкий и ясный стиль изложения, богатый иллюстративный материал. Однако отдельные разделы перегружены сведениями, уместными в учебниках по археологии. Например, объясняется, что такое неолит, ледниковый период, металлургия и т. д. Не улучшают, а затрудняют восприятие текста, засоряют его и многочисленные цитаты, не имеющие отношения к археологии.

К числу нерешенных проблем корейской археологии следует отнести кроме почти полного отсутствия точных датировок проблему мезолита. В рецензируемой работе период с XIV до V тысячелетия до н. э. практически совсем не упоминается. Даже неизвестно, обнаружены ли какие-нибудь относящиеся к нему памятники. Выделению мезолита во многом способствовала бы абсолютная датировка археологических объектов. Спорным выглядит тезис об отсутствии в описываемом регионе иммиграции населения в эпоху неолита и ранней бронзы. Археологические материалы говорят как раз о другом. Наступление эпохи бронзы в данном регионе характеризуется появлением не только бронзовых орудий, но и мегалитических сооружений, керамики нового типа — неорнаментированной. Все это дает серьезные основания предполагать крупные сдвиги в этническом составе населения накануне эпохи бронзы.

Дискуссионные вопросы и нерешенные проблемы не портят общего хорошего впечатления от данной работы, которая представляет большой интерес для всех исследователей, занимающихся изучением древней истории Дальнего Востока.

Ю. М. Бутин

Две книги советских нумизматов в английском переводе

Zograph A. N. Ancient Coinage. Translated from the Russian by H. Bartlett Wells. Part I: **The General Problems of Ancient Numismatics.** Part II: **The Ancient Coins of the Northern Black Sea Littoral.** British Archaeological Reports. Supplementary Series 33(i-ii). S. l. (Oxford), 1977, 420 p., 17 figs, 50 pl.

Shelow D. B. Coinage of the Bosporus VI—II Centuries B. C. Translated from the Russian by H. Bartlett Wells. British Archaeological Reports. International Series (Supplementary) 46. S. 1. (Oxford), 1978, 226 p., 6 pl.

Археологические и исторические публикации, выходящие в Оксфорде с 1974 г. под редакцией А. Бродрибба, супругов А. и И. Хэндс и Д. Уолкера, составили к началу 1978 г. целую библиотеку — 39 выпусков Британской серии и 37 выпусков дополнительной, или международной, серии. Среди книг, вошедших в состав последней, мы находим целый ряд монографий болгарских, румынских, чехословацких и югославских ученых, и нельзя не приветствовать тот факт, что редакция начала

выпускать также труды советских нумизматов. Действительно, несмотря на расширяющееся на Западе изучение русского языка, так называемый языковый барьер все еще представляет собой реальность, в особенности для старшего поколения исследователей античного и средневекового мира. Между тем вряд ли можно поставить под сомнение значение того вклада в развитие мировой науки, который внесен учеными Советского Союза и социалистических стран, и поэтому появление английских переводов наиболее значительных произведений, вышедших на русском, болгарском, чешском и других экзотических для среднего западного специалиста языках, не только существенно способствует обмену научной информации и расширяет исследовательский горизонт отдельных специалистов, но и является немаловажным элементом в процессе всемирного научного общения.

Отобранные оксфордскими учеными книги советских нумизматов появились в 50-х годах [1] и прочно вошли в основной фонд послевоенной научной литературы. Хотя за последние десятилетия исследователями проблем античной нумизматики опубликовано немало монографий, статей, заметок и других материалов о монетах и денежном обращении Боспорского государства, Херсонеса, Ольвии и Тиры [2], рассматриваемые труды А. Н. Зографа и Д. Б. Шелова могут быть по справедливости признаны капитальными произведениями в своей области, и выбор издателей BAR нельзя не признать удачным: обе книги в своей главной части успешно выдержали испытание временем, высоко поучительны по методике исследования и достаточно объективно отражают достижения двух поколений советских нумизматов-античников. В силу этого их перевод на английский язык не только введет в поле зрения зарубежных нумизматов достоверные сведения в мало им известной, но немаловажной области антиковедения, но и правильно сориентирует западных читателей в отношении того пути, который прошла античная нумизматика в Советском Союзе.

Рассматриваемые книги А. Н. Зографа и Д. Б. Шелова хорошо известны и специалистам-историкам, и более широкому кругу читателей. Они неоднократно рецензировались как в СССР [3], в том числе и автором настоящих строк [4], так и за рубежом [5]; ссылки на них не сходят со страниц нумизматических и археологических изданий, а потому вряд ли целесообразно возвращаться к их подробному рецензированию в обычном смысле этого слова. В связи с выходом этих трудов на английском языке важнее, как кажется, отметить другое: несмотря на то что по многим частным вопросам истории монетного дела древних городов северного побережья Черного моря взгляды А. Н. Зографа и отчасти Д. Б. Шелова представляются в настоящее время опровергнутыми или по крайней мере основательно поколебленными, общая картина эволюции денежного обращения античных полисов Северного Причерноморья — и, в частности, Боспорского государства,— которая намечена и аргументирована в рассматриваемых монографиях, выдержала испытание на прочность. Споры идут в рамках тех концепций, которые были сформулированы в этих трудах. Причина этого, разумеется, не в исключительном даре дивинации авторов, а в том историзме, который составляет основную отличительную черту советской нумизматической школы, заложенной А. Н. Зографом и достойно продолженной пс-

---

[1] *Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, № 16, 1951, 264 с., 50 табл.; *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, 224 с., 9 табл.

[2] *Спасский И. Г., Янин В. Л.* Советская нумизматика. Библиографический указатель 1917—1958 гг.— НЭ, II. 1960, с. 155; *они же.* Библиографический указатель 1959—1960 гг. Дополнения.— НЭ, III, 1962, с. 288; *Северова М. Б.* Библиографический указатель 1961—1965 гг. Дополнения.— НЭ, IX, 1971, с. 191; *ее же.* Библиографический указатель 1966—1972 гг. Дополнения.— НЭ, XII, 1978, с. 188: Аннотированная библиография: *Golenko K.* Nördliches Schwarzmeergebiet.— Chiron, 1975, № 5, S. 497.

[3] *Граков Б. Н.*— КСИИМК, XIII, 1946, с. 203; *Харко Л. П.*— ВДИ, 1951, № 4, с. 115—118; *Дьяков В. Н.*— Там же, с. 118—122.

[4] *Карышковский П. О.*— ВДИ, 1953, № 1, с. 105—111; *его же.*— СА, 1957, № 1, с. 276—279.

[5] На книгу А. Н. Зографа: *Preda C.*— SCIV, v. IV, 1953, № 3/4, p. 806, 807: *Grant M.*— Numismatic Chronicle, Sixth series, vol. XV, 1955, p. 261, 262: ср. Schweizer Münzblätter, 1953, № 4, S. 97; на книгу Д. Б. Шелова: *Nemeskalova-Jirouková Z.*— Numismatické listy 1957, № 5, str. 152—153; ср. Schweizer Münzblätter, 1957, № 27, S. 61; Italia numismatica, t. VIII, 1957, № 10, p. 69.

следователями следующих поколений. Дело тут даже не столько в широкой общеисторической перспективе, отличном знании конкретного материала или в солидной филологической и археологической подготовке обоих авторов, а в том, что античные монеты являются для них не объектом самодовлеющего любования или эрудитского изучения, а одним из важнейших первоисточников, позволяющим раскрыть и интерпретировать многие полустертые следы давно прошедшей исторической действительности. Рассматривая монеты как исторический источник, стремясь к их всестороннему изучению, представители советской нумизматической школы видят в нумизматическом материале отражение закономерного развития экономики, общественно-политической жизни и культуры давно исчезнувших народов и никогда не упускают из виду того, что монеты «раскрываются» в полной мере лишь при комплексном анализе всей совокупности данных, свидетельствующих об эволюции древних обществ.

Разумеется, при переиздании работ, увидевших свет более двух десятков лет назад, необходимы некоторые поправки и изменения. Д. Б. Шелов действительно внес в свою книгу необходимые дополнения, формулирующие его современную точку зрения по ряду вопросов и учитывающие вышедшую после 1956 г. литературу (эти дополнения выделены в английском издании в виде приложения, с. 184—216); следует пожелать, чтобы некоторые из этих экскурсов, не нашедшие выражения в опубликованных до 1978 г. работах автора, стали известными и советскому читателю. Труд А. Н. Зографа повторен точно в таком виде, в каком он был посмертно издан в 1951 г. При этом оказались, к сожалению, воспроизведенными и некоторые явные смысловые и технические ошибки русского издания: на с. 194 перевода (с. 125 русск. изд.) средний вес статеров с именем Эминака показан 11,73 *г* (вместо 11,43 *г*); на с. 224 перевода (с. 145 русск. изд.) надпись на медной ольвийской монете транскрибирована ОЕОПРІК вместо ОЕОПРК; в таблице весов боспорских царских монет (с. 330 перевода, с. 206, 207 русск. изд.) спутаны строки — вес 13,37 *г* в графе сестерциев ошибочно отнесен к царю Котию I и т. п. Следовало бы, вероятно, оговорить в специальных примечаниях, что некоторые мнения А. Н. Зографа объективно опровергнуты археологическими материалами (например, отнесение литых монеток с буквами I T к Ольвии или датировка ольвийских монет с изображениями Тихе и лучника временем Митридата Евпатора). Наконец, в английских изданиях обоих трудов допущены немногие, но досадные мелкие упущения: на с. 260 книги А. Н. Зографа между сносками 97 и 98 пропущено примечание (с. 159 русск. изд., лев. стб., сноска 2); страницы, на которых помещены примечания к главе XI той же книги, лишены пагинации, и здесь же в сноске 28 сохранено бессмысленное сочетание букв (Taschelbu) вместо фамилии известного нумизмата начала текущего века Tachella (с. 165 русск. изд., прав. стб., сноска 2); несколько ниже между сносками 57 и 58 английского издания пропущено имеющееся в русском оригинале (с. 170, прав. стб.) указание на Страбона, а между сносками 60 и 62 — на труд Э. Миннза (там же). Подобные промахи налицо и в книге Д. Б. Шелова: особенно досадно выпадение таблицы Б на с. 36 перевода (с. 57 русск. изд.), искажающее и обедняющее аргументацию автора.

Само собою понятно, что значение факта появления на английском языке, и притом в составе серии монографий, завоевавшей признание мировой научной общественности, двух крупных нумизматических монографий советских ученых не ослабляется такого рода погрешностями. Неприятное впечатление от подобных мелочей в значительной степени стирается благодаря общему стилю издания и прекрасному, чтобы не сказать безукоризненно верному и вполне литературному, переводу Х. Бартлетта Уэллса, давно уже радующего зарубежных нумизматов ротапринтными переводами статей советских ученых. Достаточно отчетливы и таблицы, в точности воспроизводящие таблицы А. Н. Зографа и несколько по-иному располагающие изображения монет, помещенных в книге Д. Б. Шелова. Очень хорошо также, что к переводу труда А. Н. Зографа приложен портрет ученого.

Из сказанного видно, что англоязычные читатели получили ценное дополнение к имевшимся ранее в переводах трудам советских археологов.

П. О. Карышковский

Jochim M. A. Hunter-gatherer subsistence and settlement. A predictive model. New York: Acad. Press, 1976. 206 p., ill.

В течение последних десятилетий этнографическое изучение охотничье-собирательских обществ поднялось на принципиально новый уровень. От разрозненных описаний отдельных групп исследователи перешли к созданию широкомасштабных обобщений данных о социальном устройстве, экологии, экономике и демографии народов этой ступени, представляющих значительную ценность для археологов, исследующих древнейшее прошлое человечества [1, 2]. Одновременно наблюдается рост интереса самих археологов к этим направлениям [3, 4, 5], назревала необходимость комплексных этноархеологических исследований. В этом контексте особый интерес представляет рецензируемая книга сотрудника Калифорнийского университета М. Джохима, вышедшая в серии «Исследования по археологии». Монографии и сборники этой серии характеризуются смелым поиском новых подходов к теории и практике археологической науки. Не составляет исключения и рецензируемая работа — перед нами первая попытка создания на основе этнографических данных общей экономико-математической модели общества охотников и собирателей (чему посвящена первая часть книги — «Модель») и сопоставления ее с конкретной группой археологических памятников (вторая часть — «Археологическое приложение»).

В первой главе автор, применяя понятия теории игр и теории систем, характеризует общую направленность экономики охотничье-собирательского общества, подчеркивая обусловленность ее в первую очередь экологическими факторами, использование смешанной стратегии (что достигается одновременной эксплуатацией нескольких видов ресурсов) и стремление свести усилия для достижения целей к минимуму. Нетрудно заметить, что М. Джохим более склоняется к формальному, чем к субстантивистскому течению в «экономической антропологии», охарактеризованному недавно Н. А. Бутиновым [6].

Во второй главе выделены три рассматриваемые ниже подсистемы — список используемых ресурсов, расположение поселений и демографический порядок. Первой из них посвящена третья глава. В соответствии с принципами системного подхода вначале определяются основные цели данной подсистемы — обеспечение пищевых и непищевых потребностей общества (причем для охотников-собирателей уровень потребностей близок к минимальному) и стремление достигнуть обеспеченности с наименьшими затратами. Однако далеко не все в первобытном обществе можно объяснить столь прямолинейно. При изготовлении орудий, например, затраты труда нередко превышают утилитарную необходимость [7, 86].

Далее для создания математической модели выделяются признаки ресурсов — вес, плотность, размер скопления, мобильность, содержание жира и непищевые выходы (шкуры, рога и т. п.). Через соотношение этих признаков выводятся формулы достижения вышеуказанных целей. Особую трудность при квантификации представляют характеристики непищевых выходов, для их оценки применены условные надбавки к весу. Вычисления по разным видам ресурсов сводятся в единую таблицу, и рассчитывается пропорциональная важность каждого из них. Предсказательную силу модели демонстрирует ее приложение к этнографическим данным (группе оджибве Круглого озера, детально изученных Е. Роджерсом). Используя биологические данные по промысловым видам животного и растительного мира, вычисляются предсказанные значения соотношения всех видов по месяцам, данные по отдельным видам сводятся в общий график. Последний при сопоставлении с реальными данными показал хорошее приближение к ним. По графику выделены и экономические сезоны (группы месяцев со сходной структурой потребляемых видов).

Факторам, обусловливающим расположение поселения, посвящена четвертая глава. Основными целями при этом оказываются расположение поселения ближе к ресурсам, обеспечение убежища и защиты и стремление иметь с поселения вид на местность для наблюдения за дичью и соседними группами. Далее рассматривается лишь первая из этих целей. М. Джохим обратился к локационной модели «тяготения» для измерения минимального расстояния от поселения до сосредоточения ресурсов (пищи, воды и топлива). Расчеты привели автора к выводу о том, что поселения должны быть максимально приближены к менее мобильным и более плотно сгруп-

пированным ресурсам. Обратившись к примеру оджибве, М. Джохим на основании данных о количестве необходимой пищи для данного периода вычислил примерный радиус эксплуатируемой с поселения зоны. Расчеты по этому разделу менее убедительны, чем по списку ресурсов, так как на расположение поселения влияло множество факторов, большинство которых с трудом поддаются формализации. С этим как будто согласен и сам автор.

В пятой главе рассматриваются вопросы демографии. Минимальные размеры группы охотников-собирателей также обусловливаются имеющимися ресурсами. Через биомассу видов животных и пропорции их потребления автор рассчитывает минимальную плотность населения и потенциальное скопление населения по месяцам (на примере оджибве).

Во второй части книги созданная модель приложена к группе мезолитических стоянок верхнего Дуная, изученных М. Джохимом во время стажировки в ФРГ. В шестой главе дается общая характеристика мезолита района, в седьмой описывается природная среда. Здесь приведен и общий список видов фауны, открытых на стоянках. Исходя из этого перечня в восьмой главе по каждому виду дается характеристика биотопа и вероятные места обитания в изучаемом районе. Для определения сезонности охоты привлекаются как эколого-этологические, так и этнографические данные. Основные промысловые виды здесь благородный олень, косуля, кабан, бобр и мелкая дичь. Приведены расчеты веса, плотности расселения, биомассы, размеров групп и мобильности каждого вида. Весьма спорны условные усредненные подсчеты для рыб и птиц и особенно произвольная оценка растительной пищи в рационе в 20% от общего объема потребляемых ресурсов. Впрочем, вопрос соотношения охоты и собирательства сложен для количественной оценки.

Следуя модели, описанной в четвертой главе, в десятой главе даются предсказания оптимального размещения стоянок разных сезонов в зависимости от мест скопления ресурсов. Основным фактором здесь выступает близость к наименее мобильным ресурсам — растительным и рыбным. Как минимум необходимы четыре базовые сезонные стоянки, расположенные зимой в навесах узкого ущелья Дуная в Альпах, а летом — на озерных равнинах. В десятой главе содержится примерная оценка плотности населения в зависимости от ресурсов и расчеты оптимального размера группы в различные сезоны. Делается вывод о вдвое большем размере летних групп по сравнению с зимними. Предсказания суммируются в одиннадцатой главе, где по четырем сезонам дается список ресурсов, вероятные места расселения и размеры групп.

Двенадцатая глава посвящена характеристике опорных стоянок, по которым и будет производиться сопоставление ожиданий с реальностью. Из трех групп мезолитических памятников района отобраны наиболее полно изученные: для ущелья верхнего Дуная — пещеры Ягерхауз, Фалькенштейн и навес Инцингкофен, для области ниже по течению — пещера Шунтерс и навес Лаутерек, для озерной низменности — семь местонахождений вокруг оз. Федерзее, давших наибольший материал (только одно стратифицированное — Таннсток). Для всех памятников приведены списки фауны, типологии каменных орудий (по В. Тауте) и других находок.

Наиболее важна тринадцатая глава, в которой выведенные из модели ожидания сопоставляются с реальными данными. Сопоставление процентного соотношения фаунистических остатков и наличия индикаторных видов в четырех стоянках с предсказаниями соотношений по сезонам дает основания полагать, что Фалькенштейн заселялся осенью, Ягерхауз — зимой, а Инцингкофен и Лаутерек — весной. Данные об экспозиции пещер и навесов, расстояния до воды и другие характеристики подтверждают это предположение и позволяют отнести стоянки Федерзее к летним. Окончательно оживляют реконструируемую картину сезонного цикла миграций данные по демографии. Летние крупные группы (до 15 семей) осенью сегментировались на группы из 2—6 семей и так проводили зиму. Наиболее рассредоточено было население весной. Разумеется, не следует воспринимать реконструкцию буквально — так, что летняя группа, жившая в Таннстоке, переходила осенью в Фалькенштейн или Шунтерс. Ведь здесь объединяются данные по разновременным памятникам. Речь идет об общих чертах образа жизни мезолитических обитателей района.

Сопоставляя расположение мадленских и мезолитических стойбищ (на примере долины Блау), автор приходит к выводу о существенной разнице между ними. Палеолитические стоянки располагаются выше по притокам, а мезолитические ниже, по берегам древнего озера, что отражает растущую роль рыболовства. Наконец, рассматриваются сезонные вариации в каменном и костяном инвентаре. М. Джохим справедливо говорит о слабой разработанности этого вопроса, основные различия скорее отражают хронологию. К сожалению, даже не упоминается о функционально-трасологическом методе, который мог бы послужить реальным независимым способом проверки постулируемой сезонности. В заключительной, четырнадцатой главе оговаривается, что хотя модель носит общий характер, но конкретное ее приложение специфично и не может распространяться даже на ближайшие области (бассейн верхнего Рейна и Франконская Юра).

Работа М. Джохима является лишь шагом на пути к созданию общей модели экономики охотничье-собирательских обществ; в книге немало упрощений и искажений, особенно при квантификации данных. Однако сама логическая схема комплексного исследования, основанная на идее моделирования [8, с. 82, 83], может служить образцом для этноархеологических разработок. В этом отношении рецензируемая работа представляет собой большую ценность для археологов и этнографов. Тем более заметным становится отсутствие исследований сходного плана по материальной культуре охотников-собирателей, отражений в ней производственных, экологических и культурно-стилистических различий.

С. А. Васильев

ЛІТЕРАТУРА

1. Man the hunter. / Eds. R. B. Lee and I. de Vore. Chicago, 1968.
2. Кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Наука, 1972.
3. Papers on economic prehistory. / Ed. E. Higgs. Cambridge, 1972.
4. Palaeoeconomy. / Ed. E. Higgs. Cambridge, 1975.
5. *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л.: Наука, 1976.
6. *Бутинов Н. А.* Американская экономическая антропология (формализм и субстантивизм).— В кн.: Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л.: Наука, 1979.
7. *Кабо В. Р.* Каменные орудия австралийцев.— ТИЭ, 1962, т. 80.
8. *Кабо В. Р.* Теоретические проблемы реконструкции первобытности.— В кн.: Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М.: Наука, 1979.

Mugurevičs Ē. Olinkalna un Lokstenes pilsnovodi (3—15 gs. arheologiskie pieminekli). Rīga: Zinatne, 1977, 143 lpp. 79 att., 54 tab.

Сохранение археологических памятников или хотя бы информации о них в условиях постоянно возрастающего размаха хозяйственной деятельности, безусловно, имеет огромное значение. Ежегодно сотни экспедиций вынуждены работать на новостройках в разных концах нашей страны, исследуя объекты, оказавшиеся под угрозой полного уничтожения. В свою очередь детальное изучение в связи с охранными раскопками целых микрорайонов (характер таких работ предполагает сплошное исследование как можно большего числа памятников на сравнительно небольшой территории) создает предпосылки для рассмотрения истории небольших регионов, связанных геохозяйственными факторами, в рамках значительных хронологических периодов.

Примером такого рода исследований может служить монография Э. С. Мугуревича «Замковые округа Олинькалнс и Локстене», подготовленная в Институте истории АН Латвийской ССР по результатам охранных раскопок в 1959—1964 гг. на правом берегу р. Даугавы, близ г. Плявиняс (Скучкинский район Латвийской ССР), в зоне затопления Плявиньской ГЭС, где к 1965 г. было вскрыто на разных памятниках (поселениях и могильниках) более 6800 м² площади, открыто 69 погребений и собрана богатая коллекция находок.

Публикация посвящена микрорайону площадью 75—100 км², занимающему участок между притоками р. Даугавы Айзвиексте и Ритерупе. Основываясь на анализе

археологического материала, письменных источников и данных топонимики, автор нарисовал в общем убедительную картину социально-экономической и этнической истории края, проследил место данного региона в политической жизни Придаугавья, в особенности начиная с X в.

Монография, написанная на латышском языке, включает резюме на русском и немецком языках. Помимо предисловия и введения исследовательская часть текста содержит разделы, специально посвященные поселениям (Олинькалнс, Межмале, Локстене) и могильникам (Приедайнский и Плявиньский).

Рассматриваемая территория в силу своего выгодного географического положения на перекрестке нескольких древних путей была освоена балтским населением достаточно давно. Однако лишь начиная с III—IV вв. на мысу, при впадении в р. Даугаву притока Локстене, появляется постоянное поселение. Освоение новых земель было связано, по мнению Э. С. Мугуревича, с развитием пашенного земледелия и скотоводства, а также с появлением местной черной металлургии.

Одновременно с поселением функционирует Приедайнский курганный могильник, расположенный в полукилометре от зоны обитания. Судя по некрополю, на поселении Локстене первоначально обитала большая семья, включающая четыре малых семьи. Жильем обитавшим на поселении семьям служили небольшие четырехугольные срубы, отапливаемые очагом или печью-каменкой. Жилые и хозяйственные сооружения были сосредоточены в юго-западной части мыса, в лощине, примыкающей к р. Локстене. В V—VI вв. указанная часть мыса была ограждена с напольной стороны каменным валом. С этого времени можно говорить о Локстенском городище и примыкающем к нему менее людном поселении. С V—VI вв. заселенность городища становится интенсивнее. Судя по погребениям могильника и находкам в культурном слое городища, постепенно из общины выделилась более зажиточная группа людей. Часть населения была связана с обработкой металла.

С VII в. на Приедайнском могильнике происходит смена погребального обряда. Вместо коллективных захоронений в курганах появляются индивидуальные грунтовые погребения. Смена погребальной традиции связана не только с социальными изменениями в среде обитателей Локстене, но и с влиянием нового, родственного селам населения — латгалов, которые появляются здесь в VII—VIII вв. С появлением латгалов связано формирование новых памятников, таких, как поселения Межмале, Олинькалнс, и некоторых могильников.

Городище Межмале, исследованное двумя небольшими раскопами общей площадью 90 м² (при площади городища около 5000 м²), датируется VII—X вв. С VIII в. начинает функционировать сравнительно лучше изученный могильник, расположенный на территории г. Плявиняс. Здесь в 1939—1940 и 1964 гг. удалось обнаружить 32 грунтовых погребения VIII—XII вв. Как полагает Э. С. Мугуревич, могильник оставлен латгалами — жителями рассматриваемого микрорайона, хотя инвентарь захоронений носит также определенное влияние селов.

Серьезные социально-экономические изменения, протекавшие на рубеже I и II тысячелетий в странах Северной и Восточной Европы, отразились и на жизни небольшого Придаугавского округа. Прежние общинные городища утрачивают свое значение. На смену приходят новые экономические и политические центры. Таким центром становится с середины X в. поселение Олинькалнс — одно из самых крупных по площади (2,3 га) городищ Латвии. С его появлением прекращается использование Межмальского городища и постепенно с начала XI в. затухает жизнь на Локстенском городище.

Крупные размеры Олинькалнса, его мощные оборонительные сооружения, важное стратегическое положение уже давно привлекали внимание исследователей. Здесь пытались локализовать то упоминаемый в скандинавских сагах «город на Двине», то хорошо известную по письменным источникам княжескую резиденцию Ерсику. Однако лишь многолетние раскопки, проведенные на городище под руководством автора монографии, в результате которых были исследованы участки площадью 4503 м², т. е. примерно $^1/_5$ поселения, позволили понять подлинное значение памятника.

Раскопками изучены многочисленные жилые и хозяйственные постройки, производственные комплексы (особенно выделяются объекты, связанные с выплавкой

я обработкой железа), разновременные оборонительные сооружения. Собрана богатая коллекция древностей. На основе всего комплекса сведений Олинькалнское городище характеризуется «как укрепленное поселение типа посада, обитатели которого были в большей мере заняты ремеслом и торговлей, чем земледелием». Как думает Э. С. Мугуревич, заметное влияние на экономику Олинькалнса оказали длительные связи с соседними русскими землями, которые в отличие от «эпизодических» контактов с западом рассматриваются «как постоянный фактор». Наибольшего расцвета городище достигает во второй половине XI в., когда заселенной оказывается вся территория памятника, а взамен старых укреплений на юго-западной границе поселения был возведен мощный земляной вал длиной 175 м, шириной до 25 м, высотой 6—7 м с внутривальными камерными деревянными сооружениями.

Олинькалнс, видимо, являлся центром округа, тяготевшего к одному из более крупных центров, расположенных поблизости,— Селпилсу, Кокнессе или Ерсике.

Интересные данные о социальной структуре населения Олинькалнса и прилегающей округи получены в результате анализа инвентаря 29 захоронений Плявиньского грунтового могильника. Э. С. Мугуревич выделят три социальные группы, представленные в погребениях некрополя: старейшины сельских поселений или, может быть, всей округи; члены воинской дружины; свободные крестьяне и ремесленники. Два погребения по ряду признаков рассматриваются как захоронения лиц, выполнявших функции жреца или судьи.

Обратив внимание на упоминаемые в письменных источниках XIV в. Олиньские земли, а также на ряд топонимов в ближайших окрестностях городища, автор пришел к выводу, что это название относится к территориальному подразделению, сложившемуся здесь задолго до начала немецкого вторжения на берега р. Даугавы. Центр этого округа — Олинькалнское городище (замок Алене) упоминается в 1211, 1213 гг. в документах, фиксирующих территориальные споры между рижским архиепископом и орденом. Подобные округа не являлись еще самостоятельными политическими единицами, а лишь находились на пути к политической независимости. Эта неопределенность побуждала мелкие округа вступать в союз то с одним, то с другим сильным соседом.

В XII в. Олинькалнское городище переживает кризис, теряя постепенно свое прежнее значение.

Появление на территории Олинькалнского округа немецких крестоносцев в первые десятилетия XIII в. привело к существенным изменениям в экономической и политической жизни Придаугавья. Замок Алене (Олинькалнское городище) и окружающие земли оказались объектом спора между епископом и орденом. Именно из-за спорности этой территории, а также ввиду общей политической ситуации на землях между реками Айзвиексте и Ритерупе первоначально завоеватели не построили каменного замка. Лишь в первой половине XIV в., когда участились внутренние конфликты и возросла внешняя опасность, здесь появился новый замок. Местом для нового укрепления строители избрали не Олинькалнское городище, а древнее, заброшенное еще в первой половине XI в. Локстенское городище. Строительству замка предшествовала обращенная к рижскому архиепископу просьба местных вассалов соорудить укрепление на Айзвиексте у пересечения нескольких дорог. Этот факт зафиксирован в протоколе, составленном в 1312 г. папским легатом Франциском де Молиано. Впервые Локстене упоминаются в 1354 г. в связи с регулированием границ архиепископских владений. Исходя из этого, а также учитывая археологические и особенно нумизматические данные, время строительства Локстенского замка Э. С. Мугуревич относит ко второй четверти XIV в.

Площадку заброшенного городища с трех сторон окружили мощными каменными стенами. Вход был устроен близ северо-западного угла сооружения. Под защитой каменных стен располагались жилые и хозяйственные постройки. Деревянные постройки были уничтожены в 1375 г. во время набега литовцев. Вскоре жизнь в замке возобновилась. Этот факт подтверждает второй период застройки замка, зафиксированный в процессе раскопок.

Анализ археологического материала показывает, что обитатели замка были связаны главным образом с сельским хозяйством, качественно возросшим по сравнению с предшествующим периодом, и ремеслами, присущими натуральному хозяйству. За

стенами замка жили: феодал — мелкий вассал, получивший владение в лен за службу по охране границ архиепископства, члены его семьи и незначительный гарнизон. Бо́льшую часть населения «составляли люди местного происхождения». Э. С. Мугуревич допускает, что в начальный период существования замка владельцем его был вассал местного происхождения.

Наблюдения автора монографии, касающиеся производственных, бытовых и культурных традиций обитателей Локстене, лишний раз подтверждают положение о преобладающем значении культурного наследия местных племен в процессе формирования латышской культуры, сформулированного советскими исследователями вопреки мнению прибалтийско-немецкой историографии о культуртрегерской деятельности немцев в Прибалтике [1, 285—315 lpp].

Свое военное значение Локстенский замок сохранил вплоть до первой половины XV в., а земли древних замковых округов Олинькалнс — Локстене послужили территориальной основой существовавшего здесь еще в XVII в. имения Стукмани (письменные источники более ранней поры это имение называют Локстени).

Как видно из сказанного выше, основой для создания целостного представления о социально-экономическом развитии одного из небольших придаугавских округов в рамке более чем тысячелетнего периода его истории послужило изучение нескольких разновременных укрепленных центров. К сожалению, небольшие неукрепленные поселения сельской округи Э. С. Мугуревич практически не рассматривает. Параллельный анализ материала мест обитания и соответствующих погребальных памятников (поселение и городище Локстени — Приедайнский могильник, Олинькалнское городище — Плявиньский могильник) во многих случаях значительно усилил позиции автора. Жаль только, что не удалось подобным образом исследовать и могильник Кална-Пельни, где, согласно утверждению Э. М. Мугуревича, хоронили обитателей Локстенского замка.

Укрепленное поселение Олинькалнс (на наш взгляд, термин «посад» в данном случае можно употреблять только с некоторыми оговорками) автор относит к числу латгальских памятников, подчеркивая присутствие в материале элементов культуры селов. Стоит, наверное, обратить внимание на то, что возникающие в конце I и начале II в. н. э. в зоне крупных торговых путей Восточной Европы новые ремесленно-торговые центры, например Гнездово на Днепре и Тимерево на Волге, чаще всего полиэтничны [2, с. 17; 3, с. 17, 18].

Странным кажется , что из более чем 16 тысяч фрагментов керамики, обнаруженных на Олинькалнсе, в публикацию не включено ни одного целого сосуда, реконструированного хотя бы графически, а ведь именно на этот материал опирается важный вывод, сформулированный в монографии, о появлении в быту обитателей городища гончарной керамики уже в середине X в. (коллекция гончарных изделий включает около 10 500 фрагментов сосудов). К тому же как раз при анализе керамического производства удается, по словам автора исследования, выявить «сходство приемов ремесла, проявившееся в форме и орнаментации сосудов», как следствие постоянных, оказавших существенное влияние на экономику городища контактов с соседними землями.

Среди менее значительных недостатков издания следует отметить спорность датировок некоторых древностей [4, 143—145 lpp.]. Однако высказанные замечания не умаляют положительной оценки, которую заслуживает монография Э. С. Мугуревича.

В. П. Петренко

ЛИТЕРАТУРА

1. Latvijas PSR arheologija. Rīga, 1974, 285—315 lpp.
2. *Булкин В. А., Лебедев Г. С.* Гнездово и Бирка.— В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974.
3. *Булкин В. А., Дубов И. В.* Тимерево и Гнездово.— В кн.: Из истории феодальной России. Л.: Наука, 1978.
4. *Urtāns V., Vankina L.* Pirmā monogrāfija par mikroraijona archeologisko izpēt Daugavas krastos.— Изв. АН Латвийской ССР, 1977, № 12.

Warnke D. Wieken an der Südlichen Ostseeküste. Akademie Verlag. Berlin, 1977, 173 S.

Латинским термином vicus в средние века в Европе назывались поселения торгово-ремесленного типа. В разных регионах они имели специфические оттенки. В рецензируемой книге исследуются средневековые вики в южной прибрежной части Балтики, включающей северные области Мекленбурга, остров Рюген и западные земли Польского Поморья. В раннем средневековье эта территория была заселена славянами.

Термин «вики» в отношении южного побережья Балтийского моря появляется в письменных источниках в XII в. В частности, немецкий историк середины этого столетия Гельмольд в сочинении «Хроника славян», в котором описываются захват и христианизация германскими феодалами земель полабских славян, сообщает, что князь Прибислав защищал города и вики Мекленбурга. Вики на славянском побережье Балтики упоминает и датский хронист Саксон Грамматик (1150—1216 гг.).

Попытки проникнуть в сущность средневековых виков, располагавшихся на южном побережье Балтики, предпринимались неоднократно. Первоначально исследователи полагали, что это были поселения, основанные датскими торговцами и мореплавателями в славянских землях. Д. Варнке в небольшом историографическом разделе рецензируемой книги рассказывает о том, как постепенно развивались научные знания о поморских виках. Весьма обстоятельно рассматриваются в книге источники по изучению виков. Автором в исследовании использованы все известные к настоящему времени данные: и свидетельства средневековых хронистов, и археологические материалы, и письменные документы XV—XVII вв., и топонимика, и картография, как средневековая, так и последних столетий.

В первых разделах исследовательской части книги ее автором скрупулезно собраны и картированы все возможные названия, производные от лексемы «вик», которые дожили до XIX в., а в отдельных случаях и до наших дней. Помимо географических названий, упомянутых в различных письменных источниках, анализируются наименования деревень, отдельных дворов, улиц, урочищ, угодий, пустырей и городищ. В результате удалось выявить 100 пунктов с названиями «вик» или с производными от этого термина. Очевидно, все они связаны со средневековыми поселениями исследуемого в книге типа.

Справочная информация о всех этих пунктах с соответствующей библиографией приведена в «Каталоге виков», помещенном в приложении к исследованию. В одном из основных разделов книги, озаглавленном «Древние вики», произведен научный анализ важнейших средневековых виков. Описывается 45 таких конкретных поселений. Они располагались при 32 средневековых городах. При этом около 21 города выявлено по одному вику, около 10 — по два, а около одного (Волгаст) — четыре вика. Все вики характеризуются всесторонне: сообщается информация из письменных источников, приводятся данные о результатах археологических изысканий, если таковые производились, особое внимание обращается на топографию поселений, в ряде случаев удалось очертить территории древних виков.

На основе анализа всех этих конкретных материалов Д. Варнке показывает, что средневековые вики прибрежного региона южной Балтики подразделяются на три группы: 1) окологородские вики XII — начала XIII в.; 2) служебные поселения XIII—XIV вв.; 3) предградья начала XIV и последующих столетий.

Характеристике этих групп, которые различаются и хронологически, и функционально, посвящен специальный раздел книги.

К первой, наиболее ранней группе виков относится небольшое число окологородских поселений. Это — Лубин, Узедом, Щецин-Мшценцино и Гарц, расположенные по побережью Щецинского залива и на нижней Одре, Загард на Рюгене, Марлов, Росток, Машево и Тжебатув в прибрежной полосе Мекленбурга и Померании. Эти поселения названы виками в документах мекленбургских и померанских герцогов и князей Рюгена, а в других синхронных источниках именуются villa или locus suburbii. Основными приметами виков первой группы являются корчма, рынок и церковь. В отличие от городов эти поселения оставались неукрепленными, но жители их, говоря словами Д. Варнке, были «настоящими горожанами». Основными

занятиями их были торговля и обслуживание горожан. Поэтому вики в какой-то степени можно считать городами второго ранга. Вместе с тем жители виков были тесно связаны с сельскохозяйственной деятельностью. Они постоянно занимались, впрочем, как и жители небольших средневековых городов, земледелием и животноводством.

Вики XII—XIII вв. были зависимыми поселениями. Они принадлежали феодалам, владевшим землями, на которых находились поселения. Жителями виков, как показывает Д. Варнке, были местные славяне.

В культурных напластованиях виков первой группы обнаружена средневековая славянская керамика. На некоторых таких поселениях встречена и славянская глиняная посуда более раннего времени, относящаяся к последним векам I тысячелетия н. э.

К сожалению, в сводной таблице, характеризующей вики (с. 75), не указано соотношение различных типов керамики. Это важно было бы сделать не только для более конкретной характеристики культуры виков, но и для определения их хронологии. Возникает вопрос, не могли ли вики, упомянутые в письменных источниках XII в., появиться несколько раньше, например в XI в. Археологические данные способны ответить на этот вопрос, который остался вне внимания исследователя.

Ко второй группе виков относятся служебные поселения, характерные в рассматриваемом регионе для XIII и XIV вв. На основе анализа письменных источников Д. Варнке удалось определенно причислить к этой группе 10 поселений (Барф, Трибзеес, Грейфсвальд, Волгаст, Уекермюнде, Волин, Колобжег, Щецин, Щецин-Дамбе и Грыфино). Вероятно, к этой группе принадлежат вики Гютцков, Камень Поморский, Пырцыце, Старгард, Карлинов, Плоты и Узедом, хотя доказать это определенно не представляется возможным. Вики второй группы сосредоточены преимущественно на территории Померанского герцогства. Жителями их были славяне, о чем говорят керамические материалы, обнаруженные при археологических обследованиях.

Основным предназначением виков этой группы были охрана и обслуживание городов, при которых они располагались. Жители виков выполняли самые различные службы — военные, торговые, ремесленные и административные. Жители некоторых из этих поселений служили и религиозным учреждениям, например монастырям (вик при Грейфсвальде).

Вики — служебные поселения являлись творениями феодального общества и играли большую роль в жизни городов приморской части западнославянских земель. В них концентрировались лица непроизводительных профессий и ремесленники, которые обслуживали города. Хозяйственные и правовые отношения жителей виков регулировались феодалами. Большинство виков второй группы постепенно, начиная с первой половины XIV в., превращаются в городские предместья (вики третьей группы), а население их становится независимыми мелкими ремесленниками, поденщиками или превращается в феодально зависимых работников.

Вики второй группы, как уже отмечалось, характерны в основном для Померании. Они в некоторой степени сопоставимы со служебными поселениями Бранденбурга и северо-западной Польши, называемыми китцами. Последние появляются на рубеже XII и XIII вв. и доживают до XIV в. Анализу сходных черт и различий между виками и китцами Д. Варнке посвятил отдельную главу. Китцы более южных территорий в отличие от поморских виков имели более или менее крупные феодально зависимые территории. Китцы стали опорными пунктами феодализации окрестного населения.

Третью группу виков южного побережья Балтики составляют предместья развитых средневековых городов. До недавнего времени этот тип поселений оставался вне внимания историков. Сложение таких виков датируется началом XIV в. Большинство их существовало до XVII в. Вики-предградья XIV в. имеют прямую связь с виками — служебными поселениями: большинство виков XIV—XVII вв. выросло непосредственно из служебных поселений предшествующего времени. Жители виков XIV—XV вв. обязаны были частично исполнять служебные функции по отношению к городам.

Основную массу населения виков третьей группы в исследуемом регионе попрежнему составляли славяне. Это отчетливо видно, в частности, по исследованиям южного вика Грейфенхагена.

Постепенно на вики распространялось городское право. Таким образом, жители виков становились горожанами не только по роду своей деятельности, но и формально. Жители виков имели право решающего голоса. Однако в них проживали исключительно низшие слои феодального общества. Феодальная эксплуатация жителей виков фиксируется в письменных источниках, в частности в Волгастской хронике, относящейся к XVI в.

Таким образом, возникновение виков в исследуемом регионе Балтики относится к периоду оформления городов и существовали они в течение всего средневековья. Название ремесленно-торговых и служебных поселений, находящихся около городов, виками случайно. Однако синхронные им письменные источники называют такие поселения последовательно виками, и исследователи должны считаться с этим. Характерным признаком их являются, как уже отмечалось, наличие торговой площади и корчмы, а иногда и церкви. Не все ранние вики расположены близ городов. Виками, очевидно, были и торгово-ремесленные поселения, возникшие в стороне от городов, на местах, где перекрещивались торговые пути, у крупных мостов или переправ. Об этом говорят средневековые письменные источники, в частности Самсон Грамматик.

Появление виков отражает развитие феодального общества в славянских землях южной Балтики. Первоначально это были торгово-ремесленные поселения, зависимые от крупных феодалов. В связи с усилением значения городов и процветания их эти поселения привязывались к городам и как предместья городов вики функционировали до конца средневековья.

На протяжении всего периода существования виков на южном побережье Балтийского моря они не порывали связей с сельскохозяйственной деятельностью. К ним примыкали земельные угодья, которые и обрабатывали жители виков. Как удалось показать Д. Варнке, вики имели деревенскую застройку. Только в позднем средневековье в виках-предместьях постепенно распространяется городская застройка.

Как известно, вики других регионов Европы сыграли большую роль в зарождении и становлении средневековых городов. В славянских землях южной Балтики они не имели значения в происхождении и эволюции ранних городов.

Исследование Д. Варнке, несомненно, представляет большой научный интерес для историков и археологов, работающих в области европейского средневековья. На основе суммы исторических, археологических и картографических материалов автору книги удалось выявить сущность поселений, называемых в письменных источниках виками. Важно, что Д. Варнке исследовал эти поселения в динамике, установив три хронологических этапа эволюции виков. Выводы и наблюдения автора при современном состоянии знаний представляются неоспоримыми и имеющими существенное значение для изучения деталей феодального процесса и истории средневековых городов на южном побережье Балтийского моря.

Следует отметить, что археологические материалы в изучении виков исследуемого региона еще не заняли должного места. Они явно второстепенны и помогают в решении лишь очень немногих вопросов. Кажется, что можно организовать и провести целенаправленные полевые археологические изыскания по изучению некоторых виков и воссоздать фрагменты жизни, быта и культуры их — интереснейший сюжет средневековой истории южной Балтики.

В. В. Седов

Хроника

О РАБОТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СИМПОЗИУМА XIV ТИХООКЕАНСКОГО НАУЧНОГО КОНГРЕССА

В августе 1979 г. в Хабаровске состоялся XIV Тихоокеанский научный конгресс. Ученые из 46 стран Тихоокеанского бассейна в течение двух недель обсуждали актуальные научные проблемы региона под общим девизом: «Богатства Тихого океана на благо человечества». Специальная секция конгресса посвящалась проблемам этнокультурного изучения народов тихоокеанского бассейна. Основная часть докладов археологов, заявленных на конгресс, объединялась на симпозиуме «Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Америки и Азии», проходившего в рамках этой секции. Работой симпозиума руководили Р. С. Василевский и Р. Е. Аккерман (США). В его работе приняли участие археологи и этнографы из разных городов нашей страны, а также Канады, Японии, США и ряда других стран. Организация этого симпозиума отражает неослабевающий интерес ученых разных стран к проблеме первичного освоения человеком островов северной части Тихого океана и американского континента. Углубление после Берингийской конференции 1973 г. (проходившей здесь же, в Хабаровске) представлений об азиатских корнях древнейших культур как Америки, так и Японии, заложило основы успешно развивающегося сотрудничества археологов — специалистов по Северной части Тихоокеанского бассейна.

Симпозиум открылся докладом акад. А. П. Окладникова «Палеолит Дальнего Востока». Основное внимание докладчик уделил памятникам Амура, которые он датировал древним палеолитом (Кумары, Филимошки). Среди новых данных выделена находка изделия типа ручного рубила в с. Богородском. В заключение А. П. Окладников предложил следующую схему развития древнейших культур Приамурья: от архаичной галечной культуры к среднеплейстоценовой с ручными рубилами, затем через культуру с леваллуазскими нуклеусами к мезолиту.

Заселение Америки непосредственно связано с общим процессом продвижения человека на север Азии. Принципиально новые взгляды на историю Северной Азии складываются после открытия экспедицией Иркутского университета памятников древнего палеолита в бассейне Ангары и ранних памятников, древностью до 40 тыс. лет, на Верхней Лене. Доклад Г. И. Медведева, подводивший некоторые итоги исследований в новом для сибирского палеолитоведения направлении, касался причин изменения поверхности каменных изделий некоторых древнейших памятников. Заглаженный облик поверхности этих предметов с выраженным изменением первичного рельефа отражает воздействие интенсивной воздушной эрозии (дефляции). Наиболее выветрена поверхность древнепалеолитических изделий и в меньшей степени — переходных к позднему палеолиту. По данным геологов, дефляция получает развитие в периоды засушливого климата. Резкие изменения климата, как полагает Г. И. Медведев, заставили людей переселяться на новые территории, в том числе и к северу. Следы дефляции на предметах древностью до 40 тыс. лет, ряд новых данных по палеолиту Америки позволили докладчику сделать вывод, что первое проникновение человека в Новый Свет могло произойти уже около 40 тыс. лет назад.

В остальных докладах проблема заселения Америки разрабатывалась в традиционном русле. По представлениям археологов, процесс распространения населения из Азии в Америку должен был отразиться в появлении на американском материке древнейших памятников, инвентарь которых обнаруживал азиатское происхождение или непосредственное влияние.

В докладах члена-кор. АН СССР Н. Н. Дикова и Т. М. Диковой рассматривались связи каменных индустрий ранних памятников Камчатки с американскими. Американоидные черты уникального комплекса нижнего слоя стоянки Ушки-I, выраженные, по Н. Н. Дикову, прежде всего небольшими черешковыми наконечниками, позволили докладчику констатировать важную роль ранней ушковской культуры в заселении Америки и последующем развитии палеоиндейских культур. Поздняя ушковская культура связывалась с памятниками Аляски. Т. М. Дикова отнесла своеобразный комплекс галечных изделий стоянки Лопатка к широко распространен-

ным в Азии и Америке памятникам «галечной» традиции. Сходство приема приготовления грубых орудий из галек и область их распространения рассматривались как один из показателей миграции в позднем плейстоцене из Азии в Америку.

Доклады Н. Н. Дикова и Т. М. Диковой стали предметом оживленной дискуссии. Ю. А. Мочанов высказался против включения Камчатки в зону, через которую могло идти заселение Америки. Особенности камчатского палеолита, по его мнению, можно объяснить географическим положением полуострова, являвшегося своеобразным «мешком» для различных групп людей, двигавшихся к Америке, но отклонившихся в сторону Камчатки. Основной путь заселения Америки оппонент связал с Чукоткой и распространением дюктайской культуры. Г. И. Медведев в свою очередь призвал к более осторожному подходу к разбираемой проблеме древних миграций. Ведь и феномен ушковской культуры можно объяснить как результат обратной миграции части населения из Америки. Ограничение одной концепцией, исключающей существование на равных с ней правах других, по мнению Г. И. Медведева, неправомочно. С. А. Арутюнов отметил, что проблема определения древних миграций остается сложной, поскольку данные этнографии свидетельствуют о передаче отдельных элементов культуры и без переселения людей. В ответном слове Н. Н. Диков подтвердил свое мнение о безупречности стратиграфии ушковских стоянок и согласился с тем, что невозможно сегодня дать однозначное решение проблемы заселения Америки.

Интересная попытка проследить черты азиатского происхождения в палеолите Америки предпринята Р. С. Васильевским. В качестве предмета исследования взят не инвентарь определенных памятников, а техника первичного расщепления. В Сибири до начала позднего палеолита применялась близкая к леваллуазской техника получения пластин (Усть-Канская, Страшная). В позднем палеолите Сибири и Америки получает широкое распространение техника получения пластин с нуклеусов с плоской рабочей поверхностью. Расцвет леваллуазских традиций и их появление в Америке Р. С. Васильевский связывает с палеолитическими культурами Северной Азии.

Возможное участие населения Берингии в передаче культурных импульсов из Азии в Америку рассматривалось в докладе Р. Е. Аккермана (США). С прямым культурным влиянием из Азии докладчик связывал появление на Аляске около 12 тыс. лет назад комплексов с микропластинами, широко представленными в Северной Азии. Наблюдаемые конкретные различия между микропластинчатыми индустриями и сопровождающими их изделиями Тихоокеанского севера, по мнению Р. Е. Аккермана, отражают особенности культурной адаптации к окружающей среде. В докладе также приводилась схема эволюции культур каменного века на Аляске: от комплексов с микропластинами через комплексы с крупными бифасами, а затем коническими нуклеусами к комплексам с выемчатыми наконечниками и керамикой.

Новый показатель древних контактов между Азией и Америкой предложен в совместном докладе В. М. Херли (Канада), П. Блида (США) и М. Иосидзаки (Япония). На материалах стоянок раннего дзёмона Яги и Хаманасуно (Хоккайдо) они реконструировали прием оформления резцов техникой «бокового удара». Этот прием заключается в изготовлении «вторичных» резцов из старых орудий и пластин поперечным расщеплением их на наковальне. Авторы доклада отмечают сходство между вторичными резцами Хоккайдо и резцами стоянки Анангула (Алеутские острова), занимающей особое место в сравнении с памятниками Аляски. Существование общих элементов в каменных индустриях стоянок Яги, Хаманасуно и Анангулы авторы объясняют развитием палеолитической традиции, когда еще имели место культурные связи между Азией и Америкой.

Интересные данные о времени первого появления человека в Америке приводились в докладе К. Г. Тэрнера (США). Его доклад касался некоторых особенностей одонтологии населения Азии и Америки. Докладчик разделил монголоидов по строению зубов на два типа: сундадонтию (Юго-Восточная Азия, Япония периода дзёмон) и синодонтию (Сибирь, Америка и Япония после дзёмона). Одонтологические выборки из Америки совершенно не обнаруживают черт сундадонтии, хотя и отличают индейцев на-дене от прочих индейцев и всех их от алеутов и эскимосов. К. Г. Тэрнер считает, что эти три группы коренного населения Америки различны по своему происхождению. С учетом времени, необходимого для формирования синодонтии, первое появление человека в Америке может быть отнесено к периоду до 40 тыс. лет назад, но не ранее.

Несколько докладов симпозиума посвящалось каменному веку Японии. Одной из главных проблем японской археологии остается поиск исходной материковой основы древнейших культур архипелага. В то же время наиболее полная изученность каменного века и хорошо разработанная его хронология в Японии определяют интерес соседей к исследованиям на островах.

Профессор Т. Сэридзава (Япония) остановился на характеристике мелких орудий из нижних горизонтов стоянки Хосино (о. Хонсю). По мнению докладчика и некоторых его сторонников, нижние слои этой стоянки и еще нескольких памятников относятся к нижнему палеолиту. Другие авторы выражают сомнение в достоверности каменных орудий, относимых к нижнему палеолиту. В подтверждение искусственного происхождения изделий Хосино проф. Т. Сэридзава привел линейные следы, обнаруженные при микроскопическом изучении на этих предметах. При

экспериментальном перетряхивании камней, как подчеркнул автор, подобные следы на них не появлялись.

В своем докладе проф. Ф. Икава-Смит (Канада) обратилась к технологическим традициям каменного века Японии. Она объединила в понятие «технологические традиции» различные стороны древнего производства. Наряду с характеристикой основных традиций изготовления орудий на разных этапах каменного века и в разных районах архипелага описана технология изготовления керамики и обработки различных природных ресурсов (растительных и морских). Всего в докладе констатировалось существование 13 различных производственных традиций палеолита и неолита Японии.

Серьезный доклад, обобщающий данные по палеолиту Японии, представили С. Ода (Япония) и Ч. Кили (США). Опираясь на результаты собственных исследований многослойных стоянок с четкой стратиграфией в районе Токио, датировки по обсидиану и радиокарбону, контролируемые стратиграфией, авторы получили картину эволюции каменных индустрий целого района. На этой основе они, критически пересмотрев литературные данные, предложили новую схему культурной хронологии палеолита в Японии. Докладчики скептически относятся к идее о существовании на островах памятников древнее 30 тыс. лет. Поздний палеолит Японии С. Ода и Ч. Кили делят на четыре фазы. Фаза I характеризуется традицией орудий из галек и отщепов и делится на три периода, охватывающих время от 30 до 20 тыс. лет. Фаза II характеризуется развитием пластинчатых индустрий и подразделяется на два этапа, занимающих период от 20 до 13 тыс. лет назад. Фаза III — традиция микропластин, существовавшая в промежутке 13—12 тыс. лет тому назад. Фаза IV — традиция двусторонне обработанных наконечников (начальный дзёмон — 12—10 тыс. лет назад). Наряду с характеристикой отдельных локальных особенностей палеолита снова констатируется существование устойчивой границы между северной и южной зонами, проходившей через о. Хонсю. Доклад С. Ода и Ч. Кили вызвал полемику среди японских археологов.

Доклады Ф. М. Хоблера и Г. Л. Карлсона (Канада) информировали о параллельно существовавших в Британской Колумбии памятниках с галечными изделиями и памятниках с микропластинами. Некоторые вопросы, связанные с технологией изготовления крупных орудий в палеолите Южной Калифорнии, рассматривались в докладе доктора Э. Дэвис (США). В прениях выступили также Д. Л. Бродянский и В. А. Татарников, рассказавшие о новых находках в Приморье; проф. Т. Сэридзава информировал о новом палеолитическом памятнике в Корее.

Завершившийся археологический симпозиум XIV Тихоокеанского конгресса показал, что выделение исходной праамериканской культуры в палеолите Азии остается невозможным и сегодня, но обнаружилась тенденция к удревнению времени первоначального освоения человеком Нового Света. Причем к удревнению склоняются как археологи, так и антропологи, советские и зарубежные. Современные представления о формировании населения американского континента рисуют этот процесс более сложным, связанным с несколькими (минимум двумя) миграционными волнами из Азии. Конечно, неизученность вопроса о возможном характере еще не обнаруженных памятников начала позднего палеолита Америки и Чукотки, неразработанность ряда теоретических проблем (смена и трансформация культур, выделение миграций по археологическим материалам) не позволяют безоговорочно принимать новые гипотезы. Но если связь ранних памятников Аляски с микропластинами и культур позднего палеолита (дюктайская и др.) не вызывает сомнений, то палеоиндейские культуры с наконечниками генетически не увязываются с известными в Азии памятниками и культурами. Происхождение этих культур Америки еще остается нерешенной проблемой в археологии тихоокеанского региона.

А. М. Кузнецов

ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ И КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ»

С 6 по 8 февраля 1980 г. в Харькове проходила Всесоюзная научная конференция «Проблемы античной истории и классической филологии» [1, 2]. Конференция была организована Харьковским университетом в год его 175-летнего юбилея.

В работе конференции приняли участие 146 ученых из Москвы, Ленинграда, Киева, Львова, Ужгорода, Одессы, Севастополя, Тбилиси, Риги, Вильнюса, Кишинева, Алма-Аты, Томска и других (всего 25) городов Советского Союза. Среди участников конференции 113 преподавателей вузов страны, 24 научных сотрудника институтов Академии наук СССР и УССР, 9 научных сотрудников музеев.

На пленарном заседании были заслушаны два доклада, посвященных развитию истории древнего мира (В. И. Кадеев) и классической филологии (Н. Г. Корж, Ф. И. Луцкая) в Харьковском университете за 175 лет, а также доклад А. А. Белецкого «Классические языки в системе гуманитарного образования».

По проблемам античной истории и археологии на конференции работали две секции — «Средиземноморье и Причерноморье в эпоху эллинизма», «Римская империя и Причерноморье», на которых было заслушано более 40 докладов. Значительная часть этих докладов была посвящена археологическим исследованиям памятников античной эпохи в Причерноморье. Характеристикой этих докладов предполагается ограничить данную информацию [1].

Все доклады по археологической проблематике можно разделить на три цикла — один из них объединяется боспорской тематикой (доклады И. Г. Шургая, Н. А. Онайко, Д. С. Кирилина, Н. В. Молевой, О. Д. Чевелева, А. А. Масленникова, А. Е. Кислого), другой цикл посвящен Херсонесу и его хоре (доклады И. Т. Кругликовой, Г. М. Николаенко, В. А. Латышевой, С. Б. Сорочана), третий цикл связан с анализом и интерпретацией археологических материалов ольвийской периферии и Западного Причерноморья (доклады К. К. Марченко, С. Б. Буйских, А. В. Гудковой, Т. Л. Самойловой, И. Т. Никулицэ, В. В. Кропоткина).

В докладе И. Г. Шургая «К проблеме изучения античного города Северного Причерноморья: города Боспорского царства» предпринята попытка осмыслить общий исторический процесс на Боспоре и выявить некоторые общие закономерности в развитии боспорских городов. В докладе обращается внимание на необходимость и важность разработки вопросов методологического характера. Отмечая недостатки буржуазной урбан-социологии, рассматривающей город с позиций простой линейной эволюции, вне социально-экономической системы общества, докладчик определяет основные критерии марксистского подхода к изучению города, важность социально-экономической структуры общества при определении специфики города. Социальную структуру античного города, по мнению докладчика, следует рассматривать сквозь призму полисных отношений с учетом их изменений от классического варианта до положения полиса в составе эллинистических монархий. Обращается внимание на необходимость четкого разграничения понятий «полис» и «город». Проследив пути и особенности исторического развития городов Боспора, докладчик предложил их классификацию с учетом следующих групп: 1) столица государства Пантикапей и административные центры Боспора (Фанагория, Феодосия, Гермонасса), 2) города чисто экономического профиля (Мирмекий, Тиритака, Нимфей, Китей, Кепы и др.), 3) города военно-оборонного значения, организованные по решению центральной власти (Илурат, Порфмий). В ходе обсуждения докладчик добавил, что круг предлагаемой классификации на этом не замыкается и может быть расширен, а пока что остается открытым вопрос о Танаисе и Горгиппии, не совсем также ясен вопрос о вхождении Елизаветовского городища в состав Боспорского царства.

Выступившие при обсуждении доклада В. Д. Блаватский, Н. А. Онайко, Н. П. Писаревский отметили важность поднимаемых вопросов, интересную их постановку, обстоятельность исследования проблемы с учетом современного состояния изучения Боспора. С одобрением была воспринята попытка докладчика пересмотреть некоторые традиционные представления и предложить свою концепцию в решении проблемы.

Остальные доклады по боспорской тематике посвящены результатам исследований отдельных археологических памятников, новым открытиям на Боспоре.

В докладе Н. А. Онайко «Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже нашей эры» представлены материалы двух новых поселений — Владимирского и Цемдолинского, расположенных к северо-западу от Новороссийска. В ходе раскопок здесь были открыты два больших укрепленных здания, возникших в I в. до н. э. и погибших в I в. н. э. в результате какой-то большой катастрофы. По мнению докладчика, укрепленные постройки принадлежали представителям военизированной знати, выполняли роль сторожевых постов в ряду укреплений, идущих по линии Горгиппия — Раевское городище — Баты, и прикрывали на своем участке северокавказское побережье, принадлежащее Боспору. Выступивший по поводу этого доклада В. Д. Блаватский отметил важность введения в научный оборот нового исторического источника; в укрепленных зданиях он предлагает видеть ойкосы, у которых, однако, были и оборонительные функции. Термин для их полного определения найти трудно.

В докладе Д. С. Кирилина «Уникальные памятники местной боспорской скульптуры» представлены интересные находки последних лет, обнаруженные сотрудниками Керченского музея: надгробный рельеф из кургана «Три брата» в районе Тобечикского озера и надгробная полифигурная статуя Макарии, найденная в Керчи при новостроечных работах. Оба памятника выполнены из местного камня боспорскими мастерами, хорошо знакомыми с лучшими традициями античного искусства, а также учитывавшими местные культурные традиции. Время изготовления рельефа — вторая половина IV в. до н. э., статуи Макарии — вторая половина I в. н. э. Выступавшие в обсуждении по этому докладу отмечали уникальность находок Керченского музея, их выдающееся значение для изучения боспорского искусства и культов (В. Д. Блаватский), а также указывали на необходимость хорошей их публикации (Н. А. Онайко).

[1] Сообщение о докладах по исторической проблематике будет опубликовано в ВДИ.

Доклад Н. В. Молевой «Некоторые итоги изучения боспорских антропоморфных надгробий» посвящен анализу многочисленной, но пока слабо изученной группе памятников Боспора. Основное внимание в докладе уделено стелам с рельефными антропоморфными изображениями, среди которых докладчик выделяет восемь типов с четкой хронологической привязкой каждого типа в пределах III—I вв. до н. э. Антропоморфные надгробия связываются с городским боспорским населением, греческим в своей основе. Тезис доклада об эллинском характере антропоморфных надгробий получил поддержку. Высказывалось, однако, пожелание рассматривать этот вопрос на фоне более широких аналогий (Н. А. Онайко).

В докладе О. Д. Чевелева «Некоторые итоги раскопок Кыз-аульского некрополя» дана характеристика 22 погребений III в. до н. э.— III в. н. э., раскопанных в 1979 г. экспедицией Керченского музея у с. Яковенково. Выделены четыре типа погребальных сооружений, детально прослежен погребальный обряд. На основании этого анализа докладчик приходит к выводу, что Кыз-аульский некрополь принадлежал населению городского типа, греческому в своей основе, но испытавшему заметное и все возраставшее к первым векам нашей эры влияние местных племен, в частности сарматов.

В докладе А. А. Масленникова «О боспорских склепах римского времени» рассмотрены конструктивные особенности грунтовых склепов боспорских некрополей I в. до н. э.— IV в. н. э., проанализирован обряд совершенных в этих склепах захоронений. Докладчиком приведены аргументы в пользу предположения о принадлежности грунтовых склепов первых веков нашей эры представителям средних слоев греческого населения Боспора. А. А. Масленников считает, что данный тип погребальных сооружений попал на Боспор в I в. до н. э.— I в. н. э. из греческих городов Восточного Средиземноморья, в частности из южнопонтийских центров. Широкое распространение грунтовых склепов в качестве семейных усыпальниц обусловлено, по мнению автора доклада, тем, что к I в. до н. э.— I в. н. э. в семейно-родственных отношениях и идеологии боспорских греков произошли изменения, бывшие следствием, с одной стороны, драматических событий митридатовой эпохи, а с другой — разложения полисных традиций предшествующего периода.

Результаты археологических раскопок последнего времени на территории Боспора и лесостепного Подонья нашли отражение в сообщениях А. Е. Кислого «Новые находки надгробных рельефов из раскопок Керченского музея» и А. П. Медведева «Античный импорт на периферии сарматского мира (по материалам Подонья)», в которых представлены и интерпретированы новые памятники, в частности надгробия первых веков нашей эры из Керчи и вещи античного производства из сарматских погребений Чертовицкого могильника близ г. Воронежа.

В ходе обсуждения докладов и сообщений по боспорской тематике отмечалась интересная постановка вопросов докладчиками, доказательность их аргументов, а также высказывалось пожелание, чтобы новые материалы были введены в научный оборот (В. Д. Блаватский, Д. Б. Шелов, В. В. Кропоткин).

Херсонесская тематика в работе конференции открылась докладом И. Т. Кругликовой «Сельские усадьбы херсонеситов в эллинистический период», где обобщен большой материал раскопок восьми усадеб на Гераклейском полуострове. Исследования показали, что в планировке усадеб нет стандарта, но большой хозяйственный двор с помещениями вокруг прослежен везде. Возникновение усадеб относится к концу IV — началу III в. до н. э. Во II в. до н. э. часть их погибает (наделы 41, 227), а те, что продолжают существовать (наделы 9, 10, 86), укрепляются, башни их усиливают дополнительным панцирем из массивных камней. Рост укреплений связан с угрозой нападения скифов. На всех усадьбах выявлены следы виноделия (каменные тарапаны, гири). Основные положения доклада получили поддержку, выступившие в ходе обсуждения отметили результативность работ на Гераклейском полуострове, важность полученных материалов, позволяющих докладчику проследить динамику развития усадеб (Г. А. Кошеленко, И. Г. Шургая).

С исследованиями на Гераклейском полуострове связан доклад Г. М. Николаенко «Аграрная система эллинистического Херсонеса», в котором рассматривается вопрос о принципах размежовки наделов херсонесской хоры, единицах измерений, использовавшихся при этом. Предпринята попытка определить площадь надела, которым владел один гражданин в городской округе Херсонеса и на Маячном полуострове. В прениях по этому докладу отмечалась важность подобного рода работы для изучения не только аграрной истории Херсонеса, но и вопросов социальных; обращалось также внимание на необходимость сопоставлений полученных результатов с размерами наделов в других районах греческого мира (Г. А. Кошеленко, И. Г. Шургая).

С изучением херсонесской хоры связан и доклад В. А. Латышевой «Поселение «Маслины» в Северо-Западном Крыму и его место в составе хоры Херсонеса». Раскопки экспедиции Харьковского университета показали, что поселение «Маслины», возникнув в конце IV — начале III в. до н. э. в результате колонизации Херсонесом северо-западного побережья Крыма, поддерживает тесные экономические контакты с Херсонесом на основе взаимовыгодного обмена (зерно — ремесленная продукция), обусловленного разграничением производственных функций полиса и хоры. Учитывая неординарную монументальность построек на «Маслинах», объединявших четыре башенных комплекса, высказывается предположение о том, что поселение выполняло роль форпоста на северной окраине хоры Херсонеса. Погибло оно внезапно во II в.

до н. э. в результате военной катастрофы. При обсуждении доклада оживленную дискуссию вызвал вопрос о характере памятника и его аналогиях. С. Ю. Сапрыкин высказал предположение о первоначальном самостоятельном существовании башен, впоследствии объединенных в единый комплекс; учитывая его монументальность, он поставил вопрос о возможности контроля со стороны «Маслин» других пунктов Северо-Западного Крыма; относительно аналогий он высказал мнение о близости рассматриваемого памятника «Чайке» и целому ряду башенных комплексов в Восточном Средиземноморье (Арголида, мыс Сунион в Аттике и др.).

Актуальной проблеме был посвящен доклад С. Б. Сорочана «О торговле Херсонеса с населением Таврики в I в. до н. э.— V в. н. э.». Докладчик показал, что с I в. до н. э.— I в. н. э. Херсонес поддерживал устойчивые торговые связи с местным населением. Новое расширение этих связей произошло во II — первой половине III в. н. э. вследствие продвижения римских отрядов в глубь Таврики и возникновения новых поселений. К V в. н. э. интенсивность торговых связей ослабла в связи с передвижением туземного населения из предгорий Крыма в горные долины, вызванным походами готов и гуннов. Докладчик считает, что экономические связи Херсонеса с местным населением строились на основе как денежного, так и товарного обмена, при преобладании последнего. При обсуждении доклада было отмечено, что выводы С. Б. Сорочана подтверждают представление о Херсонесе как о центре, имевшем обширные экономические связи (В. Т. Сиротенко). Поддержано положение о смешанном натурально-денежном характере торговли Херсонеса с варварским населением Таврики, а также высказано пожелание использовать в дальнейшей работе данные последних находок монетных кладов IV—V вв. из Юго-Западного Крыма, в частности еще не опубликованный большой клад монет, найденный на Ай-Тодоре (В. В. Кропоткин).

Проблемы ольвийской периферии были затронуты в докладе К. К. Марченко «Лепная керамика и некоторые вопросы этнокультурной истории Нижнего Побужья эллинистического времени». В докладе поставлен вопрос о присутствии в составе населения рядовых поселений Нижнего Побужья выходцев из местных племен Северного Причерноморья, несмотря на общий эллинский облик материальной культуры этих поселений. Анализ лепной керамики, бытовавшей в Нижнем Побужье: разнообразие ее типов, прямые аналогии среди большого круга памятников степной и, возможно, лесостепной зон Северного Причерноморья, а также среди керамики Карпато-Дунайского бассейна, значительный удельный вес этой посуды в общем балансе комплекса, позволил докладчику сделать вывод о непосредственном присутствии в Нижнем Побужье наряду с греческим населением выходцев из различных местных племен Северного Причерноморья. Этот вывод не вызвал возражений, отмечалось при этом хорошее знание материала и умение докладчика превратить его в информативный источник (И. Г. Шургая).

Некоторые итоги работы Периферийного отряда Ольвийской экспедиции во время полевых сезонов 1978—1979 гг. были подведены в сообщении С. Б. Буйских «Раскопки городища Скелька на Днепровском Лимане». Особенности исследованной части комплекса — четкая прямоугольная планировка, наличие башни, объединение в нем хозяйственно-жилых и оборонительных функций — сближают этот памятник, по мнению С. Б. Буйских, с категорией сельских укрепленных усадеб херсонесской хоры. Д. Б. Шелов и В. В. Кропоткин отметили хорошую результативность работ на городище Скелька, перспективность его исследования, ценность уже полученных материалов.

В докладе А. В. Гудковой и Т. Л. Самойловой «О сельскохозяйственной округе античной Тиры» обобщены результаты археологических раскопок и разведок в Нижнем Поднестровье. Авторы в общих чертах реконструировали картину развития сельскохозяйственной округи древней Тиры, выделив несколько этапов: в VI—V вв. до н. э. в Нижнем Поднестровье возникло до 15 поселений, связанных с процессом греческой колонизации этого района. На правом берегу Днестровского лимана поселений нет. В эту эпоху хора Тиры состояла, вероятно, из наделов граждан. В IV—III вв. до н. э. на правом берегу лимана появилось несколько сельскохозяйственных поселений, что нужно связать с развитием не столько местных племен, сколько Тиры. В конце III в. до н. э. вследствие общего кризиса в Северо-Западном Причерноморье эти поселения исчезают. В первых веках нашей эры, до готского нашествия, сельскохозяйственной округи у Тиры не было. Известно лишь одно поселение с могильником Молога II. Вероятно, местное население враждебно относилось к Тире, где размещались римский гарнизон и администрация. После готского разгрома характер жизни Тиры не совсем ясен. Возможно, ее развалины были обжиты варварами. Поселений этого времени, тяготеющих к Тире, пока не обнаружено (следы только одного у с. Шабо). В ходе обсуждения доклада Д. Б. Шелов отметил плодотворную работу авторов по обобщению всех известных материалов о сельскохозяйственной округе античной Тиры. В. В. Кропоткиным высказано убеждение, что и после 30-х годов III в. н. э. жизнь в Тире продолжалась, часть громадного римского импорта попадала к носителям черняховской культуры, скорее всего через Ольвию и Тиру.

Некоторые аспекты этнической истории Северо-Западного Причерноморья были затронуты в докладах И. Т. Никулицэ, В. В. Кропоткина.

В докладе И. Т. Никулицэ «Северные фракийцы по письменным и археологическим источникам (К вопросу об этногенезе гетов и даков)», опровергается распространенный в литературе тезис об одновременности существования гетов и даков еще в IV—III вв. до н. э. Сопоставление письменных и вещественных источников позволило автору установить, что северофракийские племена гетов и даков образовались на единой основе культур позднефракийского гальштата, но в разное время (геты в VI—V вв. до н. э., а даки — в III в. до н. э.) и на отдельных, правда, соседних территориях (геты в Балкано-Днестровском регионе, а даки — в Карпатском бассейне). В ходе обсуждения доклада Д. Б. Шелов отметил, что выводы автора базируются на тщательном анализе источников и заслуживают доверия.

В докладе В. В. Кропоткина «Черняховская культура и готы», основанном на комплексном использовании письменных и вещественных источников, черняховская археологическая культура связывается с союзом готских племен, складывающимся в III в. н. э. на территории современных Молдавии и Украины. Локальные варианты черняховской культуры объясняются докладчиком этнической и социально-экономической неоднородностью племен, входивших в состав готского племенного союза. В III в. н. э. группы черняховского населения проникали в Тиру, Ольвию, Херсонес, Юго-Западный Крым, на Боспор, что нашло отражение как в вещественном материале, так и в появлении обряда трупосожжения. По мнению В. В. Кропоткина, появление в некоторых районах черняховской культуры укрепленных поселений как местопребывания знати, дружин, социальная дифференциация, наследственность королевской власти показывают, что готское общество в целом созрело для перехода к государственности. Основные положения доклада поддержал в своем выступлении Д. Б. Шелов, отметивший давно назревшую необходимость картировать местоположение готского племенного союза и возможности для этого, вытекающие из концепции В. В. Кропоткина.

С причерноморской тематикой связан и доклад С. Д. Крыжицкого «Особенности эллинистического домостроительства северопричерноморского региона». Докладчик прослеживает формирование в архитектурном строительстве Северного Причерноморья двух направлений — античного, представлявшего собой дальнейшее развитие греческих традиций Средиземноморья и греко-варварского, возникшего под действием местных традиций. Определяющим в домостроительстве Северного Причерноморья признается второе направление с такими характерными для него чертами, как варварские в своей основе тип и конструкция сооружения в сочетании с античными традициями в приемах строительной техники, декоре, использовании ордера. Докладчик пришел к выводу, что домостроительство в Северном Причерноморье было подчинено общему для эллинистической культуры процессу активного взаимодействия античных и варварских традиций.

Подводя итоги работы конференции, руководители секций Г. А. Кошеленко и Д. Б. Шелов отметили большие успехи, достигнутые советскими археологами в исследовании памятников античной эпохи. В рекомендациях, принятых конференцией, среди основных направлений, на которых полезно концентрировать внимание специалистов, отмечались такие проблемы, как социальная структура и развитие производства в античных государствах Северного Причерноморья, Римская империя и Причерноморье, римское влияние на экономику, социально-политический строй и культуру античных государств Причерноморья. В целях координации научных исследований на конференции был поставлен вопрос о создании проблемного научного совета по античной истории и археологии Причерноморья, об улучшении издательских перспектив, о регулярном проведении всесоюзных конференций по проблемам античной истории и археологии.

В. А. Латышева, В. Ф. Мещеряков

ЛИТЕРАТУРА

1. Программа Всесоюзной научной конференции «Проблемы античной истории и классической филологии», 6—8 февраля 1980 г. Харьков, 1980.
2. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Проблемы античной истории и классической филологии», 6—8 февраля 1980 г. Харьков, 1980.

О СИМПОЗИУМЕ «ПРОБЛЕМЫ ВЕЛЬБАРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ» В СЛУПСКЕ (ПОЛЬША)

Симпозиум, посвященный проблемам изучения так называемой культуры вельбаркской, состоялся в сентябре 1979 г. в г. Слупске на базе местной Высшей школы педагогичной. В последние годы этот небольшой городок в средней части Польского Поморья превращается благодаря усилиям коллектива школы, и особенно стараниями доцента Тадеуша Малиновского, в один из центров польской археологической науки. В 1977 г. здесь проходила конференция по поморской культуре, материалы которой уже увидели свет [1]. Теперь — по культуре вельбаркской.

Ведущие вельбаркские памятники, в том числе и ставший эпонимом Вилленберг — Вельбарк — Госцишево, известны уже давно. Их иногда объединяли под не очень удачным названием «культура гото-гепидская», а иногда включали в состав

оксывской культуры. Оформление понятия «вельбаркская культура» как специфического археологического явления произошло сравнительно недавно, после работ К. Годловского [2], Р. Волонгевича [3] и некоторых других. К. Годловский предложил термин «культура восточно-поморско-мазовецкая», а Р. Волонгевич — «культура вельбаркская» с двумя стадиями: вельбаркско-любовидзской и вельбаркско-цецельской. Ныне наименование «культура вельбаркская» стало общепринятым.

Доклады, прочитанные на симпозиуме, по своей тематике образуют три группы. Заседания первого дня были посвящены наиболее общим вопросам и комплексной характеристике обсуждаемой культуры. Выступление Тадеуша Малиновского «Введение в проблематику культуры вельбаркской» касалось истории изучения, трактовок и споров, существовавших в старой немецкой и в польской науке.

В совместном докладе К. Годловского и Е. Окулича «Культурные области Средней Европы в римское время» была сделана попытка обрисовать общую культурно-историческую ситуацию и ее перемены в течение римского времени. Проводилась также мысль о том, что вельбаркская культура и передвижения ее носителей были своего рода эпицентром культурных изменений почти для всей Центральной и Восточной Европы.

Е. Колендо, занимающийся письменными источниками, говорил о специфике отражения в них реальности, об условности понятий «племя», «этнос» для этого времени, в частности, в том, что история племени готов и история их ведущего рода Амалов не всегда полностью совпадают и их отождествление может приводить к некоторому искажению исторической картины.

С интересом участники симпозиума выслушали большой и местами спорный доклад Р. Волонгевича. Он критически проанализировал круг источников, так или иначе связанный с вельбаркской культурой и с историей пребывания готов в Поморье. Доклад его содержал археологическую, историческую, антропологическую и филологическую части. В каждой из них критика источников проводилась независимо от других. Сопоставлялись лишь результаты.

В археологической части весьма важными представляются хронологические разработки. Опираясь на горизонтальную стратиграфию больших могильников, в частности в Любовидзе, Р. Волонгевичу удалось подразделить ступень B_2 римского времени (70—170 гг.) на ряд подфаз. Подфаза B_{2a} охватывает последнюю четверть I в. н. э. Основным диагностирующим признаком ее являются глазчатые фибулы прусской серии. Подфаза B_{2b} — первая половина II в. н. э.— с диагностирующими фибулами Альмгрен 38—39. Подфаза B_{2c} включает погребения второй половины II в. н. э. с фибулами Альмгрен 127—128, Альмгрен 80 и Альмгрен 88. Переходная фаза B_2/C_1 датируется им последней четвертью II в.

Разработка дробной хронологии позволила Р. Волонгевичу проследить интересные моменты в истории расселения носителей вельбаркской культуры. Он различает шесть районов, история заселения которых неидентична. Если в низовьях Вислы и на Кашубском побережье до Эльблонгской возвышенности можно проследить непрерывную эволюцию от ступени A_1, (т. е. от позднелатенского времени) до эпохи переселения народов, то район Дравска был заселен несколько позже, в A_2, и покинут несколько раньше, на ступени B_2/C_1. Если в поозерьях Кашубском и Краенском носители вельбаркской культуры появились с вещами подфазы B_{2a} и с элементами, связывающими их культуру со Скандинавией, то в Илавском и Ольштинском — чуть позже, в B_{2b}. В правобережную Мазовию и Подлясье, а также на Волынь и в Полесье вельбаркцы проникают еще позже, на ступени C_1.

В лингвистической части Р. Волонгевич, рассмотрев дискуссию между сторонниками «длинной» и «короткой» хронологии глотогенических процессов, находит более убедительной аргументацию сторонников «короткой» хронологии. По их данным, распад балто-славянской языковой общности происходит не во II тысячелетии до н. э., а значительно позже, первая палатализация заднеязычных приходится не на конец I тысячелетия до н. э., а на V—VI вв. н. э., монофтонгизация дифтонгов — не на начало нашей эры, а на VI в. н. э., вторая палатализация — не на первую половину I тысячелетия, а на VII в., распад общеславянского языка — не на III—IV вв. н. э., а на последние столетия I тысячелетия н. э.

В исторической, точнее, в этногеографической части своего доклада Р. Волонгевич следует традиционной точке зрения познанской школы и размещает венетов Плиния, Тацита и Птолемея на территории Польши, в частности в Поморье. Но, исходя из позиций лингвистов, считает их не славянами, а исчезнувшим индоевропейским народом, возможно, родственным иллирийцам и венетам Северной Италии.

А поскольку культура вельбаркская представляет собой соединение элементов пришлых, скандинавских, и местных, оксывских, то вклад последних можно рассматривать как вклад венетский. Такова упрощенная схема основных рассуждений Р. Волонгевича.

Что касается его хронологических разработок, то они нашли прекрасное подтверждение в хронологии могильника Прущ-Гданьский. Это продемонстрировал в своем докладе М. Петшак.

В заключение этого дня заседаний К. Годловский сделал доклад о тех изменениях в культуре и в распространении населения, которые происходили в области вельбаркской культуры в эпоху переселения народов, в V—VI вв. н. э.

Второй день заседаний был посвящен докладам, в которых рассматривались проблемы соотношения вельбаркской культуры с соседними. Т. Домбровская говорила о соотношении ее с пшеворской культурой на территории Мазовии и Подлясья, а Х. Махаевский — на территории Великопольши. Окулич сделал доклад о своеобразной нидицкой группе пшеворской культуры, расположенной на северо-восточном пограничье пшеворского ареала и испытывавшей влияние западных балтов, оксывской и вельбаркской культур, а к концу стадии C_1 исчезнувшей и заменившейся, как это произошло и в Мазовии, собственно вельбаркскими памятниками. О соотношении вельбаркской культуры и культуры западных балтов, подчеркнув их различия, рассказал Ян Ясканис.

М. Б. Щукин сделал доклад «Памятники вельбаркские и культура Черняховская». Докладчик пытался показать, что вельбаркские памятники на территории СССР, именуемые часто в советской археологической литературе как памятники типа Брест — Тришин — Дытыничи, с точки зрения хронологии неоднородны. Можно выделить две волны проникновения носителей вельбаркской культуры на юго-восток: брест-тришинскую (Брест-Тришин, Любомль, Городок, Пересыпки) и дытыничскую (Дытыничи, Ромош, Козья-Яссы). Первая относится к ступени C_{1a} (конец II — начало III в. н. э.), а вторая — к C_{1b} (30—70-е годы III в.). Если первая имела место еще до возникновения черняховской культуры, то вторая — в то время, когда уже существовали ранние черняховские памятники с пшеворско-вельбаркскими элементами (типа Ружичанка — Раковец — Привольное и так называемая волынская группа).

Наконец, третья серия докладов симпозиума в Слупске касалась характеристики тех или иных элементов самой вельбаркской культуры. Л. И. Крушельницкая сообщила о раскопках поселения Ромош на Западном Буге. К. Валента сделал попытку классификации погребальных обрядов, а Ю. Гладыковска-Жечицка и Ф. Рожновски в совместном докладе рассказали о результатах антропологических исследований. Е. Майк исследовал остатки тканей, встречающихся в небольших фрагментах в некоторых вельбаркских погребениях.

Два доклада, М. Сайковской и М. Мончиньской, были посвящены женскому костюму вельбаркцев. Если в первом делались попытки реконструкции одежды исходя из положения в могилах фибул, пряжек, наконечников поясов и т. д., то во втором проводилось сопоставление этих элементов для вельбаркско-любовидзских, вельбаркско-цецельских и черняховских памятников, отмечалось их сходство и различие.

Поскольку, как уже указывалось, понятие «культура вельбаркская» выкристаллизовалось совсем недавно, представившаяся возможность встречи специалистов, так или иначе занимающихся ею, возможность обсудить все вопросы в публичной дискуссии или в кулуарах, была очень важна и своевременна. В этой связи важно отметить не только то, что активно обсуждалось, но и то, с чем говорилось мало, что, очевидно, казалось участникам симпозиума достаточно самоочевидным. Не возникало уже споров о терминологии, о названии. Не было особых споров о хронологии, выводы о хронологическом членении Р. Волонгевича для могильника в Любовидзе, М. Петшака для Пруща-Гданьского и Т. Домбровской для пшеворского могильника Каменчик совпадали почти полностью. Двоякость вельбаркской культуры — наличие преемственности отдельных ее групп с субстратной оксывской культурой и присутствие элементов, связывающих ее непосредственно со Скандинавией или с более широким кругом северо-европейских культур,— тоже не вызывала особого сомнения. Тезис о продвижении носителей вельбаркской культуры в юго-восточном направлении — в Мазовию, Подлясье, а затем на Волынь, Украину и в Молдову — прозвучал в ряде докладов и не вызвал специальных возражений. Нет сомнений и в том, что в составе ее носителей были представители племени готов, хотя на сегодняшнем уровне знаний определить племенную принадлежность памятников — которые из них оставлены собственно готами, которые — гепидами, ульмеругами, ругиями, лемовиями, видивариями или другими племенами — еще не представляется возможным. Возможно, не все племена или их союзы были зафиксированы античными авторами. Такая позиция была тоже достаточно общей для большинства участников.

В свете сказанного возникает один вопрос, на который материалы симпозиума пока не дают ответа. Имеющиеся на сегодня археологические материалы достаточно совпадают с легендарно-исторической традицией Аблавия — Кассиодора — Иордана о прибытии готов и гепидов из Скандинавии и их движении в страну Ойум, к Черному морю. Скандинавские элементы вельбаркской культуры, наиболее отчетливо выраженные в погребальном обряде, выявляются со ступени B_2, т. е. с 70-х годов I в. н. э. Но Тацит знал готонов и раньше. В 19 г. н. э. призванный римлянами молодой готон Катуальда со своей дружиной нанес последний удар по варварской державе Маробода, центр которой находился в современной Чехии. Как показали работы Я. Тейрала [4] и Р. Волонгевича [5], эти события и последовавшее за ними создание «буферного государства» Ванния в юго-западной Словакии изменили ситуацию в Центральной Европе, что выразилось, в частности, в распределении римских импортов, «чешская волна импортов» сменилась «словацкой». Не исключено, что археологическое выражение готонов Катуальды следует искать в среде памятников ступени B_1 в Западном Поморье, поскольку «чешская волна импортов» представлена лишь на этой территории, но не восточнее.

Приведенный пример показывает, что далеко не все вопросы, связанные с исторической интерпретацией вельбаркской культуры, уже нашли свое решение. Но ясно, что проведенный в Слупске симпозиум был важным шагом на пути их решения. Следующим важным шагом будет выход в свет трудов этого симпозиума, когда исследователи получат своего рода коллективную монографию о современном состоянии изучения этой интересной культуры и смогут пойти дальше.

М. Б. Щукин

ЛИТЕРАТУРА

1. Problemy kultury Pomorskiej. Koszalin, 1979.
2. *Godlowski K.* The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków. 1970, p. 31—42.
3. *Wolagiewicz R.* Zagadnienie stylu wczesnorzymskiego w kulturze wielbarskiej.— In: Studia Archaeologica Pomeranica. Koszalin. 1974.
4. *Tejral J.* Zur Chronologie der älteren römischen Kaiserzeit im Lichte mährischer und westslowakischer Bodenfunde.— In: Zbornik filosofickei fakulty Univerzity Komenskego. Bratislava. 1969. Roc. XX(XIX).
5. *Wolagiewicz R.* Naplyw importów rzymskich do Europy na pólnoc od srodkowego Dunaju.— AP, 1970, t. V, Z. 1.

ПАМЯТИ КОНСТАНТИНА ФЕДОРОВИЧА СМИРНОВА

Советская археологическая наука понесла тяжелую утрату. 8 октября 1980 г. скончался Константин Федорович Смирнов, ведущий специалист в области скифо-сарматской археологии, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии АН СССР.

К. Ф. Смирнов родился в семье сельских учителей 28 июля 1917 г. в селе Ненашево Алексинского уезда Тульской губернии. После окончания средней школы в 1935 г. он поступил на Исторический факультет Московского Института истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского, который окончил в 1940 г. по отделению археологии. Там же Константин Федорович начал свои аспирантские занятия, которые были прерваны войной. Закончить аспирантуру ему удалось только в 1944 г. уже при кафедре археологии Истфака МГУ. В 1946 г. Константин Федорович защитил кандидатскую диссертацию на тему «Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья», а в 1965 г.— докторскую — «Савроматы».

С 1938 г., еще будучи студентом, К. Ф. Смирнов начал работать учителем истории в средней школе. Его преподавательская деятельность в различных школах Москвы продолжалась до 1944 г., когда он был принят на должность научного сотрудника во второй археологический отдел Государственного Исторического музея. С 1 декабря 1946 г., с момента организации сектора скифо-сарматской археологии ИИМК, Константин Федорович становится научным сотрудником Института. Интересы Константина Федоровича в ГИМе и в Институте археологии были сосредоточены на изучении археологии и истории сарматов. Именно с этой проблематикой связана вся научная и полевая деятельность К. Ф. Смирнова, проводившего, начиная с 1947 г., раскопки археологических памятников в Прикубанье, Дагестане, на Украине, в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье. Тщательность работы и точность методики делают материалы из его раскопок достоверным историческим источником. До последних дней своей жизни Константин Федорович очень любил экспедиционные исследования и своим энтузиазмом, неиссякаемым интересом к полевой деятельности заражал всех участников экспедиции. Будучи прекрасным полевым работником, он воспитал не один десяток молодых археологов, научив их современной полевой методике и привив им бережное отношение к памятникам.

Константином Федоровичем опубликовано около 100 научных трудов, в том числе крупные монографии: «Вооружение савроматов», «Савроматы», «Савроматские памятники Нижнего Поволжья и Южного Приуралья», «Сарматы на Илеке». Все они отличаются высоким научным уровнем, глубиной анализа и обоснованностью исторических выводов.

В книге «Савроматы» впервые подведены итоги изучения огромных археологических материалов, значительная часть которых была добыта в результате раскопок, проводимых под его руководством. В ней затронут круг проблем, связанных с древней историей кочевых племен, населявших Нижнее Поволжье и Южное Приуралье. Глубокий и всесторонний анализ материальной культуры этих племен дал возможность автору приступить к решению вопроса о происхождении, социально-экономическом развитии и духовной жизни исследуемого им кочевого общества. Столь же важны и интересны остальные монографии К. Ф. Смирнова, где вводится в научный оборот большой археологический материал и дается его обоснованная интерпретация. Многочисленные статьи К. Ф. Смирнова касаются широкого круга вопросов — это и исследование различных категорий вещей, и анализ письменных источников, и различные аспекты изучения этнической и социальной истории савромато-сарматов. Во всех своих работах К. Ф. Смирнов показал себя как исследователь, решающий крупные научные проблемы по древней истории народов СССР.

Константин Федорович принимал самое активное участие в археологических конференциях, симпозиумах, совещаниях. Доклады его отличались широтой и важностью поставленных задач.

Много сил и времени Константин Федорович отдавал руководству аспирантами по самой разнообразной тематике археологии раннего железного века — от Северного Кавказа до Алтая. Многие из них успешно защитили кандидатские диссертации и плодотворно работают сейчас в разных городах и республиках Советского Союза.

Константин Федорович Смирнов был удивительно жизнелюбивым и жизнерадостным человеком, всегда проявлявшим живой интерес к делам сектора, института, ко всему происходящему. Добрый и отзывчивый человек, он привлекал сердца людей, особенно молодежи, которая всегда находила у него совет и дружескую поддержку.

Все, кто знал Константина Федоровича, учился у него и работал с ним, навсегда сохранят о нем добрую память.

А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ — Антропологическая выставка 1879 г.
АК — Археологическая комиссия
АН — Архитектурное наследство
АП — Археологічн пам'ятки УРСР. Київ
АС — Археологический съезд
АСб. ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭБ — Археология и этнография Башкирии
АЭТ — Археология и этнография Татарии. Казань
ВИМК — Вестник мировой культуры
ВССА — Кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954
ГМИНВ — Государственный музей искусства народов Востока. М.
ДБК — Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854
ДЧИ — Древности Чечено-Ингушетии
ЕКМ — Евпаторийский краеведческий музей
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.
ИАДК — Кн.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИ АН Азерб. ССР — Институт истории АН Азерб. ССР. Баку
ИОЛЕАЭ — Известия Общества любителей естествознания, археологии и этнографии
ИРАО — Известия Русского археологического общества
ИТОИАЭ — Известия Таврического Общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КФАН — Казанский филиал АН СССР
ЛОИЭ — Ленинградское отделение Института этнографии
Мадара — Мадара. Разкопки и проучвания, кн. 1. София, 1914
МАА — Материалы по археологии Адыгеи
МАЕСВ — Материалы по археологии европейского Северо-Востока
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МДАПВ — Матеріали дослидження з археології Прикарпаття и Волині
НАА — Народы Азии и Африки. М.
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОИПК ГЭ — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане
ПГУ — Пермский гос. университет
ПСА — Проблемы скифской археологии
РБС — Русский биографический словарь
РГО — Русское географическое общество
САИ — Свод археологических источников
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СКНЦВШ — Северо-Кавказский научный центр высшей школы. Ростов-на-Дону
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СХМ — Сообщения Херсонесского музея. Симферополь
ТЗС — Труды по знаковым системам (уч. зап. Тартуского гос. университета)
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР
ТМАО — Труды Московского археологического общества
ТОАМ — Труды Отдела античного мира Гос. Эрмитажа, т. 1. Л., 1945
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
УАС — Уральское археологическое совещание
УЗ ЛГУ — Ученые записки Ленинградского гос. университета
ХСб.— Херсонесский сборник
AmA — American Antiquity. Menasha — Salt Lake City
AP — Archeologia Polski. Wroclaw — Warszawa — Kraków — Gdańsk
Cl. Rhodos — Clara Rhodos. Studi e materiali pubblicati a cura dell'Instituto storico — archeologico di Rhodi, 1928—1944
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
Hesperia — Hesperia. Journal of the American School of Classical Studies at Athens
IOSPE — V. Latyshev. Insriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae
JHS — Journal of Hellenic Studies. London
Olynthus — Excavations at Olynthus. Baltimore
PZ — Prähistorische Zeitscrift. Berlin